

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

# ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2015

№ 2  
(52)

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

**Симоненко А.В.**, доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**

**Ильяшенко А.Н.**, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**

**Аврутин Ю.Е.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский университет МВД России;

**Антоян Ю.М.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

**Баев О.Я.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

**Борчашвили И.Ш.**, доктор юридических наук, профессор, Республика Казахстан;

**Волков Ю.Г.**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет;

**Гилинский Я.И.**, доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры РФ;

**Голик Ю.В.**, доктор юридических наук, профессор, Европейский институт JUSTO;

**Головненков П.В.**, доктор права, Потсдамский университет (Германия);

**Зайцев О.А.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московская академия экономики и права;

**Ищенко Е.П.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

**Камышанский В.П.**, доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

**Кибальник А.Г.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет;

**Клейберг Ю.А.**, доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;

**Курдюк П.М.**, доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края;

**Ларичев В.Д.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

**Лукашов А.И.**, кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь;

**CHIEF EDITOR**

**Simonenko A.V.**, Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

**DEPUTY CHIEF EDITOR**

**Ilyashenko A.N.**, Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

**EDITORIAL COUNCIL:**

**Avrutin Yu.E.**, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the St. Petersburg University of the Russian MIA;

**Antonyan Yu.M.**, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the National Research Institute of the Russian MIA;

**Baev O.Ya.**, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

**Borchashvily I.Sh.**, Doctor of Law, Professor, the Republic of Kazakhstan;

**Volkov Yu.G.**, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Southern Federal University;

**Gilinsky Ya.I.**, Doctor of Law, Professor, the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation;

**Golik Yu.V.**, Doctor of Law, Professor, the European Institution JUSTO;

**Golovnenkov P.V.**, Doctor of Law, the Potsdam University (Germany);

**Zaitsev O.A.**, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow Academy of Economics and Law;

**Ishchenko E.P.**, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

**Kamyshansky V.P.**, Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

**Kibalnik A.G.**, Doctor of Law, Professor, the North Caucasian Federal University;

**Klayberg Yu.A.**, Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, the Moscow State Regional University;

**Kurdyuk P.M.**, Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region;

**Larichev V.D.**, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the National Research Institute of the Russian MIA;

**Lukashov A.I.**, Master of Law, Assistant Professor, the Academy of the MIA of the Republic of Belarus;

**Мацкевич И.М.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

**Меретуков Г.М.**, доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

**Миндагулов А.Х.**, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби;

**Наумов А.В.**, доктор юридических наук, профессор, Российская правовая академия Министерства юстиции РФ;

**Подшибякин А.С.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России;

**Понятовская Т.Г.**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

**Пудовочкин Ю.Е.**, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия;

**Рарог А.И.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

**Рассказов Л.П.**, доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет;

**Сапрунов А.Г.**, доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

**Стариков Ю.Н.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

**Тупанчески Н.**, доктор юридических наук, профессор, Университет «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония);

**Хелльманн У.**, доктор права, профессор, Потсдамский университет (Германия);

**Шалин В.В.**, доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет.

**Matskevich I.M.**, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

**Meretukov G.M.**, Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

**Mindagulov A.Kh.**, Doctor of Law, Professor, the Kazakh National University of Al-Faraby;

**Naumov A.V.**, Doctor of Law, Professor, the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation;

**Podshibiyakin A.S.**, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry;

**Ponyatovskaya T.G.**, Doctor of Law, Professor, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

**Pudovochkin Yu.E.**, Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice;

**Rarog A.I.**, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

**Rasskazov L.P.**, Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University;

**Saprunov A.G.**, Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

**Starilov Yu.N.**, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

**Tupanchesky N.**, Doctor of Law, Professor, the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia);

**Hellmann U.**, Doctor of Law, Professor, the Potsdam University (Germany);

**Shalin V.V.**, Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University.

## ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

**Палазян А.С.** Феноменологическая трансформация понятий «экстремизм» и «терроризм» и вопрос об адекватном освещении проблематики

**Соломин В.П., Сморгунова В.Ю.** Правовые основы патриотического воспитания несовершеннолетних и молодежи как фактор укрепления духовного потенциала населения России

**Городенцев Г.А.** Противостояние терроризму как социальному явлению посредством стратегии институциональной стабилизации

**Калинина Е.Ю.** Создание негативного мифологического образа Филипа II Испанского как средство формирования политического и правового сознания в Новое время

## КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

**Упоров И.В., Кузовлева Г.В.** Представительство народа (населения) в органах публичной власти: сущность и политико-правовая характеристика

**Бондарева Е.А.** Роль конституционной экономики в формировании политики современного государства

**Харитонов И.К.** Проблемы правового регулирования государственной службы в Российской Федерации

**Нехай А.Ю.** Уставное регулирование муниципально-правовых отношений в России: становление и историческое развитие современного состояния

## ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

**Улаева Н.Л.** Российские медицинские услуги: специфика и проблемы правового регулирования

**Багметов В.В.** Инструменты государственно-частного партнерства в жилищно-строительном комплексе и их совершенствование

## ЭКОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ПРАВООХРАНЫ

**Фоменко В.Л.** Правовое регулирование объектов животного мира

## УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

**Кибальник А.Г.** Об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних

**Щербакоева Л.М., Белая О.П.** Женское и мужское криминальное насилие: компаративный анализ

**Кашоида В.В.** Уголовно-правовое регулирование деяний, причиняющих вред половой неприкосновенности несовершеннолетних лиц, с учетом возрастного признака

## 9 THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

9 **Palazyan A.S.** Phenomenological transformation of concepts «extremism» and «terrorism» and the question of adequate coverage of problematics

13 **Solomin V.P., Smorgunova V.Yu.** The legal basis of patriotic education of minors and youths as a factor of the spiritual potential consolidation in Russia

20 **Gorodentsev G.A.** Countering terrorism as a social phenomenon through a strategy of institutional stabilization

24 **Kalinina E.Yu.** The creation of the negative mythological image of Philip II of Spain as a tactics of the political and legal consciousness formation in the Modern Period

## 30 CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

30 **Uporov I.V., Kuzovleva G.V.** Representation of the people (population) in the public authorities: the essence and political and legal characteristics

35 **Bondareva E.A.** Role of the constitutional economy in formation of policy of the modern state

40 **Haritonov I.K.** Problems of legal regulation of public service in the Russian Federation

45 **Nehay A.Yu.** Statutory regulation of municipal and legal relations in Russia: formation and historical development of the modern state

## 50 CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS

50 **Ulaeva N.L.** Russian medical services: specificity and problems of legal regulation

55 **Bagmetov V.V.** Tools of public-private partnership in the housing and construction industry and their improvement

## 59 ECOLOGY: RIGHT PROTECTION QUESTIONS

59 **Fomenko V.L.** Legal regulation of objects of wildlife

## 63 CRIMINAL POLICY: THEORY AND PRACTICE

63 **Kibalnik A.G.** On peculiarities of criminal responsibility and punishment for minors

69 **Scherbakova L.M., Belaya O.P.** Male and female criminal violence: a comparative analysis

76 **Kashoida V.V.** Criminal and legal regulation of the acts doing harm to sexual inviolability of minors taking into account an age sign

<i>Коростылев О.И.</i> Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного массового мероприятия: отдельные аспекты правовой регламентации	79	<i>Korostilev O.I.</i> Repeated violation of the established order of the organization or conduct of a public event: selected aspects of legal regulation
<i>Савенко И.А.</i> Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка	82	<i>Savenko I.A.</i> Problems of qualification of murder by the mother of the newborn child
<i>Сокол Е.В., Сокол Ю.В.</i> О необходимости гендерного подхода в уголовной политике	87	<i>Sokol E.V., Sokol Yu.V.</i> About the need of gender approach for a criminal policy
<i>Шибков О.Н., Байрамуков Р.Б.</i> О понимании освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	93	<i>Shibkov O.N., Bairamukov R.B.</i> On understanding of releasing from criminal responsibility by norms of Special part of the Criminal code of the Russian Federation
<i>Тарасенко Г.В.</i> Добровольность как обязательный признак освобождения от уголовной ответственности	97	<i>Tarasenko G.V.</i> Voluntariness as mandatory feature of exemption from criminal liability
<i>Кустова В.В.</i> Понятие, система и общая характеристика преступлений, связанных с финансированием	102	<i>Kustova V.V.</i> The concept, the system and the general characteristics of the crimes related to financing
<i>Асланян Р.Г.</i> Взаимосвязь признаков субъекта преступления и информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности	108	<i>Aslanyan R.G.</i> Relationship of signs of the subject of the crime and information as an object of crime in the sphere of economic activity
<i>Марина А.А.</i> Ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей в нормах международного и зарубежного законодательства	111	<i>Marina A.A.</i> Responsibility for malicious evasion from payment of alimony on the maintenance of minor children and disabled parents in norms of international and foreign legislation
<i>Хамтаку Р.Ш.</i> Общественная опасность и малозначительность деяния в уголовном праве: проблемы толкования и юридического закрепления	117	<i>Khamtakhu R.Sh.</i> Public danger and insignificance of act in criminal law: problems of interpretation and legal fastening
<b>ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ</b>	120	<b>THE PREVENTION OF CRIMINALITY</b>
<i>Антонян Ю.М.</i> Бессознательное в корыстном преступном поведении	120	<i>Antonyan Yu.M.</i> Unconscious in mercenary criminal behavior
<i>Игнатов А.Н., Ильянович Е.Б.</i> Методологические основы исследования преступности	129	<i>Ignatov A.N., Ilyanovich E.B.</i> Methodological grounds of studying crime
<b>УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО</b>	134	<b>CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS</b>
<i>Григорьев В.Н., Терехов А.Ю.</i> Научный комментарий некоторых оснований заключения под стражу	134	<i>Grigoryev V.N., Terekhov A.Yu.</i> Scientific commentary of some basis of detention
<i>Адаменко И.Е.</i> К вопросу о здравом смысле разрешения проблемы повышения качества реализации уголовно-процессуального закона	138	<i>Adamenko I.E.</i> To the issue of common sense of solving the problem of improvement of quality of implementation of criminal procedure law
<i>Башинская И.Г.</i> К вопросу о дифференциации форм дознания в уголовном судопроизводстве России	143	<i>Bashinskaya I.G.</i> To the question of differentiation of forms of inquiry in Russian criminal proceedings
<i>Гончаренко А.И.</i> Условия экстрадиции	146	<i>Goncharenko A.I.</i> Conditions of extradition
<i>Дмитриева А.А.</i> Проблемы применения мер государственной защиты и обеспечения безопасности участников процесса в стадии возбуждения уголовного дела	150	<i>Dmitrieva A.A.</i> Problems of application of measures of state protection and safety of participants of the process at the stage of initiating of a criminal case

- Натура Д.А.** Информационные технологии в уголовном судопроизводстве и их роль в процессе доказывания по уголовным делам 156
- Натура D.A.** Information technologies in criminal legal proceedings and their role in the course of proof on criminal cases
- Таран А.С.** Отвод адвоката в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации 161
- Taran A.S.** Challenge of a defender in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation
- Кабанцов Ю.Н.** Сущность и формы дознания в российском уголовном процессе 167
- Kabantsov Yu.N.** Essence and forms of inquiry in the Russian criminal trial
- Науменко О.А.** Нормативная основа обеспечения прав личности в сокращенной форме дознания 172
- Naumenko O.A.** Regulatory framework to ensure the rights of individuals in an abbreviated form of inquiry
- Солодкая В.И.** К вопросу о праве каждого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения 176
- Solodkaya V.I.** To the question of the right of everyone to be informed in detail about the nature and cause of the charge against him
- Цинова М.В.** О некоторых вопросах заявления подозреваемого ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме 181
- Tsinova M.V.** On some issues of application of a suspected request for the inquiry in an abbreviated form
- РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 185**
- DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES 185**
- Антонов И.А., Узгорская И.А.** Влияние информации, предоставленной операторами сотовой связи, на раскрытие и расследование различных категорий преступлений 185
- Antonov I.A., Uzgorskaya I.A.** Influence of the information provided by cellular operators on the disclosure and investigation of various categories of offenses
- Брылев В.И.** Осмотр места происшествия по имущественным преступлениям 190
- Brylev V.I.** Inspection of scene on property crimes
- Лозовский Д.Н.** Актуальные вопросы взаимодействия средств массовой информации с правоохранительными органами в процессе расследования преступлений 194
- Lozovsky D.N.** Actual questions of interaction of mass media with law enforcement bodies in the process of investigation of crimes
- Дрога А.А., Першин С.П.** Расчет доли не полностью исчисленных и уплаченных налогов в ходе экспертного исследования объектов преступлений, предусмотренных статьей 199 Уголовного кодекса Российской Федерации 197
- Droga A.A., Pershin S.P.** The share calculation of unpaid taxation is according to the article 199 of the Criminal code of the Russian Federation using expertizing investigation
- Еремченко В.И.** Проблемы установления стоимостной оценки ущерба, причиненного незаконной предпринимательской деятельностью в сфере оборота сельскохозяйственной продукции 203
- Eremchenko V.I.** Problem of establishing valuation of the damage caused with illegal business activities in the sphere of circulation of agricultural products
- Титова К.А.** Типичные сведения о способе совершения хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства 206
- Titova K.A.** Typical information about way of committing theft in the housing and communal services
- Федорович Д.Ю., Важенин В.В.** Некоторые особенности оказания противодействия раскрытию и расследованию конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности 211
- Fedorovich D.Yu., Vazhenin V.V.** Some peculiarities of counteraction to detection and investigation of conventional crimes against personal freedom
- Антонов И.Ю.** Некоторые направления совершенствования оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение», проводимого с применением технических средств 217
- Antonov I.Yu.** Some directions of improvement of operative search event «watching» with using technical means
- Медведева С.Н.** Значение причинно-следственной связи в формировании идеальных следов преступления 220
- Medvedeva S.N.** The importance of causality in the formation of perfect restages of crime

**СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ  
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

**Норец А.М.** К вопросу о мерах прокурорского реагирования на нарушения законодательства о противодействии коррупции

**ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ  
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЯ  
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Долгополов А.А., Белоконь А.В.** О некоторых аспектах совершенствования информационного обеспечения организации деятельности органов внутренних дел в сфере контроля за оборотом оружия

**Гусев А.В.** Историко-правовые предпосылки формирования экспертно-криминалистической службы полиции России

**Джемелинский В.А.** Актуальные вопросы совершенствования планирования в деятельности участкового уполномоченного полиции

**Петров В.И., Пилюгина Т.И.** Организация действий правоохранительных органов по обеспечению правопорядка на территории Краснодарского края – основа стабильного взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом

**Ударцев С.Ю.** О методическом обеспечении российского уголовного сыска в XIV–XVII веках

**Вечерникова Д.В.** Некоторые аспекты контрольно-надзорной деятельности при инспектировании подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО  
И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС**

**Долгополов А.А.** О некоторых аспектах административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел

**Жеребцов А.Н.** Современные проблемы совершенствования системы и структуры современного административного права

**Ищенко С.А.** Правовые аспекты коррупции в спортивном движении

**Хахалева Е.В.** Некоторые новеллы административного судопроизводства в Российской Федерации

**Зиборов О.В.** Режимы «усиленной охраны» и «чрезвычайной охраны» и их соотношение с административно-правовым режимом военного положения

**Подгайный А.М., Шиенкова А.С.** Отдельные вопросы освидетельствования водителей транспортных средств на состояние алкогольного опьянения

**Анохина Н.В., Елфимов С.Л.** Вопросы привлечения специалиста в производство по делам об административных правонарушениях

**223 JUDICIAL AND PROSECUTORIAL  
ACTIVITIES**

**223 Norets A.M.** To a question of measures of public prosecutor's response to violations of the law of corruption counteraction

**228 LAW-ENFORCEMENT  
ACTIVITY: HISTORY  
AND PRESENT**

**228 Dolgopolov A.A., Belokon A.V.** About some aspects of improvement of information support of the organization of activity of law-enforcement bodies in the sphere of control of traffic in weapons

**232 Gusev A.V.** Historical and legal presuppositions of forming of expert forensic proceedings of Russian police

**238 Dzhemelinsky V.A.** Current issues to improve planning of a district police officer

**244 Petrov V.I., Pilyugina T.V.** Organization of law order protection on the territory of Krasnodar region by law enforcement bodies is the basis for sustainable cooperation of public authorities with civil society

**248 Udartsev S.Yu.** On methodical ensuring the Russian criminal investigation in XIV–XVII centuries

**252 Vechernikova D.V.** Some aspects of the control and supervisory activities, while inspecting the guard units of legal entities with special statutory tasks

**257 ADMINISTRATIVE LAW  
AND ADMINISTRATIVE PROCESS**

**257 Dolgopolov A.A.** About some aspects of administrative and legal regulation of activity of law-enforcement bodies

**262 Zherebtsov A.N.** Modern issues of improving the system and structure of modern administrative law

**268 Ishchenko S.A.** Legal aspects of corruption in sports movement

**273 Hahaleva E.V.** Some novels of administrative proceedings in the Russian Federation

**277 Ziborov O.V.** The modes of «the strengthened protection» and «extraordinary protection» and their ratio with an administrative legal regime of the martial law

**283 Podgaynyi A.M., Shienkova A.S.** Selected issues of examination of drivers of vehicles for alcoholic intoxication

**287 Anokhina N.V., Elfimov S.L.** Issues of attracting of specialists in the proceedings on administrative offences

<i>Карavaев А.А.</i> О системе отнесения сведений к категории «конфиденциальных» в органах исполнительной власти	290	<i>Karavaev A.A.</i> About the system classifying information as confidential in the executive branch
<i>Панфилова Л.Б.</i> Понятие и меры административного принуждения в деятельности сотрудников органов внутренних дел по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте	296	<i>Panfilova L.B.</i> Concept and measures of administrative coercion in activity of employee of the Interior to ensure public safety on water transport
<i>Руденко А.Н., Власенко Е.Е.</i> Соблюдение прав человека при производстве по делам об административных правонарушениях, совершенных лицами в состоянии опьянения	300	<i>Rudenko A.N., Vlasenko E.E.</i> Observance of human rights in the proceedings on cases about administrative offences committed by persons in a state of intoxication
<i>Смородинова Ю.С.</i> Методы осуществления государственного контроля и административного надзора органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации	304	<i>Smorodinova Yu.S.</i> Methods for implementation of state control and administrative oversight by bodies of the executive power of the constituent entities of the Russian Federation
<b>АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ</b>	310	<b>ACTUAL QUESTIONS OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS</b>
<i>Кирьянова А.А.</i> Проектная деятельность в Абботсхольмской и Бидельской школах	310	<i>Kiryanova A.A.</i> Project activity at Abbotsholme and Bedales schools
<b>ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ</b>	314	<b>QUESTIONS OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE</b>
<i>Бондаренко Г.И.</i> Основные аспекты взаимодействия местного самоуправления, властных структур и населения	314	<i>Bondarenko G.I.</i> Main aspects of the interaction between local government, authorities and the public
<i>Рудь М.Ю., Плотников В.В.</i> Современные подходы к исследованию экстремизма как социального явления	318	<i>Rud M.Yu., Plotnikov V.V.</i> Modern approaches to the study extremism as a social phenomenon
<i>Самойлов С.Ф., Саеченко М.Ю.</i> К проблеме определения места полиции в структуре правовой реальности	323	<i>Samoilov S.F., Savchenko M.Yu.</i> To the problem of determination of the place of policy in the structure of legal reality
<b>ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ</b>	327	<b>ECONOMY QUESTIONS</b>
<i>Кортiaев Т.Ю.</i> Проектирование структуры предприятия, ориентированного на внешне-экономическую деятельность	327	<i>Kortiaev T.Yu.</i> The structure designing of the enterprise oriented foreign economic activity
<b>СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ</b>	330	<b>MODERN PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION</b>
<i>Кравченко О.Г., Юзьвак С.А.</i> Особенности реализации ценностного подхода в обучении сотрудников полиции	330	<i>Kravchenko O.G., Yuzvak S.A.</i> Peculiarities of implementation of the axiological approach in training the police officers
<b>АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ</b>	334	<b>TOPICAL QUESTIONS OF SCIENCE AND PRACTICE</b>
<i>Костюченко Н.И.</i> Функция прогнозирования как общая функция управления в правоохранительной деятельности	334	<i>Kostyuchenko N.I.</i> Function of forecast as common management function in law-enforcement activity
<i>Смоляков Е.В.</i> Общественная опасность как основа криминализации преступлений, посягающих на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителей власти	339	<i>Smolyakov E.V.</i> Public danger as the basis of criminalization crimes encroaching on health, personal integrity, honor and dignity of government representatives
<b>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</b>	343	<b>INTO CONSIDERATION OF AUTHORS</b>
<b>ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК</b>	344	<b>REGISTRATION OF BIBLIOGRAPHIC REFERENCE</b>



Палазян Арутюн Сергеевич

доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор  
(тел.: +78612583414)

## *Феноменологическая трансформация понятий «экстремизм» и «терроризм» и вопрос об адекватном освещении проблематики*

В статье посредством феноменологического метода рассматриваются понятия «экстремизм» и «терроризм». Автор отмечает, что эволюция данных понятий в науке обусловлена трансформационными процессами, протекающими в современном обществе. В статье поднимается проблема согласования научного и обыденного понимания терроризма и экстремизма.

**Ключевые слова:** терроризм, экстремизм, социальные трансформации, современное общество, феноменология, адекватное информирование.

**A.S. Palazyan**, Doctor of Law, Master of Philosophy, Professor; tel.: +78612583414.

### **Phenomenological transformation of concepts «extremism» and «terrorism» and the question of adequate coverage of problematics**

The article is devoted to consideration of notions of extremism and terrorism through the phenomenological method. The author notes that the evolution of these concepts in science due to the transformational processes, taking place in the modern society. In the article raised the problem of harmonizing scientific and everyday understanding of terrorism and extremism.

**Key words:** terrorism, extremism, social transformations, modern society, phenomenology, adequate information.

**Т**ерроризм представляет собой существенную угрозу стабильности социального порядка. Вместе с тем, за время своего существования терроризм как методология политической борьбы стал значительно более сложным и организованным явлением, нежели в XIX в., откуда, по мнению ряда специалистов, терроризм как явление берет свой отсчет. Увеличение населения, рост городов, возникновение современных информационных технологий – все это в существенной мере усложнило проблему террористической угрозы и выработки адекватной методологии противодействия терроризму.

На сегодня терроризм представляет собой сложный, многосоставный феномен, рассматриваемый исследователями как разновидность экстремальной деятельности. Однако существенным фактом является и то, что терроризм далеко не всегда принадлежит к экстремизму как явлению. Основание подобного утверждения лежит в аксиологической направленности террористической деятельности, а также в разнице между возможными объектами экстремизма и терроризма. Более подробно вопрос о сущностной демаркации терроризма и экстремизма рассматривает-

ся в исследованиях Е.О. Кубякина [1; 2; 3]. В настоящее время наиболее ценными, имеющими высокий исследовательский потенциал представляются наработки, раскрывающие сущность молодежного экстремизма, с выходом на аналитические аспекты других видов противоправной деятельности, в том числе терроризма. Стоит отметить, что переход к террористической деятельности – это очень серьезный морально-нравственный шаг, своего рода преодоление «точки невозврата» – переход к конкретной преступной деятельности, несущей вполне реальные последствия. Молодежь, вовлекаемая в террористические организации, может быть «очарована» романтизмом, духом бунтарства, противопоставления себя обществу, которое не желает считаться с молодым идеалистически настроенным сознанием. Однако терроризм – это не романтика, это комплексное деяние, включающее решимость к совершению конкретных действий. Это война с существующим общественным строем или его конкретными представителями, в которой присутствуют человеческие жертвы, в том числе и случайные.

Стоит отметить, что зачастую молодежь, вовлеченная в деятельность экстремистских и

террористических организаций, преодолевает эту «точку невозврата» случайно. А именно, являясь соучастником преступного деяния, человек ставится перед фактом, что он уже является террористом. Таким образом, психологический шаг решимости остается в прошлом, а проблема морального выбора переходит в область принятия случившегося как факта. Еще одной важной причиной вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность является ложное представление о фундаментальных государственных ценностях. Из исследования Н.В. Нарыкова [4] следует, что для гражданина очень важно правильно понимать такие фундаментальные категории, как отечество, долг, патриотизм, национальная идея. Адекватное принятие этих важнейших социальных ценностей дает возможность человеку проявлять высокие гражданские качества, в том числе рисковать собой и даже жертвовать своей жизнью для достижения высоких целей. Преломление и деструкция этих фундаментальных категорий позволяют человеку, способному на самопожертвование ради других, рисковать и жертвовать своей жизнью в парадигме ложных идеалов и ценностей, разрушая общество, убивая людей, нарушая права законопослушного населения. В связи с этим проблемой является и тот факт, что вовлечение в террористическую и экстремистскую деятельность в настоящий момент происходит с помощью высокотехнологичного потенциала средств коммуникации и информационных ресурсов. Если раньше для привлечения человека в организацию требовался непосредственный контакт, то в настоящее время достаточно быть подключенным к сети Интернет и зайти на определенный сайт. А далее информация, зачастую носящая провокационный и деструктивный характер, начинает работать в сознании человека как механизм замедленного действия.

Ломка существующих моральных устоев, как сопутствующее следствие трансформации социальной системы и развития глобальных тенденций, послужила тем основанием, на котором строится аффективная деятельность людей, выброшенных из нормальной социальной деятельности. Смещение ценностей, проблемы культурного, аксиологического характера заставляют потенциально активное население стирать грань между произволом и свободой, что, как правило, ведет к выбору произвола. По мнению В.В. Плотникова [5], свобода дает человеку ощущение подлинности существования, однако ввиду того, что

быть свободным – значит осознавать ответственность за собственные действия, многими людьми зачастую отвергается путь реализации свободы, а в качестве категории замещения выбирается произвол. Исследуемый нами феномен террористической и экстремистской деятельности как раз и предполагает такой вид аксиологической установки, который основан на безнаказанности, аффективности, стихийности, безответственности и ограниченности в просчете последствий.

Не менее сложным феноменом, с которым приходится иметь дело современным силовым структурам, являются экстремизм и терроризм религиозной направленности. Проникновение их в социокультурное пространство России связано как с деятельностью международных террористических организаций, так и с факторами, сопутствующими ослаблению института государства в период распада СССР. В результате можно утверждать, что содержание понятия «терроризм» претерпело ряд существенных изменений с момента его актуализации. Более того, речь идет о назревшей необходимости пересмотра смыслового содержания данного понятия и подробного его анализа в актуальном ключе.

Таким образом, можно судить о том, что в настоящее время террористическая угроза вышла на принципиально новый уровень. Не в последнюю очередь это связано с явлением международного терроризма, в рамках которого реализуется объединение террористических организаций, преследующих различные цели. Все это свидетельствует о том, что терроризм, как угроза социальной стабильности и безопасности населения, становится все более актуальной проблемой. В связи с этим приобретает значение проблема государственных ресурсов, задействуемых в борьбе с террористической угрозой. Поэтому для государства важно соблюдать принцип социокультурного равновесия, согласно которому необходимо, с одной стороны, принимать и предвидеть социокультурные тенденции глобальных изменений общества, а с другой стороны, сохранять внутренний стержень ментальности и самостоятельности. Этот принцип естественного социокультурного равновесия [6] диктует необходимость на государственном уровне проявлять механизмы самосохранения. В совокупность этих принципов как один из наиболее важных аспектов входит комплекс антиэкстремистских и антитеррористических мер.

С учетом современного технического прогресса, а также высокого уровня населения в

городах существенной проблемой является предотвращение террористических актов, поскольку ресурсов правоохранительных структур недостаточно для того, чтобы держать под контролем все потенциально опасные явления. Поэтому большое значение приобретает проблема вовлечения населения в деятельность по противодействию террористической угрозе на уровне своевременного информирования правоохранительных структур о потенциально опасных явлениях. Степень эффективности мер по противодействию террористической угрозе в данном случае напрямую зависит от степени активности населения. На этом уровне приобретает актуальность проблема восприятия террористической угрозы общественным сознанием. В связи с этим представляется актуальным и рассмотрение специфики трансформации массового сознания, произошедшей за последние десятилетия.

Одним из основных источников, посредством которых население узнает о существующих угрозах, в частности криминальной и террористической, являются средства массовой информации. Современное развитие СМИ приводит к ситуации, когда практически все представители населения оказываются информированными о наиболее серьезных происшествиях, имевших место в стране и за рубежом. Однако именно на этом уровне проявляется тенденция, существенным образом снижающая эффективность информирования населения о террористической угрозе. Суть этой тенденции заключается в том, что высокий уровень развития Интернета, индустрии компьютерных игр, киноиндустрии привел к ситуации, когда трансляция насилия в средствах массового вещания стала нормой. Если ранее одним из существенных аспектов восприятия медиапродуктов являлась высокая степень сопереживания происходящему на экране, то в настоящее время все более явно прослеживается тенденция к отстранению потребителя от реальности событий, воспринимаемых через экран. По сути, формируется особое отношение к происходящему на экране как к чему-то виртуальному, не вполне настоящему. Население получает достаточно широкий спектр развлекательной информационной продукции, содержащей средства насилия, что формирует у потребителей особое отношение к насилию и экстремальным ситуациям, демонстрируемым в рамках теле- и интернет-вещания, характеризующееся деактуализацией рассматриваемых событий. Таким образом, к событиям, транслируемым через средства массовой коммуникации, постепенно прививается поверхностное

отношение. Что существенно, состояние комфорта, в котором пребывают потребители медиапродукции, внушает чувство иллюзорности и виртуальности происходящего на экране. В результате большинство населения подсознательно исходит из установки, что все события подобного рода происходят параллельно их существованию, «в другом месте». Это ложное ощущение безопасности, выраженное в отношении к террористической угрозе как к виртуальной опасности, по сути, существующей за пределами событийного круга субъекта, приводит к снижению серьезности и бдительности населения в вопросах антитеррористической безопасности.

Состояние комфорта, не сопоставимого с происходящим на экране, является серьезным основанием виртуализации проблем, воспринимаемых населением. При этом, что характерно, происходящие события находят отклик среди населения, но это носит поверхностный характер и сохраняет актуальность на протяжении короткого периода времени. Таким образом, информация об имеющих место фактах возникновения террористической угрозы постепенно подвергается деактуализации и не оказывает существенного влияния на образ действий рядовых членов общества. Вместе с тем, для государства, одной из функций которого является обеспечение безопасности граждан, крайне нежелательно выводить население из этого состояния комфорта посредством средств массовой коммуникации, поскольку паника среди населения является отрицательным и весьма вероятным итогом повышенного внимания к проблеме терроризма в средствах массовой информации. Более того, привитие населению чувства опасности и страха является одной из целей террористической деятельности. По этой причине приобретает актуальность проблема специальной подготовки населения, направленной не на оценочное отношение к ситуации, а на его методологическую грамотность, способствующую своевременному определению потенциально опасных явлений.

Проблема привлечения населения к деятельности по предотвращению террористической угрозы представляет существенную сложность с учетом необходимости соблюдения баланса между отрицанием проблемы террористической угрозы на уровне массового сознания и ее излишней актуализацией. По этой причине высокую значимость приобретают косвенные методы привития адекватной модели поведения среди населения. По сути, речь идет о том, что основной акцент должен быть сделан не на су-

существующей опасности, но на положительном значении адекватных действий в потенциально опасной ситуации. Выработка среди населения положительной модели поведения требует комплексного подхода. Одним из перспективных направлений является сфера культуры, на уровне которой реализуется привитие индивидам ценностей и моделей поведения. Рассматриваемая проблема является комплексной, поскольку затрагивает не только аспект адекватности оценки опасности тех или иных явлений, но и момент социальной ответственности за жизни и здоровье других людей. При этом высокое значение имеет привитие членам общества ценности активного деятельного участия в жизни общества. В связи с этим одним из перспективных направлений является использование средств массовой коммуникации не только на информативном уровне, но также и на уровне трансляции положительного образа социально активного субъекта, выполняющего правильный набор действий в соответствии со спецификой сложившейся ситуации. Вместе с тем, существенную значимость приобретают иные формы подготовки населения, в частности проведение инструктажа по антитеррористической безопасности в образовательных

организациях. Одним из положительных следствий проведения индивидуальной подготовки населения является возможность контроля над ситуацией на уровне актуализации в сознании членов общества проблемы терроризма.

На основании изложенного выше можно сделать следующие выводы.

Во-первых, произошедшие в XX в. существенные социальные, технологические, коммуникационные и прочие изменения позволяют говорить о том, что актуальна необходимость новой детальной разработки понятия экстремизма и терроризма с целью выявления стратегии противодействия данным явлениям, в том числе силами социального института науки и образования.

Во-вторых, необходимо также определиться с социальной концепцией восприятия обществом фактов экстремистской и террористической деятельности. Провести разъяснительную работу и подготовить методологию информационного обеспечения национальной безопасности на уровне адекватного восприятия населением соответствующей информации. При этом, на наш взгляд, важным аспектом является соблюдение баланса между информированием и сохранением спокойствия.

1. Кубякин Е.О. К вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи // *Власть*. 2010. № 9. С. 56–59.

2. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в сети Интернет как социальная проблема // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011. № 4. С. 149–152.

3. Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2010. № 1. С. 16–18.

4. Нарыков Н.В. Социокультурный подход к национальной идее, отечеству, патриотизму // *Общество и право*. 2014. № 1(47). С. 247–251.

5. Плотников В.В. Свобода как «подлинный способ» человеческого существования // *Власть*. 2007. № 12. С. 58–59.

6. Плотников В.В., Плотников Н.В. Естественное социокультурное равновесие как фактор, определяющий общественное развитие // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 16. URL: [http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv\\_zhurnala/2014/16/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf](http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf) (дата обращения: 21.10.2014).

1. Kubyakin E.O. To a question of definition of essence of extremist installations of youth // *Power*. 2010. № 9. P. 56–59.

2. Kubyakin E.O. Youth extremism on the Internet as a social problem // *Historical and social and educational thought*. 2011. № 4. P. 149–152.

3. Kubyakin E.O. Extremism and xenophobia in the youth environment in the context of ensuring national security // *Humanitarian, social and economic and social sciences*. 2010. № 1. P. 16–18.

4. Narykov N.V. Sociocultural approach to national idea, fatherland, patriotism // *Society and law*. 2014. № 1(47) P. 247–251.

5. Plotnikov V.V. Freedom as «an original way» of human existence // *Power*. 2007. № 12. P. 58–59.

6. Plotnikov V.V., Plotnikov N.V. Natural sociocultural balance as the factor defining social development // *Theory and practice of social development*. 2014. № 16. URL: [http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv\\_zhurnala/2014/16/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf](http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf) (date of access: 21.10.2014).

**Соломин Валерий Павлович**

доктор педагогических наук, профессор,  
ректор Российского государственного  
педагогического университета им. А.И. Герцена  
(e-mail: rector@herzen.spb.ru)

**Сморгунова Валентина Юрьевна**

доктор философских наук, профессор,  
декан юридического факультета  
Российского государственного  
педагогического университета им. А.И. Герцена  
(e-mail: prof\_smorgunova@mail.ru)

## *Правовые основы патриотического воспитания несовершеннолетних и молодежи как фактор укрепления духовного потенциала населения России*

В статье авторы анализируют причины и следствия современного духовного кризиса российского общества. В качестве средства решения данной проблемы предлагаются меры по внедрению системы патриотического воспитания в школе.

**Ключевые слова:** патриотизм, воспитание молодежи, духовный кризис, нормативно-правовая база.

**V.P. Solomin**, Doctor of Pedagogics, Professor, Rector of the Herzen State Pedagogical University of Russia; e-mail: rector@herzen.spb.ru;

**V.Yu. Smorgunova**, Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia; e-mail: prof\_smorgunova@mail.ru

### **The legal basis of patriotic education of minors and youths as a factor of the spiritual potential consolidation in Russia**

In the article the authors study causes and consequences of the modern spiritual crisis in the Russian society. There are proposed some arrangements to implement the system of patriotic education in the school as a means of solving this problem.

**Key words:** patriotism, education of youth, spiritual crisis, legal framework.

**В** последние десятилетия наблюдались негативные тенденции в духовно-нравственной сфере нашего общества, что свидетельствует о глубоком системном кризисе, в котором оказалась наша цивилизация и который дает о себе знать в виде комплекса так называемых глобальных проблем современности [1, с. 12]. В последние двадцать лет все сферы жизни российского общества переживают эпоху постоянных перемен: активно модернизируется экономика, преобразуются политическая и властная структуры, в движении находятся социально-общественные системы. Процессы модернизации в стране поставили и систему образования в новые условия [2, с. 4].

Это выдвигает на первый план «гуманитарную деятельность университетов, выступающих не только производителями кадров, но и центрами интеллектуально-духовной деятель-

ности и коммуникаций» [1, с. 14]. Наиболее сложными и болезненными проблемами современной России выступают семейное неблагополучие, жестокое обращение с детьми, социальное сиротство [3, с. 1]. Исчезли идеалы, потеряли свое значение духовные ценности, которые составляли основу культуры нашей страны. Действительно, в конце XX – начале XXI в. возникла историческая ситуация, которую характеризуют как кризис всех прежних механизмов развития человечества [1, с. 12].

Это оказало разрушающее воздействие на правовую культуру. Уровень современного правосознания в современной России, к сожалению, чрезвычайно низок. В особенности вызывает опасение тот факт, что молодежь в первую очередь подвержена разрушающему действию правового бескультурья. В связи с этим возникают вызовы для педагогического

образования: «школа требует качественно новых учителей» [4, с. 68].

«Особое место среди гражданских добродетелей, наличие которых у большого числа людей, определяющих дух правовой культуры общества, способствующих поддержанию суверенитета, обеспечению конституционной безопасности, занимает такая гражданская добродетель, как патриотизм» [5, с. 18]. В этом смысле «трудно переоценить роль РГПУ им. А.И. Герцена в формировании правовой личности» [6, с. 111]. Инновационный вуз должен думать о будущем и предлагать модели опережающей стратегии подготовки, новых типов занятости и компетентностей [7, с. 19].

Сегодня наше государство переживает нелегкое время. Проблема духовной безопасности как состояния защищенности всей совокупности ценностей духовной культуры и способности противостоять внешним угрозам становится сегодня особенно актуальной [8, с. 6]. Размытость нравственных ориентиров, определенный идеологический вакуум, пропаганда средствами массовой информации насилия, агрессии, наступление худших образцов западной массовой культуры являются питательной средой для роста многочисленных негативных явлений у молодежи. В сегодняшних условиях молодое поколение, вобрав в себя все особенности общества в его переломный период, становится все более непредсказуемым [9]. В российском обществе можно констатировать «деформацию политического, правового, нравственного... правосознания» [10, с. 125], и «одним из способов формирования такого нового сознания должно стать правовое воспитание и образование» [6, с. 112].

В различных версиях интерпретации сути кризисных процессов и путей их преодоления неизбежно всплывает понятие «человеческие качества». Именно человеческие качества определяют выбор траектории развития общества [1, с. 13]. Проблема человечности выдвигается на одно из первых мест как основа прежде всего гуманистического воспитания молодежи в обстановке рыночных отношений, требующих самостоятельности, гибкости, деловитости, патриотичности человека, ориентированного на общечеловеческие ценности [11, с. 8]. На сегодняшний день существует множество подходов, рассматривающих основные направления гражданско-патриотического воспитания, однако, на наш взгляд, наиболее правомерно выделить три основных: военно-патриотический, политический и этнокультурный [12].

Система распространения в обществе социально значимых и одобряемых ценностей,

норм поведения существовала всегда [8, с. 47]. Наше государство сегодня уделяет значительное внимание вопросам патриотического воспитания молодежи. Так, государственные органы Российской Федерации приняли ряд документов (законы об образовании, о языках, о молодежи, о культуре, о национальной безопасности; государственные программы и концепции развития образования, развития языков, этнокультурного образования, воспитания в учреждениях образования, культурного наследия, патриотического воспитания граждан), затрагивающих вопросы системы патриотического воспитания. В этих документах обозначены следующие задачи:

создание механизма, обеспечивающего становление и эффективное функционирование государственной системы патриотического воспитания;

формирование патриотических чувств и сознания граждан на основе понимания исторических ценностей и роли Отечества в мире, сохранение и развитие чувства гордости за свою страну;

воспитание личности гражданина – патриота Родины, способного встать на защиту государственных интересов страны;

формирование комплекса нормативного, правового и организационно-методического обеспечения функционирования системы патриотического воспитания [13].

Для эффективной реализации патриотического воспитания необходимым является, по мнению специалистов, «воздействие широкого нравственно-патриотического информационного поля» [14]. Сегодняшняя молодежь потерялась в потоке информации, которая нередко предъявляет людям требования, несовместимые с их нравственными убеждениями и законами государства, в котором они живут [8, с. 27]. Так, например, в условиях стремительного распространения Интернета в России создание специализированных сайтов и порталов представляется весьма эффективным средством патриотического воспитания подрастающего поколения, формирования гражданской позиции, уважительного отношения к истории страны. Интернет-ресурсы на патриотическую тематику способствуют повышению социальной активности пользователей глобальной сети, развивают интерес к теме патриотизма в условиях взаимодействия в социальной сети [15]. Основные принципы образования должны быть «ориентированы на поиск путей гуманизации человека и мира, на разоблачение технократического мифа об экономическом росте как наиболее эффективном средстве решения всех проблем» [1, с. 15].

В современном законодательстве Российской Федерации произошло обновление многих правовых норм в сфере образования, что позволило пересмотреть некоторые подходы к организации обучения и воспитания, в том числе гражданско-патриотического, гражданско-правового. Сегодня гражданско-правовое образование и воспитание молодежи основывается на следующей нормативно-правовой базе: Законе РФ «Об образовании», Национальной доктрине образования в РФ, Концепции социально-экономического развития РФ до 2020 г., государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 гг.», Концепции этнокультурного и этнохудожественного образования, которые приобретают все большую актуальность и значимость в современном воспитательном и образовательном пространстве. В Санкт-Петербурге особенно значимым нормативно-правовым актом в данной сфере является постановление Правительства Санкт-Петербурга от 7 сентября 2010 г. № 1193 «О плане мероприятий по патриотическому воспитанию в Санкт-Петербурге на 2011–2015 годы».

Однако, несмотря на активные действия государства в области молодежной политики, проблема гражданско-патриотического воспитания все же остается не решенной до конца. Названные задачи должны быть реализованы в процессе формирования профессионально значимых качеств будущих педагогов, особенно сегодня, в период смены ценностей и духовных ориентиров людей, когда разрушена прежняя система воспитательной работы, а новая, отвечающая целям и ценностям демократического правового государства, не набрала силы. Для воссоздания системы воспитания граждан, укрепления духовного потенциала населения необходима объединительная, консолидирующая общество основа, которую может составить государственно-патриотическая идеология. Эта задача может быть решена, если в педагогическом вузе к будущему педагогу будут относиться, как к носителю культуры, и создавать условия для формирования патриотической культуры у студентов. «Патриотизм как гражданская добродетель, укорененная в обществе, есть залог правового и нравственного порядка» [5, с. 20].

Новым подходом к воспитательно-образовательному процессу в педагогическом вузе является формирование поликультурной личности, с развитым патриотическим сознанием, владеющей навыками усвоения общечеловеческих ценностей, быстро адаптирующей-

ся к изменяющимся условиям окружающей действительности. В соответствии с государственными программами, внутренними потребностями общества и потребностью в реализации патриотического потенциала личности в профессиональной деятельности необходимо привлекать педагогические вузы к воспитанию будущих педагогов в духе патриотизма.

Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – это патриотизм. Только патриотизм может быть прочным моральным основанием для нашей страны. Патриотизм – понятие очень широкое. Это уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России. Это гражданственность, уважение правовых норм, закона. «Сегодня мы стоим на пороге серьезных ценностно-целевых, институциональных, технологических изменений, вызванных формированием новых условий функционирования и развития системы педагогического образования и в целом – высшей школы России» [16, с. 4].

И Президент, и Премьер-министр много говорят о необходимости создания целостной концепции формирования гражданина, патриота своей страны, о том, что надо создавать программы, формулировать национальную идею [17, с. 12]. 3 июля 2014 г. в Москве состоялось заседание совета по межнациональным отношениям, в котором принял участие Президент России В.В. Путин. Он назвал своевременной инициативу формирования патриотического сознания молодежи. В связи с этим Президент поручил Минобрнауки ускорить разработку приоритетов молодежной политики и подумать над повышением качества реализации госпрограммы патриотического воспитания.

Президент особо подчеркнул в своей речи, что патриотизм – это не идеология, навязанная сверху, не шаблоны и штампы, которые не наполнены содержанием. Это «уважение к своей истории и традициям, к духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России. Это – ответственность за свою страну и ее будущее» [18].

Такое внимание Президента России к вопросам воспитания патриотизма у молодежи и подростков связано с тем, что сегодня необходимо укреплять общероссийскую гражданскую идентичность. Важная роль в этом процессе должна уделяться образованию и воспитанию.

Прежде всего, власти решили обратиться к теме Великой Отечественной войны как общей борьбе, сплачивающей народы России. Был разработан новый учебник истории, проводятся мероприятия по поддержке русского языка, с 2002 г. реализуются федеральные целевые программы «Русский язык», в 2014 г. был создан президентский совет по русскому языку. Власти также рассчитывают на усилия гражданского общества – в 2013 г. были учреждены гранты для организаций, занимающихся патриотическим воспитанием и гармонизацией межнациональных отношений.

На сегодняшний день в России действует государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». Ее основная цель – совершенствование системы патриотического воспитания. На заседании совета по межнациональным отношениям В.В. Путин также отметил, что повышение качества реализации этой программы предполагает ее насыщенность «действительно интересными, живыми инициативами, понятными современным людям, современной молодежи» [19].

В настоящее время в разработке находится проект Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». В этой обновленной версии будут вновь рассматриваться вопросы патриотического воспитания молодежи, а также ряд дополнительных мер по поддержке русского языка и по борьбе с возрождением нацистской идеологии.

Президент также поручил правительству рассмотреть возможность разработки федеральной целевой программы «Молодежь России» для патриотического воспитания. Программа должна быть направлена «на создание правовых, социально-экономических и организационных условий для патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи, реализации ее творческого потенциала» [19].

Региональным властям Президент рекомендовал разработать комплекс мер по развитию традиционной культуры народов России, предусмотрев финансовую поддержку домов дружбы, домов народного творчества и театров юного зрителя.

Также Президент России не раз отмечал, что в этой работе «ничего идеологизированного быть не должно. Здесь должно быть то, что объединяет всех, людей самых разных национальностей, вероисповедания и политических взглядов» [20].

На уровне Санкт-Петербурга губернатор также часто говорит о роли патриотического

воспитания молодежи. Георгий Полтавченко подчеркивает, что в России накоплен собственный многовековой опыт единения разных народов – «это путь успешной интеграции на базе единого государства, единой культуры и, конечно же, единого и обязательного русского языка» [21]. В нашем городе принята программа по созданию условий для воспитания школьников в Санкт-Петербурге на 2011–2015 гг. Основной идеей этой программы является то, что юных петербуржцев предполагается воспитывать в духе патриотизма и гражданской ответственности.

Для преодоления проблем, которые мы наблюдаем в последнее время, предлагаем реализовать следующие основные направления деятельности.

Во-первых, нужно сформировать у несовершеннолетних и молодежи систему ценностей. В качестве стратегической задачи социально-культурной деятельности вуза выступает воспитание личности студента, осознающего многомерность мира и наличие различных взглядов, обладающего адекватной самооценкой и активной жизненной позицией [8, с. 49]. Сегодня большую роль в формировании системы ценностей у школьников играет не столько школа, сколько информация «извне» – Интернет, СМИ, телевидение. Но, к сожалению, из них подростки черпают не только положительную информацию, но и негативную. Поэтому важнейшая задача государства и общества – оградить детей и молодежь от пропаганды насилия, жестокости, аморального и непристойного поведения.

Во-вторых, необходимо совершенствовать образовательную политику. Необходимо подключать все звенья образовательной системы к патриотическому воспитанию. «В современном мире, переживающем состояние кризиса, возникает необходимость глубоко продумать цели образования, обновить его методы и переформулировать основы своей идентичности» [22, с. 77]. В этом должны участвовать и общеобразовательная школа, и вузы. Причем необходимо, чтобы они участвовали в этом совместно, вырабатывали общие пути воспитания гражданственности, любви и уважения к стране, истории и праву. Необходимо понимать, что «созданные стихийно в различных регионах страны модели правового обучения и воспитания существуют вне логики единого образовательного и правового пространства» [23, с. 35].

В рамках системы образования мы видим три основные направления работы:

Во-первых, это патриотическое воспитание в рамках системы школьных и вузовских меро-



приятый. Его можно реализовать на материале учебников и учебных пособий, литературных произведений в урочной деятельности. Помимо этого считаем необходимым увеличение количества часов в программах для уже имеющихся дисциплин, в рамках которых осуществляется патриотическое воспитание, как, например, обществознание в школе. Школе также необходим предмет правоведение. Именно в рамках правоведения учащиеся могут получить представления о праве, системе государственной власти, о работе правоохранительных органов. Это позволит преодолеть правовой нигилизм, воспитать гражданскую ответственность.

Во-вторых, это патриотическое воспитание во внеурочной деятельности. Это могут быть классные часы, встречи с интересными людьми, диспуты и беседы на патриотические темы, просмотр фильмов, посещение музеев, викторины, конкурсы, олимпиады, выставки работ учащихся и т.д.

В-третьих, это вовлечение учащихся старших классов и студентов вузов в участие в различных общественных мероприятиях, в которых они смогут получить полезный опыт патриотизма. Например, это может быть волонтерская деятельность. Хорошим примером

может служить юридическая клиника, которая существует на базе юридического факультета. Она дает студентам полезный опыт не только в образовательном плане, но и гражданском воспитании.

Воспитание патриотов своей Родины – ответственная, сложная и приоритетная воспитательная задача современной школы. Важнее всего для будущего нашего государства – воспитание молодежи в духе уважения закона, прав других людей, толерантности [23, с. 35], патриотизма. Сегодня в этом смысле мы имеем полное право говорить об особой миссии Герценовского университета – вуза, являющегося носителем лучших традиций отечественного педагогического образования, ориентированного на его сохранение и развитие как самостоятельной сферы профессиональной подготовки специалистов с профильным высшим образованием [16, с. 6]. Охрана безопасности молодежи и подростков, несомненно, является залогом безопасного и устойчивого развития государства в современном мире [24, с. 99]. Плановая, систематическая работа, использование разнообразных средств воспитания могут дать положительные результаты и стать основой для дальнейшей работы по патриотическому воспитанию.

1. Соломин В.П. Педагогическое образование и наука: пути развития // *Universum: Вестн. Герценовского ун-та*. 2011. № 11. С. 12–21.

2. Соломин В.П., Гончаров С.А. Педагогические кадры: новый образ, новое образование // *Universum: Вестн. Герценовского ун-та*. 2013. № 2. С. 3–11.

3. Сморгунова В.Ю., Калинина Е.Ю., Пристанскова Н.И. Семейное неблагополучие: проблемы политико-правового регулирования / под общ. ред. В.З. Кантора. СПб., 2014.

4. Соломин В.П. УМО по направлениям педагогического образования как инструмент общественно-государственного партнерства в повышении качества подготовки педагогических кадров // *Universum: Вестн. Герценовского ун-та*. 2011. № 10. С. 64–69.

5. Сморгунова В.Ю. Патриотическое правосознание как предмет компаративного анализа // *Философия права*. 2008. № 1. С. 18–23.

6. Соломин В.П. Формирование антикоррупционной культуры как фактор воспитания нетерпимости к коррупции в гражданском обществе // *Universum: Вестн. Герценовского ун-та*. 2013. № 4. С. 110–116.

1. Solomin V.P. *Pedagogical education and science: ways of development* // *Universum: Bull. of the Herzen University*. 2011. № 11. P. 12–21.

2. Solomin V.P., Goncharov S.A. *Teaching personnel: a new image, a new education* // *Universum: Bull. of the Herzen University*. 2013. № 2. P. 3–11.

3. Smorgunova V.Yu., Kalinina E.Yu., Pristan-skova N.I. *Family troubles: problems of political and legal regulation* / gen. ed. by V.Z. Kantor. St. Petersburg, 2014.

4. Solomin V.P. *UMO in areas of teacher education as an instrument of social-state partnership in improving the quality of teacher training* // *Universum: Bull. of the Herzen University*. 2011. № 10. P. 64–69.

5. Smorgunova V.Yu. *Patriotic consciousness as a subject of comparative analysis* // *Philosophy of law*. 2008. № 1. P. 18–23.

6. Solomin V.P. *Formation of anti-corruption culture as a factor of the formation of intolerance to corruption in the civil society* // *Universum: Bull. of the Herzen University*. 2013. № 4. P. 110–116.

7. Solomin V.P. *The models of the innovation system transformation of the pedagogical education in the University* // *Person and education*. 2012. № 1. P. 19–21.

7. Соломин В.П. Модели инновационных преобразований системы педагогического университетского образования // *Человек и образование*. 2012. № 1. С.19–21.
8. Сморгунова В.Ю., Калинина Е.Ю., Шадрина Е.Г. Проблемы политико-правового регулирования кризисов и суицидального поведения в подростковой и молодежной среде. СПб., 2014.
9. Сергеева В.В. О двуединстве образования и национального патриотизма в ракурсе патриотической культуры // *Вестн. ТГПУ*. 2011. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-dvuedinstve-obrazovaniya-i-natsionalnogo-patriotizma-v-rakurse-patrioticheskoy-kultury> (дата обращения: 16.12.2014).
10. Соломин В.П., Сморгунова В.Ю. Формирование инновационной экологической культуры как способ противодействия экологической преступности // *Universum: Вестн. Герценовского ун-та*. 2013. № 4. С. 124–129.
11. Жампеисова К.К. Современные аспекты подготовки будущего учителя 12-летней школы: образование, ориентированное на результат // *Знание*. 2007. № 5.
12. Медведева З.В. Этнокультурные образовательные технологии в гражданско-патриотическом воспитании будущих педагогов // *Вестн. БГУ*. 2012. № 1.1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-obrazovatelnye-tehnologii-v-grazhdansko-patrioticheskom-vospitanii-buduschih-pedagogov> (дата обращения: 16.12.2014).
13. Сергеева В.В. Повышение эффективности профессионально-педагогической подготовки будущих педагогов через формирование патриотической культуры // *Педагогическое образование в России*. 2013. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-professionalno-pedagogicheskoy-podgotovki-buduschih-pedagogov-cherez-formirovanie-patrioticheskoy-kultury> (дата обращения: 16.12.2014).
14. Сергеева В.В. Модель формирования патриотической культуры будущих педагогов и технология ее реализации в педагогическом вузе // *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 6(37). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/model-formirovaniya-patrioticheskoy-kultury-buduschih-pedagogov-i-tehnologiya-ee-realizatsii-v-pedagogicheskom-vuze> (дата обращения: 16.12.2014).
15. Чангалиди Д.Н. Патриотическое воспитание в условиях глобализации // *Вестн. БГУ*. 2010. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskoe-vospitanie-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 16.12.2014).
16. Solomin V.P. Activities of the University in new terms of the development of teacher education // *Universum: Bull. of the Herzen University*. 2014. № 1. P. 3–17.
17. Smorgunova V.Yu. Civic mission of the law faculty of the Herzen State Pedagogical Uni-
8. Smorgunova V.Yu., Kalinina E.Yu., Shadrina E.G. Problems of political and legal management of crisis and suicidal behavior in adolescent and youth. St. Petersburg, 2014.
9. Sergeeva V.V. About two unities of education and national patriotism in the foreshortening of patriotic culture // *The TSPU Bull*. 2011. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-dvuedinstve-obrazovaniya-i-natsionalnogo-patriotizma-v-rakurse-patrioticheskoy-kultury> (date of access: 16.12.2014).
10. Solomin V.P., Smorgunova V.Yu. Formation of innovative environmental culture as a way of opposition to environmental crimes // *Universum: Bull. of the Herzen University*. 2013. № 4. P. 124–129.
11. Zhampeisova K.K. Modern aspects of the training of the future teacher of 12 years-school: the education focused on the result // *Knowledge*. 2007. № 5.
12. Medvedeva Z.V. Ethnic-cultural educational technologies in civil and patriotic education of future Teachers // *Bull. of the BGU*. 2012. № 1.1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-obrazovatelnye-tehnologii-v-grazhdansko-patrioticheskom-vospitanii-buduschih-pedagogov> (date of access: 16.12.2014).
13. Sergeeva V.V. Improving the efficiency of vocational and educational training of future teachers through development of patriotic culture // *Pedagogical education in Russia*. 2013. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-professionalno-pedagogicheskoy-podgotovki-buduschih-pedagogov-cherez-formirovanie-patrioticheskoy-kultury> (date of access: 16.12.2014).
14. Sergeeva V.V. Model of formation of patriotic culture of future teachers and technology of its realization in pedagogical higher education institution // *World of science, culture, education*. 2012. № 6(37). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/model-formirovaniya-patrioticheskoy-kultury-buduschih-pedagogov-i-tehnologiya-ee-realizatsii-v-pedagogicheskom-vuze> (date of access: 16.12.2014).
15. Changalidi D.N. Patriotic education in conditions of globalization // *Bulletin of the BGU*. 2010. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskoe-vospitanie-v-usloviyah-globalizatsii> (date of access: 16.12.2014).

16. Соломин В.П. Деятельность университета в новых условиях развития педагогического образования // *Universum: Вестн. Герценовского ун-та*. 2014. № 1. С. 3–17.

17. Сморгунова В.Ю. Гражданская миссия юридического факультета РГПУ им. А.И. Герцена // Семейная медиация в ювенальной политике: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В.Ю. Сморгуновой. СПб., 2014. С. 10–13.

18. Заседание Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/news/46144> (дата обращения: 12.12.2014).

19. Путин дал поручения по патриотическому воспитанию // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/society/20140723/1017250286.html> (дата обращения: 16.12.2014).

20. Путин: работу по патриотическому воспитанию нужно структурировать // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/politics/20120912/748618484.html> (дата обращения: 16.12.2014).

21. Георгий Полтавченко: Сила России – в успешной интеграции народов на базе единого государства, единой культуры и русского языка // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://gov.spb.ru/press/governor/40779/> (дата обращения: 13.12.2014).

22. Калинина Е.Ю. Современное состояние образования в Европе: вызовы и проблемы // *Universum: Вестн. Герценовского ун-та*. 2012. № 2. С. 71–77.

23. Сморгунова В.Ю., Калинина Е.Ю. Роль правового образования в устойчивом развитии и функционировании государства и общества в современном глобальном мире // *Universum: Вестн. Герценовского ун-та*. 2012. № 2. С. 33–39.

24. Калинина Е.Ю. Кризисное правосознание молодежи в период общественных трансформаций // Семейная медиация в ювенальной политике: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В.Ю. Сморгуновой. СПб., 2014. С. 98–100.

iversity of Russia // Family mediation in juvenile policy: proc. of the intern. sci.-pract. conf. / ed. by V.Yu. Smorgunova. St. Petersburg, 2014. P. 10–13.

18. Meeting of the Council for international relations // The Official website of the President of the Russian Federation. URL: <http://kremlin.ru/news/46144> (date of access: 12.12.2014).

19. Putin gave directions on Patriotic education // RIA News. URL: <http://ria.ru/society/20140723/1017250286.html> (date of access: 16.12.2014).

20. Putin: The work on Patriotic education has to be structured // RIA News. URL: <http://ria.ru/politics/20120912/748618484.html> (date of access: 16.12.2014).

21. Georgy Poltavchenko: Russia's Power is based on the successful integration of people on the foundation of a single state, a integrated culture and Russian language // The Official site of Administration of St. Petersburg. URL: <http://gov.spb.ru/press/governor/40779/> (date of access: 13.12.2014).

22. Kalinina E.Yu. Current condition of education in Europe: challenges and problems // *Universum: Bull. of the Herzen University*. 2012. № 2. P. 71–77.

23. Smorgunova V.Yu., Kalinina E.Yu. The role of legal education in sustainable development and the functioning of the state and society in the modern global world // *Universum: Bull. of the Herzen University*. 2012. № 2. P. 33–39.

24. Kalinina E.Yu. Crisis legal consciousness of youth in the period of social transformations // Family mediation in juvenile policy: proc. of the intern. sci.-pract. conf. / ed. by V.Yu. Smorgunova. St. Petersburg, 2014. P. 98–100.

**Городенцев Герман Александрович**

кандидат юридических наук, доцент,  
заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583414)

## *Противостояние терроризму как социальному явлению посредством стратегии институциональной стабилизации*

В статье рассматривается проблема противодействия терроризму и экстремизму на институциональном уровне. Дается анализ ситуации возникновения террористических организаций, указывается наиболее уязвимая социальная группа, намечаются пути решения проблемы.

**Ключевые слова:** терроризм, экстремизм, социальные трансформации, современное общество, молодежный экстремизм, сохранение правопорядка.

**G.A. Gorodentsev**, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

### **Countering terrorism as a social phenomenon through a strategy of institutional stabilization**

The article is devoted to countering terrorism and extremism at the institutional level. The analysis of the situation of occurrence of terrorist organizations is given, the most vulnerable social groups is indicated, and solutions to the problem are outlined.

**Key words:** terrorism, extremism, social transformations, modern society, youth extremism, maintaining law and order.

**П**роблема терроризма, приобретающая все большую актуальность в научной литературе, находит широкое отражение в попытках исследования этого феномена и выработки адекватной стратегии противодействия террористической угрозе. При этом существенная доля внимания уделяется уже существующим очагам террористической угрозы и проблеме повышения общих защитных функций общества, направленных на противодействие терроризму. Однако понимание сущности феномена терроризма имеет и другой существенный аспект – предотвращение возникновения новых террористических организаций. Чтобы выработать необходимую для этого систему мер, следует сначала рассмотреть саму по себе специфику террористической деятельности, и в частности возможные основания возникновения террористических организаций.

Терроризм как социально-политическое явление имеет сравнительно небольшую историю – с XIX в., когда революционные организации стали применять отдельные акции насилия по отношению к представителям политической власти. Последующее развитие этого социального явления определяется рядом не связан-

ных между собой фактов возникновения очагов террористической деятельности. Для всех этих случаев общим является то, что террористическая деятельность характеризовалась задействованием силовых методов, направленных против существующей политической власти. При этом речь идет не о бунте как силовой попытке захвата власти, а о разовых акциях, направленных на разрушение существующего порядка или достижение каких-либо иных целей. Силовое противодействие власти – одно из наиболее существенных в данном отношении свойств терроризма как явления.

Как правило, терроризм и экстремизм направлены на социальное и политическое преобразование ситуации в государстве методами, не вписывающимися в законодательную систему данного государства. В существующей типологизации политических режимов [1], как ни странно, именно демократические, как правило, в наибольшей степени подвержены проблемам самозарождающегося и внешнего терроризма. Смысл в том, что в случае с авторитарным правлением под видом терроризма может выступать внешне сходный процесс гражданской войны. В случае же с демократическим устройством террористы

противопоставляют себя народу, как правило, являясь частью этого же самого народа.

В данном аспекте существенный интерес приобретает вопрос о том, какова природа терроризма, а также каким образом возникают очаги террористической деятельности. Наиболее ярко выраженным свойством террористической деятельности является противодействие существующей политической системе. При этом также противодействие производится с выходом за рамки методов, допустимых в этой системе. По ряду оснований можно судить о том, что террористическая деятельность направлена на разрушение существующего государственного порядка и установление каких-то новых принципов организации общества. По сути, терроризм представляет собой наиболее острую радикальную форму протеста против существующего социального порядка. И коль скоро это так, следовательно, на уровне общества имел место сбой во внутренних процессах самоорганизации, в результате которого возникла прослойка общества, интересы которой были существенным образом ущемлены. При этом важным является то, что данная социальная напряженность не нашла себе выхода на уровне предусмотренных обществом социальных механизмов. При таком подходе становится видно, что терроризм представляет собой системную проблему общества, причем, говоря о системности, мы имеем в виду не глобальный характер проблемы существующих террористических организаций, но укорененность существующего терроризма в неадекватном социальном устройстве. В этом отношении справедливо рассмотрение терроризма в качестве результата внутреннего конфликта в обществе в условиях нарушенного характера внутренней регуляции общественных процессов. Этот подход способствует глубинному пониманию причин и оснований, результатом которых является террористическая активность на уровне общества.

Анализ известных фактов возникновения террористических организаций показывает, что их деятельность практически всегда была направлена на отрицание определенного элемента существующего социального порядка. При этом в зависимости от менталитета и принятой методологии в качестве жертв террористической деятельности избираются либо представители структуры, против которой направлена террористическая деятельность, либо люди, связанные с этой структурой (например, мирное население, отождествляемое с государством в случае, если критерий разделения позволяет исключить его из сферы

интересов террористической организации). Характерной практически для каждого случая возникновения очагов террористической деятельности является неустранимость того, против чего выступают террористы, средствами социальной системы, в рамках которой возникла проблема. Так, например, самодержавная власть в Российской империи или суверенитет Англии в случае с ИРА представляют собой неустранимую часть сложившейся социальной системы. В этом плане современные процессы вестернизации и глобализации также не поддаются какой-либо регуляции, направленной на их подавление. По сути, логика терроризма заключается в том, что, если в рамках существующего общества невозможно решить определенную проблему, необходимо для начала разрушить существующее общество, а уже далее приступить к решению проблемы. Поэтому одним из перспективных направлений превентивной аналитики возможных очагов возникновения терроризма является рассмотрение наиболее прочных и неустрашимых социальных элементов или факторов и их исследование на предмет конфликтности по отношению к определенным социальным группам.

Примечательно, что данное направление противодействия террористическим тенденциям связано, в первую очередь, с гармонизацией и оптимизацией социального процесса. Если рассмотреть более подробно специфику социальной ситуации в приведенных примерах, становится видно, что в основании заявленных целей лежит самосознание социальной группы, интересы которой существенным образом ущемлены в определенном вопросе. В этом смысле радикальный характер применяемой методологии может представлять собой результат длительного роста социальной напряженности.

Следует отметить, что разрешение внутренних проблем общества, с которыми может быть связано возникновение очага экстремистской или террористической деятельности, также имеет конструктивные перспективы в отношении ситуации, когда уже существует очаг террористической деятельности. Создание приемлемых социальных условий, разрешение социальных противоречий, повышение уровня образованности населения и общего уровня жизни – все это способствует тому, что террористическое движение не сможет столь активно пополнять свои ряды.

Одним из существенных факторов, определяющих стабильность социальной системы, является развитие правосознания. В рамках современного демократического устройства

государства практически не существует сторон организации социальных процессов и структуры общества в целом, которые нельзя было бы адаптировать к нуждам населения. В этом отношении осознание в среде населения того факта, что все основные проблемы общества могут быть разрешены мирным законным путем, является одним из залогов социальной стабильности.

Все вышеизложенное актуализирует проблему повышения общего уровня устойчивости социальной среды с целью разрешения проблем, потенциально лежащих в основании противоправной, экстремистской или террористической деятельности. От устойчивости и взаимосвязанности различных социальных институтов в существенной мере зависит то, будет ли в рамках социальной системы иметь место социальная напряженность.

Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что конфликтность является одним из неотъемлемых свойств социального устройства. Жизнь общества и его структура построены по принципу жесткой конкуренции, в результате которой происходит перераспределение ресурсов, благ и возможностей. И в этом отношении рассмотрение общества, в котором нет социальной конфликтности или напряженности, есть абстракция. Так каким образом выделить критерии, в соответствии с которыми может быть определен круг проблем, имеющих потенциальную социальную опасность? На наш взгляд, существует два важных условия, определяющих возможность возникновения в рамках общества экстремистских или террористических тенденций, – это организованность угнетенных социальных элементов и невозможность разрядки существующей социальной напряженности. Таким образом, помимо рассмотренной ранее необходимости оптимизации социального процесса, одним из перспективных направлений деятельности по предотвращению развития терроризма в государстве является организация мер, направленных на снятие социальной напряженности и консолидацию населения в единую социальную группу.

С точки зрения социологической динамики, современное общество вступило в ту фазу развития, когда динамика социальных процессов вышла на принципиально новый уровень, а масштабы социальных взаимодействий приняли глобальный характер. Это же касается активности террористических организаций. Противостояние этим тенденциям становится актуальным на уровне не только активного (силового) противодействия, но и пассивного (оборонительного). В рамках данной методологии реализуются небывалые по своему масштабу

интегративные тенденции институционального характера. Следует понимать, что неоднородность мирового общества представляет собой одну из глобальных проблем, в сущности, проявляющуюся в различных своих аспектах в качестве гуманитарной проблемы, экологической проблемы, проблемы предотвращения военных конфликтов [2]. Распространение влияния международных террористических организаций также является следствием глобализации. В этом контексте сохранение нравственного, социального и экономического потенциала является формой противодействия терроризму как внешней проблеме. Конфликтность, как следствие социальной неоднородности и одновременности социальных процессов, проявляется на ряде уровней – от политических конфликтов и противостояний до экстремизма и террористической деятельности, как наиболее острого проявления внутренней конфликтности современного общества.

Здесь важно учитывать тот факт, что внутри страны общество также неравномерно переживает этап эволюции и перехода в век информационных технологий, как и по общесоциальной картине в мире вообще. Не секрет, что в нашей стране наиболее активной частью населения, включенной в процесс новой техногенной и информационной модернизации, является молодежь. Основная проблема при этом заключается в том, что с принятием новых реалий молодое поколение также приобщается и к отрицательной стороне прогресса, а именно к разнообразным противозаконным структурам, существующим в информационном пространстве. Для молодых людей участие в экстремистской деятельности в сети Интернет может стать шагом к включению в террористическую деятельность [3]. Основная проблема состоит в том, что посредством тотального включения в мировое информационное пространство молодые люди нередко теряют критерии адекватной оценки происходящего [4]. При этом на смену патриотических настроений и стремлению к конструктивным переменам в обществе приходят идеи экстремистской направленности, ксенофобия и виртуальное приобщение к мировому экстремизму [5]. Противоправная деятельность в сфере информационного пространства сублимируется в качестве ложного идеала свободы от детерминант социума. Здесь происходит функциональная подмена ключевых экзистенциальных категорий, таких как свобода, долженствование, активная позиция. Разумеется, не каждый молодой человек, увлеченный интернет-реальностью, становится приверженцем идей экстремистской направленности, но определенный процент

таких присутствует. Также не каждый молодой человек, участвующий в экстремистской деятельности, будь то сеть Интернет или реальное социальное пространство, отважится на действия террористического содержания, но речь идет о благоприятной среде и потенциально уязвимой социальной группе. В связи с этим необходимо разработать комплекс мер как по предотвращению распространения информации экстремистского и террористического содержания, так и по защите потенциально уязвимых социальных групп. При этом эффективность государственной политики в пассивном противодействии противоправной деятельности, в том числе и столь тяжелой, как участие в экстремистских и террористических организациях, связана с обеспечением ситуации, благоприятной для реализации потенциала современной молодежи с учетом меняющейся сферы интересов и применения способностей. В этой связи справедливо утверждение, что человек только тогда чувствует себя нужным и значимым обществу, когда на уровне свободной воли реализует то, в чем он талантлив и развит [6].

В качестве вывода необходимо отметить следующее.

Во-первых, первостепенное значение приобретает исследование основных тенденций,

предопределяющих деструктивный характер современной ситуации, а также теоретическое рассмотрение основных направлений, в которых возможно проведение конструктивной политики гармонизации общественных процессов как на уровне отдельного государства, так и на уровне мирового сообщества. В этом отношении существенное значение приобретает выработка адекватной методологии, способствующей как прояснению сложившейся ситуации, так и определению стратегических перспектив развития общества.

Во-вторых, стратегии противодействия терроризму и экстремизму предполагают разработку методологии предотвращения ситуации, благоприятной для появления и развития данных явлений. Это комплекс мер по усилению институционального потенциала государства, эффективной реакции на социальные трансформации и глобальные процессы, а также выделение наиболее уязвимых социальных групп с целью обеспечения адекватной реализации их социального потенциала. Результатом таких мер должно стать сильное общество, способное противостоять экстремальным тенденциям как внутреннего, так и внешнего характера.

1. Нарыков Н.В. К проблеме типизации политических режимов // Теория и практика общественного развития. 2009. № 3–4. URL: [http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv\\_zhurnala/2009/3-4/narykov.pdf](http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2009/3-4/narykov.pdf) (дата обращения: 11.06.2014).

2. Плотников В.В., Плотников Н.В. Естественное социокультурное равновесие как фактор, определяющий общественное развитие // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. URL: [http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv\\_zhurnala/2014/16/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf](http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf) (дата обращения: 21.10.2014).

3. Кубякин Е.О. К вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи // Власть. 2010. № 9. С. 56–59.

4. Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. С. 16–18.

5. Райдугин Д.С. Молодежь: социокультурные и социокультурные характеристики // Вестн. Моск. гос. гуманитарно-эконом. ин-та. 2013. № 1(13). С. 82–89.

6. Плотников В.В. Свобода как «подлинный способ» человеческого существования // Власть. 2007. № 12. С. 58–59.

1. Narykov N.V. To a problem of typification of political regimes // Theory and practice of social development. 2009. № 3–4. URL: [http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv\\_zhurnala/2009/3-4/narykov.pdf](http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2009/3-4/narykov.pdf) (date of access: 11.06.2014).

2. Plotnikov V.V., Plotnikov N.V. Natural socio-cultural balance as the factor defining social development // Theory and practice of social development. 2014. № 16. URL: [http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv\\_zhurnala/2014/16/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf](http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf) (date of access: 21.10.2014).

3. Kubyakin E.O. To a question of definition of essence of extremist installations of youth // Power. 2010. № 9. P. 56–59.

4. Kubyakin E.O. Extremism and xenophobia in the youth environment in the context of ensuring national security // Humanitarian, social and economic and social sciences. 2010. № 1. P. 16–18.

5. Raydugin D.S. Youth: sociostructural and sociocultural characteristics // Bull. of the Moscow state humanitarian and economic institute. 2013. № 1(13). P. 82–89.

6. Plotnikov V.V. Freedom as «an original way» of human existence // Power. 2007. № 12. P. 58–59.

**Калинина Елена Юрьевна**

кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования  
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена  
(e-mail: bellaflor@mail.ru)

## *Создание негативного мифологического образа Филипа II Испанского как средство формирования политического и правового сознания в Новое время*

В статье рассматривается формирование «черной» политико-правовой мифологии в Новое время с целью консолидации нации и создания образа врага. В последующем образы, используемые в пропаганде, подвергаются обработке и становятся средством маркировки той или иной нации в глобальном политическом взаимодействии. Используя междисциплинарные подходы, автор создает комплексное понятие «черного мифа» как средства формирования политического и правового сознания на примере Филипа II Испанского.

**Ключевые слова:** политико-правовая мифология, «черные мифы», Испания, правовое сознание, политическое сознание.

**E.Yu. Kalinina**, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Theory of Law and Civic-Legal Education of the Herzen State Pedagogical University of Russia; e-mail: bellaflor@mail.ru

### **The creation of the negative mythological image of Philip II of Spain as a tactics of the political and legal consciousness formation in the Modern Period**

The «black» legal and political mythology formation in modern times is studied in the article as a political tactics of the national consolidation and creating the enemy image. Images used in propaganda are subsequently elaborated and then become a means of marking of one or another nation in the global political interrelation. Using interdisciplinary approaches, the author creates a complex concept of the «black myth» as a weapon of political and legal consciousness formation, on the example of Philip II of Spain.

**Key words:** political and legal mythology, «black myths», Spain, legal consciousness, political consciousness.

**В**ведение. Проблематика и методология. «Черные мифы» являются социально-политическими конструктами, возникающими в процессе межкультурного противостояния. Они четко определяют врага, ясно объясняя, почему он «плохой». Так происходит конструирование правового и политического сознания, как индивидуального, так и коллективного. Миф является смысловым системообразующим фактором как персонального, так и общественного сознания и правосознания.

Часто создание черного мифа происходит одновременно с белым, т.е. героизацией собственной позиции. Термин приписывается испанскому ученому Хулиану Худериасу, который в 1914 г. издал книгу «Черная легенда», применяя его к Испании. Здесь мы анализируем процесс формирования и консолидации одного из компонентов черной мифологии – образа Филипа II, короля Испании, после появления

памфлета принца Вильгельма Оранского «Апология». Это является объектом исследования.

Для исследования необходимо применить междисциплинарный подход, использовать методы из арсенала разных наук. Например, возможно применять приемы анализа мифов как моделей коллективного поведения и формирования политической и правовой картины мира. Эти методы восходят к функционализму Б. Малиновского и структурализму К. Леви-Стросса, основоположников изучения мифов как социальных феноменов. Помимо этого необходимо применять методы социальной психологии, анализируя развертывание конфликта и его последствия в виде мифологии, актуальной до сих пор. Используются исторический и сравнительный методы. Первый – как функция «вживания» в контекст эпохи. Второй – как необходимость рассмотреть позиции обеих сторон, чтобы лучше понять механизмы



формирования и консолидации мифа. Также может быть использован подход К.Г. Юнга, в котором мифы рассматриваются как структуры сознания, сформированные с помощью шаблонов. В свою очередь, эти шаблоны представляют собой социальные конструкторы, основным компонентом которых являются те или иные мифы. Политические и правовые мифы, формирующие политическое и правовое сознание, имеют тот же механизм действия. С целью формирования наиболее объективного подхода рассматривалась российская научная литература, а также переводная и испаноязычная, демонстрирующая позиции обеих сторон. Также использовались исследования в области формирования политической и социальной мифологии.

Сатира как средство политико-правовой демифологизации и создания «черного мифа». Для деструкции существующего мифа и замены его «черным» необходимо старую символическую оболочку наполнить новым смысловым содержанием. С. Лангер рассматривает символизм как важнейшую, глубоко органичную властную потребность, которая воплощает потребность и потенциал символизации [цит. по: 1, с. 200]. «Символическая функция – одна из первичных в человеческой деятельности, подобно питанию, ориентации в пространстве, передвижению. Она является фундаментальным и постоянным процессом человеческого ума» [2, с. 41]. Как правило, старые символические наполнители со временем теряют свою рациональную обоснованность для нового поколения, и происходит подчинение устоявшимся культурным шаблонам в силу социально-психологического механизма иррационального подчинения существующим «с незапамятных времен» правилам. Однако зачастую именно в силу их иррациональности такие правила оказываются более актуальными. В этом случае разумные доводы оказываются бессильными перед непластичностью массового сознания. Для проникновения в жесткую систему обыденного правового и политического сознания и его переструктурирования может быть использовано такое же иррациональное оружие – смех.

Как известно, смеховая культура с давних времен является двойкой. С одной стороны, это разрушающая оппозиционная культура. С другой стороны, это сторона массовой культуры. Используя оба этих аспекта, смех можно сделать орудием формирования массового обыденного сознания и правосознания.

Юмор – орудие обоюдоострое. Например, конфликтологи настойчиво рекомендуют юмор

в качестве инструмента разрешения конфликта, однако из теории конфликтологии также хорошо известно, что смех может являться острым конфликтогеном. В макроконflikтах смех уже в подавляющем большинстве случаев выступает как средство борьбы, деструкции. Это необходимо, чтобы создать комический образ врага (или «Другого»), который «встраивается» в политико-правовую картину мира и становится ядром «черного мифа». Таким образом формируется некий шаблон, с помощью которого создается определенный угол зрения на проблему, который может исказить реальность. Однако, с другой стороны, это средство консолидации «мифа о себе», макро-«Я-концепции».

С.В. Лурье создала концепцию формирования «образа Я» для нации, выделив центральную зону ментальности, которая, в соответствии с ее рассуждениями, состоит из трех аспектов: 1) локализации источника добра, включающего Мы-образ и образ покровителя; 2) локализации образа зла – образа врага; 3) представления о способе действия, при котором добро побеждает зло [цит. по: 3, с. 136]. Зло осмеянное, выставленное в комичном (и уродливом) виде, уже не так страшно.

Памфлет в период позднего Средневековья – начала Нового времени играл важную социально-политическую роль не только способа, но и формы передачи информации и формирования определенного отношения к персонажам памфлета в обществе. Таким образом, памфлет можно назвать орудием политико-правового мифотворения. Часто в нем используется прием доведения внешних или внутренних качеств объекта до абсурда, когда противник не может стать участником равноправного партнерского диалога. При этом чем дальше располагается такой объект (т.е. чем менее он достижим изначально для диалога), тем больше вероятность того, что он может стать объектом осмеяния или выведения в неприглядном мифе.

Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, «в столкновении альтернативных символических универсумов заключена проблема власти: какое из противоречащих друг другу определений реальности «победит» в обществе. <...> На чьей стороне больше силы, у того больше шансов для определений реальности» [4, с. 52]. Это явно отразилось в рассматриваемый период. С одной стороны, Филипп II был символом могущественного правителя, который оказывал влияние на Нидерланды издалека, находясь вне системы. Такое положение создавало из-

начально миф о недостижимом, почти высшем существе, вступить в диалог с которым не представлялось возможным. Однако эта недостижимость стала причиной уязвимости данного образа внутри системы. Создание уродливо-комичного образа стало последствием «намерения коммуникантов уйти от серьезного разговора» [5, с. 140]. Это связано с тем, что образ врага иррационализируется, происходит перефокусировка проблемы с критического дискурса в иррационально-эмоциональную сферу, где нет места рассудочным построениям. «По классическому определению Ф. Шиллера, впервые рассмотревшего сатиру как эстетическую категорию, "...в сатире действительность как некое несовершенство противопоставляется идеалу, как высшей реальности". Но идеал сатирика выражен через "антиидеал", т.е. через вопиюще-смехотворное отсутствие его в предмете обличения» [6]. Так в рассматриваемый период были созданы два мифологических образа, противопоставленных друг другу: с одной стороны, Вильгельм Оранский как образец политического деятеля-освободителя с прогрессивными взглядами, а с другой стороны, Филипп II, жестокий, недалекий тиран и обскурант.

Внутринациональная и макрополитическая роль «черного мифа» об Испании в период Нидерландской буржуазной революции. Цель мифологизации – создание воображаемого единства. «Социальная действительность для социального субъекта предъясняется как воображаемый мыслительный конструкт. Социальная реальность конструируется как пространство воображаемого» [7, с. 33]. Как отмечал Б.Ф. Поршнев, «вызывая чувство неприязни по отношению к "чужим", негативные клише одновременно усиливают чувство внутригрупповой солидарности среди "своих"» [цит. по: 8, с. 85].

Для сплочения такого единства и формирования определенной социальной реальности необходима демифологизация (или создание негативного мифа) соседнего пространства. В Нидерландах эпохи революции происходит складывание нации, рост национального самосознания через противостояние «испанскому абсолютизму и угнетению». «Война с Фландрией в конце концов превратилась в идеологическую войну, а поскольку она стала идеологической, то приобрела характер тотальной, жестокой, беспощадной...» [9, р. 405]. Принц Оранский часто проявлял себя как двуличный жестокий предатель, однако он, используя методы информационной войны, сумел создать образ Филипа как «тупого, ограни-

ченного деспота и католического изувера» [10, с. 42]. Позже, войдя в состав черной мифологии об Испании, эта характеристика перешла на нацию в целом. О том, что это был именно миф, свидетельствует соответствие данной конструкции ряду признаков: «бескомпромиссность суждений о предмете осмеяния, открытая тенденциозность – присущий именно сатире способ выражения авторской индивидуальности, стремящейся установить непреходимую границу между собственным миром и предметом обличения» [6].

Используя политическую неповоротливость Филипа, Вильгельм Оранский довел ситуацию до абсурда, «отвечая на обвинения Филипа еще более серьезными (и недоказанными – авт.) обвинениями, он осыпает его упреками в самых тяжких преступлениях и прегрешениях вроде вероломства, разврата, кровосмешения и убийства» [11, с. 275] собственного сына, конструируя тем самым «свой объект, создавая образ, наделенный высокой степенью условности, достигаемой "направленным искажением" реальных контуров явления с помощью преувеличения, заострения, гиперболизации, гротеска» [6].

Отметим мимоходом, что миф об убийстве собственного сына – один из самых значимых мифов, которые используются в политическом мифотворчестве во всех странах с целью создания образа врага. Себя же Вильгельм описывал как мученика и благородного борца за истинную веру (что было откровенной ложью, т.к. протестантизм он принял буквально накануне) и общественное благо (что также не соответствовало действительности, поскольку боролся он исключительно в защиту собственных интересов, более того, он был сторонником иностранной интервенции). Во многом созданный с подачи Вильгельма Оранского миф был рассчитан на стабилизацию отношений внутри Нидерландов и на отвлечение внимания протестантов с неудач внутренней политики властей на мифического «внешнего врага». «Если их не занять и не развлечь вовне, то они начнут мутить воду изнутри» [цит. по: 12, с. 84], – так отзывался о гугенотах-протестантах во Франции их предводитель Гаспар Колиньи, готовясь к вмешательству Франции в нидерландский конфликт.

Фландрия вела серьезную психологическую войну, публикуя и распространяя памфлеты, в которых демонизировался образ Филипа II, а через него – всего его народа. Направлены эти часто гротескные пародии были народному сознанию, которое со Средневековья воспри-

нимало образно поданную информацию, что стало уже традицией в эпоху слабой развитости средств массовой информации. Формировалось политико-правовое сознание, спланировалась нация, но не на основе положительных идеалов, а на фундаменте негативизма и ненависти. Кроме того, голландцы обращались таким образом за иностранной помощью, которая не замедлила появиться.

Исторические последствия политической пропаганды Вильгельма Оранского как формирования одного из устойчивых компонентов «черного мифа» об Испании. «Это была “бумажная война”», которую Испания проиграла» [9, р. 405], – сказал один английский историк. Хорошим материалом для закрепления этой части «черной легенды» стал памфлет принца Оранского, который представлял собой не что иное, как ответ на сходную реплику со стороны испанцев. Это был один из способов ведения войны, и надо отметить, что он с успехом применяется до сих пор. Однако этот памфлет не только стал мощнейшим оружием против Испании конца XVI в., распространившись по всей Европе в немецком, французском, английском, голландском и латинском вариантах, но в дальнейшем был подхвачен и, несмотря на свою чисто идеологическую направленность на деморализацию врага, продолжал тиражироваться в качестве исторического документа не только публицистами, но и историками. В этом небольшом памфлете принц Оранский обвинил короля Филипа в многочисленных изменах, кровосмесительной связи со своей сестрой Хуаной, убийстве своего сына Дона Карлоса и своей жены Изабеллы Валуа. И это еще было не все. Филип обвинялся в самых разнообразных изменах, лицемерии, мошенничестве [9].

Позже, в 1620 г., был опубликован памфлет «Отраженный образ испанской тирании в Нидерландах». Он включал в себя все разрозненные аспекты «черной легенды». Особенно подчеркивались зверства, насилие и жестокость испанских войск при захвате различных населенных пунктов в Голландии. Особенно очернялся образ герцога Альбы, командовавшего войсками.

Для Фландрии такая практика была нормальной. Большую роль в распространении критики существующего строя и реформационных идей среди народных масс Нидерландов сыграли так называемые риторические общества, существовавшие в каждом городе и даже во многих крупных деревнях. Литературно-драматическая деятельность обществ нередко

была пронизана прямой или косвенной критикой католической церкви, духовенства и представителей светских властей [10, с. 39–40].

Принц Оранский, словно в противовес ему, пять раз менял религию. Вообще в политической жизни он занимал самое двусмысленное положение, пытаясь находиться над противоборствующими сторонами. Вероятно, это был очень ловкий политик, поскольку, несмотря на упреки в том, что он не может определиться ни с религией, ни с политической позицией, он сумел сохранить свое лицо в самых сложных, казалось бы, ситуациях. Более того, он вел информационную войну с невероятной для эпохи умелостью. Такой стиль поведения в целом совпадал с политикой переходного периода. Поэтому в другой ситуации принц Оранский мог бы остаться в истории как великий предатель, но остался как великий патриот и повстанец против оккупационного и недалекого правительства. Таким образом, создавался двойной миф: Филип II предстал как чудовище, а сам он – как благородный герой.

В этот переходный период правительство Нидерландов признавало одновременно свое право не повиноваться испанскому королю, но в то же время продолжало признавать его законные права на власть. Так и в религиозном (т.е. в идеологическом смысле) принц Оранский пытался занимать позицию лояльную по отношению ко всем основным политическим силам. «Это крайне ложное положение не могло быть продолжительным: его двусмысленность обрекала его на гибель» [11, с. 274].

Филип II способствовал консолидации мифа о самом себе. Политически он действовал так, как это было принято столетиями. В данном случае стабильность и предсказуемость сыграла злую роль. Он не смог «ухватить» идею перехода в новую политическую эпоху и продолжал жить стереотипами, заложенными средневековой политикой. Он издал весьма традиционный указ, в котором фактически ставил Вильгельма Оранского вне закона. Что одновременно означало объявление его изгоем в соответствии со средневековой традицией. А. Пиренн охарактеризовал этот акт как «торжественно-патетический призыв к убийству на основании божественного права» [11, с. 275]. Вильгельм Оранский, несомненно, чувствовал идеологическую ситуацию несравненно лучше, чем испанский король, мыслящий шаблонами. Этот документ позволил ему одновременно высмеять Филипа и сформировать новый политический миф, который в силу обстоятельств

превратился в «черную легенду» и продолжает существовать до сих пор.

В народном сознании с помощью политических манипуляций появляется сравнение испанцев с турками, которые в тот момент времени также представляли собой значительную европейскую угрозу. Это создает миф о «неевропейскости» испанцев, а также вытесняет их на периферию европейской цивилизации, на самую границу, где уже ставится под сомнение их родство в «семье народов». Весьма интересно проследить пролонгацию этого мифа во времени и его «живучесть». «Черный миф», будучи инструментом пропаганды, может перерасти свое значение и сохраниться в общественном правовом и политическом сознании через века. В этом случае рациональный аспект такого мифа со временем теряется, и его тиражируют даже ученые, часто не отдавая себе отчет в том, что они находятся под властью мифологии, а не строят серьезные рациональные научные концепции. Так, например, в XIX в. ученый с мировым именем, К. Маркс, позволяет себе следующее совершенно иррациональное утверждение: «...абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы, вообще должна быть приравнена к азиатским формам правления...» [цит. по: 10, с. 41].

Выводы. Если индивид непосредственно не воспринимает какие-либо объекты окружающей его действительности, то он пользуется готовыми образами-шаблонами, предоставленными ему посредством разных доступных инструментов транслирования информации. Таким образом усваивает некий объект социально-политической и правовой реальности многократно отраженным, интерпретированным. Это образ, преломленный многократно.

Становление чувства единства, сопричастности, формирование пристрастного понятия о группе, к которой индивид принадлежит, – все это отдельные стороны механизма формирования идентичности. Человек естественно нуждается в том, чтобы такая идентификация была позитивной, «важным моментом которой является возможность в лучшую сторону отличаться от других групп, чтобы представить себе результат: оценочная поляризация со знаком “плюс”, относящимся к “Мы”, и знаком “минус”, относящимся к “Они”» [13]. Образ Героя неразрывно связан с образом Злодея, которого наш Герой должен победить. Возвеличиванию, хотя бы путем преувеличения положительных свойств «Мы-Героя», неразрывно сопутствует принижение и даже нередко демонизация «Они-Врага» [14, с. 40].

1. Лукьянова Н. Мифология и идеология документа в дискурсах власти // *Бренное и вечное. Человек в пространстве российской государственности: мифология, идеология, социокультурная практика: материалы Всерос. науч. конф., 13–14 дек. 2011 г. / редкол.: А.П. Донченко, Г.Э. Бурбулис и др.; НовГУ. Великий Новгород, 2012.*

2. Лангер С. *Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства / пер. с англ. С.П. Евтушенко; общ. ред. и послесл. В.П. Шестакова. М., 2000.*

3. Мельникова А.А. *Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб., 2003.*

4. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.*

5. Филиппова А.В. *Сатира как культурологический концепт в политическом коллаже // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 86. С. 140–143.*

6. Редкозубова О.С. *Структура смеховой культуры // Аналитика культурологии. 2009. № 13. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/struktura-smehovoy-kultury>*

1. Lukyanova N. *Mythology and ideology of the document in the discourses of power // Temporal and eternal. Person in the space of the Russian statehood: mythology, ideology, socio-cultural practice: proc. of the All-Russian sci. conf., Dec. 13–14, 2011 / ed. board: A.P. Donchenko, G.E. Burbulis et al.; NovSU. Veliky Novgorod, 2012.*

2. Langer S. *Philosophy in a new key: a Study in the symbolism of reason, rite, and art / transl. from English by S.P. Evtushenko; gen. ed. and forew. by V.P. Shestakov. Moscow, 2000.*

3. Melnikova A.A. *Language and national character. The correlation between language structure and mentality. St. Petersburg, 2003.*

4. Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge. Moscow, 1995.*

5. Filippova A.V. *Satire as a culturological concept in political collage // Bull. of Herzen State Pedagogical University. 2008. № 86. P. 140–143.*

6. Redkozubova O.S. *The structure of the laughter culture // Cultural analyst. 2009. № 13. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/struktura-smehovoy-kultury>*

7. Бушмакина О. Конструирование социального мифа: интерпассивность воображаемого сообщества // Бренное и вечное: политические и социокультурные сценарии современного мифа: материалы Всерос. науч. конф., 11–12 окт. 2005 г. / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2005.

8. Цыкалов Д.Е. Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // Вестн. ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 85–89.

9. Iglesias C. España desde fuera// España. Reflexiones sobre el ser de España. Madrid, 1998.

10. Чистозвонов А.Н. Нидерландская буржуазная революция XVI в. М., 1958.

11. Пиренн А. Нидерландская революция. М., 1937.

12. Метёлкина Ж.С. «Великий план» Гаспара де Колиньи // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 93. С. 80–86.

13. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype6.htm>

14. Калинина Е.Ю. Мифология средневекового правосознания: иррациональное в рациональном. М., 2014.

7. Bushmakina O. The social myth construction: interpassivity of imagined community // Temporal and eternal: political and socio-cultural scenario of the modern myth: proc. of All-Russian sci. conf., Oct. 11–12, 2005 / NovSU named after Yaroslav the Wise. Veliky Novgorod, 2005.

8. Tsykalov D.E. The cartoon as an instrument of propaganda during World War I // Bull. of Volgograd State University. Ser. 4: History, Management in the region. International relations. 2012. № 1. P. 85–89.

9. Iglesias C. España desde fuera// España. Reflexiones sobre el ser de España. Madrid, 1998.

10. Chistozvonov A.N. The Netherlands bourgeois revolution of the XVI century. Moscow, 1958.

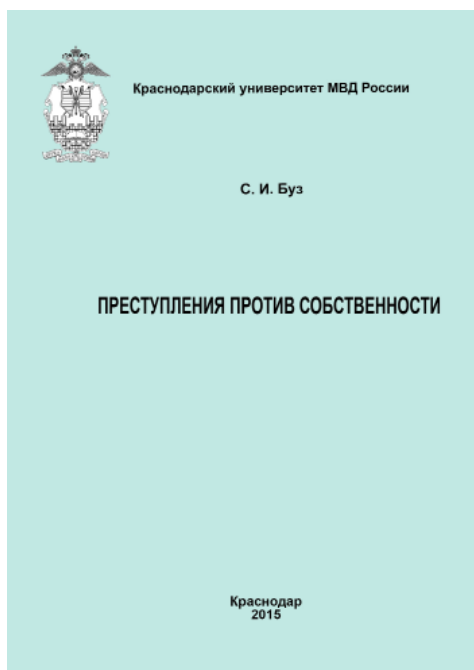
11. Pirenne A. The Netherlands revolution. Moscow, 1937.

12. Metyolkina Zh.S. «The great plan» of Gaspard de Coligny // Bull. of Herzen State Pedagogical University. 2009. № 93. P. 80–86.

13. Ageev V.S. The psychological study of social stereotypes // Psychology issues. 1986. № 1. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype6.htm>

14. Kalinina E.Yu. The mythology of the medieval legal consciousness: irrational in rational. Moscow, 2004.

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Преступления против собственности** : лекция / С. И. Буз. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – 50 с.

Лекция соответствует рабочей программе учебной дисциплины «Уголовное право» для слушателей Краснодарского университета МВД России по разделу «Особенная часть уголовного права России».

Анализируются составы преступлений, предусматривающих ответственность за посягательства на чужую собственность, рассматриваются различные аспекты ответственности за их совершение на основе действующего Уголовного кодекса Российской Федерации с учетом всех внесенных в него изменений и дополнений, включая Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 532-ФЗ.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, студентов, аспирантов, сотрудников правоохранительных органов.

**Упоров Иван Владимирович**

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор,  
профессор кафедры конституционного и административного права  
Краснодарского университета МВД России

**Кузовлева Галина Валерьевна**

кандидат филологических наук, доцент,  
заместитель начальника кафедры конституционного и административного права  
Краснодарского университета МВД России

(тел.: +78612581426)

## *Представительство народа (населения) в органах публичной власти: сущность и политико-правовая характеристика*

В статье рассматривается проблема представительства народа (населения) в органах публичной власти в России. Раскрывается сущность народного представительства, определяются его признаки, объект, механизм реализации в условиях российских реалий. Анализируются соответствующие нормы Конституции Российской Федерации и других правовых актов, формулируются предложения по их совершенствованию.

**Ключевые слова:** представительство народа, органы публичной власти, выборы, представительный орган, депутат, демократия.

**I.V. Uporov**, Doctor of History, Master of Law, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

**G.V. Kuzovleva**, Master of Philology, Assistant Professor, Deputy Head of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612581426.

### **Representation of the people (population) in the public authorities: the essence and political and legal characteristics**

The article discusses the problem of the representation of the people (population) in public authorities in Russia. The essence of popular representation is considered, its signs, the object, implementation mechanism in the conditions of Russian reality are determined. The relevant provisions of the Constitution of the Russian Federation and other legal acts are analyzed, proposals for their improvement are formulated.

**Key words:** representation of the people, public authorities, elections, representative body, deputy, democracy.

Согласно ст. 3 Конституции России носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления. В связи с этим в правовой литературе справедливо отмечается, что нельзя говорить о приоритете той или иной формы демократии, т.к. они равным образом важны для реализации народовластия [1, с. 136]. Вместе с тем, практика развития обществ показывает,

что форма непосредственного осуществления власти занимает ничтожно малый объем в реализации властных полномочий народа, – это делается в абсолютном большинстве случаев посредством представительства народа (населения) в органах публичной власти, которое, в свою очередь, реализуется путем выборов представителей (прежде всего депутатов) в такие структуры.

В данном случае институт выборов является ключевым, и в работах по конституционному праву выборы обычно расцениваются в качестве механизма формирования органов

публичной власти, как необходимая составляющая демократической организации государства, как высшее проявление власти народа и как одна из важнейших основ конституционного строя. Признавая значимость названных характеристик, отражение в них отдельных сторон юридической природы выборов, нетрудно заметить, что они – и в отдельности, и в своем системном единстве – описывают выборы преимущественно как систему ограниченных во времени предметно-целевых общественных отношений, по общему правилу прекращающихся в связи с избранием нового представительного органа публичной власти. Иными словами, можно говорить о выборах народных представителей во власть как в широком, так и в узком (технологическом, процедурном) смысле. Нас интересует, конечно, широкий смысл данного института, т.е. выборы как проявление власти народа и как одновременно механизм реализации народного представительства.

Конституция России, как видно из процитированной и из иных статей (ст. 11, 12 и др.), предусматривает функционирование следующих видов публичной власти: а) органов государственной власти (на уровне Российской Федерации и на уровне субъектов Российской Федерации); б) органов местного самоуправления, которые также относятся к органам публичной власти [2, с. 16], при этом применительно к муниципальной публичной власти более точным будет использование термина не «народ», а «население» соответствующего муниципального образования или «местного сообщества» [3, с. 52]. На всех трех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) публичная власть осуществляется народом в основном посредством избрания соответствующих представительных органов власти, которые, получив необходимые полномочия, формируют затем необходимые исполнительные, судебные, контрольные и другие органы власти и управления. В частности, на федеральном уровне народом избираются Президент России и депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ, и они совместно формируют Правительство России, Счетную палату России и другие органы власти и управления. То же происходит в субъектах Российской Федерации и в муниципальных образованиях, но, разумеется, со своей спецификой. Ю.М. Лермонтов в данном контексте справедливо отмечает, что представительная демократия характеризуется конституционный режим общественного управления и является необходимой формой его реализации [4, с. 29]. Следует также согла-

ситься с Н.А. Богдановой в том, что в представительной демократии главенствующую роль играют депутаты представительных органов власти [5, с. 45].

Однако указанный аспект (представительство народа во власти) не находит надлежащего регулирования в российском законодательстве, в том числе это касается Конституции России, где данному вопросу не уделено должного внимания. Речь идет, в частности, о том, что здесь термин «представительство» имеет несколько иной смысл. Например, согласно ч. 4 ст. 80 Президент России как глава государства представляет Россию внутри страны, а также в международных отношениях. В ст. 94 указывается, что Федеральное Собрание – Парламент Российской Федерации – является представительным и законодательным органом Российской Федерации.

В литературе не без оснований отмечается, что в данном случае речь идет не только о представительстве народа, но и представительстве Российской Федерации как суверенного государства [6, с. 29]. Кроме того, термин «представительство» достаточно часто применяется при регулировании отношений, связанных с ситуациями, когда должностное лицо на основании соответствующих правовых актов уполномочивается представлять какой-либо орган публичной власти (государственной власти или же муниципальной власти). Например, в соответствии со ст. 24 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ (в редакции от 12 марта 2014 г.) «О Правительстве Российской Федерации» Председатель Правительства РФ имеет полномочия представлять Правительство РФ, а в соответствии со ст. 24 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в редакции от 4 июня 2014 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» Председатель Конституционного Суда наделяется правом представлять Конституционный Суд РФ в отношениях с государственными органами, организациями, общественными объединениями, а также – по специальному уполномочию Конституционного Суда РФ – выступать с заявлениями от имени этого органа власти.

На наш взгляд, в законодательстве следует усилить значимость института народного представителя в органах публичной власти. Конституцию для этого изменять нецелесообразно, учитывая особый статус Основного закона страны. Но можно внести изменения в Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в редакции от 24 ноября 2014 г.) «Об основ-

ных гарантиях избирательных прав и права на участие граждан в референдуме Российской Федерации», в котором, по нашему мнению, необходимо скорректировать п. 9 ч. 2, изложив его в следующей редакции: «Выборы – форма прямого волеизъявления граждан, осуществляемого в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований в целях формирования органа государственной власти, органа местного самоуправления или наделения полномочиями должностного лица, обеспечивая тем самым народное представительство во власти».

В теории государства по вопросу о народном представительстве высказываются различные точки зрения. В частности, представительный орган (в данном случае – парламент) квалифицируется как представитель народа или нации [7, с. 112]. По мнению С.Э. Несмеяновой, представительный орган представляет, в числе прочего, нацию и народности [8, с. 229]. М.Н. Марченко полагает, что все общество в целом может представлять только государство и никакие иные организационно-политические структуры таким полномочием не могут быть наделены [9, с. 193]. Обобщая эти и подобные им позиции, мы можем отметить, что все они по-своему резонны. Вместе с тем, следует сделать одну существенную оговорку, которая заключается в том, что не может быть какого-либо представительного органа публичной власти, который бы представлял народ (население) в целом, – каждый орган власти, избранный населением (народом), представляет его во вполне конкретных сферах общественных отношений, что вытекает из общепризнанного принципа разделения ветвей власти, нашедшего отражение в Конституции России (ст. 10).

Что касается особой позиции государства (обращаясь к точке зрения М.Н. Марченко), то здесь, по нашему мнению, нет достаточных оснований говорить о том, что государство в таком (самом общем) понимании представляет интересы населения (народа), поскольку целенаправленного делегирования полномочий всего общества всему государству в представительских целях нет, кроме того, государство представляет также всю страну, т.е. самое себя, поэтому в любом случае нужно конкретизировать область общественных отношений, которая выступает в роли объекта народного представительства. При этом применительно к муниципальному уровню следует согласиться с Н.В. Джагарян, которая под представитель-

ством в сфере муниципально-властных отношений понимает такие качества, а также такой режим функционирования муниципальной власти, в силу которых соответствующий представительный орган способен отражать волю населения муниципального образования, выражать его интересы в своей повседневной деятельности [3, с. 52].

Что касается вопроса об объекте народного представительства, то он также тесно связан со степенью и характером представительства депутатами интересов населения. Так, когда депутат представляет общественное мнение, которое складывается по тому или иному вопросу общественно-политической и социально-экономической жизни, то, как отмечает С.А. Белов, депутат может занять позицию, которая противоречит действительным, объективным потребностям избирателей [10, с. 13]. Как полагает К.Ю. Тотьев, при выборе своей позиции депутат не может не учитывать интересы отдельных социальных групп, и в этом случае масса такой группы может иметь решающее значение [11, с. 23]. Согласно еще некоторым точкам зрения вышестоящая власть должна оценивать состояние властеотношений на нижнем уровне и вносить необходимые коррективы [12, с. 107], при этом необходимо выявлять наиболее значимые проблемы общества и решать их путем поиска компромисса между интересами разных социальных групп [13, с. 57]. В этом контексте представительная демократия рассматривается как конституционная ценность, органически взаимосвязанная с целями формирования гражданского общества, демократического, конституционного и правового государства, при этом подобная взаимосвязь не складывается сама по себе, поскольку требуется соблюдение ряда условий, к числу которых относятся справедливость и прозрачность избирательной системы, адекватные полномочия представительных органов, оптимальное правовое регулирование организации работы депутатов [14, с. 10]. Каждый из авторов по-своему прав, поскольку все, что указано, целесообразно.

Но это только пожелания. В практике же общественное мнение и действительные потребности населения не всегда совпадают, и в связи с этим в литературе отмечается, что население не является «единой массой», соответственно, здесь важно отделять действительно общие интересы от эгоистических интересов отдельных избирателей или отдельных групп жителей, и депутат как представитель населения должен сделать свой выбор, т.к. наказы депутату по



одному и тому же вопросу могут различаться. В любом случае следует согласиться с позицией Конституционного Суда РФ о том, что народное представительство, будучи важнейшей организационной формой конституционного государства, отнюдь не означает слияния власти и народа [15]. В данном случае речь идет о передаче народом права на законодательную власть парламенту, но при сохранении права контроля за деятельностью избранных народом представительных органов, т.е., как указывается в приведенном постановлении Конституционного Суда РФ, народ передает представительным органам не саму власть, а только лишь право на власть, на осуществление власти. Мы полагаем, что данный принцип применим и для всех других видов народного представительства.

Еще несколько соображений по вопросу о выборах, которые, как известно, представляют собой способ делегирования в органы публичной власти соответствующего уровня представителей от народа (точнее, избирательного корпуса, называемого электоратом). Характерными признаками выборов являются периодическое их проведение и сменяемость выборных лиц. Выборы в России осуществляются на основе сложившихся традиционных принципов, а именно: всеобщего равного прямого избирательного права при тайном голосовании. При этом в действующей Конституции России сформулирован принцип свободных выборов (ч. 3 ст. 3), что на конституционном уровне произошло впервые, и тем самым создана конституционная основа для формирования действительно народного представительства в представительных органах публичной власти всех уровней.

Здесь же отметим, что в силу особой важности института представительства в жизни

общества полномочие народного представительства не может быть передано депутатом или иным выборным лицом другому лицу, поскольку в силу голосования на выборах за конкретного кандидата данное право народного избранника представлять народ (население) является неотчуждаемым.

Таким образом, представительство народа (населения) в органах публичной власти выражается в делегировании избирателями публично-территориального образования властных полномочий органам власти соответствующего уровня (федерального, регионального, муниципального) посредством выборов депутатов и должностных лиц с целью наиболее эффективного обеспечения обобщенных интересов населения. Каждый орган власти, избранный населением (народом), представляет его по конкретным сферам общественных отношений, что находит отражение в соответствующих полномочиях этих органов, закрепляемых в Конституции России, конституциях и уставах субъектов Российской Федерации, уставах муниципальных образований, т.е. не может быть какого-либо одного представительного органа публичной власти, который бы представлял народ (население) в целом. При этом народ передает органам власти не саму власть, а право осуществлять от его имени эту власть. Вместе с тем, принцип представительства народа (населения) не находит адекватного отражения в законодательстве, где необходимо усилить его значимость, что целесообразно сделать путем внесения изменений в п. 9 ч. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие граждан в референдуме Российской Федерации».

1. Конституционное (государственное) право: учеб.-метод. комплекс / сост. Н.А. Александрова. Челябинск, 2005.

2. Брежнев О.В. Федеральное законодательство об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: проблемы применения, тенденции развития, перспективы совершенствования // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 4. С. 16–22.

3. Джаягарян Н.В. Муниципальная представительная демократия в России. Ростов н/Д, 2010.

4. Лермонтов Ю.М. Конституционно-правовая институционализация муниципальной

1. Constitutional (state) law: educational-methodical complex / comp. by N.A. Alexandrova. Chelyabinsk, 2005.

2. Brezhnev O.V. Federal legislation about general principles of organization of local self-government in the Russian Federation: application problems, development trends, opportunities for improvement // State power and local self-government. 2010. № 4. P. 16–22.

3. Dzhagaryan N.V. Municipal representative democracy in Russia. Rostov-on-Don, 2010.

4. Lermontov Yu.M. Constitutional and legal institutionalization of municipal democracy in modern Russia: diss. ... Master of Law. Moscow, 2009.

демократии в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

5. Богданова Н.А. Надконституционность и наднормативность в системе характеристик конституции // Конституция как символ эпохи: в 2 т. / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2004. Т. 1. С. 43–47.

6. Астафичев П.А. Народное представительство в современной России: проблемы теории и правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

7. Конюхова И.А. Двухпалатность как принцип организации национальных парламентов: опыт России и мировая практика // Журнал рос. права. 2004. № 1. С. 110–114.

8. Несмеянова С.Э. Федеральное Собрание и Конституционный Суд: вопросы соотношения и взаимодействия // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2003. С. 228–231.

9. Марченко М.Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1. С. 190–199.

10. Белов С.А. Избирательная система как правовой институт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.

11. Тотьев К.Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право. 2002. № 9. С. 23–26.

12. Бобылев А.И. Механизм правового воздействия на общественные отношения // Государство и право. 1999. № 5. С. 105–109.

13. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. 2002. № 7. С. 56–59.

14. Садовникова Г.Д. Представительная демократия: от идеи к реализации. М., 2008.

15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 апр. 1997 г. № 315 // Собр. законодательства РФ. 1997. № 20. Ст. 2383.

5. Bogdanova N.A. Newconstitution and adsorptively in the system characteristics of the Constitution // Constitution as a symbol of the era: in 2 vol. / ed. by S.A. Avakyan. Moscow, 2004. Vol. 1. P. 43–47.

6. Astafichev P.A. National representation in modern Russia: problems of theory and legal regulation: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2006.

7. Konyukhova I.A. Bicoresness as a principle of organization of national parliaments: the experience of Russia and the world practice // Journal of Russian law. 2004. № 1. P. 110–114.

8. Nesmeyanova S.E. Federal Assembly and the Constitutional Court: the issues of correlation and interaction // Parliamentary procedure: problems of Russian and foreign experience / ed. by S.A. Avakyan. Moscow, 2003. P. 228–231.

9. Marchenko M.N. State sovereignty: issues determination of concept and content // Jurisprudence. 2003. № 1. P. 190–199.

10. Belov S.A. Electoral system as a legal institution: auth. abstr. ... Master of Law. St. Petersburg, 2003.

11. Totyev K. Yu. Public interest in legal doctrine and law // State and law. 2002. № 9. P. 23–26.

12. Bobilev A.I. Mechanism of legal influence on public relations // State and law. 1999. № 5. P. 105–109.

13. Gadzhiev G.A. Constitutional principles of fairness and against abuse of subjective rights // State and law. 2002. № 7. P. 56–59.

14. Sadovnikova G.D. Representative democracy: from idea to implementation. Moscow, 2008.

15. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of Apr. 30, 1997 № 315 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1997. № 20. Art. 2383.

**Бондарева Елена Анатольевна**

кандидат юридических наук,  
доцент кафедры конституционного права России и зарубежных стран  
Воронежского государственного университета  
(тел.: + 74732208378)

## *Роль конституционной экономики в формировании политики современного государства*

В статье исследуются предмет и задачи такого научного направления, как конституционная экономика, с точки зрения системного подхода. Автор обосновывает мнение, что предмет конституционной экономики и направления политики государства в данной сфере взаимобусловливают друг друга.

**Ключевые слова:** конституционная экономика, основы экономического строя, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

**E.A. Bondareva**, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Constitutional Law of Russia and Foreign Countries of the Voronezh State University; tel.: +74732208378.

### **Role of the constitutional economy in formation of policy of the modern state**

In the article the subject and problems of such scientific direction as the constitutional economy from the point of view of system approach are investigated. The author locates that the subject of the constitutional economy and the directions of policy of the state in this sphere influence at each other.

**Key words:** constitutional economy, foundations of the economic system, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

**Р**азвитие правовых систем России и зарубежных стран в условиях интеграционных и модернизационных процессов позволяет говорить о конституционализации регулирования общественных отношений, а конституционное воздействие на экономические отношения в последнее время все чаще становится предметом научных исследований как в отечественной и зарубежной юриспруденции, так и в экономической науке. Взаимодействие права и экономики в целом, конституционного (государственного) права и экономических основ общества в частности является одним из ключевых и дискуссионных вопросов развития российской государственности.

Правовое обеспечение экономических преобразований играет огромную роль в поддержании основных условий функционирования рыночного хозяйства – экономической свободы и ценовой конкуренции, а также в определении и обеспечении «правил игры» между субъектами рыночных отношений.

Роль конституции в социально-экономическом развитии государства все больше возрастает, и она является не только отображением политической жизни, но и мерилom экономики. Право и экономика развиваются параллельно, взаимно обуславливая и влияя друг на друга.

При этом предмет конституционного (государственного) права любого государства не может быть раз и навсегда абсолютно определенным. Он зависит в первую очередь от содержания самих конституций и других основополагающих документов, действующих в государстве на данном этапе его развития.

Специфичность предмета конституционного (государственного) права заключается в том, что его содержание составляют не только общественные отношения, так сказать, в традиционном понимании, т.е. нормы указанной отрасли права регулируют общественные отношения посредством установления правомочий и обязанностей конкретных субъектов, но и конституционные принципы, определяющие общественный строй, выражающие в общем виде его характерные черты и являющиеся исходными для общественных отношений, регулируемых другими отраслями права.

Конституция России 1993 г. оказала влияние на развитие всей правовой системы российского законодательства, которое обновилось и стало занимать ведущее положение в регулировании общественных отношений. Особенно интенсивно развивалось конституционное, гражданское, административное, финансовое законодательство, что позволило уменьшить

сферу деятельности так называемого правового вакуума. Но стремительный темп законодательства явился одной из причин бессистемности и хаотичности законодательства, в том числе регулирующего вопросы экономики.

Этот процесс осложняется и тем, что происходящее в последние два десятилетия масштабное и стремительное формирование российского законодательства отличается рядом особенностей [1, с. 14–17], в частности отставанием государственно-правовой теории рыночных отношений и института основ экономического строя от потребностей современного российского общества. Только в конце 90-х гг. в России зародилось новое научное направление на стыке права и экономики – конституционная экономика, которое изучает принципы оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития, отраженным в нормах конституционного права, регламентирующих экономическую и политическую деятельность в государстве [2, с. 10].

Конституционная экономика, или конституционная политическая экономия, как новое направление экономической мысли возникла в 60–70-е гг. XX в. Первыми начали изучать вопросы взаимодействия права и экономики представители экономической науки, а именно Генри Саймонс, Рональд Коуз, Гэри Беккер и Генри Мен [3, с. 30–32]. В качестве самостоятельной концепция конституционной экономики впервые была сформулирована экономистом Дж. Бьюкененом, за что в 1986 г. он получил Нобелевскую премию.

Наряду с англо-саксонской концепцией конституционной экономики, в Европе усилиями ученых Германии, Франции, Польши, Испании, Италии, Португалии создана конституционно-правовая доктрина, получившая наименование «экономическая конституция».

«Экономическая конституция – это не Гражданский кодекс, хотя такая метафора получила распространение с легкой руки цивилистов. Это совокупность конституционных принципов, норм, представляющих собой внутренне согласованную подсистему в системе конституционного права, имеющих общую направленность на правовое регулирование экономических отношений на макроюридическом конституционно-правовом уровне. Экономическая конституция как одно из направлений развития науки конституционного права позволяет рассматривать как единство такие противоположности, как принципы экономической свободы, автономии субъектов частного права и принцип социального государства, неизбежно влекущий госу-

дарственное регулирование и перераспределительные экономические отношения» [4, с. 38–39].

Г.А. Гаджиев отмечает, что конституционно-правовая концепция «экономической конституции» рефлексивно отражает в области конституционного права сложившиеся представления о том, какие функции должно выполнять государство в сфере экономики. Основные принципы, образующие эту нормативно-правовую концепцию, должны служить критериями допустимого, с точки зрения Конституции, проникновения государства в предпринимательскую сферу, которая обычно является областью частноправового регулирования [5, с. 5].

Более развернутую характеристику «экономической конституции» дает Г.Н. Андреева, отмечая, что концепция «экономической конституции» не сводится только к вопросам воздействия государства на экономику и установления границ государственного регулирования экономической сферы. Важным компонентом экономической конституции являются экономические права и свободы как в целом, как особая группа прав и свобод, так и особенно свобода экономической деятельности и право собственности, а также вопросы взаимоотношений труда и капитала. Исследование форм их конституционной и в целом правовой защиты, границ прав и свобод, допустимых пределов вторжения государства позволяет конкретизировать эту сторону экономической конституции [6, с. 14].

Создатель Фрайбургской школы В. Ойкен употреблял термин «экономическая конституция» в трех значениях: во-первых, он писал о ней в экономическом смысле как о юридически детерминированной и строгой модели, во-вторых, у него встречаются положения о сотрудничестве между теорией и юридической практикой в реализации экономической конституции, в-третьих, в связи с «тотальным юридико-конституционным и экономическим решением». Разработанная В. Ойкеном теория экономического порядка придавала исследованию проблем конституционного регулирования экономических отношений осмысленность и системность [6, с. 11].

В современной России идеи конституционной экономики начали развиваться примерно с середины 90-х гг. XX в. На этот период пришелся всплеск позитивизма в отечественной экономической науке, и исследователи уделяли внимание в основном прикладным проблемам, связанным с анализом соотношения конституционного права и экономики. В результате в

России постепенно сложилось научное направление на стыке институциональной экономики и конституционного права – конституционная экономика.

В качестве основных исследовательских направлений отечественная конституционная экономика называет выявление конституционно-правовых предпосылок эффективного развития экономики; анализ воздействия экономики на государство, в том числе исследование механизмов воздействия экономики на сохранение либо изменение конституционных форм; изучение воздействия экономических кризисов на государство и конституционных кризисов на экономику; исследование влияния глобализации мировой экономики на конституционные процессы в различных странах.

Несмотря на уже имеющийся богатый исследовательский материал и перспективные возможности, которые дает использование инструментария конституционной экономики для анализа взаимосвязей политических, экономических и конституционных процессов, необходимо отметить, что на сегодняшний момент собственно теория конституционной экономики еще не получила в России достаточного развития.

Перед конституционной экономикой стоит широкий круг задач не только теоретического, но и практического плана. К числу практических задач относятся:

выявление конституционно-правовых предпосылок эффективного развития экономики;

анализ воздействия экономики на государство; как показывает исторический опыт, рыночная экономика – это и есть основа существования демократического режима; кроме того, в рамках данного направления исследуются механизмы воздействия экономики на сохранение либо изменение конституционных форм;

изучение воздействия экономических кризисов на государство и конституционных кризисов на экономику;

изучение влияния глобализации мировой экономики на конституционные процессы в конкретных странах.

Исследование конституционной экономики предполагает одновременность работы на конституционно-правовом и экономическом полях. Ведь только на основе сочетания конкретно-исторического подхода, экономического и сравнительно-правового анализа можно вывести исследование за рамки набора стандартных тезисов относительно связи конституции и экономики, демократии и свободного рынка [2, с. 25].

В российской конституционной экономике не сложилось единого подхода к определению ее системы.

В самом общем виде можно выделить четыре основные группы вопросов, регулируемых конституцией и имеющих непосредственное отношение к социально-экономическому развитию страны:

во-первых, принципы основ экономического строя;

во-вторых, собственность, ее формы, структура и гарантии;

в-третьих, социально-экономические права, свободы и гарантии граждан;

в-четвертых, основы правового регулирования налоговых, банковских отношений, а также бюджетного процесса.

Все эти четыре аспекта так или иначе отражают соотношение прав и возможностей государства и частного лица, а в ряде случаев и прямо определяют экономическую роль государства, возможности и пределы вмешательства власти в хозяйственный процесс.

Без реального экономического базиса не может существовать отдельное государство на любом историческом этапе своего развития. Политико-правовым фундаментом экономической основы государства являются конституционные принципы регулирования данной сферы жизнедеятельности общества. Указанные положения, закрепленные в тексте Основного закона, выражают неразрывное единство политического, экономического и идеологического плюрализма.

Конституционные принципы выступают инструментом не только в выработке направлений политики государства, но и в формулировании приоритетов этой политики в экономической сфере. Иными словами, конституционные принципы основ экономического строя – это своеобразная матрица для органов публичной власти при определении целей и задач в соответствующей сфере, а также при принятии конкретных решений для их достижения и контроля.

Экономические и социальные отношения все в большей степени вовлекаются в сферу конституционного воздействия как путем их прямого конституционно-правового регулирования, так и посредством осуществления конституционного контроля в области рыночного (экономического) и социального законодательства [7, с. 13].

Одновременно развитие экономических и конституционно-правовых отношений характеризуется процессами интеграции и глобализации.

Возникновение и разработка такого научного направления, как конституционная экономика, отражают общую научно-методологическую тенденцию комплексного рассмотрения всех

протекающих в мире процессов, осознания их глубинной взаимосвязи и взаимозависимости.

Методология конституционной экономики предполагает оценку эффективности взаимосвязи экономических отношений и конституционных положений [8, с. 66].

Объективная социально-экономическая тенденция усиления роли Российского государства в регулировании экономики и социализации экономических процессов нашла отражение не только в научной литературе, но и в решениях Конституционного Суда России [9, с. 28–36; 10, с. 10–18], правовые позиции которого можно рассматривать как толкование конституционных институтов с использованием метода конституционной экономики [11, с. 130].

По нашему мнению, конституционная экономика в самом общем виде представляет собой систему конституционных принципов государственного регулирования, а также функционирования экономической системы в конкретной стране, закрепленную (с учетом территориального устройства) в конституционном законодательстве государства в целом или его составных частей.

Конституционную экономику предлагается рассматривать, с одной стороны, как научную дисциплину, образовавшуюся на стыке науки конституционного права и экономических наук. В таком случае конституционная экономика – это межотраслевое научное направление, в большей степени относящееся к науке конституционного права, но учитывающее и результаты экономической науки.

С другой стороны, это экономическая сфера жизнедеятельности общества, регулируемая нормами конституционного права.

В первом случае предметом науки является изучение принципов оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития, отраженным в нормах конституционного права, регламентирующих экономическую и политическую деятельность государства.

Во втором случае предмет исследования конституционной экономики – это общественные отношения, возникающие при вмешательстве публичной власти в частную экономическую деятельность.

При этом пределы для регулирования экономических отношений со стороны публичной власти задаются такими важнейшими для конституционного права принципами, как правовое государство, пропорциональность и соразмерность при ограничении прав и др. Результатом деятельности публичной власти по регулированию (и ограничению) экономических прав и

свобод предпринимателей является конституционный экономический публичный порядок. Под последним предлагается понимать состояние экономических отношений в обществе, образуемое в результате целенаправленного воздействия государства путем их законодательного регулирования, в результате которого устанавливаются пределы вмешательства государства, возможности ограничения частных прав в публичных интересах в целях обеспечения экономической безопасности страны.

Сущность предмета конституционной экономики состоит в выработке рациональных правил взаимодействия публичной власти и бизнес-сообщества и выражается в конкретизации и защите принципов основ конституционного строя, обеспечении стабильности сложившихся условий хозяйствования и правовой определенности.

В большей степени система конституционной экономики прослеживается через определение содержания функции государства в исследуемой сфере. Конституционная экономика – область междисциплинарная, чем и обусловлена своеобразная эклектичность при выявлении ее содержания и структуры: сюда подпадают явления как экономической, так и юридической и политической действительности.

Исходя из вышеизложенного, автор видит потребность в детальном исследовании правового регулирования конституционным законодательством России и зарубежных стран основ экономических отношений, его роли в становлении и развитии рыночной системы хозяйствования в конкретном субъекте Федерации или их группе, в стране в целом не только при подготовке юристов, но и при обучении экономистов.

Интерес к праву для экономистов является вполне естественным, т.к. правовые нормы, с одной стороны, зачастую ограничивают возможность принятия и осуществления экономических решений, которые, на их взгляд, являются эффективными и необходимыми, с другой – устанавливают достаточно высокий уровень имущественных обязательств, который не соответствует экономическим возможностям того или иного государства [12, с. 99].

Комплексный подход к исследованию системы конституционной экономики имеет большое теоретическое и практическое значение. Преподавание экономических дисциплин без учета конституционно-правовых факторов, сложившихся как в отдельном государстве (либо его составных частях), так и в государствах в целом, обедняет анализ экономических процессов.

1. Бондарева Е.А. Конституционно-правовое регулирование основ экономических отношений на уровне субъектов Российской Федерации. Воронеж, 2010.
  2. Баренбойм П.Д., Гаджиев Г.А., Лафитский В.И., Мау В.А. Конституционная экономика: учеб. для юрид. и экон. вузов. М., 2006.
  3. Познер Р.А. Экономический анализ права: в 2 т. / пер. с англ. под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб., 2004. Т. 1.
  4. Гаджиев Г.А. Предмет конституционной экономики // Очерки конституционной экономики, 23 окт. 2009 г. / отв. ред. Г.А. Гаджиев. М., 2009.
  5. Гаджиев Г.А. Экономическая конституция. Конституционные гарантии свободы предпринимательской (экономической) деятельности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 1.
  6. Андреева Г.Н. Концепция «экономической конституции»: Прошлое и настоящее // Концепция «экономической конституции»: Современные исследования: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; отв. ред. Г.Н. Андреева. М., 2008.
  7. Бондарь Н.С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). М., 2006.
  8. Мазаев В.Д. Метод конституционного права и конституционная экономика // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2.
  9. Бондарева Е.А. Власть и бизнес: вопросы ответственности в социальном государстве // Вестн. ВГУ. Право. 2012. № 2.
  10. Бондарева Е.А. Реализация принципа свободы экономической деятельности в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Правовая наука и реформа юридического образования: сб. науч. тр. / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2013. Вып. 3(26).
  11. Мазаев В.Д. Конституционно-правовые и экономические институты: направления взаимодействия и оценки // Институты конституционного права / отв. ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постников. М., 2011.
  12. Лагутенко К.Е. Система конституционной экономики // Публично-правовые исследования: электрон. журн. 2012. № 1.
1. Bondareva E.A. Constitutional and legal regulation of bases of the economic relations at the level of subjects of the Russian Federation. Voronezh, 2010.
  2. Barenboim P.D., Gadzhiyev G.A., Lafitsky V.I., Mau V.A. Constitutional economy: textbook for law and economic higher education institutions. Moscow, 2006.
  3. Pozner R.A. Economic analysis of the law: in 2 vol. / transl. from English ed. by V.L. Tambovtsev. St. Petersburg, 2004. Vol. 1.
  4. Gadzhiyev G.A. Subject of the constitutional economy // Sketches of the constitutional economy, Oct. 23, 2009 / resp. ed. G.A. Gadzhiyev. Moscow, 2009.
  5. Gadzhiyev G.A. Economic constitution. Constitutional guarantees of freedom of business (economic) activity // Magazine of the foreign legislation and comparative jurisprudence. 2009. № 1.
  6. Andreyeva G.N. Concept of «the economic constitution»: Past and present // Concept of «the economic constitution»: Modern researches: coll. of sci. papers. / Russian Academy of Sciences. INION; resp. ed. G.N. Andreyeva Moscow, 2008.
  7. Bondar N.S. Constitutionalization of social and economic development of the Russian statehood (in the context of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). Moscow, 2006.
  8. Mazayev V.D. Method of a constitutional law and constitutional economy // Comparative constitutional review. 2010. № 2.
  9. Bondareva E.A. Power and business: questions of responsibility in the social state // VSU bull. Law. 2012. № 2.
  10. Bondareva E.A. Realization of the principle of freedom of economic activity in practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Legal science and reform of legal education: coll. of sci. papers / ed. by Yu.N. Starilov. Voronezh, 2013. Iss. 3(26).
  11. Mazayev V.D. Constitutional and legal and economic institutes: directions of interaction and assessment // Institutes of a constitutional right / resp. ed. L.V. Andrichenko, A.E. Postnikov. Moscow, 2011.
  12. Lagutenko K.E. System of the constitutional economy // Public researches: electronic J. 2012. № 1.

**Харитонов Илья Константинович**

кандидат юридических наук,  
старший преподаватель кафедры гражданского права  
и гражданского процесса  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: urpom.haritonoff@yandex.ru)

## *Проблемы правового регулирования государственной службы в Российской Федерации*

В статье автор рассматривает вопросы правового регулирования государственной службы в Российской Федерации. Анализирует конституционные и законодательные основы принципиальных положений статуса государственной службы, основы правового статуса государственных служащих. Подчеркивает, что правовая основа государственной службы требует своего совершенствования и концептуальной доработки с учетом современных реалий и требований государства.

**Ключевые слова:** государственная служба, принципы государственной службы, система государственных органов, конституционно-правовой статус, государственный служащий.

**I.K. Haritonov**, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Civil Law and Civil Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: urpom.haritonoff@yandex.ru

### **Problems of legal regulation of public service in the Russian Federation**

The author considers the legal regulation of the civil service in the Russian Federation. Analyzes the constitutional and legal foundations of fundamental provisions of the public service and the foundations of the legal status of civil servants. Points out that the legal basis for the civil service requires its improvement and conceptual refinement in the light of contemporary realities and requirements of the state.

**Key words:** public service, principles of public service, system of state organs, constitutional and legal status, civil servant.

**П**роцесс становления и развития институтов государственной службы идет сложно. Значение данного процесса трудно переоценить, т.к. полноценная реализация прав и добросовестное исполнение обязанностей государственными служащими влияют на результативность государственного управления, качественное осуществление управленческих функций, решение государственных задач, достижение сложных социально-политических целей, стоящих перед Российской Федерацией.

В конце XX – начале XXI в. в значительной части государств мира осуществлялись и продолжают проводиться крупномасштабные правовые реформы, направленные на преобразование всех систем государственного управления. Проблематика административного реформирования государственной службы приоритетна и для Российской Федерации. В целях создания современной дееспособной системы государственного управления в ав-

густе 1997 г. разработан первый проект Концепции административной реформы, который 13 марта 1998 г. обрел нормативную форму. Позже были приняты Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 гг. и Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 гг. Указанное свидетельствует о назревшей потребности разработать комплексные меры по совершенствованию государственной, в том числе гражданской, службы.

В настоящее время формируется законодательство, регламентирующее основные вопросы государственной службы.

Основы государственной службы заложены в Конституции РФ. Поэтому можно говорить о конституционном статусе государственной службы. Однако единого понимания статуса данного вида не наблюдается.

Так, С.Э. Несмеянова отмечает, что понятие конституционно-правового статуса субъекта



конституционных правоотношений дается через перечень составляющих конкретный статус элементов. Последние должны раскрывать признаки того или иного субъекта, его черты, позволяющие отнести субъект к определенной системе, а также их особенности [1, с. 5].

Б.Н. Габричидзе относил к элементам конституционного статуса государственного органа политическую и государственно-правовую характеристику органа государства, место различных видов органов в общегосударственной системе, дифференциацию систем, подсистем и видов органов, их соотношение; основы взаимоотношений органов; важнейшие принципы организации и деятельности государственных органов; основы компетенции; виды правовых актов государственных органов [2, с. 10].

При определении конституционно-правового статуса Н.А. Богданова отмечает, что можно проследить последовательность стадий приобретения статуса, обладания им и его реализации тем или иным органом государственной власти [3, с. 65].

При обращении к тексту Конституции РФ сразу же можно выделить нормы, которые закрепляют такие правовые основы, как осуществление народом своей власти через органы государственной власти (ч. 2 ст. 3), единство системы государственной власти (ч. 3 ст. 5), разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10), равный доступ граждан к государственной службе (ч. 4 ст. 32). Важное значение имеют положения Конституции РФ (ч. 2 ст. 46) о возможности обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц и некоторые другие конституционные нормы.

Конституция РФ в п. «т» ст. 71 также устанавливает, что федеральная государственная служба находится в ведении Российской Федерации; в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находятся кадры судебных и правоохранительных органов; адвокатура, нотариат (п. «л» ст. 72). В отличие от федеральной государственной службы правовое регулирование государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Конституционные нормы находят свое отражение в действующем законодательстве, которое строится как двухуровневая система.

Оно состоит из законодательных актов федерального уровня и аналогичных актов уровня субъектов Российской Федерации. В составе такого законодательства есть законы (в буквальном смысле) и подзаконные нормативные правовые акты о государственной гражданской службе.

К числу отраслевых актов можно отнести Федеральные законы от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции», от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию», от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», «О противодействии коррупции», «О персональных данных» и некоторые другие, Указы Президента РФ от 1 июля 2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов», от 9 февраля 2013 г. № 126 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров».

В сфере государственной службы действуют также ведомственные правовые акты федеральных органов исполнительной власти (федеральных министерств и служб). На основании закона и во исполнение указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ они регулируют вопросы государственной гражданской службы в пределах своей ведомственной компетенции.

Одним из наиболее важных является Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», который определяет государственную гражданскую службу Российской Федерации (далее – гражданская служба) как вид государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации (далее – граждане) на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации (далее – должности гражданской службы) по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и

ее субъектов (включая нахождение в кадровом резерве и другие случаи) [4, с. 45].

Кроме того, важной составляющей правового регулирования государственной службы является антикоррупционное законодательство. Одно из главных условий противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации – это введение антикоррупционных стандартов. Статья 7 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» предусматривает введение антикоррупционных стандартов, включающих в себя совокупность элементов: запреты; ограничения; дозволения; обязанности.

Таким образом, в основе действующего законодательства лежит единство системы государственной службы и принципов ее построения. Единство системы обеспечивается существованием в государстве Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации». Единство принципов ее построения очевидно при сравнении ст. 3 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» и ст. 4 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Как минимум по пяти принципам из девяти имеется смысловое и формально-терминологическое совпадение (см. комментарий к ст. 4 Закона). Это свидетельствует о том, что современная российская государственная служба представляет собой единую систему государственно-служебных отношений, построенную на базе общесистемных правовых принципов.

Государственная служба является важнейшим правовым государственным институтом, призванным обеспечивать государственное управление.

Вместе с тем, остаются вопросы, не затронутые реформами. Прежде всего, они связаны с правовым статусом государственных, в том числе гражданских, служащих, которые, по статистике, составляют большую часть государственных служащих (около 80%). Конкретных мер, направленных на реализацию данных принципов, недостаточно. Они носят бессистемный характер.

Административной реформой заложен фундамент обновления правового статуса гражданских служащих, принято два федеральных закона, около двадцати указов Президента РФ и большое количество подзаконных актов, регулирующих государственно-служебные отношения. Однако о существенном прогрессе

административной реформы заявлять преждевременно, что обуславливает дополнительный прикладной интерес к проблемам регулирования и реализации административно-правового статуса гражданских служащих.

Возникла необходимость пересмотра концептуального понимания статуса государственного служащего. «Точечные» воздействия на отдельные элементы статуса не достигают своей цели, поскольку такие меры недостаточны для формирования концептуального понимания статуса государственных служащих.

Отдельные элементы статуса государственных органов уже неоднократно становились темой научных исследований автора и многих других ученых [5; 6].

Обычно правовой статус государственных гражданских служащих рассматривают как совокупность служебных обязанностей и прав, направленных на обеспечение властно-распорядительных функций государственных органов, включая ограничения, запреты, правила служебного поведения, гарантии и компенсации [7].

Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в гл. 13 «Правовое положение (статус) гражданского служащего», видоизменив структуру правового статуса гражданского служащего, ввел в нее следующие элементы:

- основные права гражданского служащего;
- основные обязанности;
- ограничения, связанные с гражданской службой;
- запреты, связанные с гражданской службой;
- требования к служебному поведению;
- урегулирование конфликта интересов на гражданской службе.

Из данного перечня следует, что при рассмотрении правового статуса государственного служащего и сотрудника органов внутренних дел необходимо учитывать, что он связан со статусом органа государственной власти и в целом с правовыми основами государственной службы.

Рассмотрим, как Конституционный Суд РФ толкует положения Конституции РФ, определяющие особенности статуса государственного служащего.

Согласно Конституции РФ (ч. 4 ст. 32) граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе. При этом наделение статусом государственного служа-

щего налагает определенные обязанности и ограничения.

Реализуя право на свободное распоряжение своими способностями к труду (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ) путем поступления на государственную службу, гражданин добровольно избирает профессиональную деятельность, занятие которой предполагает наличие определенных ограничений в осуществлении им конституционных прав и свобод, что обусловлено исполнением особых публично-правовых обязанностей, возложенных на государственных служащих сообразно соответствующему виду государственной службы, и, следовательно, требует соблюдения в правовом регулировании государственной службы баланса законных интересов, связанных с ее организацией и эффективным функционированием, и необходимости защиты прав и свобод лиц, находящихся на государственной службе.

Специфика государственной службы как профессиональной деятельности по обеспечению исполнения полномочий государственных органов предопределяет, как указывал Конституционный Суд РФ, правовой статус государственных служащих, исходя из особенностей которого, обусловленных характером выполняемой ими деятельности и предъявляемыми к ним квалификационными требованиями, законодатель вправе в рамках своей дискреции определять с помощью специального правового регулирования права и обязанности государственных служащих, налагаемые на них ограничения, связанные с государственной службой, а также предоставлять им соответствующие гарантии с учетом задач, принципов организации и функционирования того или иного вида государственной службы (определения от 2 апреля 2009 г. № 472-О-О и от 19 января 2011 г. № 48-О-О).

Специальные нормы, которые регулируют служебные отношения лиц, замещающих должности государственной службы, могут отличаться от норм, регламентирующих отношения, возникающие в процессе реализации права на свободное распоряжение своими способностями к труду в иных формах (в частности, путем заключения трудового договора), что не может рассматриваться как нарушение принципа равенства, закрепленного в ст. 19 (ч. 1 и 2) Конституции РФ, который не препятствует законодателю при осуществлении специального правового регулирования труда (прохож-

дения службы) устанавливать различия в правовом статусе лиц, принадлежащих к разным по условиям и роду деятельности категориям, если эти различия являются объективно оправданными, обоснованными и соответствуют конституционно значимым целям (постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 1995 г. № 7-П, определения Конституционного Суда РФ от 1 июля 1998 г. № 84-О, от 8 февраля 2001 г. № 45-О, от 5 июля 2001 г. № 134-О, от 3 октября 2002 г. № 233-О и от 2 апреля 2009 г. № 472-О-О). Такие различия, обусловленные специфическими (квалификационными) требованиями, связанными с определенной работой, согласно п. 2 ст. 1 Конвенции МОТ № 111 1958 г. относительно дискриминации в области труда и занятий, не считаются дискриминацией.

Следовательно, в силу ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 7, ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 4 ст. 32, ч. 3 ст. 55 и п «в» ст. 71 Конституции РФ само по себе установление для государственных служащих запретов, обусловленных прохождением государственной службы, допустимо, если оно согласуется с основными целями правового регулирования государственной службы в Российской Федерации как социальном правовом государстве, отвечает законным интересам, связанным с ее организацией и эффективным функционированием, и не выходит за рамки возможных ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина в конституционно значимых целях.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что, с одной стороны, действующее законодательство закрепляет общие положения государственной службы и отдельных его видов, а с другой – регулирует правовое положение государственного служащего, ориентируясь на достижения наиболее эффективных результатов от деятельности государственных работников путем установления особого статуса. Однако при всей логичности и легитимности подхода законодателя к рассматриваемым вопросам на практике наблюдается отсутствие системности в реализации общих принципов и целей государственной службы в Российской Федерации. Отдельные аспекты требуют уточнения и конкретизации. Ориентиром должны стать конституционные нормы, закрепляющие место и статус государственной службы в системе государственного управления, а не бессистемные, популистические меры.

1. Несмеянова С.Э. Понятие и структура конституционно-правового статуса органа государственной власти (на примере Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7.

2. Габричидзе Б.Н. Конституционный статус органов Советского государства. М., 1972.

3. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М., 2001.

4. Агапов А.Б. Административное право: учеб. для бакалавров. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

5. Верстов В.В., Харитонов И.К. Правовое регулирование деятельности подразделений по делам несовершеннолетних по профилактике правонарушений несовершеннолетних // Общество и право. 2014. № 4(50).

6. Харитонов И.К. Конституционно-правовые основы разграничения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов: вопросы теории и практики: дис. ... кан. юрид. наук. Ростов н/Д, 2013.

7. Миннигулова Д.Б. Административно-правовой статус государственных гражданских служащих и проблемы его реализации: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2013.

1. Nesmeyanova S.E. The concept and structure of the constitutional-legal status of a public authority (for example, the Constitutional Court of the Russian Federation) // Constitutional and municipal law. 2010. № 7.

2. Gabrichidze B.N. The constitutional status of organs of the Soviet state. Moscow, 1972.

3. Bogdanova N.A. The system of the science of constitutional law. Moscow, 2001.

4. Agapov A.B. Administrative law: textbook for bachelors. 9th ed., rev. and add. Moscow, 2014.

5. Verstov V.V., Haritonov I.K. Legal regulation of activity of divisions on affairs of minors for the prevention of juvenile delinquency // Society and law. 2014. № 4(50).

6. Haritonov I.K. Constitutional and legal bases of differentiation of powers between public authorities of the Russian Federation and its subjects: questions of the theory and practice: auth. abstr. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2013.

7. Minnigulova D.B. Administrative and legal status of civil servants and its implementation problems: auth. abstr. ... Dr. of Law. Moscow, 2013.

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Великая Отечественная война (1941–1945 гг.): история и современность** : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне, 23 апр. 2015 г. / редкол. : Г. А. Городенцев, А. Г. Рябченко, И. В. Яблонский, Г. П. Курдюк, Н. А. Шеуджен. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – 136 с.

Сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне.

Для профессорско-преподавательского состава образовательных организаций, аспирантов, адъюнктов, соискателей, студентов, курсантов слушателей и всех интересующихся проблемами отечественной истории.

Нехай Асиет Юрьевна

преподаватель кафедры конституционного и административного права  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612581426)

## *Уставное регулирование муниципально-правовых отношений в России: становление и историческое развитие современного состояния*

В статье рассматриваются историческое развитие и становление регулирования муниципально-правовых отношений в России.

**Ключевые слова:** местное самоуправление, устав муниципального образования, муниципально-правовые отношения.

**A.Yu. Nehay**, Lecturer of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612581426.

**Statutory regulation of municipal and legal relations in Russia: formation and historical development of the modern state**

The article examines the historical development and get-regulation of municipal and legal relations in Russia.

**Key words:** local government, charter of the municipality, municipal legal relations.

**В** России уставы муниципальных образований стали приниматься лишь с начала 1990-х гг., поэтому история уставного регулирования муниципально-правовых отношений насчитывает сравнительно немного времени. В нашем государстве уставы муниципальных образований как цельные документы в нынешнем их виде не принимались, да и ни в Российской империи, ни в Советском государстве не было статуса территории в виде муниципального образования. И хотя в СССР многие вопросы, которые в настоящее время находят отражение в муниципальных уставах согласно ст. 44 Федерального закона от 6 октября 2003 г. (с последующими изменениями от 28 декабря 2013 г. № 396-ФЗ) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», регулировались различными законами о местных Советах депутатов трудящихся (народных депутатов), однако единого нормативно-правового акта, в котором находили бы комплексное отражение все основные вопросы организации публичной власти на местном уровне, не существовало.

При этом следует подчеркнуть, что в целом институт местного самоуправления, безусловно, начал развиваться гораздо раньше – вместе с образованием Древнерусского государства в следующих основных формах: вече; слобод-

ское самоуправление; крестьянское общинное самоуправление [1, с. 129–130].

Если коснуться эпохи правления Петра I, то он, создав сначала условия для участия общества в делах областной администрации в начале реформ, закончил удалением общества от дел местного управления и отдал его под опеку приказной администрации и военной силы. Такой подход вполне вписывался в правящий курс, направленный на укрепление абсолютистской власти в стране, и находил отражение в ряде документов, в частности в Генеральном регламенте 1720 г. [2, с. 411–447]. Во исполнение этого решения в 1721–1724 гг. земские избы были заменены ратушами и магистратами. Создание ратуш способствовало обособлению городского управления от органов местной администрации. Городовые магистраты являлись коллегиальными учреждениями, состоявшими из президентов, двух-четырёх бурмистров и двух-восьми ратманов. Должностные лица этих учреждений выбирались постоянными жителями на сходах, но не из всего посадского населения, а из «граждан первостатейных, добрых, пожиточных и умных». В их ведении находилось все управление городом: уголовный и гражданский суд, полицейские, финансовые, хозяйственные дела. Им подчинялись гильдии и цехи. Магистраты не подчинялись губернаторам и воеводам, но последние при-

нимали прямое участие в их образовании. Как видно, принцип выборности на местном уровне в определенной степени имел место, однако здесь речь идет все же не столько о местном самоуправлении, сколько о системе местного управления, основанной на некоторых элементах сословной демократии.

И лишь в период правления Екатерины II ситуация заметно изменилась, причем по всему комплексу общегосударственного и местного управления. Так, согласно утвержденным 7 ноября 1775 г. Екатериной II «Учреждениям для управления губерний Всероссийской империи» [3, с. 380–469] в стране вводилось новое административное деление, согласно которому территория страны делилась на губернии и уезды, исходя из количества податного населения в них: 300–400 тысяч душ для губерний и 20–30 тысяч – для уезда. Следующим шагом стало принятие 21 апреля 1785 г. «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного дворянства», известной в истории как «Жалованная грамота дворянству» [4, с. 29–50]. Были изданы и другие документы.

Однако наиболее важным являлось, конечно, «Городовое положение» («Жалованная грамота городам») от 21 апреля 1785 г. [5, с. 77–177], объединившее в себе производственный и территориальный принципы становления самоуправления в городах. Именно «Городовое положение», на наш взгляд, следует считать прообразом современных уставов муниципальных образований.

В дальнейшем происходят некоторые изменения в организации деятельности органов местного самоуправления – на фоне усиления военно-политического режима. В 1797 г. был образован Департамент уделов в местах, где имелись удельные земли и крестьяне. Тогда же была введена новая система управления государственными крестьянами: они избирали волостные и сельские сословные органы. Волостной сход избирал волостное управление: волостного голову и двух заседателей. Сельский сход избирал сельского старшину и его помощников: старост, сборщика податей, сотских и десятских.

Следующий важнейший этап в развитии местного самоуправления в России связан с известными земской и городской реформами. 1 января 1864 г. было утверждено Положение о губернских и уездных земских учреждениях [6, с. 1]. Положение находится в одном ряду с «Городовым положением» 1785 г., однако в данном случае соответствующие общественные отношения урегулированы, конечно, на

более высоком уровне. В Положении указывается, в частности, что на земские учреждения возлагались следующие задачи: 1) заведование имуществом, капиталами и денежными суммами земства; 2) устройство и содержание принадлежащих земству зданий, сооружений и путей сообщения, содержимых на счет земства; 3) меры обеспечения народного продовольствия; 4) заведование земскими благотворительными заведениями и прочими мерами призрения, способы прекращения нищенства, попечение о построении церквей; 5) управление делами местного страхования имущества; 6) попечение о развитии местной торговли и промышленности; 7) участие преимущественно в хозяйственном отношении и в пределах, законом определенных, в попечении о народном образовании, о народном здравии и о тюрьмах; 8) содействие к предупреждению падежей скота, а также по охранению хлебных посевов и других растений от истребления саранчой, сусликами и другими вредными насекомыми и животными. Представительными органами местного самоуправления становились земские собрания.

После Октябрьской революции 1917 г. был взят курс на огосударствление местного самоуправления, и довольно быстро сложилось положение, при котором формально органы местной власти (местные Советы) входили в систему государственной власти, составляя вертикаль снизу доверху. В течение всего периода Советского государства (1917–1991 г.) актов, подобных современным уставам муниципальных образований, не издавалось, они, собственно, и не предусматривались.

Затем в нормах Конституции СССР (1924, 1936, 1977 гг.) и РСФСР (1918, 1925, 1937, 1978 гг.) издавались законы по отдельным, наиболее важным аспектам деятельности органов местной власти, причем союзные акты, как правило, впоследствии дублировались на уровне союзных республик. Так, в середине 1920-х гг. выходят почти одновременно «Положение о городских Советах» и «Положение о волостных исполкомах», объявляющие эти органы высшей властью в пределах подведомственной территории. Однако фактически самостоятельность местных Советов все чаще стала сводиться к минимуму. Именно поэтому в 1933 г. принимается новое «Положение о городском Совете» [7, ст. 103], в котором горсоветы вновь выступают «органами диктатуры пролетариата, призванными проводить политику центра на местах».

Логическое завершение данного процесса нашло отражение в Конституции РСФСР 1937 г.

[8, с. 11], где изменилось не только название Советов (было принято единое название – Советы депутатов трудящихся), но и вся их система. Совершенно четко и ясно подчеркивается вертикаль государственной власти снизу вверх: «Органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, национальных округах, административных округах, районах, городах, поселках, селах (станциях, деревнях, хуторах, аулах) являются Советы депутатов трудящихся» (ст. 77). Согласно ст. 79 Советы депутатов трудящихся (края, области, округа, района, города, поселка, села) руководят культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, устанавливают местный бюджет, руководят деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, содействуют усилению обороноспособности страны, обеспечивают соблюдение законов и охрану прав граждан. Так, 8 апреля 1968 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено Примерное положение о сельских, поселковых и районных Советах, 8 апреля 1968 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах и обязанностях сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся», а 19 марта 1971 г. – «Об основных правах и обязанностях районных и районных в городах Советов депутатов трудящихся».

Политика «перестройки», начавшаяся в завершающий период развития СССР, стала направлять вектор развития властеотношений на местном уровне в сторону западноевропейской модели. В марте 1990 г. III съезд народных депутатов СССР высказался за повышение роли Советов как фундамента самоуправления народа. 9 апреля 1990 г. был принят Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [9, ст. 267]. Согласно ему система местного самоуправления включала в себя местные Советы, органы территориального общественного самоуправления населения, а также местные референдумы, собрания, сходы граждан, иные формы непосредственной демократии. Однако этим Законом местные Советы еще не были выведены из системы органов государственной власти. В нем, скорее всего, отражалась распространенная в советском обществе теория, согласно которой Советы воплощали два начала: органов государственной власти и местного (народного) самоуправления

Ситуация стала меняться на рубеже 1990 г., во время распада СССР. В принятом в 1991 г.

Законе РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» впервые в российском законодательстве упоминается об уставе местного самоуправления. Так, в ст. 5 Закона указывалось, что «в пределах, установленных законодательством, районный, городской Совет принимают, а поселковый, сельский Совет может принимать положение (устав) о местном самоуправлении на подведомственной территории. В положении (уставе) о местном самоуправлении конкретизируются функции, порядок работы, система и структура местных органов власти и управления, разграничение полномочий между ними, организация территориального общественного самоуправления населения. Положение (устав) о местном самоуправлении регистрируется органами государственной власти соответствующих края, области, автономной области, автономного округа».

Однако в период с 1991 по 1995 г. практически ни в одном городе такие положения (уставы) не были приняты в силу нескольких причин. Во-первых, в ст. 5 Закона не было точно определено его место в правовой системе государства. Закон только допускал возможность принятия этого документа, не обязывая к этому местные органы власти. Во-вторых, принятие положения (устава) о местном самоуправлении влекло закрепление в обязательном порядке за районными в городе органами власти и управления таких полномочий, которые делали бы их достаточно независимыми от городского уровня власти и управления (например, полномочия иметь муниципальную собственность и распоряжаться ею). Однако эти положения входили в противоречие с Законом РСФСР от 3 июля 1991 г. «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», ст. 5 которого предусматривала создание органов, принимающих решения о распоряжении муниципальным имуществом только на уровне городов, за исключением районов в области и районов в городе. В-третьих, Закон о местном самоуправлении предусматривал регистрацию положения (устава) о местном самоуправлении органами государственной власти соответствующего края, области, автономной области, автономного округа. Однако процедуры регистрации не были определены, что делало невозможным выполнение требований этой статьи [10, с. 39].

Конституция РФ 1993 г. и принятый в развитие конституционных норм о местном самоуправлении Федеральный закон от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Феде-

рации» заложили новые основы для реформирования местного самоуправления в России и пополнили правовую систему Российской Федерации новым источником права – уставом муниципального образования. Теперь все муниципальные образования обязаны были иметь устав, который является их основным нормативным актом.

Следующий этап развития уставного регулирования муниципально-правовых отношений связывается с принятием Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (с последними внесенными изменениями и дополнениями от 28 декабря 2013 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», где вопросы устава рассматриваются шире.

Так, в ст. 43 Закона сказано, что устав муниципального образования и оформленные в виде правовых актов решения, принятые на местном референдуме (сходе граждан), являются актами высшей юридической силы в системе муниципальных правовых актов, имеют прямое действие и применяются на всей территории муниципального образования. Иные муниципальные правовые акты не должны противоречить уставу муниципального образования и правовым актам, принятым на местном референдуме (сходе граждан). А в ст. 44 Закона указывается также, что должно определяться Уставом, какие вопросы регулируются, даны более полные сведения о том, кто принимает, как и в каком количестве, а также подробная информация о процессе вступления его в силу. Также в Законе идет речь о регистрации устава.

В частности, Уставом муниципального образования должны определяться:

- 1) наименование муниципального образования;
- 2) перечень вопросов местного значения;
- 3) формы, порядок и гарантии участия населения в решении вопросов местного значения, в том числе путем образования органов территориального общественного самоуправления;
- 4) структура и порядок формирования органов местного самоуправления;
- 5) наименования и полномочия выборных и иных органов местного самоуправления, должностных лиц местного самоуправления;
- 6) виды, порядок принятия (издания), официального опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных правовых актов;
- 7) срок полномочий представительного органа муниципального образования, депута-

тов, членов иных выборных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления, а также основания и порядок прекращения полномочий указанных органов и лиц;

8) виды ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, основания наступления этой ответственности и порядок решения соответствующих вопросов, в том числе основания и процедура отзыва населением выборных должностных лиц местного самоуправления, досрочного прекращения полномочий выборных органов местного самоуправления и выборных должностных лиц местного самоуправления;

9) порядок формирования, утверждения и исполнения местного бюджета, а также порядок контроля за его исполнением в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации;

10) порядок внесения изменений и дополнений в устав муниципального образования.

Важнейшей новеллой Федерального закона 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» является то обстоятельство, что проект устава муниципального образования должен быть в обязательном порядке обсужден на публичных слушаниях – ранее такой нормы на федеральном уровне не было. Так, согласно ч. 1 ст. 28 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования представительным органом муниципального образования, главой муниципального образования могут проводиться публичные слушания. При этом в ч. 3 той же статьи указывается, что на публичные слушания должен выноситься проект устава муниципального образования, а также проект муниципального правового акта о внесении изменений и дополнений в данный устав, кроме случаев, когда изменения в устав вносятся исключительно в целях приведения закрепляемых в уставе вопросов местного значения и полномочий по их решению в соответствие с Конституцией РФ, федеральными законами.

При этом порядок организации и проведения публичных слушаний определяется уставом муниципального образования и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования и должен преду-



сма­три­вать за­бла­говре­мен­ное оповеще­ние жи­те­лей му­ни­ци­паль­но­го обра­зо­ва­ния о вре­мени и мес­те про­ве­де­ния пуб­лич­ных слу­ша­ний, за­бла­говре­мен­ное озна­ком­ле­ние с про­ек­том му­ни­ци­паль­но­го пра­во­во­го ак­та, дру­гие ме­ры, обе­спечи­ва­ю­щие уча­стие в пуб­лич­ных слу­ша­ниях жи­те­лей му­ни­ци­паль­но­го обра­зо­ва­ния, опу­бли­ко­ва­ние (обна­ро­до­ва­ние) ре­зуль­та­тов пуб­лич­ных слу­ша­ний (ч. 4 ст. 28 Фе­де­раль­но­го за­ко­на «Об об­щих prin­ци­пах ор­га­ни­за­ции мес­тно­го са­мо­уп­рав­ле­ния в Рос­сий­ской Фе­де­ра­ции»).

Под­ве­дя итог, мож­но от­ме­тить, что уста­вы му­ни­ци­паль­ных обра­зо­ва­ний как нор­ма­тив­но-

пра­во­вые ак­ты, ре­гу­ли­ру­ю­щие му­ни­ци­паль­но-пра­во­вые от­но­ше­ния и яв­ля­ю­щи­е­ся ис­точ­ни­ком му­ни­ци­паль­но­го пра­ва, ста­ли раз­ра­ба­ты­вать­ся и ут­вер­ждать­ся му­ни­ци­паль­ны­ми Рос­сии срав­ни­тель­но не­дав­но – с се­ре­ди­ны 1990-х гг., и в на­сто­я­щее вре­мя Уста­в му­ни­ци­паль­но­го обра­зо­ва­ния яв­ля­ет­ся неотъ­ем­ле­мым ат­ри­бу­том мес­тно­го са­мо­уп­рав­ле­ния в Рос­сии, и этот факт сви­де­тель­ствует о том, что Рос­сия, пусть и не так бы­стро, как хо­тел­ось бы, но дви­га­ет­ся по пу­ти ци­ви­ли­зо­ван­но­го ре­гу­ли­ро­ва­ния му­ни­ци­паль­но-пра­во­вых от­но­ше­ний.

1. Му­лу­ка­ев Р.С., Яков­ле­ва Е.И., Яков­лев К.Л. *Раз­ви­тие ор­га­ни­за­ци­он­ных форм мес­тно­го са­мо­уп­рав­ле­ния в Рос­сии (X–XIX вв.)* // *Мес­тное са­мо­уп­рав­ле­ние: те­о­рия и прак­ти­ка: тр. Акад. управ­ле­ния МВД Рос­сии*. М., 1998.

2. *Ге­не­раль­ный ре­гла­мент от 27 фев­р. 1720 г.* // *За­ко­но­да­тель­ные ак­ты Пе­тра I*.

3. *Учре­жде­ния для управ­ле­ния губер­ний Все­рос­сий­ской им­пе­рии от 7 нояб. 1775 г.* // *За­ко­но­да­тель­ство Ека­те­ри­ны II: в 2 т.* М., 2000. Т. 1.

4. *Гра­мота на пра­ва, воль­но­сти и пре­иму­ще­ства бла­го­род­но­му дворян­ству (Жа­ло­ван­ная гра­мота дворян­ству) от 24 апр. 1785 г.* // *Там же*. Т. 2.

5. *Го­ро­до­вое по­ло­же­ние (Жа­ло­ван­ная гра­мота го­ро­дам) от 21 апр. 1785 г.* // *Там же*. Т. 2.

6. *По­ло­же­ние о губер­нских и уезд­ных зем­ских учре­жде­ниях от 1 янв. 1864 г.* // *ПСЗ – 2*. Т. 34. № 40457.

7. *По­ло­же­ние о го­ро­дском Со­ве­те от 20 янв. 1933 г.* // *СУ РСФСР*. 1933. № 29. Ст. 103.

8. *Кон­сти­ту­ция РСФСР 1937 г.* // *Там же*. 1937. № 2. Ст. 11.

9. *Об об­щих на­ча­лах мес­тно­го са­мо­уп­рав­ле­ния и мес­тно­го хо­зяй­ства в СССР: за­кон СССР* // *Свод за­ко­нов СССР*. 1990. Т. 1. Ст. 267.

10. Си­кай­ло А.В. *Ос­нов­ные эта­пы раз­ви­тия нор­мотвор­че­ской дея­тель­но­сти мес­тно­го са­мо­уп­рав­ле­ния в Рос­сии* // «Чер­ные ды­ры» в рос. за­ко­но­да­тель­стве. 2007. № 3.

1. Mulukaev R.S., Yakovleva E.I., Yakovlev K.L. *Development of the organizational forms of local self-government in Russia (X–XIX centuries)* // *Local self-government: theory and practice: proc. of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. Moscow, 1998.

2. *General Regulation of Febr. 27, 1720* // *Legislative acts of Peter I*.

3. *Institutions for the management of the provinces of the Russian Empire of Nov. 7, 1775* // *Legislation of Catherine II: in 2 vol.* Moscow, 2000. Vol. 1.

4. *The Charter for the rights, liberties and benefits noble nobility (the letter Given to nobility) of Apr. 24, 1785* // *Ibid.* Vol. 2.

5. *City regulations (Charter to the cities) of Apr. 21, 1785* // *Ibid.* Vol. 2.

6. *The position of provincial and district Zemstvo institutions of Jan. 1, 1864* // *Complete coll. of laws – 2*. Vol. 34. № 40457.

7. *Regulations on the City Council of Jan. 20, 1933* // *Coll. of statutes of the RSFSR*. 1933. № 29. Art. 103.

8. *The Constitution of the RSFSR of 1937* // *Ibid.* 1937. № 2. Art. 11.

9. *On general principles of local self-government and local economy in the USSR: law of the USSR* // *Coll. of laws of the USSR*. 1990. Vol. 1. Art. 267.

10. Sikaylo A.V. *Main stages of development of standard-setting activity of local self-government in Russia* // «Black holes» in the Russian legislation. 2007. № 3.

**Улаева Наталия Львовна**

кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612581426)

## *Российские медицинские услуги: специфика и проблемы правового регулирования*

В статье рассматриваются специфика разграничения понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга», гражданско-правовое регулирование сферы медицинских услуг, их сущность и содержание, особенности выполнения работ и оказания услуг на российском рынке. Акцентируется внимание на проблемах правового регулирования в рассматриваемой сфере с учетом общего и специального законодательства.

**Ключевые слова:** медицинская помощь, медицинская услуга, медицинская организация, врач, пациент, категории медицинских услуг.

**N.L. Ulaeva**, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Civil Law and Civil Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612581426.

### **Russian medical services: specificity and problems of legal regulation**

The article focuses on the specifics of distinction between concepts «health care» and «medical service», civil regulation of health services, their essence and content features of the provision in the Russian market of works and services. The article focuses on the problems of legal regulation in this sphere, taking into account the general and specific legislation.

**Key words:** health care, medical services, medical organization, doctor, patient, category of medical services.

Услуги в области российского здравоохранения носят в основном публичный характер, и в первую очередь это связано с тем, что охрана здоровья граждан является одной из основных конституционных функций государства.

В изменившихся социально-экономических условиях понятие «медицинская помощь» уступило место понятию «медицинская услуга». Услуга как экономико-правовая категория подчиняется правилам рынка. Конъюнктура рынка предопределяет его изменчивость. Медицинская помощь имеет неизменяемую основу, недоступную законам рынка или властным установлениям: она подчиняется только правилам медицины и представлениям о нравственности, сложившимся в обществе. Медицинская помощь не является объектом, вовлеченным в экономический оборот. При этом экономико-правовым выражением медицинской помощи является именно медицинская услуга как средство экономического оборота в сфере охраны здоровья. Таким образом, при оказании медицинской помощи объектом-целью является здоровье, а объектом-средством – медицинская услуга [1, с. 191–192].

Медицинская услуга является объектом экономического обращения. Здоровье в качестве объекта в обороте не находится. В этой связи возникает вопрос, как соотносится правовое обеспечение категории здоровья (объекта-цели) и категории медицинской услуги (объекта-средства). Услуга является категорией материальных благ, и правовое обеспечение услуги заключается в регулировании их оборота, а категория здоровья не представляет собой материального блага и не находится в обороте, а потому регулированием или защитой является прежде всего правовое обеспечение здоровья. Для законодателя сохранение, поддержание и восстановление здоровья человека обеспечиваются различными мерами, одной из которых являются меры медицинского характера, реализация которых осуществляется в процессе возникающих правоотношений между медицинской организацией (врачом) и потребителем услуг (пациентом).

На эти отношения в полной мере распространяется действие Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [2], в преамбуле которого закреплены положения

о том, что указанный Закон регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни и здоровья потребителей, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав. Существенно, что под действие упомянутого Закона подпадают отношения с потребителем вообще, безотносительно того, кто производит оплату за услугу – сам потребитель или третье лицо в его пользу (плательщик по закону или по сделке).

Законодатель в ст. 150 ГК РФ называет здоровье в ряду объектов гражданских прав, в виде защищаемых законом нематериальных благ, принадлежащих гражданину от рождения, неотчуждаемых и непередаваемых иным способом. Под защитой закона находится не деятельность в отношении здоровья, а само здоровье как названная законом правовая категория. В сфере охраны здоровья реализуются отношения по поводу здоровья граждан. Здоровье же остается в принадлежности его обладателя. По поводу здоровья обращаются товары, работы, услуги и иные не изъятые из оборота объекты гражданских прав. Само здоровье в обращении не находится.

По поводу здоровья его обладатель вступает в договорные отношения с отдельными лицами или кругом лиц. У этих лиц возникают договорные и/или внедоговорные (из причинения вреда) обязательства перед обладателем здоровья. При этом в отличие от прочих услуг, которым свойственны только денежные покупательские риски, медицинским услугам присущи также и риски физические.

Существуют различные точки зрения и относительно правовой природы возникающих правоотношений между медицинской организацией (врачом) и пациентом.

Ранее законодатель в Основах законодательства РФ об охране здоровья меры медицинского и социального характера объединял общим названием – медико-социальная помощь (ст. 20), при этом медицинская помощь как составной элемент медико-социальной помощи включала в себя профилактическую, лечебно-диагностическую реабилитационную, протезно-ортопедическую и зубопротезную

помощь [3]. Следует подчеркнуть, что в этом случае законодатель исходил из позиции обеспечения государственных гарантий оказания медицинской помощи гражданам на бесплатной основе в системах государственного и муниципального здравоохранения в объеме, ежегодно определяемом Правительством РФ [4]. Однако в тех же Основах в ст. 20 гражданам гарантировалась возможность получения и платной медицинской помощи, которую законодатель трактовал как дополнительные медицинские услуги, предоставляемые на основе программ добровольного медицинского страхования или за счет собственных средств предприятий, учреждений и организаций, личных средств самих граждан, а также иных источников, не запрещенных законодательством. В последнем случае указанная гарантия сохранила сегодня свое закрепление в действующих правовых актах. Так, например, порядок предоставления платных медицинских услуг регулируется Правилами, утвержденными постановлением Правительства РФ от 4 октября 2012 г. № 1006 [5].

Всероссийский классификатор услуг населению ОК 002-93 (ОКУН) [6] (который утрачивает силу с 1 января 2015 г. в связи с изданием приказа Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст, утвердившего новый Классификатор [7], применение которого исходя из содержания может вызвать множество дополнительных вопросов, т.к. в целом он не способен решить ныне существующие в рассматриваемой сфере) правоотношения между медицинской организацией (врачом) и пациентом обозначает как медицинские услуги и разделяет их на семь категорий. Это услуги:

- стационарных лечебных учреждений;
- услуги, оказываемые в поликлиниках (поликлинических отделениях);
- услуги, оказываемые медицинским персоналом на дому;
- услуги, оказываемые стоматологическими подразделениями;
- услуги, оказываемые косметологическими подразделениями;
- услуги, оказываемые санитарно-профилактическими подразделениями;
- прочие медицинские услуги.

В то же время в юридической литературе активно обсуждается вопрос о необходимости разграничения данных понятий. Так, анализ действующего законодательства позволил некоторым авторам утверждать, что позиция законодателя заключается в том, что квали-

фицирующим признаком медицинской помощи является ее бесплатное предоставление, а квалифицирующим признаком медицинской услуги является ее платное предоставление сверх гарантированного объема бесплатной медицинской помощи [8, с. 51–52]. Некоторые авторы придерживаются противоположной точки зрения и считают, что нет необходимости разделения данных понятий [9, с. 25]. Следует заметить, что путаницу в данном вопросе вносят и нормотворческие акты, созданные в системе самого здравоохранения.

Проблема определения соотношения понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь» сохраняется и по сей день. Данная проблема обостряется и тем, что указанные дефиниции определены только в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в редакции от 22 октября 2014 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [10], но не урегулированы в действующем ГК РФ в качестве основополагающих.

Различные подходы к вопросу о формировании понятия «медицинская услуга» связаны с неоднозначным подходом и к самому понятию «услуга». В теории гражданского права спектр мнений в определении сущности услуги как правовой категории достаточно широк и многообразен. Вопросы о возможности определения услуги как правового явления, раскрытии ее сущности и допустимости отнесения деятельности по оказанию услуг к отдельным видам договоров, а также типология услуг и их дальнейшая классификация являются одними из самых спорных [11, с. 6].

Анализируя правовое закрепление дефиниции «медицинские услуги», необходимо учитывать ряд особенностей при их оказании.

Во-первых, рассматривая действия услугодателя при оказании медицинской услуги, необходимо обратить внимание на его специальный субъект. Оказывать медицинские услуги может только специальный субъект (медицинская организация – врач), имеющий специальную подготовку и допуск к работе (лицензию) [12, с. 131]. При отсутствии специальной медицинской подготовки и лицензии деятельность услугодателя будет считаться противоправной.

Во-вторых, отдельно необходимо рассмотреть такую составляющую услуги, как направленность действий (деятельность услугодателя на получение определенного нематериального результата). Несмотря на важность как для пациента, так и для врача получения определенного положительного результата (улучшение

здоровья пациента и выздоровление), можно утверждать, что при оказании медицинской услуги не всегда можно достичь положительного результата, т.е. гарантировать положительный исход (например, смерть пациента), что связано как с объективными, так и субъективными причинами (например, в первом случае можно говорить об отсутствии научно обоснованной системы лечения, а во втором – о возникновении побочного эффекта и т.д.).

В-третьих, необходимо отметить, что удовлетворение потребности пациента в сохранении, поддержании и восстановлении здоровья не всегда обеспечивается волей пациента. Законодательство предусматривает и оказание медицинской услуги без согласия на медицинское вмешательство. В этих случаях потребность пациента в сохранении, поддержании и восстановлении здоровья определяется законом (например, лечение заболеваний, представляющих опасность для окружающих, а также лечение лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами или совершивших общественно опасные деяния) [13, с. 35].

В-четвертых, особенностью медицинской услуги является и возможность наличия в ее результатах элементов вещественного характера, однако это не подменяет правовую природу услуги работой, например, изготовление протеза для пациента хоть и носит ярко выраженный материальный характер, однако его направленность имеет нематериальный характер – восстановление соответствующих функций организма человека.

В-пятых, несмотря на то, что медицинская услуга для пациента может быть платной или бесплатной, медицинская услуга всегда возмездна. Отличия правоотношений по оказанию медицинских услуг в государственных (муниципальных) организациях здравоохранения и в частных клиниках заключаются не в способах их оказания, а лишь в субъектах оплаты.

Возмездность правовой природы медицинских услуг между лечебной организацией – врачом и пациентом при их оказании на платной основе или в системе добровольного медицинского страхования не вызывает сомнения. Однако при оказании медицинских услуг в системе обязательного медицинского страхования предполагается бесплатность для пациента. Лечебная же организация – врач всегда получает плату за свои услуги, при этом финансирование происходит от отчислений как с фонда обязательного медицинского страхования, так и иных источников. В данном слу-

чае можно говорить об аналогии с отдельными случаями добровольного медицинского страхования, например, страховые выплаты производит юридическое лицо за своих сотрудников. В таких случаях встречное предоставление в соответствии со ст. 430 ГК РФ предоставляется от третьего лица [11, с. 8].

Таким образом, медицинская услуга складывается из составляющих ее действий медицинского характера (медицинской помощи). Медицинская помощь является содержанием медицинской услуги. Именно медицинская помощь наполняет услугу медицинским содержанием. При этом медицинская услуга – это экономико-правовая категория, а медицинская помощь – категория профессионально-нравственная.

Следует также подчеркнуть, что медицинская услуга является сложным объектом гражданского оборота. Будучи, как и другие услуги, предметом реализации, медицинская услуга обладает не только покупательскими денежными рисками, но и рисками физическими, т.к. является целенаправленной деятельностью по поводу сохранения, поддержания и вос-

становления здоровья, что придает ей особое правовое значение в связи со спецификой составляющих ее действий, непосредственное осуществление которых нуждается в более детальной проработке со стороны законодателя. При этом законодатель должен придерживаться не только цели – соответствия европейским стандартам, но, в первую очередь, реализовать цель – фактического обеспечения конституционных гарантий лиц – потребителей соответствующего вида медицинских услуг (нуждающихся в их непосредственном качественном оказании и иных заинтересованных лиц).

Особо следует акцентировать внимание на том, что пациенты – потребители медицинских услуг сталкиваются сегодня с многочисленными проблемами как морального, так и правового характера и не имеют возможности адекватно нарушениям со стороны медицинских организаций (врачей) защитить свои права и законные интересы при реальном несоответствии оказываемых медицинских услуг установленным правилам в силу наличия пробелов и коллизий как в общем, так и в специальном законодательстве в рассматриваемой сфере.

1. *Публичные услуги и право: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2007.*

2. *О защите прав потребителей: закон РФ от 7 янв. 1992 г. № 2300-1 (в ред. Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 363-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 766; URL: www.consultant.ru (по сост. на 01.09.2014).*

3. *Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 (в ред. от 29 дек. 2009 г.) // Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1318; Собр. законодательства РФ. 2009. № 1, ч. 1. Ст. 21 (утратил силу).*

4. *О Программе государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи: постановление Правительства РФ от 2 окт. 2009 г. № 811 // Собр. законодательства РФ. 2009. № 43. Ст. 5062.*

5. *Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг: постановление Правительства РФ от 4 окт. 2012 г. № 1006 // Рос. газ. 2012. 23 июля.*

6. *Общероссийский классификатор услуг населению ОК 002-93 (ОКУН): утв. поста-*

1. *Public services and the right: sci.-pract. manual / ed. by Yu.A. Tikhomirov. Moscow, 2007.*

2. *On protection of consumers' rights: law of the Russian Federation of Jan. 7, 1992 № 2300-1 (in ed. of Federal law of May 5, 2014 № 363-FL) // Bull. of Congress of people's deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. № 15. Art. 766; URL: www.consultant.ru (as of 01.09.2014).*

3. *Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on health care of July 22, 1993 № 5487-1 (in ed. of Dec. 29, 2009) // Bull. of Congress of people's deputies and the the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1993. № 33. Art. 1318; Coll. of legislation of the Russian Federation 2009. № 1. pt.1. Art. 21 (repealed).*

4. *On the Program of state guarantees of citizens of the Russian Federation with free medical care: resolution of the Government of the Russian Federation of Oct. 2, 2009 № 811 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2009. № 43. Art. 5062.*

5. *On approval of Rules of medical organizations paid medical services: resolution of the Government of the Russian Federation of Oct. 4, 2012 № 1006 // Rus. newsp. 2012. July 23.*

6. *National Classification of public services ОК 002-93 (OKUN): app. with resolution of the State Standard of the Russian Federation of June, 28 1993 № 163. Moscow, 2000.*

новлением Госстандарта РФ от 28 июня 1993 г. № 163. М., 2000.

7. Об утверждении «ОК 034-2014 (КПЕС 2008). Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности»: приказ Росстандарта от 31 янв. 2014 г. № 14-ст. URL: [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (по сост. на 01.02.2014).

8. Сырейщикова И.А. Основания возникновения правоотношений, связанных с оказанием медицинской помощи // Юрист. 2008. № 2.

9. Андреев Ю.Н. Платные медицинские услуги. Правовое регулирование и судебная практика. М., 2007.

10. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. Федерального закона от 22 окт. 2014 г. № 314-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; URL: [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (по сост. на 30.10.2014).

11. Шаблова Е.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

12. Санникова Л.В. Услуга в гражданском праве. М., 2006.

13. Степанов Д.И. Обязательства по оказанию услуг // Хозяйство и право. 2004. № 5. Прил. к журн. С. 29–35.

7. On approval of the «ОК 034-2014 (CPA 2008). National Classification of products by economic activity»: order of Rosstandard of Jan. 31, 2014 № 14-st. URL: [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (as of 01.02.2014).

8. Syreyschikova I.A. Grounds for the relationships associated with medical care // Lawyer. 2008. № 2.

9. Andreev Yu.N. Paid medical services. Legal regulation and judicial practice. Moscow, 2007.

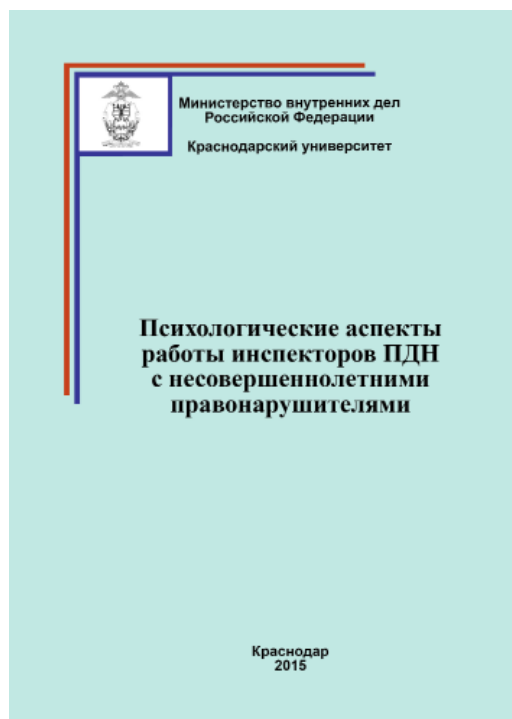
10. On basis of health care of citizens in the Russian Federation: fed. law of Nov. 21, 2011 № 323-FL (in ed. of the Federal law of Oct. 22, 2014 № 314-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 48. Art. 6724; URL: [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (as of 30.10.2014).

11. Shablova E.G. Civil legal regulation of the paid services: auth. abstr. ... Dr of Law. Ekaterinburg, 2002.

12. Sannikova L.V. The service in the civil law. Moscow, 2006.

13. Stepanov D.I. Obligations to provide services // Economy and law. 2004. № 5. Add. to the magazine. P. 29–35.

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Психологические аспекты работы инспекторов ПДН с несовершеннолетними правонарушителями** : учебное пособие / сост. А. С. Бондаренко, Ж. А. Терещенко. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – 108 с.

В учебном пособии раскрыты основные механизмы формирования личности подростка, рассмотрены возможные направления и причины девиантного поведения, предложен алгоритм визуальной диагностики поведения подростка при проведении допроса, представлен комплекс опросных и проективных диагностических методик, который поможет инспектору по делам несовершеннолетних в анализе психологических особенностей подростка и послужит основой для проведения психокоррекционных мероприятий.

Для курсантов, обучающихся по специальности 030301.65 – Психология служебной деятельности, слушателей факультета дополнительного профессионального образования и сотрудников инспекции по делам несовершеннолетних.

**Багметов Владимир Викторович**кандидат экономических наук,  
докторант кафедры налогообложения и инфраструктуры бизнеса  
Кубанского государственного технологического университета  
(e-mail: vladimirbagmetov@mail.ru)

## *Инструменты государственно-частного партнерства в жилищно-строительном комплексе и их совершенствование*

В статье рассматривается роль инструментов государственно-частного партнерства в жилищном обеспечении населения. Дается оценка эффективности инструментов государственно-частного партнерства в жилищно-строительном комплексе. Предложены пути совершенствования инструментов государственно-частного партнерства с учетом интересов региона и населения.

**Ключевые слова:** государственно-частное партнерство, жилищная обеспеченность, инструменты, сбалансированность интересов, социальная ответственность.

**V.V. Bagmetov**, Master of Economics, Doctoral Candidate of the Chair of Taxation and Business Infrastructure of the Kuban State Technological University; e-mail: vladimirbagmetov@mail.ru

### **Tools of public-private partnership in the housing and construction industry and their improvement**

The article focuses on the role of instruments of public-private partnership in housing provision. Assesses the effectiveness of the instruments of public-private partnership in the housing and construction industry. Suggests ways to improve the tools of public-private partnership in the interests of the region and the population.

**Key words:** public-private partnerships, housing, tools, balance of interests, social responsibility.

**В** практике решения экономических и социальных проблем все более широко применяются различные формы государственно-частного партнерства.

В самом широком смысле слова «государственно-частное партнерство» предусматривают любое взаимодействие общества, органов власти и бизнеса в экономической и социальной сферах [1]. Государственно-частное партнерство направлено на реализацию публичных интересов и должно быть выгодно бизнесу (извлекается доход от инвестиций) и государству (получение социального эффекта и экономии бюджетных средств). В экономической литературе выделяются различные инструменты государственно-частного партнерства, такие как концессионные соглашения, особые экономические зоны, бюджетные инвестиции через долгосрочные целевые программы, формирование целевых фондов, комплексное освоение территорий (здесь могут использоваться сразу несколько инструментов).

Сферами применения государственно-частного партнерства могут быть объекты экономики (инвестиции, инновации, малое предпринимательство), объекты экологической сферы, объекты социальной сферы и др. [2].

Проблема обеспечения населения жильем относится к фундаментальным основам в со-

циально ориентированном обществе. Целью государственно-частного партнерства в жилищной сфере является повышение уровня доступности и качества жилищного обеспечения населения.

В сфере ЖСК участие государства в обеспечении населения жильем проявляется в следующих направлениях:

государственное участие в накопительных системах;

стимулирование мобилизации финансовых ресурсов, включая государственные гарантии, субсидирование процентных ставок и др.;

создание благоприятных условий для населения в части долгосрочного ипотечного кредитования (например, через АИЖК).

К одной из форм государственно-частного партнерства в сфере ЖСК можно отнести «Накопительную ипотеку», которая представляет собой совместный проект администрации Краснодарского края и Сбербанка России. Цель проекта – улучшение жилищных условий жителей края. Региональная программа «Накопительная ипотека» стартовала в регионе 16 сентября 2011 г. При разработке проекта учитывался опыт стран Западной Европы, в которых накопительная ипотека использовалась для широких слоев населения.

Оценочный потенциал программы предусматривает около 100 тыс. семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий. Планируется, что в первые шесть лет в социальной программе будут участвовать 24 тыс. жителей [3].

Участие в социальной ипотеке предполагает несколько этапов. На первом этапе участнику проекта в Сбербанке РФ открывается накопительный ипотечный счет (по типу стройкассы) на срок от 4 до 6 лет и заключается «Договор получения социальной выплаты». Ежемесячные платежи на накопительный счет предусмотрены от 3 до 10 тыс. руб., при этом социальная выплата за счет средств краевого бюджета должна составить 30% от суммы вклада. Таким образом, при ежемесячных платежах 10 тыс. руб. сумма вклада за год составит 120 тыс. руб., а социальные выплаты – 36 тыс., за 5-летний период сумма вклада достигнет 600 тыс. руб., а сумма социальной выплаты – 180 тыс. руб. Вместе с тем, ставка на данный вид депозита не превысит 1–2% годовых. Социальная выплата возможна только при соблюдении условий накопления не менее 5 лет с соблюдением всех условий (без покупки/строительства жилья) таким категориям, как малоимущие, молодые семьи, инвалиды, ветераны и др.

На втором этапе Сбербанк РФ принимает решение о предоставлении ипотечного кредита в размере накопленной суммы со ставкой кредитования не более 6–8% годовых. В соответствии с положениями программы размер кредита также зависит от срока кредитования: при 3-летнем периоде не более 500 тыс. руб., при сроке до 6 лет – не более 1 млн руб., при сроке до 9 лет – не более 1,5 млн руб.

Таким образом, два этапа программы охватывают период времени до 15 лет. По мнению специалистов и потенциальных участников программы, положительным моментом программы является низкая ставка ипотечного кредита, а недостатком – длительный срок программы накопления. Непосредственный участник программы имеет выигрыш при достаточно коротком периоде кредитования, а при сроке 6 лет вклад под ставку 10–12% даст процент выше, чем социальная выплата. То есть на стадии накопления выгода очевидна для Сбербанка, но не для участника. Основное преимущество возникает на втором этапе программы за счет низкой ставки ипотечного кредита (при условии его одобрения).

В г. Краснодаре в 2012 г. заложен 16-этажный дом в ЖК «Народный» с квартирами эконом-класса. Застройщиком выступает ОАО «Агентство развития Краснодарского края», принадлежащее региону. Ожидаемое снижение цен на жилье обуславливается контро-

лем над строительным процессом, созданием инженерной инфраструктуры за счет средств регионального бюджета. Предполагается, что за 5 лет будет построено около 4 тыс. квартир эконом-класса для обеспечения жильем участников программы [4].

На начало 2012 г. в Краснодарском крае было около 200 участников программы, на начало 2013 г. открыто 4024 вклада. Работа по привлечению вкладчиков проводится и в районах края. Так, в Абинском районе за период с 2011 по 2014 г. открыто 100 счетов, из них действующих – 56 счетов. По 3 участникам выполнены обязательства. В 2014 г. в районе открыто 7 счетов. В районах края ведется разъяснительная работа по условиям программы «Накопительная ипотека».

В прессе высказываются различные мнения о причине недостаточной активности населения в отношении открытия накопительного счета [5]. С учетом мнений специалистов, потенциальных участников программы можно выделить риски вложения средств на накопительный счет.

Так, на начальном этапе участия в программе Сбербанк предварительно оценивает кредитоспособность потенциального заемщика, но окончательное решение о выдаче кредита принимается только по завершении периода накопления вклада. За этот период могут измениться жизненные обстоятельства в семье (увеличиться количество детей, уменьшиться совокупный доход и др.). В случае отказа в ипотеке участник программы не получает социальные выплаты, а лишь проценты по вкладу (1–2% годовых).

Кроме того, в договоре участника программы присутствует пункт, согласно которому при отсутствии лимита бюджетных обязательств в соответствующий период время выделения социальной выплаты переносится на следующий финансовый год (по мере выделения лимитов). Право на социальную выплату есть только у одного члена семьи, в случае потери этого участника семья теряет помощь, выделенную из бюджета.

Сложность и неопределенность экономических условий, резкий рост инфляции также вызывают опасения обесценивания накопленных средств. В этих условиях необходимы дополнительные гарантии приобретения социального жилья за счет фиксированных индикаторов всех этапов реализации программы.

В экономической литературе, на конференциях обсуждаются и другие пути решения жилищного вопроса за счет инструментов государственно-частного партнерства. Так, по мнению ученых и практиков, для групп населения необходимо стимулировать расширение таких сегментов рынка жилья, как строитель-



ство жилья для последующей сдачи в аренду, в том числе некоммерческого арендного жилого фонда. В настоящее время в России отсутствует практика строительства жилья для последующего предоставления его в аренду, поскольку рентабельность такого инвестиционного проекта значительно ниже построенного жилья для продажи из-за длительного периода окупаемости и необходимости использования кредитных ресурсов.

Сторонники развития социальной аренды ссылаются на опыт обеспечения жильем в развитых странах: в Великобритании 56% построенного жилья сдается в аренду, в Швейцарии – 37%, в США – около 50%.

В 2012 г. в России были начаты пилотные проекты «Арендное жилье» в Калужской и Новосибирской областях по следующей схеме. Управляющая компания (инвестор) на стадии завершения строительства получает ипотечный кредит через Агентство ипотечного жилищного кредитования, но при этом вносит не менее 30% собственных средств, а также гарантирует уровень арендной платы ниже рыночной. Результаты этого проекта пока не оценивались, но в пользу формирования арендного социального жилья приводятся следующие аргументы:

та часть населения, которая не может стать в социальную очередь на жилье, но приобрести собственное жилье даже в кредит ей не позволяют доходы, может сформировать спрос на арендное жилье;

увеличение налога на недвижимость может привести к росту спроса на аренду жилья в доходном доме.

В то же время не решаются следующие проблемы:

длительный срок окупаемости таких проектов; использование методики расчета арендной платы для отдельного региона: учитывать прожиточный минимум в регионе либо другой унифицированный показатель для всех арендаторов или же применять индивидуальный подход с учетом фактических доходов арендаторов (например, 20% от средней заработной платы).

В настоящее время арендная плата за однокомнатную квартиру в Краснодаре в среднем составляет 10–15 тыс. руб., т.е. до 50% от средней заработной платы. Социальная аренда на уровне 20% от средней заработной платы – 6 тыс. руб. – невыгодна для инвестора, а ведь речь идет о социально не защищенных группах населения. Следовательно, необходима проработка дополнительных преференций инвесторам для реализации социальной аренды, в том числе через механизмы налогообложения.

Законопроект о социальном найме был представлен в Государственную Думу РФ в

2013 г. В этом документе программа социальной аренды адресована, прежде всего, очередникам: 2,8 млн семей стоят на очереди, но за последние годы лишь 5–6% семей, стоящих на учете, получают бесплатное жилье [6]. Вместе с тем, переезд в дешевую арендованную квартиру может лишить места в очереди на собственное жилье. По предлагаемой схеме: оплата аренды до 30% месячного дохода семьи, аренда на срок до 5 лет без права менять квартиру, без права выкупа.

При этом будущему арендатору нужно доказывать, что он не может улучшить свои жилищные условия даже с ипотекой. По планам Минрегиона, к 2020 г. доля недорогой аренды должна вырасти до 20% от общего объема жилья, т.е. ежегодно до 30 млн кв. м. Вместе с тем, для инвестора возникает проблема окупаемости затрат – 25–30 лет. По мнению многих специалистов, работающих в жилищной сфере, до тех пор, пока сохранится спрос на участие населения в долевым строительстве (а при этой схеме у застройщика не стоит проблема сбыта готового жилья), инвесторы не будут вкладывать средства в доходные дома.

Для развития социальной аренды, по нашему мнению, необходимо государственно-частное партнерство по следующим направлениям:

введение налоговых льгот на строительство и обслуживание домов социальной аренды;

внесение дополнений в законодательство, регламентирующее позиции договора социального найма;

необходима координация действий всех участников при создании социальной аренды жилья.

При такой схеме бизнес компенсирует часть потери прибыли за счет снижения налоговой нагрузки, обеспечивая минимальную рентабельность, а государство сможет реализовать социальную задачу в жилищной сфере. В условиях сложной экономической ситуации в России вряд ли в ближайшие годы может быть обеспечена финансовыми ресурсами схема строительства домов для социальной аренды.

В настоящее время предложена альтернативная программа «Жилищный шаг», в которой авторы обосновывают необходимость формирования социально ориентированного доступного арендного жилья на условиях государственно-частного партнерства [7]. Вместе с тем, неясно, какие инструменты позволят обеспечить уровень арендной платы ниже рыночной и сохранят интерес инвесторов к реализации такой программы.

В экономической литературе предлагают и другие схемы государственно-частного партнерства решения жилищного вопроса в стране. Так, по мнению Ю.А. Левина, государственно-частное партнерство можно реализо-

вать с использованием лизинга жилья, при котором формируется три группы участников: муниципальное образование, выступающее в качестве лизингодателя, инвестиционно-строительная компания и население (лизингополучатель). Автор предлагает схему софинансирования из регионального и местного бюджетов для строительства муниципального жилищного фонда, при этом требуется изменение нормативно-правовой базы в сфере бюджетных полномочий [8]. По нашему мнению, более реальный путь в направлении социальной аренды – повышение эффективности использования уже существующего не приватизированного муниципального жилья.

Вместе с тем, следует отметить, что в стране практически не развивается коммерческая аренда в многоэтажных домах, специально построенных для этих целей. В настоящее время широкое распространение получила аренда квартир и комнат физическими лицами, имеющими излишки жилой площади или приобретенных (полученных в наследство, приватизированных) квартир для сдачи в аренду. Такой рынок арендного жилья почти не дает доходов государству, т.к. арендодатели не становятся на учет в налоговых органах и не платят на-

логи. Арендатор соглашается с такой ситуацией, опасаясь повышения арендной платы за счет дополнительных издержек. Ситуация не меняется уже много лет. Крупный инвестор, реализуя проект доходного дома, должен не только компенсировать свои расходы за счет арендной платы, но и получить «нормальную» прибыль. В связи с этим данный сектор массовой коммерческой аренды в сложившихся условиях является неконкурентоспособным.

Слабо используется такой инструмент, как корпоративное арендное жилье. Одним из перспективных направлений является стимулирование создания корпоративного арендного жилья для сотрудников компаний.

Подводя итоги, следует отметить, что за последнее десятилетие государственное вмешательство в развитие ЖСК дало положительные результаты. Однако потенциал инструментов государственно-частного партнерства в сфере ЖСК реализован далеко не полностью. Дальнейшая более глубокая проработка сбалансированности интересов государства и бизнеса в социальной сфере позволит усилить стимулирующее воздействие на обеспечение домашних хозяйств такими фундаментальными активами, как жилье.

1. Чонка А. Государственно-частное партнерство: симбиоз государства и бизнеса // *Бюджет*. 2009. № 7.

2. Механизмы и инструменты устойчивого развития региональных экономических систем (кластеров и хозяйственных комплексов) / под общ. ред. Л.М. Осадчук. Краснодар, 2011.

3. Секрет накопительной ипотеки. URL: [admkrain.krasnodar.ru](http://admkrain.krasnodar.ru)

4. URL: <http://www.bn.ru/krasnodarskii-krai/articles/2012/12/13>

5. Накопительная ипотека. URL: <http://www.bn.ru/krasnodarskii-krai/articles/2012/12/13>

6. Социальное жилье в России. URL: <http://newsme.com/business.15/11/2013>

7. Программа улучшения жилищных условий гражданам России. URL: <http://www.жилищный шаг РФ>

8. Левин Ю.А. Поиск инновационных схем жилищного строительства // *Финансы*. 2009. № 12.

1. Chonka A. State-private partnership: symbiosis of state and business // *Budget*. 2009. № 7.

2. Mechanisms and instruments of steady development of regional economic systems (clusters and shopping complexes) / ed. by L.M. Osadchuk. Krasnodar, 2011.

3. Secret of funded mortgages. URL: [admkrain.krasnodar.ru](http://admkrain.krasnodar.ru)

4. URL: <http://www.bn.ru/krasnodarskii-krai/articles/2012/12/13>

5. Funded mortgages. URL: <http://www.bn.ru/krasnodarskii-krai/articles/2012/12/13>

6. Social housing in Russia. URL: <http://newsme.com/business.15/11/2013>

7. Program to improve housing conditions of citizens of Russia. URL: <http://www.housing step of the Russian Federation>

8. Levin Yu.A. Search of innovation schemes of housing construction // *Finance*. 2009. № 12.

**Фоменко Вера Леонидовна**старший преподаватель кафедры гражданского права  
и гражданского процесса  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: fomenkovera@mail.ru)

## Правовое регулирование объектов животного мира

В статье исследуются проблемы правового регулирования объектов животного мира. Рассмотрен основной понятийный аппарат (животный мир, объект животного мира), проведен анализ действующего законодательства в области охраны и использования объектов животного мира.

**Ключевые слова:** животный мир, объект животного мира, окружающая среда, природная система, правовое регулирование, международный договор, нормативный правовой акт.

**V.L. Fomenko**, Senior Lecturer of the Chair of Civil Law and Civil Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: fomenkovera@mail.ru

### Legal regulation of objects of wildlife

This paper deals with the problems of legal regulation of objects of wildlife. Considers the basic conceptual apparatus (wildlife, object of wildlife), the analysis of the current legislation on the protection and use of objects of wildlife.

**Key words:** wildlife, object of wildlife, environment, natural system, legal regulation, international treaty, regulation.

Одним из элементов природной системы является животный мир. Он имеет не только экономическое значение как источник получения пищевых продуктов, промышленного и лекарственного сырья, но и культурное, научное, эстетическое и воспитательное значение. Поэтому одна из важных задач государства состоит в том, чтобы путем правового регулирования в области охраны и использования животного мира добиться таких условий его существования, которые обеспечили бы сохранение видового многообразия и целостности сообществ животного мира [1, с. 3–4].

Животный мир определен в ст. 1 Федерального закона «О животном мире» [2] как совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию России и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации. Таким образом, названный федеральный закон определяет правовой статус только диких животных, если они являются элементами окружающей среды и находятся в состоянии естественной свободы, а домашние животные либо дикие животные, находящиеся в неволе (зоопарках, аквариумах), к ним не относятся.

Такое понятие животного мира подвергается критике, поскольку относится лишь к дикой

фауне, что неравнозначно животному миру в целом, к которому принято относить все организмы животного происхождения [3, с. 40]. При этом следует учитывать, что понятия «животный мир» и «объект животного мира» соотносятся как общее и частное. В качестве объекта животного мира рассматривается конкретное животное. Поэтому животный мир следует рассматривать как природный ресурс, а объект животного мира – как конкретный объект [4].

Отечественное законодательство в области охраны и использования животного мира основывается на положениях Конституции РФ, федеральных законов об охране окружающей среды, законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов (иных нормативных правовых актов) субъектов Российской Федерации (ст. 3 Федерального закона о животном мире).

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации предусмотрены иные правила, чем установлены законом, то применяются правила международного договора.

Основу правового регулирования отношений в области охраны и использования животного мира составляют ряд международных догово-

ров. В этом случае можно назвать Конвенцию о биологическом разнообразии 1992 г. [5]. В качестве целей Конвенции названы сохранение биологического разнообразия, устойчивое использование его компонентов, совместное получение на справедливой и равной основе выгод от использования генетических ресурсов.

Другим международным договором является Вашингтонская конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, целью которой является предотвращение чрезмерной эксплуатации флоры и фауны путем введения контроля за торговлей этими видами [6]. Для СССР эта Конвенция вступила в силу 8 декабря 1976 г.

Принят ряд международных соглашений, действие которых направлено на охрану конкретного вида, популяции животных. К ним относятся: Конвенция о сохранении тюленей Антарктики [7], Международная конвенция по регулированию китобойного промысла [8] и др.

Правовое регулирование отношений в области охраны и использования животного мира в Российской Федерации осуществляется Федеральными законами «Об охране окружающей среды» [9], «О животном мире», «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [10].

Федеральным законом об охране окружающей среды введено понятие природных ресурсов; урегулированы вопросы их использования, нормативы допустимого воздействия и допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду, экологического мониторинга; установлены требования и контроль в области охраны окружающей среды и т.д.

Федеральный закон о животном мире разрабатывался как главный закон в системе так называемого фаунистического законодательства. Он устанавливает основные понятия (животный мир, объекты животного мира, использование и охрана объектов животного мира и др.), регламентирует право собственности на объекты животного мира, полномочия органов государственной власти и местного самоуправления, виды пользования животным миром, виды лицензий, порядок их получения и т.д.

Федеральный закон о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов развивает положения закона о животном мире в отношении живых ресурсов водных объектов.

В юридической литературе отмечаются недостатки законодательства о рыболовстве. Критика связана в первую очередь с тем, что многие спорные и насущные вопросы отданы

на уровень подзаконного законодательства (постановление Правительства РФ от 6 октября 2008 г. № 743 «Об утверждении Правил установления рыбоохранных зон» [11], приказы Росрыболовства и т.п.) или заменяются отсылочными нормами [12, с. 123].

Большой общественный резонанс получило принятие в 2009 г. Федерального закона об охоте [13], который регулирует вопросы использования охотничьих ресурсов – объектов животного мира. В силу межотраслевого характера Федеральный закон о животном мире не решал проблемы формирования государственной политики в сфере охоты и охотничьего хозяйства, однако он прямо указывал, что соответствующие отношения должны регулироваться специальным федеральным законом и связанным с ним законодательством. Вместе с тем, следует отметить, что в сфере охотничьего хозяйства осуществляется достаточно широкий круг видов деятельности, более широкий, нежели только охота и деятельность по сохранению охотничьих ресурсов. Исходя из определения понятия «охотничье хозяйство», закрепленного ст. 1 Федерального закона об охоте, в его содержание входят следующие виды деятельности: по сохранению и использованию охотничьих ресурсов и среды их обитания; по созданию охотничьей инфраструктуры, оказанию услуг в данной сфере; по закупке, производству и продаже продукции охоты.

В результате возникла необходимость в приведении в соответствие с Федеральными законами о животном мире, об охоте ряда нормативных правовых актов. Законодателем по настоящее время проводится серьезная трудоемкая работа по разработке нормативных правовых актов в сфере охотничьего хозяйства и объектов животного мира, а также мониторинга правоприменительной практики в данной отрасли с целью нормативного совершенствования. В частности, был принят Федеральный закон об аквакультуре [14], подготовлен проект Федерального закона № 124510 «О прибрежном рыболовстве» и т.д.

В соответствии с Конституцией РФ вопросы владения, пользования и распоряжения животным миром на территории Российской Федерации относятся к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 72). Поэтому система фаунистического законодательства включает в себя не только федеральные законы и подзаконные нормативные акты, но и правовые акты регионального уровня. Так, на территории Краснодарского края действует Закон от 2 декабря

2004 г. № 802-КЗ (в редакции от 1 ноября 2013 г. № 2812-КЗ) «О животном мире Краснодарского края» [15].

В этой связи следует обратить внимание на необходимость строгого соблюдения соответствия указанных нормативных правовых актов федеральному законодательству. В частности, в 2012 г. прокуратурой опротестовано постановление главы Республики Хакасия от 10 августа 2012 г. «Об утверждении видов разрешенной охоты и параметров осуществления охоты в охотничьих угодьях на территории Республики Хакасия, за исключением особо охраняемых природных территорий федерального значения», вступившее в противоречие с Правилами охоты, утвержденными Минприроды России. В нарушение требований Правил охоты с превышением предоставленных полномочий главой республики были установлены «иные ограничения» по видам используемого оружия на охоту на оленя благородного, кабарга, косулю сибирскую, бурого медведя, зайца, лисицу, бобра восточноевропейского и барсука определенными видами орудий охоты, разре-

шенных к применению. Однако протест был отклонен, что повлекло обращение прокурора субъекта Российской Федерации в Верховный суд Республики Хакасия с заявлением о признании отдельных пунктов Постановления недействительными. В ходе судебного разбирательства в нормативный правовой акт главы республики внесены соответствующие изменения, и производство по делу прекращено [16, с. 34].

Завершая исследование проблем правового регулирования объектов животного мира, следует еще раз отметить общую тенденцию, характерную для норм законодательства в данной сфере: небольшое количество норм прямого действия, недостаточное регулирование многих вопросов, наличие большого количества отсылочных норм и подзаконных нормативных актов. Вместе с тем, регулирование этих аспектов должно происходить на основе четкой, понятной правовой базы, в которой большинство норм должны являться нормами прямого действия, исключаящими их произвольную трактовку.

1. Мечетин Ю.А. Уголовно-правовая охрана животного мира: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

2. О животном мире: федер. закон от 24 апр. 1995 г. № 52-ФЗ (в ред. от 7 мая 2013 г. № 104-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1462; 2013. № 19. Ст. 2331.

3. Веденин Н.Н. Животный мир: проблемы охраны и использования // Журнал рос. права. 2002. № 12.

4. Слепенкова О.А., Бирюкова Т.А. Комментарии к Федеральному закону от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» (постатейный). Доступ из справ. правовой «КонсультантПлюс», 2013.

5. Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.): ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 17 февр. 1995 г. № 16-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 19. Ст. 2254.

6. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (Вашингтон, 3 марта 1973 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1978. Вып. XXXII. С. 549–562.

7. Конвенция о сохранении тюленей Антарктики (Лондон, 1 июня 1972 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и кон-

1. Mechetin Yu.A. Criminal-law protection of wildlife: auth. abstr. ... Master of Law. Chelyabinsk, 2006.

2. On wildlife: fed. law of Apr. 24, 1995 № 52-FL (as amended of May 7, 2013 № 104-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1995. № 17. Art. 1462; 2013. № 19. Art. 2331.

3. Vedenin N.N. Fauna: challenges for the protection and use // Journal of Russian law. 2002. № 12.

4. Slepenskova O.A., Biryukova T.A. Comments to the Federal law of Apr. 24, 1995 № 52-FL «On wildlife» (itemized). Access from legal reference system «ConsultantPlus», 2013.

5. Convention on Biological Diversity (Rio de Janeiro, June 5, 1992): ratified by the Russian Federation with Federal law of Febr. 17, 1995 № 16-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 19. Art. 2254.

6. Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora, CITES (Washington, DC, March 3, 1973) // Coll. of existing treaties, agreements and conventions concluded with foreign states. Moscow, 1978. Iss. XXXII. P. 549–562.

7. Convention on the Conservation of Antarctic Seals (London, June 1, 1972) // Coll. of existing treaties, agreements and conventions concluded with foreign states. Moscow, 1980. Iss. XXXIV. P. 431–437.

венций, заключенных с иностранными государствами. М., 1980. Вып. XXXIV. С. 431–437.

8. Международная конвенция по регулированию китобойного промысла (Вашингтон, 2 дек. 1946 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XIII. С. 370–377.

9. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 12 марта 2014 г. № 27-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133; Рос. газ. 2014. 14 марта.

10. О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: федер. закон от 20 дек. 2004 г. № 166-ФЗ (в ред. от 28 июня 2014 г. № 181-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2004. № 52, ч. 1. Ст. 5270; 2014. № 26, ч. 1. Ст. 3387.

11. Об утверждении Правил установления рыбоохранных зон: постановление Правительства РФ от 6 окт. 2008 г. № 743 // Собр. законодательства РФ. 2008. № 41. Ст. 4682.

12. Глибко О.Я., Лукин А.А., Прищепа Б.В. Современные проблемы нормативно-правового регулирования рыболовства // Тр. Карел. науч. центра Российской академии наук. 2011. № 4.

13. Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2013 г. № 396-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735; 2013. № 52, ч. 1. Ст. 6961.

14. Об аквакультуре (рыбоводстве) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 июля 2013 г. № 148-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3440.

15. О животном мире Краснодарского края: закон Законодательного собрания Краснодарского края от 2 дек. 2004 г. № 802-КЗ (в ред. от 1 нояб. 2013 г. № 2812-КЗ) // Информ. бюл. Законодательного собрания Краснодарского края. 2004. № 24(1). URL: <http://admkrain.krasnodar.ru> (дата обращения: 05.11.2013).

16. Васичкина О.А. Пресечение нарушений законодательства в сфере охраны и использования объектов животного мира, отнесенных к охотничьим ресурсам // Законность. 2014. № 8.

8. International Convention for the Regulation of Whaling (Washington, Dec. 2, 1946) // Coll. of existing treaties, agreements and conventions concluded with foreign states. Moscow, 1956. Iss. XIII. P. 370–377.

9. On environmental protection: fed. law of Jan. 10, 2002 № 7-FL (as amended of March 12, 2014 № 27-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2002. № 2. Art. 133; Rus. newsp. 2014. March 14.

10. About fishing and conservation of aquatic biological resources: fed. law of Dec. 20, 2004 № 166-FL (as amended of June 28, 2014 № 181-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2004. № 52, pt. 1. Art. 5270; 2014. № 26, pt. 1. Art. 3387.

11. On the approval of the Regulations for conservation zones: resolution of the Government of the Russian Federation of Oct. 6, 2008 № 743 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2008. № 41. Art. 4682.

12. Glibko O.Ya., Lukin A.A., Prischepa B.V. Modern problems of regulatory fishing // Proc. of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. 2011. № 4.

13. On hunting and preservation of hunting resources and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law of July 24, 2009 № 209-FL (as amended of Dec. 28, 2013 № 396-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2009. № 30. Art. 3735; 2013. № 52, pt. 1. Art. 6961.

14. On aquaculture (fish farming) and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law of July 2, 2013 № 148-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 27. Art. 3440.

15. On wildlife of the Krasnodar Region: law of Legislative Assembly of the Krasnodar Region of Dec. 2, 2004 № 802-CP (as amended of Nov. 1, 2013 № 2812-CP) // Newsletter of Legislative Assembly of the Krasnodar Region. 2004. № 24(1). URL: <http://admkrain.krasnodar.ru> (date of access: 05.11.2013).

16. Vasichkina O.A. Suppression of violations of laws for the protection and use of wildlife classified as hunting resources // Legality. 2014. № 8.

**Кибальник Алексей Григорьевич**  
 доктор юридических наук, профессор,  
 заведующий кафедрой уголовного права и процесса  
 Северо-Кавказского федерального университета  
 (тел.: +78652354446)

## *Об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних*

Статья посвящена проблемам теоретического понимания особенностей уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних и сложностям их практического применения. Автор подчеркивает важность предписаний постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 февраля 2011 г. № 1. В статье использованы новые достижения российской уголовно-правовой доктрины, сформулированные в специальных диссертационных исследованиях.

**Ключевые слова:** Уголовный кодекс РФ, уголовная ответственность несовершеннолетних, наказание несовершеннолетних, доктрина уголовного права, судебная практика, Пленум Верховного Суда РФ.

**A.G. Kibalnik**, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasian Federal University; tel.: +78652354446.

### **On peculiarities of criminal responsibility and punishment for minors**

This article is devoted to problems of theoretical understanding of peculiarities of criminal responsibility and punishment for minors, and complexities of their practical using. The author underlines the importance of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation (Febr. 11, 2011 № 1). The new achievements of Russian criminal-law doctrine which were formulated in special dissertational researches have been used in this article.

**Key words:** Criminal code of the Russian Federation, criminal responsibility of minors, punishment for minors, doctrine of criminal law, judicial practice, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

**Т**ематика, посвященная вопросам уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, является достаточно «популярной» в отечественной доктрине уголовного права. Однако до сих пор предметом активных дебатов являются проблемы, связанные с фактом самого существования ювенального уголовного права, необходимостью введения в России ювенальной юстиции, пониманием предписаний разд. V УК РФ в их «материально-правовом» смысле. Поэтому позволим себе высказать несколько суждений об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних в российском уголовном праве.

Как известно, в соответствии с Минимальными стандартными правилами ООН относительно осуществления судопроизводства в отношении несовершеннолетних 1985 г. («Пекинские правила») несовершеннолетний – это ребенок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть при-

влечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому. В соответствии со ст. 87 УК РФ несовершеннолетним признается лицо, достигшее к моменту совершения преступления возраста 14 лет, но не достигшее 18 лет.

Однако в силу изменений уголовного законодательства в доктрине предложено дифференцировать возраст самих несовершеннолетних на: «младших несовершеннолетних» (14–15) и «старших несовершеннолетних» (16–18 лет) [1, с. 10–11].

Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних обусловлены исключительно возрастом и социальной незрелостью, и все они направлены на смягчение ответственности и наказания несовершеннолетних. Многие положения гл. 14 УК РФ могут быть применены к лицам в возрасте от 18 до 20 лет, что определяется как спецификой совершенного преступления, так и личностью виновного

(в ст. 96 УК РФ существует лишь однозначный запрет на помещение указанных лиц в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа и воспитательные колонии).

С формальной точки зрения, положения разд. V УК РФ по своему существу являются специальными и действуют приоритетно по отношению к другим нормам Общей части УК РФ. При применении ст. 87–96 УК РФ надлежит руководствоваться указаниями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (далее – ППВС РФ от 1 февраля 2011 г. № 1).

Надо согласиться с мнением о том, что уголовно-правовой статус несовершеннолетнего как субъекта преступления, наряду с его другими отраслевыми статусами, лежит в основе ювенального права, которое является динамично развивающейся комплексной отраслью российского права, имеющей одной из своих целей защитить подростков от воздействия преступности. Криминологические исследования и статистические данные свидетельствуют, что совершение общественно опасных деяний в несовершеннолетнем возрасте существенно повышает их рецидив, а рецидивная преступность, в свою очередь, «черпает силы» именно в преступности несовершеннолетних. С другой стороны, «традиционные карательные средства уголовного права не всегда срабатывают именно в отношении несовершеннолетних, поскольку возрастные особенности делают эффективным восприятие, как правило, мер воспитательного воздействия» [2, с. 3].

По справедливому утверждению Ю.Е. Пудовочкина, «качество и пределы» уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от преступных посягательств определяются (наряду с иными социально-экономическими и политическими факторами) «спецификой взаимоотношений между государством и семьей». Государство имеет право вмешиваться во внутреннюю жизнь семьи и брать на себя функцию защиты несовершеннолетних, когда «семья превращается в источник их эксплуатации и злоупотреблений». Уголовно-правовые средства регулирования семейных и ювенальных отношений «вступают в действие» в ситуации, когда отсутствие такого вмешательства способно создать угрозу жизни и здоровью членов семьи (особенно несовершеннолетних); их физическому,

нравственному, эмоциональному благополучию; свободному и разумному осуществлению членами семьи своих прав. При этом «в ситуации, когда интересы ребенка и интересы семьи в целом или ее взрослых членов противоречат друг другу, приоритет должен принадлежать интересам детей» [3, с. 12–13].

По мнению большинства исследователей, уголовно-правовая политика в отношении несовершеннолетних преступников должна быть направлена к всестороннему обеспечению прав и интересов ребенка нормами уголовного права.

Авторы определяют следующие основные направления уголовно-правовой политики в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте: а) дальнейшая гуманизация уголовного законодательства по борьбе с преступлениями несовершеннолетних; б) приоритетное использование мер воспитательного характера в отношении несовершеннолетних, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести; в) максимальное использование в отношении несовершеннолетних, совершающих преступления, уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией от общества; г) обеспечение уголовно-правовыми средствами всех юридических льгот несовершеннолетних, гарантированных Конвенцией ООН о правах ребенка [4, с. 23–26].

В последние годы отечественные ученые также все чаще говорят о том, что уголовно-правовая политика в отношении несовершеннолетних должна расцениваться как неотъемлемая часть государственной ювенальной политики, т.е. государственной политики в области всестороннего обеспечения прав и интересов несовершеннолетнего нормами международного права, нормами национального законодательства. Реализацией ювенальной политики является создание органов ювенальной юстиции путем использования средств восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних, а также увеличение значимости и ответственности семьи, школы и трудовых коллективов в обеспечении надлежащих условий жизни и воспитания несовершеннолетних [5, с. 13–14].

Надо отметить, что сложившаяся во многих европейских государствах система ювенальной юстиции вполне себя оправдала.

Например, в Германии функционирует система ювенальной юстиции, чья материально-право-



вая составляющая характеризуется следующими основными чертами: а) выделением норм, регламентирующих уголовную ответственность несовершеннолетних, в отдельную подотрасль уголовного законодательства; б) признанием воспитательной идеи в качестве ведущего принципа обращения с несовершеннолетними; в) широким применением норм, регулирующих уголовную ответственность несовершеннолетних, к лицам от 18 лет до 21 года; г) наличием разветвленной системы групп мер воздействия в отношении несовершеннолетних, разделенных в зависимости от содержания и частных задач в целях индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних; д) отнесением к наказанию, применяемому к несовершеннолетним, только лишения свободы [6, с. 9–10].

Думаем, что в определенной мере германская система ювенальной юстиции может «служить ориентиром» при создании аналогичной системы в России.

В плане «материально-правового» понимания и в обобщенном виде особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних могут быть сведены к следующим десяти позициям:

1) в отношении несовершеннолетних существенно сокращен перечень видов применяемых наказаний: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы на определенный срок (ч. 1 ст. 88 УК РФ);

2) к лицу, совершившему преступление в возрасте до 18 лет, существенно снижены (как правило, в два раза) максимально возможные размеры наказания и снижен минимальный порог наказуемости за тяжкие и особо тяжкие преступления (ч. 6<sup>1</sup> ст. 88 УК РФ);

3) в отношении несовершеннолетних существенно ограничена возможность назначения лишения свободы – так, данное наказание в принципе не может быть назначено лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести в возрасте до 16 лет, а также всем несовершеннолетним осужденным, впервые совершившим преступления небольшой тяжести (ч. 6 ст. 88 УК РФ);

4) несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, отбывают наказание в воспитательных колониях; лицо, совершившее преступление в несовершеннолетнем возрасте, но к моменту вынесения приговора достигшее со-

вершеннолетия и осужденное к лишению свободы, подлежит направлению для отбывания наказания в исправительную колонию общего режима независимо от категории преступления;

5) в отношении несовершеннолетних применяется льготный режим отмены испытательного срока при условном осуждении (ч. 6<sup>2</sup> ст. 88 УК РФ);

6) в отношении лица, совершившего преступление в возрасте до 18 лет, не применяются правила определения верхней границы окончательного наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров (ст. 69, 70 УК РФ);

7) наряду с общеуголовными основаниями освобождения от уголовной ответственности и наказания, к несовершеннолетним применяются специальные виды такого освобождения, связанные с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90, 92 УК РФ); при этом освобождение от наказания несовершеннолетних может иметь место при совершении тяжкого преступления, за исключением осуждения по специально оговоренным в ч. 5 ст. 92 УК РФ статьям Особенной части;

8) в отношении несовершеннолетних сокращены сроки фактического отбывания наказания при применении условно-досрочного освобождения (ст. 93 УК РФ);

9) сроки давности уголовной ответственности и обвинительного приговора суда за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, сокращены вдвое (ст. 94 УК РФ);

10) судимость за любое умышленное преступление, совершенное в несовершеннолетнем возрасте, не учитывается при признании рецидива преступлений (п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ); а в ст. 95 УК РФ определен льготный порядок исчисления срока погашения судимости за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет.

Отметим, что в специальной литературе высказана позиция о том, что «ключевое значение» при выборе вида и размера уголовного наказания в отношении несовершеннолетнего наряду с тяжестью совершенного преступления имеет «существующее состояние и возможность изменения социальной микросреды, в которой он находился до совершения преступления». Если она (микросреда) оказывает на несовершеннолетнего «отрицательное воздействие» и «изменение ее в положительную сторону не представляется возможным», целесообразно (и даже «гуманно» – *sic!*) назначение

ему наказания в виде лишения свободы. Эта (довольно необычная) точка зрения обосновывается положением о том, что в данном случае «применение альтернативных мер с оставлением несовершеннолетнего в таких условиях чревато дальнейшей десоциализацией несовершеннолетнего и повторением его девиантного поведения» [7, с. 9–10].

Одним из наиболее спорных положений УК РФ об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних стала возможность взыскания штрафа, назначенного в качестве наказания несовершеннолетнему, с его родителей или иных законных представителей, даже с согласия последних (ч. 2 ст. 88 УК РФ). Согласно п. 21 ППВС РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 такое решение может быть принято по ходатайству родителей и законных представителей осужденного несовершеннолетнего после вступления приговора в законную силу в порядке, предусмотренном ст. 399 УПК. В любом случае суду следует удостовериться в добровольности согласия и платежеспособности таких лиц, а также разъяснить последствия неисполнения судебного решения о взыскании штрафа.

С положениями ч. 2 ст. 88 УК РФ трудно согласиться даже умозрительно. Во-первых, указанное положение размывает принцип личной ответственности виновного в совершении преступления и порождает целый ряд неразрешимых юридических проблем, связанных с отбыванием наказания лицом, не совершавшим преступление: например, кого надо считать судимым в случае такого «взыскания» штрафа, каковы последствия в случае злостного неисполнения этого наказания родителями или законными представителями.

Во-вторых, в перспективе станет возможным отбывание родителями (законными представителями) и других наказаний, назначенных их несовершеннолетним детям (опекаемым). Наконец, создание подобного «прецедента» откроет дорогу исполнению другими лицами наказания, назначенного уже взрослому преступнику. Действительно, почему бы не разрешить заплатить тот же штраф родственнику или близкому взрослому осужденного? Такого рода «инновации» в уголовное законодательство недопустимы, пока оно придерживается принципа личной ответственности виновного.

Довольно проблематичной видится предписание ч. 4 ст. 90 УК РФ о том, что в случае систематического неисполнения несовер-

шеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия она по представлению специализированного государственного органа отменяется, а несовершеннолетний может быть привлечен к уголовной ответственности. В соответствии с п. 32 ППВС РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 под систематическим неисполнением несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия следует понимать неоднократные (т.е. более двух раз) нарушения исполнения такой меры в течение назначенного судом срока, которые были зарегистрированы в установленном порядке специализированным органом, осуществляющим контроль за поведением подростка.

Как известно, принудительные меры воспитательного воздействия – это вид иных мер уголовно-правового характера, назначаемых судом несовершеннолетнему, достигшему возраста уголовной ответственности и совершившему деяние, запрещенное уголовным законом. Они характеризуются следующими признаками: а) по своей природе не являются уголовным наказанием и не содержат карательного элемента; б) имеют особые цели – воспитание и перевоспитание несовершеннолетнего; в) применяются принудительно по решению суда. Воспитательный эффект от применения указанных мер должен заключаться в «оказании на подростка специфического психолого-педагогического влияния, направленного на его исправление, ресоциализацию и предупреждение новых преступлений» [8, с. 5].

По мнению критиков, положения ч. 4 ст. 90 УК РФ не соответствуют принципу справедливости, сформулированному в ст. 6 УК РФ. Если лицо освобождено от уголовной ответственности, то охранительное уголовное правоотношение должно считаться реализованным, а «возобновление» уголовной ответственности может расцениваться как проявление двойной уголовной репрессии за однажды совершенное преступление.

Однако к несовершеннолетним допускается возможность применения общих норм об освобождении от уголовной ответственности – в связи с деятельным раскаянием и в связи с примирением с потерпевшим. В доктрине высказано мнение о том, что критериями разграничения применяемых в отношении несовершеннолетних видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных ст. 75, 76 УК РФ, и применения принудительных мер воспита-

тельного воздействия (ст. 90 УК РФ) являются их основания (степень общественной опасности деяния может быть выше при применении ст. 90 УК РФ) и условия (степень общественной опасности личности всегда должна быть выше при применении ст. 90 УК РФ, нежели ст. 75–76 УК РФ) [9, с. 10].

Думаем, если к несовершеннолетним применяются общеуголовные виды освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76 УК РФ), то возможность возобновления уголовной ответственности отсутствует. Это прямо следует из положений п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Одним из наиболее «популярных» вопросов в отечественной доктрине является перспектива совершенствования разд. V УК РФ. В литературе последнего времени был высказан целый ряд предложений, среди которых хотелось бы отметить:

1) предложение о том, что исправительные работы могут назначаться на срок до одного года только в отношении несовершеннолетних, достигших 16-летнего возраста, способных в соответствии со своим психофизиологическим развитием осуществлять трудовую деятельность; при этом из заработка осужденного к исправительным работам производятся удержания в доход государства в размере не более 10% [10, с. 7];

2) мысль о том, что упразднение градации воспитательных колоний по видам режимов фактически привело к объединению во время отбывания наказания осужденных с различной степенью криминализации – законодатель нарушил паритет между дифференциацией уголовной ответственности несовершеннолетних и ее унификацией в пользу последней; поэтому необходимо усовершенствование системы исправительных учреждений для несовершеннолетних, включающее в себя «реанимацию» воспитательных колоний усиленного режима, либо создание изолированных участков колоний для несовершеннолетних, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы [11, с. 10–11];

3) предложение о том, что при освобождении от уголовной ответственности и наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия суд должен принимать решение о проведении мероприятий по социально-педагогической реабилитации несовершеннолетнего; содержанием такой реабилитации может выступать предоставление несовершеннолетнему необходимой индивидуальной помощи – социальной, материальной, психологической, медицинской, а также в области образования, профессиональной подготовки и трудоустройства [12, с. 11–12];

4) предложение о возможности расширения оснований применения к несовершеннолетним условного осуждения, а также о наличии «льготных» оснований для досрочного прекращения течения испытательного срока при условном осуждении [13, с. 12–13].

1. Давыденко А.В. Дифференциация уголовной ответственности несовершеннолетних в зависимости от возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013.

2. Луничев Е.М. Уголовно-правовой статус несовершеннолетнего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

3. Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

4. Волошин В.М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних правонарушителей и роль ответственности в ее реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.

1. Davydenko A.V. Differentiation of minors' criminal responsibility according to age: auth. abstr. ... Master of Law. Ryazan, 2013.

2. Lunichev E.M. Criminal-law status of minor: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2012.

3. Pudovochkin Yu.E. Criminal-law and criminological problems of prevention of crimes against minors: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2005.

4. Voloshin V.M. Russian criminal-law policy for minor delinquents and the role of responsibility for its realization: auth. abstr. ... Dr of Law. Ekaterinburg, 2008.

5. Tkachev V.N. Problems of realization of criminal policy for minors: auth. abstr. ... Dr of Law. Rostov-on-Don, 2007.

5. Ткачев В.Н. Проблемы реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.
6. Бахвалова Л.А. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних в уголовном праве России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
7. Долматов А.О. Специальные обстоятельства, подлежащие особому учету при назначении уголовного наказания несовершеннолетним: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2014.
8. Боровиков С.А. Принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних как альтернатива уголовному наказанию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
9. Смалева Н.А. Гуманизм и проблемы защиты прав и свобод несовершеннолетних в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008.
10. Алтынбаева Л.М. Особенности наказания несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008.
11. Санташов А.Л. Исполнение лишения свободы в отношении несовершеннолетних: вопросы законодательной техники и дифференциации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.
12. Абземилова З.Р. Проблемы применения наказания и иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним (по материалам Республики Башкортостан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
13. Павлов Д.А. Условное осуждение несовершеннолетних в России и государствах – участниках СНГ (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
6. Bahvalova L.A. Peculiarities of criminal responsibility in Russian and German criminal law: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2012.
7. Dolmatov A.O. Special circumstances which must be specially taken into account during the punishment's setting to minors: auth. abstr. ... Master of Law. Tomsk, 2014.
8. Borovikov S.A. Compulsory founding treatments for minors as an alternative of criminal punishment: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2007.
9. Smaleva N.A. Humanism and problems of defense of minors' rights and freedoms in Russian criminal law: auth. abstr. ... Master of Law. Volgograd, 2008.
10. Altynbaeva L.M. Peculiarities of punishment for minors: auth. abstr. ... Master of Law. Omsk, 2008.
11. Santashov A.L. Imprisonment's execution for minors: questions of legislative techniques and differentiation: auth. abstr. ... Master of Law. Kazan, 2006.
12. Abzemilova Z.R. Problems of using of punishment and others criminal-law measures to minors (on materials of Bashkortostan Republic): auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2008.
13. Pavlov D.A. Probation of minors in Russia and CIS-states (comparative-law researching): auth. abstr. ... Master of Law. Kazan, 2007.

**Щербакова Людмила Михайловна**

доктор юридических наук, профессор,  
 профессор кафедры уголовного права и процесса  
 Северо-Кавказского федерального университета  
 (e-mail: l.scherbakova@list.ru)

**Белая Ольга Петровна**

кандидат психологических наук, доцент,  
 доцент кафедры истории и теории журналистики  
 Северо-Кавказского федерального университета  
 (e-mail: belaya\_st@mail.ru)

## *Женское и мужское криминальное насилие: компаративный анализ*

В статье исследуется проблема половой дифференциации преступных насильственных действий, проводится сравнительно-исторический анализ существующей научной литературы по данной проблеме. Акцентируется внимание на психологических особенностях лиц, совершающих насильственные преступления.

**Ключевые слова:** агрессия, насилие, насильственная преступность, дифференциация криминальных насильственных действий по признаку пола, психические аномалии и расстройства.

**L.M. Scherbakova**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasian Federal University; e-mail: l.scherbakova@list.ru;

**O.P. Belaya**, Master of Psychology, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of History and Theory of Journalism of the North Caucasian Federal University; e-mail: belaya\_st@mail.ru

### **Male and female criminal violence: a comparative analysis**

The article contains the research of the problem of gender differentiation of violent criminal actions, contains a comparative historical analysis of existing scientific literature on the topics, and focuses on the psychological traits of people who have committed violent crimes.

**Key words:** aggression, violence, violent crimes, differentiation of violent criminal actions by gender criteria, psychological anomalies and disorders.

**П**роблема дифференциации социальных различий, обусловленных биологическим полом, – одна из дискуссионных и сложных в системе научных знаний о человеке. Она требует глубокого изучения и обсуждения, анализа различных подходов к ее исследованию, концепций и позиций, а также обобщения имеющихся данных по социальным различиям, обусловленным биологическим полом. Сложность этой проблемы заключается в необходимости применения комплексного подхода, использования данных не только различных отраслей юридической науки, но и психологии, медицины, физиологии, социологии, культурологии и т.д. При этом вопросы различий в поведении и в особенности преступных насильственных действий, обусловленные полом, требуют своего собственного обоснования.

Долгое время мы жили в однозначной ментальности, основой которой был приоритет

государства и его интересов, что весьма специфично сказалось и на формировании системы научных взглядов на проблемы поведения человека, в том числе с учетом половых различий. Сегодня научная методология, «очищенная» от идеологических артефактов, позволяет научному сообществу использовать объективные, существенные аспекты для объяснения поведения человека, соотношения его природной данности (в том числе и пола) и социальной среды. Не претендуя на полный, всесторонний анализ имеющихся литературных источников, систематизируем их и рассмотрим наиболее важные, по нашему мнению, заслуживающие внимания обстоятельства половой дифференциации криминальных насильственных действий.

Прежде всего, заметим, что необходимость выделения при изучении криминального насилия мужчин и женщин обусловлена несколькими особенностями: несмотря на то, что жен-

щин в стране больше, чем мужчин, удельный вес участия женщин в совершении насильственных преступлений никогда не был высоким. Так, доля мужчин среди убийц и причинителей физического вреда в среднем достигает 85–90%, хулиганов – 90–93%, насильников – 99–99,5%. Заметим, что характер изменений в женской преступности не всегда совпадает с изменениями в характере преступлений, совершаемых мужчинами. По своей структуре женская преступность не повторяет мужскую. Она отличается от нее не только количественно, но и качественно.

Виды преступлений, совершаемых женщинами, условно можно представить в виде шкалы, где на одном полюсе – преступления, которые по определению могут совершаться только женщинами (детоубийства), на другом – преступления, редко совершаемые женщинами (сексуальные преступления). В середине шкалы – преступления, совершаемые мужчинами и женщинами. Согласно криминальной статистике, в частности, Англии в 1986 г. соотношение мужчин и женщин в различных видах правонарушений было следующим в порядке убывания: 82:1 – сексуальные правонарушения, 25,5:1 – кражи со взломом, 21:1 – грабеж, 12:1 – повреждение имущества, 9:1 – насильственные правонарушения против личности, 7:1 – правонарушения, связанные с алкоголем и наркотиками, 3,5:1 – мошенничество и 3:1 – кражи и хранение краденого. Из этого видно, что сексуальные, имущественные правонарушения, включающие элемент планирования или агрессии, насильственные преступления против личности – преимущественно мужская «сфера» криминальной активности, тогда как женщины чаще совершают кражи и мошеннические действия, хотя и здесь мужчин втрое больше, чем женщин. Абсолютное большинство женщин фигурируют в преступлениях, связанных с воспитанием детей. Это жестокое или небрежное обращение с ребенком, нарушение закона об образовании (препятствие обучению детей в школе), похищение ребенка. По мнению исследователей, приведенные данные из Великобритании соответствуют статистике других западноевропейских стран [1, с. 27–28]. Согласно статистике ФБР в США мужчины в 60-х гг. совершили 85% убийств, в 90-х – 90% [2, с. 55–56].

При рассуждении в заданном направлении логично возникает вопрос: почему среди женщин, совершающих насильственные престу-

пления, по сравнению с мужчинами редко случаи совершения преступлений на сексуальной почве, а такие уголовно-правовые деликты, как убийства, носящие маниакально-сексуальный характер, являются для женщин скорее исключением, чем правилом, причем даже для лиц, страдающих различными психическими расстройствами? В юридической практике встречаются лишь единичные случаи проявления агрессии такого рода, и то они относятся в основном к групповым действиям женщин, имеющим хулиганскую направленность, и не имеют серийного характера. В истории мировой криминологии место исполнителей этих преступлений прочно принадлежит мужчинам: Чикатило, Джек-потрошитель, Джумагалиев, Михасевич, невинномысский маньяк Сливко и пр. Как правило, исследователи пытаются найти ответы в теории психоанализа. Так, к примеру, И.В. Корзун, сделав акцент на этой проблематике, выдвинул гипотезу, что проблема в любом случае лежит в плоскости изучения и объяснения различий в возможности для снятия психоэмоционального внутреннего напряжения с помощью социально приемлемых способов у мужчин и женщин [3, с. 164–169]. Нельзя не согласиться с позицией А.О. Бухановского, который считал, что серийные сексуальные убийства мотивационно столь же гетерогенны, сколь гетерогенны мотивы сексуального поведения вообще [4, с. 368–397].

В классических исследованиях различия в преступности мужчин и женщин объясняют: 1) психофизическими особенностями мужчин и женщин и 2) спецификой их социальных ролей [5, с. 306]. При этом значительное внимание исследователей привлекала проблема соотношения социального и биологического в характеристике природы криминального насилия. Этот вопрос остается одним из сложнейших и по настоящее время, поскольку до сих пор не существует однозначного вывода об этиологии насилия. До настоящего времени отсутствуют специальные исследования, касающиеся различий мужской и женской агрессии, имеются лишь отдельные упоминания, основанные на эмпирическом опыте. При этом агрессивное поведение чаще всего исследовалось в рамках индивидуальной модели, т.е. его анализировали как индивидуальную реакцию, вызванную внешними и внутренними факторами. В рамках такого подхода социальным взаимоотношениям не уделялось должного внимания. Исследователи практически не анализировали историю

взаимоотношений между взаимодействующими сторонами, т.е. так называемая «Модель отношений» еще не получила надлежащего применения. Модель имеет такое название в силу того, что она рассматривает агрессивное поведение в контексте конкретных социальных взаимоотношений. В современной литературе отмечается, что именно модель отношений позволяет затронуть вопросы и о причинах эскалации агрессии, ее перерастания в насилие. В этой связи проблема представляется в плоскости ценности взаимоотношений между партнерами и наличия социальной компетентности, необходимой для разрешения конфликта альтернативным способом [6, с. 13–16].

Поскольку ни один вид преступлений так хорошо не иллюстрирует половой диморфизм в преступности, как убийство, то подчеркнем: несмотря на то, что в современной России женщины стали чаще прибегать к преступному насилию вне сферы семейно-бытовых отношений, они активно участвуют в совершении убийств, грабежей, разбоев, вымогательств, иногда даже выступают в роли организаторов таких преступлений, по-прежнему основная часть насильственных преступлений женщинами совершается в сфере семейно-бытовых отношений. И именно в этой сфере женщина часто становится и жертвой. Жертва убийства, совершенного женщиной, в большинстве случаев имеет с нею родственные, эмоциональные или интимные связи. Это характерно не только для российского общества и не только на современном этапе. Так, Д. Браунстоун (D.Y. Brownstone) приводит следующие данные: 54% жертв убийств, совершенных женщинами в 1978 г. в Канаде, были членами их семей. В Шотландии и Англии эта цифра достигает почти 80% у женщин по сравнению с 30% такого рода убийств у мужчин. Наиболее частыми жертвами были дети и мужья. При исследовании 233 женщин, находившихся в английской тюрьме Holloway за период с 1970 по 1975 г. и обвинявшихся в убийстве или попытке убийства, установлено, что в 82% (191 случай) жертва была членом семьи, в 45% это были дети (104 случая), в 30% (70 случаев) – мужья [1, с. 27]. Как справедливо отмечает Ю.М. Антонян, «о том, что женщины нередко совершают убийства и другие агрессивные преступления на почве семейных и бытовых конфликтов, известно давно. Сравнительно новым является то, что преступницы иногда объединяются в устойчивые группы для совершения разбойных

нападений и других опасных преступлений, связанных с грубым и циничным насилием над личностью» [7, с. 5]. В последние годы преступления женщин дополнились новыми формами агрессивного поведения (заказные убийства).

По свидетельству исследователей, психические нарушения у совершивших убийства женщин выявляются значительно чаще, чем у мужчин. В связи с этим Е. Гибсон (E. Gibson) отмечал, что выявление различных психических расстройств у совершивших их лиц – «черта чисто женского убийства». Автор выделял «нормальное» убийство, т.е. убийство, совершенное вне какого-либо психического расстройства, и «ненормальное» убийство, совершенное лицом, признанным невменяемым или уменьшено вменяемым. Исследование показало, что в период с 1967 по 1971 г. 68% убийств, совершенных женщинами, входило в группу «ненормальных» убийств по сравнению с 28% убийств такого рода у мужчин [8, с. 58].

Психологическую специфику преступницам придает и то обстоятельство, что у многих из них имеются психические аномалии и расстройства, в том числе и из-за возрастных изменений. Криминогенное же значение психических аномалий заключается в том, что они при главенствующей роли социально приобретенных особенностей личности, взаимодействуя с ними, облегчают совершение преступления, выступая не причиной, а внутренним условием.

Психические расстройства, не исключающие вменяемости (ст. 22 УК РФ), которые необходимо учитывать при профилактике, можно разделить на следующие основные виды: психопатии различной степени, слабоумие в степени дебильности, хронический алкоголизм и др. Они ослабляют механизм внутреннего контроля; снижают сопротивляемость к воздействию ситуаций, в том числе конфликтных; создают препятствия для развития социально полезных черт личности, особенно для ее адаптации к внешней среде; облегчают реализацию случайных, в том числе правонарушающих, действий [9, с. 5].

По информации специалистов Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского [10, с. 114], весьма большой процент правонарушителей, направляемых на судебно-психиатрическую экспертизу (СПЭ), обнаруживают различные пограничные психические расстройства. По существу, эти пациенты исчезают из поля

зрения психиатрической службы после их осуждения. Кроме того, в отношении примерно 2–3 тысяч обвиняемых экспертными комиссиями ежегодно рекомендуется применение ст. 22 УК РФ. При этом они также отмечают, что, по данным как отечественных, так и зарубежных специалистов, среди женщин, совершивших противоправные деяния, процент лиц с психическими расстройствами значительно выше, чем среди мужчин.

Заметим, что доля невменяемых среди совершивших преступления из года в год остается почти постоянной и составляет около 0,5% случаев. При этом на СПЭ в России направляется ежегодно примерно 9–10% от числа лиц, совершивших преступления. Среди совершивших убийство и покушение на убийство доля невменяемых достигает 8–10% случаев ежегодно. Доля невменяемых среди совершивших изнасилования составляет 2–3%, хулиганства – 1,2%. Иными словами, при этих опасных действиях процент психически больных превышает таковой в популяции совершивших преступления: при убийствах – в 15–20 раз, при изнасилованиях – в 5 раз, при хулиганстве – в 2 раза.

Важно отметить, что психопатическим личностям свойственны определенные характерологические черты, которые обуславливают специфику эмоциональных проявлений личности, ее мышления и поведения; к таким чертам относятся, например, повышенная возбудимость, конфликтность, вспыльчивость, раздражительность в сочетании с несдержанностью и т.д. [11, с. 9–10].

Как отмечает М.Н. Голоднюк [12, с. 23–24], ведущая роль в возникновении и развитии психопатии, неврозов и психопатических черт личности принадлежит негативным средовым влияниям, к которым медики относят неблагоприятные условия формирования личности, воздействие различного рода стрессовых ситуаций, семейные и производственные конфликты. Женщины в гораздо большей степени, чем мужчины, подвержены стрессу и нервным перегрузкам в силу ряда причин, в частности в связи с большей занятостью домашним трудом и воспитанием детей. Следует учитывать и более эмоциональное восприятие женщинами негативных сторон нравственно-психологического климата окружающей микросреды. Поэтому психические травмы женщин, связанные с производственными и семейными конфликтами, разводами, неустроенностью личной жизни, обычно носят более глубокий, затяжной

характер и являются источником невротических срывов.

Практически каждая из женщин, осужденных за умышленные убийства, причинения вреда здоровью, испытывала воздействие факторов неправильного формирования личности в детском возрасте или неблагоприятных средовых влияний в дальнейшем. Кроме того, природа самих психопатий в значительной степени социальна. Она понимается психиатрами как взаимодействие врожденной или раноприобретенной недостаточности нервной системы с факторами неблагоприятной социальной среды, при отсутствии которых патологические особенности личности могут сгладиться и не достигнуть выраженной психопатии.

По мнению психиатров [10, с. 134], взаимодействие социальных факторов и психических расстройств у женщин особенно ярко выявляется при исследовании феномена «впервые приходящих» в криминальную деятельность женщин. Это женщины старших возрастных групп, впервые совершающие правонарушения и не имеющие криминального анамнеза. «Второй пик» привлечения к уголовной ответственности отмечается только у женщин в возрасте 45–55 лет. Анализ показал, что «поздно приходящие» в криминальную деятельность – это социально изолированные женщины с разрушенными браками, у которых часто выявлялись депрессии и склонность к злоупотреблению алкоголем наряду с такими психологическими факторами, как одиночество и отсутствие чувства безопасности. Женщины среднего возраста, совершившие преступления, представляют особый интерес еще и по той причине, что у отбывающих наказание женщин с возрастом увеличиваются частота и выраженность медицинских и психиатрических проблем. Американские исследователи обнаружили, что женщины-правонарушительницы среднего возраста (40 лет – 54 года) являются «уязвимой» группой с высокой частотой физических заболеваний и психических расстройств. По сравнению с молодыми женщинами-преступницами у женщин среднего возраста было обнаружено больше аффективных расстройств, алкоголизма, но меньше предыдущих привлечений к уголовной ответственности. Ни у одной женщины среднего возраста не был установлен диагноз «антисоциальное личностное расстройство», тогда как он был наиболее распространен в группе молодых женщин.



Как видим, женщины старшего возраста, впервые совершившие преступления, – это достаточно определенная группа; они часто нуждаются в медицинской и психиатрической помощи, особенно в связи с депрессией или алкоголизмом, а их первое привлечение к ответственности не является продолжением привычного криминального поведения, начавшегося в юношеские годы.

В научной медицинской литературе описаны отдельные формы психических расстройств и сопровождающие их агрессивные действия, присущие только женщинам в специфические биологические периоды: послеродовые психозы [13], детоубийства или болезненные состояния, преимущественно возникающие у них, – депрессии в инволюционном возрасте [14]. Среди различных вариантов депрессий описаны формы, не имеющие аналогов у мужчин по условиям развития и механизмам, лежащим в основе тяжелых агрессивных действий, – острые депрессии у женщин [15].

Высокой степенью криминогенности обладают больные олигофренией в степени дебильности, для которых характерна легкая (пограничная) умственная отсталость. Выборочные данные свидетельствуют, что олигофренов в степени дебильности среди всех преступников, попавших в выборку, – 3,2%, а среди лиц с психическими аномалиями – 5,3% [16, с. 27]. Не менее одной трети несовершеннолетних и молодых преступников имеют небольшое отставание в умственном развитии (коэффициент 68–69 по шкале Векслера) [17, с. 128]. По данным различных исследований подростков, состоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних, у двух пятых обнаружены психопатические признаки. И это, как отмечала Н.Ф. Кузнецова, неудивительно, коль скоро в общей популяции российских подростков более 40% школьников нуждаются в медико-психолого-педагогической реабилитации [18, с. 124].

Экспериментальные психологические исследования слабоумных преступников выявляют у них нарушения эмоционально-волевой сферы с бесконтрольной реализацией своих потребностей, желаний, эмоциональную неустойчивость, склонность к аффективным реакциям [19, с. 23], т.е. наличие таких психических свойств и дефектов, которые способствуют совершению преступлений.

В настоящее время отмечают значительное ухудшение здоровья и беспрецедентная психическая патология населения, распро-

странение социально обусловленных болезней. Наблюдается все больше детей с психическими и неврологическими заболеваниями (до 5% в общей популяции), а риск криминальных проявлений у них в четыре-пять раз выше, чем у «нормальных» [20, с. 80–81].

С каждым годом возрастает криминологическая значимость олигофрении, поскольку в России (как и во всем мире) отмечается ежегодный прирост детей, подлежащих обучению в специализированных учебных заведениях для лиц с умственной отсталостью. Распространенность умственной отсталости среди населения в возрасте до 19 лет составляет 20–30 человек на тысячу [21]. По мнению специалистов, тенденция роста умственной отсталости, особенно в легкой степени дебильности, сохранится и в дальнейшем [22, с. 47].

В самостоятельную проблему в последние годы выделен женский алкоголизм. При обследовании лиц, совершивших убийство, проведенном в ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, было установлено, что более 60% убийц были пьяными, а также были нетрезвыми до 20% их жертв [10, с. 115]. Установлено, что хронические алкоголики чаще всего совершают такие преступления против личности, как причинение тяжкого вреда здоровью, а также грабежи, разбои и хулиганство.

Как показывает исследование судебной практики и проведенный нами опрос осужденных за насильственные преступления женщин, только 9,6% из них ответили, что до совершения преступления они совсем не употребляли спиртные напитки. Из употребляющих спиртные напитки преступниц 39,7% отметили, что принимали алкоголь регулярно (3–4 раза в месяц), 36,5% – систематически (2–3 раза в неделю), а 11,1% – каждый или почти каждый день. 3,1% опрошенных преступниц указали, что страдали хроническим алкоголизмом. Психиатрами [23] выявлены зависимости между особенностями течения хронического алкоголизма и склонностью к совершению различного рода противоправных действий.

Настораживает тот факт, что большинство насильственных преступниц впервые употребили спиртные напитки в подростковом возрасте – в период полового созревания, сопровождающегося выраженной перестройкой нервной и эндокринной систем, в период наибольшей восприимчивости к влиянию внешней среды. Так, по полученным данным, 49,2% женщин, совершивших насильственные

преступления, впервые употребили спиртное в возрасте 14–17 лет, 9,5% – в возрасте 10–13 лет, а 1,6% – в возрасте до 10 лет.

Как отметили преступницы изучаемой категории, наиболее распространенными причинами употребления ими алкоголя являются: ухудшение семейных взаимоотношений, конфликты, ссоры в семье (22,2%), потеря перспективы в жизни (19,1%), неудовлетворенность низким материальным положением семьи (9,5%), злоупотребление спиртным супругом (6,3%), втянули друзья, знакомые (6,3%), измены супруга (4,8%), невозможность найти работу (4,8%), неудовлетворенность жилищными условиями семьи (4,8%), сексуальная неполноценность супруга (3,2%). Криминогенное влияние алкоголя представляется очевидным.

Учитывая изложенное, можно отметить, что психические аномалии препятствуют

нормальной социализации личности, усвоению ею общественных ценностей, установлению нормальных связей и отношений. В то же время, пожалуй, ни у кого не вызывает возражений то, что понимание механизмов преступного поведения требует углубленного изучения патохарактерологических особенностей не только самих лиц, совершивших противоправные действия, но и условий формирования личностных аномалий. При этом следует исходить из того, что у каждого человека социальная реальность, заданная внешним миром, преломляется через интеллект и чувственно-эмоциональную сферу, постепенно становится внутренним содержанием личности. Биологическое в человеке выступает в качестве физиологической основы развития его социальной сущности [24, с. 243–272].

1. Дмитриева Т.Б., Иммерман К.Л., Качаева М.А., Ромасенко Л.В. *Криминальная агрессия женщин с психическими расстройствами*. М., 2003.

2. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. *Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя!* (сер. «Главный учебник»). СПб., 2002.

3. Корзун И.В. *Теоретические и прикладные проблемы социально-правового контроля и предупреждения преступности среди женщин (по материалам Республики Казахстан): дис. ... д-ра юрид. наук*. Алма-Ата, 2001.

4. *Психология террористов и серийных убийц: хрестоматия*. Минск, 2004.

5. *Криминология – XX век / под ред. В.Н. Буракова, В.П. Сальникова*. СПб., 2000.

6. *Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека*. М., 2006.

7. Антонян Ю.М. *Жестокость в нашей жизни*. М., 1995.

8. Щербакова Л.М. *Женская насильственная преступность: общая характеристика и проблемы предупреждения*. Ставрополь, 2006.

9. Антонян Ю.М. *Личность преступника – индивидуальная профилактика преступлений: сопоставления и выводы // Личность преступников и индивидуальное воздействие на них*. М., 1989.

10. *Руководство по судебной психиатрии / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко*. М., 2004.

1. Dmitrieva T.B., Immerman K.L., Kachaeva M.A., Romasenko L.V. *Criminal aggression of women with mental disorders*. Moscow, 2003.

2. Chaldini R., Kenric D., Nyberg S. *Social psychology. Get others to understand themselves!* (ser.: «Main textbook»). St. Petersburg, 2002.

3. Korzun I.V. *Theoretical and applied problems of socio-legal control and crime prevention among women (according to the materials of the Republic of Kazakhstan): diss. ... Dr of Law*. Alma-Ata, 2001.

4. *The psychology of terrorists and serial killers: reader*. Minsk, 2004.

5. *Criminology – XX century / ed. by V.N. Burakov, V.P. Salnikov*. St. Petersburg, 2000.

6. *Aggression and peaceful coexistence: universal control mechanisms of social tension in humans*. Moscow, 2006.

7. Antonyan Yu.M. *Cruelty in our life*. Moscow, 1995.

8. Scherbakova L.M. *Female violent crime: a General overview and prevention issues*. Stavropol, 2006.

9. Antonyan Yu.M. *The identity of the offender is an individual, the crime prevention: comparisons and conclusions // The identity of the criminals and individual influence on them*. Moscow, 1989.

10. *A guide to forensic psychiatry / ed. by T.B. Dmitrieva, B.V. Shostakovich, A.A. Tkachenko*. Moscow, 2004.

11. Kebrikov O.V. *Clinical dynamics of psychopathy and neurosis*. Moscow, 1962.

12. Golodnyuk M.N. *Problems of social and biological in female crime // Issues of combating crime*. 1982. Iss. 37.

11. Кебриков О.В. Клиническая динамика психопатий и неврозов. М., 1962.
12. Голоднюк М.Н. Проблемы социального и биологического в женской преступности // Вопросы борьбы с преступностью. 1982. Вып. 37.
13. Доброгаева М.С. Психотические состояния послеродового периода и их судебно-психиатрическое значение: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1972.
14. Щукина Е.Я. Сравнительное изучение реактивных состояний в инволюционном возрасте и инволюционных психозов (судебно-психиатрический аспект): автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1981.
15. Качаева М.А. Острые психогенные депрессивные состояния у женщин в период совершения общественно опасных действий: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1972.
16. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии. М., 1998.
17. Хольст Б. Криминология. Основные проблемы / пер. с польск. В.М. Когана; под ред. Н.А. Стручкова. М., 1980.
18. Криминология: учеб. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
19. Антонян Ю.М., Горинов В.В., Саблина Л.С. Преступники с умственной отсталостью: учеб. пособие. М., 1992.
20. Сибиряков С.Л. О некоторых истоках современного терроризма и возможных путях его раннего предупреждения // Рос. криминологический взгляд. 2005. № 1.
21. Вартанян М.Е. Откровенное о важном // Аргументы и факты. 1987. № 11.
22. Назаренко Г.В. Невменяемость: Уголовно-релевантные психические состояния. СПб., 2002.
23. Актуальные вопросы социальной и клинической наркологии. Душанбе, 1979.
24. Щербакowa Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: динамика, детерминанты и проблемы предупреждения. Ставрополь, 2007.
13. Dobrogea M.S. Psychotic state postpartum period and their forensic significance: auth. abstr. ... Master of Medicine. Moscow, 1972.
14. Schukina E.Ya. Comparative study of reactive states in the involutinal age and involutinal psychoses (forensic aspects): auth. abstr. ... Master of Medicine. Moscow, 1981.
15. Kachaeva M.A. Acute psychogenic depression in women in the period of committing socially dangerous acts: auth. abstr. ... Master of Medicine. Moscow, 1972.
16. Antonyan Yu.M., Borodin S.V. Criminal behaviour and mental abnormalities. Moscow, 1998.
17. Holyst B. Criminology. Main problems / transl. from Polish by V.M. Kogan; ed. by N.A. Struchkov. Moscow, 1980.
18. Criminology: textbook / ed. by N.F. Kuznetsova, V.V. Luneev. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2004.
19. Antonyan Yu.M., Gorinov V.V., Sablina L.S. Offenders with mental retardation: study aid. Moscow, 1992.
20. Sibiryakov S.L. About some of the origins of modern terrorism and possible ways of its early prevention // Russian criminological outlook. 2005. № 1.
21. Vartanyan M.E. Frank about important // Arguments and facts. 1987. № 11.
22. Nazarenko G.V. Insanity: Criminal-relevant mental state. St. Petersburg, 2002.
23. Topical issues of social and clinical addiction. Dushanbe, 1979.
24. Scherbakova L.M. Female violent crime in modern Russia: dynamics, determinants and prevention problems. Stavropol, 2007.

**Кашоида Вячеслав Валерьевич**  
кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры уголовного права  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583563)

## *Уголовно-правовое регулирование деяний, причиняющих вред половой неприкосновенности несовершеннолетних лиц, с учетом возрастного признака*

В статье рассматриваются вопросы уголовно-правового регулирования составов преступлений, связанных с посягательством на половую неприкосновенность несовершеннолетних лиц, и ответственности за их совершение. Делается вывод о необходимости совершенствования ряда статей УК РФ (ст. 131, 134, 135) с целью более точного учета возрастного признака.

**Ключевые слова:** несовершеннолетие, половая неприкосновенность, возрастной признак, граница половой неприкосновенности, общественная опасность полового насилия, половая свобода лица.

**V.V. Kashoida**, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

### **Criminal and legal regulation of the acts doing harm to sexual inviolability of minors taking into account an age sign**

The article deals with criminal and legal regulation of offenses related to the sexual assault of minors, and the responsibility for these acts. The conclusion about need of improvement of a number of articles of the Criminal code of the Russian Federation (art. 131, 134, 135) for the purpose of more exact accounting of an age sign is drawn.

**Key words:** minority, sexual inviolability, age sign, limit of sexual inviolability, public danger of sexual violence, sexual freedom of the person.

**А**нализ норм УК РФ, регулирующих составы изнасилования и насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетней (несовершеннолетнего) и потерпевшей (потерпевшего), заведомо не достигшей (не достигшего) четырнадцатилетнего возраста, позволяет определить следующие основные позиции законодателя в регулировании ответственности за данные преступления:

сексуальное насилие над личностью противоправно (ст. 131, 132 УК РФ);

понуждение к действиям сексуального характера способами, описанными в законе, противоправно (ст. 133 УК РФ);

развратные и иные ненасильственные действия сексуального характера в отношении лиц, обладающих половой неприкосновенностью, противоправны (ст. 131, 132, 133, 134, 135 УК РФ);

половой неприкосновенностью обладают беспомощные лица, а также лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста и половой зрелости.

Помимо изложенного, с учетом иных положений действующего законодательства представляется необходимым дополнить основные направления уголовно-правовой оценки анализируемых видов преступлений, основанной на учете возрастных признаков потерпевшего:

совершение преступления в отношении малолетнего – отягчающее обстоятельство (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ);

малолетние – это лица, не достигшие четырнадцати лет (ч. 1 ст. 28 ГК РФ);

совершение взрослым лицом преступления посредством использования несовершеннолетнего, не подлежащего уголовной ответственности, противоправно (ст. 150 УК РФ);

лицо, совершившее преступление посредством использования несовершеннолетнего, не подлежащего уголовной ответственности, есть исполнитель данного преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ);

вовлечение взрослым лицом несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий противоправно.

Представляется, что перечисленные определения и законодательные принципы могут и должны лечь в основу оценки общественной опасности, преступности и наказуемости посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность детей в зависимости от возрастного признака. При этом мы солидарны с мнением о том, что вполне допустимым и обоснованным представляется положение о недостижении шестнадцатилетнего возраста как «верхней» границы половой неприкосновенности личности несовершеннолетнего [1, с. 123]. Такое положение соответствует исторически сложившейся и не противоречащей общественному правосознанию практике. Справедливость подобного подхода подтверждается и проведенным нами исследованием: только 1,5% опрошенных отметили необходимость индивидуального подхода к решению вопроса о наличии половой неприкосновенности применительно к каждому конкретному лицу, тогда как 98,5% опрошенных, определяя «верхнюю» границу половой неприкосновенности, указывали именно шестнадцатилетие. В этом же контексте мы полагаем, что «верхняя» граница половой неприкосновенности (в уголовно-правовом понимании данного термина) определяется не совершеннолетием, а шестнадцатилетним возрастом потерпевшего. Считаем, что отказ от дифференциации ответственности по данному признаку представляет собой правовой пробел, поскольку исключает справедливую оценку и фактически в законодательном смысле отождествляет различающиеся по характеру общественной опасности деяния.

Известно, что характер общественной опасности преступления зависит от степени важности правоохраняемых отношений. Анализируя объекты уголовно-правовой охраны составов изнасилования и насильственных действий сексуального характера, квалифицированных по возрастным признакам потерпевшего, можно прийти к выводу, что при половом насилии, осуществляемом в отношении взрослого лица (ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132 УК РФ), вред причиняется половой свободе личности; в отношении заведомо несовершеннолетнего лица (п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ) – половой свободе личности и нормальному психическому и нравственному развитию несовершеннолетнего; при совершении рассматриваемых преступлений в отношении потерпевшего, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста, – половой свободе личности, ее половой неприкосновенности и нормальному психическому и нравственному развитию малолетних.

При подобном подходе, однако, не учитывается общественная опасность полового на-

силия, осуществляемого в отношении потерпевших, достигших четырнадцатилетнего, но не достигших шестнадцатилетнего возраста. Уголовно-правовое определение несовершеннолетия (ст. 87 УК РФ) как возрастного периода от четырнадцати до восемнадцати лет, на наш взгляд, не может лечь в основу отказа от дифференциации ответственности за сексуальное насилие в отношении потерпевших, не достигших шестнадцатилетнего возраста. Общественная опасность причиняемого им в результате сексуального насилия вреда не может отождествляться с общественной опасностью такого же посягательства, совершенного в отношении лица, достигшего шестнадцатилетнего или семнадцатилетнего возраста.

При насильственном посягательстве на половую свободу лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, вред причиняется половой свободе личности, ее нормальному психическому и нравственному развитию, а также половой неприкосновенности потерпевшего, обусловливаемой объективным возрастным критерием – недостижением шестнадцатилетия [2, с. 117]. При изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера, совершенных в отношении шестнадцатилетнего или семнадцатилетнего лица, половой неприкосновенности (в узком уголовно-правовом смысле) вред не причиняется, поскольку «верхняя» граница последней характеризуется шестнадцатилетием. В соответствии с вышеизложенным считаем, что диспозиции статей Уголовного кодекса РФ об ответственности за насильственные преступления против половой свободы и половой неприкосновенности необходимо дополнить квалифицирующими признаками, характеризующими недостижение потерпевшим (потерпевшей) шестнадцатилетнего возраста.

Хотелось бы также обратить внимание на ч. 3 ст. 134 УК РФ. Следует заметить, что в такой формулировке данный признак появился сравнительно недавно (см.: Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»), и этот шаг законодателя в целом получил позитивную оценку [3, с. 26]. С учетом этой нормы, исключив из формулировки примечания к ст. 131 УК РФ ненужные для обоснования нашей точки зрения слова, получаем: изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, совершенными в отношении лица, не достигшего четырнад-

цатилетнего возраста, признаются половое сношение, мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера, совершенные в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста, если они совершены в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста. Представляется, что законодатель «запутался» в определении возрастных границ потерпевшего, указав в ч. 3 ст. 134 УК РФ: «совершенные в отношении лица, достигшего двенадцати-, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста, если они совершены в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста». То же самое можно сказать и о ч. 2 ст. 135 УК РФ, где деяние описывается с использованием ссылочной диспозиции и уточнением возраста потерпевшего: «в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста...» (и далее по примечанию к ст. 131 УК РФ), «если они совершены в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста».

В приведенном примечании констатируется неспособность потерпевшего понимать значение и характер совершаемых с ним действий [4, с. 33]. Исходя из презумпции невиновности, подобный подход вполне допустим при определении возраста уголовной ответственности, но не при определении верхних возрастных границ недостижения половой зрелости безотносительно фактических обстоятельств дела и фактического полового развития ребенка. Например, вполне возможна, на наш взгляд, ситуация, когда психолого-психиатрическая экспертиза (пусть в одном из миллиона случаев) опровергнет законодательную регламентацию

и не достигшее двенадцатилетнего возраста лицо окажется способным сознавать характер и истинное значение совершаемых в отношении его действий сексуального характера. Представляется, что подобного рода возможность не дает права существования рассматриваемой законодательной формулировки.

Отмеченные недостатки могли бы быть устранены простым перечислением действий сексуального характера (или просто фразой «любые развратные действия или действия сексуального характера»), а также с использованием имеющей место в ст. 134 и 135 УК РФ формулировкой «и не достигшим половой зрелости».

В соответствии с вышеизложенным считаем, что действующая редакция примечания к ст. 131 УК РФ нуждается в корректировке, в связи с чем предлагаем сформулировать его следующим образом:

«Примечание. К преступлениям, предусмотренным пунктом “б” части четвертой настоящей статьи, а также пунктом “б” части четвертой статьи 132 настоящего Кодекса, относятся также развратные действия и иные действия сексуального характера, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с лицом, не достигшим двенадцатилетнего возраста и половой зрелости».

Считаем, что такое дополнение будет способствовать более справедливой дифференциации ответственности за насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности на основе возрастных критериев, характеризующих личность потерпевшего.

1. Маслак С.Н. *Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.*

2. Николаев К.Д. *Общественная опасность преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Современное право. 2011. № 2. С. 116–118.*

3. Кибальник А. *О новеллах в системе сексуальных преступлений // Уголовное право. 2012. № 6. С. 25–27.*

4. Ситникова А. *Преступления сексуального характера: интерпретация норм и применение // Уголовное право. 2013. № 2. С. 29–34.*

1. Maslak S.N. *Violent crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual: problems of criminal and legal regulation and qualification: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2013.*

2. Nikolaev K.D. *Public danger of crimes against sexual inviolability of minors // Modern law. 2011. № 2. P. 116–118.*

3. Kibalnik A. *About novelties in system of sexual crimes // Criminal law. 2012. № 6. P. 25–27.*

4. Sitnikova A. *Crimes of sexual character: interpretation of norms and application // Criminal law. 2013. № 2. P. 29–34.*

Коростылев Олег Иванович

кандидат юридических наук,  
ведущий научный сотрудник филиала ВНИИ МВД России  
по Северо-Кавказскому федеральному округу  
(тел.: +79282938085)

## *Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного массового мероприятия: отдельные аспекты правовой регламентации*

В статье излагаются результаты рассмотрения новеллы отечественного уголовного законодательства в виде нормы об ответственности за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования.

**Ключевые слова:** преступление, ответственность, массовые беспорядки, публичное массовое мероприятие, нарушение порядка, неоднократность.

**O.I. Korostilev**, Master of Law, Leading Researcher of the branch of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia across North-Caucasian Federal District; tel.: +79282938085.

**Repeated violation of the established order of the organization or conduct of a public event: selected aspects of legal regulation**

The article presents the results of the examination novels of domestic criminal law in the form of rules on liability for repeated violation of the established order of the organization or conduct of assembly, meeting, demonstration, procession, picketing.

**Key words:** crime, liability, riots, public event, violation of order, repeated.

**Н**а современном этапе развития общество столкнулось с широким распространением фактов публичного выражения мнений и настроений, имеющих формы публичных массовых мероприятий. При этом зачастую такие мероприятия приобретают вид протестных акций, которые порой лишь тонкая грань разделяет с массовыми беспорядками.

В этих условиях законодатель предпринял шаги по приведению УК РФ в этой части в более строгий вид. В частности, изменения были внесены в норму об ответственности за массовые беспорядки, российский уголовный закон дополнился запретом на неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212<sup>1</sup> УК РФ).

Необходимо отметить, что при регламентации уголовной ответственности за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного массового мероприятия законодатель использовал бланкетный способ конструирования нормы [1, с. 103]. В тексте уголовно-правовой нормы не раскрывается содержание порядка, нарушение которого образует состав данного преступления. В свою очередь, порядок организации и проведения публичного массового

мероприятия прописан в Федеральном законе «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

Анализ положений данного Федерального закона позволяет выделить участников общественных отношений, складывающихся в связи с организацией и проведением публичного массового мероприятия. Таковыми являются организатор и участники мероприятия, органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации и органы местного самоуправления, а также органы внутренних дел. Каждый из обозначенных участников общественных отношений наделяется своей компетенцией в связи с организацией и проведением публичного массового мероприятия.

Поэтому допустимо предположение, что субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 212<sup>1</sup> УК РФ, может выступать представитель любого из перечисленных участников рассматриваемых общественных отношений. Ведь в тексте диспозиции ст. 212<sup>1</sup> УК РФ отсутствует прямое указание о субъекте нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования.

Так, организатор публичного мероприятия обязан:

1) подать в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления уведомление о проведении публичного мероприятия;

2) не позднее чем за три дня до дня проведения публичного мероприятия (за исключением собрания и пикетирования, проводимого одним участником) информировать орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления в письменной форме о принятии (непринятии) его предложения об изменении места и (или) времени проведения публичного мероприятия, указанных в уведомлении о проведении публичного мероприятия;

3) обеспечивать соблюдение условий проведения публичного мероприятия, указанных в уведомлении о проведении публичного мероприятия или измененных в результате согласования с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления;

4) требовать от участников публичного мероприятия соблюдения общественного порядка и регламента проведения публичного мероприятия, прекращения нарушения закона;

5) обеспечивать в пределах своей компетенции общественный порядок и безопасность граждан при проведении публичного мероприятия, а в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, выполнять эту обязанность совместно с уполномоченным представителем органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления и уполномоченным представителем органа внутренних дел, выполняя при этом все их законные требования, и др. [2].

Обязанности в этой сфере, в частности, предусмотрены и для органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления. Данные органы обязаны:

1) документально подтвердить получение уведомления о проведении публичного мероприятия, указав при этом дату и время его получения;

2) довести до сведения организатора публичного мероприятия в течение трех дней со дня получения уведомления о проведении публичного мероприятия (а при подаче уведомления о проведении пикетирования группой лиц менее чем за пять дней до дня его проведения – в день его получения) обоснованное предложение об изменении места и (или) времени проведения публичного мероприятия, а также предложения об устранении организатором публичного мероприятия несоответствия указанных в уведомлении целей, форм и иных условий проведения публичного мероприятия требованиям Федерального закона;

3) в зависимости от формы публичного мероприятия и количества его участников назначить своего уполномоченного представителя в целях оказания организатору публичного мероприятия содействия в проведении данного публичного мероприятия в соответствии с требованиями Федерального закона и др. [2].

Данные положения позволяют утверждать, что нарушения порядка организации и проведения публичного массового мероприятия могут иметь место как стороны организаторов такого, так и со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

Вместе с тем, обязательным условием ответственности по ст. 212<sup>1</sup> УК РФ является предшествующий факт совершения субъектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней. Следовательно, для уяснения сущности исследуемого уголовно-правового запрета требуется обращение к указанным предписаниям административного законодательства.

Следует отметить, что согласно положениям ст. 20.2 КоАП РФ субъектами такого правонарушения могут выступать только организатор или участник публичного массового мероприятия. Иные участники общественных отношений, возникающих по поводу организации и проведения публичного массового мероприятия, не являются субъектами обозначенного административного правонарушения.

Таким образом, субъектом преступления, предусмотренного ст. 212<sup>1</sup> УК РФ, могут выступать только организаторы и участники публичного массового мероприятия.

Безусловный научно-практический интерес вызывают и вопросы понимания неоднократности как конструктивного признака состава неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования.

В силу примечания к ст. 212<sup>1</sup> УК РФ нарушением установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, совершенным лицом неоднократно, признается нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней.

Необходимо отметить, что действующему отечественному законодательству известно использование признака «неоднократность» в



ряде норм. Например, в соответствии с примечанием к ст. 151<sup>1</sup> УК РФ, розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение ста восьмидесяти дней.

Как дву- и более кратное повторение деяния толкуется неоднократность и в составе незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) [3].

Согласно примечанию к ст. 314<sup>1</sup> УК РФ неоднократным несоблюдением лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничения или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, признается несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничения или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, при условии, что это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

Как видно из содержания изложенных норм уголовного закона, неоднократность трактуется законодателем совершенно по-разному. В одних ситуациях она рассматривается как повторность после единичного случая, в других – как повторность после двух случаев, а в ст. 212<sup>1</sup> УК РФ – как повторность после трех случаев.

Такое разнообразие в трактовке неоднократности допускается, несмотря на то, что ранее неоднократность законодательно определялась как не менее чем двукратное повторение деяния [4, с. 15–17]. Представляется, что сложившаяся ситуация в определении признака неоднократности в нормах Особенной части УК РФ нарушает основополагающие правила законодательной техники [5, с. 77].

Кроме того, нормативное закрепление признаков неоднократности в составе неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования с использованием административной преюдиции порождает и еще один немаловажный вопрос. Исходя из положений ст. 212<sup>1</sup> УК РФ, нарушение установленного порядка организации и проведения публичного массового мероприятия лицом, ранее привлеченным к уголовной ответственности за аналогичное преступление, не образует состав преступления, предусмотренный ст. 212<sup>1</sup> УК РФ. В силу буквального толкования анализируемого предписания состав данного преступления не будет иметь место даже в случае нарушения установленного порядка организации и проведения публичного массового мероприятия лицом, ранее привлеченным к уголовной ответственности за массовые беспорядки.

Вполне очевидно, что в данных ситуациях уровень общественной опасности совершенного лицом деяния не уступает таковому при нарушении установленного порядка организации и проведения публичного массового мероприятия лицом, ранее более трех раз привлекавшимся по ст. 20.2 КоАП РФ.

1. Образжиев К.В. *Формальные (юридические) источники российского уголовного права*. М., 2010.

2. *О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федер. закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2004. № 25. Ст. 2485 (в посл. ред. Федерального закона от 4 окт. 2014 г. № 292-ФЗ).*

3. *О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апр. 2007 г. № 14 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2007. № 7.*

4. Плотникова М.В. *Множественность преступлений: соотношение ее разновидностей*. М., 2004.

5. Паныко К.К. *Теория и практика законодательства в уголовном праве*. М., 2011.

1. *Obrazhiev K.V. Formal (legal) sources of Russian criminal law*. Moscow, 2010.

2. *About assemblies, meetings, demonstrations, marchers and picketings: fed. law of June, 19 2004 № 54-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation 2004. № 25. Art. 2485 (in the last ed. of Federal law of Oct. 4, 2014 № 292-FL).*

3. *On the practice of examination by courts of criminal cases about violation of copyright, related, inventive and patent rights also about illegal using of trademark: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Apr. 26, 2007 № 14 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2007. № 7.*

4. *Plotnikova M.V. Plurality of crimes: the ratio of it varieties*. Moscow, 2004.

5. *Panko K.K. Theory and practice of lawmaking in criminal law*. Moscow, 2011.

**Савенко Ирина Алексеевна**

кандидат юридических наук,  
доцент кафедры уголовного права  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583563)

## *Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка*

В статье рассматриваются вопросы законодательной и правоприменительной деятельности в области противодействия преступности за детоубийство уголовно-правовыми средствами, предлагаются пути совершенствования уголовного законодательства.

**Ключевые слова:** новорожденный ребенок, биологическая мать, психотравмирующая ситуация, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, аффективное состояние.

**I.A. Savenko**, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

### **Problems of qualification of murder by the mother of the newborn child**

The article considers the issues of legislative and law enforcement in combating crime for infanticide by criminal law means, suggests ways to improve the criminal law.

**Key words:** newborn child, biological mother, stressful situation, mental disorder, not excluding sanity, affective state.

**Ж**изнь представляет собой естественное благо и ценность человека, передается ему генетически и относится к наиважнейшему объекту уголовно-правовой охраны. Право на жизнь является одним из основных прав человека, которое закреплено и гарантировано в ст. 20 Конституции РФ. Уголовный кодекс РФ предусматривает ответственность за преступления против жизни, здоровья и достоинства личности. Наибольшую опасность среди преступлений, направленных против личности, представляет убийство.

Естественное, природное назначение женщины – быть матерью. Существование на земле человечества – лучшее тому подтверждение, однако современные реалии, к сожалению, свидетельствуют о том, что женщины в России все реже стремятся его выполнять. Изучив статистические данные, можно сделать вывод о том, что в последние годы количество детоубийств возрастает.

Основной закон России – Конституция – объединяет требования защиты государством таких взаимосвязанных институтов, как материнство, детство, семья, которые определяют состояние общества и перспективу его прогрессивного развития.

Поскольку ст. 17 Конституции РФ гласит: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рожде-

ния», право на уголовно-правовую охрану жизни человека возникает с момента рождения и прекращается с наступлением смерти человека [1].

Охрана материнства и детства – это создание государством гарантии необходимых условий для рождения, выживания и защиты детей, их полноценного развития и реализации семьей всех ее функций в жизни общества.

На XI Всемирном конгрессе по перинатальной медицине Президент РФ Владимир Путин сообщил, что работа в данном направлении является одним из ключевых приоритетных направлений как государственной, так и уголовно-правовой политики России [2].

В целях реализации уголовно-правовой политики в Уголовный кодекс РФ включена ст. 106 «Убийство матерью новорожденного ребенка», которая поставила под защиту жизнь новорожденного ребенка.

В указанной статье отражается конфликт интересов матери и ее новорожденного ребенка. Несмотря на обоснованность криминализации уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность для матери, причинившей смерть новорожденному ребенку, в качестве самостоятельного состава преступления, характеризующего специфическими конструктивными признаками, учет всех криминологически значимых характеристик, влияющих на деяния лиц, его совершивших, не гарантируется.

До 1994 г. статистика по данному составу преступлений в отдельную категорию не выделялась. По данным, собранным руководителем организации «Центр противодействия насилию над детьми» и общественным помощником Уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ А. Левченко, с 1994 по 1999 г. среднее количество зарегистрированных детоубийств не превышало 15 в год. В 2001 г. было зарегистрировано 203 убийства, за период с 1999 по 2013 г. их количество возросло в 10 раз. Стоит отметить, что данная категория преступлений обладает высокой латентностью – количество невыявленных преступлений в восемь раз превышает количество зарегистрированных фактов [3].

Проблема уголовно-правовой оценки убийства матерью новорожденного ребенка (детоубийства) имеет длительную историю. В разные исторические периоды по-разному решался вопрос об ответственности женщин, убивавших своих новорожденных детей. Нет единства по этому вопросу и в современной уголовно-правовой доктрине [4].

Существующая законодательная конструкция ст. 106 УК РФ вызвала трудности в следственной и судебной практике при правовой оценке преступных посягательств, связанных с причинением смерти новорожденным. За время действия рассматриваемой уголовно-правовой нормы в теории и в практике ее применения выявились существенные противоречия, ставящие под сомнение целесообразность и эффективность нормы. Данные противоречия связаны как со спецификой самого деяния, так и с особенностями уголовно-правовой конструкции ст. 106 УК РФ. Так, диспозиция ст. 106 УК РФ содержит в себе много проблемных и неоднозначно толкуемых дефиниций, в частности «биологическая мать», «новорожденный», «психотравмирующая ситуация» и др. При этом Уголовный кодекс РФ не содержит определений данных понятий. Вследствие этого отмечается непоследовательность следственно-судебной практики, выражающаяся в характерных для этой категории дел ошибках при квалификации. Указанное обстоятельство подчеркивает особую значимость работы в решении вопроса об обоснованности данной привилегированной нормы в системе преступлений против жизни, оптимальности конструкции ст. 106 УК РФ и целесообразности включения смягчающих либоотягчающих обстоятельств [5].

Уголовная ответственность матери за убийство своего новорожденного ребенка наступает

с 16-летнего возраста. Законодатель, видимо, мотивировал это тем, что мать новорожденного ребенка в 14 лет не может осознавать всю ответственность материнства, саму ее сущность. Таким образом, в случае если роженица не достигла возраста 14 лет, она не подлежит уголовной ответственности в силу недостижения необходимого для этого возраста.

Однако вопрос квалификации деяния (убийство матерью новорожденного ребенка), совершенного в соисполнительстве, и установления возраста привлечения лица к ответственности (законодательное закрепление возраста, по мнению автора, нарушает основной уголовно-правовой принцип – принцип справедливости) является коллизионным. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 34 УК РФ соисполнители отвечают по статье Особенной части УК РФ за преступление, совершенное ими совместно, без ссылки на ст. 33 УК РФ. В нашем случае это невозможно, т.к. субъект преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, специальный. Им может быть только женщина, родившая ребенка. Следовательно, соисполнитель несет ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии». Таким образом, если соисполнителем и исполнителем преступления являются лица, достигшие 14-летнего, но не достигшие 16-летнего возраста, то первый (соисполнитель) отвечает за совершение особо тяжкого преступления, а вопрос привлечения к уголовной ответственности второго (исполнителя) спорный, неоднозначный для квалификации и не урегулированный точно уголовным законом. Если же участниками такого деяния являются лица, достигшие 16 лет, то исполнитель привлекается к ответственности по ст. 106 УК РФ за преступление средней тяжести, а соисполнитель за вышеуказанное особо тяжкое преступление – по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Принцип справедливости, закрепленный в ст. 6 УК РФ, гласит, что наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно быть справедливым, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления. Значит, исходя из логического толкования, степень общественной опасности деяния, совершенного соисполнителем, превышает аналогичную степень опасности действий, совершенных матерью новорожденного.

Если обратиться к зарубежному уголовному законодательству, то можно заметить многовариантность установления нижней возрастной

границы для субъекта «убийства матерью новорожденного ребенка» (12 лет – Израиль, 13 лет – Франция, 18 лет – Испания).

По мнению автора, субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, должна признаваться женщина, достигшая 14-летнего возраста, которая находится непосредственно в процессе родов или в послеродовом состоянии, независимо от того, является ли она генетической матерью и получила ли она юридический статус матери.

Существует еще одна ситуация, при которой степень общественной опасности возрастает. Так, особое затруднение при квалификации на практике вызывает убийство матерью при родах не одного, а двух и более (например, близнецов) детей, т.к. в диспозиции ст. 106 УК РФ об этом не говорится.

Квалификация таких действий по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ будет неправильной хотя бы потому, что санкция ч. 2 ст. 105 – от 8 до 20 лет лишения свободы либо смертная казнь или пожизненное лишение свободы – слишком отличается от санкции ст. 106 – до 5 лет лишения свободы. «Наверное, аналогично следует поставить вопрос и о квалификации повторного детоубийства. В то же время очевидно, что оба эти обстоятельства существенно отягчают вину детоубийцы, и данный состав преступления не может быть отнесен к привилегированным видам преступлений» [6].

С.В. Бородин считает, что при конкуренции привилегированного и квалифицированного составов преступлений применению подлежит норма, содержащая привилегированный состав [7]. Данного подхода придерживается и судебная практика. Например, в Удмуртии осуждена женщина за совершение убийства двух своих новорожденных детей. Женщина, чувствуя приближение родов и желая скрыть этот факт, спустилась в помещение прачечной общежития, в котором проживала. Родив двоих детей – девочку и мальчика и перерезав им пуповины, мать решила их убить ввиду того, что беременность была незапланированной, а сама она из-за тяжелого материального положения не смогла бы обеспечить им полноценного воспитания и развития. Женщина положила детей в полиэтиленовые пакеты и перевязала их. Дождавшись, когда дети задохнулись, она отнесла трупы новорожденных к себе в комнату, где они впоследствии были обнаружены. Действия подсудимой квалифицированы по ст. 106 УК РФ. В этом случае оценка содеянного

представляется абсолютно верной и обоснованной.

При этом следует согласиться с мнением С.В. Бородина о том, что, если мать предприняла меры к сохранению жизни ребенка, а затем совершила убийство, его нельзя относить к убийству матерью новорожденного ребенка [8]. В таких случаях вообще нельзя считать, что виновная в момент совершения убийства находится в том исключительном состоянии, которое вызывается родами. При убийстве в подобных случаях используется беспомощное положение потерпевшего, которое не может быть отнесено к признаку, характеризующему только убийство матерью новорожденного ребенка. Действительно, отсутствие в деянии смягчающих признаков, которые выступают основанием отнесения анализируемой разновидности убийства к числу привилегированных, должно исключать возможность квалификации содеянного по ст. 106 УК РФ [7].

Степень общественной опасности убийства матерью одного новорожденного не равна степени общественной опасности убийства двух или трех новорожденных, и неоднократные матери-убийцы могут легко избежать наказания по двум убийствам новорожденных детей. В связи с этим важно устранить такой пробел законодательства, как отсутствие квалифицирующих признаков (убийство двух или более детей) в ст. 106 УК РФ [9].

В отношении определения субъективной стороны необходимо установить, виновно ли совершило лицо данное преступление. Вину матери-убийцы в причинении смерти своему новорожденному ребенку можно определить ее психическим отношением в форме умысла. Умысел, как считают большинство авторов учебной литературы, возникает в результате накопления отрицательных эмоций в условиях психотравмирующей ситуации, т.е. жизненных обстоятельств: осуждение со стороны близких и знакомых в случае незаконнорожденности, отсутствие материальных средств на содержание ребенка, отказ отца зарегистрировать брачные отношения, отсутствие жилья и т.п. Неосторожное же причинение смерти не влечет ответственности по ст. 106 УК.

Убийство матерью новорожденного ребенка во время родов или сразу же после родов, в условиях психотравмирующей ситуации или психического расстройства, не исключаящего вменяемости, невозможно сравнить с хладнокровным, расчетливым убийством матерью

своего ребенка. Поэтому при выявлении убийства матерью новорожденного ребенка в отсутствие признаков объективной стороны, таких как убийство в условиях психотравмирующей ситуации, в состоянии психического расстройства, для назначения виновной справедливого сурового наказания правильнее будет квалифицировать данное деяние по ст. 105 УК РФ – как убийство с отягчающими обстоятельствами [10].

В связи с вышесказанным при квалификации и назначении наказания необходимо уделять особое внимание психотравмирующей ситуации, в которой находится мать. Так, основания выделения данного преступления в привилегированный состав сводятся к тому, что беременность (особенно нежелательная) и физиологические роды оказывают весьма негативное воздействие на психику женщины (это могут быть ипохондрические идеи, импульсивность, навязчивое состояние). В такой период она переживает как сильнейшее физическое, так и психическое потрясение [11]. И в медицине, и в юриспруденции роды считаются «экстремальной» с психологической точки зрения ситуацией для матери. Однако заметим, что далеко не каждая мать, родившая ребенка, способна причинить ему смерть.

Следует отметить, что по каждому отдельному случаю убийства новорожденного собственной матерью необходимо назначать комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу. Это связывается с тем, что та или иная ситуация фактически становится психотравмирующей лишь в осознании и восприятии ее индивидом (матерью); это могут быть как страх, стыд перед окружающими за рождение ребенка вне брака, материальные затруднения и боязнь трудностей, связанных с воспитанием ребенка, тяжелые жилищные условия, подстрекательство отца ребенка, боязнь родителей и родственников, так и иные мотивы совершения данного деяния, которые должны быть проанализированы в совокупности с личностными характеристиками матери-детоубийцы, чтобы избрать наиболее справедливую меру наказания. Данные обстоятельства, разумеется, не могут исключить ответственности, но свидетельствуют о меньшей опасности виновной.

В состоянии выраженной эмоциональной напряженности поведение матери определяется во многом аффективной мотивацией, что

снижает ее возможность адекватно оценивать окружающее и свои действия, ограничивает способность контролировать поступки и прогнозировать их возможные последствия. Поэтому задачей психолого-психиатрической экспертизы является не определение психотравмирующего характера ситуации, в которой находится мать, а оценка степени выраженности эмоционального состояния, возникновение и развитие которого вызвано психотравмирующими воздействиями.

Аффективное состояние субъекта может быть вызвано длительной психотравмирующей ситуацией, например, возникшей в связи с врожденной болезнью новорожденного ребенка. В данном случае период новорожденности равен одному месяцу с момента появления ребенка на свет (педиатрический критерий новорожденности). Убийство ребенка старше этого возраста, даже если у матери наблюдается психическое расстройство, оценивается как обычное убийство (с учетом обстоятельств, смягчающих наказание).

В связи с вышесказанным следует вывод: мать новорожденного ребенка в состоянии сильного душевного волнения (аффекта) убивает своего ребенка не с умыслом лишить его жизни – она хочет избавиться от ошибочно представленного объекта психотравмирующей ситуации.

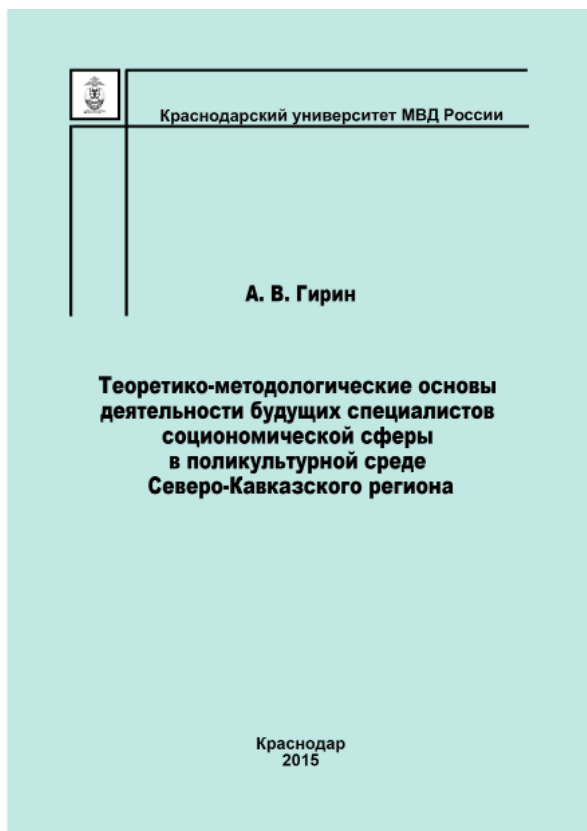
В силу того, что ст. 106 УК РФ лишена квалифицирующих признаков, а при убийстве матерью двух и более детей (близнецов) повышается общественная опасность деяния, по мнению автора, целесообразно дополнить данную статью частью второй следующего содержания: «То же деяние, совершенное в отношении двух или более новорожденных».

Кроме того, для криминологической оценки действий виновной при определении субъективной стороны необходимо устанавливать сам момент возникновения умысла, т.к. он может оказывать существенное влияние на квалификацию. Действующая редакция ст. 106 УК РФ ставит в один ряд женщин, лишивших жизни новорожденных детей, которые заранее готовились к совершению данного деяния, продумывали условия, приискивали средства и орудия совершения преступления, и тех, кто совершил его в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, если время совершения преступления совпадает.

1. Вертепова Т.А. К вопросу об уголовно-правовой охране человеческого эмбриона // *Общество и право*. 2014. № 4.
2. URL: <http://www.interfax.ru/russia/314233>
3. URL: <http://forumyuristov.ru/showthread.php>
4. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1187658>
5. Базаров Р.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против жизни. Челябинск, 2011.
6. Сердюк Л. Детоубийство: вопросы правовой оценки // *Рос. юстиция*. 2011. № 4.
7. Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб., 2010.
8. Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и ответственность по российскому праву. М., 2010.
9. Павлова Н. Убийство матерью новорожденного ребенка // *Законность*. 2012. № 3.
10. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификация преступлений. М., 2011.
11. Кургузкина Е.Б. Причины убийства матерью новорожденного. Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 2010.

1. Vertepova T.A. To the question about criminal-legal protection of the human embryo // *Society and law*. 2014. № 4.
2. URL: <http://www.interfax.ru/russia/314233>
3. URL: <http://forumyuristov.ru/showthread.php>
4. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1187658>
5. Bazarov R.A. Criminal-legal characteristics of crimes against life. Chelyabinsk, 2011.
6. Serdyuk L. Infanticide: a legal assessment issues // *Russian justice*. 2011. № 4.
7. Borodin S.V. Crimes against life. St. Petersburg, 2010.
8. Borodin S.V. Responsibility for the killing: qualifications and responsibilities under Russian law. Moscow, 2010.
9. Pavlova N. Murder by the mother of the newborn child // *Legality*. 2012. № 3.
10. Kudryavtsev V.N. General theory of qualification of crimes. Moscow, 2011.
11. Kurguzkina E.B. Causes of the murder of a newborn by the mother. The crime situation at the turn of century in Russia. Moscow, 2010.

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Теоретико-методологические основы деятельности будущих специалистов социэкономической сферы в поликультурной среде Северо-Кавказского региона / А. В. Гирин. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – 88 с.**

В монографии представлено теоретико-прикладное исследование деятельности будущих специалистов социэкономической сферы, рассмотрены особенности их взаимодействия в условиях поликультурности Северо-Кавказского региона. Обоснована направленность на профессионально-личностное самоопределение, самоорганизацию, самореализацию курсантов как важнейшие компоненты саморазвития личности. Именно профессиональному саморазвитию в образовательном пространстве МВД России отводится особое место как инструментальной деятельности, обеспечивающей адаптацию курсантов к изменяющейся действительности, где формируется инновационное мышление, рефлексивная деятельность, прогнозирование и проектирование собственного профессионально-личностного развития.

Для преподавателей, адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, ученых, работников педагогической сферы и иных государственных органов.

**Сокол Елена Викторовна**кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры уголовного процесса  
Краснодарского университета МВД России**Сокол Юлия Валерьевна**студентка 3 курса юридического факультета  
Кубанского государственного университета

(тел.: +78612583757)

## О необходимости гендерного подхода в уголовной политике

В статье рассматривается содержание уголовной политики государства с учетом гендерного подхода, подразумевающего анализ и учет половых, социально-культурных, поведенческих, статусно-семейных различий субъектов, обусловленных социальными, культурными, экономическими условиями жизни общества на определенном этапе его развития.

**Ключевые слова:** гендер, пол, гендерная идентичность, концепция уголовной политики государства.

**E.V. Sokol**, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

**Yu.V. Sokol**, 3d year student of the Faculty of Law of the Kuban State University; tel.: +78612583757.

### About the need of gender approach for a criminal policy

In the article the maintenance of criminal policy of the state taking into account the gender approach meaning the analysis and the accounting of sexual, social and cultural, behavioral, status and family distinctions of the subjects caused by social, cultural, economic conditions of living of society at a certain stage of its development are considered.

**Key words:** gender, sex, gender identity, concept of criminal policy of the state.

**Н**есмотря на различное понимание российскими учеными сущности и содержания уголовной политики, большинство исследователей сходится во мнении, что уголовная политика определяет стратегию и тактику уголовно-правового воздействия, его цели и задачи, принципы, приемы, средства и формы деятельности государства и его органов в сфере борьбы с преступностью.

Уголовная политика представляет собой целостную систему, состоящую из взаимосвязанных, но, вместе с тем, относительно самостоятельных подсистем (элементов), к числу которых относится уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, пенитенциарная, оперативно-розыскная, криминологическая и криминалистическая политика. Каждая из названных подсистем отличается собственной историей и уровнем развития, однако все они являются неотъемлемыми частями единого целого – государственной уголовной политики борьбы с преступностью. Функциональная взаимосвязь составных частей уголовной полити-

ки проявляется в том, что изменения в одном элементе с необходимостью влекут соответствующие изменения в других элементах уголовной политики, а также влияют на эффективность целого [1, с. 299–308].

В основе целенаправленной и сбалансированной, а не хаотичной уголовной политики должна находиться четко сформулированная публичная концепция (доктрина, программа), понятная, справедливая и принимаемая всеми субъектам ее реализации.

Очевидно, что современная уголовная политика должна строиться на основе научных рекомендаций юридического научного сообщества и обобщения эмпирического опыта противодействия преступности. Для этого требуется существенное обновление методологических и общетеоретических основ борьбы с преступностью, широкое использование идей, исследований и разработок не только традиционных наук так называемого «криминального цикла», но и социологии, психологии, медицины, физиологии и других научных дисциплин. К чис-

лу оригинальных идей, которые должны быть использованы при разработке современной концепции уголовной политики и приоритетных направлений ее реализации, относится гендерный подход.

Гендерный подход «позволяет глубже проникнуть в проблемы, связанные с личностью человека в целом и личностью преступника в частности, учесть определенные особенности и, возможно, отразить их в законодательстве в целях повышения его эффективности и соблюдения законодательно закрепленных принципов равенства, справедливости и гуманизма» [2, с. 27].

Однако до настоящего времени гендерный подход не привлек широкого внимания исследователей проблем уголовной политики. Во многом это связано с тем, что в отечественной юридической литературе часто не проводится четкая дифференциация таких понятий, как пол и гендер.

Термин «пол» обозначает те анатомо-биологические особенности людей, на основе которых люди определяются как мужчины или женщины. Соответственно, употребление термина «пол» следует признать допустимым только в отношении характеристик и поведения, которое непосредственно вытекает из биологических (анатомических) различий между мужчинами и женщинами.

Слово «гендер» переводится с англ. «gender» как род, пол, гендер [3]. Данное слово является многоаспектным, включающим в себя как биологическую принадлежность индивида (пол), так и психологические, экономические, социальные, культурные, ролевые и другие связанные с полом особенности. Еще в 1935 г. Маргарет Мид пришла к обоснованному выводу о необходимости рассмотрения гендера как ролевых характеристик двух полов, включая социальные и культурные роли [4, с. 28]. Соответственно, содержание гендера охватывает не только собственно половые отличия, но и различия в поведении людей, исполняемых ими ролях, ментальных и эмоциональных характеристиках, которые влияют на то, что признается в обществе «мужским» и «женским».

Важно отметить, что господствующая в конкретный исторический период времени в обществе гендерная система выражает социально-культурные оценки, ожидания и предпочтения, адресуемые людям в зависимости от их пола. Содержание традиций, морали, религии, политических институтов, экономики, языка, искусства и других форм и типов человеческой

деятельности часто связано с господствующими в обществе представлениями о гендерном статусе. Распространенными являются стереотипы, согласно которым «мужское» определяется как приоритетное и доминирующее, тогда как «женское» – вторичное и подчиненное.

Таким образом, значение гендерного подхода определяется тем, что он подразумевает анализ и учет половых, социально-культурных, поведенческих, статусно-семейных и других различий субъектов, обусловленных социальными, культурными, экономическими условиями жизни общества на определенном этапе его развития [2, с. 27]. Соответственно, гендерный подход расширяет исследовательское поле (проблематику) от исследования только половых различий людей до учета их социологических особенностей в интересах более полного познания экономических, политических, культурных и правовых элементов статуса личности.

Уголовная политика, проводимая государством, обязательно должна учитывать не только анатомо-биологические особенности обоих полов, прежде всего женщин, но и то социальное и культурное значение, которое общество придает различиям между мужчинами и женщинами.

Общество постоянно трансформируется, и происходящие в нем изменения связаны не только со сменой экономического и социально-политического строя, но и с пересмотром и переоценкой традиционных ценностей и норм, переходом к новым идеалам и приоритетам: меняются представления о свободе, браке, семье и т.п. Итогом борьбы за равноправие полов стало разрушение обычного склада взаимоотношений между супругами, при котором женщина являлась центром внутренней жизни семьи, а мужчина олицетворял связь семьи и общества. Семья потеряла устойчивость, развод превратился из исключительного в обычное, распри между членами семьи или бывшими ее членами часто приобретают уголовный характер.

В связи с этим вполне закономерны трансформации гендерных ролей и связанных с ними стереотипов в массовом сознании. Причем самые значительные из них связаны с осознанием сущности женщины: представлениями о ее роли в семье и обществе в целом, которые наполняются новым содержанием. Если ранее роль женщины была четко определена, и она выступала, прежде всего, как хранительница домашнего очага, как жена и мать, то сегодня женщина предстает перед нами как самосто-



ятельная и независимая личность. Теперь ее удел – это построение карьеры, семья же порой отодвигается на второй план, и женщина с готовностью берет на себя мужские обязанности. Таким образом, происходит некоторое смещение гендерных ролей.

Происходящие изменения в социальном положении мужчин и женщин подорвали многие привычные стереотипы представлений о мужских и женских качествах и их проявлениях. В настоящее время ученые выделяют такие типы гендерной идентичности у девушек, как маскулинный, феминный и андрогинный [5, с. 8–12]. Причем доля девушек с маскулинным типом гендерной идентичности возрастает в последние годы по сравнению с феминными и андрогинными. Для первых в большей степени характерна агрессивная направленность личности во взаимоотношениях с другими людьми, склонность к нарушению и преодолению норм и правил, готовность решать проблемы посредством насилия и т.д. Психологи приходят к выводу, что чем больше у девушки мужских черт, тем выше ее готовность к проявлению отклоняющегося поведения в таких его формах, как реализация аутоагрессивного поведения, наличие делинквентных, аддиктивных и агрессивных тенденций в поведении [5, с. 12].

В современном обществе женщины все чаще становятся участниками различных преступных групп, лидерами в организации и исполнении тяжких преступлений против личности, а также в укреплении связей с террористическими преступными группировками [6, с. 88]. Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ, в России в 2013 г. было выявлено 1012563 преступления, среди которых женщинами было совершено 156268 преступлений [7], что составляет 15,4% от их общего количества.

Очевидно, что изменение гендерных отношений (ролей) имеет важное криминологическое и криминалистическое значение. Применение гендерного подхода в уголовно-политических исследованиях позволяет оценить эффективность современного уголовного законодательства (и практики его применения) в обеспечении гендерного равенства (равноправия), а также определить, насколько полно и справедливо уголовно-правовое регулирование отражает не только половые (биологические) различия субъектов, но и происходящие в обществе сдвиги (трансформации) их статусно-семейных, психологических, ролевых и других особенностей в интересах обеспечения эффективного контроля общества над преступностью.

Отмечают, что существует прямая связь между гендерными отклонениями в праве и отстранением женщин от процесса принятия решений [8, с. 17].

Учет половых особенностей мужчин и женщин всегда присутствовал в законодательстве любой страны, в том числе и нашей. Так, в ст. 19 Конституции РФ закрепляется равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола. Согласно ч. 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины.

Большинство уголовно-правовых норм является гендерно нейтральным, однако ряд уголовно-правовых норм учитывает половые различия. Так, в ст. 4 УК РФ отмечается, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола. При этом если в ст. 19 УК РФ отмечается, что уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо как субъект преступления, то в диспозициях ряда статей УК РФ прямо закрепляется определенный пол лиц, как совершивших преступления и подлежащих уголовной ответственности и наказанию, так и потерпевших. К числу таких преступлений относятся отдельные составы преступлений против личности, против общественной нравственности, а также преступлений, составляющих пережитки местных обычаев. Важно отметить, что в УК РФ имеется специальная гл. 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (ст. 131–135 УК РФ).

В Советском государстве вопрос о равных правах женщин считался решенным, поскольку женщины наравне с мужчинами были вовлечены в общественно-политическую и экономическую сферы, а также имели равные гарантии правовой, в том числе и уголовно-правовой, защиты. Так, УК РСФСР 1960 г. предусматривал повышенную защиту женщин от преступных посягательств на них. В частности, УК РСФСР содержал целую гл. 11 «О преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев», которая предусматривала уголовную ответственность за «уплату и принятие выкупа за невесту» (ст. 232), за «принуждение женщины к вступлению в брак или продолжению брачного сожительства либо воспрепятствование женщине вступить в брак, а равно похищение ее для вступления в брак» (ст. 233), за «двоеженство или многоженство» (ст. 235). Однако с принятием УК РФ 1996 г. эти составы преступлений были декриминализованы.

В настоящее время, несмотря на существующий уровень развития современного российского общества, государства и права, вовлеченность страны в глобализационные процессы, учет гендерных различий в проводимой государством уголовной политике в отношении уголовной ответственности и наказания носит хаотичный характер.

Противоречивость позиции современного российского законодателя в гендерном вопросе подтверждает следующий пример. Так, в постановлении Правительства РФ от 8 января 1996 г. № 6 «О Концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации» [9] говорилось о необходимости разрешения проблемы насилия над женщинами, которое имеет место во всех сферах жизнедеятельности, включая работу и семью. В качестве обоснования данной Концепции указывалось на то, что в 1994 г., по данным Генеральной прокуратуры РФ, было зарегистрировано 565,3 тыс. преступлений, где потерпевшими являлись женщины, что на 70% больше, чем в 1993 г. [9].

В этих условиях выглядит крайне непоследовательной политика Российского государства в области защиты женщин, когда оно провело декриминализацию целой гл. 11 УК РСФСР «О преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев», значительно уменьшив сферу уголовно-правовой защиты женщин от преступных действий.

В ст. 14 Конституции РФ закреплено положение о том, что Российская Федерация является светским государством, Семейный кодекс РФ в ст. 14 закрепляет принцип моногамии в стране и предусматривает в качестве одного из оснований, препятствующих вступлению в брак, наличие другого зарегистрированного брака. Однако глава Чеченской Республики Р. Кадыров предлагал ввести в мусульманском регионе Российской Федерации многоженство, обосновывая свое предложение статистикой о том, что в послевоенное время женщин на территории Чечни стало на 18% больше, чем мужчин, а, по его мнению, многоженство является «выходом» для молодых вдов и женщин [10].

Следует отметить, что использование гендерного подхода необходимо для обеспечения законности и социальной справедливости при применении уголовно-процессуального закона. Так, в ч. 1 ст. 9 УПК РФ закреплен принцип уважения чести и достоинства личности, согласно которому запрещено в рамках уголовного судопроизводства осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участни-

ка уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. В ч. 2 ст. 9 УПК РФ отмечается, что «никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению». Однако в УПК РФ гендерные требования учитываются не в полной мере, например относительно половой принадлежности врача при его участии в проведении действий, связанных с обнажением лица при проведении освидетельствования или личного обыска.

Важным достижением дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания являются неприменение смертной казни к женщинам (ст. 59 УК РФ) и институт отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 82 УК РФ). Поскольку только женщина может быть носителем другой жизни и в случае применения смертной казни возможно причинение смерти двум лицам, данное положение находит отражение не только в законодательстве России, но и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., который запрещает вынесение смертного приговора в отношении беременных женщин [11].

Однако возникает уместный вопрос: являются ли справедливыми и не нарушают ли принцип равенства полов перед законом предоставление отсрочки отбывания наказания имеющим детей осужденным только женского пола, неприменение к женщинам некоторых видов наказания, различия в видах исправительных учреждений и условиях отбывания наказания и т.д.

Равноправие полов является важной основой для любого демократического общества и государства, которые стремятся к социальной справедливости и уважению прав человека. Концепция гендерного равенства подразумевает отсутствие дискриминации по половым, статусно-семейным, психологическим, ролевым и другим признакам. Она опирается, прежде всего, на нормы международно-правовых документов, закрепляющих равные права мужчин и женщин, в частности на ст. 2 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 3 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, ст. 3 Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1978 г. [12].

Однако нельзя забывать, что формальное равенство прав полов не всегда обеспечивает равную свободу действий людей, поскольку при формально-юридическом равенстве прав и свобод мужчин и женщин может отсутствовать равенство возможностей реализации этих прав лиц с учетом их половой принадлежности.

Налицо диалектическое противоречие между гендерным равенством (равноправием) и гендерной дискриминацией (асимметрией), отражением которого являются крайне полярные позиции исследователей: от закрепления всеобщего и повсеместного гендерного равноправия в уголовном законе до минимизации учета гендерных особенностей вообще [2, с. 31].

Как справедливо отмечает С.В. Поленина, «свобода мужчины и женщины тоже далеко не равновеликие величины. Вот почему в реальной жизни дифференцированный подход к конкретным индивидуумам и отдельным социальным слоям населения во многих ситуа-

циях является необходимым средством для создания их более полного равенства» [8, с. 18]. Изложенное подтверждает необходимость обеспечения реальной уголовно-правовой защиты полов не только с позиций обеспечения их формально-юридического равенства, но и с обязательным учетом существующих между ними гендерных различий, т.е. с позиций равенства, гуманизма и справедливости.

Разработка всесторонней, сбалансированной и системной концепции уголовной политики современной России должна основываться на доктринальных положениях и результатах практической деятельности, учитывающих произошедшие в нашей стране гендерные изменения, а также положения и стандарты международных норм и принципов о правах человека в интересах обеспечения подлинного равноправия мужчин и женщин в сфере борьбы с преступностью.

1. Сокол В.Ю. Уголовная политика и криминалистика // *Современные проблемы уголовной политики: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 23 сент. 2011 г.: в 2 т. Краснодар, 2011. Т. II.*

2. Дядюн К.В. Гендерный подход в уголовном праве: история и современность // *Криминологический журнал. 2011. № 1(15).*

3. Abby-Lingvo. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru/Translate/en-ru/gender> (дата обращения: 10.09.2014).

4. Мид М. Пол и темперамент в трех примитивных обществах. М., 1935.

5. Азарова Е.А. Особенности склонности к отклоняющемуся поведению у девушек с разным типом гендерной идентичности // *Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы V Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., 17–18 нояб. 2011 г. Краснодар, 2011.*

6. Кунц Е.В. Основные направления развития уголовной политики на современном этапе // *Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2012. № 29(283).*

7. Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры // *Генеральная прокуратура РФ [Официальный сайт]. URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 21.09.2014).*

8. Поленина С.В. Права женщин в системе прав человека. Международный и национальный аспект. М., 2000.

1. Sokol V.Yu. *Criminal policy and criminalistics // Modern problems of criminal policy: proc. of II Intern. sci. and pract. conf., Sept. 23, 2011: in 2 vol. Krasnodar, 2011. Vol. II.*

2. Dyadun K.V. *Gender approach in criminal law: history and present // Criminological magazine. 2011. № 1(15).*

3. Abby-Lingvo. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru/Translate/en-ru/gender> (date of access: 10.09.2014).

4. Mead M. *Sex and temperament in three primitive societies. Moscow, 1935.*

5. Azarova E.A. *Features of tendency to the deviant behavior at girls with different type of gender identity // Phenomenology and prevention of deviant behavior: proc. of V All-Russian with intern. participation sci. and pract. conf., Nov. 17–18, 2011. Krasnodar, 2011.*

6. Kunts E.V. *The main directions of development of criminal policy at the present stage // Bull. of Chelyabinsk State University. 2012. № 29(283).*

7. *Main statistical data on activity of bodies of prosecutor's office // Prosecutor General's Office of the Russian Federation [Official website]. URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (date of access: 21.09.2014).*

8. Polenina S.V. *The rights of women in system of human rights. International and national aspect. Moscow, 2000.*

9. *About the Concept of advancement of women in the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation of Jan. 8, 1996*

9. О Концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 8 янв. 1996 г. № 6. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=332982> (дата обращения: 18.08.2014).

10. Многоженство как спасение. URL: <http://wictoria.ru/post/2056/relations-waytolive-mnogozhenstvo-kak-spasenie> (дата обращения: 22.08.2014).

11. Международный пакт о гражданских и политических правах // ООН [Официальный сайт]. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/pactpol.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml) (дата обращения: 22.08.2014).

12. Международные акты о правах человека: сб. док. М., 2002.

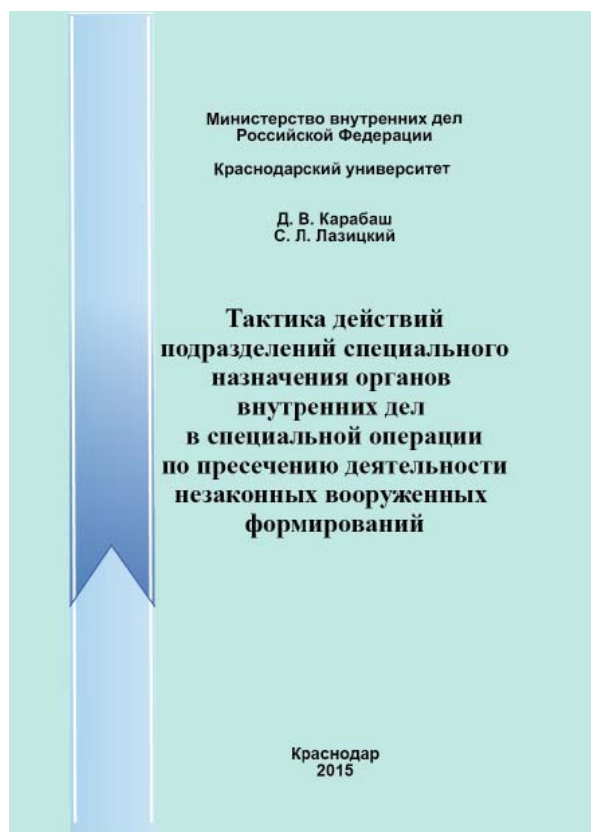
№ 6. Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=332982> (date of access: 18.08.2014).

10. Polygamy as rescue. URL: <http://wictoria.ru/post/2056/relations-waytolive-mnogozhenstvo-kak-spasenie> (date of access: 22.08.2014).

11. International covenant on civil and political rights // United Nations [Official website]. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/pactpol.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml) (date of access: 22.08.2014).

12. International bills of human rights: coll. of documents. Moscow, 2002.

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Тактика действий подразделений специального назначения органов внутренних дел в специальной операции по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований** : учебно-практическое пособие / Д. В. Карабаш, С. Л. Лазицкий. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – 54 с.

На основе изучения опыта участия специальных подразделений органов внутренних дел в вооруженных конфликтах в учебно-практическом пособии рассматриваются вопросы организации и проведения специальной операции по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований.

Для использования в учебном процессе образовательных организаций МВД России, в том числе при изучении дисциплин «Основы общевойскового боя, ведение разведки и выживание в экстремальных условиях», «Тактико-специальная подготовка», «Оперативно-тактическая подготовка», и практической деятельности сотрудников специальных подразделений территориальных органов внутренних дел.

**Шибков Олег Николаевич**кандидат юридических наук,  
доцент кафедры уголовного права и процесса  
Северо-Кавказского федерального университета  
(e-mail: ug\_pravo11a@mail.ru)**Байрамуков Расул Бахатович**соискатель кафедры уголовного права  
Московского государственного юридического университета  
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)  
(e-mail: alex\_jur@mail.ru)

## *О понимании освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации*

В статье рассмотрены принципиальные вопросы понимания освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ. Авторы формулируют основы концепции такого освобождения от уголовной ответственности и считают его одним из наиболее эффективных средств дифференциации уголовной ответственности. Определены основные пути развития института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ.

**Ключевые слова:** освобождение от уголовной ответственности, нормы Особенной части УК РФ, Пленум Верховного Суда РФ, дифференциация уголовной ответственности, перспективы развития.

**O.N. Shibkov**, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasian Federal University; e-mail: ug\_pravo11a@mail.ru;

**R.B. Bairamukov**, Competitor of the Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSAL); e-mail: alex\_jur@mail.ru

### **On understanding of releasing from criminal responsibility by norms of Special part of the Criminal code of the Russian Federation**

The principal questions of understanding of releasing from criminal responsibility by norms of Special part of the Criminal code of the Russian Federation are shown in this article. Authors formulate the conception's basics of such releasing from criminal responsibility and think that it's one of the most effective means of criminal responsibility's differentiation. Also the main ways of development of releasing from criminal responsibility by norms of Special part of the Criminal code of the Russian Federation are detected.

**Key words:** releasing from criminal responsibility, norms of Special part of the Criminal code of the Russian Federation, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, criminal responsibility differentiation, perspectives of development.

Освобождение от уголовной ответственности является одним из наиболее сложных в теоретическом понимании и практическом применении институтов уголовного права. Отечественное уголовное законодательство имеет довольно длительную историю эволюции «общеуголовного» освобождения от уголовной ответственности, законодательно оформленного в Общей части УК и детально изученного в литературе.

Однако, наряду с системой «общеуголовных» видов освобождения от уголовной от-

ветственности, в Особенной части уголовного законодательства получил развитие институт освобождения от уголовной ответственности за конкретные преступления (нередко в литературе его называют «специальными видами освобождения от уголовной ответственности»). Обычно освобождение от уголовной ответственности связывается по нормам Особенной части УК РФ (и вполне справедливо) с проявлением гуманистического начала в уголовном праве и уголовном законодательстве. В отечественной теории круг принципиальных про-

блемных вопросов, касающихся освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ, традиционно сводился и сводится к следующим:

1. Является ли такое освобождение от уголовной ответственности самостоятельным институтом уголовного права или носит «комплексный» характер?

2. Соответствует ли принципу законности и конституционным презумпциям (презумпции невиновности) само существование института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ, или оно диктуется лишь соображениями целесообразности уголовной репрессии?

3. В чем состоит функциональное предназначение освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ в плане государственной уголовной политики?

4. Каковы формально-юридические последствия применения норм об освобождении от уголовной ответственности по нормам особенной части УК РФ?

С принятием УК РФ 1996 г. и расширением системы освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ интерес к данной проблематике значительно возрос, хотя данный институт, как правило, по-прежнему рассматривается в виде «специального вида деятельного раскаяния» (работы А.Г. Калугина, А.В. Савкина, В.В. Сверчкова и др.; диссертационные исследования И.В. Миронова, Х.С. Шакирова).

С другой стороны, в доктрине появились работы, в которых говорится об иной правовой природе рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности (А.Г. Антонов, В.А. Кушнарев, В.В. Мальцев, А.И. Парог, П.С. Яни и др.). Применительно к действующему законодательству проблемы освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ исследовались в диссертациях Ю.В. Арсентьевой [1], Е.Д. Ермаковой [2], А.В. Каболова [3], Р.Г. Камнева [4], В.В. Наумова [5]. Особо следует выделить докторскую диссертацию А.Г. Антонова [6].

Несмотря на немалое количество трудов, посвященных указанным проблемам, в теории уголовного права отсутствует единство в понимании юридической природы и значения института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ. Кроме того, научные разработки не всегда «успевают» за развитием уголовного законодательства, ведь законодательное определение

видов, оснований и условий освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ тоже меняется в связи с модернизацией самого Уголовного закона.

В отечественной литературе не получил разрешения целый ряд теоретических и правоприменительных проблем, связанных с пониманием и применением норм Особенной части об освобождении от уголовной ответственности (например: характер обязательности либо факультативности такого освобождения для правоприменителя; возможность освобождения по нормам Особенной части УК РФ при наличии в деянии субъекта иного состава преступления; соотношение норм Особенной части УК РФ с общеуголовными видами освобождения от ответственности, предусмотренными ст. 75–76<sup>1</sup> УК РФ).

27 июня 2013 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее – Постановление). По словам А.Г. Кибальника, важность этого документа «трудно переоценить, хотя бы по той причине, что на сегодняшний день Постановление является единственным ориентиром для российских судов в плане единообразного применения норм об освобождении от уголовной ответственности». Данное Постановление «во многом учло ... лучшие достижения отечественной доктрины» [7, с. 37].

Специалисты отмечают, что «прежде всего, надо обратить внимание на судебное понимание юридической природы такого освобождения – его сущность составляет отказ государства от реализации уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление... Да, такой человек формально не признается виновным в совершении преступления. Но факт его освобождения не означает отсутствия в деянии признаков состава преступления и делает невозможной реабилитацию лица, совершившего преступление».

Несомненным «позитивом» Постановления стал ответ на «вопрос вопросов»: можно ли в принципе освободить лицо от уголовной ответственности за совершенное преступление, если оно юридически еще не признано виновным в совершении преступления? По мнению А.Г. Кибальника, «можно (а в ряде случаев – и нужно), если учитывать тот факт, что само существование института освобождения от уголовной ответственности находится в плоскости действия двух “аксиом” современного права» [7, с. 38]:

1) материально-правовые основания освобождения от уголовной ответственности необходимы для реализации уголовной политики цивилизованного государства, и «любая более-менее развитая система уголовного права имеет этот институт наряду с традиционной схемой реакции государства на преступление» [8, с. 65];

2) освобождение от уголовной ответственности по «нереабилитирующему» основанию возможно, если человек, совершивший преступление, дает свое согласие на такое освобождение (в рамках уголовного процесса – согласие на прекращение уголовного преследования либо на прекращение уголовного дела) и, по существу, субъективно признается в том, что он – преступник» [9, с. 41–42].

Таким образом, высшая судебная инстанция России определила правовую сущность «общеуголовного» освобождения от ответственности по ст. 75–78 УК РФ. Однако понимание специальных видов освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ продолжает оставаться проблематичным.

Полагаем, что разработка концепции института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ должна строиться на следующих основных посылах:

1. Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ является одним из наиболее эффективных средств дифференциации уголовной ответственности на законодательном уровне. Глубинный смысл существования института освобождения от уголовной ответственности по нормам особенной части УК РФ состоит в необходимости сбалансированного решения охранительной и предупредительной задач уголовного законодательства.

2. Социально-юридическая обусловленность института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ носит комплексный характер. В ней взаимосвязаны интересы государственной уголовной политики («компромисс» в борьбе с преступностью с целью максимально возможной

минимизации вреда, причиненного совершенным преступлением), требование соблюдения принципов уголовного законодательства, учета личностных характеристик совершившего преступление лица, а также целесообразности и экономии уголовной репрессии.

3. Законное существование института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ возможно в ситуации параллельного соблюдения презумпций невиновности и материального правоотношения ответственности, вытекающих из предписаний Конституции РФ и актов международного права. Во избежание формального противоречия между презумпцией невиновности и институтом освобождения от уголовной ответственности под «лицом, совершившим преступление» следует понимать лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, и подлежащее уголовной ответственности.

4. Освобождение от уголовной ответственности по существующим в Особенной части УК РФ основаниям должно прекращать охранительное правоотношение уголовной ответственности и аннулировать все правовые последствия совершения преступного деяния. Поэтому необходимо исключение законодательной «увязки» возможности такого освобождения с отсутствием в действиях субъекта иного состава преступления.

5. Перспектива развития института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ видится в следующем: а) в случае противоречия положений норм Особенной части УК РФ нормам об «общеуголовном» освобождении от ответственности приоритетному применению должна подлежать норма Особенной части УК РФ как специальная; б) противоречащим основным тенденциям развития уголовного закона является сохранение в Особенной части УК РФ (например, в ст. 337, 338) возможности факультативного освобождения от уголовной ответственности – оно должно стать обязательным для правоприменителя.

1. Арсентьева Ю.В. Специальные виды освобождения от ответственности по уголовному законодательству России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

2. Ермакова Е.Д. Специальные случаи освобождения от уголовной ответственности в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006.

1. Arsenyeva Yu.V. Special kinds of releasing from responsibility in Russian criminal legislature: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2007.

2. Ermakova E.D. Special cases for releasing from criminal responsibility in Russian criminal law: auth. abstr. ... Master of Law. Ryazan, 2006.

3. Каболов А.В. *Специальные основания освобождения от уголовной ответственности и наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.*

4. Камнев Р.Г. *Обстановка совершения преступления и специальные основания освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.*

5. Наумов В.В. *Уголовно-правовая характеристика освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.*

6. Антонов А.Г. *Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2013.*

7. Кибальник А.Г. *Понимание Пленумом Верховного Суда освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2014. № 1.*

8. Аликперов Х.Д. *Преступность и компромисс. Баку, 1992.*

9. Головкин Л.В. *Освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного преследования: соотношение понятий // Государство и право. 2000. № 6.*

3. Kabolov A.V. *Special basics for releasing from criminal responsibility and punishment: auth. abstr. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2004.*

4. Kamnev R.G. *Situation of crime's perpetration and special basics for releasing from criminal responsibility: auth. abstr. ... Master of Law. Samara, 2009.*

5. Naumov V.V. *Criminal-law characteristic of releasing from criminal responsibility by norms of Special part of the Criminal Code of the Russian Federation: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2011.*

6. Antonov A.G. *Special basics of releasing from criminal responsibility: auth. abstr. ... Dr of Law. Ryazan, 2013.*

7. Kibalnik A.G. *Understanding of release from criminal responsibility by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Criminal Law. 2014. № 1.*

8. Alikperov H.D. *Criminality and compromise. Baku, 1992.*

9. Golovko L.V. *Releasing from criminal responsibility and releasing from criminal prosecution: correlation of notions // State and law. 2000. № 6.*

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Расследование краж чужого имущества (макет уголовного дела) : учебно-наглядное пособие / А. Г. Кольчурин, Д. А. Натура. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – 176 с.**

В учебно-наглядном пособии рассматривается процедура расследования уголовного дела с момента его возбуждения до составления обвинительного заключения и направления дела в суд.

Макет уголовного дела представлен в виде образцов разнообразных процессуальных документов: постановлений о производстве тех или иных следственных действий, в которых возникает необходимость при расследовании дела; протоколов проведения этих действий; блока документов, составляемых при назначении производства и оценке заключений экспертов, и других документов.

Для курсантов, студентов и слушателей юридических вузов, следователей, дознавателей и сотрудников других правоохранительных органов, занимающихся рассмотрением и разрешением уголовных дел. Настоящая работа призвана оказать помощь адъюнктам, аспирантам и преподавателям учебных заведений юридического профиля при самостоятельной работе над повышением уровня своих методических знаний и педагогического мастерства.



Тарасенко Галина Владимировна

преподаватель кафедры специальных дисциплин  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: galina.tarasenko.78@mail.ru)

## *Добровольность как обязательный признак освобождения от уголовной ответственности*

В статье рассматриваются вопросы развития уголовно-правового законодательства, регулирующего добровольность как обязательный признак освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 222, 222<sup>1</sup>, 223, 223<sup>1</sup>, 228, 228<sup>3</sup> УК РФ.

**Ключевые слова:** добровольность, сдача, оружие, боеприпасы, наркотические средства, психотропные вещества.

**G.V. Tarasenko**, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: galina.tarasenko.78@mail.ru

### **Voluntariness as mandatory feature of exemption from criminal liability**

This paper is devoted to the development of criminal law legislation governing voluntariness as a mandatory feature of exemption from criminal liability for crimes under art. 222, 222<sup>1</sup>, 223, 223<sup>1</sup>, 228, 228<sup>3</sup> of the Criminal code of the Russian Federation.

**Key words:** voluntariness, surrender, arms, ammunition, narcotics, psychotropic substances.

**А**ктуальность вопроса, связанного с незаконным оборотом оружия и наркотиков, объясняется ежегодным увеличением количества этих преступлений. Так, в 2013 г. количество преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с 2012 г. возросло на 1,8% и составило 26965 случаев, на 5,7% увеличилось количество зарегистрированных фактов незаконного оборота наркотиков (231462 преступления) [1].

Разрешению проблем, связанных с разработкой и эффективным применением системы уголовно-правовых средств, направленных на освобождение лица от уголовной ответственности в случаях добровольной сдачи виновным предметов, указанных в ст. 222, 222<sup>1</sup>, 223, 223<sup>1</sup>, 228, 228<sup>3</sup> УК РФ, способствует ретроспективный анализ уголовно-правовых норм.

В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 10 декабря 1918 г. «О сдаче оружия» население и гражданские учреждения обязаны были добровольно сдать имеющиеся у них винтовки, пулеметы, револьверы всех систем (независимо от того, исправны они или нет), а также патроны к ним и шашки. Разрешения, которые были получены собственниками данных предметов до издания Декрета, считались недействительными. В качестве стимула к добровольной сдаче оружия предусматривалось вознаграждение из средств комиссариатов по военным делам.

Первые кодифицированные акты предусматривали уголовную ответственность за престу-

пления в сфере незаконного оборота оружия и наркотических средств. Так, в ст. 93 УК РСФСР 1922 г. было сказано, что изготовление, приобретение, хранение или сбыт взрывчатых веществ или снарядов без соответствующего разрешения, если не доказана преступная цель учинения этих деяний, наказывается лишением свободы на срок не ниже 6 месяцев.

Норма аналогичного содержания сохранилась и в УК РСФСР 1926 г. Статья 182 предусматривала уголовную ответственность за изготовление, хранение, покупку и сбыт взрывчатых веществ или снарядов, а равно хранение огнестрельного (не охотничьего) оружия без надлежащего разрешения.

УК РСФСР 1922 г. не предусматривал уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств. В 1924 г. гл. VI «Преступления хозяйственные» была дополнена статьей 140д УК РСФСР, предусматривающей ответственность за изготовление с целью сбыта и сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения.

УК РСФСР 1926 г. продолжил традиции, связанные с конструированием уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Статья 104 располагалась в гл. 2 «Иные преступления против порядка управления» Особенной части УК РСФСР и состояла

из двух частей. Первая устанавливала уголовную ответственность за «изготовление и хранение с целью сбыта и самый сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения». Вторая часть названной статьи предусматривала ответственность за «те же действия, совершаемые в виде промысла, а равно содержание притонов, где производится сбыт или потребление перечисленных в настоящей статье веществ».

Вместе с тем, уголовно-правовые нормы, регламентирующие освобождение лица от уголовной ответственности за преступления в сфере оборота оружия, взрывчатых веществ, наркотических средств в случаях добровольной сдачи этих предметов, появились намного позднее.

Подобная мера была предусмотрена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 февраля 1974 г. № 5487-VIII «Об ответственности за незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление и сбыт огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ». Лицо, добровольно сдавшее указанные предметы, хранившиеся у него без соответствующего разрешения, освобождалось от уголовной ответственности.

В соответствии с названным Указом были внесены изменения в УК РСФСР 1960 г. Статья 218 была дополнена примечанием, в котором было сказано, что лицо, добровольно сдавшее предметы вооружения, освобождается от уголовной ответственности.

В отечественном уголовном законодательстве советского периода существовали и нормы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности лиц, добровольно сдавших наркотические средства. Так, п. 10.2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1987 г. № 7226-XI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР» предусматривал, что лицо, добровольно сдавшее наркотические средства, освобождалось от уголовной и административной ответственности за приобретение сданных наркотических средств, а также за их хранение, перевозку и пересылку. При этом лицо, добровольно обратившееся в медицинское учреждение за оказанием медицинской помощи в связи с потреблением наркотических средств в немедицинских целях, освобождалось от административной и уголовной ответственности за незаконные приобретение, хранение, перевозку и пересылку потребленных наркотических средств.

Впоследствии Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 июня 1987 г. № 6462-XI «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и другие законодательные акты РСФСР» ст. 224 УК РСФСР 1960 г. была дополнена примечанием, которое воспроизводило содержание вышеназванного п. 10.2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1987 г. № 7226-XI.

Нормы УК РФ, вступившего в силу с 1 января 1997 г., также предусматривали освобождение от уголовной ответственности лиц, добровольно сдавших оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества, а также основные части оружия, взрывные устройства, незаконно изготовленные предметы вооружения (примечания к ст. 222, 223). При этом, помимо добровольной сдачи названных предметов, в качестве необходимого условия освобождения от уголовной ответственности предусматривалось отсутствие в действиях виновного лица иного состава преступления.

Вместе с тем, в судебной правоприменительной практике допускались ошибки. Так, Верховным Судом Республики Дагестан 29 сентября 1998 г. А. был осужден по п. «з» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 222 УК РФ, т.е. был признан виновным в совершении по найму убийства Х., а также в незаконном приобретении, хранении и ношении огнестрельного оружия и боеприпасов по признаку неоднократности. Из материалов дела следовало, что Г., подозревая Х. в убийстве брата из кровной мести, договорился с А. об убийстве Х. за денежное вознаграждение. Для совершения убийства А. получил от Г. пистолет Макарова и боеприпасы к нему, а затем гранату Ф-1. 5 декабря 1997 г. в 7 час. 50 мин. А. во дворе школы в селе Магарамкент с целью убийства произвел несколько выстрелов из пистолета Макарова в голову директора школы Х. От полученных огнестрельных ранений потерпевший скончался на месте.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставила без изменения. Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных решений в части осуждения А. по ч. 2 ст. 222 УК РФ и прекращении дела производством на основании примечания к данной статье. Президиум Верховного Суда РФ 6 сентября 2000 г. протест удовлетворил, указав следующее. Как видно из протокола проверки показаний на месте происшествия от 23 апреля 1998 г., А. добровольно выдал оружие и боеприпасы, показал место в

лесу, где спрятал после совершенного убийства пистолет, боеприпасы к нему и гранату. Именно там оружие и боеприпасы были обнаружены и изъяты.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации в части осуждения А. по ч. 2 ст. 222 УК РФ судебные решения отменил и дело прекратил на основании примечания к данной статье, в остальном оставил их без изменения [2, с. 8–9].

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ [3] были подвергнуты корректировке примечания к ст. 222 и 223 УК РФ, где было сказано, что не может признаваться добровольной сдачей предметов, указанных в названной норме, их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

Так, Г. был осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ Прохоровским районным судом Белгородской области. После этого дело рассматривалось в кассационном порядке судебной коллегией по уголовным делам Белгородского областного суда. Судебная коллегия приговор отменила, производство по делу прекратила за отсутствием в действиях Г. состава преступления по следующим основаниям: не установлены данные о наличии у него умысла на незаконное приобретение и хранение боеприпасов; им добровольно выданы боеприпасы работникам милиции.

Однако судебная коллегия областного суда в нарушение требований ст. 20 УПК РСФСР не учла, что боеприпасы обнаружены у осужденного в сейфе в ходе проведения проверки хранения им охотничьего оружия. Перед осмотром сейфа ему разъяснялась возможность добровольной выдачи незаконно хранившихся у него оружия и боеприпасов. Г. отрицал наличие таковых. После обнаружения у него боеприпасов к нарезному оружию он предлагал работникам милиции вознаграждение, чтобы они не предавали это огласке. При таких обстоятельствах кассационное определение в отношении Г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала необоснованным и отменила [4, с. 19].

Следует обратить внимание, что Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 306-ФЗ [5] из примечания к ст. 222 УК РФ была исключена оговорка «отсутствие в действиях лица иного состава преступления» как обязательное условие освобождения от уголовной ответственности. Подобные изменения связаны с тем, что суды неоднозначно толковали примечание к ст. 222, 223 УК РФ. В одних случаях они по-

лагали, что лицо освобождается от уголовной ответственности по ст. 222, 223 УК РФ во всех случаях, независимо от совершения иных преступлений, включая те, которые были совершены с использованием предметов, указанных в исследуемых статьях. В других случаях оговорка «если в его действиях не содержится иного состава преступлений» воспринималась как исключение возможности освобождения лица от уголовной ответственности на основании примечаний к этим статьям, если им были совершены иные преступления, связанные с применением предметов, указанных в ст. 222, 223 УК РФ (убийств, разбойных нападений и т.д.).

Принятие Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 306-ФЗ позволило устранить подобную неопределенность. Разъяснение этой ситуации дается и в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». В нем сказано, что условием освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье Особенной части УК РФ считается отсутствие в действиях лица иного состава преступления. Указано, что применение примечания допускается и в случае совершения лицом совокупности преступлений. В качестве примера названо примечание к ст. 208 УК РФ, в соответствии с которым лицо освобождается от уголовной ответственности, если добровольно прекратило участие в незаконном вооруженном формировании и сдало оружие, но это не препятствует привлечению его к ответственности за совершение иных преступлений в составе незаконного вооруженного формирования.

Вместе с тем, в отдельных исследованиях высказано справедливое замечание, что добровольная сдача виновным оружия должна рассматриваться как обязательное условие освобождения от уголовной ответственности лишь в случаях, если виновное лицо не использовало оружие при совершении других преступлений [6, с. 135].

Данные правила должны распространяться и на нормы ст. 222<sup>1</sup>, 223<sup>1</sup> УК РФ, которые введены Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ [7]. В настоящее время незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 222<sup>1</sup> УК РФ) и незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконное изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств (ст. 223<sup>1</sup> УК РФ) являются

самостоятельными составами преступлений. В примечаниях к названным статьям сказано, что лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в этих статьях, освобождается от уголовной ответственности по данным статьям.

Освобождение от уголовной ответственности допускается и в отношении лица, добровольно сдавшего наркотические средства, а также психотропные средства, о чем указано в примеч. 1 к ст. 228 УК РФ. В отличие от примечания к ст. 224 УК РСФСР 1960 г. сама по себе добровольная сдача таких предметов уже не признается законом достаточным основанием для освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление в сфере их незаконного оборота. В качестве еще одного условия в ней названо способствование раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем.

Законодатель дополнил примеч. 1 к ст. 228 УК РФ положением о том, что не может признаваться добровольной сдачей наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов изъятие указанных средств, веществ или их аналогов при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию [3].

Некоторые авторы предлагают каждое из названных условий сделать самостоятельным условием освобождения виновного лица от уголовной ответственности [8, с. 52].

Федеральным законом от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ УК РФ был дополнен новой ст. 228<sup>3</sup>, которая установила уголовную ответственность за незаконный оборот прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ. В данной статье было закреплено примеч. 1, которое по своему содержанию является аналогичным примеч. 1 к ст. 228 УК РФ.

Уголовно-правовые нормы, устанавливающие освобождение от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 222, 222<sup>1</sup>, 223, 223<sup>1</sup> УК РФ, позволяют предупреждать совершение других опасных посягательств (убийств, разбойных нападений, похищений человека и т.д.). Добровольная сдача изъятых из свободного оборота предметов поощряется законодателем, поскольку она связана с сознательным прекращением вино-

вым лицом своей преступной деятельности и предотвращением ее дальнейших негативных последствий [6, с. 126].

Вместе с тем, поощрительные нормы (речь идет о примечаниях к ст. 222, 222<sup>1</sup> и 223, 223<sup>1</sup> УК РФ) далеко не всегда способствуют изобличению активных и наиболее опасных участников незаконного оборота опасных предметов, указанных в этих нормах, поскольку виновное лицо гарантированно освобождается от уголовной ответственности. Это не позволяет осуществлять активную борьбу с преступностью в сфере незаконного оружейного бизнеса.

При сравнении оснований освобождения от уголовной ответственности лица, добровольно сдавшего оружие и наркотики, видно, что законодатель в примечаниях к ст. 222, 222<sup>1</sup>, 223, 223<sup>1</sup> УК РФ в отличие от норм, касающихся добровольной сдачи наркотиков (примечания к ст. 228, 228<sup>3</sup> УК РФ), не обременяет лицо, добровольно сдавшее оружие, условиями активного способствования раскрытию или пресечению преступлений, связанных с его незаконным оборотом, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем [9, с. 67].

Следует согласиться с теми авторами, которые предлагают примечание к ст. 222 УК РФ дополнить еще одним условием освобождения от уголовной ответственности виновного лица, таким как оказание активного содействия правоохранительным органам в раскрытии или пресечении преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (ч. 2, 3 ст. 222, 222<sup>1</sup>, 223, 223<sup>1</sup> УК РФ) [10].

Подводя итог, следует отметить, что в законе по-разному определяется значение добровольной сдачи предметов, указанных в ст. 222, 222<sup>1</sup>, 223, 223<sup>1</sup>, 228, 228<sup>3</sup> УК РФ. В одних случаях их добровольная сдача является единственным основанием для освобождения виновного лица от уголовной ответственности, предусмотренным в статьях Особенной части УК РФ (ст. 222, 222<sup>1</sup>, 223, 223<sup>1</sup> УК РФ). В других законодатель указывает, что добровольная сдача определенных предметов является одним из обязательных условий для освобождения лица от уголовной ответственности. В частности, в примеч. 1 к ст. 228 УК РФ добровольная сдача наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, является одним из необходимых условий освобождения виновного лица от уголовной ответственности. Другое условие связано с активным способствованием раскрытию или пресечению

преступлений в сфере незаконного оборота указанных предметов, изобличением лиц, их совершивших, обнаружением имущества, добытого преступным путем. Подобное положение

содержится и в примечании к ст. 228<sup>3</sup> УК РФ. Полагаем, что аналогичное условие должно быть закреплено и в примечаниях к ст. 222, 222<sup>1</sup>, 223, 223<sup>1</sup> УК РФ.

1. *Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации*. 2014. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports>.

2. Бюл. Верховного Суда РФ. 2001. № 9.

3. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. 2003. № 50. Ст. 4848.

4. Бюл. Верховного Суда РФ. 2001. № 9.

5. О внесении изменений в статьи 222 и 223 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30 дек. 2012 г. № 306-ФЗ // *Рос. газ.* 2013. 11 янв.

6. Суркова О.Г. Добровольная сдача предметов, находящихся в незаконном владении лица, совершившего преступление, и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 24 нояб. 2014 г. № 370-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. 2014. № 48. Ст. 6651.

8. Кривошеин П. Замечания по поводу примечания к ст. 228 УК РФ // *Уголовное право*. 2006. № 2.

9. Башинская И.Г. Уголовно-процессуальный аспект добровольной сдачи оружия // *Современные проблемы уголовной политики: материалы V Междунар. науч.-практ. конф.*, 3 окт. 2014 г. / под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. Т. II.

10. Сергеев А.Б. Совершенствование законодательной базы прекращения уголовного преследования в условиях действия ФЗ «О чрезвычайном положении» // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2003. № 1. С. 241–253.

1. *Official Website of the Ministry of the Interior of Russia*. 2014. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports>

2. *Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2001. № 9.

3. *On amendments and additions to the Criminal code of the Russian Federation: fed. law of Dec. 8, 2003 № 162-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2003. № 50. Art. 4848.

4. *Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2001. № 9.

5. *On amendments to articles 222 and 223 of the Criminal code of the Russian Federation: fed. law of Dec. 30, 2012 № 306-FL // Rus. newsp.* 2013. Jan. 11.

6. Surkova O.G. *Voluntary surrender of objects in the illegal possession of the offender, and its criminal-legal importance: diss. ... Master of Law*. Volgograd, 2014.

7. *On amendments to the Criminal code of the Russian Federation and separate legislative acts of the Russian Federation: fed. law of Nov. 24, 2014 № 370-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2014. № 48. Art. 6651.

8. Krivoshein P. *Remarks on the note to art. 228 of the Criminal code of the Russian Federation // Criminal law*. 2006. № 2.

9. Bashinskaya I.G. *Criminal procedure aspect of voluntary delivery of arms // Modern problems of criminal policy: proc. of the V Intern. sci.-pract. conf.*, Oct. 3, 2014 / ed. by A.N. Ilyashenko. Krasnodar, 2014. Vol. II.

10. Sergeev A.B. *Improving the legal framework termination of criminal prosecution under the action of the Federal law «On the State of Emergency» // «Black hole» in the Russian legislation*. 2003. № 1. P. 241–253.

**Кустова Виктория Викторовна**

старший прокурор отдела управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел и юстиции прокуратуры Московской области (e-mail: kustowavika2013@yandex.ru)

## *Понятие, система и общая характеристика преступлений, связанных с финансированием*

В статье исследуется вопрос о нормативной оценке процессов финансирования в действующем уголовном законодательстве. Через призму понятия и видов финансирования проанализированы предписания УК РФ, определена система преступлений, связанных с финансированием. В качестве особого звена выделяется группа преступлений, состоящих в финансировании преступной деятельности; дается характеристика признаков их общественной опасности, противоправности и виновности; определяются модели криминализации таких деяний.

**Ключевые слова:** преступления, связанные с финансированием, финансирование преступлений, соучастие в преступлении, финансирование терроризма, финансирование экстремистской деятельности, финансовые преступления.

**V.V. Kustova**, Senior Prosecutor of the Department for Supervision of Criminal Procedure and the Operational and Investigative Activities of the Interior and Justice of the Prosecutor's Office of the Moscow Region; e-mail: kustowavika2013@yandex.ru

### **The concept, the system and the general characteristics of the crimes related to financing**

The article investigates the issue of regulatory assessment of the processes of funding in the current criminal law. Through the prism of the concepts and types of financing analyzed regulations of the Criminal code of the Russian Federation, defined system of crimes related to the financing. As the special level distinguished group of offenses of financing for criminal activity; describes the features of their public danger, illegality and guilt; defined model of criminalization of such acts.

**Key words:** crimes related to financing, financing for crimes, complicity in the crime, terrorism financing, funding of extremist activity, financial crime.

**П**роблематика финансов и финансирования традиционно принадлежит области экономической науки. Однако с недавнего времени термин «финансирование» проник в ткань уголовно-правовой материи, что с необходимостью порождает потребность в его отраслевой интерпретации и соотношении ее результатов с правилами конструирования составов и алгоритмами квалификации общественно опасных деяний.

Первоначальное значение понятия «финансирование» полностью отражало первичный смысл слова «финансы». Если финансы – это, прежде всего, государственное управление денежными средствами в государственных же интересах, то финансирование – процесс такого управления. Но поскольку он невозможен без самих денежных средств, то в определении финансирования ключевым стало слово «обеспечение», снабжение денежными средствами.

Экономический словарь определяет сегодня финансирование как обеспечение необходимыми финансовыми ресурсами всего хозяйства не только страны, но и регионов, пред-

приятий, предпринимателей, граждан, а также различных экономических программ и видов экономической деятельности [1]. Тем самым уже в самом словарном определении отражен весьма широкий подход к пониманию финансирования, который может быть взят за основу и при решении задач уголовно-правового регулирования.

Здесь важно в качестве предварительного замечания обратить внимание на то, что в сфере уголовного права финансирование (благодаря такому его широкому пониманию) может быть представлено элементом либо объекта уголовно-правовой охраны, либо действия, выступающего частью объективной стороны общественно опасного посягательства. В силу этого и отношение к терминологии может быть (и должно быть) различным: при описании объективной стороны состава преступления посредством термина «финансирование» законодателю, по большому счету, не важно, насколько тесно процессы финансирования связаны с государственным бюджетом и связаны ли они с ним вообще; при описании объекта

преступления ситуация, в зависимости от целей закона, может быть принципиально иной.

Обращаясь к экономической и финансовой интерпретации термина «финансирование», стоит отметить, что наука разработала признаки и принципы финансирования, на основании которых этот вид ресурсного обеспечения отличается от иных.

В частности, финансированию присущи принципы безвозвратности и безвозмездности, в силу которых оно отличается от кредитования, предусматривающего предоставление средств на условиях возвратности и платности (хотя некоторые специалисты говорят о кредитовании как о финансировании в широком смысле слова, как о его виде) [2, с. 18].

Понятие «финансирование» довольно тесно связано также с понятием «инвестирование». Однако они не тождественны. Если финансирование – это, прежде всего, формирование денежных средств, то инвестирование – это их использование, вложение, как правило, с расчетом на получение прибыли. Оба понятия взаимосвязаны, однако первое предшествует второму.

Большое значение имеет и разработанная в финансовой науке классификация финансирования. Так, в зависимости от источника получения денежных средств финансирование бывает внутреннее и внешнее. Внутренние финансовые ресурсы образуются в процессе хозяйственной деятельности организаций. В состав внутренних источников финансирования входит прибыль, в том числе внереализационные доходы за вычетом расходов на их осуществление, амортизационные отчисления, средства от страхования деятельности и т.д. Основные формы внешнего финансирования – это получение безвозмездной финансовой помощи из бюджетных и внебюджетных источников, привлечение банковских и небанковских кредитов и т.д. Внешние источники финансирования, в свою очередь, подразделяются на бюджетные и внебюджетные (банковское и небанковское кредитование, лизинг, франчайзинг, венчурное финансирование и т.д.). В зависимости от субъекта финансирования выделяют: самофинансирование государственное, банковское, кооперативное, партнерское и иное. В зависимости от способа финансирования различают прямое финансирование – предоставление кредита, безвозмездной финансовой помощи и т.д.; косвенное, под которым понимают передачу денежных средств опосредованно, через определенные операции (например, предоставление гарантий и др.) [3].

Эти значимые в экономическом отношении нюансы и оттенки финансирования в сфере уголовно-правового регулирования проявляются иногда явственно и зримо (например, в ситуации различения основания ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов в ст. 185<sup>1</sup> и 185<sup>2</sup> УК РФ либо в ситуации различения основания и порядка привлечения к уголовной ответственности за причинение вреда интересам коммерческой организации или интересам государства в нормах гл. 23 УК РФ). Как правило, учет специфики видов финансирования происходит, если задача уголовного законодателя состоит в обеспечении надлежащей охраны финансирования и финансовых потоков.

Однако, если речь идет об уголовно-правовом пресечении процесса предоставления финансовых или иных ресурсов (если финансирование рассматривается как элемент объективной стороны деяния), такие различия по общему правилу нивелируются, становятся незначимыми с точки зрения права. От этого, надо заметить, они не теряют своего криминологического значения. Очевидно, для организации профилактического воздействия и оценки опасности личности преступника существенное значение имеет и источник финансирования преступления, и его формы, и наличие (отсутствие) корыстных или иных мотивов у «финансиста», и многое другое. Вопрос же о том, насколько необходимо учитывать эти финансово-криминальные «тонкости» в области конструирования составов преступлений и определения объемов ответственности, еще только ждет своего исследования.

Первое приближение к понятию «финансирование», как видно из изложенного, позволяет вполне отчетливо выявить некоторые его признаки и специфические оттенки. Именно они, как представляется, и должны послужить той смысловой призмой, сквозь которую необходимо посмотреть на текст действующего уголовного законодательства.

Непосредственно в тексте УК РФ слово «финансирование» и производные от него употребляются не менее чем в 24 статьях, причем, как правило, в Особенной части закона. В некоторых ситуациях это термины, непосредственно заимствованные из области финансовой науки и финансового права, которыми обозначаются отдельные характеристики преступления, не связанные с описанием совершенного деяния («финансовая выгода» – ст. 35 УК РФ, «фонд финансовой поддержки» – ст. 141<sup>1</sup> УК РФ, «финан-

совые документы» – ст. 172<sup>1</sup> УК РФ, «финансовое состояние» – ст. 176 УК РФ, «финансовые инструменты» – ст. 185<sup>3</sup> УК РФ, «финансовый год» – ст. 198, 199 УК РФ). В других ситуациях словом, производным от «финансов», обозначается собственно деяние субъекта (или часть деяния): «финансирование» – ст. 205<sup>1</sup>, 208, 282<sup>3</sup>, 359 УК РФ, «финансовая помощь» – ст. 205<sup>4</sup> УК РФ, «финансовые услуги» – ст. 205<sup>1</sup> УК РФ, «финансовые операции» – ст. 174, 174<sup>1</sup> УК РФ).

Стоит заметить, что этот технический по сути своей подход устойчиво коррелирует с сущностной спецификой преступлений, а также местом финансирования в системе элементов состава преступления.

Если финансирование ставится на позиции объекта охраны, законодатель прямо и непосредственно использует финансовые и финансово-правовые термины для описания признаков состава, причем употребляет эти термины в их непосредственном, финансово-экономическом и правовом значении, позволяя правоприменителю проследить связь финансов и их государственного (правового) регулирования.

Если же финансирование рассматривается как деятельность субъекта преступления, как способ причинения вреда какому-либо объекту уголовно-правовой охраны, использование терминологии становится более свободным, не так тесно связанным с финансовым и экономическим содержанием, допускающим, даже предполагающим «частное финансирование», позволяющим использовать в качестве синонимов слова «финансирование» предоставление средств.

Столь широкое и разнонаправленное понимание финансирования до настоящего времени не находило, как представляется, должного отражения в специальной уголовно-правовой литературе.

Насколько позволяет судить проведенный анализ, по преимуществу связь финансирования и преступной деятельности раскрывалась посредством категории «финансовое преступление» в источниках, посвященных преступлениям в сфере экономической деятельности.

Одно из немногих определений финансово-уголовного преступления было дано В.Ф. Лапшиным, который предложил понимать под ним деяние, посягающее на правоотношения по образованию, распределению и использованию централизованных денежных фондов государства, субъекта Федерации, муниципального образования, а также децентрализованных денежных фондов хозяйствующих субъектов. К группе

финансовых преступлений автор относит деяния в сфере образования финансов (ст. 185–187 УК РФ), в сфере их распределения (ст. 176, 194–199<sup>2</sup> УК РФ) и в сфере использования (ст. 174, 174<sup>1</sup>, 177, 191–193 УК РФ) [4, с. 28]. В этом же ключе рассуждает о финансовых преступлениях А.К. Бекряшев [5]. Аналогичен по природе своей подход к пониманию финансовых преступлений в криминалистической науке [6].

Сознавая в полной мере ценность и значимость специализированного анализа финансовых преступлений в качестве относительно самостоятельного объекта познания, нельзя, тем не менее, не отметить, что ими далеко не исчерпывается содержание взаимосвязи уголовного права и финансирования. Кроме того, и представленное в литературе понимание финансовых преступлений нуждается в дальнейшем развертывании, в дифференциации. В частности, целесообразно проводить отдельный анализ преступлений, которые совершаются на финансовых рынках (они сами по себе не всегда суть финансовые), и преступлений, которые заключают в себе элемент нарушения установленных правил финансирования, проведения финансовых операций и обращения с финансами. Здесь финансы и связанные с ними отношения – объект притязаний субъекта и объект охраны государства.

Вопрос же о взаимосвязи финансирования и объективной стороны преступления требует отдельного исследования, но при этом должен быть изначально включен в общую канву рассуждений о связи финансирования и уголовно-правового регулирования.

Как элемент деяния финансирование в уголовном законе представлено различным образом. С одной стороны, мы имеем ряд посягательств на отношения в области финансов, которые по механизму своего совершения с необходимостью предполагают проведение финансовых операций или совершение каких-либо иных действий с финансовыми инструментами (примером могут служить преступления, связанные с легализацией преступных доходов, валютные преступления и т.п.). С другой стороны, закон содержит описание преступлений, которые состоят в нарушении установленного порядка легального финансирования легальной деятельности, но имеют при этом иной, нежели финансы, основной объект посягательства (пример – нарушение правил финансирования избирательной кампании). Наконец, термин «финансирование» в уголовном законе используется для описания объективной сто-



роны преступлений, посягающих на интересы безопасности (в настоящий момент, по крайней мере, только на эти интересы), при этом он охватывает собой любые виды предоставления денежных средств или оказания иной материальной помощи и поддержки (например, финансирование терроризма, экстремистской деятельности, незаконного вооруженного формирования и наемника).

Все это многообразие преступлений, столь различных по объекту и направленности, роднится признаками объективной стороны; все они состоят в финансировании, в широком смысле понимаемом как предоставление материальных ресурсов. При этом закон либо признает преступлением сам процесс финансирования (финансирование как преступление), либо устанавливает ответственность за финансирование преступной деятельности.

В последнем случае представляется необходимым обратить внимание на то, что уголовно-правовая оценка финансирования преступной деятельности может быть различной в зависимости от того, полагает ли необходимым законодатель конструировать для целей охраны тех или иных объектов отдельный, самостоятельный состав финансирования преступления либо же считает возможным ограничиться оценкой финансирования как разновидности соучастия лица в преступлении.

Изложенное позволяет представить достаточно широкую, внутренне разветвленную систему преступлений, связанных с финансированием. Итак, полагаем, что все они могут быть сгруппированы в следующие блоки:

1. Финансирование преступной деятельности:

а) как самостоятельное преступление:

финансирование терроризма (ст. 205<sup>1</sup> УК РФ), финансирование незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ);

финансирование экстремистской деятельности (ст. 282<sup>3</sup> УК РФ);

финансирование наемника (ст. 359 УК РФ);

б) как соучастие в ином преступлении:

финансирование как пособничество в совершении иных преступлений (ст. 33 УК РФ, примечание к ст. 212 УК РФ);

финансирование (найм) как организация преступления (ст. 105, 111, 117, 206 УК РФ).

2. Финансирование как преступная деятельность:

а) нарушение правил финансирования какой-либо деятельности как преступление (ст. 141<sup>1</sup> УК РФ);

б) совершение финансовых операций как способ совершения преступления:

операции с легальными средствами нелегальным путем (налоговые преступления, валютные преступления);

операции с нелегальными средствами легальным путем (ст. 174, 174<sup>1</sup> УК РФ).

Определение круга преступных деяний, связанных с финансированием, выступает необходимым условием разработки их доктринальной дефиниции.

Итак, под преступлениями, связанными с финансированием, следует понимать предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, которые либо посягают на финансовые интересы государства, либо заключаются в нарушении правил финансирования легальной деятельности, либо состоят в финансировании нелегальной деятельности.

Особое место в ряду таких посягательств занимает финансирование преступлений. Под финансированием преступной деятельности следует понимать общественно опасные и уголовно наказуемые деяния, которые состоят в аккумуляции денежных средств или иных материальных ресурсов и (или) их безвозмездном либо возмездном предоставлении или инвестировании в преступную деятельность самого виновного или третьих лиц.

Как и любой иной вид преступной деятельности, финансирование преступления обладает обязательными признаками: общественной опасностью, уголовной противоправностью и виновностью. Не предвещая частных вопросов уголовно-правовой оценки и квалификации финансирования преступлений, обратим на эти признаки внимание в рамках общей характеристики.

Общественная опасность финансирования преступлений непосредственно определяется, прежде всего, содержанием того объекта, на причинение вреда которому направлена финансируемая деятельность, а также степенью вероятности, размером и содержанием этого вреда. Опасность финансирования преступлений проявляется также в том, что: включаются материальные стимулы в мотивации исполнителей преступлений, создаются условия для улучшения технической оснащенности преступлений, создаются условия для вербовки в преступления новых лиц, их найма, создается материальная база для установления, поддержания и развития коррупционных связей, создаются условия для сокрытия лиц, совершивших преступления.

Добавим, что общественная опасность финансирования преступлений может и должна рассматриваться не только с точки зрения

собственно уголовно-правовых взаимосвязей отдельных видов преступлений, но и с точки зрения экономической, финансовой. В этом случае целесообразно дифференцировать финансирование преступлений на внутреннее и внешнее (в зависимости от того, как соотносятся субъект финансирования и субъект финансируемого преступления), а также с учетом криминологических реалий и происхождения средств – на финансирование преступлений легальными и нелегальными денежными (материальными) потоками. В этом случае финансирование преступлений может рассматриваться:

во-первых, в качестве мощного внутреннего канала самодетерминации преступности, средства аккумуляции и перераспределения финансовых ресурсов между различными видами преступной деятельности, благодаря которым одни преступления обеспечивают и поддерживают совершение других преступлений;

во-вторых, в качестве канала перевода денег и финансовых ресурсов из легального экономического оборота в нелегальные, криминальные финансовые потоки, в том числе в криминальный бизнес, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для «белой» экономики (в виде инфляции, «бегства» капитала и пр.).

В подобных условиях установление ответственности за финансирование преступлений, наделение этих деяний признаком уголовной противоправности не должно вызывать и не вызывает ни малейших сомнений.

Финансирование преступлений обладает так называемой «прямой» уголовной противоправностью, при которой запрет на поведение сформулирован непосредственно и исключительно в тексте уголовного закона. Вместе с тем, этот запрет, как уже отмечалось, выражен либо нормами о соучастии в преступлении, либо в предписаниях, формулирующих отдельный состав преступления. В связи с этим существенное значение приобретает вопрос об основаниях криминализации финансирования преступной деятельности в качестве самостоятельного преступления.

Не углубляясь в исследование большого и сложного вопроса об основаниях криминализации в целом, отметим причины, по которым законодатель посчитал в некоторых ситуациях недостаточным потенциал норм о соучастии.

Обращение к материалам, характеризующим саму законотворческую практику, не

дает на него ответа. В Пояснительной записке к законопроекту, которым предлагалось установить уголовную ответственность за финансирование экстремистской деятельности, значатся общие и ничего не объясняющие фразы: «Разработка и принятие данного федерального закона необходима в связи с отсутствием детальной регламентации в законодательстве вопросов, связанных с финансированием экстремистской деятельности... Назрела объективная необходимость по внесению в УК России изменений и дополнений, предусматривающих установление уголовной ответственности за финансирование экстремистской деятельности» [7].

Теоретический анализ к числу таковых причин позволяет относить: повышенную общественную опасность финансирования отдельных видов деятельности по сравнению с иными; тесную связь и зависимость какого-либо преступления от финансирования и финансовых потоков; распространенность финансирования именно этого вида преступлений; необходимость усиления ответственности и наказания за финансирование какого-либо преступления; необходимость ответственности за финансирование общественно опасной деятельности, которая прямо не подпадает под тот или иной состав преступления.

Отметим также, что установление самостоятельной ответственности за финансирование преступлений объясняется, прежде всего, изменением самого подхода к определению правовой природы этого вида деятельности, что выражается в отказе от его оценки с позиций соучастия и наделении его статусом самостоятельной угрозы общественной безопасности, а также в стремлении укрепить потенциал уголовного законодательства в обеспечении ранней профилактики преступлений. Здесь имеют значение, кроме того, масштабы финансирования и финансовых потоков, связь финансирования не только с каким-либо конкретным преступлением, но и с определенной совокупностью взаимосвязанных и взаимозависимых общественно опасных деяний, образующих некое социально негативное явление (терроризм, экстремизм), в появлении дополнительного объекта посягательства (финансовых отношений), которому причиняется вред посредством перевода (изъятия) легальных ресурсов в нелегальную сферу.

Признаем, что приведенное обоснование не исчерпывает всей глубины теоретического анализа вопроса самостоятельной криминали-

зации финансирования преступлений. Тем не менее, общее представление о противоправности этого деяния (а вернее, о переоценке самой идеи и оснований его противоправности в современных условиях) оно дает.

С противоправностью тесно связан и признак виновности, поскольку вина (и в психологической, и в оценочной ее интерпретации) выступает одним из обязательных условий криминализации. Речь в данном случае идет о том, что правовой упрек лицу возможен лишь в ситуации, когда оно осознает, что совершает финансовые операции или иные действия по предоставлению средств для того, чтобы иные лица использовали их в криминальных целях. Упрек основан на том, что в сознании лица одновременно представлен весьма широкий круг негативных социальных последствий его деяния: способствование преступлению, увеличение вероятности причинения вреда объекту финансируемого преступления, вывод денежных средств из легального оборота.

Стоит добавить и специфическую мотивацию виновного субъекта. Она, как правило,

либо является сугубо корыстной (этот тип мотивации в большей степени свойственен финансированию как соучастию), либо идейной (она чаще проявляется в самостоятельных преступных деяниях – финансировании терроризма и экстремизма). Представляется, кстати, что идейный характер мотивации служит одним из факторов, влияющих на выбор законодателя в пользу самостоятельной криминализации финансирования преступной деятельности.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что в общем массиве преступлений, связанных с финансированием, следует четко различать финансирование как преступление и финансирование преступной деятельности, а в последнем случае – финансирование как отдельное преступление и финансирование как соучастие в преступлении. Такая логика позволяет упорядочить представления о связи финансирования и уголовного права, а также определить перспективные направления ее дальнейшего научного анализа.

1. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. *Современный экономический словарь*. 2-е изд., испр. М., 1999. URL: <http://ekslovar.ru/slovar/f-/finansirovanie.html> (дата обращения: 29.12.2014).

2. Крохина Ю.А. *Финансовое право России*. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

3. Ибадова Л.Т. *Финансирование и кредитование малого бизнеса в России: правовые аспекты*. М., 2006. URL: [http://www.for-expert.ru/finansirovanie\\_malogo\\_bisnesa/5.shtml](http://www.for-expert.ru/finansirovanie_malogo_bisnesa/5.shtml) (дата обращения: 28.12.2014).

4. Лапшин В.Ф. *Финансовые преступления*. М., 2009.

5. Бекряшев А.К., Белозеров И.П. *Теневая экономика и экономическая преступность*. URL: <http://newasp.omskreg.ru/bekryash/ch2p3.htm> (дата обращения: 04.01.2015).

6. Яблоков Н.П. *Криминалистическая характеристика финансовых преступлений*. URL: <http://www.for-expert.ru/articles/113.shtml> (дата обращения: 04.01.2015).

7. *Пояснительная записка к Законопроекту № 588894-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (по вопросу о противодействии экстремистской деятельности в Российской Федерации)*. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 03.02.2015).

1. Rayzberg B.A., Lozovsky L.Sh., Starodubtseva E.B. *Modern Dictionary of Economics*. 2nd ed., rev. Moscow, 1999. URL: <http://ekslovar.ru/slovar/f-/finansirovanie.html> (date of access: 29.12.2014).

2. Krokchina Yu.A. *Financial law of Russia*. 3rd ed., rev. and add. Moscow, 2008.

3. Ibadova L.T. *Financing and lending to small businesses in Russia: legal aspects*. Moscow, 2006. URL: [http://www.for-expert.ru/finansirovanie\\_malogo\\_bisnesa/5.shtml](http://www.for-expert.ru/finansirovanie_malogo_bisnesa/5.shtml) (date of access: 28.12.2014).

4. Lapshin V.F. *Financial crimes*. Moscow, 2009.

5. Bekryashev A.K., Belosero I.P. *The shadow economy and economic crime*. URL: <http://newasp.omskreg.ru/bekryash/ch2p3.htm> (date of access: 04.01.2015).

6. Yablokov N.P. *Forensic characterization of financial crimes*. URL: <http://www.for-expert.ru/articles/113.shtml> (date of access: 04.01.2015).

7. *The explanatory note to the draft law № 588894-5 «On Amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» (on countering extremist activity in the Russian Federation)*. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (date of access: 03.02.2015).

**Асланян Руслан Георгиевич**

аспирант кафедры уголовного права и криминологии  
Кубанского государственного университета  
(e-mail: rao\_ofprom@mail.ru)

## *Взаимосвязь признаков субъекта преступления и информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности*

В статье анализируется взаимосвязь информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности и признаков субъекта данных преступлений. По итогам проведенного исследования автор приходит к заключению, что такая информация с необходимостью предполагает наличие дополнительных характеристик у субъекта преступления: либо наличие у лица доступа к ней (а равно отсутствие такового), либо наличие обязанности по предоставлению определенной информации.

**Ключевые слова:** субъект преступления, информация, предмет преступления, экономическая деятельность.

**R.G. Aslanyan**, Post-graduate of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University; e-mail: rao\_ofprom@mail.ru

### **Relationship of signs of the subject of the crime and information as an object of crime in the sphere of economic activity**

The article is devoted to the analysis of intercommunication of information as the object of crimes in the field of economic activity and signs of subject of these crimes. On results of undertaken study, the author comes to the conclusion, that such information with a necessity supposes the presence of additional descriptions for the subject of crime: either presence at the face of access to it (and absence is equal such) or presence of duty after the giving of certain information.

**Key words:** subject of crime, information, object of crime, economic activity.

**В** науке уголовного права под субъектом преступления понимается физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности [1, с. 68–117; 2, с. 197]. В соответствии с этим выделяются следующие признаки общего субъекта преступления: лицо должно быть физическим; оно должно достигнуть возраста, с которого наступает уголовная ответственность; лицо должно быть вменяемым. Специальным субъектом преступления признается лицо, которое, помимо общих признаков, должно обладать как минимум еще одним дополнительным, выступающим в качестве необходимого условия для привлечения его к уголовной ответственности.

Взаимосвязь субъекта преступления и предмета преступления проявляется, прежде всего, в том, что ограниченная возможность доступа к предмету или его специфическое содержание с необходимостью предполагают наличие у субъекта некоторых дополнительных признаков, на основании которых такой доступ предоставляется.

Рассмотрим вопрос о субъекте отдельных преступлений в сфере экономической деятельности, принимая во внимание взаимосвязь его с информацией как предметом этих преступлений.

Начнем с анализа состава незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ). В этом составе преступления законодатель не делает никаких оговорок относительно дополнительных признаков субъекта преступления. Само деяние состоит в незаконном доступе, т.е. лицо, не имеющее права на получение коммерческой, налоговой или банковской тайны, получает незаконный доступ к ней. Исходя из этого, закономерен вывод о том, что субъектом рассматриваемого деяния может являться лишь лицо, не имеющее законного доступа к коммерческой, налоговой или банковской тайне. Следовательно, здесь взаимосвязь субъекта преступления и информации устанавливается на основании наличия отрицательного призна-

ка по отношению к данной информации, т.е. на основании отсутствия доступа к ней.

В ч. 2 ст. 183 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконные действия с самой информацией. Здесь также прослеживается взаимосвязь между предметом и субъектом преступления. Незаконное использование либо распоряжение информацией может осуществлять лишь лицо, имеющее доступ к ней. Следовательно, субъект должен обладать дополнительным признаком – иметь легальный доступ к такой информации. Иными словами, субъект рассматриваемого преступления также является специальным.

В этом отношении весьма показателен следующий пример из судебной практики. Г. был осужден по ч. 3 ст. 183 УК РФ за незаконное разглашение из корыстной заинтересованности сведений, составляющих банковскую тайну, без согласия их владельца, как лицо, которому она стала известна по работе. Являясь старшим кассиром-операционистом отдела кассовых операций ФАИК ПСБ «С.», он был обязан в соответствии со ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и должностной инструкцией хранить тайну об операциях, счетах и вкладах клиентов и корреспондентов названного банка, в том числе о сведениях по операциям физических лиц, осуществляющих денежные переводы без открытия банковского счета. Однако Г., находясь на своем рабочем месте, действуя с прямым умыслом и корыстной заинтересованностью, при выдаче суммы денежного перевода по системе «Contact», т.е. при осуществлении банковской операции на получение денежного перевода от С.Е.И., номер (префикс) которого стал ему известен по работе из программы «Денежные переводы», установленной на его рабочем компьютере, нарушил должностную инструкцию старшего кассира-операциониста. В частности, он не затребовал дополнительный идентификатор – номер (префикс) денежного перевода у получателя указанного денежного перевода Л.С.Ю., предоставившего: паспорт гражданина Российской Федерации на свое имя, данные о сумме денежного перевода и фамилию отправителя. Тем самым он создал в соответствии с инструкцией программы «Денежные переводы» документы в автоматизированной банковской системе «Операционный день», необходимые для выплаты перевода, а именно заявление на получение денежного перевода по системе «Contact» с указанием номера (префикса) денежного перевода, являющегося банковской тайной. Данное заявление

Г. передал Л.С.Ю. для того, чтобы тот поставил в нем свои подписи на его получение по системе «Contact», после чего выдал Л.С.Ю. наличную валюту Российской Федерации в размере 28250,00 руб. [3].

Следующий из анализируемых составов преступлений – незаконный экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189 УК РФ). В действующей редакции названной статьи законодатель отказался от указания на признаки специального субъекта данного преступления, отражающие его право на осуществление внешнеэкономической деятельности. Однако, несмотря на это, очевидно, что характер научно-технической информации как предмета преступления напрямую влияет на признаки его субъекта. Важно подчеркнуть, что в теории уголовного права под научно-технической информацией, как правило, понимают различные чертежи, эскизы, схемы, модели, иные научно-исследовательские работы, связанные с производством вооружения и военной техники [4, с. 582]. Специфика такой информации, понимаемой как определенные специальные знания, предполагает ее защиту путем установления ограниченного доступа. Следовательно, передача либо экспорт научно-технической информации возможны только в том случае, если виновное лицо имеет к ней легальный доступ. Иными словами, вновь приходим к выводу о том, что и в этом преступлении субъект является специальным.

Следующий состав преступления, который необходимо рассмотреть – это злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах (ст. 185<sup>1</sup> УК РФ). Диспозиция названной статьи не указывает на дополнительные признаки субъекта преступления. При этом сам характер информации накладывает обязанность ее предоставления лишь на строго определенных лиц. Согласно ст. 6 Федерального закона «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» [5] именно эмитент обязан предоставить инвестору информацию, определенную законодательством Российской Федерации. Объем и характер информации, порядок и сроки ее раскрытия, а также порядок и сроки представления отчетности профессиональными участниками рынка ценных бумаг

определяются нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти по рынку ценных бумаг (ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»). Исходя из этого, обязанность раскрытия информации может быть наложена только на определенный круг лиц, что свидетельствует о наличии дополнительного признака, присущего специальному субъекту рассматриваемого преступления.

Еще один состав преступления, в котором информация выступает в качестве его предмета, – неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185<sup>6</sup> УК РФ). В данном случае законодатель также не указывает на дополнительные признаки субъекта преступления. Но из легального определения инсайдерской информации можно сделать вывод, что лицо, ее распространяющее, должно иметь официальный доступ к ней. Отсюда можно заключить, что субъект данного преступления должен обладать дополнительным признаком, т.е. быть специальным.

В контексте изложенного в рассмотрении нуждается также состав неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ). Характер этого деяния, связанный со смешанной формой преступного поведения, с необходимостью предполагает наличие определенной обязанности у субъекта: сокрытие сведений предполагает обязанность лица по их раскрытию. Это означает, что такая обязанность может быть возложена только на определенное лицо, осуществляющее руководство организацией, т.е. лицо, являющееся учредителем (участником) или руководителем организации-должника либо индивидуальным предпринимателем. Следовательно, и в данном случае субъект анализируемого преступления является специальным.

Подтверждением сказанному может служить следующий пример из судебной практики. Б. осужден по ч. 1 ст. 195 УК РФ. Работая в должности генерального директора общества с ограниченной ответственностью и являясь его единственным учредителем, Б., заведомо зная о том, что возглавляемое им Общество находится на грани банкротства, имея умысел на совершение неправомерных действий при банкротстве и действуя из корыстных побуждений, разработал план, направленный на сокрытие своего имущества и сведений о его местонахождении. Воспользовавшись тем, что в помещении производственного цеха его предприятия произошел пожар, при котором было частично повреждено имеющееся там оборудование, Б. без создания компетентной комиссии изготовил фиктивные бухгалтерские документы, в которых в качестве основания для списания основных средств, т.е. производственного оборудования общей балансовой стоимостью 2290000 руб. и остаточной стоимостью 2037241 руб. 99 коп., указал пожар [6].

Подводя итог исследованию вопроса о взаимосвязи информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности и признаков субъекта данных преступлений, можно заключить, что такая информация с необходимостью предполагает наличие дополнительных характеристик у субъекта преступления: либо наличие у лица доступа к ней (а равно отсутствие такового), либо наличие обязанности по предоставлению определенной информации. Другими словами, здесь имеет место коррелятивная связь: специфический предмет предопределяет наличие специального субъекта в составе преступлений в сфере экономической деятельности.

1. Павлов В.Г. *Субъект преступления*. СПб., 2001.

2. *Уголовное право. Часть Общая / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чуцаева М.*, 2006.

3. *Кисловодский городской суд Ставропольского края. Дело № 1-222/12.*

4. *Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России*. СПб., 2007.

5. *Собр. законодательства РФ*. 1999. № 10. Ст. 1163.

6. *Майкопский городской суд Республики Адыгея. Дело № 1-84/13.*

1. *Pavlov V.G. Subject of a crime*. St. Petersburg, 2001.

2. *Criminal law. General Part / ed. by L.V. Inogamova-Hegay, A.I. Rarog, A.I. Chuchayev*. Moscow, 2006.

3. *Kislovodsk city court of the Stavropol region. Case № 1-222/12.*

4. *Volzhenkin B.V. Crimes in the sphere of economical activity on criminal law of Russia*. St. Petersburg, 2007.

5. *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 1999. № 10. Art. 1163.

6. *Maikop city court of the Adigeya Republic. Case № 1-84/13.*

**Марина Авелина Александровна**  
адъюнкт кафедры уголовного права  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79182624260)

## *Ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей в нормах международного и зарубежного законодательства*

В статье исследуются нормы, предусматривающие уголовную ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей, установленные меры наказания по законодательству зарубежных государств.

**Ключевые слова:** злостное уклонение от уплаты алиментов, назначение наказания, нормы международного права, уголовный кодекс, иностранное государство.

**A.A. Marina**, Adjunct of the Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79182624260.

### **Responsibility for malicious evasion from payment of alimony on the maintenance of minor children and disabled parents in norms of international and foreign legislation**

The article discusses the norms of criminal responsibility for malicious evasion from payment of alimony on the maintenance of minor children and disabled parents, of establishing penalties under the laws of foreign countries.

**Key words:** malicious evasion from payment of alimony, sentencing, norms of international law, criminal code, foreign country.

**В**о многих зарубежных странах вопросы защиты прав детей являются актуальными и на сегодняшний день. Одной из предпосылок формирования законодательной базы международных соглашений в области соблюдения прав человека послужила ситуация в годы Первой мировой войны. Насилие, массовые нарушения прав человека, данных ему от рождения, потребовали особой защиты. В 1920 г. в Женеве шведской общественной организацией по защите и спасению детей «Рада Барнет» и Британским союзом «Спасение детей» был основан Международный союз спасения детей. Этими организациями была разработана и представлена в 1924 г. в Лигу Наций первая международная Декларация прав ребенка. В ней закреплялись основные принципы, регулирующие нормальное развитие детей, обеспечивающие их выживание, – право на жизнь, на образование, на бесплатную медицинскую помощь [1].

Созданная после окончания Второй мировой войны Организация Объединенных Наций

приняла многие международные пакты, касающиеся охраны прав детей. Одним из основных направлений ее деятельности была защита благосостояния и прав детей. В 1946 г. создан детский фонд ЮНИСЕФ, призванный оказывать помощь детям, попавшим в затруднительную жизненную ситуацию.

В 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН принята Всеобщая декларация прав человека, которая провозгласила право на защиту семьи, охрану материнства и детства. Декларацией уравниваются в правах дети, родившиеся в браке и внебрачные. «Дети, родившиеся в браке и вне брака, должны пользоваться равными правами и одинаковой социальной защитой» (ст. 25) [2].

В 1956 г. в Нью-Йорке была подписана Конвенция о взыскании за границей алиментов. Целью конвенции было облегчить судебным органам работу по взысканию алиментов на содержание детей с должника на территории иностранного государства, а также помочь лицам реализовать имеющиеся у них права на получение алиментов.

На базе международных документов, регламентирующих защиту прав и свобод детей, в 1959 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация прав ребенка, в которой были сформулированы основополагающие принципы, определяющие поведение субъектов, ответственных за осуществление прав ребенка. В Декларации указывается: «Дети являются объектом особой защиты. Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после его рождения. Человечество обязано отдавать ребенку лучшее, что оно имеет». Декларацией уравниваются в правах дети с ограниченными физическими и психическими возможностями. Ответственность за воспитание и образование ребенка лежит на родителях [3].

В 1989 г. принята Конвенция о правах ребенка, в которой говорится, что «семья – это основная ячейка общества и естественная среда для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей, которым должны быть представлены все необходимые средства для защиты. Ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в окружении семьи в атмосфере гармонии, любви и понимания» [4]. Конвенция закрепляет положения о равных обязанностях родителей по исполнению своих обязательств по воспитанию и содержанию ребенка, а также ответственность за грубое и жестокое обращение с ними, недобросовестное исполнение своих обязанностей (ст. 18–19).

Декларация прав человека, Конвенция прав ребенка послужили базисом для принятия множества других международных документов. Так, например, приняты Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам в Минске в 1993 г. и в Кишиневе в 2002 г., регулирующие алиментные обязательства родителей в пользу несовершеннолетних детей и совершеннолетних детей в пользу нетрудоспособных родителей, а также предусматривающие ответственность в случае неисполнения обязательств, способствующие розыску должника (ст. 32 Минской конвенции [5]; ст. 35 Кишиневской конвенции [6]).

Директива Совета Европы № 44/2001 от 22 декабря 2000 г. о юрисдикции, признании и принудительном исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам предусматривает правовое сотрудничество по вопросам выплаты алиментов на содержание детей. Ее целью является устранение существующих правовых разногласий между государствами Евросоюза, препятствующих принудительному

исполнению судебных решений по взысканию средств на содержание детей. Многими странами ЕС в Гааге подписаны конвенции, касающиеся взыскания средств на содержание детей. Однако Российская Федерация не принимала участие в подписании данных конвенций.

Таким образом, забота о детях, гарантии их прав и свобод являются основополагающими направлениями в деятельности международных организаций по защите и охране интересов детей.

Регламентация уголовной ответственности за уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей имеет свою специфику в зарубежных странах с разными правовыми системами.

Например, в Англии взыскание алиментов на содержание несовершеннолетних детей регулируется Законом «О средствах на содержание детей и других платежах», принятым в 2008 г. Взысканием алиментов занимается специальное Агентство по взысканию средств на содержание детей (Child Support Agency; далее – Агентство), которое является государственным органом и обладает особыми полномочиями для принудительного исполнения решений в отношении родителей-должников. Злостное неисполнение должником судебного решения о выплате алиментов не только является самостоятельным составом преступления, но также включает в себя такой состав преступления, как неуважение к суду, и предусматривает за это дополнительные меры наказания. Если должник выплачивает алименты не в полном объеме либо отказывается от их выплаты, то по заявлению Агентства судом издается приказ об аресте должника. Арест назначается на определенный срок либо до исполнения должником первоначального судебного решения. Санкцией, предусмотренной законодательством Англии за злостное неисполнение алиментных обязательств, является тюремное заключение на срок не более 1,5 мес. Данная мера назначается в случаях постоянного неисполнения судебных предписаний, а также если должник имеет большую задолженность по алиментным выплатам.

В правоприменительной практике Англии встречаются и иные меры принудительного воздействия на должника. Например, Агентство вправе просить суд издать приказ о лишении лица, не выполняющего обязательства по содержанию ребенка, права получать проездные документы (паспорт, загранпаспорт или удостоверение личности), а также водительских прав. Применение данных ограничений не освобождает должника от обязанности выплачивать алименты на содержание детей [7].



Вопросы алиментного содержания несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей и ответственность за неисполнение данных обязательств в США регулируются нормами семейного и уголовного права. В США более половины браков заканчивается разводами, и к вопросам воспитания и содержания детей государство относится очень серьезно. В основном алиментные платежи начисляются в зависимости от зарплаты и рассчитываются посредством сложных математических формул. Однако в одних штатах алименты на одного ребенка могут составлять около 17% заработка, в среднем 9–10%, а в некоторых случаях могут намного превышать реальный заработок [8]. Законодательством США предусмотрена ответственность за злостную неуплату алиментов на содержание детей. Так, уголовный закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет.

Уголовным кодексом Германии предусмотрена ответственность за уклонение от обязанности содержания нуждающихся лиц, если это угрожает их жизненному уровню и содержанию, воспитанию лиц моложе 16 лет, создает опасность для физического или психического развития (ст. 170b, 170d). В качестве санкций за соответствующие деяния предусмотрено наказание в виде денежного штрафа или лишения свободы на срок до 3 лет [9].

Во многих зарубежных странах предусмотренные законом санкции не являются исчерпывающими. Например, во Франции за неисполнение свыше 2 месяцев судебного приказа о выплате в пользу несовершеннолетнего средств на материальное содержание Уголовным кодексом (ст. 227-3) предусмотрено наказание в виде тюремного заключения сроком на 2 года и штрафом в размере 100 тыс. франков. Помимо этого к виновному лицу могут применяться дополнительные виды наказания, такие как лишение водительских прав, запрет выезда за границу, опубликование судебного акта в средствах СМИ и др. (ст. 227-29, 227-30 УК Франции) [10].

Проблема выплаты алиментов актуальна и в странах ближнего зарубежья. Важнейшими международными документами, регулирующими алиментные обязательства родителей в пользу несовершеннолетних детей и совершеннолетних детей в пользу нетрудоспособных родителей, являются Минская и Кишиневская конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам.

Анализ уголовного законодательства стран ближнего зарубежья показывает, что близкими к России по структуре и содержанию норм

являются уголовные кодексы стран СНГ. В уголовном праве большинства стран СНГ предусмотрено, какое неисполнение предписаний по уплате алиментов является злостным – это уклонение более 3 месяцев. Уголовным кодексом Таджикистана закреплено, что уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка или нетрудоспособного родителя по решению суда считается злостным, если виновное лицо уклоняется от уплаты алиментов более 3 месяцев без уважительных причин (ст. 177–178 УК Республики Таджикистан) и наказывается обязательными работами на срок от 120 до 180 часов или исправительными работами либо лишением свободы на срок до 2 лет [11].

Уголовным законодательством Республики Армения за злостное уклонение родителей от содержания ребенка и уклонение детей от содержания нетрудоспособных родителей законодатель предусматривает минимальные пределы наказания в виде штрафа в размере от 100–200 МРОТ и максимальные пределы в виде исправительных работ на срок не свыше 1 года (ст. 173–174 УК Республики Армения) [12].

Новым Уголовным кодексом Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. законодатель внес изменения в санкцию состава злостного уклонения от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей, тем самым усилил наказание за данные преступления. Теперь в соответствии со ст. 139 УК Республики Казахстан злостное уклонение более 3 месяцев родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а также детей от содержания нетрудоспособных родителей наказывается ограничением свободы на срок до 2 лет или лишением свободы на тот же срок [13].

Диспозиция ст. 176.1 УК Республики Азербайджан устанавливает ответственность за злостное уклонение трудоспособных и работающих родителей от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших совершеннолетнего возраста. Предусмотренные санкции дифференцируются от более мягкого наказания – штрафа до более строгого – лишения свободы. Применительно к ч. 1 ст. 176 УК Республики Азербайджан предусмотрено наказание в виде штрафа в размере от 100 до 500 МРОТ, либо общественных работ на срок от 190 до 240 часов, либо исправительных работ на срок до 1 года, либо лишения свободы на срок до 6 месяцев [14].

За злостное уклонение трудоспособных и работающих детей от уплаты средств на со-

держание нетрудоспособных родителей наказание, предусмотренное ч. 2 ст. 176 УК Республики Азербайджан, является, на наш взгляд, более строгим и наказывается штрафом в размере до 500 МРОТ либо лишением свободы на срок до 6 месяцев.

Вызывает интерес Уголовный кодекс Республики Беларусь, в котором составы злостного уклонения от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей выделены в отдельные статьи, предусмотренные по ним санкции различны. Согласно ч. 1 ст. 174 УК Республики Беларусь уклонение родителей более 3 месяцев в течение года от уплаты по судебному постановлению средств на содержание несовершеннолетних или совершеннолетних, но нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи детей наказывается общественными работами, или исправительными работами на срок до 2 лет, или арестом на срок до 3 месяцев, или ограничением свободы на срок до 3 лет, или лишением свободы на срок до 1 года. В отличие от российского законодательства Уголовный кодекс Республики Беларусь устанавливает ответственность за уклонение родителей от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении. В российском законодательстве данные нормы не предусмотрены. Квалифицирующим признаком состава ч. 1 ст. 174 является совершение аналогичного деяния лицом, ранее судимым за уклонение от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, которое наказывается исправительными работами на срок от 1 года до 2 лет, или арестом на срок до 6 месяцев, или ограничением свободы на срок от 1 года до 4 лет, или лишением свободы на срок до 2 лет. Позицию законодателя об ужесточении санкций в данном случае считаем справедливой. Диспозиция ст. 175 УК Республики Беларусь предусматривает уклонение трудоспособных детей более 3 месяцев в течение года от уплаты средств на содержание нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи родителей. Указывая на трудоспособных работающих детей, законодатель этим подчеркивает возможность выполнения ими возложенных на них обязательств по уплате алиментов. В качестве наказания предусмотрены общественные или исправительные работы на срок до 2 лет, или арест на срок до 6 месяцев, или ограничение свободы на срок до 2 лет. Квалифициру-

ющим признаком является совершение того же деяния лицом, ранее судимым за уклонение от содержания родителей, которое наказывается ограничением свободы на срок до 3 лет или лишением свободы на срок до 2 лет [15].

В Китайской Народной Республике алиментные обязательства регулируются Законом «О браке» 1980 г., в соответствии с которым родители обязаны кормить и воспитывать своих детей, дети обязаны содержать своих родителей и оказывать им помощь. Если родители или совершеннолетние дети не выполняют своих обязанностей, то дети или родители имеют право требовать исполнения этих обязательств. Внебрачные дети имеют те же права, что и дети, рожденные в браке (ст. 21, 37 Закона) [16]. При неисполнении установленных законом норм законодательством КНР предусматривается уголовная ответственность в виде лишением свободы на срок до 5 лет, краткосрочного ареста или надзора (ст. 261 УК КНР).

Китайской Народной Республикой на государственном уровне разработаны законодательные нормы, обеспечивающие охрану прав женщин и детей, равенство и взаимоуважение супругов, ответственность за непочитание старших.

Следует обратить внимание на нормы, регулирующие взаимоотношения детей и родителей в мусульманских государствах. Нормы мусульманского семейного права, касающиеся алиментирования родителей, кардинально отличаются от норм семейного права других правовых систем. Содержание родителей, проявление уважения, терпимости и милосердия к ним является не только правовой, но и религиозной обязанностью каждого мусульманина. В соответствии со Святым Писанием дети обязаны содержать и поддерживать как родителей, так и своих деда и бабушку с момента обретения ими полной дееспособности.

В одном из хадисов говорится, что «неуважение к родителям запретно и является величайшим грехом» [17]. Законом не определяются ни размер предоставляемой суммы денег, ни предметы для их содержания и пропитания. Их количество зависит от финансовой обеспеченности самого сына или внука. Однако помощь должна быть достойной, не ниже прожиточного минимума. Если родители и дети живут в разных городах, то дети обязаны навещать своих родителей, приезжать к ним каждые семь лет, писать им письма и присылать подарки. Соблюдение предписаний закона о содержании и воспитании детей, уважении родителей является неотъемлемым долгом каждого мусуль-

манина, и нарушение данных норм противоречит морально-нравственному правосознанию мусульманина.

Несоблюдение установленных норм влечет применение к виновному лицу мер уголовно-правового характера. В качестве наказания применяются телесные наказания – бичевание палками и штраф с конфискацией имущества. На вырученные деньги погашается задолженность по алиментным выплатам на содержание родителей [18]. Таким образом, целью наказания является предупреждение преступления (греха), что достигается путем устрашения возможного применения жестких карательных санкций.

Нельзя не отметить позицию законодателя мусульманских государств в области правового регулирования алиментных обязательств. На законодательном уровне гражданам с раннего возраста прививаются чувства любви и уважения, терпимости к родителям и поколению старшего возраста. Таким образом, содержание и поддержка родителей становится естественным долгом каждого мусульманина.

Анализируя нормы уголовного законодательства стран дальнего и ближнего зарубежья, предусматривающие уголовную ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание детей и нетрудоспособных родителей, можно отметить, что в законах многих государств законодательно закреплено понятие и определены критерии «злостного уклонения». Пределы наказания, предусмотренные за злостное уклонение от уплаты алиментов, варьируются от более мягкого – штрафа до более строгого – ареста и лишения свободы, а также применяются дополнительные виды наказания, такие как лишение водительских прав, запрет получения загранпаспорта и выезда за границу, занимать определенную государственную должность, общественное порицание и др.

Компаративный анализ международного и зарубежного законодательства об ответственности за злостное уклонение от уплаты али-

ментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей позволяет выделить решения, представляющие интерес для российского законодателя.

Во-первых, целесообразно разграничить составы злостного уклонения от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей на две самостоятельные статьи. Дополнить диспозицию ст. 157 УК РФ, изложив в следующей редакции: «Злостное уклонение более трех месяцев от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, нетрудоспособных совершеннолетних детей», либо выделить понятие «злостное уклонение» в примечание к статье. Аналогичным образом изложить диспозицию ст. 158 УК РФ: «Злостное уклонение более трех месяцев от уплаты по решению суда средств на содержание нетрудоспособных родителей».

Во-вторых, необходимо дополнить ст. 157 УК РФ частью 2 следующего содержания: «То же деяние, совершенное лицом, ранее судимым за уклонение от содержания детей, – наказывается лишением свободы на срок до двух лет».

В-третьих, ввести дополнительные виды наказаний, например:

конфискация имущества (имущество должника будет продано, а вырученные средства пойдут на погашение суммы задолженности по алиментным платежам);

лишение права занимать определенные государственные должности;

принудительные работы на срок до 3 лет с взысканием 5–10% в доход государства и 25% на погашение задолженности по алиментным платежам.

В-четвертых, на уровне государственных органов и органов местного самоуправления следует разработать программы, направленные на пропаганду семейных ценностей. Воспитание ребенка начинается с семьи, но дальнейшее развитие личности ребенка должно проводиться дошкольными учреждениями и детскими организациями.

1. Женевская Декларация прав ребенка 1924 г. URL: <http://dic.academik.ru>

2. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. URL: [www.un.org/ru](http://www.un.org/ru)

3. Декларация прав ребенка 1959 г. URL: [www.un.org/ru](http://www.un.org/ru)

4. Конвенция о правах ребенка 1989 г. URL: <http://base.garant.ru>

1. Geneva Declaration of the child's rights of 1924. URL: <http://dic.academik.ru>

2. General Declaration of the human's rights of 1948. URL: [www.un.org/ru](http://www.un.org/ru)

3. Declaration of the child's rights of 1959. URL: [www.un.org/ru](http://www.un.org/ru)

4. Convention of the child's rights of 1989. URL: <http://base.garant.ru>

5. Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. URL: <http://trans-asvt.ru/zakonodatelstvo>
6. Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. URL: <http://www.conventions.ru/view-base.php?id=1161>
7. Организационная структура органов принудительного исполнения Великобритании. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. URL: [http://r86fssprus.ru/osobennosti\\_vzyskaniya\\_alimentov/](http://r86fssprus.ru/osobennosti_vzyskaniya_alimentov/)
8. Алименты в США. URL: <http://russian-bazaar.com/ru>
9. Уголовный кодекс ФРГ / под ред. Н.Ф. Кузнецова; пер. с нем. А.В. Серебренниковой. М., 1996.
10. Уголовный кодекс Франции / под ред. Н.Ф. Кузнецова; пер. с фр. М.Б. Гарфа. М., 1993.
11. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: <http://ugolovnykodeks.ru>
12. Уголовный кодекс Республики Армения. URL: <http://ugolovnykodeks.ru>
13. Уголовный кодекс Республики Казахстан 2014 г. URL: <http://online.zakon.kz>
14. Уголовный кодекс Республики Азербайджан. URL: <http://ugolovnykodeks.ru>
15. Уголовный кодекс Республики Беларусь / под ред. Б.В. Волженкина. СПб., 2001.
16. Закон КНР «О браке». URL: [pavel.bazhanov.pro/translations/china-family-law/china-marriage-law](http://pavel.bazhanov.pro/translations/china-family-law/china-marriage-law)
17. Уважение к родителям. URL: [www.serdce-chechni.ru](http://www.serdce-chechni.ru)
18. Брачно-семейное право мусульман. URL: <http://refbest.ru>
5. Minsk convention about legal assistance and legal relations in civil, family and criminal cases of 1993. URL: <http://trans-asvt.ru/zakonodatelstvo>
6. Kishinev convention about legal assistance and legal relations in civil, family and criminal cases of 2002. URL: <http://www.conventions.ru/view-base.php?id=1161>
7. Organization structure of the enforcement agencies in the UK. United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. URL: <http://r.86.fssprus.ru/osobennosti-vzyskaniya-alimentov/>
8. Child support in the USA. URL: <http://russian-bazaar.com/ru>
9. Criminal code of Germany / ed. by N.F. Kuznetsov; transl. from German by A.V. Serebryannikova. Moscow, 1996.
10. Criminal code of France / ed. by N.F. Kuznetsov; transl. from French by M.B. Garf. Moscow, 1993.
11. Criminal code of the Republic of Tadjikistan. URL: <http://ugolovnykodeks.ru>
12. Criminal code of the Republic of Armenia. URL: <http://ugolovnykodeks.ru>
13. Criminal code of the Republic of Kazakhstan of 2014. URL: <http://online.zakon.kz>
14. Criminal code of the Republic of Azerbaijan. URL: <http://ugolovnykodeks.ru>
15. Criminal code of the Republic of Belarus / ed. by B.V. Volzhenkin. St. Petersburg, 2001.
16. Law of Chinese People's Republic «About marriage». URL: [pavel.bazhanov.pro/translations/china-family-law/china-marriage-law](http://pavel.bazhanov.pro/translations/china-family-law/china-marriage-law)
17. Respect for parents. URL: [www.serdce-chechni.ru](http://www.serdce-chechni.ru)
18. Marriage-family law of Muslims. URL: <http://refbest.ru>

**Хамтаку Рустам Шихамович**  
 адъюнкт кафедры уголовного права  
 Краснодарского университета МВД России  
 (тел.: +79186911119)

## *Общественная опасность и малозначительность деяния в уголовном праве: проблемы толкования и юридического закрепления*

В статье рассматривается дискуссионный вопрос в сфере уголовно-правовых отношений, связанный с соотношением понятий общественной опасности, с одной стороны, и малозначительности деяния – с другой. Автор анализирует имеющиеся позиции теоретического характера, соответствующие правовые нормы, акцентируя внимание на причинах и последствиях изменения редакции ч. 2 ст. 14 УК РФ. Делается вывод о том, что институт малозначительности деяния сформулирован в ч. 2 ст. 14 УК РФ неудачно, поскольку позволяет делать двусмысленную и противоречивую трактовку. Автор предлагает свою редакцию указанной нормы.

**Ключевые слова:** преступление, состав преступления, общественная опасность, малозначительность деяния, объект преступления, объект уголовно-правовой охраны, правоотношения.

**R.Sh. Khamtakhu**, Adjunct of the Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79186911119.

### **Public danger and insignificance of act in criminal law: problems of interpretation and legal fastening**

In the article the debatable question in the sphere of criminally-legal relations, connected with correlation of concepts of public danger on the one hand, and insignificances of act on the other hand is considered. The author analyzes available positions of theoretical character and also corresponding law rules, paying attention to the reasons and consequences of changing of the edition of pt. 2 of art. 14 of the Criminal code of the Russian Federation. The conclusion is that the institute is formulated not enough successfully in pt. 2 of art. 14 of the Criminal code of the Russian Federation because it allows to do ambiguous and contradictory treatment. The author offers the edition of the specified norm.

**Key words:** crime, corpus delicti, public danger, insignificance of act, object of crime, object of criminally-law protection, law relations.

Согласно ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (далее – УК РФ в последней редакции) общественная опасность является важнейшим признаком преступления, составляя его материальную сущность. Без наличия общественной безопасности деяние не может рассматриваться как преступление, и законодатель закрепляет данный тезис посредством использования института малозначительности деяния в уголовном праве.

В этой связи нужно заметить, что вопросу малозначительности деяния в уголовном праве законодатель уделяет относительно немного внимания, определяя в ч. 2 ст. 14 УК РФ, что «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначи-

тельности не представляющее общественной опасности». Внешне это простая формулировка, однако как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике она вызывает немало неоднозначно толкуемых положений [1, с. 71–74; 2, с. 13–15; 3, с. 29–35; 4 и др.]. В некоторой степени имеющаяся неопределенность вызвана тем обстоятельством, что ни в законодательстве, ни в судебной практике к настоящему времени еще не выработано более или менее ясных ориентиров в том, что понимать под малозначительностью деяния и как этот признак применять при квалификации деяний в правоприменительной практике.

И сам законодатель, похоже, не имеет достаточно ясной позиции. Так, указанная выше формулировка ч. 2 ст. 14 УК РФ приведена в актуальном, т.е. действующем виде, и таковой она является с 1998 г. [5]. Но не забудем, что в

первоначальной редакции УК РФ (1996 г.) была иная, более широкая формулировка, а именно: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, то есть не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству».

Как видно, в 1998 г. была отсечена целая разъяснительная фраза: «...то есть не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству». Мы можем предположить, что такой шаг законодателя (по изменению формулировки ч. 2 ст. 14 УК РФ) был обусловлен тем, что если действием (бездействием) не причинен какой-либо ущерб общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, то тогда вообще нет речи об уголовно-правовых отношениях и, соответственно, правоприменитель должен сделать заключение об отсутствии состава преступления.

Вместе с тем, и оставшаяся (ныне действующая) формулировка ч. 2 ст. 14 УК РФ вызывает вопросы. Так, согласно ст. 8 УК РФ «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Ни о каком «формальном содержании» таких признаков здесь нет речи, однако в ч. 2 ст. 14 УК РФ появляется институт «формального содержания» признаков преступления.

«Формальное содержание» признаков преступления означает, что имеются все элементы состава преступления, а именно: а) объект преступления; б) объективная сторона преступления; в) субъективная сторона преступления; г) субъект преступления. Другого толкования допустить, на наш взгляд, невозможно. Но простая логика указывает: если есть преступление, то лицо, его совершившее, должно быть привлечено к уголовной ответственности согласно ст. 8 УК РФ.

Обратим внимание, что ст. 8 УК РФ расположена в гл. 1 УК РФ «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации», т.е. здесь определены основополагающие, фундаментальные основы уголовного закона, которым должны быть подчинены все остальные нормы УК РФ. Тем не менее уголовный закон в ч. 2 ст. 14 УК РФ, расположенной в гл. 3 УК РФ «Понятие преступления и виды преступлений», предписывает, что если даже у деяния

есть все признаки преступления, но такое деяние «в силу малозначительности» не представляет общественной опасности, то оно не квалифицируется как преступление, поскольку общественная опасность является, как отмечалось, базовым признаком преступления.

Тогда возникает вопрос: если деяние не представляет общественной опасности, то как можно в отношении этого деяния говорить о наличии у него всех признаков состава преступления? В данном случае речь идет об объекте преступления. Общеизвестной является позиция о том, что объект преступления – это то, на что направлено посягательство, чему причиняется или может быть причинен вред в результате совершения преступления. Объектом преступления признаются важнейшие социальные ценности, интересы, блага, охраняемые уголовным правом от преступных посягательств. В Общей части уголовного закона (ст. 2 УК РФ) дается обобщенный перечень объектов уголовно-правовой охраны. К ним относятся права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации, мир и безопасность человечества [6, с. 74]. Если есть преступное посягательство, то причиняется определенный вред соответствующему объекту преступления.

Если вред не причинен или даже причинен, но незначительный, т.е. не «дотягивающий» до общественной опасности, то, на наш взгляд, речи вообще не должно быть об уголовно-правовых отношениях, поскольку нет общественной опасности – важнейшего и обязательного признака преступления, а вместе с отсутствием общественной опасности преступления исчезает и объект преступления как обязательный признак состава преступления, и здесь возникают уже иные правоотношения (как правило, административно-правовые или гражданско-правовые).

Подчеркнем еще раз принципиальный момент. Объект преступления в уголовно-правовых отношениях появляется тогда, когда этому объекту деянием причинен вред, позволяющий оценивать деяние на уровне общественной опасности. Первоначально дает оценку следователь (дознатель), а затем, окончательно – суд. Если дается оценка, что общественная опасность отсутствует, то, как мы отмечали, делается заключение об отсутствии состава преступления, а значит, об отсутствии уголовно-правовых отношений. И в этом смысле мы солидарны с тем, что предметом уголовного права являются

ся «такие общественные отношения, которые возникают только после совершения преступления между лицом, его совершившим, и государством через специально уполномоченные органы уголовной юстиции, применяющие уголовный закон» [7, с. 13]. Следовательно, если нет общественной опасности, то нет и преступления, нет и уголовно-правовых отношений, а значит, нет и не может быть речи о том, что деяние может содержать все признаки преступления.

В данном контексте, как нам представляется, институт малозначительности деяния сформулирован в ч. 2 ст. 14 УК РФ неудачно, поскольку позволяет делать двусмысленную и противоречивую трактовку: все признаки преступления есть, а самого преступления нет. Неудачным представляется и использование словосочетания «формально содержащее признаки какого-либо деяния». И что значит «формально»? Значит, может быть «нефор-

мально»? Не забудем, что термин «формальность» имеет в юриспруденции достаточно четкое и строгое содержание, и использовать его в нигилистически-правовом плане (формально преступление, а на самом деле нет) вряд ли целесообразно.

Как нам представляется, о признаках деяния (преступления) законодателю в этой статье уголовного закона (ч. 1 ст. 14 УК РФ) не нужно вообще упоминать, и акцент следует сделать на иных аспектах, а именно на объективной стороне и субъекте деяния. В итоге мы полагаем целесообразным ч. 2 ст. 14 УК РФ сформулировать следующим образом: «Если действиями (бездействием), указанными в статьях Особенной части настоящего Кодекса, причинен вред, не дающий оснований оценивать такие действия (бездействие) как общественно опасные, то совершившее его лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности».

1. Цепелев В., Мартыненко Н. Малозначительность деяния в судебной практике и интересы потерпевшего // Уголовное право. 2012. № 3.

2. Мальцев В.В. Квалификация деяний без судебного приговора // Рос. следователь. 2013. № 13.

3. Шаратов Р.Д. Квалификация мелкого хищения при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных уголовным законом // Законность. 2013. № 7.

4. Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005.

5. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2015).

6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012.

7. Уголовное право России. Общая часть / под ред. В.П. Ревина. М., 2009.

1. Tsepelev V., Martynenko N. Insignificance of act in judiciary practice and interests of the suffered // Criminal law. 2012. № 3.

2. Maltsev V.V. Classification of acts without an adjudication // Russian investigator. 2013. № 13.

3. Sharapov R.D. Qualification of small theft in the presence of the qualifying signs provided by the criminal law // Legality. 2013. № 7.

4. Bagirov Ch.M. Insignificance of acts and its criminally-legal value: diss. ... Master of Law. Tyumen, 2005.

5. About modification and additions in the Criminal code of the Russian Federation: fed. law of June 25, 1998 № 92-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.01.2015).

6. Criminal law of the Russian Federation. The general part. / ed. by V.S. Komissarov, N.E. Krylova, I.M. Tyazhkov. Moscow, 2012.

7. Criminal law of Russia. The general part / ed. by V.P. Revin. Moscow, 2009.

**Антонян Юрий Миранович**

доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный деятель науки РФ,  
главный научный сотрудник ВНИИ МВД России  
(e-mail: antonyaa@yandex.ru)

## *Бессознательное в корыстном преступном поведении*

Дана общая характеристика мотивов корыстного поведения, истоков их формирования, что связывается с отношениями в родительской семье. Исследованы бессознательные корыстные мотивации, их содержание. Каждый бессознательный мотив рассмотрен отдельно, показано соотношение бессознательных мотивов с сознательными стимулами поведения.

**Ключевые слова:** корыстное поведение, мотивация и мотивы, бессознательное и бессознательные мотивы, утверждение и самоутверждение, защита, корысть, игра.

**Yu.M. Antonyan**, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Chief Researcher of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: antonyaa@yandex.ru

### **Unconscious in mercenary criminal behavior**

The article offers a general characteristic of mercenary criminal behavior motives and their origins which are connected with the relationships within one's parental family. The unconscious mercenary motivations are studied along with their contents. Each unconscious motive is viewed separately and the correlation between the unconscious motivations and the conscious behavior incentives is explained.

**Key words:** mercenary behavior, motivation and motives, unconscious and unconscious motives, affirmation and self-affirmation, defense, profitmotive, game.

**П**режде всего, необходимо сделать несколько предварительных замечаний: 1) следующие ниже выводы основаны на результатах изучения личности и поведения осужденных за кражи, присвоение, растраты, взяточничество, т.е. за самые распространенные преступления (около 90% всех корыстных преступлений); 2) корыстные преступники чрезвычайно разнородны как по социальным, так и по психологическим свойствам, поэтому и мотивацию их преступного поведения лучше изучать применительно к отдельным типам, но, тем не менее, вначале представляется необходимым дать самые общие характеристики корыстных преступников; 3) существует множество определений бессознательного в психике, мы же будем понимать под бессознательным невспоминаемые впечатления детства и ранней юности (по причинам травматичности, болезненности, а также ненужности), инстинкты и автоматизмы.

В целом названная категория правонарушителей, особенно по сравнению с насильственными преступниками, более, так сказать, благополучна по своим социальным статусам (прежде всего расхитители и взяточники) и многим психологическим характеристикам.

Так, среди них меньше выражены такие черты, как тревожность, паранояльность, страх смерти, они значительно менее отчуждены и одиноки.

Воры менее однородны по своим психологическим свойствам, чем насильственные преступники. По сравнению с насильственными преступниками воры в своей массе являются более социально адаптированными, они менее импульсивны, обладают меньшей ригидностью и стойкостью аффекта, более лабильны и подвижны, у них меньше выражены тревога и общая неудовлетворенность социальным положением.

Агрессивность воров значительно ниже, чем у насильственных преступников, и они в большей степени могут контролировать свое поведение. Для воров характерна также, по сравнению с другими преступниками (кроме расхитителей), относительно хорошая ориентация в социальных нормах и требованиях, сочетающаяся с внутренним их неприятием. Основное, что отличает воров от других преступников, – то, что воры более общительны, в большей степени стремятся к установлению контактов, у них низкий уровень тревожности и чувства вины (исключая расхитителей).



Воры занимают как бы промежуточное положение между расхитителями и насильственными преступниками. Вместе с тем, среди воров значительна доля тех, кто имеет ярко выраженные акцентуации и психические аномалии. По своим психологическим характеристикам совершившие кражи государственного, общественного, корпоративного и иного неличного имущества более схожи с виновными в присвоениях и растратах, чем с теми, кто совершил кражи личного имущества.

Из общей массы обследованных воров выделяется группа квартирных воров, которая, как показал сравнительный анализ, имеет отличительные психологические признаки. Они с большим пренебрежением относятся к социальным нормам и этическим ценностям, их социальная адаптация в то же время хуже, чем у других категорий воров. По психологической характеристике и степени выраженности личностных свойств они наиболее близки к лицам, совершившим насильственные преступления. Такие результаты можно объяснить, очевидно, тем, что в преступлениях квартирных воров есть элементы насилия, но это насилие применяется не к конкретному физическому лицу, а к тому, что мешает овладеть его имуществом (замки, дверь и т.д.). Очевидно, поэтому некоторые квартирные кражи легко перерастают в грабежи, разбои, а иногда и убийства, т.е. квартирный вор психологически готов к применению насилия к любым элементам ситуации, которые могут помешать ему овладеть чужим имуществом, в том числе и по отношению к случайно оказавшемуся дома хозяину квартиры или невольному свидетелю преступления.

Следует отметить, что среди различных категорий воров распространен тот же психологический тип (или его вариации), что и среди насильственных преступников, но в процентном отношении их меньше.

Лица, совершившие преступления в сфере экономики, расхитители и взяточники занимают особое место как среди преступников вообще, так и среди корыстных в частности в связи с неоднородностью лиц, совершающих такого рода преступления. Психологические особенности расхитителей и воров играют разную криминогенную роль, проявляются по-разному при совершении хищений или краж. Но в целом те и другие отличаются от насильственных и корыстно-насильственных преступников. В связи с корыстными преступными посягательствами и соответствующими им мотивами могут про-

являться в большей степени одни личностные качества, а при совершении насильственных – другие. Но такая проявляемость значительно колеблется в рамках отдельных типов расхитителей и воров.

Применительно к корыстным преступлениям достаточное распространение получила точка зрения, что в их совершении весьма значима конкретная жизненная ситуация, в которой оказался виновный. В этой связи особенно часто называют его материальную нужду, потребность в обеспечении себя необходимыми благами. Иными словами, речь идет о неблагоприятной жизненной ситуации, иногда крайне неблагоприятной. Однако такое мнение недостаточно учитывает полученные в последние годы криминологические данные о том, что имеется определенный тип личности, характерной особенностью которой является попадание в жесткую зависимость от актуальной ситуации. Это поведение избирательно, т.е. субъект попадает в указанную зависимость не от любой ситуации, а только от такой, которая актуализирует его глубинные переживания. Криминологией давно установлено, что из любой ситуации не может быть единственный выход в виде преступных действий, но если субъект избрал, пусть даже бессознательно, именно его, то, значит, в его личности имеются черты, детерминирующие именно данное предпочтение. Противоположная точка зрения, хотя и отдаленно, но напоминает известную схему «стимул – реакция», при которой недостаточно учитывается или даже игнорируется личность.

Кроме того, следует отличать случайное совершение, например, краж от эпизодического. Действительно, человек может совершить только одну кражу, и это будет лишь эпизодом в его жизни, в целом нетипичным для него. Однако это отнюдь не свидетельствует о том, что такой поступок случаен, даже если он не повторится, т.е. кража представляет собой не случайный эпизод для данного субъекта, поскольку он порожден его личностными особенностями. Но взгляд на преступное поведение как закономерное для данного лица отнюдь не означает фатальности и неизбежности такого поведения. Речь идет лишь о внутренней готовности к нему, но она может и не стать реальностью.

Вывод о внутренней закономерности совершения преступления конкретным лицом может быть сделан лишь на основе его глубокого и

всестороннего психологического изучения, знания всего жизненного пути, особенно семейного воспитания на ранних этапах формирования личности. В ходе изучения преступника должны выявляться криминогенные, в том числе латентные, черты, которые в действительности привели к преступлению, а не те, которые лежат на поверхности, создавая обманчивую видимость ведущей криминогенной роли, например ситуации.

Установление мотивов имущественных преступлений, на первый взгляд, не представляет особой сложности, если ограничиваться суждением, что все они совершаются из корысти, ради удовлетворения материальных потребностей, накопления богатства, а также для приобретения одежды, продуктов питания, спиртных напитков, ведения образа жизни, связанного со свободной тратой денег, и т.д. Однако при таком подходе остаются неясными субъективные причины выбора именно корыстных преступлений как способа решения жизненно важных проблем. К тому же, что очень существенно, далеко не каждый корыстный человек, постоянно стремящийся к накоплению материальных благ, способен совершить корыстное преступление и избирает иные пути удовлетворения своих потребностей в этих благах.

Поэтому считаем совершенно недостаточными такие традиционные для криминологии объяснения причин корыстных преступлений, как наличие в сознании правонарушителей целого комплекса антиобщественных взглядов и привычек – стяжательства, корыстолюбия, стремления к личному обогащению любыми путями и средствами, жадности, завистливости, вещного фетишизма, пренебрежения к труду и т.д. Чтобы вскрыть подлинные мотивы совершения рассматриваемых преступлений, необходимо, во-первых, обратиться к анализу жизненного пути преступников, условий их социализации, особенно в детстве, т.е. попытаться вскрыть происхождение мотивов корыстного преступного поведения. Во-вторых, нужно вскрыть иные личностные особенности, которые также способны порождать посягательства на государственное, общественное, личное и иное имущество. В-третьих, исследовать бессознательные мотивы такого поведения.

Относительно первой проблемы можно предположить, что, по-видимому, неблагоприятные условия формирования личности в детстве оказывают весьма существенное влияние на ее дальнейшую жизнедеятельность. Возмож-

но, корыстные мотивы связаны с названными условиями: дефицит эмоционального общения в детстве, невключение в стойкие эмоциональные контакты, ненадлежащая эмоциональная матрица семьи в целом формируют общую неуверенность индивида в жизни, неопределенность его социальных статусов, тревожные ожидания негативного воздействия среды. Эти особенности закрепляются в нем и оказывают существенное влияние на его поведение.

Совершение многих имущественных преступлений, в частности краж, является своеобразной компенсацией эмоционального дефицита, порожденного психологическим отчуждением в детстве. По-видимому, происходит это потому, что такие преступления предоставляют субъекту материальные средства для того, чтобы прочнее и увереннее ощутить свое место в жизни, тем самым преодолеть состояние неуверенности и тревожных ожиданий, генетически связанных с указанными неблагоприятными условиями раннего развития. Подтверждают это и случаи совершения краж и хищений для приобретения спиртных напитков. Давно известно, что их употребление снимает указанные состояния, но лишь временно. Затем они наступают вновь, опять порождая потребность в алкоголе, и т.д.

Однако эти предположения еще не полностью раскрывают причины того, почему общая неуверенность преодолевается именно с помощью краж или других имущественных преступлений. Здесь необходимо иметь в виду следующие обстоятельства. Многие криминологические исследования показывают, что в очень редких случаях родители непосредственно втягивают детей в преступную деятельность, советуют им совершать преступления и т.д. Их негативное влияние обычно проявляется в том, что они подают личный пример отрицательного отношения к законам и моральным запретам, ведут антиобщественное существование, совершая правонарушения, что обычно не остается секретом для ребенка, юноши и девушки. Однако это не означает, что подросток обязательно воспримет существующие нормы и стандарты поведения. Этого не произойдет, если у него нет необходимых эмоциональных контактов с родителями. Именно поэтому он не воспринимает их как тех, чьим взглядам и поведению нужно следовать.

Чаще же всего родители будущего правонарушителя вообще не совершают никаких противозаконных действий. Напротив, они

обычно предпринимают необходимые, по их мнению, усилия для нравственного воспитания своих детей или, как минимум, пытаются добиться внешне нравственно послушного (законопослушного) поведения. Но их усилия в большинстве своем не достигают цели, если исходят от лиц, с которыми у ребенка (подростка) нет эмоциональных связей или они существенно ослаблены. Он если и слушает их, то не слышит, т.к. не воспринимает именно от них нравственные нормы и представления. Социально-психологическая изоляция от семьи, препятствуя развитию адаптационных возможностей и формируя общее отчуждение личности, затрудняет обучение и воспитание в школе, установление и поддержание там позитивных отношений в формальных и неформальных группах.

Отсутствие необходимых психологических взаимосвязей в семье и школе, как правило, компенсируется их установлением в неформальных малых группах, также обычно состоящих из лиц, не имеющих прочных связей в семье и школе. Если последние придерживаются антиобщественных ориентаций в плане способов приобретения материальных благ, то при стремлении к идентификации с ними, обретению членства в них, постоянному общению с участниками таких групп нормы и ценности последних сравнительно быстро и легко аккумулируются личностью, что и объясняет выбор именно корыстных преступных действий как способа получения таких благ.

Обладание материальными благами придает человеку уверенность, снижает беспокойство по поводу своей социальной определенности; можно думать, что оно устраняет, часто лишь временно, и чувство зависти. Он способен испытывать удовлетворение и удовольствие, особенно если с помощью похищенного может приобрести какие-либо вещи, в том числе престижные, в лучшую для него сторону изменить образ жизни или поддерживать существующий, который представляется ему наиболее предпочтительным, войти в состав эталонной для него группы, завоевать внимание интересующих его лиц и т.д., а в целом для утверждения своей личности.

Если считать, что корыстные преступления совершаются из корысти, то это лишь частично даст нам ответ на вопрос о субъективных стимулах корыстного преступного поведения. В «Толковом словаре русского языка» (под редакцией Д.Н. Ушакова) и в «Словаре русского

языка» С.И. Ожегова корысть определяется как выгода, материальная польза. В обиходном общении под корыстью понимают крайние формы стремления к получению материальных благ – накопительство, стяжательство, жажду наживы и т.д., однако далеко не все лица, совершающие корыстные преступления, отличаются подобными стремлениями. Так, большинство мелких расхитителей и воров похищенные ценности сразу или почти сразу расходуют. Крайние же формы корысти характерны в основном для крупных расхитителей, коррупционеров, и небольшой части воров, а также тех, кто совершает опасные преступления в сфере экономики. Поэтому обиходное понимание корысти неприменимо ко всем случаям совершения имущественных преступлений.

Корысть как мотив совершения преступления означает, что в основе побудительных причин общественно опасного деяния лежит стремление получить какую-либо материальную выгоду, имущество, вещи, деньги. Но корысть не всегда связана со стремлением к незаконному обогащению, незаконному получению какой-либо материальной выгоды за счет других с нарушением их имущественных отношений, права собственности.

Собственно мотивы корысти исключительно социального происхождения, и формируются они путем восприятия норм и стандартов среды – семьи, неформального окружения. Но те же социальные условия жизни конкретного лица в сочетании с его природными задатками приводят к образованию и функционированию таких его психологических особенностей, которые также обладают значительной мотивирующей силой и активно включены в детерминирующий комплекс корыстного преступного поведения. Их знание позволяет понять не только то, ради удовлетворения каких материальных потребностей совершаются имущественные преступления, но и что «выигрывает» от этого человек в психологическом плане, каков личностный смысл таких действий. Эти «выигрыши» различны для различных типов корыстных преступников. Связанные с ними мотивы корыстных преступлений условно могут быть названы «некорыстными».

Так, среди расхитителей и виновных в кражах заметно выделяется тип личности, характеризующийся некоторой выключенностью из социального общения, слабыми контактами со средой, в том числе по причинам субъективно ограниченных адаптационных возможностей. В

то же время они стремятся к общению, обретению членства в малых группах. Для них одним из основных мотивов, смыслом совершения хищений и краж является сохранение или приобретение значимых для них отношений с другими людьми, преодоление своего отчуждения, дезадаптации, одиночества, приспособление к группам, поиск поддержки в них. Например, некоторые расхитители, как показывает их изучение, вверенное им имущество вначале просто раздают, разбазаривают его для завязывания и закрепления знакомств. Впоследствии сюда могут присоединиться и корыстные стимулы, приобретающие значительную мотивирующую силу.

Среди корыстных преступников есть лица, личностным смыслом которых является, прежде всего, утверждение себя, своей личности на социальном, социально-психологическом или индивидуальном (самоутверждение) уровнях. Разумеется, здесь присутствует и корыстный мотив, который выступает как параллельный, сопутствующий. Таким образом, налицо полимотивация, при этом корыстный мотив сопутствует и переплетается с утверждением (самоутверждением), престижными соображениями, утверждением своего авторитета, «преподнесением» себя. Рассмотрим все три названных уровня отдельно и в их взаимосвязи.

Утверждение своей личности на социальном уровне означает стремление к достижению определенного социального положения, связанного с трудовой, профессиональной или общественной деятельностью, часто без ориентации на микроокружение, мнение и оценки которого могут не иметь никакого значения. Выдвижение на социальном уровне обычно соотносится с завоеванием престижа и авторитета, карьерой, обеспечением материальными благами. Лица, совершающие наиболее опасные преступления в сфере экономической деятельности, крупные расхитители и взяточники обычно стремятся к утверждению на этом уровне.

Утверждение на социально-психологическом уровне предполагает стремление к приобретению признания со стороны личностного значимого окружения, в том числе ближайшего, т.е. на групповом уровне. Этот последний включает утверждение себя и в глазах эталонной группы, с которой в данный момент субъект может и не иметь необходимых контактов. В таких случаях преступление выступает в качестве способа его включения в подобную группу. Утверждение на социально-психоло-

гическом уровне может осуществляться и вне зависимости от социального признания в широком смысле, от карьеры, профессиональных достижений и т.д. Для многих людей, особенно молодежи, такого рода признание является вполне достаточным.

Под самоутверждением или утверждением на индивидуальном уровне надо понимать стремление человека к высокой оценке и самооценке своей личности и вызванное этим стремлением поведение. Это явление представляет собой тенденцию к повышению самооценки, самоуважения, уровню собственного достоинства. Однако реализуется это часто не путем требуемых оценок со стороны других групп или общества, а изменением отношения к самому себе благодаря совершению определенных поступков, направленных на преодоление своих внутренних психологических проблем, неуверенности в себе, субъективно ощущаемой слабости, низкой самооценки. Причем важно отметить, что все это чаще всего происходит бессознательно.

За самоутверждением стоит стремление человека ощущать себя источником изменения в окружающем мире, принять себя и защитить от окружающего мира и от самого себя, своих сомнений и колебаний, своих страхов. Это стремление представляет собой некоторый руководящий принцип, который пронизывает различные мотивы. Оценки окружающих, вознаграждения и возможные наказания, внешнее давление – все это может снижать уровень переживаемого самоутверждения вплоть до появления ощущения полной зависимости. Человек же стремится противостоять этому, и чем лучше это ему удастся, тем сильнее он ощущает себя хозяином положения, а чем хуже это ему удастся, тем сильнее он ощущает себя игрушкой внешних обстоятельств, тем больше он воспринимает свою деятельность (даже и успешную внешне) как обесцененную и мотивированную лишь внешне.

Утверждение своей значимости, стремление доминировать над окружением и управлять им может реализовываться и путем накопления значительных материальных богатств, и путем обычно длительного совершения корыстных преступлений. Можно считать, что мотивом преступных действий для представителей названного типа преступников является утверждение себя в жизни. Для этого типа характерны честолюбие, целеустремленность, решительность, стремление к лидерству. Они отличают-

ся хорошей приспособляемостью, т.к. ориентируются в социальных нормах и требованиях, имеют социальный опыт и могут контролировать свое поведение. Для них совершение корыстных преступлений не игра, и они стараются сделать все, чтобы избежать разоблачения.

Как показывают эмпирические исследования, крупные расхитители часто не в состоянии объяснить, ради чего они длительное время занимались хищениями и еще брали взятки, в чем для них смысл такого поведения. Никто из них не связывал его с прожитой жизнью.

Утверждая себя в жизни, такого типа преступники обычно утверждают и в собственных глазах. Самоутверждение, один из самых мощных стимулов человеческой активности, в психологическом аспекте нейтрально и становится криминологически значимым лишь в зависимости от того, какими способами реализуется.

Основная психологическая проблема преступников, стремящихся к самоутверждению путем совершения корыстных уголовно наказуемых действий, состоит в том, что их представление о себе и самооценка часто расходятся с их реальным положением в социальной среде. Поэтому у многих из них отмечается чувство неудачника, неудовлетворенность собой, нет ощущения своей личной ценности. Эти ощущения и связанные с ними переживания обычно бессознательны. Сознательно же такие люди в общении с другими могут оценивать себя достаточно высоко, но это, как правило, не более чем попытка компенсации на вербальном уровне. На самом деле часто происходит расхождение их притязаний с их реальными, объективными достижениями и возможностями. Этот разрыв приводит к определенному поведению, в данном случае преступному, как способу самоутверждения и защиты представления о себе. Самоутверждение нередко влечет за собой активную деятельность и приводит к реальным результатам.

Самоутверждение весьма характерно, например, для расхитителей так называемого престижного типа, которые стремятся к приобретению или сохранению определенного социального статуса любой ценой, в том числе путем совершения преступления. Недостижение такого статуса, равно как и «падение вниз», — для них подлинная жизненная катастрофа. Можно думать, что ведущим глубинным мотивом, личностным смыслом их преступлений является опасение, даже страх быть подавленным, униженным, возможно, даже уничтожен-

ным внешней средой, а отсюда неосознанное стремление занять такое место в жизни, которое позволило бы оказать этой среде нужное сопротивление.

Именно такого рода мотивы определяют преступное поведение многих современных нувориш, особенно тех, кто неожиданно для самого себя разбогател в первые постсоветские годы. Подобные же мотивы порождают экономические и должностные преступления тех, которые сейчас пытаются вырвать у них хотя бы часть добычи.

Имущественные преступления часто совершаются лицами, находящимися за рамками социально одобряемых связей, отношений и групп, ведущими антиобщественный, паразитический, часто бездомный образ жизни. Это в основном лица, которые систематически занимаются бродяжничеством и для которых характерен уход из социальной жизни. Многие из них являются привычными пьяницами и алкоголиками, совершают кражи и другие правонарушения корыстного характера. Однако ими движет не стремление к накоплению материальных благ как таковых, а желание обеспечить свое отчужденное существование. В большинстве случаев и потребность в спиртных напитках. Поэтому мотивы корыстных посягательств со стороны таких дезадаптированных личностей могут быть определены как «обеспечение» единственного субъективно приемлемого существования.

Как мы видим, можно выделить такие мотивы корыстных преступлений, как «утверждение» (и его разновидность «самоутверждение») и «обеспечение». Разумеется, границы между ними достаточно условны и подвижны. Так, можно рассматривать кражи, взяточничество и хищения с целью накопления материальных благ тоже как обеспечение определенного образа жизни, но в этом случае преступления совершаются для того, чтобы утвердиться в социальной среде, а при дезадаптивном образе жизни, уйдя от нее, с помощью мелких краж сохранить субъективно приемлемую жизнедеятельность.

Возникает чрезвычайно важный вопрос, являются ли «некорыстные» мотивы единственными или, по крайней мере, всегда ведущими, отсутствуют ли здесь собственно корыстные мотивы или, соответственно, они занимают подчиненное положение по отношению к названному. На наш взгляд, корыстные мотивы действуют наравне, параллельно с «некорыст-

ными», обладая подчас такой же стимулирующей силой, но во многих случаях те либо другие играют доминирующую роль. Так, преобладание игровых мотивов может наблюдаться, когда субъект начинает совершать корыстные преступления. В дальнейшем, когда он осознал в должной мере материальные, порой значительные, выгоды от их совершения, его действия в основном начинают диктоваться корыстью. Здесь потребность в игре выступает в качестве пускового механизма, но продолжает действовать и в дальнейшем.

Однако нам известны случаи, когда корыстные устремления и потребности при совершении корыстных же преступлений полностью отсутствовали – безраздельно доминировали мотивы приспособления к группе и мотивы игры.

Следует особо подчеркнуть, что рассмотренные так называемые «некорыстные» мотивы, а с другой стороны, собственно корыстные дополняют и усиливают друг друга, придавая преступному поведению целенаправленный, а в ряде случаев и устойчивый характер, повышая его собственную опасность. В этом можно видеть одну из главных причин длительной преступной деятельности многих расхитителей, высокого уровня специального рецидива, особенно среди лиц, совершающих кражи. Таким образом, корыстное преступное поведение полимотивированно. Нижний, глубинный слой почти всегда бессознательный.

Среди мотивов преступного поведения, в том числе корыстного, могут быть игровые. Им соответствует игровой тип личности, весьма сложный с психологической точки зрения.

В самом общем виде можно сказать, что представителей «игрового» типа отличает постоянная потребность в риске, поиске острых ощущений, связанных с опасностью, включение в эмоционально возбуждающие ситуации, стремление участвовать в различного рода операциях, контактах и т.д. Корыстные побуждения, как правило, действуют наряду с «игровыми», поскольку одинаково личностно значимы как материальные выгоды в результате совершения преступлений, так и те эмоциональные переживания, которые связаны с самим процессом преступной деятельности. Особенно важно подчеркнуть последнее обстоятельство, существенным образом отличающее «игроков» от представителей других типов, а именно то, что для них психологически весьма существенен сам процесс такой

деятельности. Более того, встречаются случаи, когда этот процесс играл ведущую мотивирующую роль, а остальные стимулы как бы отодвигались на второй план. Многие из них, помимо реализации стремления к острым, захватывающим ощущениям, стремятся также и обратить на себя внимание.

Склонность к игре и «игровая» мотивация не являются чем-то, что присуще только преступникам. Можно перечислить множество видов деятельности, связанных с риском, эмоционально возбуждающими ситуациями и т.д., например у альпинистов, автомотогонщиков, каскадеров, у представителей тех профессий, чья работа представляет определенную опасность. Этими видами деятельности занимаются те, кто индивидуально к этому предрасположен и обладает соответствующими способностями. Выбор же противоправной или законопослушной формы реализации «игровой» тенденции в решающей степени зависит от нравственности личности, ее воспитания.

«Игровая» мотивация часто скрыта за иными побуждениями, например престижными, но это отнюдь не означает ее отсутствия. Наличие «игровой» мотивации позволяет объяснить совершение многих хищений, преступлений в сфере экономической деятельности, взяточничества в течение длительного времени, когда, казалось бы, преступник похитил уже достаточно много и мог бы удовлетвориться незаконно приобретенными материальными благами, однако он продолжает совершать преступления. Это обычно вызывает удивление, тем более, что постоянно возрастает риск быть разоблаченным, да и наказание в этих случаях предполагается более суровым. Я считаю, что в некоторых подобных случаях преступная деятельность стимулируется уже не столько корыстью или давлением соучастников, сколько потребностью участвовать в игре, получая от этого определенные эмоциональные ощущения.

«Игровая» мотивация особенно часто наблюдается в преступлениях воров-карманников и нередко тех, кто совершает кражи из квартир, складов, магазинов и других помещений. Эта мотивация ярко проявляется в мошенничестве, где можно выделить интеллектуальное противоборство, состязание в ловкости, сообразительности, умение адекватно оценивать складывающуюся ситуацию, максимально использовать благоприятные обстоятельства и быстро принимать наиболее правильные решения. Как правило, мошенники не совершают

других преступлений, а если и совершают, то почти всегда с элементами игры. Карточные шулеры, например, играют как бы в двойную игру – и по правилам, и обманывая, так что получают от всего максимальные эмоциональные переживания. Вообще распространенность азартных игр среди преступников, в первую очередь корыстных, объяснима как раз постоянным стремлением к игре многих из них.

Психологическое исследование «игроков» из числа корыстных преступников показало, что по характерологическим особенностям можно выделить два их основных подтипа: игровой активный и игровой демонстративный. Для первого из них характерно сочетание способности к длительной активности и импульсивности. Соединение этих свойств рождает тип личности с постоянным влечением к острым ощущениям и переживаниям. Им присущи активный поиск возбуждающих ситуаций и постоянная потребность во внешней стимуляции, что сочетается с пренебрежением социальными нормами, правилами, обычаями, сверхактивность, импульсивность в поступках, безответственность. Это люди, в значительной степени идущие на поводу своих влечений и желаний, у них часто встречается склонность к злоупотреблению алкоголем, бесконечной праздности, легкой жизни. Они чрезвычайно общительны, легко устанавливают контакты с другими людьми, всей душой отдаются играм. Совершая корыстные преступления, эти лица преследуют не только цели обогащения, но и удовлетворения своих потребностей в острых ощущениях, риске, эмоционально возбуждающих ситуациях.

В связи с этим они пускаются на отчаянные авантюры, не испытывая страха перед возможным разоблачением и не думая о последствиях.

Для игрового демонстративного подтипа характерно, прежде всего, сочетание высокой активности с демонстративными чертами. Это личности артистического склада, стремящиеся к демонстрации не только социального благополучия, удачливости, своих неограниченных возможностей, но и ловкости, силы, смекалки, изворотливости. Так, одни из них демонстративно тратят деньги, добытые преступным путем, чтобы произвести впечатление на окружающих, другие, например подростки, упиваются восхищением своих приятелей, являющихся очевидцами того, как ловко они совершают кражу.

Лица игрового демонстративного подтипа обладают хорошо развитым механизмом вы-

теснения эмоций и поэтому сравнительно легко игнорируют трудности и неудачи, с которыми встречаются. Главное для них – это произвести сильное впечатление на окружающих. За счет своей артистичности и психологической пластичности они хорошо приспосабливаются к изменениям ситуации, без особого труда меняют принятую на себя роль, что, конечно, помогает им совершать преступления. В их поведении часто сохраняется игра в нужного, полезного для всех человека, причем обычно они больше говорят, чем делают. По нашим наблюдениям, последние из перечисленных нами психологических черт существенно затрудняют таким лицам возможность занять лидирующие позиции в преступных группах, пользоваться там постоянным авторитетом.

Для объяснения причин «игрового» преступного корыстного поведения нас больше всего должны интересовать инфантильные особенности личности, потому что в таком поведении эмоциональные элементы играют главенствующую роль. Превалирование инфантильности обычно отражает слабую социализацию личности, недостаточное усвоение ею нового опыта и новых ролей, в том числе правил и норм. Здесь развитие субъекта как бы ограничивается его детством, не переходит в следующие стадии, столь необходимые для полноценного формирования личности. Эту мысль можно выразить иными словами: эмоциональная жизненная позиция ребенка остается в относительной нетронутости и находит в будущем непосредственное проявление в поведении. Поэтому преступные действия многих правонарушителей – «игроков» – напоминают детскую игру в прятки, которая является прототипом часто разыгрываемых преступниками игр «полицейские и воры» или «казаки и разбойники».

Как известно, существенным элементом игры в прятки является огорчение, которое испытывает ребенок, когда его обнаруживают. Если кто-нибудь из родителей находит его слишком быстро, огорчение увеличивается и игра перестает носить для него развлекательный и захватывающий характер. Больше всего ребенок доволен тогда, когда его обнаруживают через некоторое время и после определенных поисков. Если поиск слишком затягивается, ребенок начинает подсказывать, где его искать, для этого, например, роняя предметы, ударяя по чему-либо, издавая звуки и т.д., тем самым он заставляет себя найти. Если ребенка перестают искать или ищут слишком долго, то

он обычно испытывает большое разочарование и не чувствует себя победителем, т.к. теряется смысл игры. Тот, кто прячется слишком хорошо и его не могут найти, не считается среди детей хорошим игроком.

Ребенка привлекает в игре в прятки возможность испытывать тревожное ожидание быть обнаруженным, и обязательным условием поэтому является то, что его найдут. Следовательно, объективно он проигрывает, но субъективно выигрывает, т.к. оправдывается его ожидание, вызывая привлекательные для него эмоции. Именно в возможности испытать тревожное ожидание быть обнаруженным и заключен для него личностный смысл игры. Вместе с тем, на наш взгляд, здесь возникает очень важный вопрос о том, почему ребенок в конце концов желает, чтобы его нашли. Можно полагать, что это имеет место потому, что в глазах ребенка взрослый всегда выступает в роли более сильного, умного, сообразительного, в этом качестве (и это очень важно подчеркнуть) он предстает для ребенка как опора и защита в его жизни, в чем он в этот период особенно нуждается. Если отец (или мать) находят ребенка, они тем самым еще раз укрепляют в его представлении названные выше качественные характеристики своего образа для него, тем самым демонстрируя ему устойчивость и надежность своего существования и тех нужных для него отношений в том мире, в котором он живет и нуждается в защите, с другой стороны, если ребенок хорошо спрятался и его не могут найти, игра теряет развлекательные моменты и превращается в процедуру взрослых, что неинтересно ребенку и поэтому не нужно.

Пример с игрой в прятки так подробно проанализирован потому, что игра является одним из возможных прототипов игрового поведения взрослых людей. Разумеется, из сказанного отнюдь не следует, что те дети, которые во время игры в прятки не были (или были) обнаружены взрослыми, в жизни затем будут вести

себя как игроки или не будут. Приведенный пример носит иллюстративный характер и показывает, что, если полноценное психологическое развитие личности не будет обеспечено, она может воссоздавать примерно то поведение и те отношения, которые у нее были в детстве. Это означает, что когда уже у взрослого человека возникают психологические, эмоциональные проблемы, то он пытается разрешить их теми же способами и подходит к ним с тех же позиций, что и в детстве. Такое поведение на психологическом уровне направлено на то, чтобы подтвердить свою первоначальную детскую эмоциональную установку к родителям, старшим как к сильным и умным, а к самому себе, как к более слабому и требующему защиты.

Родители и другие ближайшие значимые люди в более старшем возрасте бессознательно начинают отождествляться с обществом, с его социальными институтами и требованиями. С ними он вступает в игровые взаимоотношения, при этом мир воспринимается как оставшийся устойчивым и прежним в том смысле, что в нем существуют те же силы и те же отношения, что и в детстве. Иными словами, роль родителей и старших теперь, когда человек стал взрослым, играют общество и его правила, которые сильнее и которым он поэтому психологически должен подчиняться, как это было в детстве. Противостоять обществу, противодействовать ему такой человек (при наличии, конечно соответствующих нравственных особенностей) может преимущественно в форме игровых отношений по типу, например, игры в прятки. Взрослые аналоги ее для преступников могут называться «полицейские и воры», «ревизоры и расхитители», «таможенники и контрабандисты» и т.д. Все эти игры имеют ту же психологическую структуру и тот же психологический смысл, что и игра в прятки. Роли те же самые, но, правда, их исполнители и объективные последствия – иные.



**Игнатов Александр Николаевич**

доктор юридических наук, старший научный сотрудник,  
профессор кафедры уголовного права и криминологии  
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: aleksandrignatov@mail.ru)

**Ильянович Екатерина Борисовна**

кандидат философских наук, доцент,  
доцент кафедры культурной антропологии и этнографического туризма  
Крымского университета культуры, искусств и туризма  
(e-mail: mknovik@mail.ru)

## *Методологические основы исследования преступности*

Анализ специфики, а также подбор соответствующего методологического инструментария в исследовании феномена преступности как мультифакторного социально-правового явления, имеющего биосоциальную этиологическую природу, актуализирован существенной нехваткой в структуре современной криминологической науки широкого применения комплексных теоретико-методологических программ систематического изучения данного явления.

**Ключевые слова:** преступность, методология, абстрагирование, анализ, синтез, системный подход, биосоциальная природа преступности.

**A.N. Ignatov**, Doctor of Law, Senior Researcher, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aleksandrignatov@mail.ru;

**E.B. Ilyanovich**, Master of Philosophy, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Cultural Anthropology and Ethnographic Tourism the Crimean University of Culture, Arts and Tourism; e-mail: mknovik@mail.ru

### **Methodological grounds of studying crime**

Analysis of specifics, as well as selection of the appropriate methodological tools in studying the crime as a multifactor, social and legal phenomenon having biosocial etiological nature, is updated by the substantial shortage of widespread complex theoretical and methodological programs in the structure of modern criminological science, systematic study of this phenomenon.

**Key words:** crime, methodology, abstraction, analysis, synthesis, system approach, biosocial nature of crime.

**С**пецифика методологии науки о преступности характеризуется ярко выраженным междисциплинарным статусом. Достаточно прочно утвердившаяся в системе юридического знания еще в прошлом столетии, она опредмечивается через особенности собственного проблемного поля. За время существования юридической науки вообще и криминологии в частности был выработан достаточно эффективный методологический инструментарий изучения феномена преступности.

Как междисциплинарная наука, криминология, прежде всего, граничит с такими науками, как правоведение и социология. С первой из указанных наук криминологию объединяет общее проблемное поле. Социология и социальная психология, в свою очередь, оказы-

ваются полезными благодаря эффективным методам изучения социальной реальности (Э. Дюркгейм, О. Конт, Г. Тард, Г. Ле Бон, С. Московичи и др.). В связи с этим криминология достаточно успешно применяет методологический и концептуальный аппарат данных наук. Очевидно, что некоторые явления и процессы, детерминирующие преступность, имеют экономическую составляющую (а иногда и основу), соответственно, криминология по методологическим аспектам взаимодействует еще с одной наукой – экономикой. По аналогии с вышеизложенным закономерна и необходима связь криминологической науки со статистикой, психологией, педагогикой, демографией, генетикой, психиатрией, прогностикой и т.д. Она с успехом пользуется знанием и методологией таких наук, как физика, химия, биология и др. Таким

образом, можно констатировать факт критического заимствования части методологического инструментария указанных выше наук и на поверхностном уровне анализа, казалось, различных по своему предмету сфер знания. Следует подчеркнуть, что данный инструментарий используется в криминологии благодаря одному обстоятельству – каждая из этих сфер знания пытается объяснить и описать специфику и закономерности проявления биосоциальной природы человеческого существа.

В целом современная криминология обладает существенной базой теоретико-методологических разработок (Ю.М. Антонян, Г.Н. Горшенков, А.П. Данилов, С.У. Дикаев, А.П. Закалюк, П.А. Кабанов, Г.Л. Касторский, В.В. Колесников, А.Н., Костенко, А.Н. Литвинов, В.В. Лунеев, С.Ф. Милюков, О.В. Старков, В.С. Харламов, Д.А. Шестаков и др.) по исследованию преступности. Однако практическое применение криминологами наработанного инструментария не отличается программностью и комплексным характером. Существенным недостатком большинства современных криминологических исследований является отсутствие, прежде всего, самой программы комплексного, систематического и, самое главное, по нашему мнению, системного изучения как феномена преступности в целом, так и отдельных его проявлений. Именно последнее смогло бы обеспечить теоретико-методологическую платформу для разработки эффективных мер противодействия преступности.

Как известно, особенности методологической базы (инструментария) любого исследования определяются спецификой объекта, его предметной сферы, а также обусловлены поставленными исследователем целью и задачами. При изучении преступности как основного предмета криминологической науки необходимо учитывать сложные природные и общественные явления и процессы, прямо или косвенно конституирующие собственно сам феномен преступного поведения. Именно так исследовательским объектом здесь становится довольно широкое и насыщенное многочисленными детерминантами проблемное поле. Оно содержит в себе комплекс взаимосвязанных явлений и процессов, протекающих в различных сферах жизни общества, а также разнообразные характеристики и проявления биосоциальной природы человека. Для исследования такого широкого и многопланового поля, учитывая сложности выхода за рамки предметной области криминологии, необходим соответствующий методологический инструментарий, который составил бы комплексную исследовательскую программу изучения преступности с учетом всех ее характеристик.

В основе методологической организации (программы) исследования любого феномена (в том числе преступности как в целом, так и отдельных ее видов) должен лежать определенный подход, позволяющий максимально эффективно исследовать и наиболее полно познать изучаемый феномен. Опираясь на информационный базис различных наук, криминология в рамках определенного объективного научного подхода развивает и углубляет представления о преступности.

Сложность и многоаспектность феномена преступности инициирует специфические методологические интенции в вопросах его разностороннего исследования. Одной из таких интенций выступает утвердившийся в последние десятилетия в философской и научной методологии интервальный подход [1; 2], который позволяет рассмотреть преступность в качестве многомерного феномена.

Интервальный подход как основа методологии многомерного постижения реальности зародился в недрах философского знания 60-х гг. XX в. И, являясь, по сути, неким обобщением и дальнейшей разработкой принципа дополнительности Н. Бора, по своим концептуальным истокам связан не только с естествознанием, но и с социально-гуманитарным знанием. Среди всех предложенных автором самой концепции Ф.В. Лазаревым принципов интервальности, говорящих как о многомерности мира и любого явления социальной и природной реальности, так и об относительности всякой истины и ее определимости условиями познания, важное значение для исследования непосредственно феномена преступности имеют следующие: любой предмет, вещь, явление имеет много сторон, граней, измерений, аспектов; любой объект природы, общества, познания существует и определенным образом проявляет себя не вообще, а лишь в конкретных условиях; описание каждого отдельного измерения объекта подчиняется принципу непротиворечивости; описания различных измерений одного и того же объекта могут противоречить друг другу; множественность взглядов на один и тот же объект означает невозможность существования абсолютного взгляда на объект в целом; описание множества измерений объекта при помощи специальной интервальной оптики способно охарактеризовать многомерную структуру изучаемого явления [1]. Таким образом, именно с позиции интервального подхода преступность как многомерный феномен в зависимости от целей исследования можно рассмотреть в разных интервалах: биологическом, физическом, психическом, социальном, культурном, правовом, духовном. Именно син-

тез полученных знаний может лечь в основу всестороннего понимания данного сложного и противоречивого феномена.

Реализация программы исследования преступности предполагает наличие конкретной, обусловленной спецификой изучаемого феномена совокупности методов, последовательное использование которых в рамках избранного подхода позволит достичь цели исследования посредством реализации комплекса поставленных задач.

Криминология, как и любая сфера познавательной деятельности, опирается на общенаучную (в том числе формально-логическую) и философскую методологию. К примеру, проводя исследование преступности на теоретическом уровне, криминолог вынужден опираться на фундамент общенаучной методологии – всеобщие категории и принципы познания, выработанные философией науки и общей философией. Кроме того, не обойтись без таких общенаучных методов, как анализ и синтез, абстрагирование и обобщение (конкретизация), дедукция и индукция, систематизация, классификация и др. Их применение – не что иное, как базовые архитектурные процессы, обеспечивающие протекание процесса мышления и функционирования человеческого интеллекта в целом при решении любой ментальной задачи. Это тем более очевидно при процедуре установления истинности или ложности суждения о некоем феномене окружающей действительности. Применение диалектического метода в практике криминологии помогает изучению преступности в динамике общественно-исторического развития, в то время как метафизический уровень анализа призван раскрыть вневременную сущность (эссенцию) данного явления. Системный подход в изучении преступности позволяет раскрыть его специфический системообразующий признак, который конституирует его в качестве системы взаимосвязанных элементов.

Итак, одним из основополагающих методов познания реальности является диалектический метод. Именно диалектический метод позволяет изучить феномен преступности в динамике культурно-исторической эволюции человечества и трансформаций основных подходов к его пониманию в динамике социального познания.

Абстрагирование и обобщение в исследовании феномена преступности. Абстрагирование – важнейший метод и условие постижения реальности, результатом которого является одноименный концепт – абстракция. Процесс освоения мира предполагает выработку соответствующих элементов знания – понятий,

категорий, дефиниций, абстрактных объектов. В науке результаты абстрагирования принято называть абстракциями [3, с. 5]. Юридические науки не являются в данном случае исключением. Абстракция, выступая средством теоретического освоения реальности, занимает важное место в системе способов получения юридического знания, и в частности криминологии. Исследование такого сложного феномена, как преступность, предполагает изучение огромного количества его различных свойств и признаков, среди которых необходимо выделить главные. Именно вследствие этого роль метода абстрагирования сложно переоценить. С его помощью исследователь-криминолог осуществляет мыслительное (внутреннее) отвлечение от второстепенных, незначительных характеристик преступности с целью сосредоточения на главных, т.е. сущностных его особенностях.

Абстрагирование как особая форма познавательной активности представляет собой простейший логический прием, важность которого для криминологии очевидна: преступность как абстрактное понятие легко находит интерпретацию, выраженную на языке чувственного восприятия, используемого в практике юридической науки. Иными словами, феномену преступности как абстрактному объекту, существующему в пространстве мысли, соответствует преступность как эмпирический объект, существующий в пространстве конкретных вещей, явлений и событий.

Применение метода обобщения в рамках интервального подхода позволяет нам рассматривать феномен преступности с точки зрения его существования «извне» как систему запрещенных законом деяний.

Анализ и синтез в исследовании феномена преступности. Изучение преступности как сложного явления посредством его интеллектуального (ментального) разделения на отдельные части (элементы) и их изучения есть анализ. Соответственно, мысленное соединение составных элементов в единое целое представляет собой синтез.

В современной криминогенной обстановке возрастает роль аналитической работы, необходимой для всестороннего исследования и оценки преступности в ее различных аспектах. Достаточно сложная динамика и изменчивость преступности в обществе переходного периода в целом и составляющих ее элементов и их многообразных связей в частности требует от криминологов последовательного применения именно таких общенаучных методологических приемов исследования, как анализ и синтез.

В процессе рефлексии феномена преступности учитываются внешние (объективные)

и внутренние (субъективные) факторы, влияющие на его содержание и динамику. Исходя из внешних позиций, как правило, выявляются механизмы порождения и функционирования феномена преступности. На этом уровне изучаются также социально-правовые характеристики преступности (характер и степень общественной опасности, а также распространенность данного явления в конкретном пространственно-временном континууме). С позиций внутренних факторов преступности посредством анализа исследуются степень организованности, уровень профессионализма субъектов преступлений, виктимологические аспекты данного феномена и др. [4, с. 44].

С целью конкретизации исследования отдельных признаков преступности проводится анализ ее количественных и качественных характеристик. По количественным признакам определяют в целом состояние, уровень и динамику преступности. Состояние преступности – это общее число преступлений и/или число совершивших их лиц за определенный период времени на данной территории. Объективный анализ состояния преступности не критично и неверно с точки зрения методологии проводить без оценки темпов ее роста или снижения, а также темпов роста и снижения количества отдельных групп и видов преступлений, используя при этом относительные показатели – коэффициенты преступности. Данные аналитической оценки преступности будут объективными лишь при комплексном подходе к исследованию состояния и динамики этого явления в конкретных пространственно-временных условиях: в определенном месте и соответствующий момент времени [5, с. 46]. По качественным признакам преступности определяют, прежде всего, структуру и характер преступных деяний, их соотношение. Структура преступности измеряется в отношении различных групп и видов преступлений к их общему числу. Характер преступности выражается в таких признаках, как общественная опасность, степень тяжести, рецидивность преступлений и т.д. Исследование качественных характеристик преступности также предполагает изучение географии, топографии, латентности, цены преступности и пр. Посредством анализа качественных признаков преступности, проявляющихся в течение длительного периода, можно вскрыть ее реальные тенденции и закономерности.

В зависимости от специфики соответствующей информации ее сбор и обработка осуществляются с помощью последовательного применения совокупности конкретно-научных методов: статистических, математических, социологических, психологических и др.

Применение метода синтеза в качестве исследовательской процедуры позволяет соединить различные признаки изучаемого объекта на общей основе с целью его последовательного целостного изучения. Таким образом, анализ и синтез помогают нам выявить специфику феномена преступности в разных его аспектах – как с позиции конституирующих ее внешних, так и внутренних факторов.

Системный метод (подход) в исследовании феномена преступности. Этот универсальный исследовательский метод является результатом длительного развития методологии специально-научного познания реальности, в том числе и социальной действительности (как и отдельных ее составляющих) в качестве системы. Сформировавшись в середине прошлого столетия в рамках парадигмы естественнонаучного знания, системный подход постепенно стал успешно применяться и в гуманитарном познании для исследования сложных социальных явлений в качестве неких целостностей, формируемых взаимодействием составляющих их элементов и находящихся в многообразных связях с внешней средой [6, с. 29].

Анализ основных тенденций развития современной криминологической науки показывает, что на сегодняшний день довольно злободневен вопрос о необходимости систематизации накопленных знаний о таком сложном феномене, как преступность. Об этом свидетельствуют как предпринятые под воздействием общих методологических трансформаций последнего столетия попытки расширения междисциплинарных связей криминологии и создания интегративных теорий преступности (Г.А. Аванесов, В.Л. Васильев, А.Н. Джужа, Ю.Ю. Орлов, К.К. Горяинов, А.И. Долгова, Р.А. Калюжный, М.И. Ковалев, Л.В. Кондратюк, О.М. Костенко, М.В. Костицкий, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Д.А. Ли, А.Р. Ратинов, Г.А. Туманов, Д.А. Шестаков, А.М. Яковлев и др.), так и возрастающая уверенность по поводу перспектив криминологической науки в объяснении сущности данного феномена и выработки комплекса соответствующих мер по его минимизации посредством обращения к знанию о природе человеческого существа, накопленному биологией, психологией, социологией, культурологией, антропологией, философией (А.Н. Васильев, О.В. Бакаев, В.А. Бачинин, В.И. Гончаренко, А.А. Гусейнов, Е.П. Ильин, Е.Б. Ильинович, Ф.В. Лазарев, А.Н. Леонтьев, И.П. Рущенко, А.М. Столяренко, О.В. Филиппова, Д. Хокинс и др.)

Изучая преступность, не стоит забывать, что она представляет собой не только сложное, многомерное явление, детерминированное

множеством биологических и социальных факторов и механизмов, а явление, «включенное» в правовое поле, т.е. является частью правовой реальности. Проблема осмысления подобного феномена требует обращения исследователя к системному методу с целью обеспечения разностороннего, глубокого и целостного постижения феномена преступности в единстве и многообразии указанных детерминант.

Наиболее важное значение для криминологии имеет взаимосвязь двух аспектов применения системного подхода. Первый связан с исследованием преступности как множества взаимосвязанных преступлений и лиц, которые участвуют в их совершении, и обнаружением взаимосвязей между ними. Здесь подвергается анализу сама структура преступности, дается характеристика составляющих ее элементов и изучается их взаимодействие. Второй аспект ориентирован на исследование преступности в условиях более общей системы – общества. На данном уровне системного анализа определяются внешние связи преступности с различными характеристиками социума, выделяются главные из них (в том числе и причинные связи). Здесь также выявляются характерные черты преступности в ее соотношении с другими системами, делаются выводы о том, какую роль выполняет преступность в качестве подсистемы общества, какова ее взаимосвязь с иными негативными социальными отклонениями.

Системный подход дает возможность исследовать преступность в контексте общественных отношений, т.е. в органической взаимосвязи с различными сферами жизнедеятельности социума: экономикой, политикой, культурой, религией и др. Также он позволяет выявить

фундаментальный системообразующий признак всех преступлений – противоправное поведение человека по отношению к другому человеку или обществу в целом, конституируемое спецификой его природы как биосоциального существа. Различные биологические и психические особенности отдельных индивидов в сочетании с определенными природными и социальными условиями могут выступать в качестве детерминирующих факторов преступности. Исследование этих особенностей, а также комплексный анализ общественных явлений и процессов становятся возможными именно благодаря использованию методологических принципов системного подхода, конечной целью применения которого является эффективное влияние на состояние преступности.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Развитие криминологии как самостоятельной науки обусловило формирование соответствующей теоретико-методологической базы, определяемой сложностью предмета изучения и спецификой проблемного поля. Междисциплинарный статус криминологии предоставляет возможность использования различных методологических процедур в исследовании феномена преступности. Комплексное применение в рамках определенного исследователем подхода общенаучных, философских и конкретно-научных методов познания позволяет раскрыть сущность и отдельные характеристики феномена преступности. Системный подход в исследовании преступности позволяет обеспечить разностороннее целостное постижение данного феномена в единстве и многообразии конституирующих его биосоциальных факторов.

1. Лазарев Ф.В. Интервальный подход: истоки и ключевые понятия // *Вестн. Моск. ун-та.* 1991. № 5. С. 34–46.

2. Novoselov M.M. *On epistemological preciseness: interval approach // Science as a subject of study.* Moscow, 1987. P. 88–94.

3. Лебедев С.А. *Философия науки: словарь основных терминов.* М., 2004.

4. Алексеев А.И. *Криминология: курс лекций.* М., 1999.

5. Алауханов Е.О. *Криминология: учеб.* СПб., 2013.

6. Урсул А.Д. *Общенаучный статус и функции системного подхода // Системные исследования: ежегодник, 1977.* М., 1977. С. 29–47.

1. Lazarev F.V. *Interval approach: the origins and key concepts // Bull. of Moscow University.* 1991. № 5. P. 34–46.

2. Novoselov M.M. *On epistemological preciseness: interval approach // Science as a subject of study.* Moscow, 1987. P. 88–94.

3. Lebedev S.A. *Philosophy of science: glossary of key terms.* M., 2004.

4. Alekseev A.I. *Criminology: course of lectures.* Moscow, 1999.

5. Alaukhanov E.O. *Criminology: textbook.* St. Petersburg, 2013.

6. Ursul A.D. *General scientific status and functions of the system approach // Systems research: yearbook, 1977.* Moscow, 1977. P. 29–47.

**Григорьев Виктор Николаевич**

доктор юридических наук, профессор,  
профессор кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя  
(e-mail: grigorev.viktor@gmail.com)

**Терехов Алексей Юрьевич**

кандидат юридических наук,  
заместитель начальника отдела координации научной деятельности в МВД России  
Управления организации профессиональной подготовки  
Департамента государственной службы и кадров МВД России  
(e-mail: terekhov.au@gmail.com)

## *Научный комментарий некоторых оснований заключения под стражу*

В статье на примере конкретной практической ситуации раскрывается одно из оснований применения в качестве меры пресечения заключения под стражу – «может угрожать свидетелю», на основе позиций Верховного Суда РФ формулируются рекомендации по технологии его доказывания.

**Ключевые слова:** уголовный процесс, уголовное дело, обвинение, взятка, мера пресечения, основания заключения под стражу, следователь, дознаватель, суд, свидетель, обвинение.

**V.N. Grigoryev**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia of V.Ya. Kikot; e-mail: grigorev.viktor@gmail.com;

**A.Yu. Terekhov**, Master of Law, Deputy Head of the Department of Coordination of Scientific Activity in the Ministry of the Interior of Russia of Management Vocational Training of the Department of Public Service and Staff of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: terekhov.au@gmail.com

### **Scientific commentary of some basis of detention**

In the article on the example of a particular practical situation reveals one of the bases used as a preventive measure of detention – «could threaten the witness», based on the position of the Supreme Court of the Russian Federation formulated recommendations on the technology of its proof.

**Key words:** criminal procedure, criminal case, prosecution, bribery, preventive measure, grounds of detention, investigator, inquiry officer, court, witness, prosecution.

**В** производстве следователя находилось уголовное дело по обвинению главы городского округа в совершении преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ, – получение через посредника взятки в виде денег, сопряженное с вымогательством, в особо крупном размере, за совершение действий, входящих в его служебные полномочия и в силу должностного положения могущего способствовать таким действиям, а равно за общее покровительство. В отношении главы городского округа избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в последующем срок содержания под стражей был продлен.

Одним из оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу в данном случае послужило то, что глава городского округа имеет возможность оказать

давление на свидетеля-взяткодателя, о чем, по мнению следственных органов, свидетельствуют высказывания обвиняемого в адрес свидетеля-взяткодателя в ходе очной ставки с ним, которые последним восприняты как угрозы. Так, согласно протоколу очной ставки слова обвиняемого свидетелю о том, что тот «сядет» и «сучонок», являются по высказыванию этого свидетеля угрозой в его адрес. То есть свидетель-взяткодатель воспринял в качестве угрозы слова обвиняемого «сядет» и «сучонок». Вместе с тем, обвиняемым на момент проведения очной ставки готовилось официальное заявление на свидетеля-взяткодателя о провокации последним дачи взятки, которое в последующем было подано следователю.

В связи с изложенным возникает вопрос, можно ли при таких обстоятельствах расценивать слова обвиняемого «сядешь» и «сучонок»

в адрес свидетеля-взяточдателя в качестве реальной угрозы.

В соответствии со ст. 97 УПК РФ дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;

2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;

3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Следовательно, среди предусмотренных законом оснований для избрания меры пресечения имеется такое, как угроза свидетелю; сведения об угрозе свидетелю фигурируют в материалах уголовного дела как одно из оснований для избрания в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу.

Однако одного лишь предположения или утверждения о наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый может угрожать свидетелю, недостаточно для вывода об основании для избрания меры пресечения. В целях обоснованного применения мер пресечения требуется, чтобы выводы о наличии указанных в законе обстоятельств, составляющих основания для применения меры пресечения, были, во-первых, подкреплены достоверными, достаточными данными, во-вторых, были реальными и, в-третьих, основывались на оценке этих обстоятельств следователем и судом. Приведенные требования сложились в судебной практике и нашли свое выражение в разъяснениях Верховного Суда РФ.

Итак, первое – требование подкреплять выводы о наличии обстоятельств, составляющих основания для применения мер пресечения, достоверными, достаточными данными.

Такое требование содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [1]: заключение под стражу не может быть избрано в качестве меры пресечения, если отсутствуют предусмотренные ст. 97 УПК РФ основания, а именно: данные о том, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться

от дознания, предварительного следствия или суда, либо продолжать заниматься преступной деятельностью, либо угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, либо уничтожить доказательства, либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (п. 3); при продлении срока содержания под стражей на любой стадии производства по уголовному делу судам необходимо проверять наличие на момент рассмотрения данного вопроса предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований, которые должны подтверждаться достоверными сведениями и доказательствами (п. 21).

Данные о том, что обвиняемый может угрожать свидетелю, основываются на показаниях, данных свидетелем на очной ставке, о том, что «слова обвиняемого свидетелю о том, что он “сядет” и “сучонок” являются угрозой в мой адрес».

Таким образом, в части подкрепления выводов о наличии обстоятельств, составляющих основания для применения меры пресечения, можно заключить, что вывод об угрозе обвиняемого свидетелю подкреплен доказательствами.

Второе – требование, чтобы обстоятельства, составляющие основания для применения меры пресечения, указанные в законе, были реальными, содержится в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»: в качестве оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу могут быть признаны такие фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о реальной возможности совершения обвиняемым, подозреваемым действий, указанных в ст. 97 УПК РФ.

В этой части – реальности угрозы обвиняемого свидетелю – сделанные следователем и продублированные судом выводы не соответствуют действительным обстоятельствам.

В частности, обращение обвиняемого к свидетелю со словом «сучонок» не является само по себе угрозой. Оно является проявлением уничижительного отношения. В этом качестве такое обращение может быть расценено как оскорбление, но не как угроза. Угроза – это выраженное словесно, письменно или другим способом намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам. Нередко угроза

в целях достижения желаемого эффекта содержит обозначение характеристики действий, которые будут осуществлены («убью», «урую», «закопаю», «скормлю свиньям» и т.п.), или характеристики результата («будешь собирать выбитые зубы», «будешь улыбаться с портрета», «тебя найдут за околицей без головы» и т.п.).

Следовательно, обращение «сучонок» не является угрозой, оно может быть расценено лишь как уничижительное отношение обвиняемого к свидетелю, попытка оскорбления.

Сложнее обстоит с оценкой обращения обвиняемого к свидетелю со словом «сядет». На первый взгляд, здесь действительно содержится угроза – словесно выраженное намерение нанести вред свидетелю. Однако в оценке данной угрозы следует исходить не из субъективного ее восприятия свидетелем, а из объективных обстоятельств, свидетельствующих о возможностях и направлениях ее реализации обвиняемым.

Одна ситуация – когда обвиняемый сам или через посредников предпринимает, чтобы «посадить» свидетеля, различные действия, провоцирующие его на совершение преступления: провоцирует свидетеля на драку в подъезде дома, инсценирует совершение им изнасилования в гостинице, провоцирует на получение им взятки на работе и т.п. Или, например, организует спаивание свидетеля, когда тот за рулем, чтобы спровоцировать совершение им дорожно-транспортного происшествия с тяжкими последствиями. Последнее обстоятельство приведено в связи с тем, что, как стало известно из средств массовой информации со ссылкой на источник в ГИБДД, фигурирующий в фабуле дела свидетель-взяточник был задержан накануне праздника Нового года за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Материал по данному факту обнаружен в производстве мирового судьи. Однако объективные данные о том, что обвиняемый причастен к организации употребления свидетелем спиртных напитков накануне праздника Нового года, в связи с чем свидетель был задержан за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, следователем не представлены.

Другая ситуация – когда обвиняемый высказывает перспективы «посадить» свидетеля, основанные на том, что обвиняемый намеревается представить следователю необходимую информацию о действительных

обстоятельствах совершенного преступления и об участии в нем свидетеля, на основании которой следователь изобличит свидетеля в преступлении и привлечет его к уголовной ответственности. В этой ситуации «сядет» объективно означает не угрозу свидетелю как основание для применения меры пресечения, а намерение обвиняемого сотрудничать со следствием. Естественно, такое намерение обвиняемого воспринимается свидетелем как угроза его социальному благополучию. Однако основанием для избрания меры пресечения является не субъективное восприятие свидетелем каких-то обстоятельств как угрозы, а ее объективное присутствие. В данном случае речь идет о намерении совершить законные действия и добиться законного результата (написать заявление с целью «посадить» преступника). Высказывание таких намерений не может расцениваться как основание для избрания меры пресечения в виде угрозы свидетелю. Последующие события подтвердили, что обвиняемый действительно официально подал заявление, изобличающее свидетеля-взяточника в провокации взятки и заведомо ложном доносе.

Третье – требование, чтобы выводы об обстоятельствах, составляющих основания для применения меры пресечения, основывались на оценке этих обстоятельств следователем и судом, сформулировано в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»: в решениях об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения и о продлении срока содержания под стражей должно быть указано, почему в отношении лица не может быть применена более мягкая мера пресечения, приведены результаты исследования в судебном заседании конкретных обстоятельств, обосновывающих избрание данной меры пресечения или продление срока ее действия, доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств, а также оценка судом этих обстоятельств и доказательств с изложением мотивов принятого решения.

В постановлении следователя о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей в отношении обвиняемого утверждается, что он имеет возможность оказать давление на свидетелей на том основании, что реплики обвиняемого в



адрес свидетеля при проведении очной ставки («сучонок», «сядет») были восприняты этим свидетелем как угроза. Собственной оценки данным обстоятельствам следователь не давал. Между тем, при более детальном анализе, предпринятом выше, отчетливо видна несостоятельность такого отношения следователя к требованию оценки обстоятельств и доказательств с изложением мотивов принятого решения о мере пресечения. Суд в этой ситуации вовсе уклонился от собственной оценки, сославшись на то, что у него нет оснований не доверять доводам органа предварительного расследования.

Между тем, исходя из разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, приведенного выше (п. 29), следователь не может просто ограничиться тем, что принять на веру, как свидетель воспринял сказанные слова «угрозы», он должен дать им свою оценку. То же относится и к суду. Свидетель мог испугаться нахмуренной брови, разговора сквозь зубы, презрительного или ненавидящего взгляда. Но следователь должен давать свою оценку: насколько серьезно (как реальную угрозу) можно расценивать слово «сядет», произнесенное в условиях ИВС уже находящимся под стражей обвиняемым в отношении свидетеля, находящегося под государственной защитой. Следователь и суд не дали приведенным словам собственной объективной оценки с мотивировкой принятого решения.

Таким образом, с учетом изложенного можно заключить, что:

1) субъективное восприятие свидетелем обвинения сказанных в его адрес обвиняемым перед началом очной ставки слов «сядет» и «сучонок» как угрозы не является обязатель-

ным для следователя и суда, которые должны самостоятельно оценивать реальные обстоятельства в качестве основания для избрания меры пресечения и их доказательства;

2) сами по себе слова «сядет» и «сучонок», сказанные обвиняемым перед началом очной ставки в адрес свидетеля обвинения, исходя из контекста и обстановки их произнесения и намерений по поводу конкретных форм их реализации, объективно не являются основанием для избрания меры пресечения в виде угрозы свидетелю.

К сказанному следует добавить, что в соответствии с п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» при продлении срока содержания под стражей на любой стадии производства по уголовному делу судам необходимо проверять наличие на момент рассмотрения данного вопроса предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований, которые должны подтверждаться достоверными сведениями и доказательствами. То есть следователю и суду необходимо будет в этой ситуации выполнить требование о необходимости подтверждения оснований для избрания меры пресечения достоверными сведениями и доказательствами. Это важно подчеркнуть особенно с учетом позиции Верховного Суда РФ, согласно которой обстоятельства, на основании которых лицо было заключено под стражу, не всегда являются достаточными для продления срока содержания его под стражей (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41).

1. Бюл. Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

1. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. № 2.

**Адаменко Игорь Евгеньевич**

кандидат юридических наук, доцент,  
профессор кафедры уголовного процесса  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583757)

## *К вопросу о здравом смысле разрешения проблемы повышения качества реализации уголовно-процессуального закона*

Статья посвящена осмыслению здравого смысла при разрешении проблемы повышения качества реализации уголовно-процессуального закона. Определено место «аргумента к авторитетам» и принципа дополнительности в разрешении проблемы повышения качества уголовно-процессуального закона. Рассмотрены способы реализации уголовно-процессуального закона. Обоснованы причины духовного опустошения при реализации уголовно-процессуального закона.

**Ключевые слова:** здравый смысл, уголовно-процессуальный закон, качество, реализация, аргумент к авторитетам, принцип дополнительности, духовное опустошение.

**I.E. Adamenko**, Master of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

**To the issue of common sense of solving the problem of improvement of quality of implementation of criminal procedure law**

The paper considers comprehension of common sense in solving the problem of improving the quality of implementation of criminal procedure law. Defines the place of «argument to authority» and the principle of complementarity in the resolution of problems of improvement of quality of criminal procedural law. Produced comprehension how to implement the criminal procedural law. The paper justified reasons spiritual devastation in the implementation of criminal procedural law.

**Key words:** common sense, criminal procedure law, quality, implementation, argument to the authorities, principle of complementarity, spiritual devastation.

Реализация уголовно-процессуального закона сама по себе не имеет смысла, если она не обеспечивает действительность уголовного закона. В свою очередь, качество реализации уголовного закона определяется эффективностью уголовно-процессуального закона. В этом смысле вполне возможно говорить о том, что нормы уголовного закона бессмысленны в ситуации, когда положения уголовно-процессуального закона являются бесплодными.

Действительно, если подходить к проблеме качества реализации уголовного закона, опираясь на формальную логику, то такое суждение можно признать вполне оправданным. Законодатель принял нормы, которые запрещены под страхом уголовного наказания. Отсюда вполне логично вытекает суждение, согласно которому тот же законодатель должен принять нормы уголовно-процессуального закона, позволяющие качественно и эффективно реализовывать соответствующие уголовно-правовые запреты.

В приведенном суждении качество и эффективность уголовного закона оцениваются с позиции коэффициента полезного действия. Исходя из этого, нормы уголовно-процессуального закона должны быть ориентированы на стопроцентную реализацию положений уголовного закона. Закономерно возникает, по крайней мере, два вопроса. Возможна ли стопроцентная реализация норм уголовного закона посредством уголовно-процессуального закона? Это первый вопрос. Второй вопрос: каковы должны быть условия для стопроцентной реализации положений уголовного закона?

Ответы на эти два вопроса не могут быть найдены без определения того, что в настоящей статье понимается под уголовным законом и уголовно-процессуальным законом. Свои размышления по этому поводу мы начнем с приведения соответствующих дефиниций. Правомерность их использования в данном тексте обуславливается так называемым «аргументом к авторитетам», т.е. в настоящем

исследовании в понимании дефиниции мы сошлемся на работы авторитетных ученых, которые прекрасно зарекомендовали себя в отечественной юридической науке своими трудами и поступками. В данной ситуации мы ведем речь об исследователях, которые в уголовно-процессуальной науке и в науке уголовного права пользуются одновременно и признанием, и уважением. В таком представлении их труды являются источником идей, определяющих направление исследований в отечественной юриспруденции, а их научная деятельность «представляет собой образец для подражания со стороны коллег по научному сообществу» [1, с. 277].

Наше обращение к авторитетам в отечественной юридической науке не означает того факта, что в своих размышлениях мы отказываемся от разума как системообразующей основы современного науковедения. В настоящей статье мы этого не делаем. В своих размышлениях мы имеем в виду одно значимое обстоятельство: в отечественной юридической науке дверь между различными видами обоснования должна быть всегда открытой, как и между разумом и авторитетным обоснованием, которое выступает одним из видов контекстуального обоснования. Х.-Г. Гадамер по этому поводу пишет: «Размышление о том, чем является истина, в науке о духе не должно стремиться к мыслительному выделению самого себя из исторического предания, связанность которым сделалась для него очевидной. Такое размышление должно, следовательно, поставить себе самому требование добиться от себя невозможной исторической ясности своих собственных посылок...» [2, с. 176].

Собственное понимание и истолкование уголовного закона и уголовно-процессуального закона также не являются «чистым построением» из идей, а основываются на истории отечественной юридической науки. По этой причине, когда в своих рассуждениях мы опираемся на авторитетов науки уголовного судопроизводства, воспринимаем опыт нашей правовой науки, в том числе воплощенный в исследованиях ее авторитетных представителей. Наше восприятие опыта юридической науки не означает того факта, что наши размышления противоречат разуму. Оснований для таких выводов в нашем исследовании нет и быть не может.

При нашей аргументации к авторитетам автор данных строк имеет в виду возможность, а может даже и необходимость использования

в юридической науке идеи дополнительности. В иерархической упорядоченной системе идей она располагается между юриспруденцией и философией. Положительный опыт реализации этой инструментальной идеи накоплен в физике. В свое время В. Гейзенберг, размышляя о выработке Нильсом Бором интерпретации квантовой механики на основе идеи дополнительности, писал: «Теория, созданная и оформившаяся в 1927 г. в Копенгагене, представляла собой не только однозначные правила объяснения экспериментов, но и язык, на котором можно было бы говорить о природе в атомном масштабе, а следовательно, относилась к философским. Действительно, размышления Бора об атомных явлениях, начиная с 1912 г., всегда лежали до известной степени между физикой и философией» [3, с. 28].

Применение принципа (идеи) дополнительности в настоящем исследовании позволяет не только использовать для разрешения задач настоящего исследования философские знания с соответствующим для него языком, но и вести речь о совпадении (пересечении) фундаментальных положений уголовного закона и уголовно-процессуального закона. Основанием для такого вывода является мысль, согласно которой на фундаментальном уровне юридической науки разделение между областью применения положений уголовного и уголовно-процессуального закона уменьшается, а свойственные им «уровни духа» (уровни энергии) сближаются, т.е. области применения совпадают в предельном представлении.

В нашем случае речь идет о дополнении (приращении) знания, аккумулированного в понятии. Такое приращение знания осуществляется за счет включения в это понятие знаний, принадлежащих как разным уровням знания, так и способам (формам) его получения [4, с. 16–31]. Сказанное в полной мере относится к понятиям (знаниям), полученным на основании разума и воспринятым иным путем, например на основании опыта, накопленного юридической наукой.

Одним из его проявлений являются результаты исследований, проведенных ранее общепризнанными исследователями (авторитетами юридической науки). «На самом деле, – отмечает Й. Бойхеньский, – прислушиваться к авторитету – значит вести себя благоразумно, в соответствии с разумом. ...Даже в науке мы прибегаем к авторитету. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на обшир-

ные библиотеки, имеющиеся в любом научном институте. Книги в этих библиотеках чаще всего содержат обзоры научных результатов, полученных другими учеными, т.е. высказывания эпистемологических авторитетов» [5, с. 16].

Наши размышления относительно научной ценности использования результатов, полученных авторитетными исследователями, автоматически не влекут за собой отклонения от связующей нити настоящего исследования, а именно от инструментальных дефиниций уголовно-процессуального закона и уголовного закона, представленных признанными в юридической науке авторитетами.

Группа исследователей под руководством В.Н. Григорьева подходит к формулированию уголовно-процессуального закона (права) через базовую его единицу – норму уголовно-процессуального права. В ней он видит «...установленное государством правило поведения, обязательность исполнения которого поддерживается возможностью применения мер государственного принуждения» [6, с. 43]. Таким образом, норма уголовно-процессуального закона выступает как установленное государством правило поведения, обеспеченное мерами государственного принуждения.

В таком понимании норма представляет собой компонент уголовно-процессуального закона. Но не только. Одновременно норма уголовно-процессуального закона является компонентом уголовно-процессуальной деятельности. Именно в таком контексте идет речь об уголовно-процессуальной норме, когда употребляется словосочетание «правило поведения». В этом смысле норма закона отождествляется с образцом уголовно-процессуальной деятельности. Будучи таковой, она обеспечивает связь между диспозицией и санкцией уголовного закона.

Со своей стороны уголовный закон, основываясь на общетеоретической интерпретации закона как такого, трактуется в качестве нормативного акта, принятого в установленном законом порядке и содержащего в себе правовые нормы. Содержательная сторона уголовного закона делает его отличным от других законов. А.В. Наумов пишет: «Уголовный закон отличается от других законов именно содержанием норм права. Он устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, определяет, какие общественно опасные деяния признаются преступлением и какие наказания предусматриваются за их совершения. Уголов-

ный закон также регламентирует основания освобождения от уголовной ответственности и наказания» [7, с. 58].

Условно говоря, в таком понимании уголовного закона содержится вполне здравая мысль – он либо устанавливает своеобразное табу на совершение определенных действий, либо обязывает, в установленных на то ситуациях, совершать определенные действия. В качестве содержательного компонента уголовный закон включает в себя основания и условия привлечения (освобождения) к (от) уголовной ответственности, а также назначения (освобождения от) наказания. При всем таком содержательном многообразии уголовного закона с формальной стороны он представляет собой установленные законодателем своеобразные образцы недозволенного поведения. В этом смысле уголовный закон выступает в качестве меры дозволенного и недозволенного поведения в правовой сфере.

Основным способом реализации положений уголовного закона является совокупность норм уголовно-процессуального закона. Здесь, как говорится, «никаких посредников». Схематично данный способ реализации уголовного закона можно обозначить следующим образом: уголовный закон – уголовно-процессуальный закон. Схематичность и простота изложенного способа реализации делают его привлекательным.

При всей внешней привлекательности анализируемого способа реализации уголовного закона он содержит, по крайней мере, два серьезных изъяна. Один из них относится в целом к способности уголовно-процессуального закона обеспечивать реализацию уголовно-правовых норм. В этом случае речь идет уже об отмеченной нами способности уголовно-процессуального закона обеспечивать реализацию уголовно-правовых запретов полномасштабно. На уровне бытия изложенное может быть интерпретировано в постановке нижеследующего вопроса. Имеются ли у российской общности гарантии того, что в своей совокупности уголовно-правовые нормы и уголовно-процессуальный закон обеспечивают ее защиту от общественно опасных деяний?

Думается, что ответ на поставленный вопрос не может быть утвердительным. Правомерность подобного утверждения основывается не только на удручающих данных статистики, но и на принципиальной невозможности в рамках господствующей парадигмы разрешить данную

проблему. Ведь для того, чтобы посредством уголовно-процессуального закона обеспечить реализацию всех уголовно-правовых запретов, он должен содержать в себе коэффициент полезного действия не менее 100%. В такой ситуации уголовно-процессуальный закон должен функционировать без энергетических потерь. Однако в наши дни такого просто не может быть.

В силу различных обстоятельств, на наш взгляд, в своей основе идеологических, своим потенциалом уголовно-процессуальный закон не способен обеспечивать реализацию всех уголовно-правовых норм. В свое время, и не без соответствующих оснований, В.Т. Томин предлагал произвести преобразование уголовно-правовых норм, исходя из того, «чтобы их количество не превышало пределов, в которых общество имеющимися силами в состоянии обеспечить неотвратимость ответственности» [8, с. 333].

Действительно, в таком преобразовании имеется весомое начало, соответствующее здравому смыслу: меньше уголовно-правовых запретов – больше сил и средств уголовно-процессуального права может быть задействовано в реализации оставшихся уголовно-правовых запретов. Декриминализация уголовно-правовых деяний может внести свою толику в дело повышения пропускной способности уголовно-процессуального закона.

При всей привлекательности анализируемого предложения В.Т. Томина оно имеет собственные ограничения: последовательная декриминализация может привести к росту фактической криминальной напряженности в обществе. Кроме того, декриминализация некоторых уголовно-правовых деяний автоматически не приводит к росту качества реализации уголовно-правовых норм посредством уголовно-процессуального закона. Причиной тому является энергетическое (духовное) обесчуживание уголовно-процессуального закона. Он не связан со своими энергетическими (духовными) источниками. Действующая доктрина уголовно-процессуального закона, воплощенная в УПК РФ, никоим образом не связана с духовно-нравственными основами российской общности. Она имеет цикличную завершенность на уровне теории познания, со свойственной ей теорией права, где внутренняя сущность вообще отброшена, а в качестве эталона сущности обозначена внешняя форма.

Оторванность уголовно-процессуального закона от своих истоков делает невозможным восполнение его энергетических ресурсов. Данное обстоятельство в совокупности с целенаправленностью уголовно-процессуального закона и уголовно-правовой нормы на наказание способно породить в рассматриваемой сфере своеобразное духовное опустошение. Одним из его проявлений является философско-правовая интерпретация религиозного убеждения для потребностей рационалистической организации уголовного процесса. В результате такой интерпретации внутреннее убеждение оказалось отделенным от религиозного убеждения. Следствием такого отделения стала подмена источников убеждения. Вместо религиозного убеждения уголовно-процессуальная сфера стала иметь дело с внутренним убеждением как продуктом рационалистического философско-правового учения западно-европейского типа. По этому поводу А.И. Баженов пишет: «Философско-правовая мысль интерпретировала религиозное убеждение для потребностей уголовно-процессуальной сферы в следующей последовательности. Во-первых, она классифицировала религиозную веру на веру-доверие и на веру-убеждение. Во-вторых, вера-доверие, основанная на духовности и нравственности, была убрана из структуры внутреннего убеждения. В-третьих, вера-убеждение, покоящаяся на той или иной религиозной доктрине, была заменена формулой внутреннего убеждения, основанной на веру в могущество философско-правового учения» [9, с. 7].

Духовное опустошение, оторванность философско-правового основания уголовно-процессуального закона от своих энергетических источников делают невозможным соответствие правоохранительной системы как в целом, так и в части совокупности должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, возложенным на нее ожиданиям со стороны российской общности. В свою очередь, такое постоянно функционирующее несоответствие способно породить не только организационный стресс в среде должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, но и их духовно-нравственное опустошение, способное приводить к росту сердечно-сосудистых и раковых заболеваний. Так, результаты исследований, посвященных взаимосвязи личностных характеристик и социального поведения человека, говорят о том, что

«заболевание раком можно связать с личностной диспозицией, описываемой как подавление эмоций, беспомощность и подавленность» [10, с. 81]. В свою очередь, сердечно-сосудистые заболевания, наоборот, «ассоциируются с повышенной возбудимостью и склонность к агрессии» [10, с. 81].

Невозможность соответствия правоохранительной системы в уголовно-процессуальной сфере ожиданиям, возложенным на нее со стороны российского общества, проявляется в неспособности уголовно-процессуального закона обеспечивать своим потенциалом внутреннюю сторону уголовно-правовых запретов. В науке уголовного права они получили наименование «субъективная сторона преступления». Классически она определяется в качестве внутреннего, т.е. «психического отношения преступника к совершенному им преступлению» [7,

с. 201]. К ее структурным элементам (признакам субъективной стороны) относят вину, мотив и цель преступления, а также эмоциональное состояние лица в момент совершения преступления.

В изложенном понимании внутренняя сторона отождествляется с психическим отношением преступника к совершенному преступлению. В этом смысле учение о субъективной стороне преступления стало, как и уголовно-процессуальный закон, заложником дуалистического мировоззрения, положившего во главу угла внешнюю (материалистическую) сторону деяний. В результате внутреннее отношение преступника к совершенному им преступлению было сведено сугубо к психическому аспекту. Такое сведение оставило без всякого пояснения духовную составляющую внутреннего мира как целостного внутреннего отношения преступника к совершенному им деянию.

1. Ивин А.А. *Современная философия науки*. М., 2005.

2. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод*. М., 1968.

3. Гейзенберг В. *Развитие интерпретации квантовой теории. Нильс Бор и развитие физики*. М., 1958.

4. Познер А.Р. *Дополнительность как метод научного исследования // Принцип дополнительности и материалистическая диалектика / отв. ред. Л.Б. Баженов*. М., 1976.

5. Бохеньский Й. *Сто суеверий*. М., 1993.

6. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. *Уголовный процесс: учеб.* М., 2005.

7. Наумов А.В. *Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций*. М., 1996.

8. Томин В.Т. *Острые углы уголовного судопроизводства // Томин В.Т. Избр. тр. / предисл. С.П. Гришина*. СПб., 2004.

9. Баженов А.И. *Организационно-правовой механизм формирования внутреннего убеждения в отечественном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2012.

10. Фернхем А., Хейвен П. *Личность и социальное поведение*. СПб., 2001.

1. Ivin A.A. *Modern philosophy of science*. Moscow, 2005.

2. Gadamer H.-G. *Truth and method*. Moscow, 1968.

3. Heisenberg W. *Development of the interpretation of quantum theory. Niels Bohr and the development of physics*. Moscow, 1958.

4. Pozner A.R. *Complementarity as a method of scientific research // The principle of complementarity and the materialist dialectic / resp. ed. L.B. Bazhenov*. Moscow, 1976.

5. Bochenskiy J. *Hundred superstitions*. Moscow, 1993.

6. Grigoryev V.N., Pobedkin A.V., Yashin V.N. *Criminal procedure: textbook*. Moscow, 2005.

7. Naumov A.V. *Russian criminal law. General part: course of lectures*. Moscow, 1996.

8. Tomin V.T. *Sharp corners of criminal proceedings // Tomin V.T. Sel. works / forew. by S.P. Grishin*. St. Petersburg, 2004.

9. Bazhenov A.I. *Organizational and legal mechanism of the formation of internal belief in domestic criminal legal proceedings: author. abstr. ... Master of Law*. Moscow, 2012.

10. Furnham A., Haven P. *Personality and social behavior*. St. Petersburg, 2001.

**Башинская Инна Геннадьевна**кандидат юридических наук,  
доцент кафедры предварительного расследования  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: Bashinskaya\_ig@mail.ru)

## *К вопросу о дифференциации форм дознания в уголовном судопроизводстве России*

В статье рассматриваются вопросы дифференциации форм дознания в досудебном производстве. Проведен анализ законодательной регламентации дознания в сокращенной форме.

**Ключевые слова:** дознание, дознание в сокращенной форме, дознаватель, досудебное производство, обвинительное постановление, предварительное расследование.

**I.G. Bashinskaya**, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Bashinskaya\_ig@mail.ru

### **To the question of differentiation of forms of inquiry in Russian criminal proceedings**

The article focuses on the differentiation of forms of inquiry in the pre-trial proceedings. It is analysis legislative regulation of inquiry in an abbreviated form.

**Key words:** inquiry, inquiry in abbreviated form, investigator, pre-trial proceedings, indictment ruling, preliminary investigation.

**В** настоящее время в отечественной доктрине вряд ли можно найти более дискуссионный вопрос, чем проблемы дифференциации уголовно-процессуальных форм в досудебном производстве. Данная проблема имеет несколько аспектов: возможность ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, общность и различия процессуальной деятельности дознания и следствия, существование двух форм дознания и т.д. В частности, достаточно распространенной является точка зрения о восстановлении двух видов дознания: дознания в полном объеме вместо предварительного следствия и дознания в виде производства неотложных следственных действий с дальнейшей передачей уголовного дела следователю для производства предварительного следствия [1, с. 4]. Сторонники такого взгляда полагают, что необходимо лишь подкорректировать действующий порядок регламентации производства дознания, существовавшего в УПК РСФСР 1960 г. [2, с. 25].

Отдельные авторы рассматривают дознание как доследственную деятельность по решению вопроса о начале предварительного следствия и как сокращенное (ускоренное) производство по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести [3, с. 9].

На этот счет существуют и другие направления научной мысли: дознание следует сохранить лишь в целях производства неотложных следственных действий, когда уголовное дело передается следователю лишь в случае установления лица, совершившего преступление. Для этого потребуется: единый процедурный

режим досудебного производства (без деления на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования); замена стадии возбуждения уголовного дела дознанием в виде деятельности уполномоченных органов и должностных лиц по проверке информации о происшествии и решению вопроса о начале предварительного расследования. Дознание должно осуществляться в форме розыска виновного, как это было в пореформенной России в XIX в. либо как производится в современной ФРГ [4, с. 67].

Близким к этой позиции является мнение отдельных авторов о том, что на смену существующему дознанию как особой форме предварительного расследования должно прийти дознание, приближенное к розыскному виду деятельности. В этих целях предлагается деление досудебного производства на полицейское дознание под руководством прокуратуры (прокурорское дознание), находящееся под контролем суда, и предварительное следствие, осуществляемое представителями судебной власти – судебными следователями или следственными судьями [5, с. 45].

Исходя из этого, предварительное следствие необходимо освободить от выполнения функции уголовного преследования и возложить ее на орган дознания. Основным предназначением предварительного следствия должно являться расследование, т.е. исследование обстоятельств совершенного преступления, проведенное всесторонне, полно и объективно, что может обеспечить только суд (представители судебной власти) [5, с. 46].

Сущность дознания – деятельность по раскрытию преступления, установлению лиц, его совершивших, обнаружению важной информации, которая в дальнейшем может стать доказательством виновности этих лиц. Подобная деятельность является изобличающей, уличающей, обвинительной. Заниматься подобной деятельностью должны органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, оснащенные специальной техникой, обученные специальным навыкам по пресечению и раскрытию преступлений. Данная деятельность должна быть упрощена настолько, чтобы, с одной стороны, не нарушать права лиц, вовлеченных в эту сферу на первоначальном этапе производства по уголовному делу, а с другой – обеспечить раскрытие преступления в кратчайшие сроки. Она начинается с момента получения информации о совершенном или готовящемся преступлении, включая принятие решения о возбуждении уголовного дела, и продолжается до установления лица, которое может стать на этом этапе подозреваемым в соответствии с ч. 1 ст. 46 УПК РФ. После этого дело на основании постановления дознавателя передается следователю для производства расследования [5, с. 46].

В ходе реформирования досудебного производства Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [6] внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), регламентирующие порядок производства дознания по уголовным делам, проверки сообщения о преступлении и привлечения понятых к участию в отдельных следственных действиях. УПК РФ дополнен главой 32.1 «Дознание в сокращенной форме», которая устанавливает порядок ускоренного производства в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица по признакам одного либо нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ.

Основная цель введения данного вида досудебного расследования направлена на то, что сокращенный порядок «позволит исключить нерациональное расходование сил и средств органов предварительного расследования, необоснованное затягивание сроков досудебного производства, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения» [7].

Вместе с тем, проблемы дифференциации досудебного уголовного судопроизводства по-прежнему остаются. Следует заметить, что в юридической литературе ставится под сомнение необходимость введения сокращенной формы дознания. Названы отрицательные последствия подобных нововведений: невозмож-

ность обеспечить задачу охраны прав и свобод человека и гражданина и установление объективной истины по уголовному делу [8, с. 45].

Новеллы уголовно-процессуального законодательства о сокращенной форме дознания действительно имеют ряд существенных недостатков, на которые следует обратить внимание. В первую очередь, серьезные нарекания вызывают нормы, связанные с предметом и пределами доказывания в ускоренном производстве. В соответствии с положениями ст. 226.5 УПК РФ пределы доказывания необоснованно сужены, поскольку дознаватель не обязан устанавливать все обстоятельства по уголовному делу, предусмотренные ст. 73 УПК РФ. При этом возникает коллизия норм. Законодатель требует, чтобы в обвинительном постановлении были указаны обстоятельства, перечисленные в пп. 1–8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ (ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ). Таким образом, дознаватель должен указать в обвинительном постановлении те обстоятельства, которые не обязан устанавливать. Полагаем, что дознаватель должен устанавливать все обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ. Подобный вывод обусловлен не только названными положениями ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ, но и ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ, которые обязывают прокурора направлять уголовное дело дознавателю для производства дознания в общем порядке тогда, когда собранных доказательств в их совокупности недостаточно для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления.

Во-вторых, закон (п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ) предусматривает обязанность дознавателя по своей инициативе проверить не все имеющиеся доказательства, а лишь те, которые оспорены определенными участниками процесса (подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем). Эти положения противоречат фундаментальным правилам, связанным с недопустимостью придания любым доказательствам заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ).

Далее необходимо обратить внимание на положения ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ, из содержания которых следует, что дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь невосполнимую утрату следов преступления и иных доказательств. Таким образом, уже на первоначальном этапе расследования дознаватель должен по конкретному уголовному делу определить, непроведение каких именно следственных и иных процессуальных действий может повлечь указанные негативные последствия. Осуществить это на практике затруднительно.



Существенным нарушением при производстве дознания в сокращенной форме подвергается и право подозреваемого на защиту. Одним из условий ускоренного производства является факт признания подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда. Он также не оспаривает оценку дознания, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ). Однако о наличии условий для проведения дознания в сокращенной форме и своем праве ходатайствовать об этом подозреваемый узнает лишь на допросе в качестве подозреваемого, о чем в протоколе делается соответствующая отметка. Заявить названное ходатайство подозреваемый вправе не позднее двух суток с момента, когда ему было разъяснено данное право, и только после заявленного ходатайства в дело вступает защитник (ч. 2 ст. 51 УПК РФ).

В связи с этим при производстве дознания в сокращенной форме существенно возрастает вероятность самооговора со стороны подозреваемого, который может быть обусловлен самыми различными мотивами: стремлением помочь родственникам, близким уклониться от уголовной ответственности за совершен-

ные ими преступления; желанием облегчить свое положение в случаях принуждения к даче признательных показаний со стороны дознавателя, боязнь расправы со стороны истинных виновных содеянного и т.д.

В результате уголовное дело, по которому дознание проводилось в сокращенной форме, рассматривается в особом порядке судебного разбирательства (ст. 226.9 УПК РФ), приговор будет постановлен на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении (фактически полученных в ходе проверки сообщения о преступлении), и дополнительных данных о личности подсудимого.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие порядок производства дознания в сокращенной форме, являются несовершенновыми с точки зрения юридической техники. При существующих правовых конструкциях, которые требуют определенных корректив, высока вероятность необоснованных нарушений и ограничений прав и законных интересов граждан, прежде всего нарушений права подозреваемого на защиту.

1. Гуляев А.П. Концепция реформирования предварительного расследования преступления // *Рос. следователь*. 2012. № 11.

2. Мичурина О.В. О перспективах совершенствования института дознания // *Адвокатская практика*. 2008. № 2.

3. Оболкина А.Л. Модели предварительного (досудебного) производства по уголовным делам: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.

4. Махов В. Реформа досудебного производства в уголовном процессе России необходима // *Уголовное право*. 2004. № 4.

5. Рябинина Т.К. Дознание – самостоятельная форма досудебного производства // *Рос. следователь*. 2013. № 19.

6. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // *Рос. газ*. 2013. 6 марта.

7. Пояснительная записка к проекту Федерального закона Российской Федерации № 33012-6 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // *Рос. газ*. 2013. 11 марта.

8. Кругликов А.П. Дополнение УПК РФ новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // *Рос. юстиция*. 2013. № 7.

1. Gulyaev A.P. The concept of reforming the preliminary investigation of the crime // *Russian investigator*. 2012. № 11.

2. Michurina O.V. On the prospects of improvement of the institute of inquiry // *Lawyer practice*. 2008. № 2.

3. Obolkina A.L. Models of preliminary (pre-trial) proceedings on criminal cases: a comparative legal analysis: auth. abstr. ... Master of Law. Omsk, 2005.

4. Mahov V. Reform of pre-trial proceedings in a criminal trial of Russia is necessary // *Criminal law*. 2004. № 4.

5. Ryabinina T.K. Enquiry – independent form of pre-trial proceedings // *Russian investigator*. 2013. № 19.

6. On amendments to articles 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation: fed. law of March 4, 2013 № 23-FL // *Rus. newsp.* 2013. March 6.

7. The explanatory note to the draft Federal law of the Russian Federation № 33012-6 «On amendments to articles 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation» // *Rus. newsp.* 2013. March 11.

8. Kruglikov A.P. Addition of the Criminal procedure code of the Russian Federation with the new chapter on the inquiry in abbreviated form and some problems of differentiation of criminal proceedings // *Russian justice*. 2013. № 7.

**Гончаренко Анна Ивановна**

кандидат юридических наук,  
преподаватель кафедры уголовного права  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583563)

## Условия экстрадиции

Статья посвящена анализу, систематизации и раскрытию требований, предъявляемых к выдаче лица, совершившего преступление, имеющих своей целью обеспечение правомерности осуществляемой экстрадиции и определение степени ее обязательности.

**Ключевые слова:** экстрадиция, выдача лиц, совершивших преступление (преступников), условия выдачи, отказ в экстрадиции.

**A.I. Goncharenko**, Master of Law, Lecturer of the Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

### Conditions of extradition

The article is devoted to the analysis, classification and disclosure requirements for the extradition of persons who committed a crime, and aimed at ensuring the legality of the extradition and determine the degree of her commitment.

**Key words:** extradition, extradition of persons committed a crime (criminals), conditions of extradition, refusal of extradition.

Помимо оснований, непосредственное влияние на выдачу лиц, совершивших преступление, оказывают условия экстрадиции, представляющие собой совокупность определенных требований, предъявляемых международным и внутринациональным законодательством к каждому конкретному факту выдачи лица, совершившего преступление, и имеющих своей целью обеспечение правомерности осуществляемой экстрадиции и определение степени ее обязательности.

Вместе с тем, надлежит учитывать, что названная концепция находится в стадии становления, и ветвь первенства в области ее разработки отводится отечественной правовой доктрине. Сама категория «условия экстрадиции» вводится в оборот отечественными учеными. Они же предпринимают первые попытки по формулированию перечней таких условий (например, А.И. Бойцов, Е.В. Карасева, И.Я. Козаченко, В.П. Коняхин, А.В. Марченко, Ю.В. Минкова, Р.В. Нигматулин, А.К. Строганова и некоторые другие). Примечательно и то, что Российская Федерация была причастна к первому практическому опыту нормативного закрепления указанного положения в Договоре между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилия о выдаче 2002 г. Статья 3 с одноименным названием, содержащая четыре пункта, лишь подтверждает правильность наметившейся тенденции по становлению концепции условий экстрадиции. Некоторые отличия в формулировке при изложении

отдельных пунктов не изменяют сути составляющих ее элементов. Более того, почти в полном объеме (а также дополняются и другими) они дублируются в ст. 6 этого же Соглашения, посвященной основаниям отказа в выдаче, что говорит о несостоятельности параллельного закрепления условий и оснований для отказа в экстрадиции.

Тем не менее, вышесказанное вовсе не означает, что до сих пор экстрадиция не была обусловлена соблюдением ряда требований. Первые обстоятельства (условия) были сформулированы уже на момент выделения экстрадиции в самостоятельный институт права. Они не потеряли своей актуальности и по сей день.

К началу XX в. отечественной юридической мысли уже было известно довольно много положений, обуславливающих экстрадицию. Исторически сложилось так, что названные требования, рассредоточенные в многочисленных статьях, составляющих правовую основу выдачи лиц, совершивших преступление, получают законодательное закрепление и серьезную теоретическую разработку в одних источниках в качестве принципов, в других как правила экстрадиции, а в третьих и вовсе как основания отказа в выдаче. Но ведь это не тождественные понятия. Принципы, как известно, отражают основополагающие идеи, начала, выражающие сущность и социальное назначение института выдачи лиц, совершивших преступление. Правила воспроизводят положения, отражающие определенные за-

кономерности осуществления экстрадиции. Основания отказа, напротив, представляют собой те обстоятельства, в связи с которыми выдача преступника становится невозможной. Тем не менее, все вышеназванные категории объединяет способность оказывать влияние на реализацию выдачи лиц, совершивших преступление, на степень ее обязательности. Соблюдение или несоблюдение содержащихся в них положений в каждом конкретном случае имеет непосредственное значение для экстрадиции, т.к. делает ее дальнейшее развитие возможным или невозможным и для запрашиваемой стороны, поскольку «выдача осуществляется в соответствии с правом государства, к которому просьба о выдаче обращена» [1, с. 241]. Подобное утверждение позволяет заключить, что все три вышеназванные категории фактически говорят об одном и том же, а именно об «условиях экстрадиции».

Первое условие является общепризнанным мировой практикой, но не поддерживается отдельными зарубежными странами, преимущественно относящимися к англо-американской правовой семье. Суть его заключается в наложении запрета на экстрадицию в случае, когда истребуемое лицо на момент поступления требования, согласно законодательству запрашиваемого государства, признается его гражданином.

Бесспорным препятствием на пути экстрадиции зачастую становится правовая неприкосновенность отдельных лиц, делающая их недостижимыми для юрисдикции запрашиваемой стороны. Речь идет о достаточно широком круге лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом (Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г.), об иммунитете консульских должностных лиц и консульских служащих (ст. 43 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г.), иммунитете высших должностных лиц международных организаций, членов их семей, иных должностных лиц при исполнении служебных обязанностей, а также членов специальных миссий (Конвенция о специальных миссиях от 8 декабря 1969 г.). Над данной категорией лиц сохраняется юрисдикция аккредитующего государства, а потому вопрос о привлечении к ответственности либо выдаче может быть поднят лишь по возвращении в страну гражданства или после снятия (отзыва) иммунитета.

Вместе с тем, особый статус имеют главы государств, обладающие наиболее полным иммунитетом (Конвенция о специальных миссиях 1969 г. и Конвенция о предотвращении и

наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 г., ст. 91 Конституции РФ, Федеральный закон 2001 г. «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи»).

Следующее условие экстрадиции, пожалуй, самое известное и имеющее в своей основе многовековую историю, традиционно формулируется следующим образом: совершенное деяние не является политическим, а также не носит политического характера. Тем не менее, в последнее время подобная формулировка вызывает в правовой науке все большие нарекания. Во-первых, это связывается с отсутствием легального понятия категорий «политическое преступление» и «преступление, связанное с политическим характером» как в отечественном, так и в международном законодательстве, а также принципиальной невозможностью их определения на доктринальном уровне (сегодня при определении политического преступления практика исходит из закрепления негативных признаков такового). Во-вторых, условие, призванное оберегать выдаваемое лицо от политического произвола, на практике может привести к обратному результату, оставляя безнаказанными опаснейших преступников. В-третьих, такая формулировка создает риск осуществления незаконной экстрадиции по запросу о выдаче в связи с обычным уголовным преступлением, но имеющим под собой политическую мотивацию.

Таким образом, приведенное условие в действующей редакции не обеспечивает его основное назначение, состоящее в том, чтобы не допустить уголовного преследования лица в связи с его политическими убеждениями. Как следствие, в научной литературе появляются предложения вовсе отказаться от практики невыдачи за политические преступления. Однако сам по себе отказ проблему не решит. Названные выше недостатки может устранить новая формулировка условия, согласно которой запрашиваемому лицу не предоставлено на территории Российской Федерации право политического убежища.

Кроме того, территориальное убежище может быть предоставлено лицам, преследуемым по таким дискриминационным признакам, как пол, гражданство, вероисповедание, раса, принадлежность к определенной социальной группе и т.д. Речь идет о лицах, получивших статус беженца, определяемого на основании и в соответствии с Федеральным

законом от 19 февраля 1993 г. (в редакции от 2 июля 2013 г.) «О беженцах». Поэтому при формулировании данного условия целесообразней указать только на факт предоставления убежища, причем без акцента на политический характер такого решения. Кроме того, предлагаемая формулировка, объединив в себе два известных условия экстрадиции, позволяет устранить излишнюю дробность при их изложении.

Правомерность экстрадиции также обусловлена тем, что выдача лица, совершившего преступление, не влечет за собой повторное осуждение или наказание запрашиваемого лица за одно и то же экстрадиционное преступление. Названное условие вытекает из международного принципа *non bis in idem*, означающего, что никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ). Несколько конкретнее он представлен в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (п. 7 ст. 14), где говорится, что никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан. Поэтому, если в отношении лица, указанного в экстрадиционном требовании, в запрашиваемом или запрашивающем государстве по поводу тех же действий: а) вынесены обвинительный или оправдательный приговор либо б) постановление о прекращении производства по возбужденному уголовному делу, вступившие в законную силу, – выдача исключается.

Данный перечень следует расширить за счет таких форм освобождения от уголовной ответственности, как амнистия (Дополнительный протокол 1978 г.), помилование (п. «b» ч. 2 ст. 6 Договора между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией 2002 г.), деятельное раскаяние [2, с. 544].

Следующее по порядку условие экстрадиции (запрашиваемое лицо не было и не будет подвергнуто в соответствующем иностранном государстве пыткам или бесчеловечному либо унижающему достоинство обращению или наказанию) принято в обеспечение прав и законных интересов выдаваемых лиц. Правовую основу этого условия составляет Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Это довольно специфическое условие, с одной стороны, призванное свести к минимуму риск нарушения прав экстрадируемого лица в за-

прашивающем государстве, с другой – сама экстрадиция не должна представлять собой «соучастие в нарушении прав человека» [3, с. 448]. Под смысл рассматриваемого условия подпадает положение о том, что за данный вид преступлений не предусмотрено наказание в виде смертной казни, а если и предусмотрено, то последнее не будет применено.

Особого внимания требует условие, согласно которому экстрадиция возможна, если не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности за экстрадиционное преступление либо сроки давности обвинительного приговора суда (ст. 10 Европейской конвенции, п. «б» ч. 1 ст. 57 Минской конвенции, п. 4 ч. 1 ст. 464 УПК РФ). Это наиболее часто встречающееся в российской практике основание для отказа в выдаче.

Причем для положительного решения о выдаче необходимо соблюдение указанного условия согласно законодательству обеих сторон экстрадиционных отношений. Следовательно, истечение срока давности хотя бы в одной из них делает экстрадицию невозможной. Тем не менее, не следует забывать, что в международной практике в отношении ряда международных преступлений срок давности не применяется. Это касается, например, военных преступлений, преступлений против мира и безопасности человечества, а с 2014 г. – преступлений террористического характера (Конвенция о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г.; ч. 5 ст. 78 и ч. 4 ст. 83 УК РФ (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ) и т.д.).

Что касается всех остальных оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, известных российскому уголовному праву, то они не нашли отражения в экстрадиционном законодательстве не случайно. Их применение осложняется в отечественной практике, во-первых, тем, что «степень жесткости освобождения при таких видах носит факультативный характер» [4, с. 434]. Во-вторых, применение некоторых из них «осложнено установлением и оценкой многочисленных специфических признаков, характеризующих и совершенное деяние, и особенности посткриминального поведения освобожденного от ответственности лица» [4, с. 435]. В-третьих, они главным образом приводят к досрочному и не всегда оправданному прекращению охранительных уголовно-правовых отношений, при этом не затрагивая (не умаляя) его юридического основания.

Приведенные условия экстрадиции содержат безусловные требования, которые должны выдвигаться Российской Федерацией к каждому без исключения конкретному случаю экстрадиции. Несоблюдение хотя бы одного из них влечет безусловный отказ в экстрадиции. Необходимо также оставить за государствами право изменения предложенного перечня условий экстрадиции в международном договоре.

Кроме названных условий экстрадиции, следует выделять такие требования, которые предоставляют запрашиваемому государству альтернативу, рассматривающую в равной степени возможность как выдачи, так и отказа в

ней. В первую очередь речь идет о возможном столкновении интересов запрашиваемого и запрашивающего государств; выдача запрашиваемого лица может повлечь для него серьезное осложнение по причине его преклонного возраста или состояния здоровья. Как видно, в этот список вошли условия, не исключающие юридического основания привлечения к уголовной ответственности. Отказ в экстрадиции по данным причинам является не окончательным решением, за ним стоит обязанность запрашиваемого государства по привлечению к уголовной ответственности соответствующего лица согласно собственному уголовному законодательству.

1. Лукашук И.И., Наумов А.В. *Международное уголовное право*. М., 1999.

2. Бойцов А.И. *Выдача преступников*. СПб., 2004.

3. Броунли Я. *Международное право. Книга первая*. М., 1977.

4. Мальцев В.В. *Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности*. СПб., 2004.

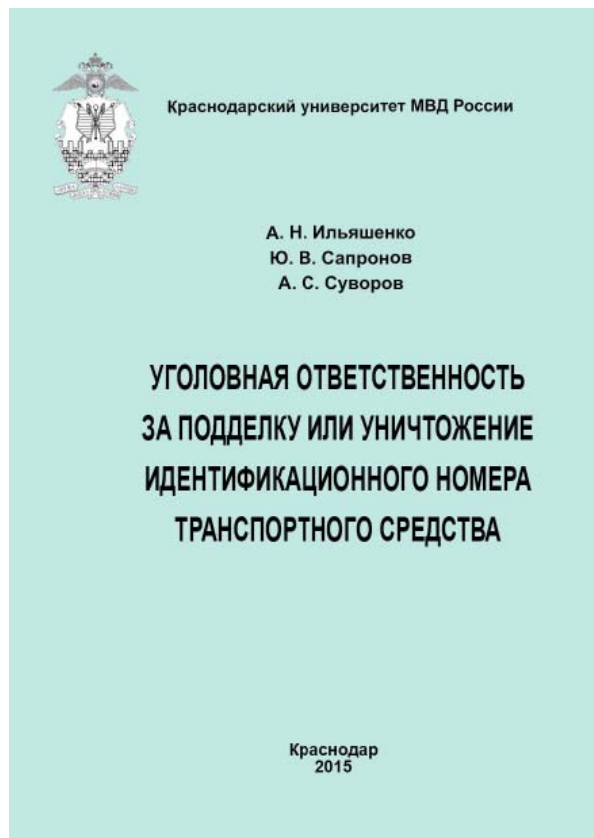
1. Lukashuk I.I., Naumov A.V. *International criminal law*. Moscow, 1999.

2. Boytsov A.I. *Extradition*. St. Petersburg, 2004.

3. Brownlie Ya. *International law. The first book*. Moscow, 1977.

4. Maltsev V.V. *Principles of criminal law and their implementation in law enforcement*. St. Petersburg, 2004.

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Уголовная ответственность за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства/А.Н. Ильяшенко, Ю.В. Сапронов, А.С. Суворов.** – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – 152 с.

В монографии раскрываются социально-юридические предпосылки уголовно-правовой борьбы с общественно опасным деянием, предусмотренным ст. 326 УК РФ, содержится компаративный анализ зарубежного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства. Дается уголовно-правовая характеристика объективных и субъективных признаков состава подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства, рассматриваются особенности квалификации этого преступления. Предлагаются перспективные пути совершенствования российского уголовного законодательства об ответственности за данное преступление.

Для научных работников, преподавателей, докторантов, аспирантов, адъюнктов, студентов, курсантов и слушателей образовательных организаций, практических работников правоохранительных органов и широкого круга читателей, интересующихся вопросами борьбы с преступностью.

**Дмитриева Анна Александровна**

кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики  
Южно-Уральского государственного университета  
(Национального исследовательского университета)  
(e-mail: annadm@bk.ru)

## *Проблемы применения мер государственной защиты и обеспечения безопасности участников процесса в стадии возбуждения уголовного дела*

Рассмотрены основные проблемы применения мер государственной защиты и обеспечения безопасности до вынесения решения о возбуждении производства по уголовному делу. Дан анализ положений ч. 3 ст. 11 УПК РФ и Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

**Ключевые слова:** защита, безопасность, законные интересы, уголовный процесс, преступление, возбуждение дела.

**A.A. Dmitrieva**, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the South Ural State University (National Research University); e-mail: annadm@bk.ru

**Problems of application of measures of state protection and safety of participants of the process at the stage of initiating of a criminal case**

The main problems of application of the measures of state protection and safety prior to the decision to initiate production in the criminal case are considered. The analysis of the provisions of pt. 3 of art. 11 of the Criminal procedure code of the Russian Federation and the Federal law of August 20, 2004 № 119-FL «On state protection rubbedmerization, witnesses and other participants in criminal proceedings» is given.

**Key words:** protection, security, legitimate interests, criminal proceedings, crime, initiation of proceedings.

**П**роблема обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел в последние два десятилетия становится все более актуальной [см.: например: 1; 2; 3]. Особую остроту она приняла в 90-е гг. прошлого столетия. Такое состояние обусловлено не только необходимостью раскрытия резонансных преступлений, но и ростом общеуголовной преступности. К примеру, пик зарегистрированных преступлений в Российской Федерации, как свидетельствует официальная статистика, в 1992 г. составил 2799614 зарегистрированных преступлений, а, например, в 1999 г. – 3001748. Тогда как в некоторые «благополучные» годы это количество было намного ниже: в 1990 г. – 1839451 преступлений, в 2013 г. – 2026249 [4]. Кроме того, отметим, что на проблему состояния защиты и безопасности участников уголовного процесса обращается внимание при исследовании

вопросов формирования государственной политики в сфере борьбы с преступностью [см., например: 5; 6].

В этой связи адекватными средствами воздействия со стороны государства на рост преступности среди иных мер являются установление необходимых гарантий получения доказательств, раскрытия преступлений, привлечения к уголовной ответственности виновных лиц и обеспечение при этом законных интересов всех участников уголовного судопроизводства. Одним из таких средств являются государственная защита и обеспечение безопасности участников, содействующих уголовному судопроизводству.

В различные годы в научных публикациях и защищенных диссертациях применительно к исследуемой проблеме употреблялись в основном два термина: «государственная защита» [см., например: 7, с. 289; 8; 9; 10] и «обеспечение безопасности» [см., например: 11; 3]. Мы

используем эти термины («государственная защита», «защита», «обеспечение безопасности», «безопасность») в отношении участников уголовного судопроизводства как две важных составляющих единого процесса гарантирования прав и законных интересов личности в уголовном процессе. Такое объединение объясняется тем, что, по нашему мнению, оба процесса могут осуществляться параллельно, не исключая или противопоставляя друг другу различные механизмы реализации лицами, содействующими правосудию, своих прав и обеспечения законных интересов.

Нормативное обеспечение процесса государственной защиты и безопасности личности, участвующей в производстве по уголовному делу, в российском законодательстве, на наш взгляд, представляется вполне достаточным. Наиболее значимыми в данной области являются Федеральный закон от 20 августа 2014 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [12] (далее – Закон № 119-ФЗ), а также нормы действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Среди других правовых актов, регламентирующих данный вопрос, можно выделить: постановление Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 630 (в редакции от 15 октября 2014 г.) «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [13]; постановление Правительства РФ от 11 ноября 2006 г. № 664 (в редакции от 25 марта 2013 г.) «Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты» [14]; постановление Правительства РФ от 3 марта 2007 г. № 134 (в редакции от 19 ноября 2008 г.) «Об утверждении Правил защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [15]; приказ МВД России от 21 марта 2007 г. № 281 «Об утверждении Административного регламента МВД России по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких» (зарегистрирован

в Минюсте РФ 17 октября 2007 г. № 10337) [16]; постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 (в редакции от 5 сентября 2014 г.) «Об утверждении Государственной программы “Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы”» [17] и др.

Среди множества правовых способов борьбы с преступностью одним из основных юридических инструментов установления виновности (невиновности) является национальное уголовно-процессуальное законодательство. Оно создает необходимые и достаточные условия для решения основного вопроса уголовного судопроизводства.

Действующий УПК РФ содержит ряд общих и специальных мер безопасности при производстве по уголовному делу. Эти меры могут быть приняты как в досудебном, так и в судебном производствах.

В настоящее время, ввиду серьезного научного (доктринального) обоснования проблемы безопасности личности в уголовном процессе и достаточного накопления количественной составляющей принятых правовых актов, на первый план выступает проблема их эффективного применения в следственной и судебной практике. Кроме того, исследованию подлежат и менее крупные пласты такого предмета исследования. Так, например, по отношению к крупной проблеме обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве некой «подпроблемой» можно, на наш взгляд, считать исследование вопросов обеспечения безопасности в отдельных стадиях производства по уголовному делу.

В этой связи, как один из этапов процесса, стадия возбуждения производства по уголовному делу представляет наибольшие сложности обеспечения безопасности граждан, которые вовлекаются, в силу различных причин и условий, в эту деятельность. Прежде всего, это вызвано тем, что содержание ч. 3 ст. 11 УПК РФ устанавливает возможность применения уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении тех участников уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальный статус которых уже сформировался и процессуально закреплен (потерпевший, свидетель и т.д.). В другом случае применение мер безопасности становится несколько затруднительным. Такое осложнение вызывается тем, что отсутствие процессуального статуса делает невозможным применение мер безопасности, которые могут быть реализованы только к участникам процесса. Например, статус потерпевшего закреп-

пляется соответствующим постановлением дознавателя или следователя (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). До этого момента лицо может именоваться, например, пострадавшим или жертвой. Отметим, что вопросы применения мер безопасности до решения вопроса о возбуждении производства по уголовному делу не исследовались в достаточной степени за исключением отдельных публикаций [см., например: 18, с. 58].

Вместе с тем, отсутствие достаточных оснований применения уголовно-процессуальных мер может быть компенсировано внепроцессуальными средствами. Так, ч. 2 ст. 2 Закона № 119-ФЗ устанавливает возможность применения мер государственной защиты «до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления» [12].

Кроме того, стадия возбуждения уголовного дела и механизм реализации процесса обеспечения безопасности в ней имеют следующие особенности:

- сроки ее проведения носят кратковременный характер, существенно ограничивающий своевременность применения защиты;

- производство следственных действий максимально ограничено, что осложняет принятие решения о мерах безопасности;

- особое влияние на дальнейшее производство по делу оказывает квалификация (уголовно-правовая оценка деяния), имеющая прямое отношение к применению отдельных мер государственной защиты.

Расширение возможности проведения следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела и получения на этой основе более полной информации для решения процессуального вопроса как о возбуждении дела, так и о возможности применения государственной защиты и обеспечения безопасности произошло на основании принятого 4 марта 2013 г. Федерального закона № 23-ФЗ [19]. Он внес существенные дополнения и изменения в содержание ст. 144 УПК РФ, распространив возможность обеспечения безопасности в отношении «участника досудебного производства» (о проблемах применения новеллы см., например: [20; 21] и др.). При этом отметим, что новеллы указывают возможность применения только одной меры безопасности, установленной в ч. 9 ст. 166 УПК РФ: не приводить данные о личности в протоколе следственного действия.

В данном случае, по нашему мнению, можно усмотреть аналогию применения уголовно-

процессуальной нормы. Дело в том, что ст. 144 УПК РФ регулирует порядок рассмотрения сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела, т.е. когда вопрос о начале предварительного расследования еще не решен. Статья 166 УПК РФ «Протокол следственного действия» регламентирует общие требования к содержанию и условиям составления протокола следственного действия, т.е. процессуального документа, который по общему правилу составляется после возбуждения уголовного дела и начала предварительного расследования.

Другую проблему может вызвать установление оснований (предпосылок) применения защитных мер в начале уголовного производства [22]. При решении вопросов о возбуждении уголовного дела весомое значение имеет степень вероятности перспективного производства по делу, раскрытия преступления, получения доказательств виновности, которая относится к различным уголовно-правовым и уголовно-процессуальным последствиям.

Как представляется, основополагающим при решении вопроса о защите содействующих правосудию лиц в стадии возбуждения дела должно являться качество содействия уголовному правосудию – перспектива получения важных, значимых для уголовного дела доказательств. При этом содержательная сторона информационного качества должна включать важность имеющейся у защищаемого лица информации, необходимой для раскрытия преступления и установления виновности лица, совершившего преступление.

Вызывает определенную проблему и прогнозирование возможного содействия участника досудебного производства в будущем. В данном случае, по нашему мнению, установление подобной вероятности носит больше криминалистический, нежели уголовно-процессуальный характер: установление контакта с будущим защищаемым лицом, выявление субъектов угроз, определение методики обеспечения безопасности и т.п. Вместе с тем, с уголовно-процессуальной точки зрения, решение вопроса об обеспечении безопасности лиц имеет также решающее значение.

Обратим внимание на инициативность применения защитных мер. Как представляется, инициатива к содействию и обеспечению безопасности участника процесса может исходить не только и не столько от лица, нуждающегося в такой защите, но и от иных лиц, имеющих сведения о потенциальном содействии другого



лица и наличии у него важной информации о преступлении, а также от органов правопорядка (расследования).

Процесс обеспечения безопасности в стадии возбуждения уголовного дела прямо связан с уголовно-правовой оценкой деяния на этом этапе процесса. Квалификация прямо влияет на определение категории дела (ст. 15 УК РФ), соответственно, и на возможность применения тех или иных мер государственной защиты на основании Закона № 119-ФЗ.

Так, на основании ч. 3 ст. 6 Закона № 119-ФЗ такие меры государственной защиты, как переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности и изменение места работы (службы) или учебы «осуществляются только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях». Следовательно, по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести можно применять только личную охрану, охрану жилища и имущества, выдачу специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице и временное помещение в безопасное место (пп. 1–3 ч. 1 ст. 6 Закона № 119-ФЗ).

Кроме того, уголовно-процессуальная мера безопасности, установленная в ч. 2 ст. 186 УПК РФ «Контроль и запись переговоров», может быть применена только «...при производстве по уголовным делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях...».

К нашему сожалению, вынуждены констатировать, что в правоприменительной практике имеет место негативная тенденция «завышения» тяжести уголовно-правовой нормы в случае, когда на момент возбуждения уголовного дела лицо, подозреваемое в совершении преступления, установлено.

Специфика ограниченности обеспечения безопасности личности в стадии возбуждения уголовного дела выражается и в том, что не все меры безопасности могут быть реализованы на этом этапе производства по делу.

Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, при котором могут быть применены меры безопасности, может иметь место только в стадии предварительного расследования. Такой вывод следует из содержания ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ: «Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается подозреваемым или обвиняемым...». Опознание вне визуального контроля также именуется как следственное действие, которое не может быть проведено в стадии возбужде-

ния производства по уголовному делу (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

Контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) также не могут быть применены, поскольку из буквального толкования ч. 1 ст. 186 УПК РФ следует, что это следственное действие допускается «...при производстве по уголовным делам...», т.е. после возбуждения уголовного дела.

Способы проверки в стадии возбуждения уголовного дела также специфичны.

Их содержание имеет двойственную природу: проверка повода и наличия в нем основания для возбуждения уголовного дела и фактов установления угрозы безопасности ограничены. В силу нашего интереса обратим внимание на второй по счету элемент такой двойственности.

В качестве самостоятельного направления проведения процессуальных и частично следственных действий следует выделять проверку и установление оснований, условий (обстоятельств) применения мер государственной защиты на основании Закона № 119-ФЗ и мер уголовно-процессуальной безопасности, установленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, которая проводится параллельно с проверкой повода и основания для возбуждения уголовного дела.

Актуальность такой параллельности выражается в установлении на ранних этапах производства по делу необходимых гарантий для последующего предварительного расследования. В случае игнорирования важности своевременного получения сведений об угрозах, например, в отношении очевидца или пострадавшего (жертвы) преступления может быть поставлен под вопрос и факт возбуждения уголовного дела. Если в отношении очевидца или пострадавшего уже было оказано противоправное воздействие в связи с их возможным содействием предварительному расследованию, они от такого содействия скорее всего откажутся.

Двойственность (дуальность) обеспечения безопасности на этом не заканчивается. Дознаватель или следователь в стадии возбуждения уголовного дела может принять решение о применении мер государственной защиты на основании Закона № 119-ФЗ и мер безопасности, установленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Действующее законодательство не содержит прямых запретов одновременного применения как мер государственной защиты, так и уголовно-процессуальных мер безопасности. Вместе с тем, основания применения норм Закона № 119-ФЗ и основания применения положений ч. 3 ст. 11 УПК РФ различны.

Необходимость применения, кроме уголовно-процессуальных, и иных мер защиты в свое время послужила одним из оснований для разработки и принятия Закона № 119-ФЗ. Так, например, из содержания пояснительной записки «К проекту № 307533-3 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»» [23] следует, что «как показывает практика, применения только процессуальных мер обеспечения безопасности бывает недостаточно. В ряде случаев для обеспечения безопасности таких лиц требуется их постоянная охрана в течение длительного срока, изменение их места жительства, внешности

и паспортных данных. Для проведения таких мероприятий необходимо соответствующее правовое и финансовое обеспечение».

Таким образом, обеспечение государственной защиты и безопасности личности в стадии возбуждения производства по уголовному делу специфично ее особенностями (кратковременностью, недостатком полноты информации и т.п.). Вместе с тем, имеющиеся уголовно-процессуальные и внепроцессуальные средства, носящие ограничительный характер, все же позволяют обеспечить защиту содействующих уголовному правосудию участников досудебного производства в этой стадии.

1. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного судопроизводства. М., 2001.

2. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001.

3. Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2004.

4. URL: <http://cbsd.gks.ru/> (дата обращения: 27.01.2015).

5. Зайцев О.А. О реализации современной уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Пробелы в рос. законодательстве. 2012. № 5. С. 152–156.

6. Епихин А.Ю. Основные направления уголовной политики России на современном этапе // Вестн. Удмурт. ун-та. 2012. № 2–3. С. 140–145.

7. Зайцев О.А. Правовое регулирование и механизмы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2002. № 1.

8. Епихин А.Ю. Проблемы защиты участников процесса при производстве по уголовному делу // Вестн. Коми республиканской академии государственной службы и управления при Главе Республики Коми. Государство и право. 2000. № 3.

9. Брусницын Л.В. Проблемы формирования российского законодательства о защите лиц, содействующих уголовному правосудию // Государство и право. 2004. № 2. С. 32–40.

10. Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 6. С. 77–81.

1. Zaitsev O.A. State protection of participants in criminal proceedings. Moscow, 2001.

2. Brusnitsyn L.V. Ensuring the safety of the persons promoting the criminal justice: Russian, foreign and international experience of the twentieth century (procedural research). Moscow, 2001.

3. Epihin A. Yu. The concept of no-danger of the individual in criminal proceedings: auth. abstr. ... Dr of Law. Nizhny Novgorod, 2004.

4. URL: <http://cbsd.gks.ru/> (date of access: 27.01.2015).

5. Zaitsev O.A. On the implementation of the modern criminal procedure policy of the Russian Federation // Gaps in Russian legislation. 2012. № 5. P. 152–156.

6. Epihin A. Yu. The main directions of the criminal policy of Russia at the present stage // Bull. of Udmurtian university. 2012. № 2–3. P. 140–145.

7. Zaitsev O.A. Legal regulation and mechanisms of state protection of participants in criminal proceedings in the Russian Federation // «Black holes» in Russian legislation. 2002. № 1.

8. Epihin A. Yu. Problems of protection of participants of proceedings in the criminal case // Bull. of Komi Republican Academy of Public service and Management under the Head of the Komi Republic. State and law. 2000. № 3.

9. Brusnitsyn L.V. Problems of formation of the Russian legislation on the protection of individuals contributing criminal justice // State and law. 2004. № 2. P. 32–40.

10. Zaitsev O.A. The concept of state protection of participants in criminal proceedings in the Russian Federation // Bull. of Orenburg state university. 2006. № 6. P. 77–81.

11. Szczerba S., Zaitsev O. Ensuring the safety of participants of the criminal process // Soviet justice. 1992. № 9–10.

11. Щерба С., Зайцев О. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса // Сов. юстиция. 1992. № 9–10.
12. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ (в ред. от 3 февр. 2014 г., с изм. от 4 июня 2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534; Рос. газ. 2004. 25 авг.
13. Собр. законодательства РФ. 2006. № 45. Ст. 4708.
14. Там же. № 47. Ст. 4895.
15. Там же. 2007. № 11. Ст. 1325.
16. Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 47.
17. Собр. законодательства РФ. 2013. № 29. Ст. 3965.
18. Брусницын Л.В. К обеспечению прав жертв преступлений в досудебных стадиях // Уголовное право. 2004. № 1.
19. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
20. Шашин Д.Г., Коршунов А.В. Некоторые проблемные аспекты производства проверки сообщений о преступлениях // Эксперт-криминалист. 2014. № 1. С. 16–19.
21. Зинин А.М. Особенности регламентации использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений // Актуальные проблемы рос. права. 2013. № 6. С. 749–751.
22. Епихин А.Ю. Поводы и основания применения и реализации мер безопасности защищаемых лиц в уголовном судопроизводстве // Вестн. КРАГСиУ. Государство и право. 2004. № 7. С. 4–11.
23. Пояснительная записка к проекту № 307533-3 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.01.2015).
12. On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings: fed. law of Aug. 20, 2004 № 119-FL (in ed. of Febr. 3, 2014, with amendments of June 4, 2014) // Coll. of legislation of the Russian Federation 2004. № 34. Art. 3534; Rus. newsp. 2004. Aug. 25.
13. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2006. № 45. Art. 4708.
14. Ibid. № 47. Art. 4895.
15. Ibid. 2007. № 11. Art. 1325.
16. Bull. of regulations of federal executive authorities. 2007. № 47.
17. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 29. Art. 3965.
18. Brusnitsyn L.V. To ensure the rights of victims of crime in the pretrial stages // Criminal law. 2004. № 1.
19. On amendments to articles 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation: fed. law of March 4, 2013 № 23-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 9. Art. 875.
20. Shashin D.G., Korshunov A.V. Some problematic aspects of the production inspection reports of crimes // Criminal expert. 2014. № 1. P. 16–19.
21. Zinin A.M. Features regulating the use of specific knowledge at disclosing and investigation of crimes // Actual problems of the Russian law. 2013. № 6. P. 749–751.
22. Epihin A.Yu. Reasons and grounds for the application and implementation of security measures protected persons in criminal proceedings // Bull. of Komi Republican Academy of Public Service and management. State and law. 2004. № 7. P. 4–11.
23. The explanatory note to the draft № 307533-3 of the Federal law «On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings». Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 27.01.2015).

**Натура Денис Александрович**

кандидат юридических наук, доцент,  
начальник кафедры предварительного расследования  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: zida@inbox.ru)

## *Информационные технологии в уголовном судопроизводстве и их роль в процессе доказывания по уголовным делам*

В статье затрагиваются вопросы, связанные с применением информационных технологий в уголовном судопроизводстве. В частности, анализируется нормативно-правовая база, регламентирующая использование информационных технологий в процессе расследования по уголовным делам. Предпринята попытка сформулировать понятие информационных технологий в уголовном судопроизводстве.

**Ключевые слова:** информация, информационные технологии, уголовное судопроизводство.

**D.A. Natura**, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russia; e-mail: zida@inbox.ru

**Information technologies in criminal legal proceedings and their role in the course of proof on criminal cases**

In the article the questions connected with application of information technologies in criminal proceedings are raised. In particular, the standard and legal base regulating use of information technologies in the course of investigation on criminal cases is analyzed. An attempt to formulate concept of information technologies of criminal proceedings is made.

**Key words:** information, information technologies, criminal proceedings.

**Р**еальная действительность на протяжении нескольких последних лет диктует необходимость наличия специальной информационной подготовки человека к условиям проживания в современном информационно-техническом обществе. Неотъемлемое свойство информационного общества – наличие информационно-коммуникационных технологий – дает человеку небывалые ранее возможности доступа к информации и знаниям, позволяющим каждому реализовать свой личный потенциал и качественно улучшить условия жизни. Стремительно увеличивающиеся непомерные потоки информации порождают опасность того, что самая важная и необходимая информация будет так и не найдена, утрачена или растворена.

Информационные технологии, внедряемые в современную жизнь, позволяют значительно повысить качество и эффективность процесса интеллектуального труда человека. Стремительное развитие информационных технологий приводит к существенной перестройке компьютерно-информационной среды современного общества, открывая новые возможности общественного прогресса, находящего свое отражение во всех сферах человеческой деятельности.

Европейские правоохранительные органы в настоящее время успешно используют информационные технологии для раскрытия преступлений. В связи с этим в условиях интеграции европейских стран исправно работает, к примеру, сеть европейских техников-криминалистов (ENFSI – общественная сеть европейских судебных институтов), образованная в 1993 г. Главной целью данной Сети является достижение высокого качества судебных экспертиз в странах Европы, в связи с чем были сформированы экспертные рабочие группы техников-криминалистов, проделавшие определенную работу по стандартизации методов в различных областях научных знаний.

Эффективно исполняет свои полномочия закрытая база данных в рамках Шенгенского соглашения – Шенгенская информационная система, или «полицейская информационно-розыскная компьютерная система, обеспечивающая сотрудникам полиции европейских государств – участников Шенгенского договора прямой доступ к базам данных по розыску лиц и предметов» [1].

Повышая качество образования, компьютерные технологии дают возможность человеку успешнее и быстрее адаптироваться к окружающей среде и происходящим социальным изменениям [2].

Термин «информационные технологии», подразумевающий процессы, связанные с переработкой информации, ввел академик В.М. Глушков. Информационные технологии рассматриваются как конкретный способ работы с информацией, в частности: а) способ и средство сбора информации; б) обработка информации; в) передача информации для получения новых сведений об изучаемом объекте (персональный компьютер, телекоммуникационные и мультимедийные средства).

Сегодня информационные технологии являются системообразующим элементом информационного пространства, определяющим уровень реального использования информации в качестве ресурса в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Предотвращение, раскрытие и расследование преступлений, системный анализ получаемой информации о совершенном преступлении невозможны без использования технических средств и научных открытий в области информатики, связанных со сбором, хранением и обработкой информации.

Необходимость в качественной обработке информации, полученной в результате служебной деятельности сотрудниками полиции, обусловлена рядом практических задач. Наиболее важными из них являются:

- а) организация и осуществление действий по хранению собранных данных;
- б) структурирование собранных данных по областям (регионам);
- в) оперативное использование полного объема проверенной информации, дающее возможность быстро и четко принять управленческие решения в условиях служебной обстановки;
- г) возможность получения соответствующей моменту (ситуации) достоверной информации по запросам к базе данных сети органов внутренних дел;
- д) разбор (классификация) полученной служебной информации и ее статистическая обработка;
- е) своевременное оповещение подразделений органов внутренних дел информацией, полученной в результате их служебной деятельности.

В этих целях была разработана и утверждена «Концепция информатизации органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск МВД России до 2012 года» [3]. В Программе МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел» [4] (ЕИТКС ОВД) отмечены основные направления и механизмы повышения эффективности системы инфор-

мационного обеспечения органов внутренних дел.

ЕИТКС ОВД строится на основе «использования широкополосных технологий, при этом в качестве передающих сред могут использоваться проводные, волоконно-оптические и беспроводные линии связи. Основными требованиями по построению данной системы является использование аппаратуры, сертифицированной Мининформ связи России и прошедшей ведомственную сертификацию МВД РФ» [5].

Таким образом, основными тенденциями развития информационного обеспечения предотвращения, раскрытия и расследования преступлений в современных условиях являются не отдельные персональные компьютеры и соответствующее программное обеспечение, а «их симбиоз в виде автоматизированных информационных систем, автоматизированных рабочих мест и информационно-телекоммуникационных сетей» [6, с. 18].

Определение информационной технологии находим в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7]. В указанном нормативном правовом акте данная категория определяется как «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов».

По мнению отдельных исследователей данной проблемы, в частности А.М. Ишина, «основная цель использования информационных технологий – получение информационного продукта для его анализа с целью принятия решения по выполнению каких-либо действий. Поскольку основным техническим средством переработки информации является ПК, то его использование вместе с современными телекоммуникационными средствами связи определило новый этап развития информационных технологий. Следствием данного процесса стало изменение их названия за счет присоединения синонима “новые”, в результате получилось “новые информационные технологии”». [6]. В.Б. Вехов выделяет следующие перспективные направления использования НИТ в деятельности субъектов расследования [8, с. 279–283]:

1. Оформление материалов уголовных дел и служебной документации с помощью стандартных программ для ЭВМ.

2. Получение дополнительной консультационной правовой помощи путем использования автоматизированных справочно-правовых си-

стем «Гарант», «КонсультантПлюс», «Кодекс», а также информационных ресурсов сети «Интернет».

3. Автоматизация и повышение эффективности поиска, обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования вещественных доказательств по уголовным делам. В этих целях используются: а) мобильный комплекс следователя (дознателя) для работы в полевых условиях; б) специализированные криминалистические комплексы и лаборатории на базе мобильного компьютера.

4. Автоматизация и сокращение сроков подготовки и производства отдельных процессуальных действий: а) контроля и записи переговоров (с помощью автоматизированной информационной системы (АИС) специального назначения «СОПМ») [9]; б) розыска подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, трупов людей, транспортного средства, оружия и похищенного имущества (с помощью автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) и Интерпола [10]; АИС глобального позиционирования и навигации (GPS, ГЛОНАСС), радиопеленгации и распознавания образов личности или транспортного средства).

5. Использование электронной почты сети общего пользования «Интернет» [11] и закрытой межведомственной сети передачи данных (МСИД) «ДИОНИС» для служебной переписки по находящимся в производстве уголовным делам, получения директивных, справочно-нормативных документов и методических материалов [12].

6. Применение компьютерных технологий в обучении сотрудников органов предварительного следствия: системы дистанционных образовательных технологий и специализированных программ для ЭВМ [13].

7. Использование средств компьютерной техники, программ для ЭВМ, баз данных, электронных сообщений и документов в качестве вещественных доказательств по уголовным делам [14; 15].

8. Применение автоматизированного рабочего места следователя («АРМ следователя») [14; 15].

9. Использование компьютерных технологий для оценки доказательств, в том числе полученных другими участниками уголовного процесса и находящих в электронно-цифровой форме [16, с. 107–128].

В данных направлениях, на наш взгляд, учтены практически все возможности использования НИТ в деятельности сотрудников правоохранительных органов. Их внедрение позволяет качественно улучшить работу полиции, обеспечив быстрый доступ к специализированным базам данных федерального и регионального уровней, к автоматизированным лабораториям ДНК-анализа для экспертно-криминалистических подразделений, к справочно-правовым системам и т.д.

В свою очередь, Ю.Г. Коротенков под информационными технологиями понимает комплекс методов, способов и средств, обеспечивающих информационный процесс, который является совокупностью последовательных действий (операций), производимых над информацией (в виде данных, сведений, фактов, идей, гипотез, теорий и пр.) для получения какого-либо результата (цели). При этом информационный процесс представляется упорядоченной последовательностью действий над имеющейся информацией или по созданию новой информации [17].

Таким образом, полагаем, что под информационными технологиями в уголовном судопроизводстве следует понимать определенную совокупность средств, приемов и методов собирания (поиска, обнаружения, фиксации, изъятия), обработки и передачи первичной информации о расследуемом событии для получения уголовно-процессуальных доказательств, позволяющих в ходе производства по уголовному делу устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для расследования конкретного преступления.

1. Розыск. Международный розыск. Шенгенская информационная система (SIS) // Переводы материалов о практике деятельности правоохранительных органов зарубежных стран. М., 2000. № 11. С. 17–24.

2. Батенова Ю.В. Психологические аспекты взаимодействия человека и информационных технологий: основные тенденции // Актуальные проблемы психологического знания. 2009. № 4. С. 3–9.

1. Search. International search. The Schengen information system (SIS) // Translations of materials about practice of activity of law enforcement agencies of foreign countries. Moscow, 2000. № 11. P. 17–24.

2. Batenova Yu.V. Psychological aspects of interaction of the person and information technologies: main tendencies // Actual problems of psychological knowledge. 2009. № 4. P. 3–9.

3. Об утверждении Концепции информатизации органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск МВД России до 2012 года: приказ МВД России от 4 апр. 2009 г. № 28 // База данных «Нормативно-правовые акты МВД России».

4. Об утверждении новой редакции Программы МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел: приказ МВД России от 20 мая 2008 г. № 435 (с изм., внесенными приказом МВД России от 20 июля 2009 г. № 577) // База данных «Нормативно-правовые акты МВД России».

5. Зарубин В.С., Бабкин А.Н. Пример построения информационно-телекоммуникационных системы связи ОВД отдельно взятого региона // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2007. № 2. С. 135–137.

6. Ишин А.М. Некоторые аспекты использования информационных технологий в ходе раскрытия и расследования преступлений // Современные проблемы информационно-криминалистического обеспечения предварительного расследования и его оптимизация: материалы междунар. науч.-практ. конф., 21–22 апр. 2011 г. / редкол.: А.Н. Ильяшенко, К.В. Вишневецкий, В.А. Карлеба, Д.А. Натюра, В.Н. Шишкин. Краснодар, 2011.

7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изм. от 6 апр. 2011 г.) // Рос. газ. 2006. 29 июля.

8. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки. Волгоград, 2008.

9. Вехов В.Б. Возможности СОПМ при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений // Законность. 2004. № 12. С. 16–18.

10. Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола: приказ МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 6 окт. 2006 г. (в ред. от 22 сент. 2009 г.): зарегистрировано в Минюсте РФ 3 нояб. 2006 г. № 8437 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 47.

11. Об утверждении Правил предоставления доступа и использования ресурсов сети «Интернет» в системе МВД России: приказ МВД России от 10 сент. 2006 г. № 734.

12. О документационном обеспечении управления в системе органов внутренних

3. About the approval of the Concept of an informatization of law-enforcement bodies of the Russian Federation and internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia till 2012: order of the Ministry of the Interior of Russia of Apr. 4, 2009 № 280 // «Normative legal acts of the Ministry of the Interior of Russia» database.

4. About the adoption of new edition of the Program of the Ministry of the Interior of Russia «Creation of uniform information and telecommunication system of law-enforcement bodies»: order of the Ministry of the Interior of Russia of May 20, 2008 № 435 (with the amendments brought with the order of the Ministry of the Interior of Russia of July 20, 2009 № 577) // «Normative legal acts of the Ministry of the Interior of Russia» database.

5. Zarubin V.S., Babkin A.N. Example of construction information and telecommunication systems of communication of Departments of Internal Affairs of separately taken region // Bull. of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2007. № 2. P. 135–137.

6. Ishin A.M. Some aspects of use of information technologies during disclosure and investigation of crimes // Modern problems of information and criminalistic ensuring preliminary investigation and its optimization: proc. of the Intern. sci.-pract. conf., Apr. 21–22, 2011 / ed. board: A.N. Ilyashenko, K.V. Vishnevetsky, V.A. Karleba, D.A. Natyura, V.N. Shishkin. Krasnodar, 2011.

7. About information, information technologies and about information security: fed. law of July 27, 2006 № 149-FL (with amendments of Apr. 6, 2011) // Rus. newsp. 2006. July 29.

8. Vekhov V.B. Bases of the criminalistic doctrine about research and use of computer information and means of its processing. Volgograd, 2008.

9. Vekhov V.B. Possibilities of SORM at investigation of heavy and especially heavy crimes // Legality. 2004. № 12. P. 16–18.

10. About the approval of the Instruction on the organization of information support of cooperation on the Interpol line: order of the Ministry of the Interior of Russia № 786, the Ministry of Justice of the Russian Federation № 310, the Federal Security Service of the Russian Federation № 470, the Federal Protection Service of the Russian Federation № 454, Federal Drug Control Service of the Russian Federation № 333, Federal Customs Service of Russia № 971 of Oct. 6, 2006 (in ed. of Sept. 22, 2009): registered in Ministry of Justice of the Russian Federation of Nov. 3, 2006 № 8437 // Bul. of regulations of federal executive authorities. 2006. № 47.

дел Российской Федерации: приказ МВД России от 4 дек. 2006 г. № 987.

13. О внедрении Системы дистанционных образовательных технологий в образовательных учреждениях МВД России: приказ МВД России от 23 июня 2006 г. № 497.

14. Зайцев П. Электронный документ как источник доказательств // Законность. 2002. № 4. С. 40–44.

15. Вехов В.Б. Осмотр документа на машинном носителе // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 60–64.

16. Родин А.Ф., Вехов В.Б. Использование компьютерных технологий в деятельности следователя / под ред. Б.П. Смагоринского. Волгоград, 2003.

17. Коротенков Ю.Г. Информационные процессы и технологии как объекты информатики и обучения информатике // Вестн. Моск. городского пед. ун-та. Сер.: Информатика и информатизация образования. 2004. № 3. С. 98–106.

11. About the approval of Rules of providing access and use of resources of the Internet network in system of the Ministry of the Interior of Russia: order of the Ministry of the Interior of Russia of Sept. 10, 2006 № 734.

12. About documentary ensuring management in system of law-enforcement bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of the Interior of Russia of Dec. 4, 2006 № 987.

13. About introduction of System of remote educational technologies in educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia: order of the Ministry of the Interior of Russia of June 23, 2006 № 497.

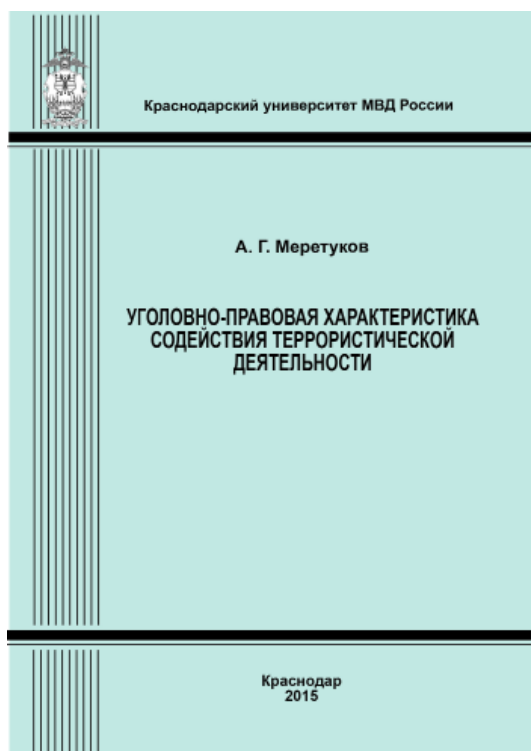
14. Zaytsev P. Electronic document as source of proofs // Legality. 2002. № 4. P. 40–44.

15. Vekhov V.B. Survey of the document on the machine carrier // Criminal trial. 2005. № 1. P. 60–64.

16. Rodin A.F., Vekhov V.B. Use of computer technologies in activity of the investigator / ed. by B.P. Smagorinsky. Volgograd, 2003.

17. Korotnikov Yu.G. Information processes and technologies as objects of informatics and training in informatics // Bul. of the Moscow city pedagogical university. Ser.: Informatics and informatization of education. 2004. № 3. P. 98–106.

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Уголовно-правовая характеристика содействия террористической деятельности** / А. Г. Меретуков. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – 126 с.

В монографии рассмотрены этапы развития законодательства об ответственности за содействие террористической деятельности, понятие содействия террористической деятельности и его соотношение со смежными составами преступлений. Проанализировано законодательство, предусматривающее ответственность за преступления террористического характера.

Для слушателей, курсантов, студентов, преподавателей, адъюнктов и соискателей высших образовательных организаций МВД России.



**Таран Антонина Сергеевна**кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики  
Самарского государственного университета  
(e-mail: topsikt@mail.ru)

## *Отвод адвоката в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации*

Конституционный Суд РФ в своих решениях сформулировал правовые позиции, в которых выразил свое понимание сущности и порядка реализации института отвода адвоката в уголовном процессе Российской Федерации. Все решения Конституционный Суд РФ принимал с позиции значимости отвода адвоката в обеспечении конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. Данные решения требуют систематизации, анализа и реализации на практике.

**Ключевые слова:** адвокат, отвод адвоката, Конституционный Суд РФ, прецедент, обстоятельства, исключающие участие в деле, судебный контроль, адвокатская тайна.

**A.S. Taran**, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the Samara State University; e-mail: topsikt@mail.ru

### **Challenge of a defender in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation**

The Constitutional Court of the Russian Federation in its decisions formulated the legal positions expressed its understanding of the essence and procedure of challenge of defender in the criminal procedure of the Russian Federation. All decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation took the position of the significance of challenge of a defender in ensuring the constitutional right to receive qualified legal assistance. These solutions require systematization, analysis and implementation in practice.

**Key words:** defender, challenge of defender, the Constitutional Court of the Russian Federation, precedent, circumstances excluding participation in criminal procedure, judicial control, attorney secret.

**К**онституционный Суд РФ своими решениями вносит значительные коррективы в понимание и применение уголовно-процессуального законодательства. Практически любой правовой институт невозможно считать в достаточной мере исследованным без обращения к решениям Конституционного Суда РФ, затрагивающим его в той или иной степени.

Сказанное в полной мере относится к нормам об отводе защитника (представителя потерпевшего). Исследование правовых позиций Конституционного Суда РФ в отношении данного института особенно актуально в свете обеспечения конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ), предполагающего получение помощи именно от избранного адвоката.

В данной работе мы проанализируем решения Конституционного Суда РФ в отношении уголовно-процессуального законодательства

Российской Федерации, определяющего основания и процессуальный порядок отвода адвоката (подразумевая под понятием «адвокат» как адвоката, участвующего в деле в качестве защитника, так и представителя потерпевшего).

Сразу заметим, что ни в одном из решений Конституционный Суд РФ не констатировал неконституционность норм, регламентирующих обстоятельства, исключающие участие адвоката в деле. В подавляющем большинстве случаев им были вынесены определения об отказе в принятии к рассмотрению обращений, предметом которых они выступали. Тем не менее, в решениях Конституционного Суда РФ значимы трактовки положений уголовно-процессуального закона, ориентирующие правоприменителей на правильное понимание и соответствующее применение последнего. Кроме того, по ним можно судить, какие положения данного правового института оцениваются участниками уголовного процесса как нарушающие их конституционные права.

При освещении обозначенной нами темы, прежде всего, следует обратиться к позиции Конституционного Суда РФ по фундаментальным для данного процессуального института положениям о правовой сущности института отвода адвоката, о его значении, о том, чьи интересы он обеспечивает и защищает.

Этот вопрос был затронут в обращениях граждан, оспаривающих конституционность ст. 72 УПК РФ, как предусматривающей возможность отвода защитника без учета позиции доверителя, тем самым, с их точки зрения, вступающей в противоречие с правом на получение квалифицированной юридической помощи в виде права на помощь выбранного им самим защитника.

Конституционный Суд РФ в своих решениях по данному поводу указал, что положение об отводе адвоката «не только не ограничивает право подозреваемого и обвиняемого на защиту, а напротив, является дополнительной гарантией его реализации, поскольку направлено на исключение каких-либо действий со стороны защитника, могущих прямо или косвенно способствовать неблагоприятному для его подзащитного исходу дела» [1].

Вместе с тем, он признал также, что направленность института отвода адвоката не ограничена защитой частного интереса (интересов обвиняемого (подозреваемого)), но распространяется и на защиту публичных интересов, указав заявителю К.В. Брындину, что предусмотренные ст. 72 УПК РФ основания отвода связаны «с необходимостью обеспечения как его права на защиту, так и прав и свобод других лиц, а также интересов правосудия» [2].

На претензии заявителей о том, что институт отвода адвоката затрагивает право на выбор защитника по своему усмотрению, Конституционный Суд РФ возразил, указав, что «право на самостоятельный выбор защитника не является безусловным. По своему содержанию данное право не означает право выбирать в качестве защитника любое лицо по усмотрению обвиняемого, в том числе без учета обстоятельств, исключающих его участие в деле» [1].

Не усмотрел ущемления прав обвиняемого (подозреваемого) институтом отвода адвоката Конституционный Суд РФ еще и потому, что «отстранение защитника от участия в деле дознавателем, следователем или судом не должно быть произвольным, возможно лишь по основаниям, установленным УПК РФ, и, кроме того, не препятствует участию в деле другого защитника, а следовательно, не ограничивает

право на получение квалифицированной юридической помощи» [3].

Обратим внимание на то, что последнее утверждение Конституционного Суда РФ для нас не бесспорно, поскольку незаконный отвод адвоката, оказывающего помощь обвиняемому, сам по себе является нарушением права обвиняемого на защиту как основание отмены или изменения судебного решения (п. 4 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ). Утверждать, что при таком отводе право на защиту не нарушается, поскольку у обвиняемого сохраняется право пользоваться помощью защитника вообще и есть возможность пригласить другого защитника, неправомерно.

Интересны претензии граждан к отдельным основаниям отвода адвоката, предусмотренным п. 1–3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, и позиции, выраженные в связи с ними Конституционным Судом РФ.

Пункт 1 ч. 1. ст. 72 УПК РФ, предусматривающий отвод адвоката в связи с его предыдущим участием в деле в ином процессуальном статусе, неоднократно являлся прямо или опосредованно предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ.

Фактически во всех случаях вопрос о его соответствии Конституции РФ поднимался только в связи с одним положением: о недопустимости участия в деле в качестве защитника (представителя потерпевшего) в ситуации его допроса в качестве свидетеля.

Известно, что норма п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ в части недопустимости совмещения функций защитника и свидетеля нередко используется следователями для устранения из дела неугодных адвокатов. Формально, поскольку по УПК РФ свидетель – лицо, «вызванное на допрос» (ч. 1 ст. 56 УПК РФ), сам факт направления адвокату повестки о вызове на допрос к следователю дает последнему право отвести адвоката от участия в деле. Нередко даже по делам, получившим общественный резонанс, следователи не гнушаются прибегать к такому приему облегчения своей работы. Подобная ситуация возникла, в частности, по делу мэра г. Томска А. Макарова, когда следственные органы отвели его защитника Виктора Бакуревича. Аналогичным образом пытались устранить из дела об убийстве журналиста Д. Холодова адвоката Ларису Мове, защищавшую подсудимого К. Барковского.

Причем поводом для отвода становится протокол допроса, в котором удостоверяется факт отказа адвоката от дачи показаний. Дошла эта практика и до Конституционного Суда РФ.

По поводу вызова на допрос адвоката с последующим отводом от участия в деле Конституционный Суд РФ отметил, что «...закон не предполагает, что следователь вправе без достаточных фактических оснований вызвать участвующего в деле защитника для допроса в качестве свидетеля, с тем чтобы искусственно создать юридические основания для его отвода» [1]. Тем самым он отметил, что имеет место нарушение закона со стороны применителей, а не неконституционность уголовно-процессуальной нормы.

Пункт 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ был оспорен (наряду с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) гражданами А.Л. Гольдманом, С.А. Соколовым как допускающий возможность допроса адвоката без судебного решения и его отстранения на этом основании от участия в деле, чем, по мнению заявителей, нарушаются конституционные права, предусмотренные ч. 1 ст. 48 (право на получение квалифицированной помощи), ч. 2 ст. 51 Конституции РФ (свидетельский иммунитет) [4].

Конституционный Суд РФ, не усмотрев необходимости отнесения вопроса об отводе адвоката к компетенции суда, посчитал, что «установленный в пп. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ запрет допрашивать адвоката об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с участием в производстве по делу или в связи с оказанием иной юридической помощи, распространяется на обстоятельства любых событий – безотносительно к тому, имели ли они место после или до того, как адвокат был допущен к участию в деле в качестве защитника обвиняемого, а также независимо от того, кем решается вопрос о возможности допроса адвоката – судом или следователем».

Не соглашаясь с аргументацией Конституционного Суда РФ, заметим, что наличие судебного контроля обусловлено не особенностями оснований принятия решения, а спецификой самого решения, степенью ограничения этим решением конституционных прав гражданина (права на свободу передвижения, неприкосновенность имущества и т.д.) и потенциальной угрозой в связи с этим ущемления прав граждан при производстве предварительного расследования. В силу этого неубедительными представляются доводы Конституционного Суда РФ, не посчитавшего возможным констатировать ограничение права на защиту, предполагающего пользоваться помощью именно избранного обвиняемым (подозреваемым) защитника, положением закона, уполномочивающим принимать решение об отводе следо-

вателя (дознателя). Отнесение отвода защитника к компетенции следователя (дознателя), выступающего, как известно, стороной обвинения (гл. 6 УПК РФ), подвергается критике в научной литературе [5, с. 25–27].

В данном определении Конституционный Суд РФ отметил, что п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ «не может препятствовать участию в уголовном деле избранного обвиняемым защитника, ранее не допрашиваемого в ходе производства по делу, так как исключает возможность допроса последнего в качестве свидетеля об обстоятельствах и фактах, ставших ему известными в рамках профессиональной деятельности по оказанию юридической помощи, независимо от времени и обстоятельств получения им таких сведений».

Что касается первой части данной формулировки, то здесь Конституционный Суд РФ затронул весьма актуальную проблему, когда адвокат не допускается к участию в производстве по делу со ссылкой на то, что планируется его допрос в качестве свидетеля, и дал правильный ориентир по ее решению.

Вторая же искажает правовое значение обстоятельств, исключающих участие адвоката в деле, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, т.к. они не исключают и не могут исключать допрос адвоката в качестве свидетеля, на это направлены пп. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ.

В свете реализации требования п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ интересны решения Конституционного Суда РФ, в которых он обозначил, в каких случаях адвокат может быть допрошен, а в каких – нет, определяя тем самым предмет адвокатской тайны.

С этим вопросом связано одно из первых решений Конституционного Суда РФ, затрагивающее институт отвода. Так, в 2000 г. Конституционный Суд РФ обратился гражданин В.В. Паршуткин в связи с тем, что его адвокату Е.Ю. Львовой было отказано в допуске к участию в деле со ссылкой на ст. 67.1 УПК РСФСР в связи с необходимостью ее допроса.

По данному обращению Конституционный Суд РФ вынес определение, в котором указал на незыблемость установленного ст. 67.1 УПК РСФСР (ныне – п. 1 ч. 2 ст. 72 УПК РФ) запрета на допрос адвоката об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с выполнением обязанностей защитника или представителя потерпевшего, сформулировав вывод о том, что «уголовно-процессуальное законодательство, не устанавливая каких-либо исключений из этого правила в зависимости от времени по-

лучения адвокатом сведений, составляющих адвокатскую тайну, не ограничивает их сведениями, полученными лишь после того, как адвокат был допущен к участию в деле в качестве защитника обвиняемого» [6].

Заметим, что Конституционный Суд РФ достаточно категорично обозначил запрет на допрос адвоката в качестве свидетеля. Оценивая последующие решения Конституционного Суда по п. 1 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР (п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ), можно увидеть, что он занял позицию, согласно которой запрет на допрос адвоката не абсолютен.

В каких случаях он допускает его осуществление?

Во-первых, Конституционный Суд РФ признал, что допрос адвоката возможен в тех случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. При этом предметом показаний может являться информация, полученная в процессе оказания юридической помощи, т.е. составляющая адвокатскую тайну. Высший орган конституционного контроля указал: «Освобождая адвоката от обязанности свидетельствовать о ставших ему известными обстоятельствах в случаях, когда это вызвано нежеланием разглашать конфиденциальные сведения, п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ вместе с тем не исключает его право давать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении таких показаний». Он особо подчеркнул, что в таких ситуациях должна осуществляться процедура отвода адвоката: «Данная норма (п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ – примеч. А.Т.) также не служит для адвоката препятствием в реализации права выступить свидетелем по делу при условии изменения впоследствии его правового статуса и соблюдения прав и законных интересов лиц, доверивших ему информацию» [7]. Таким образом, Конституционный Суд РФ признал возможным осуществить допрос адвоката об обстоятельствах, составляющих адвокатскую тайну, при наличии на то волеизъявления самого адвоката и его доверителя, с условием, что адвокат не будет осуществлять в дальнейшем представление интересов по делу.

Во-вторых, рассмотрев вопрос о конституционности положений п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, как позволяющего субъектам, ведущим уголовное судопроизводство, без согласия обвиняемого вызывать и допрашивать адвоката в качестве свидетеля в целях выяснения обстоятельств его участия (неучастия) в качестве защитника

на предварительном следствии или в судебном разбирательстве, а полученные от адвоката сведения использовать для опровержения доводов обвиняемого, Конституционный Суд РФ признал, что адвокату «вправе задавать вопросы относительно имевших место нарушений уголовно-процессуального закона, не исследуя при этом информацию, конфиденциально доверенную лицом адвокату, а также иную информацию об обстоятельствах, которая стала ему известна в связи с его профессиональной деятельностью» [8; 9].

В данном случае мнение Конституционного Суда РФ и сложившаяся к тому моменту позиция исполнительных органов адвокатского сообщества совпали [10].

Вместе с тем, на наш взгляд, правовое обоснование Конституционным Судом РФ указанного вывода нельзя назвать безупречным.

Так, ссылаясь на положения подп. 5 п. 4 ст. 6, п. 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности...», он отметил, что «установленный законодателем запрет на допрос адвоката в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи, является гарантией того, что информация о частной жизни, конфиденциально доверенная лицом в целях собственной защиты только адвокату, не будет вопреки воле этого лица использована в иных целях, в том числе как свидетельствование против него самого».

Сама по себе эта формулировка Конституционного Суда РФ была бы безобидной, если бы им не имелось в виду, что только эта информация (т.е. о частной жизни и конфиденциально доверенная доверителем) защищается Федеральным законом «Об адвокатской деятельности...» от распространения. В данном случае Конституционный Суд РФ совершенно необоснованно сузил предмет адвокатской тайны. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что перечень сведений, ее составляющий, открытый и определен формулировкой «любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю» (ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката от 31 января 2003 г.).

Кроме того, Конституционный Суд РФ отмечает, что выявленные при предъявлении обвинения нарушения требований уголовно-процессуального закона «должны быть в интересах

доверителя доведены до сведения соответствующих должностных лиц и суда, т.е. такие сведения не могут рассматриваться как адвокатская тайна». Таким образом, «доведение до сведения» вменено в обязанность адвоката.

Конституционный Суд не дал ссылку на то, где она закреплена, и, на наш взгляд, не случайно, потому что данной обязанности у адвоката нет и быть не может.

Выявление и обнародование процессуальных нарушений со стороны субъектов, осуществляющих уголовное судопроизводство на всем его протяжении, не является уголовно-процессуальной обязанностью. УПК РФ не обязывает и не может обязать адвоката делать заявления о нарушениях со стороны органов, ведущих процесс, особенно в момент их осуществления (тем самым пресекая их, зачастую в интересах органов следствия). Вопрос о времени, месте, как и самом обнародовании фактов таких нарушений, – вопрос адвокатской тактики, решаемый совместно с доверителем и исключительно в интересах последнего.

Помимо п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, предметом обращения граждан стал и п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, предусматривающий противоречие интересов доверителей адвоката в качестве обстоятельства, исключающего его участие в производстве по уголовному делу. Так, гражданка Т.Н. Дубинина указала, что нарушением ее конституционного права на защиту является то, что п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ допускает отвод при отсутствии четких критериев понятия «противоречие интересов» и исходя из одного предположения, что возникновение противоречий возможно в будущем.

На это Конституционный Суд РФ ответил, что из действующего уголовно-процессуально-

го закона не вытекает, что решение об отводе защитника принимается исходя лишь из предположения о возможности возникновения противоречий интересов в будущем. Напротив, из п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ с определенностью следует, что наличие таких противоречий должно иметь место на момент принятия решения об отводе» [1].

Данным решением Конституционный Суд РФ сориентировал правоприменителей на то, что при отводе по п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ противоречие интересов доверителей адвоката должно быть действительным и реальным, его наличие в решении об отводе должно быть обосновано.

Таким образом, в настоящее время многие положения института отвода адвоката воспринимаются участниками уголовного процесса как нарушающие их конституционные права, в частности права на получение квалифицированной юридической помощи, на выбор защитника по своему усмотрению.

Конституционный Суд РФ своими решениями последовательно отстаивает конституционность положений УПК РФ, предусматривающих возможность отстранения адвоката от производства по делу при наличии установленных законом обстоятельств. Высший орган конституционного контроля своими правовыми позициями дал ответы на многие вопросы, возникшие на практике: о круге этих обстоятельств, трактовке условий их применения и проч. Значительный вклад внесли его решения в правильное понимание и применение положений о свидетельском иммунитете адвоката, непосредственно связанных с институтом отвода последнего.

1. Об отказе в рассмотрении жалобы гражданки Дубининой Т.Н. на нарушение ее конституционных прав ч. 1 ст. 69 и пп. 1 и 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 9 нояб. 2010 г. № 1573-О-0.

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брындина К.В. на нарушение его конституционных прав ч. 6 ст. 49, п. 3 ч. 1 и ч. 2 ст. 72 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 14 окт. 2004 г. № 333-О.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Иналовой С.А. на нарушение ее конституционных прав положениями пп. 8 и 9 части ч. 4 ст. 47, п. 3 ч. 1 ст. 72 и ч. 1 и 4 ст. 354 УПК РФ: определение Консти-

1. About refuse to consider the complaint of the citizen Dubinina T.N. on the infringement of her constitutional rights with pt. 1 of art. 69 and items 1 and 3 of pt. 1 of art. 72 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Nov. 9, 2010 № 1573-0-0.

2. About refuse to consider the complaint of the citizen Bryndin K.V. on the infringement of his constitutional rights with pt. 6 of art. 49, item 3 of pt. 1 and pt. 2 of art. 72 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Oct. 14, 2004 № 333-0.

3. About refuse to consider the complaint of the citizen Inalova S.A. on the infringement of her con-

туционного Суда РФ от 19 марта 2009 г. № 322-0-0.

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан А.Л. Гольдмана и С.А. Соколова на нарушение их конституционных прав ст. 29, п. 3 ч. 2 ст. 38, п. 2 и 3 ч. 3 ст. 56, п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2007 г. № 516-О-О.

5. Таран А.С. Отвод в свете состязательности уголовного судопроизводства // Рос. следователь. 2013. № 12. С. 25–27.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. № 128-О по жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод п. 1 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР и ст. 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О по жалобе гражданина Цицикишвили Г.В. на нарушение его конституционных прав п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова А.М. на нарушение его конституционных прав п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ: Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 970-О-О.

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Узбекистан Эшонкулова Азамата Хатамбаевича на нарушение его конституционных прав статьей 56, частью пятой статьи 246 и частью третьей статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 23 сент. 2010 г. № 1147-О-О.

10. О вызове адвоката в суд для дачи свидетельских показаний адвокатов – бывших защитников на досудебном производстве: разъяснение Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 28 февр. 2008 г.

stitutional rights with provisions of items 8, 9 of pt. 4 of art. 47, item 3 of pt. 1 of art. 72 and p. 1, 4 of art. 354 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 19, 2009 № 322-0-0.

4. About refuse to consider the complaint of the citizens A.L. Goldman and S.A. Sokolov on the infringement of their constitutional rights with art. 29, item 3 of pt. 2 of art. 38, items 2, 3 of pt. 3 of art. 56, item 1 of pt. 1 of art. 72 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2007 № 516-О-О.

5. Taran A.S. Withdrawal in the light of the adversarial criminal proceedings // Russian investigator. 2013. № 12. P. 25–27.

6. The determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 6, 2000 № 128-О on the complaint of the citizen Parshutkin Viktor Vasilievich on the infringement of his constitutional rights and freedoms of item 1 of pt. 2 of art. 72 of the Criminal procedure code of the RSFSR and art. 15, 16 of the Provision of legal profession of RSFSR.

7. The determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 6, 2003 № 108-О on the complaint of the citizen Tsitskishvily G.V. on the infringement of his constitutional rights with item 2 of pt. 3 of art. 56 of the Criminal procedure code of the Russian Federation.

8. About refuse to consider the complaint of the citizen Gavrilov A.M. on the infringement of his constitutional rights with item 3 of pt. 3 of art. 56 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 16, 2009 № 970-О-О.

9. About refuse to consider the complaint of the citizen of the Republic of Uzbekistan Eshonkulov Azamat Hatambaevich on the infringement of his constitutional rights with art. 56, pt. 5 of art. 246 and pt. 3 of art. 278 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Sept. 23, 2010 № 1147-О-О.

10. About calling a defender to court to testify lawyers – former defender for pre-trial proceedings: clarification of the Council of Lawyer Chamber of Moscow of Febr. 28, 2008.

Кабанцов Юрий Николаевич

преподаватель кафедры специальных дисциплин  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: kabantsov78@mail.ru)

## *Сущность и формы дознания в российском уголовном процессе*

В статье рассматриваются сущность и формы дознания в уголовном процессе Российской Федерации. Особое внимание уделено вопросам введения нового института – дознания в сокращенной форме.

**Ключевые слова:** дознание, дознание в общем порядке, дознание в сокращенной форме, обвинительный акт, обвинительное постановление.

**Yu.N. Kabantsov**, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kabantsov78@mail.ru

### **Essence and forms of inquiry in the Russian criminal trial**

The article is devoted to essence and forms of inquiry in a criminal trial of the Russian Federation. Particular attention is paid to the introduction of a new institution – the inquiry in an abbreviated form.

**Key words:** inquiry, inquiry in general manner, inquiry in abbreviated form, indictment, indictment ruling.

**В** настоящее время процесс реформирования досудебного производства является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых проблем в отечественной доктрине. Вызывают острую дискуссию вопросы об общих чертах и различии процессуальной деятельности дознания и предварительного следствия, о существовании двух форм дознания. В последнем случае речь идет о введении Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [1] института сокращенной формы дознания по уголовным делам небольшой и средней тяжести (гл. 32.1 УПК РФ).

В рамках дифференциации процессуальной формы досудебного производства УПК РФ предусматривает следующие формы предварительного расследования: предварительное следствие и дознание (ч. 1 ст. 150). Дознание проводится в общем порядке либо в сокращенной форме (п. 1.1 ч. 1 ст. 150 УПК РФ). Прежде чем обратиться к характеристике форм дознания, целесообразно раскрыть такие понятия, как «процессуальная форма», «дифференциация процессуальной формы».

Традиционно в отечественной доктрине процессуальную форму рассматривают как правовую форму деятельности суда, органов расследования и прокурорского надзора по возбуждению уголовных дел, их расследованию и разрешению, а также участников процесса и иных лиц, привлеченных к делу в том или

ином качестве, и отношений, связанных с этой деятельностью [2, с. 8–9].

По вопросу дифференциации процессуальной формы единого мнения среди ученых нет. В свое время Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев полагали, что дифференциация уголовного процесса осуществляется по двум направлениям: 1) установление дополнительных гарантий законности по отдельным категориям уголовных дел (дела о преступлениях несовершеннолетних, лиц, страдающих психическими или физическими недостатками, и т.д.); 2) упрощение некоторых процессуальных форм для дел о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности [3, с. 33]. И хотя данная дифференциация зависит от характера правонарушения, правильный выбор формы расследования является важным условием досудебного производства, поскольку обеспечивает защиту прав граждан [4, с. 55], закрепленных в ст. 6-1 Европейской конвенции по защите прав и основных свобод человека, в которой сказано: «Любое лицо имеет право на то, чтобы его дело было рассмотрено справедливо, публично и в разумные сроки...».

Сторонником единства уголовного процесса выступал М.С. Строгович, полагая, что существует единый во всех судах и по всем делам порядок производства, который обусловлен едиными принципами правосудия и едиными задачами обнаружения по уголовным делам

истины, справедливого разрешения этих дел и обеспечения прав и законных интересов участников процесса [5, с. 65]. Эта позиция базируется на определенном историческом опыте нашего государства, когда некоторые уголовные дела оказывались подсудными несудебным органам, да и сами дела порой просто фабриковались (создание особых совещаний, «троек»). Некоторые ученые высказывают тревогу о перспективах единства уголовного процесса как гарантии обеспечения прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство [6, с. 47].

Будем исходить из того, что единство уголовно-процессуальной формы не исключает ее дифференциации, поскольку любая дифференциация производна от унифицированной формы. В рамках процессуальной формы досудебного производства рассмотрим сущность и формы дознания в российском уголовном процессе.

Следует отметить, что границы между дознанием и предварительным следствием являются достаточно расплывчатыми, поскольку разделение в основном осуществляется по чисто формальным признакам: по категориям подследственных им дел; по субъектам, осуществляющим эту деятельность; по срокам; по отдельным особенностям в процедуре осуществления [7, с. 71].

Анализ норм УПК РФ показывает, что общие черты дознания и предварительного следствия проявляются в следующем: во-первых, это касается перечня, оснований и порядка производства следственных действий; во-вторых, это перечень, основания, процедура избрания, изменения и отмены основных мер пресечения и применения иных мер процессуального принуждения; в-третьих, требования, предъявляемые к процессуальным документам, которые составляются в ходе предварительного расследования. И предварительное следствие, и дознание в общем порядке начинаются после возбуждения уголовного дела. Дознание в сокращенной форме формально начинается с момента вынесения постановления об удовлетворении соответствующего ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме. Вместе с тем, и в этом случае предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела.

Дознание в общем порядке хотя во многом и повторяет предварительное следствие, но содержит существенные отличия. Прежде

всего, это касается срока дознания, который составляет 30 суток. Срок дознания не может быть продлен более чем на 12 месяцев, а пределов продления срока предварительного следствия УПК РФ не содержит. Эту форму предварительного расследования осуществляет дознаватель, статус которого отличается от правового положения следователя. В частности, дознавателю прокурором могут быть даны обязательные для исполнения письменные указания. Обжалование подобного указания не приостанавливает его исполнения. Следователю вправе давать указания руководитель следственного органа, а прокурор – лишь после рассмотрения обвинительного заключения (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). При этом обжалование следователем руководителю вышестоящего следственного органа отдельных указаний нижестоящего руководителя следственного органа (об изъятии уголовного дела и передаче его другому следователю, привлечении лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления и т.д.) приостанавливает исполнение таких указаний (ч. 3 ст. 39 УПК РФ).

При производстве дознания лицо может быть уведомено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ, после чего оно становится подозреваемым. Далее закон устанавливает, что если при производстве дознания подозреваемый заключен под стражу, то предварительное расследование должно быть закончено (или подозреваемому должно быть предъявлено обвинение) не позднее 10 суток со дня избрания указанной меры пресечения. В случае невозможности составить обвинительный акт в указанный срок подозреваемому предъявляется обвинение в порядке, предусмотренном гл. 23 УПК РФ (по правилам о производстве предварительного следствия), после чего производство дознания продолжается по правилам гл. 32 УПК РФ либо избранная мера пресечения отменяется.

Дознание в сокращенной форме отличается не только от предварительного следствия, но и от дознания в общем порядке. Для новой формы дознания существуют свои правила.

Во-первых, требуется наличие обязательных условий (ст. 226.1, 226.2 УПК РФ), без которых дознание не может быть начато: 1) уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица, совершившего одно или несколько преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ; 2) подозреваемый признает свою вину, ха-



актер и размер причиненного преступлением вреда; 3) подозреваемый является совершеннолетним; 4) отсутствуют основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера в порядке, установленном гл. 51 УПК РФ; 5) подозреваемый не относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, предусмотренный гл. 52 УПК РФ; 6) подозреваемый владеет языком, на котором ведется судопроизводство; 7) подозреваемый в течение 2 суток после разъяснения ему соответствующего права заявил ходатайство в письменной форме о производстве дознания в сокращенной форме (ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ); 8) согласие потерпевшего на применение сокращенной формы дознания.

Во-вторых, особенность проявляется в необходимости вынесения дознавателем дополнительного постановления об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме (п. 1 ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ).

В-третьих, для дознания в сокращенной форме характерен усеченный предмет доказывания по уголовному делу, который состоит из следующих обстоятельств: а) события преступления; б) характера и размера причиненного преступлением вреда; в) виновности лица в совершении преступления.

В-четвертых, особенности доказывания проявляются и в том, что дознаватель вправе: 1) не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим и (или) его представителем; 2) не допрашивать лиц, от которых в ходе рассмотрения заявления (сообщения) о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим и (или) его представителем; 3) не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении, за исключением отдельных случаев; 4) не производить иные процессуальные действия, направленные на установление фактических

обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым УПК к доказательствам (ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Дознание в сокращенной форме имеет особенности и в сроках предварительного расследования. Этот срок составляет 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме (у дознания в общем порядке – 30 суток с момента возбуждения уголовного дела). Общий срок дознания в сокращенной форме не может быть более 35 суток, срок дознания в общем порядке может быть продлен до 12 месяцев. Несколько отличаются основания продления срока указанных форм дознания (ст. 226.6 УПК РФ).

При производстве дознания в сокращенной форме не может быть вынесено постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и обязательно участие защитника. Помимо этого, в случае направления дела через прокурора в суд по окончании дознания в сокращенной форме оформляется обвинительное постановление, а дознания в общем порядке – обвинительный акт (ст. 226.7 УПК РФ). Законодателем установлен срок (не позднее 3 суток) со дня составления обвинительного постановления, в течение которого обвиняемый, его защитник, а в случае заявления соответствующего ходатайства – потерпевший и (или) его представитель должны быть ознакомлены с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела (ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ).

Введение сокращенной формы дознания в том виде, как это представляет российский законодатель, вызывает критику со стороны ученых. В качестве отрицательных последствий введения дознания в сокращенной форме называют тот факт, что задачи уголовного судопроизводства, включая охрану прав и свобод граждан, не реализуются. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что при наличии условий для проведения дознания в сокращенной форме о своем праве ходатайствовать о таком дознании подозреваемый узнает лишь на допросе в качестве подозреваемого, о чем в протоколе делается отметка. Заявить подобное ходатайство подозреваемый вправе не позднее 2 суток со дня, когда ему было разъяснено это право. Только с момента заявления соответствующего ходатайства в дело вступает защитник (ч. 2 ст. 51 УПК РФ). Существует

риск осуждения невинного, самоговора, вызванного уговорами, ложными обещаниями, угрозами со стороны лица, в производстве которого находится уголовное дело [8, с. 48]. Неслучайно законодатель в гл. 32.1 УПК РФ упоминает о самоговоре. В первом случае речь идет о направлении прокурором уголовного дела для производства дознания в общем порядке «при наличии достаточных оснований полагать самоговор обвиняемого» (подп. «г» п. 3 ст. 226.8 УПК РФ). Во втором – о самоговоре подсудимого упоминается в ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ как основании возвращения судом уголовного дела прокурору для производства дознания в общем порядке.

Особого внимания заслуживают правила о пределах доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, поскольку дознаватель не обязан устанавливать все обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ. Исходя из содержания ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ, доказательства собираются лишь в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, с учетом особенностей, предусмотренных названной нормой. Это означает, что по сравнению со ст. 73 УПК РФ дознаватель в процессе расследования освобождается, например, от установления обстоятельств, исключающих преступность деяния, обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности, и т.п. Помимо этого, п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ требует устанавливать как форму вины лица, совершившего преступление, так и мотивы совершенного преступления. В свою очередь, ч. 2 ст. 73 УПК РФ обязывает выявлять при производстве по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Полагаем, что возникла коллизия норм ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ и ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ; в последней названной норме указано, что в обвинительном постановлении дознаватель должен указать обстоятельства, перечисленные в пп. 1–8 ст. 225 УПК РФ. В этом перечне содержатся обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, мотивы и цели совершенного преступления, которые должны быть отражены в обвинительном акте (обвинительном постановлении).

По мнению Т.К. Рябининой, законодатель обставляет процедуру дознания сложными

процессуальными действиями. В течение короткого срока дознаватель должен признать потерпевшим лицо, которому причинен вред; разъяснить подозреваемому права и последствия заявления ходатайства о производстве сокращенного дознания; соблюсти особый порядок сбора доказательств; скрупулезно осуществить процедуру ознакомления сторон с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела и т.д. Поэтому вместо введения нового, современного, действительно скорого дознания розыскного типа появляется, наряду с уже существующим громоздким дознанием, еще одна более формализованная процедура дознания [8, с. 45].

Позволим себе не согласиться с этой точкой зрения и обратить взгляд в прошлое. УПК РСФСР 1960 г. для протокольной формы досудебной подготовки материалов в 10-дневный срок не предусматривал каких-либо особенностей для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. При этом проведенные в 1995 г. исследования ученых ВНИИ МВД России показали, что «число судебных ошибок по материалам протокольного производства не превышает обычного... и судом возвращается примерно 2,6% материалов этого производства». На основании исследования ими делается закономерный вывод, «что недостатки, допускаемые при протокольном производстве, не превышают общего, закономерного уровня и не являются свидетельством порочности данной уголовно-процессуальной формы» [9, с. 10].

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что институт, аналогичный новой форме дознания в России, уже зарекомендовал себя с положительной стороны в некоторых странах СНГ: в Республике Беларусь (гл. 47 УПК РБ «Ускоренное производство»), в Азербайджанской Республике (гл. XXXIX УПК АР «Упрощенное досудебное производство по явным преступлениям, не представляющим большой общественной опасности») и др.

Полагаем, что проблемы развития института дознания в сокращенной форме в Российской Федерации необходимо решать путем совершенствования действующих норм уголовно-процессуального законодательства. В частности, нормы ст. 226.5 УПК РФ о пределах доказывания должны быть согласованы с другими нормами УПК РФ (ст. 85–88, подп. «в» п. 3 ч. 1 ст. 226.8). Названную статью можно дополнить положением о том, что, если собранных

по уголовному делу доказательств в совокупности недостаточно для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также виновности

лица в совершении преступления, дознаватель обязан осуществить собирание, проверку и оценку доказательств в соответствии с правилами ст. 85–88 УПК РФ.

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2013 г. № 432-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875; № 52, ч. 1. Ст. 6997.

2. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981.

3. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.

4. Башинская И.Г. О дифференциации и интеграции процессуальной формы предварительного расследования преступлений // Общество и право. Информ. бюл. Сер. «Расследование преступлений: теория и практика». 2005. Вып. 1–2(7–8).

5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.

6. Кругликов А.П. Дополнение УПК РФ новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 2013. № 7.

7. Бекетов М. Дознание: история и перспективы // Уголовное право. 2008. № 4.

8. Рябинина Т.К. Дознание – самостоятельная форма досудебного производства // Рос. следователь. 2013. № 19.

9. Григорьев Д.А. Ускоренная форма досудебного производства по уголовному делу и права человека // Мировой судья. 2011. № 6.

1. On amendments to articles 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation: fed. law of March 4, 2013 № 23-FL (in ed. of Dec. 28, 2013 № 432-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 9. Art. 875; № 52, pt. 1. Art. 6997.

2. Yakub M.L. Procedural form in Soviet criminal trial. Moscow, 1981.

3. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokorev L.D. Essay of the development of science of the Soviet criminal trial. Voronezh, 1980.

4. Bashinskaya I.G. About differentiation and integration of procedural form of preliminary investigation of crimes // Society and law. Information bull. Ser. «Investigation of crimes: theory and practice». 2005. Iss. 1–2(7–8).

5. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal trial. The main provisions of the Soviet science of criminal proceedings. Moscow, 1968. Vol. 1.

6. Kruglikov A.P. Addition of the Criminal procedure code of the Russian Federation with the new chapter on the inquiry in abbreviated form and some problems of differentiation of criminal proceedings // Russian justice. 2013. № 7.

7. Beketov M. Enquiry: history and prospects // Criminal law. 2008. № 4.

8. Ryabinina T.K. Enquiry – independent form of pre-trial proceedings // Russian investigator. 2013. № 19.

9. Grigoriev D.A. Accelerated form of pre-trial criminal proceedings and human rights // Magistrate. 2011. № 6.

**Науменко Оксана Александровна**

старший преподаватель кафедры предварительного расследования  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: kseny1010@mail.ru)

## *Нормативная основа обеспечения прав личности в сокращенной форме дознания*

В статье рассматриваются отдельные части нормативной основы обеспечения прав личности в сокращенной форме дознания. Автором систематизированы правовые источники и дана краткая характеристика некоторым из них. Особое внимание уделено международным нормативно-правовым актам, составляющим основу нормативного обеспечения прав личности в сокращенной форме дознания.

**Ключевые слова:** нормативно-правовой акт, личность, дознание в сокращенной форме, право, обеспечение.

**O.A. Naumenko**, Senior Lecturer of the Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kseny1010@mail.ru

### **Regulatory framework to ensure the rights of individuals in an abbreviated form of inquiry**

This article discusses some of the regulatory framework to ensure the rights of the individual in an abbreviated form of inquiry. The author systematizes legal sources and summarizes the characteristics of some of them. Particular attention is paid to international legal acts that form the basis of regulatory support of the rights of the individual in an abbreviated form of inquiry.

**Key words:** legal act, person, inquiry in abbreviated form, law, software.

**Н**ормативной основой прав и законных интересов личности при производстве дознания в сокращенной форме служат источники права, определяющие правила их обеспечения, основания, порядок и условия реализации.

К основным правовым источникам обеспечения прав личности при производстве дознания в сокращенной форме относятся Конституция РФ, УПК РФ, ратифицированные Россией международные договоры, т.е. универсальные нормативно-правовые акты. Другая группа нормативных актов включает источники права, касающиеся организации и деятельности различных правоохранительных органов, имеющих отношение к производству дознания в сокращенной форме (правовые акты о прокуратуре и прокурорском надзоре, органах безопасности, органах расследования преступлений и др.), в которых есть предписания, связанные с функциями контроля или надзора и направленные на обеспечение прав личности.

Предлагаем систематизировать нормативно-правовые акты, содержащие основы обеспечения прав личности при производстве дознания в сокращенной форме, по их юридической силе на международные и национальные.

Общепризнанные принципы и нормы международного права служат основой уголовно-процессуального статуса личности, имеют приоритетное значение в содержании прав и обя-

занностей национальной правовой системы. Согласно ч. 3 ст. 1 УПК РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства России, регулирующего уголовное судопроизводство. Когда международным договором установлены иные правила, чем предусмотрено УПК РФ, должны применяться правила международного договора. Наибольшее значение среди всего массива норм международного права, которые непосредственно относятся к обеспечению прав личности в уголовном судопроизводстве, имеют: 1) международные правовые акты, международные договоры и межправительственные соглашения Российской Федерации с иностранными государствами в области сотрудничества и партнерства в сфере судопроизводства, затрагивающие права человека (Всеобщая декларация прав и свобод человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и др.); 2) международные конвенции, т.е. акты предметно-регулирующего характера, устанавливающие правила, признанные соответствующими государствами (Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Европейская конвенция о выдаче 1957 г., Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Минская конвенция) 1993 г., которые регламентируют не только ос-

новные принципы в уголовном судопроизводстве, но и вопросы оказания правовой помощи при расследовании преступлений); 3) резолюции международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций, специализированных учреждений системы ООН, иных международных организаций, которые укрепляют национальные, региональные и международные усилия по борьбе с преступностью (Конвенция ООН против коррупции, принятая Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.; Резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи о глобальной контртеррористической стратегии ООН от 8 сентября 2006 г. и др.); 4) рекомендательные акты различных всемирных организаций, направленные на достижение целей международных организаций и аккумулирующие опыт международного сообщества в различных сферах общественных отношений, имеющие особое значение для развития комплекса международно-правовых и внутригосударственных норм, регулирующих сферу защиты прав человека (например, Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О защите женщин от насилия» от 30 апреля 2002 г. № R (2002) 5; Рекомендация о защите детей от плохого обращения № R (79) 17; Рекомендация о насилии в семье № R (85) 4; Рекомендация о положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса № R (85) 11; Рекомендация о помощи потерпевшим и предупреждении виктимизации № R (87) 21 и др.); 5) постановления Европейского суда по правам человека.

В международных актах подавляющее большинство положений посвящено правовому положению личности при судебном разбирательстве. В рамках Совета Европы принято более 25 конвенций, соглашений и протоколов в сфере уголовного судопроизводства, причем права и свободы в них не расположены в каком-то определенном порядке [1, с. 3–15].

В рамках нашего исследования сложно выделить международные нормы, касающиеся обеспечения прав личности при производстве дознания, по двум причинам.

Во-первых, по вопросам возбуждения уголовных дел и предварительного расследования преступлений в мировом сообществе отсутствует четкая правовая позиция. Все положения международных актов ориентируют на использование общепризнанных принципов в судебных процедурах, оставляя без внимания досудебное производство.

Лишь некоторые из норм международного права прямо декларируют права личности при предъявлении уголовного обвинения (ст. 14 Международного пакта о гражданских и по-

литических правах 1966 г.), при задержании и аресте (Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, 1988 г.), права потерпевшего на получение информации о расследовании, а также обязанность полицейских его опрашивать на всех стадиях уголовного процесса с учетом его личного состояния и достоинства (Рекомендация Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» № R (85) 11 от 28 июня 1985 г.).

Во-вторых, альтернативные формы расследования преступлений присущи не всем странам, а схожесть процессуальной процедуры расследования с российским дознанием имеется лишь в некоторых из них (в Казахстане, Азербайджане, Таджикистане, Туркменистане).

Если рассматривать такие особенности дознания, как ускоренный срок и упрощенную процессуальную форму, то в международно-правовых актах можно найти упоминание о требовании создания судебных и административных механизмов с оперативностью и доступностью для обеспечения жертве возможности получать компенсацию (ст. 5 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью 1985 г.), о срочности порядка рассмотрения предъявленного уголовного обвинения и праве быть судимым без неоправданной задержки (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.), о разумном сроке судебного разбирательства дела (ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г.).

Таким образом, в международном праве основной принцип уважения прав человека и его свобод отражается в обязанностях государств создать необходимые правила производства по уголовным делам, учитывая основные права человека, изложенные выше.

В отечественной и зарубежной литературе последних лет много внимания уделяется природе постановлений Европейского суда по правам человека [2, с. 46–50; 3, с. 3; 4, с. 12]. Постановления Европейского суда, вынесенные в отношении России, – это юридический факт для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам судебных решений. Однако Европейский суд не является высшей инстанцией для судебной системы России и не может отменить ни одно из судебных решений. В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. [5] указано, что постановления Европейского суда в отношении России, принятые окончательно, обязательны для всех органов власти Российской Федерации, в том числе и для судов. Вместе с тем, в п. 10

того же постановления отмечается, что применение судами Европейской конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда во избежание любого нарушения Конвенции. Таким образом, Конституционный Суд РФ должен учитывать правовые позиции Европейского суда.

Статистические сведения свидетельствуют о ежегодном увеличении количества жалоб и обращений в Европейский суд: в 2011 г. количество жалоб против России, по результатам которых вынесены постановления, составило 199, в 2012 г. – 216, в 2013 г. – 257. При этом число неприемлемых жалоб также увеличилось: в 2011 г. их количество составило 12223, в 2012 г. – 22142, в 2013 г. – 23845. Наибольшее количество нарушений, признанных Судом в результате рассмотрения жалоб в 2013 г., касалось следующих прав: права на свободу и личную неприкосновенность (63), право на средство правовой защиты (30), права на эффективное расследование (16) [6]. По преступлениям небольшой и средней тяжести Европейский суд признает факт несоблюдения требования о разумном сроке при производстве, указывая на нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав и свобод человека в отношении длительности судопроизводства.

В то же время не было найдено решений Европейского суда исключительно по производству дознания, поэтому использована практика предварительного расследования в целом. Однако в числе изученных постановлений имеются материалы по преступлениям, относящимся к категории средней тяжести, т.е. находящимся в компетенции дознания. Например, в деле «Рослов против Российской Федерации» (жалоба № 40616/02) [7] Европейский суд указал следующее: 21 декабря 1998 г. прокурор г. Орла возбудил уголовное дело о присвоении, 28 марта 2002 г. районный суд признал заявителя виновным в совершении преступления в соответствии с предъявленными обвинениями и приговорил его к трем годам лишения свободы условно. 9 февраля 2004 г. районный суд оправдал заявителя. Уголовное разбирательство против заявителя осуществлялось с 20 сентября 1999 г. по 25 января 2005 г., в течение этого времени суды рассматривали дело три раза в двух инстанциях. Европейский суд, признав чрезмерную длительность разбирательства, отметил в своем решении, что настоящее дело не было сложным, касалось обвинения одного лица в отношении единственного эпизода.

Позиция Европейского суда сводится к следующему: разумность длительности производства по делу должна оцениваться в свете особых обстоятельств дела с учетом критериев,

установленных правоприменительной практикой Европейского суда: сложности дела, поведения заявителя и компетентности властей. Здесь уместно отметить, что в УПК РФ правовое положение заявителя требует корректив, что активно обсуждается в научных кругах [8].

Проведенное исследование международно-правовых источников позволило сделать вывод, что в основе обеспечения прав личности при производстве дознания в сокращенной форме находится принцип международного права об уважении прав человека и основных свобод, для обеспечения которого государства обязаны создать правила производства по уголовным делам с учетом общепризнанных прав и свобод человека. Воплощение принципа уважения прав человека и основных свобод в досудебных стадиях уголовного судопроизводства осуществляется в государствах неоднозначно, т.к. правила производства там отличаются.

Реализация основных принципов по обеспечению прав личности в международных актах воплощается в Конституции РФ, федеральных законах и других нормативно-правовых актах, которые затрагивают различные аспекты обеспечения прав личности при производстве дознания в сокращенной форме.

Так, согласно ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» размер компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок определяется судом, арбитражным судом, исходя из требований заявителя, обстоятельств дела, по которому было допущено нарушение, продолжительности нарушения и значимости его последствий для заявителя, а также с учетом принципов разумности, справедливости и практики Европейского суда по правам человека.

Необходимо отметить, что в силу особенностей производства дознания, установленных гл. 32.1 УПК РФ, у потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого имеются права, которые реализуются при этой форме расследования. Так, у потерпевшего в дознании, помимо закрепленных в ст. 42 УПК РФ прав, возникают дополнительные: право ходатайствовать о предоставлении для ознакомления материалов уголовного дела с обвинительным постановлением, заявлять ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке. Подозреваемый вправе заявить ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме.

При производстве дознания в сокращенной форме у обвиняемого, его защитника, потерпевшего и (или) его представителя до окончания ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела возникает право о заявлении ходатайств, связанных с признанием доказательства, указанного в обвинительном постановлении, недопустимым в связи с нарушением закона, допущенным при получении такого доказательства; ходатайств о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на восполнение пробела в доказательствах по уголовному делу, собранных в объеме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности обвиняемого в совершении преступления; о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на проверку доказательств, достоверность которых вызывает сомнение, что может повлиять на законность итогового судебного реше-

ния по уголовному делу; о пересоставлении обвинительного постановления в случае его несоответствия.

Кроме того, отличие нормативной основы обеспечения прав личности при производстве дознания в сокращенной форме связано с особенностями, возникающими при исполнении дознавателем (следователем), начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, а также прокурором и судом при производстве расследования обязанности обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, обеспечить защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что нормативной основой обеспечения прав личности при производстве дознания в сокращенной форме служат нормы международного права, федеральные конституционные законы и федеральные законы, регулирующие правоотношения в данной сфере.

1. Микеле де Сальвиа. *Европейская конвенция по правам человека*. М., 2004.

2. Курдюков Г.И., Александров С.В. *Международный и конституционно-правовой аспекты юридической природы постановлений Европейского суда по правам человека* // Юрид. мир. 2012. № 6.

3. Липкина Н.Н. *Принцип свободы усмотрения государств: правовые позиции Европейского суда по правам человека*. Саратов, 2010.

4. Марочкин С.Ю. *Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации*. М., 2011.

5. *О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 окт. 2003 г. № 5* // Бюл. Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

6. *Основные сведения о рассмотрении Европейским судом по правам человека жалоб против России в 2008–2013 гг.* URL: <http://EuropeanCourt.ru> (дата обращения: 01.11.2014).

7. *Практика Европейского суда по правам человека за 2009–2010 годы по делам в отношении Российской Федерации в связи с нарушением права на разумные сроки судебного разбирательства и (или) исполнение судебного решения в разумные сроки: обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации* // Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 3.

8. Башинская И.Г. *О правовом положении заявителя на досудебной стадии уголовного судопроизводства* // Общество и право. 2014. № 3(49). С. 157–160.

1. Michele de Salvia. *The European Convention on Human Rights*. Moscow, 2004.

2. Kurdyukov G.I., Alexandrov S.V. *International and constitutional and legal aspects of the legal nature of resolutions of the European Court of Human Rights* // Legal world. 2012. № 6.

3. Lipkina N.N. *The principle of freedom of appreciation of states: the legal positions of the European Court of Human Rights*. Saratov, 2010.

4. Marochkin S.Yu. *Action and implementation of international law in the legal system of the Russian Federation*. Moscow, 2011.

5. *On application by the courts of general jurisdiction of the universally recognized principles and norms of international law and the international treaties of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Oct. 10, 2003 № 5* // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. № 12.

6. *Basics data about considering by the European Court of Human Rights complaints against Russia in 2008–2013*. URL: <http://EuropeanCourt.ru> (date of access: 01.11.2014).

7. *The practice of the European Court of Human Rights for 2009–2010 in cases against the Russian Federation in connection with the violation of the right to a reasonable time of the trial, and (or) the execution of a court decision in a reasonable time: review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation* // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 3.

8. Bashinskaya I.G. *On the legal status of the applicant in the pre-trial stage of criminal proceedings* // Society and law. 2014. № 3(49). P. 157–160.

**Солодкая Виктория Игоревна**

адъюнкт кафедры уголовного процесса  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: viktsol\_23@mail.ru)

## *К вопросу о праве каждого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения*

В статье на основе анализа норм международного и уголовно-процессуального права раскрываются некоторые вопросы реализации права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения.

**Ключевые слова:** уголовный процесс, международное право, нормы права, внутригосударственное право, правовая система, источники права, обвиняемый, следственные действия, доказательства, досудебное производство.

**V.I. Solodkaya**, Adjunct of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: viktsol\_23@mail.ru

**To the question of the right of everyone to be informed in detail about the nature and cause of the charge against him**

The article based on analysis of international and criminal procedural law reveals some questions realization of the right of the accused to be informed in detail of the nature and cause of the charge against him.

**Key words:** criminal procedure, international law, rules of law, domestic law, legal system, sources of law, accused, investigative actions, evidence, pre-trial proceedings.

Сегодня, в век информации и информационных технологий, человек, его права и свободы являются объектом повышенного внимания. Любое нарушение прав и свобод влечет за собой незамедлительную реакцию мирового сообщества. Общество требует высокопрофессионального подхода к защите жизни, здоровья, имущества, а также прав и свобод граждан и их близких.

Ключевое место в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина занимают органы внутренних дел (далее – ОВД). На основе анализа полномочий, возложенных государством на МВД России, можно сделать вывод, что ОВД играют важную роль в обеспечении прав, свобод и законных интересов человека и гражданина и реализуют свою компетенцию в ходе уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной и административной деятельности.

Важное место в организационно-правовом механизме обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина любого государства занимает уголовно-процессуальная деятельность.

Правовой статус лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, неодинаков. В процессе расследования уголовного дела его участники подвергаются ограничениям прав и

свобод. Наиболее существенные ограничения предусмотрены для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности (подозреваемый, обвиняемый).

Вопросы, связанные с обеспечением прав и законных интересов в области уголовного судопроизводства, приобретают особую значимость на уровне межгосударственных отношений. Процессуальный статус личности в указанной области характеризуется неопределенностью. Это обусловлено тем, что основными субъектами внешних правоотношений являются государство и его различные органы, а конкретный человек имеет возможность реализовать свои права опосредованно, т.е. через деятельность государственных органов и должностных лиц.

Подвергая человека уголовному преследованию, государство, руководствуясь положениями международного права и российского законодательства, предусматривает право обвиняемого знать, в чем он обвиняется.

Данное право является выражением основных принципов взаимоотношений государства и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Специфика указанного права личности состоит в том, что оно гарантирует возможность удовлетворения основных интересов и потребностей посредством реализации своих



прав и свобод. От реализации указанного права зависит, насколько эффективно обвиняемый сможет воспользоваться остальными своими правами.

Проведенные исследования показывают, что эффективность применения норм права напрямую зависит от наличия процессуально-правового механизма реализации права доступа к правосудию участников уголовного процесса, охватывающего различные формы осуществления предоставленных им прав. Этот механизм включает в себя: 1) информирование лица об обладании правами и их разъяснение; 2) создание необходимых условий для полноценной реализации прав; 3) охрану прав от нарушений; 4) защиту прав; 5) восстановление нарушенных прав [1, с. 11].

Реализация рассматриваемого права обвиняемого во многом предопределяется уровнем правовой культуры в государстве, национальными традициями, а также соответствием национального законодательства международным требованиям.

Нормы международного и внутригосударственного права являются элементами различных правовых систем. Однако необходимость постоянного совершенствования правового регулирования различных сторон общественной жизни актуальна всегда.

Осознание необходимости двустороннего участия в решении общих задач свидетельствует об изменении соотношения внутреннего и международного права. Сегодня в развитых странах мира наиболее актуальной проблемой в деятельности правоохранительных органов является совершенствование международного сотрудничества в области борьбы с преступностью. Современные криминальные проявления имеют качественно новые формы, возросло количество преступлений, имеющих международные связи, российские граждане являются членами многих международных преступных группировок.

Значение норм международного права для уголовного судопроизводства весьма существенно. Преамбула Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» гласит: «Международные договоры образуют правовую основу межгосударственных отношений, содействуют поддержанию всеобщего мира и безопасности, развитию международного сотрудничества в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций. Международным договорам принадлежит важная роль в защите основных прав и свобод человека, в обеспечении законных интересов государств» [2, ст. 2757].

В мире сложилась и действует самодостаточная система международных правовых актов в области прав и свобод человека и гражданина. основополагающими документами международного уровня, имеющими значение для уголовного процесса, являются:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН) (далее – Декларация) [3].

2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт) [4, с. 52–68].

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5) (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (далее – Конвенция) [5].

Существует еще ряд международных актов рекомендательного характера. Среди них:

1. Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята 9 декабря 1975 г. Генеральной Ассамблеей ООН) [6].

2. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты в г. Женеве 30 августа 1955 г.) [7].

3. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (приняты 14 декабря 1990 г. Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН) [8].

4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [9] и др.

В нормах международного законодательства право обвиняемого знать, в чем он обвиняется, представлено следующим образом:

ч. 2 ст. 9 Пакта – каждому арестованному сообщаются при аресте причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявляемое ему обвинение;

ч. 2 ст. 5 Конвенции – Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение;

п. «а» ч. 3 ст. 6 Конвенции – каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления должен быть незамедлительно и подробно уведомлен на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения.

В Конституции РФ рассматриваемое право закреплено в ч. 2 ст. 24, согласно которой органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица

обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

В уголовно-процессуальном законе рассматриваемое право выдвигается на первый план. Обвиняемый имеет право знать, в чем он обвиняется; получать копию постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, копию обвинительного заключения или обвинительного акта; знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания; знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме; снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств (пп. 1, 2, 10, 12 и 13 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Итак, уголовно-процессуальный закон гласит: обвиняемый вправе знать, в чем он обвиняется!

Возникает вполне насущный вопрос: а может ли указанное выше право обвиняемого быть ограничено?

Анализ положений Конституции РФ и уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что любая информация, затрагивающая права и свободы человека и гражданина (за исключением сведений, содержащих государственную и иную охраняемую законом тайну), должна быть ему доступна.

Вместе с тем, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает ограничение прав и свобод человека и гражданина в случае, если это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В указанной норме речь идет о широком перечне возможных случаев, при которых допускается ограничение прав и законных интересов лиц. Это режимы военного либо чрезвычайного положения, ситуации, связанные с ликвидацией последствий аварий и катастроф, стихийных бедствий и пр. В указанный перечень входят ситуации, связанные с расследованием уголовного дела. Иными словами, речь идет о специфическом виде ограничения – об ограничении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в нашем случае – обвиняемого.

Свобода личности не означает освобождение от любой ответственности, границы прав (свобод) так же неизбежны, как и контроль за ними. Свобода личности не может быть абсо-

лютной, она требует ограничений, чтобы предупредить злоупотребление ей [10, с. 6].

Международное право и законы государств допускают ограничения большей части основных прав и свобод человека. Наличие таких ограничений все чаще является очевидной необходимостью как для отдельных государств, так и для мирового сообщества в целом, что приобретает особое значение, например, в рамках противостояния угрозе международного терроризма [11, с. 15].

Членам современного общества противоположная безграничная свобода, это приведет к массовым проявлениям эгоизма, произвола, а затем к столкновениям и протестам.

Неслучайно в общей теории права субъективное право определяется как мера возможного поведения субъекта в правоотношении, т.е. предусматривается его ограничение рамками закона [12, с. 37].

Однозначно ограничение ряда прав и свобод человека и гражданина может выступать как необходимость защиты общества от преступности. Критерии такого ограничения могут быть установлены только на основании закона.

Однако и к самим законам предъявляются определенные требования. Законы, предусматривающие ограничение на пользование правами и свободами человека, не должны быть произвольными или необоснованными. Правовые нормы, ограничивающие пользование правами и свободами человека, должны быть четко изложены и доступны каждому [13, с. 76].

Сказанное подтверждается и правовой позицией Конституционного Суда РФ: ограничение права, вытекающего из ст. 24 (ч. 2) Конституции РФ, допустимо лишь в соответствии с федеральным законом, устанавливающим специальный правовой статус не подлежащей распространению информации, обусловленный ее содержанием, в том числе наличием в ней данных, составляющих государственную тайну, конфиденциальных сведений, связанных с частной жизнью, со служебной, коммерческой, профессиональной, изобретательской деятельностью. Вся иная информация, которая, исходя из Конституции РФ и федеральных законов, не может быть отнесена к сведениям ограниченного доступа, в силу непосредственного действия ст. 24 (ч. 2) Конституции РФ должна быть доступна гражданину, если собранные документы и материалы затрагивают его права и свободы, а законодатель не предусматривает специальный правовой статус такой информации в соответствии с конституционными принципами, обосновывающими необходимость и соразмерность ее особой защиты [14].

Безусловно, в ходе расследования уголовного дела могут иметь место необоснованные

либо чрезмерные ограничения прав и законных интересов обвиняемого.

Особый интерес представляют собой способы реализации рассматриваемого права. Законодатель не уточняет, в какой конкретно процессуальной форме должно происходить разъяснение обвиняемому права знать, в чем он обвиняется. Это означает, что и устная и письменная форма реализации указанного права будут правомерными.

В ходе статистического исследования, проведенного среди следователей следственных подразделений МВД России Краснодарского края, Ставропольского края, г. Москвы, Московской, Ростовской областей, установлено, что из 250 опрошенных респондентов 53% предлагали ознакомиться с постановлением о привлечении обвиняемого (обвинительным актом) путем личного прочтения и поставить свою подпись, 23% зачитывали указанные процессуальные документы вслух, 24% производство последней процедуры поручали защитнику. А на вопрос: «Как реализуется право обвиняемого знать, в чем он обвиняется?» 73% опрошенных ответили, что путем выдачи обвиняемому копии процессуального решения с изложенным обвинением и перечнем прав, содержание которых должен разъяснять защитник.

Возникновению этой ситуации способствовало то, что следователи не рассматривают всерьез важность реализации права каждого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения.

Необходимо признать, что как в теории советского уголовного процесса, так и в настоящее время дискуссионным является вопрос о моменте приобретения обвиняемым процессуального статуса.

На наш взгляд, в УПК РФ не содержится достаточно гарантий обеспечения права об-

виняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения. Нет гарантии, что форма реализации указанного права будет ограничена просто перечислением пунктов, частей и статей уголовного закона.

В связи с этим необходимо учитывать и правовую позицию Конституционного Суда РФ по этому вопросу: обеспечение гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права [15, ст. 89].

Считаем, что в обязанность следователя (дознателя) должно входить не только объявить обвиняемому постановление о привлечении в качестве обвиняемого (обвинительный акт), но и разъяснить ему характер и основания предъявляемого уголовного обвинения, а также процессуальные права, поскольку в этот момент обвиняемый информируется о значительном количестве прав, предусмотренных ст. 47 УПК РФ.

Таким образом, обеспечение в уголовном судопроизводстве права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основаниях предъявляемого ему уголовного обвинения, гарантируемого Конституцией РФ и УПК РФ, должно быть обусловлено не формальным признанием лица обвиняемым, а проведением уполномоченным субъектом уголовного процесса комплекса определенных действий, направленных на обеспечение реализации соответствующего права.

1. Владыкина Б.Е. Уголовно-процессуальные механизмы защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001.

2. Собр. законодательства РФ. 1995. № 29.

3. Всеобщая декларация прав человека: принята 10 дек. 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 дек. 1966 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. М., 2000.

5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5): заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. (в ред. от 13 мая 2004 г.) [Элек-

1. Vladykina B.E. Criminal procedural mechanisms of protection constitutional rights and freedoms of man and citizen under Russian law: auth. abstr. ... Master of Law. Izhevsk, 2001.

2. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1995. № 29.

3. The Universal Declaration of Human Rights: adopted by the UN General Assembly on Dec. 10, 1948 [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. International Covenant on Civil and Political Rights of Dec. 16, 1966 // International human rights instruments: coll. of documents. Moscow, 2000.

5. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ETS № 5): concluded in Rome on Nov. 4, 1950 (in ed. of

тронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: принята 9 дек. 1975 г. Генеральной Ассамблеей ООН. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными: приняты в г. Женеве 30 авг. 1955 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила): приняты 14 дек. 1990 г. Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29 нояб. 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Баглай М.В. Конституционное право РФ. М., 1998.

11. Грецова Е.Е. Правомерные ограничения прав и свобод человека в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

12. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: материалы круглого стола журнала «Государство и право» // Государство и право. 1998. № 7.

13. Ромашев Ю.С. Ограничения основных прав и свобод человека в международном праве и новации в российском уголовном законодательстве // Журнал рос. права. 2013. № 11.

14. По жалобе гражданина Часовских Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 416 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 18 янв. 2005 г. № 39-О // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

15. Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2004 г. № 392-О по запросу Верховного суда Республики Карелия о проверке конституционности пункта 9 части I, части II, части III статьи 448 УПК РФ // Собр. законодательства РФ. 2005. № 10.

May 13, 2004) [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

6. Declaration on the Protection of All Persons from Torture or Other Cruel, Inhuman or Degrading Forms Treatment or Punishment: adopted by the UN General Assembly on Dec. 9, 1975. The document has not been published [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

7. Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners: adopted in Geneva on Aug. 30, 1955 [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. Standard Minimum Rules of the United Nations in respect of non-custodial Measures (the Tokyo Rules): adopted with the Resolution 45/110 of the General Assembly of the United Nations on Dec. 14, 1990. The document has not been published [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

9. Standard Minimum Rules of the United Nations concerning the administration of juvenile justice (The Beijing Rules): adopted with the Resolution 40/33 at the 96th plenary session of the General Assembly of the United Nations on Nov. 29, 1985. The document has not been published [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

10. Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation. Moscow, 1998.

11. Gretsova E.E. Legitimate restrictions on the rights and freedoms of the individual in international law: diss. ... Master of Law. Moscow, 2009.

12. Principles, limits, grounds limitation of rights and freedoms under Russian law and international law: proc. of the round table «State and law» journal // State and law. 1998. № 7.

13. Romashev Yu.S. Restriction of fundamental human rights and freedoms in international law and innovations in the Russian criminal law // Journal of Russian law. 2013. № 11.

14. On the complaint of the citizen Chasovskikh Sergey Vladimirovich on violation of his constitutional rights with the second part of article 416 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Jan. 18, 2005 № 39-О // Bull. of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2005. № 4.

15. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Dec. 14, 2004 № 392-О on request of the Supreme Court of the Republic of Karelia on the constitutionality of paragraph 9 of part I, part II, part III of the article 448 of the of Criminal procedure code of the Russian Federation // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2005. № 10.

**Цинова Марина Владимировна**  
адъюнкт кафедры уголовного процесса  
Воронежского института МВД России  
(e-mail: missleytenant@gmail.com)

## *О некоторых вопросах заявления подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме*

Статья посвящена вопросам заявления подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме. Рассматриваются форма и содержание ходатайства, приводится пример его составления, вносится предложение об обязательном уведомлении подозреваемого о рассмотрении и разрешении ходатайства должностным лицом, производящим дознание. Кроме того, говорится о возможности применения норм продления и восстановления пропущенных сроков при заявлении подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, дознание в сокращенной форме, подозреваемый, защитник, дознаватель, ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме.

**M.V. Tsinova**, Adjunct of the Chair of Criminal Procedure of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: missleytenant@gmail.com

### **On some issues of application of a suspected request for the inquiry in an abbreviated form**

The article focuses on statements by the suspect of a petition for inquiry in abbreviated form. It examines the form and content of motions for the production of inquiry in abbreviated form is an example of its execution and there is a motion on the mandatory notification of the suspect on the review and resolution officer making inquiries of the petition for inquiry in abbreviated form. In addition, refers to the possibility of application of norms of the renewal and recovery of missed deadlines in a statement, the suspect of a petition for inquiry in abbreviated form.

**Key words:** criminal proceedings, inquiry in abbreviated form, suspected, counsel, interrogating officer, request for production of inquiry in abbreviated form.

**В**веденное в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] дознание в сокращенной форме обязало должностное лицо, его производящее, составлять новые процессуальные акты.

При наличии всех оснований, необходимых для производства дознания в сокращенной форме, закрепленных в пп. 1 и 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ (возбуждение в отношении конкретного лица уголовного дела; совершение им преступления, расследование которого относится к подследственности дознания; признание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного вреда и неоспаривание им правовой оценки его деяния, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела), и отсутствии обстоятельств, его исключających, отраженных в ст. 226.2 УПК РФ (несовершеннолетие подозреваемого; основания производства о применении принудительных мер меди-

цинского характера в порядке гл. 51 УПК РФ и/или особого порядка судебного производства в порядке гл. 52 УПК РФ; наличие оснований полагать, что подозреваемым совершено два и более преступлений, одно из которых не относится к преступлениям, указанным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ; невладение подозреваемым языком, на котором ведется производство; возращение потерпевшего против сокращенного производства), дознаватель вправе принять решение о возможности его применения.

Инициатором применения и единственным участником уголовного судопроизводства, наделенным правом заявлять ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, является подозреваемый.

Существуют некоторые проблемы применения общих норм к дознанию в сокращенной форме, в том числе и при подаче подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме.

Так, возникают вопросы о возможности применения норм, регламентирующих процессуальные сроки, к сокращенной форме дознания, а именно норм, содержащихся в ст. 129 и ч. 1 ст. 130 УПК РФ.

Вообще, следует отметить, что процессуальные сроки рассматриваются в уголовном судопроизводстве с учетом требования разумности, которое по-разному трактуется в литературе. Одни авторы утверждают, что разумный срок уголовного судопроизводства является принципом уголовного судопроизводства [2, с. 48], другие не считают его таковым [3, с. 41].

Итак, по общим нормам ст. 129 УПК РФ «Соблюдение и продление срока» срок не считается пропущенным, если жалоба, ходатайство или иной документ до истечения срока сданы на почту, переданы лицу, уполномоченному их принять, а для лиц, содержащихся под стражей или находящихся в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, либо в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, если жалоба или иной документ до истечения срока сданы администрации места предварительного заключения либо медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, и может быть продлен в случаях и порядке, установленных УПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 130 УПК РФ «Восстановление пропущенного срока» пропущенный по уважительной причине срок должен быть восстановлен на основании постановления дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело.

Глава 32.1 УПК РФ не оговаривает возможность применения норм продления и восстановления пропущенных сроков.

А.Н. Арестова совершенно справедливо затрагивает вопрос правомерности использования норм закона о пропущенных сроках и их восстановлении, указывая, что «возможности продления срока заявления подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме УПК РФ не предусматривает» [4, с. 33].

Предположим, что ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме направляется подозреваемым посредством почтовой связи. Тогда с учетом времени нахождения ходатайства в пути срок его поступления дознавателю будет выходить за пределы предусмотренного законом.

Подозреваемый имеет право воспользоваться правом на восстановление срока нахождения ходатайства в пути как непропущенного, ссылаясь на ст. 129 УПК РФ, т.к. он, соблюдая установленный законом срок, «заявил ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме» и не нарушил нормы гл. 32.1 УПК

РФ (именно «заявил» ходатайство, как указано в ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ).

На какие же нормы закона дознаватель должен ссылаться при ответе на ходатайство подозреваемого о продлении и восстановлении сроков: ст. 129, 130 или ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ?

Если должностное лицо примет решение по ходатайству, основываясь на ст. 129 и 130 УПК РФ, продлит и восстановит сроки дознания, то сроки его производства нельзя будет считать сокращенными, т.к. они будут приближены к общему порядку, и поэтому не может стоять вопрос о применении норм гл. 32.1 УПК РФ.

Думается, моментом заявления подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме нужно считать его представление должностному лицу, а применение норм закона по восстановлению и продлению сроков при производстве дознания в сокращенной форме недопустимо.

Еще одним отступлением от общих норм закона при производстве дознания в сокращенной форме является форма подачи ходатайства подозреваемого о его применении.

В соответствии с ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме подается дознавателю в письменном виде.

По общим нормам УПК РФ предусмотрено две формы подачи ходатайства. Согласно ч. 1 ст. 120 УПК РФ ходатайство подается в устной и письменной форме. Письменное ходатайство приобщается к уголовному делу, устное заносится в протокол следственного действия или судебного заседания.

Предположим, что подозреваемый и его защитник по окончании допроса заявили ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, которое дознаватель зафиксировал в протоколе допроса подозреваемого.

Хотя данное ходатайство и относится к устному виду, дознаватель должен будет принять его к рассмотрению и вынести одно из следующих решений, оформив его в виде соответствующего постановления: об удовлетворении ходатайства и производстве дознания в сокращенной форме либо об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме.

А, как отмечалось ранее, ходатайство о производстве сокращенной формы дознания подается обязательно в письменном виде. Таким образом, нормы ч. 2 ст. 226.4 вступают в противоречие с ч. 1 ст. 120 УПК РФ, что, на наш взгляд, исключает подачу ходатайства подозреваемым в устной форме.

Поскольку допрос подозреваемого осуществляется после разъяснения ему права на за-

явление ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме (ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ), его подача во время проведения допроса нецелесообразна ввиду того, что подозреваемому необходимо предоставить время на размышление о возможности применения им данного права.

Для соблюдения прав участников уголовного судопроизводства считаем необходимым исключить возможность подачи ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме в устном виде, требующем занесения в протокол допроса, и предусмотреть его предоставление после окончания допроса в установленный законом срок в качестве отдельного документа.

Видится, что данное ходатайство должно быть адресовано лицу, в производстве которого находится уголовное дело, и содержать исходные данные привлекаемого к уголовной ответственности лица, квалификацию инкриминируемого ему деяния, а также сведения, отражающие понимание им права заявлять ходатайство о производстве сокращенной формы дознания и его последствий.

Предлагаем возможный вариант изложения такого ходатайства:

«Ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме

Я, Иванов Иван Иванович, 01.01.1990 года рождения, подозреваемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, по уголовному делу № 12345678, полностью признаю свою вину, характер и размер вреда, причиненного мною преступлением, полностью согласен с правовой оценкой моего деяния, отраженной в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Особенности производства дознания в сокращенной форме мне разъяснены и понятны: доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного мною вреда, а также моей виновности в совершении преступления; в случае, если мною и/или моим защитником не оспариваются действия дознавателя, он обязан провести только те следственные и иные процессуальные действия, непроизводство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств.

Мне разъяснены последствия рассмотрения судом уголовного дела, дознание по которому производилось в сокращенной форме: наказание не может превышать одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершение данного преступления; приговор не может быть обжалован в апелляционном порядке.

Учитывая изложенное, в соответствии с ч. 2 ст. 226.4 ходатайствую о производстве дознания по уголовному делу № 12345678 в сокращенной форме.

Ходатайство составлено и заявлено мною добровольно, после консультации с защитником.

Подписи подозреваемого и защитника, дата составления».

Вернемся к срокам рассмотрения дознавателем ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме.

Согласно общему правилу ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления. А в случае невозможности сделать это незамедлительно ходатайство должно быть разрешено не позднее трех суток со дня заявления.

При поступлении ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме у дознавателя имеется не более 24 часов на его рассмотрение и разрешение, результатом которого является постановление либо об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме, либо об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме (ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ).

Должен ли дознаватель уведомлять подозреваемого о принятом по его ходатайству решении? А в случае принятия положительного решения обязан ли уведомлять о производстве дознания в сокращенной форме?

Согласно ч. 1 ст. 119 УПК РФ подозреваемый имеет право заявлять ходатайство. А ст. 122 УПК РФ четко регламентирует право лица, заявившего ходатайство, на уведомление его о принятом решении, указывая на то, что при удовлетворении ходатайства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении (при сокращенной форме дознания не предусмотрен последний вариант) дознаватель доводит решение до сведения заявителя (в данном случае подозреваемого).

В ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ подозреваемый не упоминается как лицо, которое должно быть уведомлено о принятом решении по рассмотрению его ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме (в статье названы только потерпевший и прокурор).

На наш взгляд, после рассмотрения ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме дознаватель должен довести до сведения не только прокурора и потерпевшего, но и подозреваемого принятое им решение и соответствующее постановление: либо об удовлетворении ходатайства и о производстве

дознания в сокращенной форме, либо об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме (ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ).

Кроме того, гл. 32.1 УПК РФ не оговаривает порядок и сроки уведомления подозреваемого о принятом решении по заявленному ходатайству.

В соответствии с ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ уведомление об удовлетворении ходатайства подозреваемого и о производстве дознания в сокращенной форме в течение 24 часов с момента вынесения соответствующего постановления направляется прокурору, а также потерпевшему.

В ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ отражено, что поступившее от подозреваемого ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме подлежит рассмотрению дознавателем в срок не более 24 часов с момента его поступления.

Можно утверждать, что дознаватель в течение 24 часов после вынесения им соответствующего постановления должен уведомлять подозреваемого о принятом по его ходатайству решении, предоставив ему копию постановления, разъяснив в нем право обжаловать его в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ.

Предлагаем дополнить ст. 226.4 УПК РФ частью 3.1 следующего содержания: «Уведомление об удовлетворении ходатайства и о

производстве дознания в сокращенной форме или об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме, в течение 24 часов с момента вынесения соответствующего постановления направляется подозреваемому».

В заключение хотелось бы отметить, что все интенсивные преобразования системы уголовного судопроизводства, в первую очередь, направлены на охрану от возможных посягательств прав и законных интересов участников уголовного процесса, подлежащих защите [5, с. 217].

В связи с этим актуальной является мысль о том, что праву на защиту отводится особая роль в системе всех прав и свобод человека, поскольку именно оно не только предопределяет содержание остальных прав лица, но и способствует их успешной реализации [6, с. 63].

Институт дознания в сокращенной форме не стал исключением. При его применении на всех этапах расследования и рассмотрения в суде учитываются права всех участников процесса: будь то подозреваемый, потерпевший или защитник. Особенности реализации части их законных прав при подаче ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме были рассмотрены в данной статье.

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

2. Азаров В.А., Рожков Д.Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции. Омск, 2013.

3. Насонова И.А. К вопросу о разумности расширения системы принципов уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 2010. № 1. С. 39–42.

4. Арестова Е.Н. Новый процессуальный акт – ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме // Рос. юстиция. 2013. № 11. С. 32–34.

5. Насонова И.А. Проблема реализации досудебного соглашения о сотрудничестве в качестве средства защиты обвиняемого // Общество и право. 2010. № 1(28). С. 217–219.

6. Насонова И.А. Участие адвоката-защитника на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998.

1. On amendments to articles 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation: fed. law of March 4, 2013 № 23-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 9. Art. 875.

2. Azarov V.A., Rozhkov D.G. Providing a reasonable period of criminal proceedings in the trial court. Omsk, 2013.

3. Nasonova I.A. On the question of a reasonable extension of the principles of criminal justice // Russian justice. 2010. № 1. P. 39–42.

4. Arestova E.N. New procedure act – the application of the suspected about the inquiry in an abbreviated form // Russian justice. 2013. № 11. P. 32–34.

5. Nasonova I.A. The problem of pre-trial implementation of cooperation agreements as a means of protecting the accused // Society and law. 2010. № 1(28). P. 217–219.

6. Nasonova I.A. The participation of defense counsel during the preliminary investigation: diss. ... Master of Law. Volgograd, 1998.



**Антонов Игорь Алексеевич**

доктор юридических наук, профессор,  
начальник кафедры уголовного процесса  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: docantonov@yandex.ru)

**Узгорская Ирина Александровна**

адъюнкт кафедры уголовного процесса  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: irina-uzgorskaja@rambler.ru)

## *Влияние информации, предоставленной операторами сотовой связи, на раскрытие и расследование различных категорий преступлений*

В статье рассматриваются вопросы уголовно-процессуального доказывания; изучаются проблемы раскрытия преступлений и использования косвенных доказательств в виде информации, предоставленной операторами сотовой связи, при производстве по уголовным делам.

**Ключевые слова:** раскрытие преступлений, расследование уголовных дел, косвенные доказательства, сотовая связь, биллинг-система.

**I.A. Antonov**, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: docantonov@yandex.ru;

**I.A. Uzgorskaya**, Adjunct of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: irina-uzgorskaja@rambler.ru

### **Influence of the information provided by cellular operators on the disclosure and investigation of various categories of offenses**

The article deals with the criminal procedure evidence; studied the problem of crime detection and the use of circumstantial evidence in the form of information provided by the mobile operators, in proceedings in criminal cases.

**Key words:** detection of crimes, investigation of criminal cases, circumstantial evidence, cellular communications, billing system.

**М**обильное средство связи является одним из величайших изобретений человечества, которое подарило человеку свободу общения и передвижения. В настоящее время сотовый телефон не роскошь и он есть практически у каждого, включая ребенка. При этом далеко не многие задумываются, что в итоге человек повсюду оставляет свои электронные следы, когда производит звонки с мобильного телефона, направляет смс-сообщения, выходит в сеть Интернет. Эти электронные следы могут быть обнаружены с помощью биллинг-системы оператора сотовой связи, которая фиксирует все операции, производимые с мобильных телефонов. И здесь важно акцентировать внимание на том, что этот факт должен учитываться в ходе раскрытия преступлений и расследования уголовных дел. В связи с чем оперативные сотрудники и следователи

должны обладать необходимым объемом знаний о технических характеристиках сотовых телефонов и сотовой связи, о работе операторов сотовой связи, о фиксации телефонных операций и многом другом, что может оказать несомненную помощь в раскрытии преступлений и установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам различной категории. Соответственно, в рамках настоящей работы мы поставили целью определить место информации, предоставленной операторами сотовой связи, в системе доказательств при производстве по уголовным делам, пути использования этой информации в качестве косвенного, но очень важного доказательства, помогающего установить временные, территориальные, персональные характеристики отдельных элементов, подлежащих доказыванию.

Итак, вся территория, которая покрывается мобильной связью, поделена на соты, оборудованные вышками или базовыми станциями. Все вышки и базовые станции имеют свой персональный территориально определенный адрес. Это позволяет определить месторасположение абонента в момент телефонного соединения, направления смс-сообщения, выхода в сеть Интернет относительно вышки или базовой станции. Технические возможности аппаратуры некоторых сотовых компаний позволяют также определить, где находился абонент в момент разговора (в автомобиле, на улице или в здании). Получая сигнал с мобильного телефона из нескольких близлежащих базовых станций, центральный компьютер оператора сотовой связи рассчитывает, где в данный момент находится абонент: в центре города – с точностью до нескольких сотен метров, на окраинах – до километра [1, с. 343].

Таким образом, оперативные подразделения, осуществляя раскрытие преступлений, а также оперативно-розыскное сопровождение расследования уголовных дел, с помощью биллинг-системы могут определить номера абонентов, звонивших с места происшествия и близлежащей к нему территории по базовым станциям операторов мобильной связи в интервале интересующего времени (времени совершения преступления). Это позволяет установить анонимные источники информации о преступлении, определить круг свидетелей события преступления.

При этом программная база данных операторов сотовой связи не позволяет звонившему ранее легко спрятаться от оперативных сотрудников и следователя. Так, установленные программы срабатывают на: 1) соединение мобильного средства связи с другими абонентами телефонной сети; 2) повторную регистрацию средства связи у оператора связи с установкой новой сим-карты на мобильный телефон; 3) включение мобильного телефона с «чужой» сим-картой и его идентификацию как похищенного [2, с. 21].

Здесь важно также отметить, что оператор сотовой связи может предоставить информацию не только о номере абонента и его паспортных данных, но и идентификационный номер мобильного устройства – IMEI (каждое мобильное устройство имеет свой IMEI – идентификационный номер, состоящий из комбинации 15 цифр). По IMEI можно, в том числе, установить другие номера абонента, которыми пользуется лицо, используя одно средство для связи.

В целом, информация, обнаруженная в средствах сотовых систем подвижной связи, зафиксированная и изъятая следователем, позволяет:

получить сведения об используемом интересующим лицом оборудовании (средствах связи); выявить круг лиц активного общения, в том числе возможных соучастников преступных действий (в процессе анализа протоколов соединений с используемых абонентских номеров); установить местонахождение конкретного лица (телефона с абонентским номером) в определенное время;

получить аудио-, фото-, видеoinформацию (в том числе с изображением преступника и его соучастников);

определить обстановку, характер взаимоотношений абонентов [3, с. 7].

Оператор сотовой связи предоставляет информацию как оперативным подразделениям (по запросам в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»), так и следователю (на основании запроса, вынесенного в соответствии с УПК РФ). В соответствии с Федеральным законом «О связи» операторы сотовой связи обязаны предоставить запрашиваемую информацию (данные о владельце того или иного телефона, номере IMEI, времени последнего выхода абонента в эфир и др.).

1 июля 2010 г. Федеральным законом № 143-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс РФ была введена статья 186<sup>1</sup> «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» [4]. До этого момента следователи и дознаватели использовали для получения вышеуказанной информации ст. 186 УПК РФ, которая не содержала конкретных норм, касающихся получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. В ст. 186<sup>1</sup> УПК РФ отсутствует какое-либо упоминание о том, что данное следственное действие имеет право проводить дознаватель, хотя на практике по уголовным делам, находящимся в производстве дознавателей, информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами также получается у операторов сотовой связи на основании постановлений суда.

Законодательством регламентируется следующая процедура. При необходимости получения у оператора сотовой связи детализации с указанием хронометража телефонных переговоров с привязкой к нахождению базовой станции (зон, сот) и расшифровкой их место-

нахождения, а также IMEI-номеров устройств, с которых осуществлялся выход в эфир абонента, и IMEI-номеров устройств, которые производили телефонные соединения с интересующим правоохранительные органы абонентом, следователь, дознаватель в соответствии со ст. 186<sup>1</sup> УПК РФ выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. В данном постановлении указываются: номер уголовного дела, дата возбуждения, статья, по которой возбуждено уголовное дело, краткая фабула, статус лица, в отношении которого запрашивается информация, отношение абонента, о котором запрашиваются данные, к лицу, проходящему по делу (в случае, если телефон числится на одном лице, а пользуется им другое лицо), с указанием их полных анкетных данных, временной промежуток запрашиваемых данных, наименование организации, от которой необходимо получить информацию.

Указанное постановление согласовывается с руководителем следственного органа (в случае вынесения постановления следователем), постановление дознавателя согласовывается с прокурором. Данное постановление вместе с копиями материалов уголовного дела, подтверждающими необходимость в получении информации у оператора сотовой связи, следователь, дознаватель предоставляет в суд для рассмотрения в соответствии со ст. 165 УПК РФ. Суд, проверив законность и обоснованность вышеуказанного постановления, выносит свое постановление о разрешении получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Далее постановление суда предоставляется оператору сотовой связи для исполнения. Оператор сотовой связи, получив постановление суда, вводит идентификационный номер либо номер абонента в поисковую базу данных. При получении положительного поиска представляет следователю, дознавателю информацию на любом материальном носителе (магнитном носителе либо в распечатанном виде) в опечатанном виде с сопроводительным письмом, в котором указываются период, за который она предоставлена, и номера абонентов и (или) абонентских устройств.

Однако правоприменительная практика вносит свои коррективы, и все происходит иным образом, чем описано в ч. 3 ст. 186<sup>1</sup> УПК РФ. Так, многие операторы сотовой связи предоставляют следователю, дознавателю информацию в распечатанном виде, если она не в

большом объеме, а в случае, если объем информации достаточно большой, записывают ее на магнитный носитель, который предоставляет сам следователь, дознаватель. Операторы сотовой связи не предоставляют информацию на своем магнитном носителе, ссылаясь на его отсутствие в связи с исполнением большого количества судебных решений. При этом в сопроводительном письме оператор сотовой связи в строке «приложение» указывает номер и объем файла, не указывая, на каком магнитном носителе содержится данная информация. Далее следователь, дознаватель производит осмотр файла, не указывая, на каком магнитном носителе он находился, т.к. собственную флеш-карту следователь, дознаватель вряд ли захочет приобщить к материалам уголовного дела. Данные действия не соответствуют букве закона, и даже в случае, если предоставленная оператором сотовой связи информация будет являться значимой для раскрытия и расследования преступления, она может быть признана впоследствии недопустимым доказательством в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Указанную проблему необходимо решать, в частности, с помощью внесения представлений в организации, осуществляющие услуги связи, с указанием нарушений законодательства Российской Федерации.

Далее отметим, что следователь, дознаватель, получив информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, проводит ее анализ, оценку и использует значимую информацию в процессе раскрытия и расследования преступления, планируя и производя ряд следственных действий.

Информация, предоставленная оператором сотовой связи, может носить как доказательственный, так и ориентирующий характер. Данная информация может использоваться при подготовке и производстве отдельных следственных действий (допрос, задержание, следственный эксперимент, предъявление для опознания, осмотр и др.).

Например, в ходе допроса такая информация может помочь следователю выяснить у допрашиваемого лица, с кем именно он созванивался в определенное время, кому принадлежит тот или иной номер телефона, где находится конкретный человек.

При необходимости задержания лица, когда его местонахождение не установлено, вышеуказанная информация помогает оптимально выбрать место и время задержания. Задержанию лица в конкретном месте способству-

ют данные оператора сотовой связи, предоставляющие примерное месторасположение включенного мобильного телефона по данным базовой станции. Такие сведения можно получить в процессе изучения информации, предоставленной оператором сотовой связи, а именно детализации телефонных соединений (биллинг) [1, с. 341].

В ходе задержания лица, подозреваемого в совершении любого преступления, в случае наличия у него мобильного телефона данный телефон необходимо осмотреть и установить IMEI-номер. Отдельно подчеркнем, что после осмотра мобильного телефона необходимо проверить его по учету похищенных и изъятых номерных вещей. Данный учет ведется в информационных центрах, действующих в системе МВД России.

В ходе следственного эксперимента или осмотра места происшествия можно установить сотовую станцию, которая срабатывает на интересующем следствии месте, для чего производится контрольный звонок. Далее следователь направляет запрос оператору сотовой связи в целях установления, какая сотовая станция сработала в конкретном месте. После получения ответа на запрос следователь в соответствии со ст. 186<sup>1</sup> УПК РФ выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о получении информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами в целях определения, какие абоненты звонили с конкретного места в определенный период. Далее происходит процедура, описанная выше.

В случае если интересующим правоохранительные органы абонентом не производился выход в эфир, необходимо через определенный промежуток времени (на усмотрение оперативного сотрудника или следователя) направить по уголовному делу повторные запросы оператору сотовой связи с целью определения выхода в эфир абонента либо использования средства связи, имеющего IMEI, другим абонентом. Если телефон не обнаружен, необходимо выяснить, каким номером телефона пользовался преступник либо потерпевший и с каким номером IMEI выходил данный телефон в эфир. Также необходимо установить, выходил ли интересующий номер IMEI с другим телефонным номером абонента после совершения преступления, если да, то установить владельца телефонного аппарата и выяснить условия его приобретения. В случае если телефон находится в наличии, то использовать его записную книжку и данные об исходящих и вхо-

дящих звонках для установления возможных свидетелей по делу, выявить круг лиц активного общения (допросить данных лиц), а также использовать данные фото- и видеосъемки, в которых, возможно, будет находиться аудио-, фото-, видеоинформация, необходимая для расследования уголовного дела (например, изображение преступника и его соучастников). По смс-сообщениям можно также определить характер взаимоотношений абонентов. При установлении полных данных лиц, которыми осуществлялись телефонные звонки либо направлялись смс-сообщения с интересующего мобильного телефона, их необходимо допросить в установленном уголовно-процессуальным законом порядке и дополнительно проверить на причастность к совершенному преступлению.

В настоящее время часто встречаются случаи, когда номер абонента зарегистрирован не на то лицо, которое им пользуется (оформлен на родственника, знакомого, лицо, утерявшее паспорт, и т.д.). В таком случае необходимо допросить в качестве свидетеля лицо, на которое зарегистрирован номер абонента, выяснив все интересующие следствие обстоятельства. Если номер абонента зарегистрирован на лицо, утерявшее паспорт, либо на умершее лицо, необходимо произвести допрос оператора сотовой связи, оформлявшего договор на оказание услуг сотовой связи (по результатам указанного следственного действия возможно применение дополнительных мер воздействия к компании). Если номер абонента зарегистрирован на предприятие, необходимо направить письменный запрос в данную организацию для установления лица, пользующегося интересующим следствии номером телефона. При установлении сотрудника предприятия, пользующегося интересующим правоохранительные органы номером абонента либо мобильным устройством, произвести его допрос с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Изучение правоприменительной практики производства по уголовным делам позволило выявить ряд недостатков в работе сотрудников оперативных и следственных подразделений. Так, встречаются ошибки, когда при изъятии телефона на месте происшествия по нераскрытому преступлению сотрудники правоохранительных органов отключают его. Это снижает вероятность того, что преступление будет раскрыто и все его соучастники будут привлечены к уголовной ответственности. В изъятом телефоне может быть стерта вся информация, но

это не исключает того, что именно на данный телефон могут поступить звонки от интересующих следствие лиц (организатор или соучастник преступления либо лицо, которое может предоставить информацию о владельце телефона, и др.).

В случае если телефон, сим-карта либо информация, содержащаяся в данных предметах, имеет значение для установления обстоятельств уголовного дела, данный телефон и сим-карта в соответствии со ст. 81 УПК РФ должны быть признаны вещественными доказательствами. При этом важно учитывать, что в следственной практике встречаются случаи, когда информация, полученная из мобильного телефона конкретного абонента, может быть преднамеренно заранее искажена, в связи с чем необходима ее проверка с помощью дополнительных следственных действий (допросов свидетелей, очных ставок, предъявления для опознания и др.). При производстве следственных действий следует принимать в расчет тот факт, что многие граждане придержи-

ются принципа «моя хата с краю» и не желают содействовать правоохранительным органам в раскрытии преступлений, боясь, что «затакают». Свидетели и очевидцы преступлений предпочитают умалчивать об обстоятельствах произошедшего, опасаясь мести со стороны преступников [5, с. 67].

В целом изучение практики производства по уголовным делам показывает, что при расследовании большую роль в раскрытии преступлений сыграли данные, предоставленные операторами сотовой связи. Несмотря на то, что вышеуказанная информация сама по себе является косвенным доказательством и оценивается следователем в плане ее относимости, допустимости и достоверности в совокупности с иными доказательствами, эффективность использования указанных данных в области раскрытия и расследования преступлений несомненна и требует ее более широкого и разностороннего использования оперативными подразделениями, следователем, дознавателем.

1. Козинкин В.А. О некоторых аспектах реализации информации, обнаруживаемой в средствах сотовых систем подвижной связи, в расследовании преступлений // Изв. Тульск. гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2010. Вып. 2. Ч. 1.

2. Методические рекомендации по расследованию уголовных дел по преступлениям, связанным с различными формами хищения мобильных средств связи, находящихся в частной собственности граждан, предприятий, организаций, учреждений и др. Пермь, 2004.

3. Козинкин В.А. Использование в расследовании преступлений информации, обнаруживаемой в средствах сотовых систем подвижной связи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3427.

5. Данильян А.С. Особенности получения информации о похищенном имуществе // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2013. № 4.

1. Kozinkin V.A. About certain aspects of the implementation of the information found in the cellular mobile communication systems, investigation // Proceedings of the Tula state university. economic and legal sciences. 2010. Iss. 2. Pt. 1.

2. Guidelines for the investigation of criminal cases related to various forms of theft of mobile communications, which are privately owned by citizens, businesses, organizations, institutions and others. Perm, 2004.

3. Kozinkin V.A. The use in the investigation of crime information detected in the media of cellular mobile communication system: auth. abstr. .. Master of Law. Moscow, 2009.

4. On amendments of the Criminal procedure code of the Russian Federation: fed. law of July 1, 2010 № 143-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2010. № 27. Art. 3427.

5. Danilyan A.S. Peculiarities of getting information about stolen property // Bull. of Krasnodar University of Russian MIA. 2013. № 4.

**Брылев Виктор Иванович**

доктор юридических наук,  
профессор кафедры криминалистики  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: vibrilev@mail.ru)

## *Осмотр места происшествия по имущественным преступлениям*

В статье рассматриваются проблемные вопросы осмотра места происшествия по имущественным преступлениям.

**Ключевые слова:** место происшествия, преступление, осмотр, опрос, следы.

**V.I. Brylev**, Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vibrilev@mail.ru

### **Inspection of scene on property crimes**

The article deals with the problematic issues of inspection of the scene on property crimes.

**Key words:** scene, crime, inspection, survey, marks.

**П**роблемы осмотра места происшествия при расследовании различных видов преступлений довольно подробно описаны в научной литературе и в учебниках по криминалистике. Однако данное следственное действие по имущественным преступлениям имеет определенную специфику [1, с. 64–76].

Целью осмотра места происшествия по имущественным преступлениям являются [2, с. 259]: 1) обнаружение и фиксация материальных следов преступления на месте происшествия; 2) на основе анализа следов получение представления о механизме совершенного преступления и приметах преступников; 3) сопоставление показаний потерпевшего, свидетелей с обстановкой события.

В ходе осмотра места происшествия следователь должен установить и зафиксировать в протоколе комплекс обстоятельств, которые позволили бы осветить следующие вопросы [3, с. 16; 4, с. 682–683]: 1) окружающая обстановка объекта; способ проникновения, какими орудиями и техническими средствами совершено проникновение, каковы следы взлома, положение и состояние запирающих устройств, дверей и окон; 2) пути проникновения в жилище, помещение, каким образом и в каком направлении покинули его; каким транспортным средством пользовались; места нахождения преступников на объекте; 3) количество преступников, как долго они находились на месте преступления; каковы их профессиональные и преступные навыки, физические качества; 4) вид и количество похищенного; 5) время совершения преступления; 6) кроме следов преступников, орудий взлома и инструментов,

частей упаковки похищенных вещей, документов на номерные вещи, обращается внимание на иные обстоятельства, которые могут послужить изобличению преступников, – это предметы, оброненные преступниками, части их одежды.

При осмотре места происшествия устанавливают следы, которые могли остаться на одежде и обуви преступников, на орудиях преступления, на транспортных средствах.

При осмотре жилища, помещения, хранилища специфика заключается в том, что местом происшествия является квартира, дом, дача, т.е. пространство осмотра локализовано. Дополнительными участками осмотра являются подъезд, лестничная площадка, двор перед зданием, пути ухода преступников.

При совершении краж из помещений либо иных хранилищ (производственных объектов) место происшествия является комплексным, осмотру подлежат помещение и территория, ограниченные определенным пространством, охраняемым с прилегающей местностью.

До выезда на место происшествия следователь, получив сообщение о краже, грабеже, разбое, выясняет у дежурного по органу внутренних дел, кто из сотрудников полиции находится на месте происшествия и приняты ли меры к его охране и сохранности следов. Уточняет сведения о месте, характере, способе совершения преступления, о том, имеются ли приметы преступников, приняты ли меры к их розыску и перекрытию возможных путей их отхода, блокированию мест их укрытия и задержания; дает указания о подборе понятых и о принятии всех возможных мер для уста-

новления очевидцев и обеспечения их присутствия к моменту прибытия следователя. Проверяет состав, готовность, обеспеченность следственно-оперативной группы транспортом, необходимыми оперативно-техническими средствами, служебно-розыскной собакой и организует их немедленный выезд на место происшествия.

В случае совершения кражи из помещения иностранного представительства или консульства принимает меры к обеспечению в осмотре переводчика и запрашивает разрешение на осмотр помещения через Министерство иностранных дел РФ.

По прибытии на место происшествия до проведения осмотра следователь проводит опрос потерпевших, очевидцев, свидетелей, сотрудников предприятия, организации, лиц, первыми обнаруживших преступление, охранников об обстоятельствах совершения кражи, времени, особенностях способа действий преступников, их количестве, приметах, путях проникновения, ухода преступников, наличии следов и орудий взлома, о похищенном имуществе и иных сведениях, важных для раскрытия.

Если потерпевшие получили повреждения, оказывает им помощь, при необходимости организует их отправку в больницу. Если потерпевший отправлен в лечебное учреждение, то у медицинских работников уточняет время возможного опроса потерпевшего и дает указание фиксировать всю информацию, которая впоследствии может поступить от пришедшего в сознание потерпевшего.

Удаляются из жилища, помещения и с прилегающей территории посторонние лица во избежание уничтожения ими имеющихся следов преступления, обеспечивается их сохранность. В ситуации внесения изменений в обстановку места происшествия с момента обнаружения преступления выясняется, кем внесены, какие и с какой целью.

Вызываются на место происшествия представители администрации учреждения, организации и материально-ответственные лица, которым поручается проведение инвентаризации товарно-материальных ценностей и документальной ревизии с целью уточнения размера кражи и проверки в дальнейшем наличия имущества, которое было похищено.

Для более четкой организации работы на месте происшествия следователь распределяет обязанности между членами СОГ и, в зависимости от конкретной ситуации, на основе полученной информации планирует и осуществляет проведение неотложных мероприятий по раскрытию преступления.

Оперативный работник по поручению следователя на месте происшествия: 1) проводит опрос, допрос установленных очевидцев, свидетелей; 2) принимает меры к обнаружению дополнительных источников информации о преступниках, поиску следов, вещественных доказательств, предметов; 3) проводит комплекс ОРМ по выяснению направления движения преступника, организации его преследования и задержания по горячим следам с использованием служебно-розыскной собаки; в действие вводится план «Перехват»; 4) осуществляет поисковые меры в прилегающем районе в целях поиска сведений о преступнике, транспортных средствах, потерянных или брошенных предметов; 5) проводит розыскную работу среди лиц, находящихся на месте происшествия.

Специалист-криминалист определяет объекты и производит их фото-, кино съемку и видеозапись по правилам криминалистической фиксации на месте происшествия; совместно со следователем определяет границы, способы осмотра и места возможного нахождения следов преступника, осуществляет их поиск, обнаружение, фиксацию и изъятие; упаковывает изъятые следы преступления, принимает меры к их сохранности.

Участковый инспектор осуществляет следующую алгоритм действий: а) обеспечивает охрану места происшествия; б) удаляет посторонних лиц; в) по заданию следователя осуществляет подбор понятых; г) оказывает активную помощь оперативным работникам в преследовании по горячим следам, проведении обхода близлежащей территории; д) проверяет граждан, проживающих на территории его участка и состоящих на учете в органе внутренних дел.

В ходе поискового (исследовательского) этапа следователь при производстве осмотра места происшествия: 1) осуществляет предварительный обзор места происшествия в целях ориентации и ознакомления с обстановкой, планирования дальнейшей работы; 2) определяет границы исследования места происшествия; 3) выявляет основные объекты и информационные зоны осмотра, определяет исходную точку осмотра и неподвижные ориентиры; 4) выбирает наиболее эффективный способ и тактику осмотра для успешного поиска и исследования информации, четкой последовательности в изучении объектов осмотра; 5) дает указание о производстве ориентирующей, обзорной фотосъемки.

Очень важен для расследования преступления осмотр мест проникновения (взлома пре-

град) на объект и мест хранения похищенного, в том числе хранилищ (сейфов, металлических шкафов). Источником отбора запахов могут быть оставленные или брошенные преступниками одежда, орудия преступления, окурки и другие вещи, на которых возможны следы пота, слюны, волос, пальцев рук.

В ходе осмотра жилища значительную помощь может оказать потерпевший, находившийся в непосредственном контакте с преступниками: он может показать конкретные объекты и предметы, к которым прикасались преступники, как они передвигались по жилищу, где лежали ценности, и тем самым способствовать целенаправленному поиску следов, в том числе запаховых.

Активная роль при осмотре отводится специалисту-криминалисту, который осуществляет поиск, фиксацию и изъятие следов. Все обнаруженные на месте происшествия предметы и следы подробно описываются в протоколе. С участием специалиста осматриваются узлы, завязанные на веревках, ремнях, телефонных проводах, обрывках ткани и использованные для лишения возможности сопротивления со стороны потерпевших. Специалист может дать заключение об их специфичности для лиц определенной профессии.

При взломе сейфов, иных хранилищ следует произвести осмотр их поверхности: выявить следы рук, волокна одежды и другие микрочастицы. Если для вскрытия сейфа использовалась газовая горелка или сварка, следы их применения по возможности изымаются полностью. Если в сейфе находились денежные купюры, они могли обгореть, что следует использовать при розыске преступников.

Тщательно осуществляется внешнее обследование жилища, в ходе которого внимательно осматриваются входные двери, окна, подъезд, лестничные площадки. Уделяется внимание характеру воздействия на преграды, поскольку место взлома – основное сосредоточение разнообразных следов и микрообъектов, которые могут быть принесены на место взлома преграды преступниками (волосы, кровь, слюна, волокна ткани одежды), образоваться в результате воздействия на преграду (части металла, древесины, краски, попавшие на одежду преступников, орудия взлома и инструменты) [5, с. 48]. Осматриваются надворные постройки, поскольку преступники могли перед совершением нападения оставить там следы ног, рук, курения, слюну.

С целью поиска следов обуви осматриваются близлежащая территория, пути возможного

ухода преступников. Наличие следов обуви преступников, оставленных ими на окружающей местности, предметов предполагает возможное применение служебно-розыскной собаки.

В ситуации, если преступники в целях затруднения применения служебно-розыскной собаки обработали пол и предметы веществом с резким запахом, необходимо изымать образцы этого вещества и производить забор пробы воздуха. Если на объекте было установлено криминалистическое слепообразующее средство – химловушка, которая была вскрыта, то изымается образец ее вещества и приобщается к протоколу [6].

Если имеются данные об использовании преступниками автомашины, то осматривается место ее стоянки, на котором могут быть оставлены следы протектора, подтекания масла или других жидкостей. В местах передвижения преступников должны изыматься пробы грунта, растительности. В случае обнаружения у задержанного частиц грунта и растений на обуви и одежде эксперт сможет определить нахождение данного лица на месте преступления.

Целесообразно быстро и оперативно произвести изъятие и осмотр одежды и обуви подозреваемого с целью обнаружения следов и микрочастиц, его освидетельствование.

При организации розыска преступника по имеющимся приметам следователь и оперативные работники должны обратить внимание не только на следы, которые он мог оставить на месте происшествия, но и на частицы вещества, которые могут остаться на одежде и обуви подозреваемого. Это позволяет реконструировать взаимосвязь преступника и места преступления.

Осмотр места происшествия желательно фиксировать с помощью видеосъемки, чтобы четко и точно отразить все происходящее, полностью запечатлеть обстановку, факты обнаружения следов, изъятия предметов и документов. При задержании подозреваемого, дающего показания в совершенной краже, грабеже, разбое, возможно проведение дополнительного осмотра жилища, помещения (хранилища).

В ходе осмотра следователь должен обращать внимание и на негативные обстоятельства, свидетельствующие о признаках инсценировки [7, с. 469].

По результатам осмотра места происшествия следователь и оперативные работники анализируют полученные данные о преступлении и его возможных участниках, изъятых ве-



ществленных доказательствах и следах (отпечатки пальцев, окурки, слюна, микрочастицы, кровь). На основании этих сведений могут быть сделаны выводы о личности возможного преступника и по поручению следователя продолжено проведение оперативно-розыскных мер по его установлению. Кроме указанных следов и других доказательств, необходимо учитывать способ совершения преступления и иные данные, имеющие значение для установления личности преступника.

После окончания осмотра места происшествия анализ полученной информации способствует уточнению и конкретизации типовых версий, в результате расследование становится более целенаправленным и эффективным. В ходе работы по раскрытию преступления составляются (со слов свидетелей) рисованные,

композиционные портреты, фотороботы подозреваемых лиц.

Представляется, что в целях совершенствования информационного обеспечения осмотра места происшествия необходимо использовать типовые модели осмотра места происшествия [8, с. 18]. Использование данного комплекса на базе персонального компьютера в «полевых» условиях позволит: 1) вести поиск информационных объектов места происшествия, используя данные об их типичных видах, особенностях, местах обнаружения; 2) фиксировать по формализованной схеме обнаруженную фактическую информацию и параллельно ее анализировать. Результаты проведенной работы могут быть приобщены к протоколу осмотра места происшествия в качестве приложения.

1. Брылев В.И., Лях Л.А. *Расследование имущественных преступлений на первоначальном этапе*. LAP LAMBERT, Германия, 2013.

2. *Осмотр места происшествия: практ. пособие / под ред. А.И. Дворкина*. М., 2001.

3. Гавловский В.А. *Первоначальный этап расследования серийных групповых краж, совершенных с незаконным проникновением в помещение (хранилище): автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Краснодар, 2008.

4. Бурданова В.С. *Расследование краж, грабежей и разбойных нападений // Криминалистика: учеб. / под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Баstryкина*. М., 2010.

5. Брылев В.И., Лях Л.А. [и др.]. *Расследование грабежей и разбоев, совершенных с незаконным проникновением в жилище*. Краснодар, 2007.

6. Скорченко П.Т. *Руководство по применению криминалистических слеодообразующих средств*. М., 2005.

7. Шурухнов Н.Г. *Криминалистика: учеб.* М., 2004.

8. Гуляниц А.Г. *Основные направления повышения эффективности осмотра места происшествия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2005.

1. Brylev V.I., Lyakh L.A. *The investigation of crimes against property in the initial stage*. LAP LAMBERT, Germany, 2013.

2. *Inspection of the scene: practical guide / ed. by A.I. Dvorkin*. Moscow, 2001.

3. Gavlovsky V.A. *The initial phase of the investigation of group serial thefts committed with illegal entry into the room (storage): auth. abstr. ... Master of Law*. Krasnodar, 2008.

4. Burdanova V.S. *Investigation of thefts, robberies and assaults // Forensics: textbook / ed. by I.F. Krylov, A.I. Bastrykin*. Moscow, 2010.

5. Brylev V.I., Lyakh L.A. [et al.]. *Investigation of robberies and bandtries committed with illegal entry into a dwelling*. Krasnodar, 2007.

6. Skorchenko P.T. *Guidance on the application of forensic trace-formative funds*. М., 2005.

7. Shuruhnov N.G. *Forensics: textbook*. Moscow, 2004.

8. Gulyants A.G. *The main directions of improving the effectiveness of inspection of the scene: auth. abstr. ... Master of Law*. Moscow, 2005.

**Лозовский Денис Николаевич**

доктор юридических наук,  
профессор кафедры уголовного процесса  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583757)

## *Актуальные вопросы взаимодействия средств массовой информации с правоохранительными органами в процессе расследования преступлений*

В статье рассматриваются отдельные аспекты взаимодействия СМИ с органами предварительного расследования, условия и факторы, влияющие на данную деятельность, анализируются отдельные формы взаимодействия.

**Ключевые слова:** средства массовой информации, расследование преступлений, взаимодействие.

**D.N. Lozovsky**, Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

**Actual questions of interaction of mass media with law enforcement bodies in the process of investigation of crimes**

Article is devoted to separate aspects of interaction of mass media with bodies of preliminary investigation, conditions and factors influencing this activity, separate forms of interaction are analyzed.

**Key words:** mass media, investigation of crimes, interaction.

**В** последние десятилетия средства коммуникации претерпевают существенные изменения вследствие распространения спутниковой связи, кабельного радио и телевидения, электронных текстовых коммуникационных систем (видео-, экранных и кабельных текстов), а также индивидуальных средств накопления и печатания информации (кассет, дискет, компакт-дисков, флэш-карт, принтеров и сканеров).

В любом современном обществе СМИ в той или иной форме выполняют ряд общих функций. Пожалуй, важнейшей из них является информационная функция. Она состоит в получении и распространении сведений о наиболее важных для граждан и органов власти событиях.

Очевидно, что правоохранительные органы и СМИ испытывают тяготение к взаимодействию. Первые стремятся использовать СМИ для поднятия своего престижа, а также получения поддержки населения при реализации оперативно-профилактических мероприятий, для розыска преступников, повышения уровня правовой грамотности граждан. Вторые видят в правоохранительных органах источник надежной и интересной информации. Криминальные события в силу их разнообразия, эмоциональности и непредсказуемости интересны широ-

кой аудитории. Рейтинг многих телепрограмм, газетно-журнальных изданий поддерживается благодаря остросюжетным сообщениям.

Следователи органов внутренних дел в последние годы достаточно активно используют средства массовой информации в расследовании преступлений. Тесный контакт правоохранительных органов со СМИ позволяет обеспечить наиболее объективное отображение проблем укрепления правопорядка и борьбы с преступностью и дать оценку деятельности правоохранительной системы и государства в целом. Подавляющее большинство граждан хотят иметь исчерпывающую информацию об их деятельности, чтобы знать о возможностях структур, призванных отстаивать законные права и интересы граждан.

Борьба с преступностью является общим делом правоохранительных органов, общественности и населения. Следователь может и должен получать от населения важную информацию, касающуюся расследуемого им преступления, о лицах, причастных к его совершению, и других важных обстоятельствах. Для обращения к населению с просьбой об оказании содействия следователю целесообразно использовать средства массовой информации: печать, радио, телевидение [1, с. 3].

Эффективность использования труда следователей и работников органов дознания, особенно по применению ими наиболее рациональных приемов и методов расследования преступлений, во многом зависит от взаимодействия правоохранительных органов и СМИ, направленного на ориентацию граждан на законопослушное поведение.

Использование следователем и дознавателем средств массовой информации – прессы, радио и телевидения – вытекает из следующих условий:

отсутствие или недостаточность информации о событии преступления и причастных к нему лицах: обвиняемых, потерпевших, очевидцев и свидетелей;

невозможность получить необходимую информацию другим способом.

Следователь и дознаватель в поисках такой информации, прежде всего, определяют сущность и объем необходимых сведений об обстоятельствах, подлежащих выяснению по делу. Взаимодействие следователя со средствами массовой информации диктуется, прежде всего, потребностями практики. Многие, особенно тяжкие, преступления представляют известную сложность для раскрытия.

Взаимодействие следователя со СМИ зависит от многих факторов:

у журналиста, сотрудников редакции обычно нет познаний в области уголовного права, процесса, криминалистики, а у следователя – недостаточные познания в области журналистики;

возможности СМИ, которых нет у следователя: неограниченная территория, на которую распространяется влияние СМИ, широкий круг лиц, благодаря которым СМИ становится известно о расследовании преступления;

отсутствие свидетелей и очевидцев;

отсутствие сведений о лице, совершившем преступление;

отсутствие сведений о потерпевшем в случае его смерти;

невозможность получения информации другим способом;

взаимодействие начинается с момента обращения следователя к СМИ, т.е. после возбуждения уголовного дела, и завершается после окончания расследования, установления истины;

организующая роль следователя;

выявление причин и условий, способствующих совершению преступления.

В процессе взаимодействия следователя со СМИ при расследовании преступлений необхо-

димостью является, в первую очередь, привлечение внимания населения к расследованию уголовного дела с тем, чтобы выявить потерпевших, свидетелей, подозреваемых в совершении преступления.

Использование следователем СМИ при расследовании преступлений преследует цель привлечения населения к участию в расследовании преступления. Под помощью населения понимаются целенаправленные действия лиц, способствующие расследованию преступления. Для следователя предпочтительнее помощь населения в форме предоставления информации о совершенном преступлении и причастных к нему лицах с последующим их участием в расследовании в качестве свидетелей.

Следует отметить, что основной вид взаимодействия следователя со СМИ – это обращение за содействием при расследовании преступлений. Взаимодействие может быть разовым, может сочетать в себе различные формы обращения посредством пресс-службы, в порядке отдельных поручений либо личного обращения следователя. Если следователь при расследовании преступлений использовал возможности СМИ, его просьбу опубликовали, озвучили, то он по окончании расследования должен выступить в СМИ с итогами.

Сотрудниками пресс-службы УВД по городу Краснодару был проведен опрос общественного мнения по изучению уровня безопасности личности и деятельности Управления внутренних дел по городу Краснодару. В ходе анкетирования было опрошено 345 респондентов. Один из вопросов анкеты звучал так: что в последние 12 месяцев влияло на Ваши представления о работе органов внутренних дел?

162 респондента, что составило 47%, узнают о работе органов внутренних дел из новостных и публицистических теле- и радиопередач, сведениям из Интернета доверяют 96 человек, что составило 27%, публикациям в прессе (газетах, журналах) доверяют 78 (22%) граждан из числа опрошенных, 49 (14%) респондентов считают, что именно кинофильмы, телефильмы, передачи о полиции влияют на представление о работе ОВД.

В результате изучения анкет выяснилось, что на представление граждан о работе органов внутренних дел оказывают влияние новостные и публицистические теле-, радиопередачи. Эти данные еще раз подтверждают факт, что средства массовой информации могут влиять на общественное мнение и помогать формировать его. Правоохранительным органам, в

свою очередь, необходимо в своих интересах использовать возможности СМИ.

Следует отметить, что правоохранительные органы в последнее время все чаще и чаще прибегают к возможностям электронных средств массовой информации в расследовании преступлений, поиске преступников и очевидцев преступлений.

Огромное преимущество информационных агентств, работающих в сети Интернет, заключается в том, что любую информацию можно прочесть неоднократно, вернуться к ней, посмотреть видеоролики, прослушать аудиозапись. Возможности Интернета неисчерпаемы, можно сказать, что данный источник собирает в себе возможности всех средств массовой информации, как электронных, так и печатных.

Для органов внутренних дел возможности информационных агентств безграничны. С появлением интересной для общества информации информагентства первыми выкладывают ее на своих страницах. Затем информацию выдают радиостанции и телевидение, которое, в свою очередь, дополняет новость соответствующим видеорядом.

Для того чтобы привлечь внимание зрителя и читателя, журналисты при выборе тем для своих передач и публикаций обычно руководствуются рядом следующих общих принципов:

Приоритетностью (действительной или мнимой) и привлекательностью темы для граждан. В соответствии с этим принципом наиболее часто сообщения СМИ касаются таких проблем, как угроза миру и безопасности граждан, терроризм, экологические и иные катастрофы. Также интерес вызывают расследования особо тяжких преступлений, вызвавших широкий общественный резонанс. Пример: убийство двенадцати человек в станице Куцевской Краснодарского края.

Неординарностью фактов. Это означает, что кризисные и другие экстремальные события (голод, войны, необычайно жестокие преступления и т.д.) доминируют над явлениями повседневной жизни. Этим объясняется, в частности, склонность СМИ к информации негативного характера и сенсационным фактам.

Новизной фактов. Привлечь внимание населения в большей степени способны сообщения, еще не получившие широкой известности.

Это могут быть новейшие данные о результатах развития экономики или численности безработных, о полете к другим планетам, о новых политических партиях и их лидерах, новые подробности в расследовании преступлений.

Высоким общественным статусом действующих лиц. Чем выше статус источника информации, тем значительнее считается интервью или передача, поскольку предполагается, что их популярность при прочих равных условиях прямо пропорциональна общественному положению людей, сообщающих сведения. Журналисты охотно соглашаются на общение с руководителями органов внутренних дел.

Практика оперативно-следственных органов свидетельствует об эффективности использования помощи СМИ в следующих направлениях:

в установлении личности и розыске лиц, подозреваемых в совершении преступлений;

в задержании лиц, находящихся в розыске;

в розыске обвиняемого и его имущества, предметов и документов, имеющих отношение к уголовному делу;

в установлении обстоятельств, имеющих важное значение по делу;

в отождествлении лиц (потерпевших и свидетелей);

в предупреждении и профилактике преступлений;

в устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления;

в воспитании граждан в духе уважения к закону и ответственности.

Что касается средств массовой информации, расположенных на территории Краснодарского края, то тут необходимо отметить, что провести какую-либо параллель и выделить, какие именно СМИ – печатные или электронные – оказывают наибольшее содействие в расследовании преступлений, было бы сложно. И печатные, и электронные СМИ Краснодарского края охотно идут на контакт с правоохранительными органами, любезно размещая информацию на своих страницах.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что взаимодействие правоохранительных органов со СМИ при расследовании преступлений может повысить эффективность расследования преступлений, сказаться на качестве расследования преступлений и оказать влияние на состояние латентной преступности.

1. Крылов А.В. Проблемы использования возможностей средств массовой информации при расследовании преступлений // *Российский следователь*. 2003. № 3. С. 3–6.

1. Krylov A.V. Problems of use of opportunities of mass media at investigation of crimes // *Russian investigator*. 2003. № 3. P. 3–6.

**Дрога Анастасия Александровна**

старший преподаватель кафедры криминалистики  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: madamdroga@yandex.ru)

**Першин Сергей Петрович**

кандидат экономических наук,  
заместитель начальника отдела документальных проверок и исследований –  
начальник отделения документальных исследований в сфере налогообложения  
Управления экономической безопасности и противодействия коррупции  
ГУ МВД России по Краснодарскому краю  
(e-mail: pershinsp@mail.ru)

## *Расчет доли не полностью исчисленных и уплаченных налогов в ходе экспертного исследования объектов преступлений, предусмотренных статьей 199 Уголовного кодекса Российской Федерации*

В статье рассмотрены возникающие в ходе экспертного исследования сложные вопросы расчета доли выявленных не полностью исчисленных и уплаченных налогов в общей сумме налогов, подлежащих исчислению и уплате налогоплательщиком – организацией в бюджет согласно требованиям ст. 199 УК РФ. Авторами обобщена теория и определены отдельные правила расчета искомой доли, предложен прием учета величины налоговых обязательств вне зависимости от установленной продолжительности налогового периода отдельного налога.

**Ключевые слова:** эксперт, налог, доля, судебно-бухгалтерская экспертиза, налоговый период, уголовное дело, порядок расчета.

**A.A. Droga**, Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: madamdroga@yandex.ru;

**S.P. Pershin**, Master of Economics, Deputy Head of Department of Documentary Checks and Researches – Head of Office of Documentary Researches in Taxation Sphere of Department of Economic Security and Corruption Counteraction of General Directorate of the Ministry of the Interior of Russia in Krasnodar Region; e-mail: pershinsp@mail.ru

### **The share calculation of unpaid taxation is according to the article 199 of the Criminal code of the Russian Federation using expertizing investigation**

This article is depicted the complex questions about the share calculation of unpaid taxations according to the article 199 of the Criminal code of the Russian Federation using expertizing investigation. The authors of this article summarized the theory and defined some calculation rules of investigated share and proposed into account the value of tax obligations regardless of difined duration of the tax period of the separated tax.

**Key words:** expert, tax, share, judicial-account expertise, period of taxation, criminal case, order of calculation.

**В** правоприменительной практике при квалификации деяний по ст. 199 УК РФ возникают немалые сложности в части доказывания такого условия совершения преступления, как соответствие доли не полностью исчисленных и уплаченных налогов общей сумме налогов, подлежащих уплате налогоплательщиком в бюджет. Неоднозначность толкования механизма расчета

требует уделения особого внимания формулировке положений ст. 199 УК РФ и разъяснения (установления) единого приема производства расчета. Судебный эксперт, сталкиваясь с такой проблемой, вынужден обосновывать примененный прием и доказывать его основательность в каждом случае. На практике, в связи с применением различных приемов, возникают случаи документирования признаков состава

преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, с различными правовыми последствиями.

В соответствии со ст. 199 УК РФ преступлением считается уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации, совершенное в крупном размере (когда сумма неуплаченных налогов и (или) сборов за период в пределах трех финансовых лет подряд составляет более двух миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных платежей превышает 10% от подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, или превышает шесть миллионов рублей), либо в особо крупном размере (когда сумма неуплаченных налогов и (или) сборов за период в пределах трех финансовых лет подряд составляет более десяти миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных платежей превышает 20% от подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, или превышает тридцать миллионов рублей).

В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов и сборов Пленум Верховного Суда РФ дал судам следующие разъяснения в части порядка исчисления доли не полностью исчисленных и уплаченных налогов: исчисляя долю неуплаченных налогов и (или) сборов (свыше 10% или свыше 20%), необходимо исходить из суммы всех налогов и (или) сборов, подлежащих уплате за период в пределах трех финансовых лет подряд [1]. То есть выявленная сумма неуплаченных налогов (сборов) должна включаться в общую сумму налогов (сборов), подлежащих уплате.

Однако ни указанное постановление, ни формулировка ст. 199 УК РФ не дают однозначного ответа на следующие основные вопросы:

отношение суммы не полностью исчисленных и уплаченных налогов рассчитывается к общей сумме подлежащих исчислению и уплате тех же видов налогов или сумме всех налогов, подлежащих уплате организацией;

включаются ли в общую сумму налогов, подлежащих уплате организацией, налоги, по которым налоговый период не соответствует налоговому периоду налога (налогов), сумма которого выявлена как неуплаченная (не полностью исчисленная);

расчет доли производится строго в рамках финансового года или же за меньший период времени;

является ли выявленная неуплата налога за отдельный налоговый период самостоятельным эпизодом.

В связи с изложенным некоторые авторы считают, что исчисление доли неуплаченных налогов необходимо осуществлять, исходя из суммы всех налогов, подлежащих уплате за

период в пределах трех финансовых лет подряд, а не по каждому налоговому периоду или финансовому году, даже если доля уклонения не превышает пороговых значений в каждом из периодов [2].

Вместе с тем, другие ученые убеждены, что преступлением может быть признано уклонение от уплаты и единственного налога (сбора), и считают, что в знаменателе необходимо ставить все налоги, подлежащие уплате организацией, однако существует и точка зрения, согласно которой в знаменателе должны учитываться только те налоги, по которым произошла недоимка [3].

В подтверждение своей позиции сторонники первой точки зрения приводят два аргумента. Один из них сводится к тому, что согласно ст. 49 Конституции РФ все неустранимые сомнения в виновности толкуются в пользу обвиняемого. Суть второго состоит в разделении понятий неуплаченных налогов и налогов, подлежащих уплате. К неуплаченным относятся те виды налогов, от уплаты которых налогоплательщик уклонился, а к подлежащим уплате – все виды налогов, которые налогоплательщик должен платить согласно законодательству. То же указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, где говорится о том, что выявленная сумма неуплаченных налогов (сборов) должна включаться в общую сумму налогов (сборов), подлежащих уплате, и в знаменателе необходимо указывать все налоги, подлежащие оплате [1].

Противники данной точки зрения считают, что понятия «неуплаченные налоги» и «налоги, подлежащие уплате» синонимичны, а значит, в знаменателе при расчете размера недоплаты налогов необходимо ставить только те налоги, по которым произошла неуплата [3].

Следует обратить внимание на то, что и судебная практика по данному поводу противоречива. В одних случаях правоохранительные органы и суд считают правомерным исчислять долю неуплаченных налогов по отношению ко всем налогам, которые должна платить организация, в других – только по отношению к тем, по которым есть недоимка.

П.С. Яни справедливо поднимал следующие вопросы: с какого момента начинается период в пределах трех финансовых лет? С начала налогового периода, за который не уплачен первый из неуплаченных налогов? С момента истечения срока уплаты первого из неуплаченных налогов? С 1 января первого года из числа трех финансовых лет, в пределах которых находятся налоговые периоды налогов, которые полностью или частично не уплачены? С 1 января первого года из числа трех финансовых

лет, в пределах которых наступают сроки уплаты налогов, которые полностью или частично не платятся, и т.д. На наш взгляд, эти вопросы разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, из которого следует: во-первых, период в пределах трех финансовых лет Пленум приравнивает в трехлетнему периоду, а трехлетний период в пределах трех финансовых лет возможен только с 1 января первого года по 31 декабря третьего года; и, во-вторых, в указанный период Пленум включает не сроки уплаты налогов, а налоговые периоды, по окончании которых определяется налоговая база и исчисляется сумма конкретного налога, подлежащего уплате, но полностью либо частично неуплаченного [3].

Однако нельзя не согласиться, что уголовная ответственность может наступить и за отдельный налоговый период, установленный НК РФ (например, за календарный год или иной период применительно к отдельным налогам, по окончании которого определяется налоговая база и исчисляется сумма налога, подлежащая уплате) [3].

По нашему мнению, необходимо основываться на сути признака состава преступления, установленного законодателем. Так, при внимательном прочтении текста ст. 199 УК РФ видно, что законодатель, устанавливая условия признания суммы неуплаченных налогов в крупном или особо крупном размере, вероятно, преследовал цель учесть масштабы деятельности организации. Так, для организации с небольшим, к примеру до 5 млн руб., оборотом финансовых средств в течение отчетного периода, сумма налогов в размере 2 млн руб. является весьма существенной, т.к. составляет 40% от оборота. В то же время для организации с оборотом финансовых ресурсов в сумме более 100 млн руб. за отчетный период данная сумма составляет всего 2%. Здесь необходимо учитывать величину налогового бремени. Так, на примере организации, работающей с применением общей системы налогообложения, при ставке налога на прибыль в 20%, налога на добавленную стоимость 18%, налога на имущество в 2,2% величина бремени, лежащая на доход, составляет, как правило, около 20%. Безусловно, конкретная величина зависит от суммы полученной прибыли, рентабельности, стоимости налогооблагаемого имущества и других факторов. То есть законодателем определен момент возникновения уголовной ответственности с учетом среднестатистической величины налогового бремени и номинальной величины уплачиваемых налогов. Важно видеть и определенные промежутки между величинами размеров неуплаты налогов, которые приводят

к возникновению ответственности вне зависимости от доли суммы неуплаченных налогов к общей величине налогов, подлежащих уплате. Это суммы неуплаты в размере от 6 до 10 млн руб. и свыше 30 млн руб., а установленное условие в виде доли неуплаченных налогов является своеобразным стимулом соблюдать правила исчисления налогов и больше платить налогов. То есть чем выше номинальная величина налогового бремени конкретного налогоплательщика и меньше сумма уклонения, тем меньше риск быть привлеченным к уголовной ответственности за неуплату налогов.

Таким образом, доля суммы неуплаченных налогов в общей величине налогов, подлежащих уплате, как условие соответствия деяния признакам состава преступления обеспечивает учет значения и характера выявленной суммы неуплаты налогов в общей величине налогового бремени налогоплательщика. Следовательно, расчет такой доли нацелен на установление тяжести или значения суммы неуплаты для конкретного лица.

Из всего вышесказанного очевидно, что доля выявленной суммы не полностью исчисленного и уплаченного налога (налогов, сборов) исчисляется в отношении общей суммы всех налогов (сборов), подлежащих исчислению и уплате налогоплательщиком за те же налоговые периоды. Важно, чтобы в совокупности налоговые периоды налогов, по которым выявлена не полная уплата, не превышали три финансовых года подряд.

В указанной связи примечательна ситуация, при которой налоговый период налога, по которому выявлена не полная уплата, составляет квартал или месяц. Для расчета доли такого налога необходимо определить общую сумму налогов, подлежащих исчислению и уплате налогоплательщиком за аналогичный промежуток времени, а именно за квартал. Однако если не полная уплата выявлена за 1–3 квартала финансового года, то очевидно, что в общую сумму налогов, подлежащих исчислению и уплате налогоплательщиком, не могут быть включены авансовые платежи по налогам, налоговый период которых составляет календарный год. В итоге в общую сумму налогов будут включены только акцизы, а также единый налог на вмененный доход и налог на добавленную стоимость. Если сумма не полностью исчисленного и уплаченного налога выявлена за 4 квартал финансового года, то здесь возникает вопрос о включении в общую сумму налогов, подлежащих исчислению и уплате налогоплательщиком, по итогам налогового периода – календарного года. Ведь на конец финансового года налогоплательщиком сформирована налоговая база

по таким налогам и определена сумма налога, подлежащая уплате с учетом авансовых платежей.

Несоответствие налоговых периодов вызывает полемику по вопросу справедливости исчисления доли не полностью исчисленных и уплаченных налогов. В первом рассматриваемом случае такая доля будет существенно выше, чем во втором, когда знаменатель при расчете увеличен на сумму налогов с налоговым периодом в календарный год. Неоднозначная ситуация вызвана несоответствием значения категорий «налог» и «авансовый платеж» по налогу. По своему характеру в целях исполнения фискальной функции это одно и то же, но с точки зрения существа платежа – нет. Дело в том, что авансовый платеж представляет собой не окончательную сумму платежа, а предполагаемую, размер которой может быть изменен по итогам закрытия финансового года, и у налогоплательщика остается возможность правомерно корректировать величину итогового платежа по налогу. То есть может возникнуть ситуация, когда авансовые платежи были уплачены в большем размере и, следовательно, переплату можно истребовать из бюджета. Но ведь сумма авансовых, к тому же зачастую уплачиваемая ежеквартально, может оказаться соответствующей общей итоговой величине налогового платежа, рассчитанного по итогам финансового года, и, следовательно, налогоплательщик оказывается в невыгодном положении, тогда как именно сумма авансовых платежей могла бы обеспечить невозможность применения уголовной ответственности вследствие несоответствия рассчитанной доли суммы не полностью исчисленного и уплаченного налога за 1–3 кварталы финансового года диспозиции ст. 199 УК РФ. В рассматриваемой ситуации наиболее справедливым видится расчет, производством которого будет осуществляться только по итогам финансового года, когда будет известна величина всех налогов, подлежащих исчислению и уплате налогоплательщиком. Однако, рассматривая субъективную сторону совершаемого преступления по уклонению от уплаты налога за налоговый период, длительность которого в календарном исчислении составляет менее одного финансового года, необходимо учесть невозможность ответственным лицом понимать значение величины не полностью исчисленного и уплаченного налога в общей сумме налогов, подлежащих исчислению и уплате за тот же период, т.е. искомую величину – долю. Такую величину можно и следует предполагать. Так, сумма авансового платежа – это в большинстве случаев не абстрактная цифра, рассчитанная из величины

предполагаемого дохода, а вполне конкретная величина, зависящая от фактических показателей деятельности налогоплательщика. К примеру, согласно ст. 286 НК РФ по итогам каждого отчетного (налогового) периода, если иное не предусмотрено настоящей статьей, налогоплательщики исчисляют сумму авансового платежа по налогу на прибыль организаций, исходя из ставки налога и прибыли, подлежащей налогообложению, рассчитанной нарастающим итогом с начала налогового периода до окончания отчетного (налогового) периода.

Согласно ст. 199 УК РФ преступлением может признаваться только такое деяние, которое совершается с умыслом и направлено на избежание уплаты налога в нарушение установленных налоговым законодательством правил. Это обязывает органы, осуществляющие уголовное преследование, не только установить в ходе расследования и судебного рассмотрения конкретного уголовного дела сам факт неуплаты налога, но и доказать противозаконность соответствующих действий (бездействия) налогоплательщика и наличие умысла на уклонение от уплаты налога (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Отсутствие в ст. 199 УК РФ перечня конкретных способов уклонения от уплаты законно установленных налогов не дает правоприменителю оснований для произвольного привлечения к уголовной ответственности за неуплату налога, в том числе в случаях, когда налогоплательщик использует не противоречащие закону механизмы уменьшения налоговых платежей или допускает неуплату налога по неосторожности. Согласно ст. 110 НК РФ виновным в совершении налогового правонарушения признается лицо, совершившее противоправное деяние умышленно или по неосторожности, то же самое предусмотрено положениями УК РФ в ст. 5, 14 и 25 (применительно к сфере налогообложения – уголовная ответственность за неуплату налога, явившееся результатом виновного поведения, не допускается). К такому же выводу пришел в своем постановлении и Конституционный Суд РФ [4].

В связи с этим в соответствии со ст. 25 УК РФ деяние считается совершенным умышленно, если при подаче налоговой декларации с заведомо ложными данными или непредставлении налоговой декларации на фоне перечисления авансовых платежей ответственным лицом предвидело возможность наступления общественно опасных последствий и возможность соответствия доли не полностью исчисленного и уплаченного налога в общей сумме налогов и авансовых платежей по налогам, налоговый период которых еще не истек. Однако важно, что НК РФ не определяет ответственность за



нарушение порядка исчисления и (или) уплаты авансовых платежей по налогу, кроме пени (ст. 58 НК РФ). В УК РФ также определена ответственность только за неуплату налога, но не авансового платежа по нему. Следовательно, налогоплательщик, преследующий злой умысел по уклонению от уплаты налогов, предполагая возможность возникновения уголовной ответственности, будет стремиться к увеличению суммы авансового платежа по налогам в целях обеспечения низкой величины неуплаченной суммы налога по отношению к общей сумме налогов и авансовых платежей за тот же период. В любом случае учет авансовых платежей при расчете доли не полностью исчисленных и уплаченных налогов ставит ответственного лицо в более выгодное положение, а в силу положений ст. 14 УПК РФ все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого.

Уплата авансового платежа по налогу имеет целью не только формирование бюджета в течение всего финансового года, но и одновременно распределение налогового бремени налогоплательщика, что позволяет получать выгоду обеим сторонам налоговых отношений. При расчете доли выявленной суммы не полностью исчисленных и уплаченных налогов налогоплательщику выгодно учитывать общую сумму налогов, подлежащих исчислению и уплате, включая налоговые платежи по налогам, если налоговый период по таким налогам не окончен. Однако при буквальном прочтении текста примечания ст. 199 УК РФ можно сделать вывод, что речь при просчете доли идет только о налогах. Ситуация усложняется, если взять в рассмотрение неуплату акцизов, по которым налоговый период в соответствии со ст. 193 НК РФ составляет календарный месяц. В этом случае выделение сумм авансовых платежей, уплачиваемых поквартально, становится невозможным либо возникает необходимость применения не популярного пропорционального расчета.

Таким образом, с учетом вышеизложенного расчет доли выявленных сумм не полностью исчисленных и уплаченных налогов с организации необходимо осуществлять с соблюдением следующих правил:

отношение суммы не полностью исчисленных и уплаченных налогов рассчитывается к общей сумме всех видов подлежащих исчислению и уплате налогов;

в общую сумму всех налогов, подлежащих уплате организацией, должны быть включены суммы налогов, по которым налоговый период истек к моменту окончания налогового периода

налога (налогов), сумма которого(ых) выявлена как не полностью исчисленная и не полностью уплаченная;

расчет доли производится за совокупность налоговых периодов, за которые установлена сумма не полностью исчисленных и уплаченных налогов, в пределах трех финансовых лет подряд;

выявленная неуплата налога за отдельный налоговый период является самостоятельным эпизодом при наличии на то оснований, установленных в ходе предварительного следствия.

Таким образом, несправедливым остается применение расчета в случаях выявления суммы не полностью исчисленных и уплаченных налогов за налоговый период, меньший, чем финансовый год. Сопоставление между собой только налогов с одинаковым налоговым периодом не соответствует цели определения значимости выявленной неуплаты в общей величине налогового бремени налогоплательщика.

Тем не менее, для исключения неоднозначного толкования текста ст. 199 УК РФ в части порядка расчета доли выявленной суммы не полностью исчисленных и уплаченных налогов в общей сумме налогов, подлежащих уплате, в целях обеспечения единства применяемых порядков необходимы методические рекомендации и разъяснения уполномоченного органа.

Возможно ли применение индивидуального подхода к расчету доли, исходя из конкретной ситуации и обстоятельств неуплаты в ходе производства экспертизы по отдельным делам? Судебно-бухгалтерская экспертиза призвана дать однозначные ответы на вопросы, исходя из существа производственной и финансово-хозяйственной деятельности, характер которой складывается под влиянием целого ряда индивидуальных особенностей и организационно-хозяйственной структуры налогоплательщика, эффективности и характера экономической деятельности, обстоятельств совершения деяния, послужившего основанием установления сумм не полностью исчисленных и уплаченных налогов. В любом случае стремление эксперта справедливо учесть больший объем налоговых обязательств при расчете искомой доли ставит фигуранта уголовного дела или подозреваемого в более выгодное положение, нежели отказ от учета налогов, по которым налоговый период не истек к моменту окончания налогового периода налогов, по которым установлена неуплата. В свою очередь, Федеральный закон о государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ указывает, что госу-

дарственные судебно-экспертные учреждения осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода и указание на применение конкретных методов исследования обязательно отражается в заключении эксперта.

Исходя из заключения эксперта, суд, следователь, обвиняемый и другие лица должны иметь возможность достоверно и однозначно понять суть примененного метода исследования и механизм произведенных расчетов, цель, которую преследовал эксперт, выбрав конкретный порядок расчета. Правильно организованная система ведения бухгалтерского и налогового учета налогоплательщиков в данном случае призвана сыграть в пользу ответственного лица. В каждом отдельном случае, по нашему мнению, необходимо предметно подходить к приемам определения величины налогового обязательства в расчете на период, меньший по продолжительности, чем налоговый период, установленный налоговым законодательством по данному налогу. Однако сложность возникает при установлении, к примеру, суммы расходов в отношении ряда косвенных накладных затрат, итоговая сумма которых будет определена только по окончании финансового года. Но и здесь имеется возможность использовать фактически накопленные к моменту расчета учетные данные для формирования суммы расходов. Ситуация становится существенно сложнее, если налогоплательщиком не велся должный учет объектов налогообложения и бухгалтерский учет. В таких случаях при производстве налоговых экспертиз зачастую эксперт использует данные налоговых деклараций налогоплательщи-

ка, данные выписок из лицевого счета налогоплательщика в налоговом органе и результаты исследования документов. При возникновении необходимости определения величины налоговых обязательств в разрезе более мелких периодов, нежели налоговый период, установленный налоговым законодательством, эксперт сталкивается с необходимостью восстановления учетных данных налогоплательщика. Последнее представляет собой весьма сложный и трудоемкий процесс, на осуществление которого зачастую не хватает процессуальных сроков. В данном случае налогоплательщик должен быть заинтересован в производстве более сложного расчета и максимально способствовать его осуществлению по запросу следователя на основании ходатайства эксперта. Если это невозможно, претензии к эксперту в необходимости производства расчета с восстановлением учетных данных, по нашему мнению, не обоснованы, т.к. нормативными и методическими материалами на сегодняшний день такая обязанность по восстановлению учетных данных не установлена.

Таким образом, применение вышеуказанных правил расчета искомой доли неуплаченных налогов в общей сумме налоговых обязательств при установлении признаков состава преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, и индивидуального подхода к обстоятельствам и хозяйственным условиям деятельности субъекта экспертного исследования сделает экспертное исследование более объективным. Важно, что учет налоговых обязательств вне зависимости от налогового периода вряд ли будет оспорен налогоплательщиком, т.к. это только сократит долю не полностью исчисленных и уплаченных налогов.

1. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 дек. 2006 г. № 64 // Рос. газ. 2006. 31 дек.

2. Вегер Т.Б. Квартальная отчетность: принципы ее составления // Финансы: планирование, управление, контроль. 2011. № 6. С. 2–9.

3. Яни П.С. Роль Верховного Суда РФ в решении проблем квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // Закон. 2008. № 11. С. 39–50.

4. По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишников, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 г. № 9-П. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. On the practice of application by courts of criminal legislation on liability for tax crimes: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Dec. 28, 2006 № 64 // Rus. newsp. 2006. Dec. 31.

2. Veger T.B. Quarterly reporting: principles of preparation // Finance: planning, management, control. 2011. № 6. P. 2–9.

3. Jani P.S. Role of the Supreme Court of the Russian Federation in solving problems of qualification of crimes in the sphere of economic activity // Law. 2008. № 11. P. 39–50.

4. In the case about the verification of constitutionality of the provisions of article 199 of the Criminal code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens P.N. Beletsky, G.A. Nicova, R.V. Rukavishnikov, V.L. Sokolovsky and N.I. Talanov: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 27, 2003 № 9-P. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

**Еремченко Владимир Игоревич**кандидат юридических наук,  
преподаватель кафедры криминалистики  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: mail\_lom@mail.ru)

## *Проблемы установления стоимостной оценки ущерба, причиненного незаконной предпринимательской деятельностью в сфере оборота сельскохозяйственной продукции*

Работа освещает современное состояние криминогенной обстановки в сфере оборота сельскохозяйственной продукции и формирует представление об определении стоимостной оценки размера ущерба, причиняемого незаконной предпринимательской деятельностью в рассматриваемой сфере.

**Ключевые слова:** криминалистика, незаконное предпринимательство, сельское хозяйство, расследование преступлений, ущерб.

**V.I. Eremchenko**, Master of Law, Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mail\_lom@mail.ru

### **Problem of establishing valuation of the damage caused with illegal business activities in the sphere of circulation of agricultural products**

Work highlights the current understanding of illegal business and forms an idea of illegal business activities in the turnover of agricultural products.

**Key words:** criminalistics, illegal business, agriculture, investigation of crimes, damage.

**П**редпринимательская деятельность представляет собой самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Развитие малого бизнеса в Российской Федерации считается одним из перспективных направлений экономического становления страны. Среди сфер предпринимательства представляет интерес осуществление предпринимательской деятельности, связанной с оборотом сельскохозяйственной продукции.

Выращивание сельскохозяйственной продукции, а следовательно, и ее последующий оборот представляют собой одно из основных стратегических направлений экономической деятельности Российской Федерации. Наше государство на международной арене является одним из ведущих экспортеров сельскохозяйственной зерновой продукции. Согласно

статистическим данным Food and Agriculture Organisation of the United Nations (FAO, в пер. с англ. «Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО)»); основная деятельность организации направлена на решение проблем развития сельских регионов и сельскохозяйственного производства с целью разрешения вопросов, связанных с нищетой и голодом в мире) за 2009 г. Российская Федерация занимает четвертое место на мировом рынке по производству зерновых сельскохозяйственных культур, а по производству семечек подсолнечника – лидирующее [1].

Количество выявленных на территории Российской Федерации преступлений, связанных с незаконной предпринимательской деятельностью, совершенных организованной группой или сопряженных с извлечением дохода в особо крупном размере, по данным ГИАЦ МВД России за 2005–2013 гг., составило: в 2005 г. – 1855 преступлений, в 2006 г. – 2147 преступлений, в 2007 г. – 2332 преступления, в 2008 г. – 2254 преступления, в 2009 г. – 2531 преступление, в 2010 г. – 791 преступление, в 2011 г. – 486

преступлений, в 2012 г. – 397 преступлений и в 2013 г. – 401 преступление [2]. Трактовать приведенную статистику можно по-разному, но, опираясь на личный практический опыт в расследовании рассматриваемых преступлений, осмелимся указать на то, что снижение показателей, прежде всего, обусловлено не только латентностью данной категории преступлений, но также и отсутствием у ряда практических сотрудников необходимого опыта в раскрытии и расследовании незаконного предпринимательства, уголовная ответственность за которое в последние годы динамично претерпевает изменения.

Согласно проведенному анкетированию сотрудников, специализирующихся на расследовании незаконной предпринимательской деятельности, из общего числа совершенных преступлений, связанных с незаконным предпринимательством, 17,1% составляет незаконное предпринимательство в сфере оборота сельскохозяйственной продукции. На распространенность данного преступления в Краснодарском крае и Северо-Кавказском регионе указывает в своей работе Б.Н. Садов, ссылаясь на распространенность заготовительных операций в сельскохозяйственном секторе всего региона [3, с. 15]. При этом размеры извлекаемого дохода от незаконной предпринимательской деятельности исчисляются миллиардами. Только по результатам изучения рассматриваемых уголовных дел, выявленных в период с 2008 по 2010 г. и расследованных следственными подразделениями Краснодарского края, суммарная величина извлеченного незаконными предпринимателями дохода составила 3052996554,29 руб.

Поскольку сфера оборота сельскохозяйственной продукции имеет большое экономическое значение для Российской Федерации в целом, в особенности для ряда регионов Северо-Кавказского и Южного федеральных округов Российской Федерации, приносит весомую часть федерального бюджета и позволяет обеспечить достойный уровень жизни значительному количеству сельскохозяйственных производителей, следует не допустить проникновения в данную сферу деятельности недобросовестных предпринимателей, жаждущих обогатиться за чужой счет.

Одним из проблемных моментов расследования незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции является определе-

ние размера причиненного преступлением ущерба.

Так, разбирая указанный аспект, следует отметить, что вред данным преступлением преимущественно причиняется государству в целом. Как показывает практика расследования рассматриваемого вида незаконной предпринимательской деятельности, в ходе ее осуществления какой-либо прямой вред гражданам не причиняется. В первую очередь, это связано с отсутствием специальных требований к купле-продаже зерновых культур по данному виду деятельности, несоблюдение которых могло бы повлечь негативные последствия по отношению к рядовым гражданам, участвующим в обороте либо потреблении сельскохозяйственной продукции. В данном случае основное бремя поглощения негативных последствий от совершения этого преступления лежит на государстве и выражается в недополучении подлежащих уплате налоговых платежей. Изучение материалов уголовных дел показало, что в 90% случаев налоги при совершении данного преступления не уплачиваются, только в 10% случаев происходит частичная уплата налогов. При этом из опроса сотрудников следственных подразделений, имеющих опыт в расследовании рассматриваемых преступлений, следует, что только в 36,1% случаев уплата налогов происходит частично (что может быть вызвано внешним созданием облика добросовестного предпринимателя), в 36,1% случаев налоги от осуществляемой деятельности не уплачивались и подавались налоговые декларации, содержащие ложные сведения (указывалась нулевая сумма, подлежащая уплате в бюджет), в 11,4% случаев происходило полное уклонение от уплаты налогов и подачи налоговых деклараций, в 8,2% случаев налоги от осуществляемой деятельности не уплачивались, однако подавались налоговые декларации, отражающие факт наличия суммы, подлежащей уплате в бюджет. Уклонение от уплаты налогов с осуществляемой деятельности вполне закономерно, ведь зачем платить налоги с осуществляемой преступной деятельности, которая изначально преследует цели исключительно обогащения, без излишних сопутствующих обременений, в том числе и налоговых?

Однако, несмотря на отсутствие прямого вреда физическим лицам, со всей строгостью следует говорить о наличии опосредованного вреда, причиняемого данным преступлением.

Так, недополучение государством бюджетных средств не позволяет осуществить их целевое расходование на нужды общества, тем самым данное негативное обстоятельство отражается на всех жителях страны, оставаясь при этом без огласки.

Вторым наиболее ощутимым опосредованным вредом является появление недобросовестной конкуренции, что также отмечает и С.В. Круглов [4]. Добросовестные предприниматели, осуществляющие свою деятельность с соблюдением всех установленных требований, уплачивая надлежащие налоговые платежи от осуществляемого предпринимательства, оказываются неконкурентоспособными по отношению к незаконным предпринимателям, действующим в ведении бизнеса преступными методами. Вытеснив законные организации из зон сельскохозяйственного возделывания рассматриваемой продукции, незаконные предприниматели скупают данную продукцию у фермеров и лиц, специализирующихся на ее возделывании, за несоизмеримо низкую цену. Отсутствие уплаты

налогов со стороны преступных субъектов влечет за собой нарушение конкурентоспособности рыночных отношений и причиняет вред производителям сельскохозяйственной продукции и добросовестным предпринимателям, специализирующимся на ее последующем обороте. Как следствие этого, сельскохозяйственная отрасль страны в настоящее время находится не совсем в приглядном виде, снижается качество выращиваемой продукции. Данное обстоятельство можно лишь констатировать, но, увы, рассчитать стоимостную оценку причиненного добросовестным предпринимателям косвенного ущерба в современных условиях не представляется возможным.

Таким образом, при расследовании незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции полагаем рациональным и обоснованным считать сумму неуплаченного в ходе данной деятельности налога в качестве причиненного ущерба.

1. *Статистика Food and Agriculture Organisation of the United Nations (FAO)*. URL: <http://faostat.fao.org> (дата обращения: 17.01.2015).

2. *Сводный отчет ГИАЦ МВД России по незаконному предпринимательству за 2005–2013 годы*. URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/> (дата обращения: 17.01.2015).

3. Садов Б.Н. *Особенности расследования незаконного предпринимательства на первоначальном этапе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Краснодар, 2004.

4. Круглов С.В. *Незаконное предпринимательство: квалификация и расследование // Уголовный процесс*. 2007. № 6. С. 3–12.

1. *Statistics of Food and Agriculture Organisation of the United Nations (FAO)*. URL: <http://faostat.fao.org> (date of access: 17.01.2015).

2. *Summary report MIAC of the Ministry of the Interior of Russia in illegal business for 2005–2013*. URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/> (date of access: 17.01.2015).

3. Sadov B.N. *Features of investigation of illegal business at the initial stage: auth. abstr. ... Master of Law*. Krasnodar, 2004.

4. Kruglov S.V. *Illegal business: qualification and investigation // Criminal proceedings*. 2007. № 6. P. 3–12.

**Титова Кристина Александровна**

кандидат юридических наук,  
старший преподаватель кафедры уголовного процесса  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: kristi2005@yandex.ru)

## *Типичные сведения о способе совершения хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства*

В статье исследуются способы хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, совершаемых путем злоупотребления служебным положением и полномочиями, и механизм их следообразования как элемент криминалистической характеристики данного вида преступлений. Автор на основе анализа судебно-следственной практики по делам данной категории классифицирует способы совершения хищений, исходя из специфики работы ЖКХ. Предложенные теоретические положения, выводы и рекомендации позволят наиболее эффективно и рационально обеспечить процесс выявления, раскрытия и расследования хищений в сфере ЖКХ.

**Ключевые слова:** способы хищений, криминалистическая характеристика преступлений, методика расследования отдельных видов преступлений, хищения, жилищно-коммунальное хозяйство.

**К.А. Titova**, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kristi2005@yandex.ru

### **Typical information about way of committing theft in the housing and communal services**

The article investigates the ways of theft in the housing and communal services, committed through abuse of office and authority, and the mechanism of their emergence of traces as part of criminological characteristics of this type of crime. The author based on the analysis of forensic investigative practices for this category classifies the ways of committing theft based on the specifics of the utilities. The proposed theoretical propositions, conclusions and recommendations will most effectively and efficiently support the process of identification, detection and investigation of thefts in the area of housing and communal services.

**Key words:** ways of theft, criminalistic characteristics of crimes, method of investigation of certain types of crimes, theft, housing and communal services.

**Ф**ундаментальные изменения экономической системы в сфере ЖКХ, утрата государственными структурами возможности реально и эффективно управлять и контролировать деятельность отрасли стали оказывать негативное влияние на ее криминальную обстановку, в частности на злоупотребления, хищения со стороны должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в данной сфере. Преступники стали приспосабливаться к существующей новой системе функционирования и формам контроля за ее деятельностью. Хищения денежных средств, товарно-материальных ценностей в сфере ЖКХ стали выходить на первый план, расширяются их возможности, совершенствуются орудия и средства их совершения, возникают новые и видоизменяются старые способы хищений.

Эта сфера, как показывает исследование, поражена многими корыстно-хозяйственными

преступлениями, совершаемыми путем злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и хищений путем присвоения или растраты с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 160 УК РФ), кроме того, нецелевого расходования бюджетных средств (ст. 285<sup>1</sup> УК РФ) и злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ).

Так, по обобщенным нами материалам судебно-следственной практики, например, в Алтайском крае в 2008 г. удельный вес хищений, денежных средств и товарно-материальных ценностей при осуществлении деятельности предприятий и организаций в сфере ЖКХ в общем числе зарегистрированных преступлений данной направленности составил 4,1%. Материальный ущерб составил колоссальную цифру – 42,5 млрд рублей. Эта тенденция сохраняется и сейчас. «Так, только за 2013 год органами прокуратуры в сфере ЖКХ было вы-

явлено 320 тыс. правонарушений – рост на 50%. Вынесено 82 тыс. представлений – рост почти на 50%. В суды направлено 53 тыс. исков и заявлений – рост на 77%. К дисциплинарной и административной ответственности привлечено 63 тыс. виновных, возбуждено 984 уголовных дела», – рассказал на парламентском часе в Госдуме Юрий Чайка, отметивший, что рост преступлений в ЖКХ стал самым большим в сфере экономики [1].

Преступления, совершаемые в сфере ЖКХ путем злоупотребления служебным положением и полномочиями, требуют пристального исследования в силу того, что расхитители приспосабливаются к специфической системе жизнедеятельности ЖКХ, системе учета и отчетности, избирая особые способы и механизмы хищений. В связи с этим для успешного выявления, раскрытия и расследования дел указанной категории важное значение имеет познание со стороны субъектов, осуществляющих предварительное расследование и судебное разбирательство, особенностей способа совершения преступления и его признаков с целью разработки наиболее эффективных методов их расследования.

Вообще под способом понимается система действий (бездействий) по подготовке, совершению и сокрытию преступления, с присущими ей следами-последствиями содеянного, избираемых субъектом преступления для достижения преступного результата, в соответствии с его личными свойствами и обстановкой преступления [2, с. 176; 3, с. 215]. Исследование известных определений этого понятия, данных Р.С. Белкиным, И.Ф. Герасимовым, В.К. Гавло, И.М. Лузгиным, Н.П. Яблоковым и другими учеными-криминалистами, позволяет заключить, что способ совершения хищений в сфере ЖКХ путем злоупотребления служебным положением и полномочиями тоже включает действия по подготовке, совершению и сокрытия данного вида преступления.

Проведенный нами анализ судебно-следственной практики по делам данной категории позволяет классифицировать способы совершения хищений, исходя из специфики работы ЖКХ.

#### 1. Применительно к субъекту хищения.

1.1. Руководители краев, областей, округов, в том числе сельских администраций (их заместители, отвечающие за работу ЖКХ области, края, округа, села), наделенные правом распоряжения имуществом, предназначенным для предприятий и организаций в сфере ЖКХ. Данные субъекты совершают хищения следующими способами.

Получение денежных средств, в том числе бюджетных, предназначенных для обеспечения готовности объектов жилищно-коммунального хозяйства в зимний отопительный период.

Данные лица получают для нужд предприятий и организаций ЖКХ денежные средства на основании утвержденного бюджета, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо по иному документу, являющемуся основанием для получения денежных (бюджетных) средств. В результате после их перечисления на счета предприятий или организаций ЖКХ путем искажения бухгалтерской отчетности представляют сведения о якобы проведенных работах на объектах ЖКХ. Полученные средства расходуют по своему усмотрению. Чтобы раскрыть такой способ хищения, необходимо, прежде всего, проверить поступление и оприходование данных денежных средств получателем. Кроме того, проверить наличие и правильность списания в расход. После, если обнаружится неоприходование или необоснованное списание их в расход либо отсутствие фактически произведенных работ на объектах ЖКХ, это и будет указывать на совершение хищения.

1.2. Руководитель предприятия или организации в сфере ЖКХ, выполняющий организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции.

Практика расследования дел данной категории показывает, что указанные лица совершают хищения при получении, списании в расход или перечислении денежных средств и товарно-материальных ценностей.

Перечисление полученных денежных средств за жилищно-коммунальные платежи не по назначению, т.е. не поставщикам услуг.

В этом случае денежные средства, полученные за коммунальное обслуживание населения, предприятие ЖКХ, например в лице управляющей организации, ТСЖ, ЖСК, получает на свой счет, а затем переводит на лицевой счет поставщикам данных услуг или напрямую перечисляет им. Отступление от данного правила ведет к тому, что руководители данных предприятий, организаций, имея умысел на хищение денежных средств, могут направлять народные взносы за коммунальные услуги не поставщикам услуг, что приводит к их растрате. Выявить данный способ хищения можно, т.к. поступление денежных средств за оплату коммунальных услуг осуществляется по специальным расчетным документам (квитанциям). Кроме того, ведутся приход, расход, учет и контроль за поступлением денежных средств. Бух-

галтерия предприятия четко фиксирует каждую произведенную оплату абонентом по каждому адресу, для этого составляет первичные бухгалтерские документы и формирует отчетность (баланс). Кроме того, существующие в настоящее время специализированные расчетно-кассовые центры помогают без задержек, по специальным компьютерным программам, перечислять на расчетные счета поставщикам коммунальных услуг и оперативно проследить задолженность по каждому абоненту.

Разновидностью этого способа является создание «подставных» предприятий, фирм и осуществление виртуальных платежей. При этом способе хищений руководитель организации ЖКХ с участием своего заместителя (если он имеется) создает, как правило, «фиктивное» предприятие, после получения денежных средств от населения за коммунальные услуги осуществляет оформление фиктивных договоров на оплату поставленных услуг населению, далее переводит их на лицевые счета этого предприятия, а затем обналичивает. Для раскрытия данного вида хищения необходимо установить данное предприятие (его название, место расположения, юридический адрес, лицевой счет). Проверить наличие и поступление денежных средств и откуда они поступали, были ли они сняты или переведены на другие лицевые счета. Данные о движении денежных средств по счетам и будут являться доказательствами, подтверждающими факт перечисления и обналичивания.

Получение денежных средств, в том числе бюджетных, предназначенных якобы для приобретения товарно-материальных ценностей для предприятия или организации в сфере ЖКХ.

Как правило, руководители получают денежные средства в кассе предприятия для приобретения каких-либо товарно-материальных ценностей (асфальта, битума, стройматериалов, труб и т.п.), предназначенных для нужд предприятия или организации в данной отрасли, или перечисляют через бухгалтерию предприятия или организации, далее через банковское учреждение на лицевые счета «подставных фирм». При этом могут оформляться поддельные документы (договоры с «подставными» фирмами, акты приемки работ, приказы руководителя о выдаче подотчетных сумм, авансовые отчеты и т.д.) для обоснованного перечисления денежных средств на лицевые счета этих фирм по данным документам. Все это ведет к тому, что полученные денежные средства через бухгалтерию предприятия

перечисляются в банковское учреждение на лицевые счета фирм по подложным актам – приемки работ, а позже их снимают с лицевых счетов и похищают. Чаще всего источниками доказательств совершения таких хищений являются платежные поручения, по которым перечисляются денежные средства на основании, например, договоров на оказание работ или услуг, где указаны реквизиты взаимодействующих сторон, печати, подписи, акты приемки-передачи, авансовые отчеты.

Подобным способом хищения денежных средств может быть их снятие со счета предприятия в сфере ЖКХ при осуществлении своих служебных полномочий под различными «предлогами». В данном случае руководитель и его заместитель, имея возможность снятия денежных средств с лицевого счета предприятия, оформляют соответствующие документы в бухгалтерии, а именно платежное поручение, которое составляет бухгалтер, как правило, по просьбе руководителя, на основании какого-либо договора на оказание работ или услуг, затем он, как руководитель, обладая правом первой подписи, подписывает данное поручение, тем самым разрешая перечисление денежных средств своего предприятия на расчетный счет другого. После перечисления денежные средства похищает.

Списание денежных средств предприятия в фонд заработной платы. Сущность этого способа хищения заключается в том, что руководитель утверждает расчетную ведомость, таблицу на выплату заработной платы работникам, в частности сантехникам, электрикам, плотникам, дворникам и т.д., которые являются вымышленными, «мертвыми душами» и на предприятии никогда не работали, но об этом знает только руководитель, проводя данную преступную операцию. Типичными признаками этого способа хищения являются: подлоги в расчетной ведомости (графы «фамилия, имя, отчество получающих», «сумма», «роспись получателя») либо, если заработная плата переводится на счет банковской карты, как правило, предприятия уже переходят на систему оплаты через банковские карты, «обналичивание» денежных средств с данной карты и их хищение.

Составление подложных документов о полных или частично проведенных ремонтно-восстановительных работах на объектах ЖКХ, фактически не имевших места или имевших, но не в полном объеме.

Как показывает практика, схема данного способа проста. Для этого руководитель либо его заместитель присваивают денежные сред-



ства для личных целей. Так, они, имея право распоряжаться денежными средствами, искажают бухгалтерскую отчетность и представляют сведения (договоры) о якобы проведенных ремонтно-восстановительных работах на объектах путем заключения таких договоров и перечисления на лицевые счета данных фирм на выполнение работ и оплату услуг со сторонними, в том числе подставными, фирмами, или вообще никак не отчитываются за полученные денежные средства, надеясь, что должностное положение позволит «прикрыть» преступные махинации. Характерными доказательствами совершения таких хищений являются договоры на оказание работ, например, связанные с ремонтно-восстановительными работами на объектах ЖКХ; акты приемки таких работ; товарно-материальные ценности, которые могли передаваться для ремонта данных объектов, и т.п. Другое доказательство может быть получено непосредственно на самом объекте, который подлежал ремонту: например, путем осмотра места проводившихся работ. Данные об отсутствии каких-либо подобных работ и будут доказательствами.

1.3. Лицо, выполняющее учет денежных средств, товарно-материальных ценностей, а также контроль за их расходованием (главный бухгалтер, его заместитель).

Самым распространенным способом является хищение им денежных средств на предприятиях или организациях в сфере ЖКХ, в том числе и в единых расчетно-кассовых центрах, путем внесения материальных подлогов в бухгалтерские документы.

Доказательствами совершения таких хищений являются данные, полученные путем подделывания реестров при составлении бухгалтерской отчетности. А именно при составлении бухгалтерской отчетности подделываются реестры путем внесения в них фиктивных данных по абонентской плате населения за коммунальные услуги. Данные лица не сдают в кассу денежные средства, полученные по приходному кассовому ордеру, и оформляют под этим же номером другой кассовый ордер об их приеме. Не пробивают кассовый чек при приятии денежных средств в счет оплаты коммунальных услуг, при этом на уведомлении об оплате данных услуг могут проставлять штамп «Оплачено» и дату получения денежных средств.

1.4. Лица, занимающиеся материально-техническим снабжением и обслуживанием предприятия или организации в сфере ЖКХ (начальники котельных, контролеры водопроводного хозяйства, мастера котельных,

начальники служб жилищно-коммунального снабжения, агенты по снабжению).

Самым распространенным способом является похищение денежных средств и товарно-материальных ценностей (угля, асфальта, труб, стройматериалов и т.п.), принадлежащих предприятию или организации в сфере ЖКХ, как правило, их совершают начальники котельных, мастера котельных, начальники служб жилищно-коммунального снабжения, агенты по снабжению. Так, в силу своих служебных обязанностей, являясь материально-ответственными лицами, получают их в свой подотчет на складе, в кассе. При осуществлении своих служебных полномочий часть ценностей впоследствии просто присваивают или растрачивают.

При обслуживании жилищной сферы данные лица, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, могут вступать в преступный сговор с работниками (сантехниками, электриками и т.д.), занимающимися, например, сантехническими и электроработами в жилище граждан по их заявкам. При начале или окончании таких видов работ указанные работники называют сумму, которую необходимо уплатить. Жильцы домов производят оплату данным лицам указанной ими суммы в денежной форме, но при этом никаких расчетных документов (квитанций, кассовых чеков) гражданам не предоставляется. Таким образом, создается реальная возможность получать неучтенные денежные средства с каждого такого гражданина. Данный факт подтверждается проведенным опросом жителей г. Барнаула (31,8%), показавшим, что действительно имеются отклонения от установленной системы оплаты услуг, предоставляемых управляющими организациями населению, в частности требуется дополнительно оплачивать работу на дому за услуги электрика, сантехника и т.д.

2. Применительно к объекту хищения.

Применительно к рассматриваемой категории уголовных дел объектом хищения выступают:

денежные средства (в наличной – 54,8% и безналичной форме – 16,1%);

товарно-материальные ценности – 22,6% (уголь, мазут, асфальт, гравий, трубы, стройматериалы, бензин и т.д.).

Во-первых, это связано, со специфичностью работы предприятий ЖКХ, во-вторых, их изъятие предполагает проведение ряда бухгалтерских операций, направленных на маскировку основного способа изъятия этих ценностей, на-

пример из кассы предприятия или организации. Лица, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, а они же и материально-ответственные лица, получают их в свое вверение или имеют право ими распоряжаться в силу исполнения своих функциональных обязанностей, а после получения присваивают или растрачивают, тем самым причиняя ущерб предприятию.

3. Применительно к механизму хищения.

Хищение маскируется подложными документами (материальный – 53,6% и интеллектуальный подлог – 23,2%).

Признаки хищений выявляются в первичных бухгалтерских документах. Все хозяйственные операции предприятий, организаций, связанные с наличием и движением их имущества и обязательств, использованием материальных, трудовых и финансовых ресурсов, подлежат документальному оформлению, при этом документы, отражающие данные операции, подделываются. В данном случае их подделывают должностные лица, осуществляющие учет товарно-материальных ценностей и контроль за их расходом. Это прослеживается в таких документах, как доверенности, журнал учета выдачи доверенностей, фиктивные договоры, счет-фактура, реестры к платежному поручению, само платежное поручение, расходный кассовый ордер, авансовый отчет, акт документальной ревизии и т.д. В данных документах хищения часто прикрываются путем подчисток, дописок или допечаток в подлинные экземпляры, также совершаются подлоги пу-

тем составления оправдательных документов на несуществующие операции, например заполняется чистый бланк квитанции незарегистрированной расчетной книжки, оформляется другой кассовый ордер о приеме денежных средств и т.д. Следует заметить, что в настоящее время, в связи с наличием компьютерной техники, предприятия ведут бухгалтерские операции в электронном варианте, т.е. фактически вся информация о движении, учете и отчетности сохраняется на электронных носителях. Названные документы содержат важные сведения о событии, способах подготовки, совершения и сокрытия хищений, кроме того, отражают важную информацию о возможных подозреваемых и о тех технических средствах, которые могли быть использованы ими при изготовлении фиктивных документов в преступных махинациях.

Таким образом, важным элементом в криминалистической характеристике хищений, совершаемых в сфере ЖКХ путем злоупотребления служебным положением и полномочиями, является способ совершения хищений, состоящий из подготовки, непосредственного совершения и сокрытия данных видов преступлений, который находится в непосредственной связи с личностью преступника, предметом хищения и механизмом слепообразования. Знание способов совершения преступлений рассматриваемой категории позволит субъектам уголовного судопроизводства осуществлять уголовное преследование наиболее эффективными способами.

1. Генпрокурор России рассказал депутатам Госдумы о том, что больше всего волнует россиян. URL: <http://omvesti.ru/2014/02/13/generalnyj-prokuror-o-zhkh-nuzhna-ugolovnaya-otvetstvennost/> (дата обращения: 01.04.2014).

2. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985.

3. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 2000.

1. The Attorney General of Russia told the Russian State Duma deputies that the most important for the Russians. URL: <http://omvesti.ru/2014/02/13/generalnyj-prokuror-o-zhkh-nuzhna-ugolovnaya-otvetstvennost/> (date of access: 01.04.2014).

2. Gavlo V.K. Theoretical problems and practice of methods of investigation of certain types of crimes. Tomsk, 1985.

3. Belkin R.S. Forensic encyclopedia. 2nd ed., ext. Moscow, 2000.

**Федорович Диана Юрьевна**кандидат юридических наук,  
старший инспектор по особым поручениям  
Бюро по координации борьбы с организованной преступностью  
(e-mail: dianafed@mail.ru)**Важенин Вячеслав Валерьевич**кандидат юридических наук, доцент,  
начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: Vazhenin303@mail.ru)

## *Некоторые особенности оказания противодействия раскрытию и расследованию конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности*

В работе рассматриваются особенности оказания противодействия раскрытию и расследованию конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, основные способы оказания противодействия на различных этапах раскрытия и расследования преступлений.

**Ключевые слова:** конвенционные преступления, посягающие на свободу личности, противодействие раскрытию и расследованию преступлений, похищение человека, торговля людьми, использование рабского труда.

**D.Yu. Fedorovich**, Master of Law, Senior Inspector for Special Assignments of Coordination Bureau of Fight Against Organized Crime; e-mail: dianafed@mail.ru;

**V.V. Vazhenin**, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Operative and Detective Activity in Law-Enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Vazhenin303@mail.ru

### **Some peculiarities of counteraction to detection and investigation of conventional crimes against personal freedom**

The article discusses the features of counteraction to detection and investigation of conventional crimes against personal freedom, the main ways to counter the various stages of detection and investigation of crimes.

**Key words:** conventional crimes against personal freedom, counteraction to detection and investigation of crimes, kidnapping, traffic in human beings, using of slave labor.

**В** утвержденной Президентом РФ 20 ноября 2013 г. Концепции общественной безопасности в Российской Федерации отмечается, что в стране сложилась непростая криминогенная обстановка, отличающаяся высоким уровнем преступности и появлением новых видов угроз криминального характера. Значительную часть подобных преступлений составляют конвенционные преступления, составы которых предусмотрены конвенциями, обязывающими участвующие в них государства ввести соответствующие нормы в свое национальное уголовное право. Наиболее опасными и распространенными среди

них являются похищение и торговля людьми, а также использование рабского труда. Эти преступления представляют реальную угрозу национальной безопасности не только отдельных стран, но и всего мирового сообщества.

Кроме того, в последние годы с учетом возрастающей роли организованной преступности, связанной с похищением и торговлей людьми [1, с. 60], использованием рабского труда, повышением уровня ее материального и технического оснащения, расширением корумпированных связей и, как следствие, увеличением количества фактов оказания психического и физического давления на свидетелей,

потерпевших и иных участников уголовного процесса, их подкупа, а также фальсификации и уничтожения доказательств по уголовному делу, все более актуализируются вопросы нейтрализации противодействия раскрытию и расследованию указанных преступлений. С помощью оказания такого противодействия преступникам нередко удается добиваться не только смягчения ответственности за совершенные преступления, но и вынесения оправдательных приговоров или прекращения уголовных дел.

Обвиняемые (подозреваемые) пытаются активно нейтрализовать оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, а также их результаты, используя межведомственную разобщенность, ограниченность процессуальных сроков, несовпадение интересов и критериев оценки деятельности правоохранительных органов, незаинтересованность следователя в продлении срока предварительного следствия, оперативного сотрудника – в оперативно-розыском обеспечении расследования, процессуальные и тактические ошибки следователя и оперативного сотрудника, незащищенность участников уголовного процесса [2, с. 36].

Противодействие раскрытию и расследованию конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, заключается не только в маскировке способов подготовки, совершения и сокрытия указанных преступлений, но и в активной наступательной деятельности с целью уклонения от ответственности либо ее смягчения. Изучение практики раскрытия и расследования похищения и торговли людьми, использования рабского труда позволяет сделать вывод о распространенности случаев отказа потерпевших и свидетелей от дачи показаний и дачи ими заведомо ложных показаний в связи с оказанием на них давления со стороны лиц, причастных к совершению указанных преступлений, а также их связей. Так, по данным ВНИИ МВД России, каждый год в нашей стране свидетелями выступают около 10 млн человек. Примерно четверть из них в ходе процесса меняют показания [3].

При этом необходимо отметить высокий уровень оказания противодействия раскрытию и расследованию конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности. Так, с противодействием криминальной среды в процессе раскрытия и расследования указанных преступлений приходилось сталкиваться 74,69% опрошенных нами оперативных сотрудников и 50,9% следователей. (Всего в ходе исследо-

вания, проведенного в 2011 г., были опрошены 301 следователь и 162 оперативных сотрудника в 52 региональных подразделениях МВД России и 8 ГУ МВД по федеральным округам; вопрос предусматривал несколько вариантов ответа.) Наиболее часто указанное противодействие выражалось в угрозах и шантаже в отношении свидетелей (60,49%) и потерпевших (56,17%), дискредитации следователя и оперативного сотрудника (41,36%), установлении находящимися на свободе сообщниками негласных каналов связи с арестованными членами преступной группы в целях согласования линии поведения (30,25%), а также попытках подкупа (27,16%).

Несмотря на разнообразие терминов, применяемых при определении рассматриваемого явления, большинство ученых сходятся во мнении о его содержании и целях.

Так, И.А. Климов и Г.К. Синилов под противодействием криминальной среды понимают «умышленное совершение поступков, поведение и действия, направленные на воспрепятствование осуществлению специального контроля над ней, эффективному выполнению задач правоохранительной функции государства с целью уклонения от ответственности виновных за содеянное либо смягчения ответственности» [4, с. 22].

А.Ф. Волынский и В.П. Лавров определяют противодействие раскрытию и расследованию преступлений как «совокупность противоправных и иных действий преступников и связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений» [5, с. 93].

По мнению других авторов, противодействие организованных сообществ – это сложный комплекс разнообразных приемов, уловок и хитростей преступников, препятствующих эффективному предупреждению, выявлению, раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению совершенных ими преступлений и способствующих максимальному смягчению заслуженного наказания [6, с. 4].

Указанной позиции придерживается и Д.Ф. Флоря, считая противодействие предварительному расследованию «разновидностью ненормативного поведения участников уголовного процесса и заинтересованных лиц, выражающегося в реализации приемов, уловок, хитростей, направленных на умышленное воспрепятствование законной деятельности должностных лиц и органов по выявлению, за-

креплению, проверке, оценке и использованию доказательств, изобличающих лицо, совершившее преступление, в целях обеспечения уклонения его от уголовной ответственности или смягчения наказания» [7, с. 18].

Мы, в свою очередь, считаем, что под противодействием раскрытию и расследованию конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, следует понимать систему противоправных мер, принимаемых преступниками и их связями и направленных на воспрепятствование выявлению, раскрытию, расследованию указанных преступлений, а также установлению объективной истины по уголовному делу в целях обеспечения уклонения их от уголовной ответственности или смягчения наказания за их совершение.

При этом к факторам, обуславливающим опасность лиц, занимающихся похищением и торговлей людьми, использованием рабского труда, и степень оказываемого ими противодействия, на наш взгляд, относятся:

расширение преступных связей, межрегиональный и транснациональный характер указанной преступной деятельности;

совершение данных преступлений группой лиц, организованной группой и преступным сообществом;

многоэпизодность преступной деятельности;

профессионализация преступности;

сплоченность и дифференциация ролей, жесткая круговая порука [8, с. 450].

Целью криминального противодействия раскрытию и расследованию преступлений является уклонение от ответственности либо смягчение ответственности за совершенное преступление. В результате оказанного преступниками и их сообщниками противодействия раскрытию и расследованию указанных видов преступлений в 49,38% случаев квалификация инкриминируемого им деяния была изменена на статью УК РФ о менее тяжком преступлении, в 45,68% была изменена мера пресечения в отношении обвиняемого, в 31,48% были продлены сроки производства предварительного следствия и в 22,84% производство предварительного следствия было прекращено или приостановлено (вопрос предусматривал несколько вариантов ответа).

Деятельность по противодействию раскрытию и расследованию конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, со стороны лиц, причастных к их совершению, а также их связей может осуществляться в нескольких направлениях:

совершенствование способов совершения и сокрытия преступлений;

осуществление разведывательной и контрразведывательной деятельности (наблюдение за потерпевшими и их родственниками, потенциальными свидетелями, временное прекращение преступной деятельности, контрнаблюдение, выявление лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, их дезинформация, а также принятие иных мер по нейтрализации их деятельности);

уклонение от следствия и суда (изменение места нахождения обвиняемым, к которому применена мера пресечения, не связанная с заключением под стражу, побег из-под стражи, укрытие в заранее подготовленных местах и переход на нелегальное положение);

воспрепятствование сбору доказательств преступной деятельности и уничтожение доказательственной базы (отказ от дачи показаний, дача заведомо ложных показаний, оказание с этой целью психологического и физического воздействия на потерпевших и свидетелей, других участников уголовного процесса, подкуп сотрудников правоохранительных органов и суда, похищение и уничтожение материалов уголовного дела и доказательств);

затягивание сроков следствия (заявление необоснованных ходатайств о допросе дополнительных свидетелей, проведении экспертиз, дискредитация сотрудников правоохранительных органов, выдвигание ложных версий, дезинформация).

При этом направленностью противодействия преступников и других заинтересованных лиц раскрытию и расследованию похищения и торговли людьми, использования рабского труда определяются и способы оказания такого противодействия, а следовательно, и меры по его нейтрализации.

В целом меры противодействия раскрытию и расследованию конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, можно разделить на несколько групп:

организационного характера (направленные на подготовку и планирование преступной деятельности, поддержание строгой иерархии и строгой дисциплины среди членов организованной группы или преступного сообщества, жесткий подбор соучастников преступлений);

тактического характера (направленные на маскировку преступной деятельности путем создания легальной организации, являющейся прикрытием для организованной группы и пре-

ступного сообщества, разработку ее легенды, сокрытие следов преступной деятельности, проведение разведывательной и контрразведывательной деятельности);

технического характера (призванные обеспечить техническое превосходство преступников над правоохранительными органами: приобретение оружия, транспорта, специальных технических средств и т.д.);

коррупционного характера (направленные на установление и поддержание коррумпированных связей с представителями органов исполнительной и судебной власти);

психологического и силового характера (направленные на устрашение, запугивание и, в необходимых случаях, физическое устранение участников уголовного процесса и их близких с целью вынудить их отказаться от дачи правдивых показаний и участия в следственных действиях).

Кроме того, для каждой стадии совершения преступления и его раскрытия характерны определенные способы оказания противодействия. Знание их позволяет не только своевременно выявлять противоправные действия обвиняемых (подозреваемых), но и прогнозировать их, а также нейтрализовать.

На стадии замысла и подготовки к преступлению преступники разрабатывают и принимают меры к сокрытию преступления и его следов: тщательно готовятся к его совершению, подбирают и изучают жертву преступления, подыскивают место для ее укрытия, устанавливают коррумпированные связи, необходимые для совершения преступления, разрабатывают линию поведения членов преступной группы в различных ситуациях и способы конспиративной связи между собой.

На стадии совершения преступления указанные меры дополняются наблюдением за местами вербовки и укрывательства потерпевших, за потерпевшими, находящимися на свободе (лицами, отпущенными для выполнения требований похитителей или прошедшими вербовку и подготавливаемыми к перевозке, продаже или эксплуатации), а также их родственниками с целью обнаружения факта обращения их в правоохранительные органы.

Если же в процессе наблюдения преступники обнаруживают факты обращения потерпевших и их родственников в правоохранительные органы или признаки выявления преступления органами внутренних дел, они переходят к активному противодействию раскрытию преступления, заключающемуся не только в разведывательных, но и в контрразведывательных

действиях, при этом их активность возрастает пропорционально усилиям правоохранительных органов. Об этом свидетельствуют и результаты проведенного нами исследования, в соответствии с которыми наиболее активно противодействие криминальной среды раскрытию и расследованию конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, осуществляется на начальном этапе предварительного расследования (54,94%), а наименее активно – в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении, когда действия правоохранительных органов носят негласный характер (16,05%).

В целях контрразведки широко используются не только технические и материальные ресурсы, но и профессиональные навыки участников преступных групп из числа бывших и действующих сотрудников правоохранительных органов и спецслужб, а также знания об организации и тактике оперативно-розыскной деятельности, полученные преступниками из открытых публикаций и Интернета, найти которые в последние годы не составляет большого труда.

Используя указанный потенциал, преступники имеют возможность не только обнаруживать силы и средства оперативно-розыскной деятельности, выявлять планируемые и проводимые оперативно-розыскные мероприятия, но и препятствовать их осуществлению, а также разрабатывать контрмеры. Успешное проведение разрабатываемыми контрразведывательных мероприятий исключает утечку информации о преступной деятельности и в целом нейтрализует усилия оперативных сотрудников. Например, в целях противодействия планируемому оперативному внедрению в преступную группу организатор, тщательно проверяя членов преступной группы и их окружение с использованием системы внутреннего контроля и наблюдения, имеет возможность выявлять среди них лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а также преднамеренно допускать оперативное внедрение с целью дезинформации правоохранительных органов и воспрепятствования получению ими интересующей информации.

Для осуществления контрразведывательной деятельности соучастники преступления, оставшиеся на свободе, а также их связи могут наблюдать за зданием подразделения органов внутренних дел, оперативными сотрудниками, следователями, свидетелями и потерпевшими с целью фиксации их действий и установления

места их жительства, а также получать указанную информацию через недобросовестных адвокатов и сотрудников правоохранительных органов.

В контрразведывательной деятельности преступники умело используют свои коррупционные связи, привлекая к участию в преступлениях или консультированию коррумпированных сотрудников правоохранительных органов.

В целях противодействия ведущемуся за ними наблюдению преступники могут принять дополнительные меры конспирации, временно прекратить начатую преступную деятельность, поменять место содержания и эксплуатации жертв.

Также на стадии документирования преступной деятельности преступники зачастую предпринимают попытки подкупа и оказания давления на оперативных сотрудников с целью противодействия раскрытию преступлений.

На стадии предварительного следствия противодействие преступников уголовному судопроизводству выражается в воспрепятствовании установлению истины по делу, а также процессу доказывания виновности обвиняемых (подозреваемых) в совершенном преступлении, при этом используются следующие приемы:

угрозы, шантаж или подкуп в отношении свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса (звонки, письма с угрозами, фотографиями участников уголовного процесса и их близких родственников, демонстрация осведомленности о месте их жительства, работы, умышленное повреждение принадлежащего им имущества и т.д.);

уничтожение материалов уголовного дела и вещественных доказательств, сокрытие орудий, средств и следов преступной деятельности;

установление находящимися на свободе сообщниками негласных каналов связи с арестованными членами преступной группы в целях согласования линии поведения;

незаконные действия защитников обвиняемого (подозреваемого);

дискредитация следователя и оперативного сотрудника;

оказание давления на процесс раскрытия и расследования преступления через средства массовой информации, Интернет.

Таким образом, в условиях противодействия раскрытию и расследованию конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, в задачи следователя и оперативного

сотрудника входит не только раскрытие преступления и сбор доказательств, изобличающих обвиняемых (подозреваемых) лиц, но и выявление, предупреждение и пресечение готовящихся противоправных действий, направленных на разрушение доказательственной базы, и других деструктивных действий, препятствующих нормальному ходу уголовного процесса.

Однако эффективной нейтрализации противодействия будет способствовать только сочетание оперативно-розыскных мероприятий со следственными и иными процессуальными действиями. Это связано с тем, что выявление намерений преступников по оказанию противодействия возможно только путем использования негласных сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, в то время как следователь в процессе проведения следственных действий может обнаружить только явные признаки указанной противоправной деятельности. При этом своевременно полученная следователем информация о противоправных намерениях обвиняемых (подозреваемых) и их связей при ее грамотном использовании позволяет планировать следственные и иные процессуальные действия таким образом, чтобы не только предупредить возможность оказания противодействия, но и принять меры к защите участников уголовного процесса и охране вещественных доказательств. В то же время при выявлении следователем признаков оказания негативного воздействия на участников уголовного процесса установление его источников, его нейтрализация и документирование возможны только с помощью негласных сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности. Таким образом, эффективность нейтрализации противодействия раскрытию и расследованию конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, напрямую зависит от организации взаимодействия следователя с органом дознания.

В целом только комплексный подход к решению задачи нейтрализации противодействия раскрытию и расследованию конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, предусматривающий тесное взаимодействие следователя и органа дознания, позволит эффективно достигать цели уголовного судопроизводства – привлечения к уголовной ответственности всех лиц, причастных к их совершению.

1. Горбунов А.Н., Стукалов В.В. Проблемы борьбы с торговлей людьми и организацией занятия проституцией // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2012. № 4.

2. Гудков Ю.А. Криминальное противодействие в уголовном процессе и оперативно-розыскные меры по его предупреждению (по материалам аппаратов уголовного розыска): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993.

3. *Рос. газ.* 2010. 25 авг.

4. Климов И.А., Синилов Г.К. Противодействие криминальной среды как объект и предмет исследования теории ОРД // *Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы науч.-практ. конф., 29–30 окт. 1996 г., Руза. М., 1997.*

5. Волынский А.Ф., Лавров В.П. Организационное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // *Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы науч.-практ. конф., 29–30 окт. 1996 г., Руза. М., 1997.*

6. Антонов В.М., Кувалдин В.П. Противодействие организованных преступных структур органам внутренних дел и меры по его нейтрализации. М., 1998.

7. Флоря Д.Ф. Противодействие расследованию преступлений и его влияние на расследование уголовного дела. Орел, 2012.

8. Рябков Е.М. Нейтрализация противодействия в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел (правовые, организационные и тактические вопросы): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2001.

1. Gorbunov A.N., Stukalov V.V. Problems of combating trafficking in human beings and organization of prostitution // *Bull. of Krasnodar University of Russian MIA*. 2012. № 4.

2. Gudkov Yu.A. Pulp opposition in criminal proceedings and search measures to prevent it (based on units of the criminal investigation): diss. ... Master of Law. Moscow, 1993.

3. *Rus. newsp.* 2010. Aug. 25.

4. Klimov I.A., Sinilov G.K. Counteraction of the criminal environment as a subject of study of the theory of OSA // *Organized counteraction to disclosure and investigation of crimes and measures to neutralize: proc. of sci.-pract. conf., Oct. 29–30, 1996, Ruza. Moscow, 1997.*

5. Volynsky A.F., Lavrov V.P. Organizational counteraction to disclosure and investigation of crimes (theory and practice) // *Organized counteraction to disclosure and investigation of crimes and measures to neutralize: proc. of sci.-pract. conf., Oct. 29–30, 1996, Ruza. Moscow, 1997.*

6. Antonov V.M., Kuvaldin V.P. Counteraction of organized crime to the internal affairs agencies and measures to neutralize it. Moscow, 1998.

7. Florya D.F. Counteraction to the investigation of crimes and its impact on the criminal investigation, Orel, 2012.

8. Ryabkov E.M. Neutralization of the counter in the operational-search activities of internal affairs agencies (legal, organizational and tactical issues): diss. ... Dr of Law. Nizhny Novgorod, 2001.



**Антонов Игорь Юрьевич**старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД  
Нижегородской академии МВД России  
(e-mail: antonoviu@yandex.ru)

## *Некоторые направления совершенствования оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение», проводимого с применением технических средств*

В статье рассматриваются особенности законодательной регламентации и вопросы совершенствования применения технических средств при проведении оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение».

**Ключевые слова:** оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, правовое регулирование, наблюдение, технические средства.

**I.Yu. Antonov**, Senior Lecturer of the Chair of Operational Search Activity of Law-Enforcement Bodies of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: antonoviu@yandex.ru

**Some directions of improvement of operative search event «watching» with using technical means**

The article treats the specific features of legal regulation of improvement and questions of using technical means when carrying out an operative search event «watching».

**Key words:** operative search activity, operative search events, legal adjustment, watching, technical means.

Совершенствование оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение», реализуемого с применением технических средств, представляет собой разнообразную, включающую большое количество аспектов проблему. Она начинается от сути и содержания самого мероприятия, его правовых форм и видов и заканчивается особенностями использования материалов, полученных в результате наблюдения с использованием самых современных цифровых технических средств. Именно комплексность поставленных задач позволит сформулировать систему выводов и предложений, направленных на расширение возможностей этого средства оперативно-розыскной деятельности.

ОРД представляет собой вид деятельности, направленный на борьбу с преступностью своими специфическими, чаще всего негласными средствами. Одним из таких средств выступает наблюдение, понятие которого представлено широкой гаммой мнений [1, с. 171; 2, с. 336; 3, с. 52]. Специфику наблюдения составляет ряд признаков: цель деятельности (получение информации о признаках преступной деятельности), характер деятельности (слежение и контроль), субъект деятельности (уполномо-

ченное законом лицо), объект (деятельность лица, участок местности), средства деятельности (специальные технические средства). Наличие этих признаков позволяет определить сущность и содержание ОРМ «наблюдение» и сформулировать следующее определение: «Наблюдение – это оперативно-розыскное мероприятие, которое представляет собой слежение или контроль со стороны уполномоченного законом субъекта (оперативного работника и иного лица, действующего по их поручению) за поведением и действиями лица, участком местности, направленное на получение информации о признаках преступной деятельности и другой информации, необходимой для решения задач ОРД, осуществляемое как с помощью технических средств, так и без них».

Техника – важнейший инструмент деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Без технических средств сегодня невозможно представить проведение большей части оперативно-розыскных мероприятий.

В литературе система технических средств представлена рядом классификаций [4, с. 25]. По нашему мнению, система применяемых при наблюдении технических средств может быть

выделена исходя из рассмотрения взаимодействующих систем деятельности по выявлению и расследованию преступлений и преступной деятельности. Выделяя информационный аспект этой взаимодействующей системы, получаем три основные группы, которые, со своей стороны, раскрываются через составляющие, отличающиеся функциями и направлениями их применения. Тогда классификация применяющихся при наблюдении технических средств выглядит следующим образом.

Технические средства для непосредственного наблюдения:

оптико-механические приборы оперативного наблюдения;

приборы видения в темноте;

тепловизоры.

Технические средства для фиксации выявленной информации:

фото-, видеоаппаратура и телевизионные системы;

средства звукозаписи и аудиоконтроля.

Технические средства контроля:

средства контроля за перемещением объектов;

средства радиоэлектронного контроля.

Проведенный анализ свидетельствует, что система технических средств активно развивается в связи с развитием технического прогресса в сторону: а) миниатюризации техники; б) перехода на цифровые принципы работы; в) увеличения функциональности.

Учитывая указанные направления совершенствования технических средств, можно предложить создание универсального многофункционального цифрового аппаратно-программного комплекса наблюдения и фиксации информации, а также подготовки конечных материалов. Комплекс должен осуществлять контроль и записывать несколькими источниками видео- и аудиосигналов. Одновременно в комплекс должна быть интегрирована система контроля за перемещением объекта на основе ГЛОНАСС (GPS) навигации.

Программное обеспечение комплекса должно обеспечивать достоверность получаемых с его помощью материалов. Каждый файл, формируемый комплексом, должен сопровождаться сводкой о времени, месте получения материала, устройстве, на котором он получен, характеристикой файла (объем, контрольная сумма). Файл должен подписываться электронной подписью, что будет гарантировать его защиту от изменения в дальнейшем.

Исследование показало наличие проблемы недостаточности правовой регламентации

применения технических средств при проведении наблюдения, что вызывает предложение о двух уровнях регулирования применения технических средств в оперативно-розыскной деятельности.

Во-первых, необходимо отражение общих вопросов применения технических средств в ОРД в законодательстве, в Законе «Об ОРД». Там необходимо указать:

на принципиальную возможность применения технических средств, отметив, что именно оперативный работник принимает решение о применении техники;

возможность использования полученных материалов в доказывании по уголовным делам, подчеркнув, что физические носители информации, полученные в результате проведения мероприятия, передаются следователю;

обязанность оперативного сотрудника обеспечивать сохранность и неизменность полученных материалов.

Во-вторых, более детальное регулирование применения техники следует осуществить в рамках ведомственных инструкций.

Нам представляется, что основным направлением использования полученных в результате наблюдения материалов должно выступать их использование в качестве доказательств по уголовным делам, с проверкой процессуальными средствами. В связи с этим предлагается изменить ст. 89 УПК РФ, предложив формулировку, прямо указывающую на возможность приобщения оперативных материалов к уголовным делам:

«Результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в процессе доказывания по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств».

В дальнейшем следует сформулировать порядок представления материалов (в порядке ст. 144 и 145 УПК РФ), основания для данной процедуры (постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД), а также действия лица, принимающего процессуальное решение о приобщении материалов к уголовному делу.

На наш взгляд, правовые средства должны быть дополнены системой организационных мер по обеспечению достоверности получаемых в оперативно-розыскной деятельности материалов наблюдения с использованием специальных технических средств. Учитывая имеющуюся практику, предлагаем следующий порядок документального оформления прове-

дения мероприятия и процедуры передачи материалов для приобщения к уголовным делам.

1. Расписка гражданина о добровольном согласии на участие в ОРМ (если привлекается).

2. Акт установки аудио- и видеозаписывающей аппаратуры (или акт передачи аппаратуры лицу, проводящему запись).

3. Акт возврата аудио- и видеозаписывающей аппаратуры.

4. Акт перезаписи материалов, составления видеофильма или монтажа аудиозаписи (при необходимости).

5. Вынесение руководителем органа, осуществляющего ОРД, постановления о представлении результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд.

6. Вынесение, при необходимости, постановления о рассекречивании отдельных опе-

ративно-служебных документов, содержащих государственную тайну.

7. Оформление сопроводительных документов и фактическая передача материалов.

Заметим, что наличие указанной процедуры не исключает полной и всесторонней проверки зафиксированных обстоятельств в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Это может осуществляться различными процессуальными действиями: допросами свидетелей, следственным экспериментом, экспертизами и т.д. Каждая из данных мер предпринимается исходя из обстоятельств конкретного дела, а устанавливаемые при этом сведения не просто способствуют приобщению материалов, но дополняют систему имеющихся доказательств.

1. Маркушин А.Г. *Теория оперативно-розыскной деятельности: учеб.* М., 2012.

2. *Теория оперативно-розыскной деятельности: учеб. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Силова.* М., 2006.

3. Шумилов А.Ю. *ОРД: вопросы и ответы. Кн. 2: Оперативно-розыскные мероприятия и меры: учеб.-практ. пособие. 2-е изд., доп. и перераб.* М., 2006.

4. Гирйчук В.В. *Классификация специальных технических средств: уголовно-процессуальный и оперативно-розыскной аспект // Следователь. 2009. № 10.*

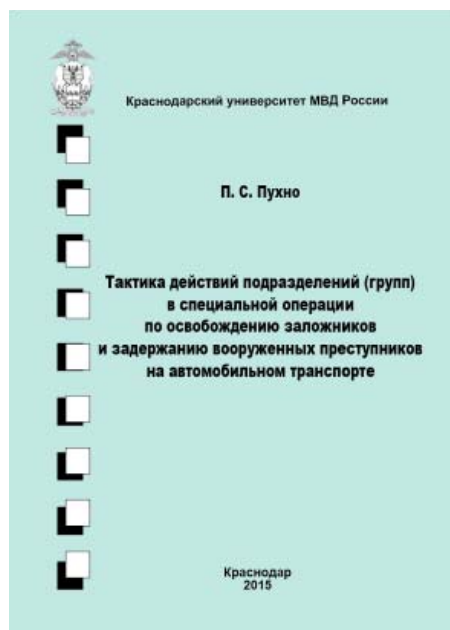
1. Markushin A.G. *Theory of operational search activity: textbook.* Moscow, 2012.

2. *Theory of operational search activity: textbook / ed. by K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilov.* Moscow, 2006.

3. Shumilov A. Yu. *OSA: questions and answers. B. 2: Operational search actions and measures: study and practical manual. 2nd ed., add. and rev.* Moscow, 2006.

4. Giryuchuk V.V. *Classification of special technical means: criminal procedure and operative search aspect // Investigator. 2009. № 10.*

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Тактика действий подразделений (групп) в специальной операции по освобождению заложников и задержанию вооруженных преступников на автомобильном транспорте :** учебно-практическое пособие / П. С. Пухно. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – 46 с.

Рассматриваются особенности проведения специальных операций по освобождению заложников и задержанию вооруженных преступников на автомобильном транспорте.

Для использования в системе профессиональной служебной подготовки специальных подразделений органов внутренних дел, а также в учебном процессе Краснодарского университета МВД России.

**Медведева Светлана Николаевна**

преподаватель кафедры криминалистики  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79189643102)

## *Значение причинно-следственной связи в формировании идеальных следов преступления*

В статье рассматриваются причинно-следственная связь в биологическом контексте, влияние психического состояния человека на возможности восприятия события преступления и дачу правильных показаний.

**Ключевые слова:** причинно-следственная связь, криминалистика, психическое состояние человека, тактические приемы допроса.

**S.N. Medvedeva**, Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79189643102.

### **The importance of causality in the formation of perfect restages of crime**

The article discusses causality in a biological context, the influence of the mental state of the person at the possibility of the perception of a crime and giving correct readings.

**Key words:** causality, forensics, mental state of a person, tactical interrogation techniques.

**П**ричинность – один из законов диалектики, который одинаково действует во всех процессах и явлениях: биологических, химических, физиологических, социальных. В объективном мире он проявляется по-разному, однако всегда и везде представляет собой такую зависимость между явлениями природы и общества, при которой одно из них (причина) порождает другое (следствие).

Даже такая бесконечно сложная материя, как целостность доступной пониманию психической жизни – целостность, именуемая нами личностью, – может выступить в качестве отдельного элемента причинного мышления [1, с. 745].

В криминалистике рассматривается так называемая механистическая природа причинно-следственных связей. Палец, прикасаясь к поверхности стола, оставляет свой след (прямая причинная связь). В то же время может унести с поверхности стола какие-то частицы (обратная связь). В таких случаях причинной связью управляют физические, химические, механические и иные законы. Если «начальная» видимая причина отдалена во времени от конечного результата и на первый взгляд может казаться, что между ними, кроме временной, нет никаких других форм связи, мы, руководствуясь физическими законами, все же можем с достаточной легкостью проследить всю причинную цепочку в целом. Если рассматривать причинно-следственную цепочку с биологической точки зрения, то здесь проследить ее достаточно

сложно. Механистический взгляд рассматривает неодушевленные объекты, которые остаются неизменными на определенном временном отрезке. Как правило, этот временной отрезок нас как исследователей вполне устраивает. При этом в зависимости от поставленной задачи изучается в основном главная причина. Механистическая модель выглядит достаточно просто: одна и та же причина при одинаковых условиях порождает одинаковые следствия. На этом принципе основывается поиск следов на месте происшествия. Но живые организмы, в частности психика человека, претерпевают постоянные изменения под влиянием внешних и внутренних факторов.

К внутренним факторам можно отнести, например, психическое состояние человека в конкретный момент времени [2, с. 270]. Таким образом, одна и та же причина у различных людей может иметь совершенно противоположные следствия.

Следствие возникает не только при наличии некой причины, должны существовать определенные условия, которые без наличия причины ни к чему не приводят. В этом смысле причину можно назвать главным условием. Но это главное условие может вызвать соответствующие следствия только благодаря наличию всех предварительных факторов. Как отмечал Карл Ясперс, «без участия конечной причины событие не имеет места; но этот конечный фактор сам по себе не является единственным условием события. Реальность жизни – это

бесконечное многообразие причинно-следственных связей» [1, с. 631].

Однонаправленная причинная связь, свойственная неживой природе, в живом мире представляет собой бесконечное взаимодействие различных моментов, которые обусловлены и генетическими, и психическими, и иными факторами. На человека постоянно действуют какие-либо внешние раздражители, и в отличие от неживой природы он подвержен постоянным изменениям. В тот или иной момент времени человек может находиться в состоянии покоя или стресса. Поэтому одни и те же исходные внешние причины у разных людей приводят к совершенно различным последствиям.

Неживая природа также подвергается изменениям, но эти изменения настолько несущественны за интересующий нас промежуток времени, что мы ими, как правило, пренебрегаем. Следователя интересуют не изменения неживой природы, а сохранность следов, т.к. под влиянием различных факторов внешней, а не внутренней среды они могут исчезнуть. Человек же изменив под влиянием не только внешних, но и внутренних факторов. Его поведение опосредовано еще и состоянием его психики на данный момент времени, его желаниями, чувствами, мотивами, которыми он руководствуется, целями, которые он желает достигнуть.

Данные обстоятельства необходимо учитывать при работе не только с психически здоровыми людьми, но и с лицами с психическими отклонениями, чье поведение не всегда просто объясняется. Внешнее воздействие на человека приводит к более или менее предсказуемой реакции. Действия человека с психическими отклонениями могут не совпадать с ожидаемыми или же вообще быть неадекватными.

Даже при самых высоких показателях постоянства причинно-следственных связей существует некоторое количество исключений; кроме того, следствия выказывают качественные различия, а некоторые следствия имеют место у ограниченного числа лиц [1, с. 870].

Взаимодействие преступника с окружающей средой является основной причиной формирования не только материальных, но и идеальных следов.

Процесс создания показаний складывается из получения и накопления информации; ее запечатления и сохранения; воспроизведения и передачи лицу, производящему допрос; переработки и процессуального закрепления информации допрашивающим.

Человек получает информацию об окружающем мире через ощущения посредством ор-

ганов чувств. Возможность органов чувств индивидуальна и может носить патологический характер.

Изменение чувствительности может быть обусловлено чередованием и взаимодействием ощущений. Интенсивный раздражитель снижает чувствительность к слабым сигналам, действующим на другие органы чувств; отдельные же ощущения, напротив, повышают восприимчивость. Поскольку разные стороны и свойства предмета, воздействуя на органы чувств, вызывают систему различных ощущений, в человеческом сознании отражается более или менее целостный образ предмета. Такое отражение, называемое восприятием, служит наиболее богатым источником информации [3, с. 465].

Полнота и точность восприятия зависят не только от интеллектуального уровня воспринимающего, но и от его психического состояния в этот момент. С этим связана избирательность восприятия – преимущественное выделение определенных объектов и признаков.

На запечатление информации в момент ее восприятия в связи с преступным событием оказывают воздействие объективные и субъективные факторы.

К объективным факторам можно отнести время суток, погодные условия и т.п., а к субъективным – психическое и физическое состояние лица в момент восприятия информации, направленность внимания, состояние органов чувств.

На психику человека может оказывать влияние алкоголь, в связи с чем восприятие обстановки может нарушаться или быть вообще не верным. Кроме того, человек может не понимать значение совершаемых с ним действий, например, при слабоумии.

На объективность восприятия существенное воздействие оказывает эмоциональное состояние субъекта. Особенно это относится к потерпевшим. Чувства гнева, страха, стыда и т.п. далеко не всегда способствуют объективному восприятию как самого преступления, так и лица, которое его совершило. В некоторых случаях потерпевшие в момент события преступления впадают в обморочное или угнетенное состояние. На объективность восприятия оказывают влияние и такие качества, как склонность к фантазии, лживость, невнимательность и т.д.

В восприятии облика человека на первый план выступают те особенности его внешности, которые приобретают для воспринимающего наибольшее значение в данной ситуации, либо несут наиболее значимую информа-

цию о свойствах, намерениях и действиях этого человека, либо по объективным причинам доминируют в его облике [4, с. 260].

На достоверность свидетельских показаний влияют индивидуальные особенности субъекта: тип его нервной системы, интеллектуальный и культурный уровень.

Наиболее сложные в психологическом отношении моменты допроса свидетелей – это оценка истинности их показаний, диагностика ложных показаний, преодоление лжесвидетельства.

Свидетели несут случайную повинность, всегда более или менее тягостную, большинство из них теряется в необычной обстановке. Одни свидетели раздражаются и, чувствуя, что их ловят на словах, становятся грубыми, принимают вызывающий тон, большинство же теряется и нравственно страдает. Нужно зорко следить за настроением свидетелей; нужно мысленно становиться на их место, умея вернуть спокойствие и самообладание одним, поддержать бодрость в других [5, с. 55–56].

Особое внимание следователю стоит обратить на причину дачи свидетелем ложных показаний. Во многих случаях ложные показания даются свидетелями, связанными с обвиняемым или потерпевшим. Причем мотивы лжесвидетельства могут быть самыми различными: месть, корысть, желание выгородить родственника или такие, как желание скрыть свою трусость, пассивность.

Выбор тактики допроса с участием психически неполноценного лица представляет определенные трудности в связи с тем, что разработанные криминалистикой тактические

приемы допроса в данном случае могут быть неприемлемы или допустимы с определенными ограничениями. Выбор тактических приемов проведения допроса зависит от их эффективности с учетом имеющихся у свидетеля психических нарушений.

Приемы, направленные на оказание допрашиваемому помощи в восстановлении забытого, можно использовать и при допросе лиц с патологией памяти. Однако эти приемы могут оказаться бесполезными при наличии у допрашиваемого существенных ее дефектов. Проблемы с памятью могут возникнуть вследствие черепно-мозговых травм, алкогольной или наркотической интоксикации и т.д. Иногда примитивные личности из искреннего желания помочь расследованию сообщают не действительно восстановленные в памяти факты, а те, что вообще могли быть, не проводя по собственной инициативе соответствующего ограничения.

Кроме этого у людей с нарушением психики может обнаружиться склонность к вымыслам. Излишне настойчивое стремление следователя побудить обвиняемых с подобными дефектами вспомнить имеющие значение для дела факты оборачивается тем, что провалы в памяти они заполняют вымышленными подробностями, в результате чего существенно осложняется расследование по делу.

Таким образом, закон причинности проявляется во всех сферах жизни. Он оказывает влияние как на процесс формирования идеальных следов, так и на процесс получения правильных показаний.

1. Ясперс Карл. *Общая психопатология* / пер. с нем. Л.О. Акопяна. М., 1997.

2. Колосова О.Ю. *Жизненный мир личности и социальная реальность* // *Вестн. Северо-Кавказ. гуманитарного ин-та*. 2013. № 2(6). С. 270–273.

3. Васильев В.Л. *Юридическая психология*. СПб., 2000.

4. Ратинов А.Р. *Судебная психология для следователей*. М., 1967.

5. Кони А.Ф. *Собр. соч.* М., 1967. Т. 4.

1. Jaspers Karl. *General psychopathology* / transl. from German by L.O. Akopyan. Moscow, 1997.

2. Kolosova O.Yu. *Life-world of the individual and social reality* // *Bull. of the North Caucasian Institute for the Humanities*. 2013. № 2(6). P. 270–273.

3. Vasilyev V.L. *Legal psychology*. St. Petersburg, 2000.

4. Ratinov A.R. *Forensic psychology for investigators*. Moscow, 1967.

5. Koni A.F. *Coll. works*. Moscow, 1967. Vol. 4.

**Норец Алина Михайловна**адъюнкт кафедры уголовного процесса  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: alinamixailovna@yandex.ru)

## *К вопросу о мерах прокурорского реагирования на нарушения законодательства о противодействии коррупции*

В статье рассмотрены меры прокурорского реагирования на нарушения законодательства о противодействии коррупции. Выделены и спроецированы на практическое их применение некоторые особенности этих мер.

**Ключевые слова:** прокуратура, коррупция, меры прокурорского реагирования, противодействие коррупции, протест, предостережение, представление, постановление.

**A.M. Norets**, Adjunct of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: alinamixailovna@yandex.ru

### **To a question of measures of public prosecutor's response to violations of the law of corruption counteraction**

In the article measures of public prosecutor's response to violations of the law about corruption counteraction are considered. Some features of these measures are marked out and projected on their practical application.

**Key words:** prosecutor's office, corruption, measures of public prosecutor's reaction, corruption counteraction, protest, caution, representation, resolution.

**В** Российской Федерации в настоящее время уровень коррупции очень высок, ее пагубные последствия самым непосредственным образом угрожают национальной безопасности, а также правам граждан. Коррупция государственных чиновников и вообще должностных лиц всех уровней в современном российском обществе превратилась в одну из основных социальных и правовых проблем [1, с. 90; 2, с. 31]. При этом правовое регулирование противодействия коррупции методами прокурорского реагирования является одним из важнейших средств обеспечения правопорядка в сфере государственного управления.

В Российской Федерации к мерам прокурорского реагирования на выявленные нарушения законодательства о противодействии коррупции согласно Федеральному закону от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [3] относятся: протест (ст. 23), представление (ст. 24), постановление о возбуждении производства об административном правонарушении (ст. 25), предостережение о недопустимости нарушения закона (ст. 25.1), постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

В 2014 г. органами прокуратуры Российской Федерации выявлено свыше 381 тыс. нарушений закона в сфере противодействия коррупции.

С целью устранения выявленных нарушений антикоррупционного законодательства прокурорами принесено свыше 52 тыс. протестов, направлено 15,8 тыс. исков (заявлений) в суды на сумму почти 1,5 млрд руб., внесено более 80 тыс. представлений, по которым привлечено к дисциплинарной ответственности 84,8 тыс. должностных лиц, к административной – свыше 11,4 тыс. лиц, объявлено более 5 тыс. предостережений о недопустимости нарушения закона, 4770 материалов направлены для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке ч. 2 ст. 37 УПК РФ, по ним возбуждено 4098 уголовных дел. Всего в истекшем году в суды направлено более 13 тыс. (в 2013 г. – 12 тыс.) уголовных дел [4].

В приказе Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [5] содержатся общие требования к принимаемым прокурорами мерам реагирования. Пункт 16 данного приказа устанавливает, что в документах прокурорского реагирования необходимо излагать правовую сущность, а также негативные последствия нарушений за-

кона, причины и условия, которые этому способствовали, ставить вопрос об их устранении и ответственности виновных лиц. При необходимости принимать участие в рассмотрении внесенных актов прокурорского реагирования. Стоит отметить, что в данный пункт приказом Генерального прокурора РФ от 10 февраля 2012 г. № 46 [6] были внесены изменения, согласно которым прокуроры должны принимать обязательное участие в рассмотрении внесенных актов прокурорского реагирования.

Следует отметить, что в п. 4.2 приказа Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 указано, что при выборе форм реагирования на выявленные незаконные правовые акты прокурорам надлежит руководствоваться тем, что прокурор обязан безотлагательно принести протест на незаконный правовой акт, а в случае его отклонения – в установленном порядке обратиться с заявлением в суд.

Протест приносится на не соответствующий закону или противоречащий ему нормативно-правовой акт, который может быть издан органом государственной власти или управления, общественной организацией или объединением, органами государственного или хозяйственного управления, другими субъектами, поднадзорными прокурору, а также должностными лицами.

В сфере противодействия коррупции прокурорами ежегодно приносятся десятки тысяч протестов на выявленные нарушения антикоррупционного законодательства. Так, за 2014 г. их число составило 34% от общего числа актов прокурорского реагирования. Как правило, отклоняется незначительное количество протестов прокуроров, в результате чего более 80% правовых актов отменяются или изменяются в соответствии с требованиями прокурора.

Представление прокурора об устранении нарушений вносится должностному лицу или органу, полномочному устранить выявленные нарушения, и подлежит безотлагательному рассмотрению. О результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме. Представление является наиболее распространенным актом прокурорского реагирования на выявленные нарушения антикоррупционного законодательства. Ежегодно количество представлений о необходимости устранения нарушений законов в данной сфере увеличивается. За период 2014 г. количество представлений составило 53% от общего числа актов прокурорского реагирования.

В соответствии с ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ прокурор при осуществлении надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов,

действующих на территории Российской Федерации, вправе возбудить дело о любом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена КоАП РФ.

Необходимо обратить внимание на то, что в ст. 28.4 КоАП РФ закреплен перечень статей, по которым возбудить дело об административном правонарушении может только прокурор. Из этого перечня к коррупционным административным правонарушениям относятся: ст. 5.45 «Использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании, кампании референдума», ст. 5.46 «Подделка подписей избирателей, участников референдума», ст. 5.48 «Нарушение прав зарегистрированных кандидатов, избирательных объединений, инициативных групп по проведению референдума, иных групп участников референдума при выделении площадей для размещения агитационных материалов», ст. 5.52 «Невыполнение уполномоченным лицом требований законодательства о выборах об обеспечении кандидатам, избирательным объединениям равных условий для проведения агитационных публичных мероприятий», ч. 2 ст. 7.31 «Предоставление, опубликование или размещение недостоверной информации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков, а также направление недостоверных сведений, внесение их в реестр контрактов, заключенных по итогам размещения заказов, реестр недобросовестных поставщиков», ст. 14.35 «Нарушение законодательства о государственном кадастровом учете недвижимого имущества и кадастровой деятельности», ст. 19.28 «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» и ст. 19.29 «Незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного служащего (бывшего государственного служащего)».

Например, по результатам проведенной проверки соблюдения законодательства о противодействии коррупции прокуратурой Куцевского района в отношении ООО «Хирон» возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ за совершение незаконных действий в интересах юридического лица ООО «Хирон» путем оказания рекомендательных преференций заведующим отделением «Бюро СМЭ» вышеназванной похоронной организации как наиболее качественно оказывающей ритуальные услуги.

По итогам рассмотрения постановления прокуратуры района юридическое лицо – ООО «Хирон» признано виновным мировым судьей



в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ, назначено наказание в виде штрафа в размере 1 млн руб. [7].

В целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях прокурор или его заместитель направляет в письменной форме должностным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона в сфере антикоррупционного законодательства. При неисполнении требований, изложенных в предостережении, должностное лицо, которому оно было объявлено, может быть привлечено к установленной законом ответственности.

Для обеспечения единообразия применения этой меры прокурорского реагирования на нарушения законодательства на практике органы прокуратуры руководствуются указанием Генерального прокурора РФ от 6 июля 1999 г. № 39/7 «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона» [8].

Предостережение о недопустимости нарушения закона – важнейшая мера предупреждения коррупционных правонарушений. Применение предостережения отнесено Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» к исключительной компетенции прокурора и его заместителей. Другие работники прокуратуры такими полномочиями не обладают.

Данный акт применяется только при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов. В п. 1.4 указания от 6 июля 1999 г. № 39/7 обращено внимание на то, что предостережение о недопустимости нарушения закона применяется только к должностным лицам и не может быть адресовано гражданам и юридическим лицам. Предостережение следует объявлять должностным лицам государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений. Кроме того, оно может объявляться руководителям и другим работникам коммерческих и некоммерческих организаций, выполняющим организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции.

Поводом для вынесения предостережения должностного лица могут являться достоверные сведения о готовящихся противоправных деяниях, которые могут впоследствии привести к правонарушениям и причинению вреда государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и свободам граждан, не влекущих уголовную ответственность.

На практике предостережение не применяется, если уже имеются основания для привлечения нарушителей закона к уголовной, административной, материальной или дисциплинарной ответственности. Для применения данной меры должна появиться информация о готовящихся противоправных деяниях конкретными должностными лицами и должна быть осуществлена проверка данных сведений.

Прокурорами нечасто используется мера прокурорского реагирования на нарушения законодательства о противодействии коррупции – предостережение о недопустимости нарушения закона; в течение 2014 г. количество предостережений составило 3% от общего числа актов прокурорского реагирования.

Так, Туапсинской межрайонной прокуратурой установлено, что администрацией Туапсинского городского поселения на официальном сайте размещено извещение о проведении открытого аукциона в электронной форме на право заключения муниципального контракта на поставку автомобиля с начальной (максимальной) стоимостью контракта 1 998 тыс. рублей. Источником финансирования заказа являлся бюджет муниципального образования Туапсинское городское поселение.

При размещении заказа в техническом задании администрацией были указаны точные характеристики товара, что в полной мере соответствует параметрам автомобиля Toyota Highlander Люкс, образец которого также размещен на сайте в виде скрин-шот страницы официального дилера «Тойота Центр Краснодар», и ограничивает число участников размещения заказа.

Приобретение дорогостоящего автомобиля в данном случае не являлось приоритетной потребностью муниципального образования, а заключение муниципального контракта могло отрицательно сказаться на исполнении муниципальным образованием первоочередных задач, повлечь нарушение требований федерального законодательства в части неэффективного расходования бюджетных средств и нарушение прав жителей поселения.

По результатам данной проверки Туапсинской межрайонной прокуратурой в адрес главы муниципального образования Туапсинское городское поселение внесено предостережение о недопустимости нарушения закона, на основании которого открытый аукцион на поставку дорогостоящего автомобиля отменен [9].

Согласно ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе выносить мотивированное постановление

о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании. Основаниями для вынесения постановления служат выявленные прокурором нарушения уголовного законодательства, т.е. наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, содержащегося в Перечне № 23 преступлений коррупционной направленности, утвержденном совместным указанием Генерального прокурора РФ и министра внутренних дел РФ от 15 февраля 2012 г. № 52-11/2 «О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [10].

В случае направления данного постановления в орган следствия или дознания проведение проверки и принятие процессуального решения обязательны.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании – самостоятельный повод для возбуждения уголовного дела. При этом в силу ч. 11 ст. 148 УПК РФ решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с мотивированным постановлением прокурора, вынесенным на основании п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, может быть принято только с согласия руководителя следственного органа.

Приказ Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 (п. 18) предписывает для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений согласно положениям п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ выносить мотивированное постановление о направлении материалов общенадзорной проверки в следственный орган или орган дознания. По результатам предыдущего года количество направляемых прокурорами в порядке ч. 2 ст. 37 УПК РФ материалов для решения вопроса об уголовном преследовании за коррупционные преступления снижается из года в год, но, несмотря на такое снижение, число возбужденных по ним уголовных дел о коррупционных преступлениях растет.

На прокурорах лежит обязанность по осуществлению контроля за реализацией (исполнением) внесенных ими актов прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции. Они должны добиваться, чтобы содержащиеся в актах реагирования требования исполнялись своевременно и в полном объеме. При необходимости следует проводить контрольные проверки фактического устранения нарушений закона.

Таким образом, изучение основных форм прокурорского реагирования позволяет сделать вывод о наличии у органов прокуратуры достаточных и действенных полномочий по защите прав, свобод человека и гражданина, позволяющих добиваться реального устранения нарушений закона и коррупционных проявлений.

1. Жалкиев В.Т. Коррупция как социоструктурное следствие аномического состояния России // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2010. № 3.

2. Антонов И.А. Противодействие коррупции на ведомственном уровне: организационно-правовой опыт регионального управления ФСИН России // *Безопасность уголовно-исполнительной системы*. 2011. № 3.

3. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 17 февр. 2015 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Материалы расширенного заседания коллегии, посвященного итогам работы в 2014 г. и задачам по укреплению законности и правопорядка в 2015 г. 24.03.2015. URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-674756/>

1. Zhalkiev V.T. Corruption as sociostructure consequence anomical conditions of modern Russia // *Bull. of Krasnodar University of Russian MIA*. 2010. № 3.

2. Antonov I.A. Counteraction to corruption at the departmental level: organizational and legal experience of regional government of FSEP of Russia // *Safety of criminal and executive system*. 2011. № 3.

3. About prosecutor's office of the Russian Federation: fed. law of Jan. 17, 1992 № 2202-1 (in ed. of Febr. 17, 2015). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. In the Prosecutor General's Office of the Russian Federation the enlarged meeting of board devoted to work results in 2014 and to tasks of strengthening of legality and a law and order in 2015. 24.03.2015. URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-674756/>

5. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генерального прокурора РФ от 7 дек. 2007 г. № 195 (в ред. от 4 окт. 2013 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О внесении изменений в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением прав и свобод человека и гражданина»: приказ Генерального прокурора РФ от 10 февр. 2012 г. № 46. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Официальный сайт прокуратуры Краснодарского края. URL: <http://prokuratura-krasnodar.ru/news/po-iniciative-prokurora-kushchevskogo-rayona-oshtrafovana-v-razmere-1-mln-rubley-kommercheskaya/>

8. Официальный сайт прокуратуры Краснодарского края. URL: <http://prokuratura-krasnodar.ru/tuapsinskoj-mezhrayonnoj-prokuraturoy-predotvrashcheno-nepravomernoe-rashodovanie-byudzhetnyh/>

9. О применении предостережения о недопустимости нарушения закона: указание от 6 июля 1999 г. № 39/7 (с изм., внесенными приказом Генпрокуратуры РФ от 16 окт. 2000 г. № 134). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Перечень № 23 преступлений антикоррупционной направленности. Генеральная прокуратура РФ № 387-11, МВД России № 2. Указание от 11 сент. 2013 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. About the organization of public prosecutor's supervision of implementation of laws, observance of the rights and freedoms of the person and citizen: order of the Prosecutor General of the Russian Federation of Dec. 7, 2007 № 195 (in ed. of Oct. 4, 2013). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

6. On amendments to the order of the Prosecutor General of the Russian Federation of 07.12.2007 № 195 «On organization of prosecutorial supervision over the implementation of law, respect for rights and freedoms of man and citizen: order of the Prosecutor General of the Russian Federation of Febr. 10, 2012 № 46. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

7. Official website of the prosecutor's office of Krasnodar Region. URL: <http://prokuratura-krasnodar.ru/news/po-iniciative-prokurora-kushchevskogo-rayona-oshtrafovana-v-razmere-1-mln-rublej-kommercheskaya/>

8. Official website of the prosecutor's office of Krasnodar Region. URL: <http://prokuratura-krasnodar.ru/tuapsinskoj-mezhrayonnoj-prokuraturoy-predotvrashcheno-nepravomernoe-rashodovanie-byudzhetnyh/>

9. About application of caution about inadmissibility of violation of the law: instruction of July 6, 1999 № 39/7 (with the amendments brought by the order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation of Oct. 16, 2000 № 134). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

10. List № 23 of crimes of an anti-corruption orientation. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation № 387-11, the Ministry of the Interior of Russia the № 2. Instruction of Sept. 11, 2013 «About introduction of lists of articles of the Criminal code of the Russian Federation used when forming the statistical reporting». Access from legal reference system «ConsultantPlus».

**Долгополов Александр Александрович**

доктор юридических наук,  
начальник филиала ВНИИ МВД России  
по Южному федеральному округу

**Белоконь Анна Викторовна**

кандидат юридических наук,  
ведущий научный сотрудник филиала ВНИИ МВД России  
по Южному федеральному округу

(e-mail: vnii-kk@mail.ru)

## *О некоторых аспектах совершенствования информационного обеспечения организации деятельности органов внутренних дел в сфере контроля за оборотом оружия*

Исследуется процесс информационного обеспечения организации деятельности органов внутренних дел в сфере контроля за оборотом оружия. Предлагаются меры по совершенствованию информационного обеспечения организации деятельности органов внутренних дел.

**Ключевые слова:** деятельность органов внутренних дел, информационное обеспечение, оборот оружия, правовая норма.

**A.A. Dolgoplov**, Doctor of Law, Head of the branch of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia across the Southern Federal District;

**A.V. Belokon**, Master of Law, Leading Researcher of the branch of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia across the Southern Federal District; e-mail: vnii-kk@mail.ru

### **About some aspects of improvement of information support of the organization of activity of law-enforcement bodies in the sphere of control of traffic in weapons**

Process of information support of the organization of activity of law-enforcement bodies in the sphere of control of traffic in weapons is investigated. Measures for improvement of information support of the organization of activity of law-enforcement bodies are offered.

**Key words:** activity of law-enforcement bodies, information support, traffic in weapons, precept of law.

Одним из основных организационных аспектов информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел является получение полной и исчерпывающей информации о подконтрольных объектах. Так, например, для своевременного, незамедлительного изъятия служебного и гражданского оружия у физических или юридических лиц при возникновении обстоятельств, предусмотренных Федеральным законом «Об оружии», исключающих право владения, использования такого оружия, необходима соответствующая актуализированная информация. Правовой механизм изъятия оружия по вышеизложенным основаниям предусмотрен ст. 26, 27 Федерального закона «Об оружии». На основании ст. 26 Федерального закона «Об оружии» лицензия на приобретение оружия и разрешение на хранение или хранение и ношение оружия аннулируются органами, вы-

давшими эти лицензию и (или) разрешение, в случае возникновения предусмотренных Федеральным законом «Об оружии» обстоятельств, исключающих возможность получения лицензии и (или) разрешения. Обстоятельства, исключающие возможность получения лицензии и (или) разрешения, изложены в ст. 12, 13, 16, 18 Федерального закона «Об оружии». К ним относятся: сведения о лицах, имеющих неснятую или непогашенную судимость за преступление, совершенное умышленно, сведения о лицах, в отношении которых судом установлен запрет замещать определенные должности или заниматься определенной профессиональной или предпринимательской деятельностью в сфере оборота оружия; возникновение у лиц, имеющих право на владение, использование оружия, медицинских противопоказаний к владению оружием, связанных с нарушением зрения, психическими заболеваниями, алко-

лизмом или наркоманией, а также сведения о том, что лицо состоит на учете в учреждениях здравоохранения по поводу психического заболевания, алкоголизма или наркомании. Кроме этого, к такого рода обстоятельствам относятся сведения о лицах, совершивших повторно в течение года административное правонарушение, посягающее на общественный порядок и общественную безопасность или установленный порядок управления, либо административное правонарушение в области незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ; о лицах, не имеющих постоянного места жительства; а также о лицах, у которых аннулирован охотничий билет в соответствии с законодательством Российской Федерации в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов (в отношении охотничьего оружия).

Для оперативного выявления лиц, в соответствии с Федеральным законом «Об оружии» утративших право на владение и использование служебного и гражданского оружия, органам внутренних дел следует использовать возможности системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). В соответствии с постановлениями Правительства РФ от 8 сентября 2010 г. № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия», от 8 июня 2011 г. № 451 «Об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» система межведомственного электронного взаимодействия представляет собой федеральную государственную информационную систему, включающую информационные базы данных, в том числе содержащие сведения об используемых органами и организациями программных и технических средствах, обеспечивающих возможность доступа через систему взаимодействия к их информационным системам (далее – электронные сервисы), сведения об истории движения в системе взаимодействия электронных сообщений при предоставлении государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных функций в электронной форме, а также программные и технические средства, обеспечивающие взаимодействие информационных систем органов и организаций через СМЭВ.

Задачами системы межведомственного электронного взаимодействия в инфраструктуре электронного правительства являются:

реализация государственных функций в электронном виде, обеспечение информационного взаимодействия в электронной форме при предоставлении государственных и муниципальных услуг и исполнении государственных и муниципальных функций; реализация государственных услуг в электронном виде, обеспечение предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в том числе с использованием универсальной электронной карты и федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»; технологическое обеспечение информационного взаимодействия с применением системы взаимодействия достигается путем использования сервис-ориентированной архитектуры, представляющей собой совокупность электронных сервисов, построенных по общепринятым стандартам, а также путем использования единых технологических решений и стандартов, единых классификаторов и описаний структур данных.

Основными функциями системы межведомственного электронного взаимодействия являются: ведение реестра электронных сервисов; ведение политик безопасности, применяемых к зарегистрированным электронным сервисам; маршрутизация сообщений к зарегистрированным электронным сервисам; протоколирование обращений (входящих и исходящих сообщений) к электронным сервисам; гарантированная доставка сообщений, осуществляемая за счет механизма повторных вызовов электронных сервисов при сбоях; обеспечение оповещения оператора СМЭВ о сбоях в функционировании электронных сервисов; передача информации о событиях на СМЭВ по подписке заинтересованным пользователям (информационным системам); формирование динамически создаваемой статистики использования электронных сервисов.

Порядок проверки физических лиц и сотрудников юридических лиц на предмет допуска к гражданскому и служебному оружию осуществляется в соответствии с приказами МВД России от 23 апреля 2012 г. № 355 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче гражданину Российской Федерации лицензии на приобретение спортивного или охотничьего огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, охотничьего пневматического оружия и спортивного пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж и патронов к нему», от 25 апреля 2012 г. № 360 «Об утверждении Администра-

тивного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче гражданину Российской Федерации лицензии на приобретение огнестрельного оружия ограниченного поражения и патронов к нему», от 26 апреля 2012 г. № 366 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче гражданину Российской Федерации лицензии на приобретение охотничьего или спортивного огнестрельного оружия с нарезным стволом и патронов к нему» от 14 мая 2012 г. № 508 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче гражданину Российской Федерации лицензии на приобретение газовых пистолетов, револьверов, сигнального оружия, холодного клинкового оружия, предназначенного для ношения с национальными костюмами народов Российской Федерации или казачьей формой».

На основании вышеизложенных приказов формирование и направление межведомственного запроса осуществляется сотрудником органа внутренних дел в рамках проведения проверки полноты и достоверности сведений, указанных в заявлении и документах, в течение 2 дней со дня регистрации заявления формируется и направляется через СМЭВ с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи запрос в ФМС России о предоставлении следующих сведений в отношении заявителя: фамилия, имя, отчество (последнее – при наличии); число, месяц, год и место рождения; серия и номер паспорта, кем выдан, дата выдачи; адрес регистрации по месту жительства; статус спортсмена (действительный, недействительный, причина недействительности). Неполучение или несвоевременное получение ответа на межведомственный запрос не является основанием для продления срока предоставления государственной услуги либо отказа в ее предоставлении.

При отсутствии технической возможности направления межведомственного запроса с использованием СМЭВ соответствующий межведомственный запрос направляется на бумажном носителе по факсу с одновременным его направлением по почте.

На этом использование системы межведомственного электронного взаимодействия в проверке физических лиц и сотрудников юридических лиц на предмет правомерности владения, использования ими служебного или гражданского оружия практически исчерпывается.

Вместе с тем, в соответствии с п. 4 постановления Правительства РФ от 8 июня 2011 г. № 451 «Об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» федеральным органам исполнительной власти предписано до 1 июля 2012 г. доработать в соответствии с Положением об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, ввести в эксплуатацию и зарегистрировать в установленном порядке информационные системы, используемые при предоставлении государственных услуг. Согласно п. 6 Положения о единой системе межведомственного электронного взаимодействия, утвержденного постановлением Правительства РФ от 8 сентября 2010 г. № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия», основными функциями системы взаимодействия являются:

а) обеспечение передачи запросов, иных документов и сведений, необходимых для получения государственных и муниципальных услуг и поданных заявителями через единый портал, в подключенные к системе взаимодействия информационные системы органов и организаций, обязанных предоставить запрашиваемые государственные (муниципальные) услуги;

б) обеспечение обмена электронными сообщениями между органами и организациями, информационные системы которых подключены к системе взаимодействия, при предоставлении государственных и муниципальных услуг и исполнении государственных и муниципальных функций;

в) обеспечение передачи на единый портал запросов, иных документов и сведений, обработанных в информационных системах органов и организаций, а также информации о ходе выполнения запросов о предоставлении государственных или муниципальных услуг и результатах их предоставления.

В целях исполнения своих функций система взаимодействия обеспечивает:

а) доступ к электронным сервисам информационных систем, подключенных к системе взаимодействия;

б) получение, обработку и доставку электронных сообщений в рамках информационного взаимодействия органов и организаций с обеспечением фиксации времени передачи, целостности и подлинности электронных сообщений, указания их авторства и возможности предоставления сведений, позволяющих про-

следить историю движения электронных сообщений при предоставлении государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных функций в электронной форме;

в) возможность использования централизованных баз данных и классификаторов информационными системами, подключенными к системе взаимодействия;

г) защиту передаваемой информации от несанкционированного доступа, ее искажения или блокирования с момента поступления указанной информации в систему взаимодействия до момента передачи ее в подключенную к системе взаимодействия информационную систему;

д) хранение информации, содержащейся в реестре электронных сервисов информационных систем органов и организаций, подключенных к системе взаимодействия (далее – реестр электронных сервисов), и мониторинг работоспособности электронных сервисов, включенных в данный реестр.

В соответствии со ст. 21 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» единый портал государственных и муниципальных услуг является федеральной государственной информационной системой, обеспечивающей предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме и доступ заявителей к сведениям о государственных и муниципальных услугах, предназначенным для распространения с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и размещенным в государственных и муниципальных информационных системах, обеспечивающих ведение соответственно реестров государственных и муниципальных услуг.

Единый портал государственных и муниципальных услуг обеспечивает возможность информационного обмена с соответствующими информационными системами органов, предоставляющих государственные услуги, в целях предоставления государственных услуг в электронной форме, который осуществляется с применением единой системы межведомственного электронного взаимодействия в порядке, установленном Правительством РФ. Таким образом, можно констатировать, что в стране создана правовая основа для развития межведомственного взаимодействия органов внутренних дел с другими федеральными органами исполнительной власти, обладающими информацией, необходимой для принятия решения о допуске к оружию, а также правомерности владения им.

Более того, ст. 6 Федерального закона «Об организации предоставления государственных

услуг» обязывает органы, предоставляющие государственные услуги, предоставлять в иные органы, предоставляющие государственные услуги, по межведомственным запросам таких органов и организаций документы и информацию, необходимые для предоставления государственных услуг.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в целях повышения уровня безопасного оборота служебного и гражданского оружия, своевременного изъятия оружия из незаконного владения и использования необходимо на основе Системы межведомственного электронного взаимодействия инициировать создание федеральной государственной информационной системы взаимодействия Министерства внутренних дел РФ и Министерства здравоохранения РФ. Взаимодействие должно обеспечить проверку сведений о лицах, претендующих на право владения, использования служебного и гражданского оружия, а также установление системы информирования Министерством здравоохранения РФ Министерства внутренних дел РФ о лицах, владеющих оружием либо допущенных к использованию оружия, в отношении которых возникли обстоятельства, в соответствии с Федеральным законом «Об оружии» исключающие допуск к оружию.

В рамках внутриорганизационного взаимодействия необходимо издать нормативный правовой акт МВД России, устанавливающий для подразделений лицензионно-разрешительной работы органов внутренних дел возможность получения в электронной форме в автоматическом режиме информации в момент ее возникновения в базах данных во внутриведомственных учетах федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» и информационных центров территориальных органов МВД России на региональном уровне на предмет наличия сведений о судимости и (или) факте уголовного преследования, сведений о нахождении в розыске, а также о наличии (отсутствии) сведений о привлечении к административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность или установленный порядок управления, либо в области незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ в отношении владельцев оружия, лиц, имеющих допуск к работе с оружием, т.е. сведения об обстоятельствах, исключающих в соответствии с Федеральным законом «Об оружии» владение оружием либо допуск к его использованию.

**Гусев Алексей Васильевич**

кандидат юридических наук, доцент,  
профессор кафедры криминалистики  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79183534517)

## *Историко-правовые предпосылки формирования экспертно-криминалистической службы полиции России*

В статье анализируются общие историко-правовые условия использования в России специальных знаний при расследовании преступлений. Определены предпосылки формирования в органах внутренних дел России подразделений, комплектуемых лицами, обладающими специальными знаниями. Установлены факторы необходимости дальнейшего совершенствования деятельности экспертно-криминалистических подразделений полиции России.

**Ключевые слова:** криминалистика, специальные знания, уголовное судопроизводство, экспертно-криминалистические подразделения полиции России.

**A.V. Gusev**, Master of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183534517.

### **Historical and legal presuppositions of forming of expert forensic proceedings of Russian police**

The article contains the analysis of common historical and legal conditions of usage of special knowledge in crime investigation in Russia. The presuppositions of organization of subdivisions staffed with people having the special knowledge in Russia's bodies of Internal Affairs are determined. The factors of necessity of further improvement in proceedings of expert forensic subdivisions of Russian police are ascertained.

**Key words:** criminalistics, special knowledge, criminal proceedings, expert forensic subdivisions of Russian police.

**Д**окументально установленным фактом начала использования в России специальных знаний для раскрытия и расследования преступлений следует считать нормы Русской Правды (Пространная редакция, изложенная в Троицком списке), где п. 77 установлено требование осуществления поиска вора по следам преступления [1, с. 18]. По всей вероятности, для осуществления такого поиска приглашались люди, умеющие «читать» следы, например охотники.

Со временем на смену нормам Русской Правды пришли иные правовые документы. Среди этих документов интерес вызывает Соборное уложение 1649 г. В Уложении была установлена ответственность за полную подделку документов, внесение изменений в подлинные документы, постановку подлинных печатей на поддельные документы, а также за изготовление поддельных серебряных и золотых монет [1, с. 121–122]. Уложение не содержит инфор-

мации о том, кто и как должен проверять подлинность документов и монет, однако есть указание на ответственность за такие деяния, что позволяет предположить факт использования для установления данного факта определенных специальных знаний.

В 1699 г. был издан Указ «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения, о подписании крепостей в поместных и вотчинных делах в поместном приказе, а не на Ивановской площади, и о потребном числе свидетелей для крепостных актов». В данном документе уже были определены требования к лицам, которые могли быть привлечены к судопроизводству в качестве специалистов, – дьякам и подьячим приказов.

Начало XVIII в. в России совпало с коренным преобразованием всей правовой системы государства, связанным с реформами Петра I. Так, в Воинском артикуле 1715 г. определялась не



только необходимость обязательного привлечения судьями лекарей к установлению причин смерти человека, но и обязательность оформления лекарем письменного документа, составляемого по результатам проведенного им исследования, который должен был подтверждаться присягой [1, с. 317–318].

Можно предположить, что появление указанных правовых требований является предпосылкой формирования правового института судебно-медицинской экспертизы. О востребованности специальных медицинских знаний для раскрытия и расследования преступлений свидетельствует тот факт, что в 1809 г. Сенат потребовал дополнить Инструкцию о должности медицинских чиновников (1797 г.) Положением об обязательном участии медицинских чиновников в проведении осмотра и освидетельствования мертвых тел, когда причина смерти по внешним признакам неизвестна. Начиная с 1811 г. требования о привлечении медицинских чиновников к проведению осмотра и освидетельствования мертвых тел распространились также и на вольнопрактикующих лекарей [2, с. 119]. В дальнейшем Руководством по следственной части, изданным в 1831 г., была установлена обязанность этих лиц составлять заключение по результатам проведенных ими исследований мертвых тел [2, с. 118–120].

Министерство внутренних дел Российской империи было учреждено в сентябре 1802 г., уже 31 декабря 1803 г. при нем формируется Медицинский департамент. Сотрудники департамента проводили медицинские, химические и иные исследования (например, документов). Следует отметить, что в 1856 г. при Медицинском департаменте Министерства внутренних дел была создана первая лаборатория по проведению микроскопических и микрохимических исследований.

Необходимость привлечения к раскрытию и расследованию преступлений не только врачей, но и иных лиц потребовала определения законодателем правового критерия для этого процесса. Таким критерием, прописанным в ст. 1085 т. XV Свода законов Российской империи (1832 г.), вступившего в силу с 1 января 1835 г., стал факт наличия у лица познаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Данная формулировка правового критерия была настолько удачна, что этот признак, как отмечает Л.В. Головкин, просуществовал в отечественном уголовно-процессуальном судопроизводстве 170 лет, вплоть до вступления в силу УПК РФ

(2002 г.), когда был сформулирован новый правовой критерий – «специальные знания» [3, с. 56].

Положительное влияние на процесс привлечения к судопроизводству лиц, обладающих специальными знаниями, оказали нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г., подготовка которого стала результатом проведенной в России судебной реформы [4]. В этот период появились новые виды исследований: технические, экономические, химические, литературно-художественные, сценические, исторические, предпринимались также попытки разработки психологической и судебно-бухгалтерской экспертизы [5, с. 54–59].

Следует согласиться с мнением Л.М. Исаявой о том, что в Уставе законодатель впервые сформировал основу раздельного использования знаний сведущих лиц непосредственно на проведение экспертизы и участие в следственных действиях в качестве специалистов [6, с. 23]. Однако при этом нельзя не отметить и то, что положение «сведущих лиц» в Уставе фактически сводилось к статусу свидетелей, поэтому в этот период судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права окончательного процессуального закрепления не получила [7, с. 46–47].

Одновременно с развитием судебно-экспертных методов исследования формируются и методы технико-криминалистического обеспечения предварительного расследования. Как отмечает Г.В. Парамонова, «началом внедрения и распространения научно-технических достижений для уголовного судопроизводства можно считать “Руководство для судебных следователей” П.В. Макалинского (1871 год), где уже рекомендовалось использовать орудие измерения, а также моделировать следы ног, то есть делать с них слепки. В дальнейшем, после изобретения фотографии, появилась возможность фиксации следов, исследования документов» [8, с. 23].

Развитие теории и практики собирания материальных следов преступления способствовало расширению исследовательской деятельности в Министерстве внутренних дел. С 1 января 1899 г. при Министерстве внутренних дел начинает функционировать лаборатория под руководством Е.Ф. Буринского, сотрудники которой специализировались на осуществлении микрофотосъемки, цветоделительной фотосъемки, криминалистической фотосъемки, а также применении иных научных методов исследования. В этот же период начинает формироваться отечественная система регистра-

ции преступников. Ее осуществление было возложено на Министерство внутренних дел, где с 29 декабря 1906 г. стали формироваться дактилоскопические учеты лиц, представляющих оперативный интерес.

Положения Устава 1864 г., касающиеся привлечения к уголовному судопроизводству сведущих лиц, номинально действовали до 1922 г. Декретом о суде от 22 октября 1917 г. № 1 допускалось использование судьями действовавших до революции законов в случае, если они не были отменены и не противоречили революционному сознанию. Таким образом, механизм использования сведущих лиц в раскрытии и расследовании преступлений фактически сохранялся до 25 мая 1922 г., когда был принят первый УПК РСФСР, вступивший в силу 1 июня 1922 г., где устанавливалось, что «в случае надобности для участия в осмотре или освидетельствовании приглашаются эксперты» [9, с. 159].

Реформа правоохранительной деятельности, произошедшая после революции, коснулась и органов внутренних дел. Впервые в их структуре были созданы подразделения, осуществляющие технико-криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений на постоянной основе. Датой их образования считается 1 марта 1919 г., когда по решению Коллегии НКВД РСФСР при Центроросыске начал работу кабинет судебной экспертизы. Несмотря на то, что законодатель не делал тогда существенной разницы между процессуальным статусом эксперта и специалиста, сотрудники научно-технических отделов органов милиции фактически исполняли свои обязанности и как эксперты, и как специалисты [10, с. 56].

15 февраля 1923 г. был принят УПК РСФСР, действовавший за небольшими изменениями до принятия УПК РСФСР 1960 г. [11, с. 238]. Характерным для УПК РСФСР 1923 г. был такой подход законодателя к механизму использования специальных познаний, в соответствии с которым осмотры и освидетельствования, проводимые сведущими людьми, рассматривались как начальный этап экспертизы [12, с. 26]. Полагаем, это объяснялось достаточно высокими требованиями, предъявляемыми в области специальных познаний к лицу, приглашенному для содействия следователю. Отмечалось, что приглашенный для участия в осмотре специалист-ученый может оказать следователю существенную помощь в установлении обстоятельств дела [13, с. 10].

При конструировании норм УПК РСФСР 1923 г. подход законодателя к дифференцированию механизма реализации специальных познаний на процесс производства судебной экспертизы и работу специалиста был достаточно условным, однако признаки такого разграничения все же наблюдаются. Следует отметить, что данная дифференциация возможна только с позиции сегодняшнего понимания процессуального статуса специалиста, поскольку тогда законодатель особенно не задавался вопросом о необходимости разграничения процесса производства судебной экспертизы и процесса реализации специальных познаний вне ее. Однако именно в этот период начинает формироваться убеждение в том, что в отличие от иных специалистов работа специалиста-криминалиста объективно обусловлена деятельностью следователя, особенно в тех случаях, когда необходимо применить фотографические методы и средства для регистрации [14, с. 80].

Принятие 27 октября 1960 г. УПК РСФСР ознаменовало собой переход к формированию полноценного правового института судебной экспертизы. Механизм же реализации специальных познаний вне процесса судебной экспертизы до 1966 г. оставался процессуально не регламентированным, что приводило на практике к выполнению экспертами функций специалистов [15, с. 372]. Правовое положение специалиста было определено в ст. 133<sup>1</sup> «Участие специалиста» УПК РСФСР, введенной в действие Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. С этого момента можно говорить о формировании процессуального института специалиста.

Л.М. Исаева отмечает, что «с 1960 г. институт “сведущих лиц” ясно дифференцируется на два направления – оказание содействия в производстве следственных действий и проведение экспертиз. С принятием УПК РФ наблюдается дальнейшее развитие указанных направлений, т.е. специализация» [16, с. 74]. Однако указанное уголовно-процессуальное разделение окончательно оформилось не в 1960 г., а в 1966 г., когда была принята ст. 133<sup>1</sup> «Участие специалиста» УПК РСФСР.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что в период с 1922 по 1960 г. в отечественном уголовном судопроизводстве происходит уточнение процесса использования специальных знаний, который в итоге приобретает признаки самостоятельного процессуального института судебной экспертизы. Несмотря

на развитие процессуального законодательства, в этот период нет четкого правового регулирования деятельности экспертно-криминалистических подразделений милиции. О данном факте, в частности, свидетельствует отсутствие в нормативно-правовых документах, определявших организацию деятельности милиции, каких-либо сведений о таком направлении работы [17; 18; 19].

В последующем законодатель, видимо, понимая необходимость использования сотрудниками милиции в борьбе с преступностью различных научно-технических средств и методов, установил им это право [20]. Однако регламентация данного права, судя по содержанию правовых норм, не касалась вопросов производства судебной экспертизы, что делало достаточно неопределенными функции экспертно-криминалистической службы. Сотрудникам милиции было предоставлено право производить фотосъемку и дактилоскопирование лиц, заключенных под стражу, задержанных по подозрению в совершении преступления либо за бродяжничество и попрошайничество, а также подвергшихся административному аресту за мелкое хулиганство [21].

Впервые на законодательном уровне четкое закрепление в функциях милиции производства судебных экспертиз и проведения научно-технических исследований по материалам оперативно-розыскной деятельности было осуществлено только в 1991 г. [22]. Именно с этого момента можно говорить о том, что на уровне федерального законодательства начинается осуществляться правовая регламентация деятельности экспертно-криминалистических подразделений милиции.

Уточнение деятельности экспертно-криминалистических подразделений милиции произошло после принятия Государственной Думой 22 ноября 2001 г. УПК РФ. Данный федеральный закон не только отнес специалиста и эксперта к категории иных участников уголовного судопроизводства, но и более детально регламентировал их правовой статус. Все это вместе сформировало четкий и понятный порядок реализации специальных познаний в уголовном судопроизводстве России. Вместе с тем, процесс правового регулирования данного направления еще не остановился. Свидетельством этому стало дополнение в 2003 г. ст. 80 УПК РФ нормой, согласно которой специалист

получил право делать заключение, относимое к доказательствам. Кроме того, ст. 80 УПК РФ была дополнена нормой, определяющей возможность дачи специалистом показаний, которые также были отнесены к доказательствам.

Указанные обстоятельства позволяют говорить о том, что в 2003 г., когда были приняты дополнения в ст. 80 УПК РФ, в уголовном судопроизводстве России произошло правовое оформление механизма реализации специальных познаний вне производства судебной экспертизы, обусловленное его четким процессуальным дифференцированием от механизма судебной экспертизы. Таким образом, временной период начиная с 1966 г. по сегодняшний момент можно охарактеризовать как период правового дифференцирования механизма реализации специальных познаний в уголовном судопроизводстве. Существенными признаками этого периода являются: 1) дальнейшее совершенствование института судебной экспертизы; 2) формирование и развитие института специалиста; 3) уточнение направлений процессуальной деятельности специалиста и эксперта; 4) расширение процессуального статуса эксперта и специалиста.

Совершенствование законодательной базы привлечения специальных познаний к производству предварительного расследования способствовало не только уточнению задач и функций экспертно-криминалистических подразделений, но и приданию в 2011 г. этой деятельности статуса одной из основных в работе полиции России. Решение об этом закреплено нормами Федерального закона «О полиции» [23, с. 5].

Перспективной задачей дальнейшего реформирования экспертно-криминалистических подразделений полиции может стать специализация их сотрудников на направлении производства судебных экспертиз и осуществлении внеэкспертной деятельности. Необходимость подобного разграничения уже имеет свое научное обоснование [24, с. 37–43; 25, с. 32–36]. Как представляется, предлагаемый подход создаст условия специализации сотрудников экспертно-криминалистических учреждений по исполнению своих профессиональных обязанностей, что не только снизит риски их возможной некомпетентности, но и будет способствовать повышению производительности труда.

1. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М., 1990.
  2. Страницы истории. Руководство по следственной части // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2010. Вып. 1(33).
  3. Головкин Л.В. Том XV Свода законов и его значение в развитии отечественного уголовного судопроизводства // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11: Право. 2005. № 1.
  4. Горожанкина Д.В. Историко-правовой анализ систематизации уголовно-процессуального законодательства Российской империи первой половины XIX века: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. URL: <http://www.namvd.ru>. (дата обращения: 15.02.2011).
  5. Саушкин С.А., Гришина Е.П. Развитие института экспертизы в Российской империи после принятия судебных уставов 1864 г. // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3.
  6. Исаева Л.М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. М., 2003.
  7. Зайцева Е.А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве. Волгоград, 2006.
  8. Парамонова Г.В. Теория и практика использования специальных познаний в раскрытии и расследовании корыстно-насильственных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.
  9. Врублевский А.Б. Постатейный комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. М., 1923.
  10. Статкус В.Ф. О функциях, правах и обязанностях специалиста в уголовном процессе // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2005. Вып. 3(15).
  11. История отечественного государства и права: в 2 ч. / под ред. И.О. Чистякова. М., 1997. Ч. 2.
  12. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000.
  13. Голунский С.А., Рогинский Г.К. Техника и методика расследования преступлений / под ред. М.С. Строговича. М., 1934. Вып. 4.
  14. Якимов И.Н. Наука раскрытия преступлений (методологический очерк) // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2013. Вып. 1(45).
  15. Франк Л.В. Взаимодействие органов расследования с экспертизой при производстве первоначальных следственных действий // Вопросы криминалистики и судебной
1. Readings on the history of the state and law of the USSR. Pre-October period / ed. by Yu.P. Titov, O.I. Chistyakov. Moscow, 1990.
  2. Pages of history. Manual of Investigations // Bull. of criminalistics / resp. ed. A.G. Filippov. Moscow, 2010. Iss. 1(33).
  3. Golovko L.V. Volume XV of Collection of Laws and its importance in the development of the domestic criminal justice // Bull. of Moscow state university. Ser. 11: Law. 2005. № 1.
  4. Gorozhankina D.V. Historical and legal analysis to systematize the criminal procedural legislation of the Russian Empire of the first half of the XIX century: diss. ... Master of Law. Ekaterinburg, 2006. URL: <http://www.namvd.ru> (date of access: 15.02.2011).
  5. Saushkin S.A., Grishina E.P. Development of institute of expertise in the Russian Empire after the adoption of legal regulations of 1864 // Criminal proceedings. 2007. № 3.
  6. Isaeva L.M. Special knowledge in criminal proceedings. Moscow, 2003.
  7. Zaitseva E.A. Implementation of competitive principles in application of special knowledge in the criminal proceedings. Volgograd, 2006.
  8. Paramonova G.V. Theory and practice of using special knowledge in the detection and investigation of violent crimes selfish: diss. ... Master of Law. St. Petersburg, 2001.
  9. Vrublevsky A.B. Itemized commentary of the Criminal procedure code of the RSFSR. Moscow, 1923.
  10. Statkus V.F. On the functions, rights and responsibilities of the specialist in criminal proceedings // Bull. of criminalistics / resp. ed. A.G. Filippov. Moscow, 2005. Iss. 3(15).
  11. History of domestic state and law: in 2 pt. / ed. by I.O. Chistyakov. Moscow, 1997. Pt. 2.
  12. Makhov V.N. Use of knowledge of experienced people in the investigation of crimes. Moscow, 2000.
  13. Golunsky S.A., Roginsky G.K. Technique and methods of crime investigation / ed. by M.S. Strogovich. Moscow, 1934. Iss. 4.
  14. Yakimov I.N. Science of crime detection (methodological essay) // Bull. of criminalistics / resp. ed. A.G. Filippov. Moscow, 2013. Iss. 1(45).
  15. Frank L.V. Interaction of the investigation bodies with expertise in the production of the original investigation // Questions of criminalistics and forensics: proc. of sci. conf. on the basis of the research of a forensic laboratory at the Tajik State University of V.I. Lenin. Dushanbe, 1962. Coll. 2.
  16. Isayeva L.M. Theoretical basics of using expertise in criminal proceedings // The significance of professor S.A. Golunsky in legal and

экспертизы: материалы науч. конф. на базе науч.-исслед. лаборатории судебной экспертизы при Таджикском государственном университете им. В.И. Ленина. Душанбе, 1962. Сб. 2.

16. Исаева Л.М. Теоретические основы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Значение работ профессора Голунского С.А. в правовом и криминалистическом обеспечении расследования преступлений (к 110-летию со дня рождения): сб. науч. ст. по материалам криминалистических чтений М., 2005.

17. О рабочей милиции: постановление Народного комиссариата по внутренним делам РСФСР от 28 окт. 1917 г.

18. О рабоче-крестьянской милиции: декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета Совета народных комиссаров РСФСР от 10 июня 1920 г.

19. О рабоче-крестьянской милиции: постановление Совета народных комиссаров СССР от 25 апр. 1931 г. № 390. URL: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 09.02.2012).

20. Об утверждении положения о советской милиции: постановление Совета министров СССР от 17 авг. 1962 г. № 901. URL: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 09.02.2012).

21. Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью: указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. URL: <http://www.libussr.ru>. (дата обращения: 09.02.2012).

22. О милиции: закон РФ от 18 апр. 1991 г. URL: <http://www.libussr.ru>. (дата обращения: 09.02.2012).

23. О полиции: федер. закон. М., 2011.

24. Волынский А.Ф., Чегодаев С.С., Ткач В.Ю. Судебно-экспертная и технико-криминалистическая – разные виды деятельности // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2013. Вып. 2(46).

25. Меретуков Г.М., Данильян С.А., Гусев А.В. О разграничении функций экспертно-криминалистических подразделений полиции // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2013. Вып. 2(46).

forensic investigation of crimes provision (the 110th anniversary of his birth): coll. of sci. papers on materials of criminalistics readings. Moscow, 2005.

17. On the workers' militia: resolution of the People's Commissariat for Internal Affairs of the Russian Federation of Oct. 28, 1917.

18. About worker-peasant militia: decree of the Russian Central Executive Committee of the Council of People's Commissars of the RSFSR of June 10, 1920.

19. About worker-peasant militia: resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of Apr. 25, 1931 № 390. URL: <http://www.libussr.ru>. (date of access: 9.02.2012).

20. On approval of the resolution about the Soviet Militia: resolution of the Council of Ministers of the USSR of Aug. 17, 1962 № 901. URL: <http://www.libussr.ru>. (date of access: 09.02.2012).

21. On the main duties and rights of the Soviet militia in maintaining public order and fight against crime: decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 8, 1973. URL: <http://www.libussr.ru> (date of access: 09.02.2012).

22. On militia: law of the Russian Federation of Apr. 18, 1991. URL: <http://www.libussr.ru>. (date of access: 09.02.2012).

23. On Police: fed. law. Moscow, 2011.

24. Volynsky A.F., Chegodaev S.S., Tkach V.Yu. Forensic and technical-forensic as different activities // Bull. of criminalistics / resp. ed. by A.G. Filippov. Moscow, 2013. Iss. 2(46).

25. Meretukov G.M., Danilyan S.A., Gusev A.V. On differentiation of functions of forensic police units // Bull. of criminalistics / resp. ed. A.G. Filippov. Moscow, 2013. Iss. 2(46).

**Джемелинский Виталий Аркадьевич**

кандидат юридических наук, доцент,  
заместитель начальника кафедры административной деятельности  
и организации деятельности ГИБДД  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: ji-jik@list.ru)

## *Актуальные вопросы совершенствования планирования в деятельности участкового уполномоченного полиции*

В статье рассматриваются вопросы организации деятельности участкового уполномоченного полиции. Констатируется, что планирование его деятельности является основой организации его труда. Автор останавливается на основных проблемах планирования, формулирует предложения по совершенствованию планирования работы участкового уполномоченного полиции.

**Ключевые слова:** административная деятельность, участковый уполномоченный полиции, организация труда, планирование, план.

**V.A. Dzhemelinsky**, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ji-jik@list.ru

### **Current issues to improve planning of a district police officer**

In the article questions of the organization of activity of the district police officer are considered. Ascertained, that planning of his activity is the basis of the organization of his work. The author stops on the basic problems of planning, formulates offers on perfection of activity of the district police officer.

**Key words:** administrative activity, district police officer, organization of work, planning, plan.

**И**звестно, что сегодня дальнейшее развитие системы МВД России подчинено изменившейся концепции взаимодействия полиции и общества (об этом, в частности, писали М.М. Соболева, Н.В. Щеголева, Р.Р. Яковлев и др.).

В новой концепции полиция и общество выступают партнерами при решении общих задач: охраны общественного порядка, обеспечения всех видов безопасности и противодействия преступности и правонарушаемости, что требует от полиции нового качества службы. Актуальность изменения подхода к организации своей работы в свете новых требований «партнерской модели», прежде всех служб и подразделений, касается именно участковых уполномоченных полиции (УУП), как службы полиции, наиболее приближенной к населению [1]. В связи с этим особо важными представляются вопросы грамотной организации труда участкового уполномоченного полиции, включающие и планирование их деятельности.

С нашей точки зрения, планирование в деятельности любого должностного лица, в том числе и выполняющего государственные функции, имеет особое значение, т.к. является не

только важной, но и необходимой составной частью правильной организации его труда [2, с. 19]. Анализ исследований в области организации труда участкового уполномоченного полиции показывает, что в процессе выполнения своих функциональных обязанностей до 11,0% от общего бюджета времени городского УУП и до 13,5% – сельского затрачивается на организационные мероприятия, в том числе на планирование своей работы [3, с. 2].

Между тем, данные вопросы еще недостаточно полно исследованы в научной литературе, трудах ученых – административистов и управленцев, отсутствуют качественные практические наработки, систематизирующие правовую основу планирования, объясняющие методику оценки рабочего времени, методику анализа (самоанализа) эффективности планирования и в целом служебной деятельности в течение рабочего дня, недели, месяца, квартала, года.

Отсутствие научно обоснованных рекомендаций по организации деятельности УУП, именно по планированию, приводит к бессистемности в работе. Из-за отсутствия четкого плана, наполненного конкретными заданиями,

отсутствует объективная оценка собственного труда сотрудника. А у руководителя нет возможности объективно оценить работу своих подчиненных.

С психологической точки зрения, сложившаяся ситуация связана с рядом отрицательных последствий. Ведь «отсутствие точных заданий, частое и притом необоснованное их изменение... неправильная оценка труда служащих – все это отрицательно сказывается на психике человека, вызывает раздражение и утомляемость, потерю интереса к работе» [4, с. 58].

Проведенное нами выборочное интервьюирование старших участковых уполномоченных полиции (участковых уполномоченных полиции), повышающих квалификацию по соответствующим программам в Краснодарском университете МВД России, показывает, что участковые уполномоченные полиции, особенно начинающие, нередко не умея планировать, не справляются со всем объемом своих функциональных обязанностей. Это вносит в их деятельность нервозность, неуверенность в своих силах. У некоторых из них складывается убеждение в бесперспективности попыток исполнять все обязанности, причем своевременно и на должном качественном уровне (интервьюированию подверглись 20 старших участковых уполномоченных полиции и 8 участковых уполномоченных полиции из 17 регионов Российской Федерации).

Сегодняшнюю ситуацию с планированием в деятельности УУП сложно назвать благоприятной.

Приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» [5] вопросам планирования деятельности УУП не уделил практически никакого внимания. В частности, планирование упоминается только в п. 17 Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, утвержденного данным приказом, применительно к организационным функциям отделов (отделений, групп) участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России, и лишь как часть их аналитической работы. В п. 83.3 данного Наставления содержится упоминание об особенностях планирования деятельности участкового уполномоченного полиции, на территории обслуживания которого находится образовательное учреждение. Однако какие особенности необходимо учитывать и как составлять план его деятельности, в Наставлении не указано.

Такое отношение к планированию деятельности участкового уполномоченного полиции

представляется неглубоким и не вполне справедливым. А ведь именно на ведомственном уровне должно быть понимание сложности работы участкового уполномоченного полиции, действующего в условиях многофункциональности, неоднородности пространственных, демографических, экономических и социальных условий [6, с. 3, 4].

Необходимость планирования как элемента организации труда участкового уполномоченного полиции обуславливается, прежде всего, многообразием и разносторонностью выполняемых участковым уполномоченным служебных обязанностей. Участковому уполномоченному просто необходимо, рационально организовав свой труд, управлять, изменяя складывающуюся оперативную обстановку.

Какие же принципиальные особенности влияют на планирование в деятельности участкового уполномоченного полиции? Постараемся обозначить наиболее существенные, с нашей точки зрения.

Предметом планирования, как и остальных элементов организации деятельности, является управление служебным временем УУП. Такое управление имеет существенные особенности, касающиеся характерных черт служебной деятельности участкового уполномоченного полиции, видов планов, их формы и порядка составления, а также отражения в планах функций УУП.

Здесь необходимо учитывать и многофункциональность в деятельности участкового уполномоченного полиции, и различие в характере обслуживаемого административного участка (его расположение в городской, сельской зоне, участок – образовательное учреждение). Нужно учесть возможность и целесообразность отрыва УУП от обслуживания административного участка в случаях, предусмотренных п. 2.2 приказа МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции», а также ряд других, не менее важных факторов.

Наставлением по работе участкового уполномоченного полиции и в функциональных обязанностях, которые в виде должностной инструкции каждый УУП подписывает при замещении своей должности, для него предусматривается, что называется, «миллион и одна» обязанность.

Существует мнение, что «практически трудно найти служащего, который бы исполнял функции органа полностью» [4, с. 24]. Но если в иерархии человеческой деятельности, вероятно, нет подобной должности, то в системе ОВД это должность участкового уполномоченного полиции.

Сохранение многофункциональности УУП, несмотря на создание нового Наставления об организации их деятельности, объясняется, на наш взгляд, в основном двумя обстоятельствами. Во-первых, убежденностью некоторых руководителей в том, что данной службе присущи определенные достоинства, среди которых комплексность решения задач, возможность глубокого и всестороннего изучения административного участка и оперативной обстановки. Во-вторых, традиционными взглядами на участкового уполномоченного как на «универсала», способного решать любое количество разнообразных задач.

Однако анализ деятельности УУП показывает, что достоинства многофункциональности мнимы и дезавуируются внутренне присущими ей недостатками. И вот почему: многофункциональность порождает перегруженность, утомление от работы, желание перейти на другую должность, что выражается в так называемой «текучке кадров», которая, в свою очередь, порождает замещение вновь освободившихся должностей УУП еще не вполне профессиональными вновь пришедшими в полицию сотрудниками.

Какие же еще существуют факторы, определяющие особенности планирования рабочего времени УУП? Считаем, что их довольно много. Системному их рассмотрению мешает ситуативность служебной деятельности участковых: в зависимости от складывающейся ситуации, определяемой зачастую оперативной обстановкой, таких особенностей может быть больше или меньше.

Постараемся выделить наиболее типичные из них, не зависящие от оперативной обстановки и сложности обслуживаемого участка.

1. Строгая регламентация деятельности сотрудника полиции наряду с повышенной ответственностью (вплоть до уголовной) за отступление от норм и нарушение прав лиц, участвующих в совместных правоотношениях.

Известно, что сотрудники полиции за противоправные действия и за бездействие, повлекшее наступление общественно опасных последствий, несут повышенную ответственность [7]. Не останавливаясь на анализе законности, обоснованности и рациональности введения в УК РФ правовых норм об уголовной ответственности, необходимо отметить, что данное обстоятельство существенно и определяющим образом влияет на организацию работы УУП.

Приоритет в реализации служебных обязанностей отдается УУП тем из них, невыполнение которых в общей структуре его обязанностей может повлечь большую ответственность.

2. Обязательность соотношения служебного поведения с правилами внутреннего распорядка и нормативными актами, устанавливающими (регламентирующими) должностные обязанности.

Деятельность всех служб полиции довольно подробно регламентирована инструкциями, положениями, регламентами и наставлениями. И, несмотря на то, что обязательные компоненты этой регламентации (сроки, порядок действий и их очередность) не основываются порой на глубоких научных расчетах [8], структура повседневной работы, к примеру, участкового уполномоченного полиции детально определена.

Мы имеем в виду обязательные: утренний инструктаж, длящийся в соответствии с положениями Наставления об организации деятельности участкового уполномоченного полиции не менее 40 минут; «вечерний» отчет о проделанной работе с составлением рапорта; ежечасное уведомление дежурного по ОВД о месте своего нахождения; прием граждан (в рабочие и выходной дни) в строго определенное время и ряд других.

Таким образом, времени на самоорганизацию у УУП практически не остается. Фактически он организует свой рабочий день аналогично сотруднику патрульно-постовой службы полиции [9], перемещаясь по участку, охраняя общественный порядок и занимаясь профилактикой.

С такой позицией ведомственного нормотворца согласиться трудно. Ведь деятельность участкового уполномоченного полиции, применяющего свои полномочия каждый раз по-разному, с учетом тактики и характеристик отдельных лиц, ситуации, жестко регламентировать, скорее всего, невозможно. Создавая временные рамки, мы тем самым затрудняем его в выборе средств и методов деятельности. Ставим перед необходимостью выбора в определении главного или основного в общей структуре деятельности, что бывает в ряде случаев вовсе невозможно. Например, как определить, какая функция, сочетающая в себе соответствующие трудовые операции, основная: посещение по месту жительства лица, в отношении которого судом установлены ограничения, или составление материала об административном правонарушении в рамках проводимой профилактической операции?

Выбор сделать сложно. И УУП зачастую принимает решение, исходя из того, какой отчет о проделанной работе будет благожелательно отмечен руководством.

Этот фактор влияет на самоорганизацию, а следовательно, и на планирование рабочего



(служебного) времени, ставит под сомнение необходимость текущего планирования вообще, что чревато дезорганизацией деятельности, утратой дисциплины труда, формализмом в отчетах, а следовательно, негативным состоянием в области профилактики преступности и правонарушаемости в целом.

3. Планирование является частью (элементом) управленческого цикла, куда, наряду с названным элементом, входят и другие: прогнозирование, организация, координация, регулирование, учет и контроль.

Планирование работы участкового уполномоченного полиции, в том числе и личное планирование, должно сочетаться с другими указанными элементами управленческого цикла.

Так, если мы говорим о прогнозировании (любой план должен быть построен на анализе и прогнозе изменения системы), участковый уполномоченный полиции должен уметь прогнозировать изменения на обслуживаемом административном участке, обладать информацией о наибольшем количественном и качественном состоянии показателей оперативной обстановки. Он должен иметь представление о причинно-следственных связях между текущим состоянием и прогнозируемым состоянием показателей (элементов) оперативной обстановки.

Владеть сведениями о достаточном количестве элементов оперативной обстановки УУП не просто. Однако в силу процессов информатизации сегодня получать такие данные, обрабатывать их и использовать для формирования плана деятельности стало гораздо легче.

4. Организация планирования должна учитывать основные правила составления планов.

4.1. Одно из главных требований, предъявляемое к любому плану работы, – это конкретность. План должен определять основные направления в деятельности участкового уполномоченного и предусматривать наиболее важные вопросы, имеющие значение для успешного выполнения задач по борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка. Планируя свою работу, участковый уполномоченный должен учитывать реальные условия и свои возможности, мероприятия планов должны иметь ясную, четкую формулировку, быть реально выполнимыми, предусматривать конкретные сроки выполнения.

4.2. Личные (текущие) планы работы должны предусматривать необходимый резерв времени для выполнения тех мероприятий, которые заранее предусмотреть невозможно, и содержать мероприятия, выполнение которых в течение рабочего дня обязательно [10, с. 169].

Это требование призвано противодействовать существующей проблеме скептического отношения к личному планированию в системе службы УУП.

Известно, что в основе скептического отношения к планированию личной работы лежит либо привычка к безалаберности и бесконтрольности, либо непонимание сути и важности процесса планирования [11, с. 185]. Между тем, тактические планы должны представлять собой совокупность коллективных и индивидуальных (личных) планов, разрабатываемых на нижних уровнях управления во исполнение стратегического плана субъекта управления.

Нашим исследованием установлено, что целесообразность и возможность планирования личной работы УУП многими практическими работниками берется под сомнение. Доводы простые – динамичность оперативной обстановки, якобы не позволяющая заранее предвидеть характер предстоящей работы и количество времени, необходимого для ее выполнения.

Считаем, что динамичность оперативной обстановки в действительности является лишь фактором, усложняющим процесс личного планирования, но не исключающим его возможность и необходимость. Более того, именно необходимость выполнения внезапно возникающих заданий, появление новых работ, вызванных изменениями в оперативной обстановке, обуславливают потребность заблаговременного планирования основных мероприятий, подлежащих исполнению, определения сроков, времени их реализации. В противном случае содержание рабочего дня, недели, даже месяца для большинства сотрудников будет определяться исключительно лишь количеством поступивших обращений граждан, поручений руководства и другой «текучкой».

4.3. Эффективность любого плана в значительной мере предопределяется внешней формой его выражения.

Форма плана, помимо общей внутренней структуры, отражающей его содержание, включает в себя необходимые реквизиты (совокупность формальных элементов, отсутствие которых лишает документ силы), а также графическое изображение.

Индивидуальный план работы УУП может составляться по определенной форме, где традиционно предусматриваются соответствующие графы (порядковый номер, наименование и содержание планируемых мероприятий, срок их исполнения, исполнители, в том числе ответственные за исполнение (если в качестве таковых выступают представители общественных формирований, помощник участкового

уполномоченного, внештатные сотрудники полиции), отметки об исполнении). Мероприятия должны содержать указания на способ, время и место их выполнения, называть конкретных исполнителей, предполагаемую форму реализации.

4.4. Привязанность плана к конкретному месту и времени. Распределение служебного времени участкового уполномоченного должно производиться в связи и исходя из сложившейся оперативной обстановки на участке и предусмотренных планом мероприятий. Условия работы и характер выполняемых задач требуют, чтобы участковый уполномоченный был на участке в различное время суток – днем, вечером, а иногда и ночью.

Например, по вопросам организации охраны общественного порядка и борьбы с преступностью ему необходимо встречаться в дневное время с руководителями предприятий, учреждений, жилищно-эксплуатационных контор и домоуправлений. Разъяснительную работу среди населения, доклады, беседы, а также большинство мероприятий, связанных с взаимодействием с добровольными народными дружинами и другими силами общественности, участковый уполномоченный проводит в основном в вечернее время. Проверка несения службы нарядами полиции ночной смены, а также сторожами производится в вечернее и ночное время. Таким образом, при распределении рабочего времени не следует допускать однообразия и шаблона. Каждый рабочий день должен организовываться с учетом сложившейся оперативной обстановки.

4.5. Комплексность плана. План должен обязательно включать мероприятия, проводимые по всем направлениям деятельности. Концентрироваться только на одном-двух мероприятиях, даже представляющихся самыми важными, нельзя. Кроме того, если по какому-то направлению работы нет перспектив, его необходимо отложить и заняться другим направлением работы.

Таким образом, мы рассмотрели теоретические основы, порядок и правила составления плана участковым уполномоченным полиции с учетом различных факторов. Сформулировали соответствующие рекомендации.

Полагаем, что в существующее Наставление об организации деятельности УУП обязательно следует внести пункты, связанные как с более подробной организацией выполнения основных форм несения службы, так и с планированием этих форм. В частности, должны найти отражение вопросы, раскрывающие особенности планирования при осуществлении профессиональной деятельности в условиях сельской местности и при наличии на

административном участке образовательного учреждения, особенности планирования при организации приема граждан и отчета перед населением обслуживаемого участка.

В деятельности УУП в качестве основного плана может выступать целевой стратегический план оперативно-профилактической и служебной деятельности, осуществляемой на административном участке. В нем на основе личного прогноза о развитии оперативной обстановки участковый уполномоченный определяет программу деятельности на срок, не превышающий один календарный год.

Для планирования на месяц может применяться тактическое оперативно-календарное планирование. В данном плане на основе стратегического плана на год определяются основные меры по реализации основных показателей деятельности УУП, конкретные меры, действия, соисполнители и сроки.

Рекомендуется вносить в ежемесячный план следующие основные мероприятия: 1) по общей и индивидуальной профилактике преступлений (в том числе и ежедневный профилактический обход); 2) по пресечению, раскрытию преступлений и розыску преступников, скрывающихся от дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, лиц, без вести пропавших; 3) по обеспечению общественного порядка и осуществлению административного надзора за исполнением должностными лицами и гражданами законов, постановлений и решений органов государственного управления; 4) по борьбе с детской безнадзорностью и правонарушениями среди несовершеннолетних; 5) по осуществлению профилактических мероприятий за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, лицами, в отношении которых устанавливается либо уже установлен административный надзор; 6) по обеспечению соблюдения правил паспортно-регистрационной системы и правил проживания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации; 7) по обеспечению соблюдения правил дорожного движения водителями транспортных средств и пешеходами; 8) по надзору за соблюдением правил лицензионно-разрешительной системы; 9) по работе с общественностью, руководству внештатными сотрудниками полиции, а также по проведению разъяснительной работы среди населения.

Весьма эффективно основанное на реализации положений этих двух планов ежедневное личное планирование деятельности участкового уполномоченного полиции, осуществляемое в его рабочей тетради.

В ежедневный план работы участковому уполномоченному целесообразно включать следующие мероприятия: работа по административным правонарушениям либо совершению преступления на его участке (если они имели место), включающая в себя сбор необходимых доказательств; работа по жалобам и заявлениям; инструктаж членов добровольных общественных формирований; проверка

по месту жительства и работы 3–4 профилируемых лиц и беседы с ними; отработка жилого сектора (посещение 8–10 квартир); проверка несения службы патрульными нарядами и сторожевой охраной; проверка лиц, состоящих под административным надзором.

Такой план может включать и иные мероприятия в зависимости от обстановки на каждом конкретном административном участке.

1. Замахина Т. Участковые стали «писателями». Сенаторы обещали законодательную поддержку МВД. (Выступление министра внутренних дел Российской Федерации Владимира Колокольцева на «Правительственном часе») // Рос. газ. Столичный вып. 2013. 31 окт.

2. Аврутин Ю.Е. Текущее планирование, контроль и проверка исполнения в органах внутренних дел. Организация. Методика. Техника: учеб.-метод. пособие. СПб., 1996.

3. Аналитический обзор практики повседневной деятельности участковых уполномоченных милиции и рациональность использования ими рабочего времени. М., 2002.

4. Озолин В.А. Основы научной организации управления органами внутренних дел. Волгоград, 1973.

5. Рос. газ. 2013. 27 марта.

6. Организация деятельности участковых уполномоченных милиции в вопросах и ответах: учеб. пособие. М., 2005.

7. Скобликов П. После принятия поправок в УК РФ милицейская присяга делает службу особо опасной // Огонек. 2010. № 29(5138).

8. Джемелинский В.А., Нежибецкая И.Е., Шарпан М.В., Яковлев В.В. Нормативы штатной численности участковых уполномоченных полиции: метод. рекомендации. Краснодар, 2012.

9. Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции (вместе с «Уставом патрульно-постовой службы полиции»): приказ МВД России от 29 янв. 2008 г. № 80 (в ред. от 24 февр. 2014 г.) // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 27.

10. Булавчик В.Г., Грищенко Т.А., Игошин Н.А. Основы управления в органах внутренних дел: учеб. / под ред. Н.В. Бугель. СПб., 2009.

11. Аврутин Ю.Е., Зубов И.Н. Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспектив развития). СПб., 1998.

1. Zamahina T. District police officers became «writers». Senators promised legislative support of the Ministry of the Interior. (Performance of the Minister of the Interior of the Russian Federation Vladimir Kolokoltsev on «the Governmental hour») // Rus. newsp. Capital release. 2013. Oct. 31.

2. Avrutin Yu.E. Current planning, the control and check of execution over law-enforcement bodies. Organization. Technique. Technics: guidance manual. St. Petersburg, 1996.

3. The State-of-the-art review of practice of daily activity of district militia officers of militia and rationality of use by them of working hours. Moscow, 2002.

4. Ozolin V.A. Bases of the scientific organization of management by law-enforcement bodies. Volgograd, 1973.

5. Rus. newsp. 2013. March, 27.

6. The organization of activity of district militia officers of militia in questions and answers: study aid. Moscow, 2005.

7. Skoblikov P. After acceptance of amendments in the Criminal code of the Russian Federation the militiaman oath does service especially dangerous // Spark. 2010. № 29(5138).

8. Dzhemelinsky V.A., Nezhibetskaya I.E., Sharpan M.V., Yakovlev V.V. Specification of regular number of district militia officers of police: methodical recommendations. Krasnodar, 2012.

9. Questions of the organization of activity of front divisions patrol-sentry duty polices (together with «Charter patrol-sentry duty polices»): order of the Ministry of the Interior of Russia of Jan. 29, 2008 № 80 (in ed. of Febr. 24, 2014 // Bull. of regulations of federal authorities of executive power. 2008. № 27.

10. Bulavchik V.G., Grischenko T.A., Igoshin N.A. Bases of management in law-enforcement bodies: textbook / ed. by N.V. Bugel. St. Petersburg, 2009.

11. Avrutin Yu.E., Zubov I.N. Law-enforcement bodies in government mechanism of the Russian Federation (state-legal and social questions of functioning and prospects of development). St. Petersburg, 1998.

**Петров Владимир Иванович**

кандидат исторических наук,  
доцент кафедры истории и культурологии  
Кубанского государственного университета  
(e-mail: history1380@mail.ru)

**Пилюгина Татьяна Владимировна**

кандидат юридических наук,  
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права  
Кубанского социально-экономического института  
(e-mail: pilyugina\_tv@mail.ru)

## *Организация действий правоохранительных органов по обеспечению правопорядка на территории Краснодарского края – основа стабильного взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом*

В статье рассматривается основная задача координационного совещания по обеспечению правопорядка при администрации губернатора Краснодарского края – совершенствование деятельности по поддержанию правопорядка и отлаженное взаимодействие органов исполнительной власти. Отмечается, что в настоящее время основное внимание уделяется обеспечению взаимодействия полиции с силовыми структурами и органами исполнительной власти.

**Ключевые слова:** общественный правопорядок, Совет безопасности края, прогнозирование ситуации, народные, казачьи добровольные дружины охраны общественного порядка.

**V.I. Petrov**, Master of History, Assistant Professor of the Chair of History and Culturology of the Kuban State University; e-mail: history1380@mail.ru;

**T.V. Pilyugina**, Master of Law, Assistant Professor of the Criminal and Penal Law of the Kuban Social and Economic Institute; e-mail: pilyugina\_tv@mail.ru

### **Organization of law order protection on the territory of Krasnodar region by law enforcement bodies is the basis for sustainable cooperation of public authorities with civil society**

The main objective of the coordination meeting is to improve the activities of law enforcement and smooth interaction of executive authorities of the region with public organizations of the region. Currently the focus is on ensuring police interaction with power structures and bodies of the executive power.

**Key words:** public order, Security council of the region, forecasting situations, folk, Cossack volunteer militias for the protection of public order.

**Н**а протяжении последних полутора десятилетий Россия претерпевает сложный процесс трансформационных изменений, в результате которого в обществе обнажились старые, ранее скрытые и появились новые многочисленные проблемы социального характера. Имевший место социально-экономический кризис повлек за собой углубление процессов социальной деградации российского общества. Небывалый по масштабам процесс социального расслоения и поляризации общества, исчезновение зарожда-

вшегося среднего класса, который мог бы стать гарантом демократических преобразований, национальная и конфессиональная неоднородность населения становятся источником социальных конфликтов, что влечет за собой другие, более опасные процессы криминализации общества. По существу, от того, как обеспечивается безопасность общества, ведется борьба с организованной преступностью, представляющей реальную угрозу общественной безопасности как составной части национальной безопасности, зависит будущее Российского государства [1; 2; 3].

В связи с многосоставным, мультикультурным характером российского общества важен не только общенациональный, но и региональный уровень безопасности, где угрозы безопасности создают серьезное социальное напряжение и ставят под сомнение процесс демократизации и устойчивого развития всей России. Регион Северного Кавказа не исключение.

При администрации губернатора Краснодарского края создано постоянно действующее координационное совещание по обеспечению правопорядка – Совет безопасности. Положение о Совете разработано в соответствии с Конституцией РФ, Указом Президента РФ от 11 декабря 2010 г. № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка», постановлением Правительства РФ от 5 декабря 2005 г. № 725 «О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти». Совещание призвано осуществлять согласованные действия территориальных органов исполнительной власти, расположенных на территории Краснодарского края, и органов местного самоуправления муниципальных образований Краснодарского края по обеспечению правопорядка в пределах края.

Главной задачей постоянно действующего координационного совещания (Совета безопасности) является совершенствование деятельности по поддержанию правопорядка и эффективное взаимодействие органов исполнительной власти края, органов местного самоуправления и муниципальных образований с территориальными федеральными органами исполнительной власти, расположенными на территории Краснодарского края, в сфере обеспечения правопорядка на территории Краснодарского края на основе эффективной информационно-аналитической деятельности. К одной из самых главных задач Совета относится обобщение и анализ информации о состоянии правопорядка на территории края, прогнозирование развития ситуации в этой области, а также всесторонний анализ эффективности деятельности органов МВД России территориальных органов всех федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления по обеспечению правопорядка в нашем крае. Безусловно, большое значение имеет совместная работа, взаимодействие госорганов с институтами гражданского общества и социально ориентирован-

ными некоммерческими объединениями по вопросам обеспечения порядка на территории Краснодарского края. В Положении о Совете безопасности определены широкие права и полномочия координационного совещания. Совет может «подключаться» к координации деятельности правоохранительных органов [4, с. 64]. Так, в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности во время подготовки и проведения публичных и массовых мероприятий, приуроченных к празднованию Дня Весны и Труда, 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, сотрудниками полиции будут приниматься все необходимые меры по организации совокупности мероприятий по предупреждению криминальных ситуаций [5, с. 82].

В настоящее время большое внимание уделено обеспечению взаимодействия полиции с силовыми структурами и органами исполнительной власти по получению и обмену информации о происходящих процессах в целом. Во время проведения праздничных мероприятий традиционно планируется привлечение к обеспечению правопорядка добровольно-народных и казачьих дружин [6, с. 12]. Сотрудниками ГИБДД и ДПС будут обеспечиваться безопасность дорожного движения, профилактика и пресечение правонарушений, в том числе связанных с управлением транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения. С целью антитеррористической безопасности населения сотрудники правоохранительных органов с применением технических средств и служебных собак предварительно обследуют территорию мест проведения массовых мероприятий. Немалое внимание органы уделяют работе с населением. Так, по всем фактам противоправных действий гражданам предлагается незамедлительно обращаться в дежурную часть ОМВД России в районах по «Телефонам доверия» [7, с. 98].

Ежегодно на обеспечение муниципальной ведомственной целевой программы «Безопасный Краснодар» в бюджете города выделялись необходимые средства (27550 тыс. руб. в 2014 г.). Часть из этих средств направляется на установку и обслуживание камер наблюдения, которых на сегодняшний день уже более 600 – стационарных, поворотных, купольных. Благодаря этому сегодня ведется наблюдение более чем за 70 дорожными перекрестками, остановками общественного транспорта, автостанциями г. Краснодара, за автовокзалом, аэропортом и за государственными, муниципальными образовательными учреждениями, администра-

тивными зданиями, парками и скверами, торгово-развлекательными центрами, храмами и т.д. [8, с. 3]. Изображение непрерывно транслируется на экраны единой дежурной диспетчерской службы города в режиме «онлайн». Видеоразрешение камер позволяет установить даже личность человека, попавшего в поле зрения объектива. Информация хранится не менее 21 дня, и сотрудники ОВД активно ее запрашивают. Так, уже выявлено, что в местах, где установлено больше камер, совершается гораздо меньше правонарушений, чем в неконтролируемых местах.

Если говорить о значении профилактики правонарушений, то следует дать высокую оценку Закону «О профилактике правонарушений в Краснодарском крае», который был принят постановлением Законодательного собрания Краснодарского края от 22 октября 2013 г. (в редакции Закона Краснодарского края от 4 февраля 2014 г. № 2879-КЗ). Этот своевременный и важный закон устанавливает общие направления профилактики правонарушений, определяет задачи и принципы профилактики правонарушений на территории нашего края и регулирует отношения, возникающие в процессе осуществления профилактической работы по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности в Краснодарском крае [9, с. 116].

Закон определил основные направления деятельности по вопросам профилактики правонарушений:

- профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- предупреждение преступных посягательств в отношении несовершеннолетних;
- профилактика экстремистской деятельности;
- предупреждение терроризма, в том числе

выявление и последовательное устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов;

- профилактика наркомании;
- профилактика алкоголизма;
- профилактика правонарушений среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, а также лиц, осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы;
- виктимологическая профилактика.

Только в 2014 г. в крае было проведено около 5 тыс. мероприятий с массовым пребыванием граждан, в том числе коммерческих, в которых приняло участие 11 млн человек [10, с. 118]. Для обеспечения общественного порядка задействовались около 180 тыс. сотрудников полиции. При этом нельзя было использовать личный состав с маршрутов патрулирования, административных участков, оставляя тем самым их уязвимыми для преступных посягательств. Безусловно, получая доходы от проведения мероприятий, их организаторы должны выделять денежные средства и на охрану общественного порядка [11, с. 21]. Вполне очевидно, что в таких случаях необходимо возлагать ответственность и на организаторов этих общественных мероприятий.

Одним из приоритетных направлений в 2014 г. являлась задача повышения результативности оперативно-розыскной деятельности. Это было напрямую связано с реализацией главного принципа – обеспечения неотвратимости наказания за совершенное преступление.

Примерами успешной работы по раскрытию особо тяжких преступлений могут служить факты раскрытия различных преступлений в Красноармейском районе, в Армавире, Кропоткине, Анапе, Геленджике и Новороссийске.

1. Пилюгина Т.В. Национальная безопасность на уровне региона: девиантное поведение неформальных молодежных группировок, способствующее развитию преступности // Экономика, право, печать. 2013. № 1–2.

2. Пилюгина Т.В. Обеспечение законности в деятельности правоохранительных органов как критерий эффективной защиты граждан в правовом государстве // Общество и право. 2013. № 1(43). С. 219–222.

3. Пилюгина Т.В., Пилюгин Д.С. Национальная безопасность на уровне региона как фактор снижения напряженности в обществе и формирования толерантности // Рос. следователь. 2012. № 21. С. 37–38.

1. Pilyugina T.V. National security at the regional level: deviant behavior informal youth groups that promote crime // Economics, law, print. 2013. № 1–2.

2. Pilyugina T.V. The rule of law in law enforcement as a criterion for the effective protection of citizens in the state of law // Society and law. 2013. № 1(43). P. 219–222.

3. Pilyugina T.V., Pilyugin D.S. National security at the regional level as a factor in reducing tensions in society and formation of tolerance // Russian investigators. 2012. № 21. P. 37–38.

4. Petrov V.I. On the issue of national security, political and economic integration of Russia into the global space // Criminal policy in the field of

4. Петров В.И. К вопросу о национальной безопасности, политико-экономической интеграции России в мировом пространстве // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.Л. Прохорова. 2013.
5. Петров В.И. Основные тенденции современного терроризма в условиях глобализации // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 24(96). С. 78–82.
6. Петров В.И. К вопросу о политико-экономической интеграции России // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 2. С. 11–13.
7. Петров В.И. Основы обществоведческих и гуманитарных дисциплин в современных условиях. Современный специалист и профессиональные компетенции: методический аспект подготовки: материалы Междунар. науч.-метод. конф. 2013. С. 96–102.
8. Косенко В. Предвидеть – значит предупредить // Краснодарские известия. 2014. 17 апр.
9. Касьянов В.В., Петров В.И. Развитие гражданского общества Краснодарского края как составной части этнорегионального полиэтнического сообщества Юга России // Aspectus. 2014. № 3. С. 114–118.
10. Петров В.И., Федина И.М. Зарождение индустрии гостеприимства в Кубано-Черноморье // Курорты. Сервис. Туризм. 2014. № 3–4(24–25). С. 116–119.
11. Петров В.И. Особенности развития гражданского общества в России (на примере Краснодарского края) // Вестн. Академии знаний. 2014. № 1(8). С. 18–22.
- health security, public morality and other socially important interests: proc. of the II Intern. sci. and pract. conf. / resp. ed. M.L. Prokhorova. 2013.
5. Petrov V.I. Major trends of modern terrorism in the context of globalization // Bull. of the South Ural State University. Ser.: Social sciences and humanities. 2007. № 24(96). P. 78–82.
6. Petrov V.I. On the question of political and economic integration of Russia // Society: politics, economics, law. 2010. № 2. P. 11–13.
7. Petrov V.I. Basics of social science and the humanities in modern conditions // Modern specialist and professional competence: methodological aspects of training: proc. of the Intern. sci. and methodical conf. 2013. P. 96–102.
8. Kosenko V. Anticipate – means to warn // Krasnodar news. 2014. Apr. 17.
9. Kasyanov V.V., Petrov V.I. Development of civil society of Krasnodar Region as part of a multi-ethnic community ethnoregional Southern Russia // Aspectus. 2014. № 3. P. 114–118.
10. Petrov V.I., Fedina I.M. The origin of the hospitality industry in the Kuban-Black Sea. // Resorts. Service. Tourism. 2014. № 3–4(24–25). P. 116–119.
11. Petrov V.I. Features of development of civil society in Russia (on the example of Krasnodar region) // Bull. of the Academy of knowledge. 2014. № 1(8). P. 18–22.

**Ударцев Сергей Юрьевич**

кандидат юридических наук, доцент,  
заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности  
в органах внутренних дел  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: Udarcev78@mail.ru)

## *О методическом обеспечении российского уголовного сыска в XIV–XVII веках*

В статье рассматриваются исторические документы, послужившие основой для методического обеспечения российского уголовного сыска на рубеже XIV–XVII вв. Рекомендации по осуществлению сыскных действий XIV–XVII вв. являются важным условием формирования теоретических основ современных частных методик раскрытия преступлений.

**Ключевые слова:** теория оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскная методика раскрытия преступлений.

**S.Yu. Udartsev**, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of the Chair of Operative and Detective Activity in Law-Enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Udarcev78@mail.ru

### **On methodical ensuring the Russian criminal investigation in XIV–XVII centuries**

In the article the historical documents which formed a basis for methodical ensuring the Russian criminal investigation at a boundary of the XIV–XVII centuries are considered. Recommendations about implementation of detective actions of the XIV–XVII centuries are an important condition of formation of the theoretical bases of modern private techniques of disclosure of crimes.

**Key words:** theory of operational search activity, operational search technique of disclosure of crimes.

**П**роведенные в последние годы исследования, касающиеся проблем оперативно-розыскной методики, пока не сформировали такую ее теоретическую концепцию, которую можно было бы отнести к общепризнанной. Недостаточная научная проработка методологических основ оперативно-розыскной методики порождает у исследователей многочисленные вопросы, связанные с определением основных понятий, характеристикой ее структурно-содержательных элементов, принципами ее построения и практического применения [1, с. 25–28].

Не исследована в достаточной степени проблема содержания частных оперативно-розыскных методик. В теории оперативно-розыскной деятельности сложился подход, согласно которому методические рекомендации по раскрытию преступлений базируются на их оперативно-розыскной характеристике. Она является неотъемлемым элементом разрабатываемых методик. Содержание же методик представляет собой практические советы о том, как необходимо действовать при раскрытии преступлений. Вместе с тем, разрабатываемые рекомендации в настоящее время мало устраивают практику, многие из них остаются

невостребованными в силу неконкретности, оторванности от реальности. Необходимо искать пути повышения эффективности разрабатываемых рекомендаций, стиль их изложения.

Решение этой задачи среди прочего связано и с обращением к истории формирования методик раскрытия преступлений.

Анализ исторических памятников позволяет сделать вывод о том, что одним из первых дошедших до нашего времени документов, содержащих в себе элементы рекомендательного характера по уголовному сыску, является Псковская судная грамота 1397 г. [2] (по некоторым данным – 1467 г.), которая была принята на городском вече по благословию духовенства пяти соборов.

Псковская судная грамота содержит в себе перечень преступлений, за совершение которых предусматривался денежный штраф: убийство, разбой, грабеж, воровство, драка. Однако статьи, устанавливающие ответственность, не имеют четкой структуры и логики. Наиболее серьезным наказанием в соответствии с Псковской судной грамотой являлось денежное наказание, хотя на Руси в те времена применялась и смертная казнь.



Одним из первых Псковскую судную грамоту исследовал И. Энгельман, который отмечал, что, несмотря на то, что следственное судопроизводство является здесь только в зародыше и еще не отделилось от общего порядка судопроизводства, оно уже имеет свой отличительный характер [3, с. 156]. Указанные зародыши следственности, по мнению И. Энгельмана, заключаются: в явке, т.е. объявлении о совершенном преступлении; в обыске в делах о татьбе; в расспросе в делах о бое и грабеже.

Таким образом, в Псковской судной грамоте предусматривалась ответственность за разные виды деяний в зависимости от их характера, а также предписывались наиболее эффективные на тот момент способы уголовного сыска.

К историческим памятникам, представляющим интерес, относятся и специальные грамоты, посылавшиеся в отдельные районы Руси в XVI в., именуемые губными.

Губными указанные грамоты назывались в соответствии с реформой, проводимой на Руси в 30–50-е гг. XVI в., которая утвердила сословно-представительную монархию в стране. Основной задачей реформы являлось укрепление центральных органов власти в стране, что было связано с необходимостью отпора классовой борьбы посадских людей и крестьян, которую именовали «татьбою» и «разбоем». В результате этой реформы в регионах были созданы губные учреждения, которым передавались наиболее важные уголовные дела о «ведомых лихих людях». Изучение губных грамот позволяет определить круг прав и обязанностей губных старост и процедуру организации сыска («обыска») по делам о «ведомых лихих людях».

К одной из первых губных грамот относится «Уставная губная грамота великого князя Ивана Васильевича жителям Вельского стана Важского уезда о выборе голов, старост и лучших людей для сыска разбойников и татей, расправы над ними и составлении списков казенных разбойников и конфискованного у них имущества», датированная 1539/40 г. (далее – Вельская грамота).

Основным инструментом борьбы с «ведомыми разбойниками» и «татами» составители грамоты полагают так называемый «лихованный обыск», т.е. опрос населения. Его результатом было либо оправдание обвиняемого, либо признание его «ведомым лихим человеком». Уникальность Вельской грамоты в том, что она является единственной из известных на сегодняшний день губных грамот, подробно регламентирующей процедуру обыска [4, с. 174–183].

Так, в соответствии с Вельской грамотой предлагалось проводить обыск (опрос): «Да на

кого в обыску скажут игуменов и попов человек пять или шесть или десять по священству, а лутчих людей человек пятьдесят или шестьдесят по крестному цолованью, что тот человек тать или розбойник ведомой, и вы б обыскивали и доветчи на него, да его пытали накрепко и допытався у него, что они розбивают и крадут, да тех бы естя розбойников и татей, бив кнутьем, да казнили смертною казньо...» [5].

Таким образом, для признания «ведомым разбойником» или «татем» были необходимы голоса 5–10 представителей духовенства или 50–60 посадских людей и крестьян. В дальнейшем норма в 50–60 голосов будет подтверждена одной из дополнительных статей к Судебнику 1550 г., являвшейся частью Уставной книги Разбойного приказа 1555–1556 гг., и войдет в Судебник 1589 г., составленный для русского Севера, и даже в так называемый Сводный Судебник начала XVII в. Следовательно, Вельская губная грамота стала не только одним из источников для дальнейшего развития уголовного права в России [4, с. 174–183], но и содержала в себе рекомендации по проведению отдельных процедур организации уголовного сыска на Руси.

Необходимость противодействия кражам и разбоям содержится и в других, более поздних памятниках. Так, в вводной части Уставной губной грамоты Устюжского уезда (4 апреля 1540 г.) дается описание имеющихся в то время озабоченностей центральных властей: «Били естя челом нам о том, что у вас во всех ваших волостех многие села и деревни розбойники розбивают и животы ваши грабят, села и деревни жгут и на дорогах многих людей грабят и розбивают, я убивают многих людей до смерти, и сильные многие люди у вас в волостях разбойников и татей у себя держат, а к иным людям розбойники с розбоем приезжают и розбойною ружлядь к ним привозят» [6].

В середине XVI в. устанавливается ответственность не только за убийства, разбои и кражи, но и за пособничество совершению преступления, укрывательство преступников, скупку похищенного. При этом губные грамоты дифференцируют наказания в зависимости от совершенного деяния. Так, за разбой, в котором задержанный не сознается, полагалось «того человека по обыску старостам посадить в тюрьму на смерть, а животы его отдать исцом вполы исцовых исков» [7]. За совершение одной кражи задержанного велелось «бити кнутьем, а бив кнутьем, дати его на поруки. А не будет поруки, – ино его вкинуть в тюрьму до тех мест, как будет по нем порука» [8]. За совершение двух краж полагалось битие кнутом с последующим отсечением руки, а за совершение трех и более краж – смертная казнь.

В зависимости от совершенного деяния рекомендовалось использовать разные способы уголовного сыска. Например, при совершении разбоя велелось «ставить перед собою с языки с очей а очи» потерпевшего и задержанного – прообраз современного следственного действия «очная ставка». При этом, если задержанный не сознавался в содеянном, старостам предписывалось «про тех людей обыскивати многими людьми», т.е. добывать доказательства путем опроса возможных свидетелей и очевидцев преступления.

Нетрудно заметить, что при осуществлении уголовно-сыскных функций государством принимались меры в зависимости от вида, характера и распространенности преступных действий, что по смыслу схоже с современными представлениями о криминальных ситуациях [9, с. 21].

Источники конца XVI в. сохранили немало свидетельств о нападениях на феодалов: в 1588 г. был убит «разбойниками» конный псарь С. Баскаков, в 1590 г. – новгородцы И. Обутков и Т. Супонев, в 1593 г. – арзамасский помещик М. Хмелевский и др. Определенный интерес представляет наказ о расследовании сына боярского 1593 г. [10], не только прибавляющий к ним новый факт «разбоя», но и содержащий красочное описание уголовного розыска. Сыщикам, посланным в Троице-Сергиев монастырь, вменялось в обязанность выяснить маршрут потерпевшего – Ратая Корсакова, места его ночлегов и остановок, имена попутчиков и т.д. В части, касающейся допроса свидетелей и наложения ареста на имущество убийц, наказ перекликается с губными грамотами XVI в. и уставными книгами Разбойного приказа [11, с. 339–242].

Сыщикам предписывалось «обыскати и сыскати всякими многими людьми сыски накрепко», а «каков Посников сын Ратай рожеем и волосом и приметами, и каково на нем платье было, и для того сыску послан з Григорьем с товарищи Посник Корсаков» [10].

Отдельные положения судебных, судебных грамот, царских указов, думских приговоров и других источников права легли в основу Соборного уложения, принятого на крупнейшем в истории России Земском соборе в 1649 г. Соборное уложение было издано типографским способом тиражом в две тысячи экземпляров, содержало в себе 25 глав, объединяющих около тысячи статей.

По мнению В.А. Томсинова, этот юридический свод выступает, помимо прочего, воплощением характерных для русского общества XVII в. особенностей правового мышления, искусства формулирования новых правовых норм и модификации норм старых, действующих с давних времен, приемов переработки

с целью приспособления к условиям русского общества норм иностранных юридических сборников, навыков группировки и классификации правового материала – одним словом, всего того, что составляет содержание явления, называемого юриспруденцией [12, с. 162].

Представляется, что некоторые черты современных частных методик раскрытия преступлений имеют содержащиеся в Соборном уложении рекомендации проведения уголовного сыска по отдельным видам (группам) деяний. Так, ст. 15 гл. XXI содержит указания по обращению с «ворами»: «Да кто таких воров, изымав, в приказ приведет и в приказе, таких воров роспрашивая, сыскивати про них всякими сыски накрепко, да будет про воровство их сыщется допряма, что они зернью и карты играют, и ходя по улицам воруют, людей режут, и грабят, и шапки срывают, и тем воров чинити указ тот же, как писано выше сего о татех» [13, с. 52]. (Следует отметить, что в ряде статей Соборного уложения термины «вор», «воровство» употребляются в значении, близком к значению терминов «преступник», «преступление» и «преступный». Впоследствии термины «воровство» и «вор» станут употребляться в более узких значениях – их будут применять для обозначения лишь одного конкретного преступления, а именно кражи и соответственно лица, кражу совершившего.)

Соборное уложение содержало рекомендации и по другим видам (группам) преступлений: преступлениям против церкви (совращение православного в другую веру, богохульство, прерывание литургий);

преступлениям против личности (убийство, побои, оскорбления, нанесение увечья);

государственным преступлениям (убийство (или покушение на убийство) царя или члена его семьи, измена, заговор, бунт);

преступлениям против благочиния (незаконная продажа имущества, содержание притонов, недозволенная запись в заклад, укрывательство беглых);

преступлениям против порядка управления (самовольный выезд за границу, неявка ответчика в суд, принесение ложной присяги, дача ложных показаний, незаконное содержание питейных заведений, ложное обвинение, сопротивление приставу, изготовление фальшивых грамот и печатей, самогоноварение);

имущественным преступлениям (разбой, татьба, мошенничество, грабеж, насильственное завладение чужим имуществом, поджог, порча чужого имущества);

должностным преступлениям (воинские преступления, лихоимство, подлоги по службе, неправоудие);

преступлениям против нравственности («блуд» жены, непочитание родителей детьми, половая связь господина с рабой, сводничество).

Соборное уложение стало логическим завершением стремления государственной власти упорядочить действующее на тот момент законодательство, необходимость в кодификации которого была вызвана имевшимися в законах противоречиями. Указанный законо-

дательный памятник был переведен на многие европейские языки и действовал вплоть до 1832 г.

Анализ исторических документов, содержащих предписания по осуществлению сыскных действий в связи с совершением преступлений, является важным условием формирования теоретических основ современных частных методик раскрытия преступлений.

1. Давыдов С.И. Некоторые проблемные вопросы развития теории оперативно-розыскной методики раскрытия преступлений // *Рос. следователь*. 2008. № 8.

2. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984.

3. Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте: рассуждение студ. С.-Петерб. ун-та, Юрид. фак., по юрид. разряду, 4 курса. СПб., 1855.

4. Воробьев А.В., Черкасова М.Г. А которых розбойников или татей где поймаете, доведчи на них, да их казните... Вельская губная грамота: 1539/40 г. // *Исторический архив*. 2011. № 3.

5. Список XVI в. Скоропись // Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260. Оп. 11. Д. 2. Л. 1.

6. Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Ф. 178. 10971. № 2. Л. 1–3.

7. Уставная губная грамота Владимирского уезда (24 сентября 1555 г.) // *Сборник Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина*. Ф. 68. № 6689. Л. 321об.–329об.

8. Уставная губная грамота Переяславль-Рязанского уезда (21 ноября 1555 г.) // *Сборник Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина*. Ф. 68. № 6689. Л. 330–336об.

9. Давыдов С.И. Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Барнаул, 2009.

10. Центральный государственный архив древних актов. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 28. Столпик 1. Л. 45–46.

11. Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Наказ о расследовании убийства сына боярского 1593 г. // *Археографический ежегодник за 1975 г.* М., 1976.

12. Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции // *Правоведение*. 2007. № 1.

13. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961.

1. Davydov S.I. Some problematic issues of development of the theory of an operational search technique of disclosure of crimes // *Russian investigator*. 2008. № 8.

2. Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 1: Legislation of Ancient Russia. Moscow, 1984.

3. Engelman I. A systematic statement of the civil laws containing in the Pskov judgment diploma: reasoning student of St. Petersburg univ., Faculty of Law, legal category, 4 Course. St. Petersburg, 1855.

4. Vorobyov A.V., Cherkasova M.G. And which or taty where you will catch robbers, dovedch on them and execute them.... Velsky lip diploma: 1539/40 // *Historical archive*. 2011. № 3.

5. List of the XVI century. Cursive writing // *State archive of the Vologda region*. F. 1260. Op. 11. D. 2. L. 1.

6. Hand-written department of State USSR library of V.I. Lenin. F. 178. 10971. № 2. L. 1–3.

7. The authorized lip diploma of the Vladimir district (on September 24, 1555) // *Collection of Department of manuscripts of the State library of V.I. Lenin*. F. 68. № 6689. L. 321turn – 329 turn.

8. The authorized lip diploma of the Pereyaslavl-Ryazan district (on November 21, 1555) // *Collection of Department of manuscripts of the State library of V. I. Lenin*. F. 68. № 6689. L. 330–336 turn.

9. Davydov S.I. Situational approach in the theory and practice of operational search activity of law-enforcement bodies. Barnaul, 2009.

10. Central state archive of ancient acts. F. 210. Columns of the Moscow table. № 28. Column 1. L. 45–46.

11. Mordovina S.P., Stanislavsky A.L. Legacy about investigation of murder of the son of seigniorial of 1593 // *Arkheographical year-book for 1975*. Moscow, 1976.

12. Tomsinov V.A. Cathedral code of 1649 as monument of the Russian law // *Jurisprudence*. 2007. № 1.

13. Tikhomirov M.N., Yepifanov P.P. Cathedral code of 1649. Moscow, 1961.

**Вечерникова Дина Васильевна**

адъюнкт кафедры управления деятельностью  
служб обеспечения общественного порядка  
Академии управления МВД России  
(e-mail: dinvech2@yahoo.com)

## *Некоторые аспекты контрольно-надзорной деятельности при инспектировании подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами*

В статье автором рассмотрено понятие контрольно-надзорной деятельности при инспектировании подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами.

**Ключевые слова:** контроль, надзор, юридические лица с особыми уставными задачами.

**D.V. Vechernikova**, Adjunct of the Chair of Management Activities to Ensure Public Order of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: dinvech2@yahoo.com

**Some aspects of the control and supervisory activities, while inspecting the guard units of legal entities with special statutory tasks**

In the article the author considers the approach to the understanding of regulatory activities under the inspection of the guard units of legal entities with special statutory tasks.

**Key words:** control, supervision, legal entities with special statutory tasks.

**В** Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы [1] была отмечена необходимость детализации законодательства Российской Федерации о порядке осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в части установления перечня всех видов государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в законодательных актах. Несмотря на произошедшие позитивные сдвиги в данной сфере (ведется работа по принятию Концепции повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления на 2014–2018 годы), сегодня остаются пока недостаточно четко сформулированными правовые основы разграничения указанной деятельности на контрольную и надзорную.

В специальной литературе отмечается, что стабильность власти напрямую зависит от эффективности государственного контроля (надзора) [2, с. 34]. Именно поэтому государство оставляет за собой право осуществления контроля и надзора с целью обеспечения защиты жизненно важных интересов общества, граждан и юридических лиц. Такая деятельность является правоохранительной [3, с. 429]

и направлена на предупреждение правонарушений, их пресечение, прогнозирование и своевременное выявление причин и условий, способствовавших их наступлению, ликвидацию возникших последствий и принятие восстановительных мер.

Соотношение понятий контроля и надзора является достаточно дискуссионным вопросом в юридической литературе. Это связано с многомерностью понятия контроля. С одной стороны, он представляет организационно-правовой способ обеспечения законности, с другой – является видом управленческой деятельности государственной власти. Соответственно, контроль нуждается в оценке с позиции эффективности, экономичности и результативности деятельности органов исполнительной власти (см., например, Указ Президента РФ от 10 сентября 2012 г. № 1276 «Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности») [4]. В данном случае этот вид контроля будет существенно отличаться от таких видов, как муниципальный, судебный, финансовый, лицензионный, общественный и т.д.

Правовое насыщение, формы и методы контроля зависят от конкретного предметного содержания, области осуществления контрольной деятельности, места органа, осуществляющего контрольные полномочия, в общей системе государственного механизма. Автор согласен с мнением профессора В.Е. Чиркина, что контроль может осуществляться в двух формах: в форме государственного контроля и в форме государственного надзора [5, с. 34]. В настоящее время законодатель не дает отдельных понятий «контроль» и «надзор» [6; 7]. Вместе с тем, необходимость разграничения таких дефиниций отражалась еще в Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах [8]. В данной Концепции надзор рассматривался как деятельность специально уполномоченных государственных органов, а контроль – как функция по проведению испытаний, экспертиз, измерений, переданная аккредитованным в органах исполнительной власти субъектам рынка. Такая трактовка дефиниций, безусловно, не отражала их правовой сущности, но разграничивала их понятия.

В теоретическом «классическом» понимании контроль представляет собой проверку деятельности функционально подчиненного субъекта с правом вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность, отмены решений последнего исходя из эффективности и целесообразности осуществления деятельности, с правом применения к виновным мер дисциплинарной ответственности. Что касается надзора в деятельности государственных органов, надзор сопоставим с административным надзором, где это деятельность в отношении неподчиненных граждан и юридических лиц за соблюдением закрепленных в законодательстве различного рода общеобязательных правил, нормативов, стандартов, технических норм и правил, выявления и пресечения правонарушений с применением мер административного принуждения [3, с. 525–530]. Понимание контроля и надзора в сфере охранной деятельности в последнее время претерпело существенные изменения. Ранее одним из существенных отличий контроля от надзора являлось то, что у надзирающего субъекта отсутствовало право вмешательства в осуществляемую хозяйственную деятельность [9]. В настоящий момент существует не только возможность, но и обязанность проверяющих органов вмешиваться в

организационно-хозяйственную деятельность и привлекать юридические лица и (или) должностных лиц к административной ответственности. Так, согласно ч. 2 ст. 20.8 КоАП РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ за грубое нарушение лицензионных требований и условий производства, продажи, хранения или учета оружия и патронов к нему, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, применяется такая мера административной ответственности, как дисквалификация должностных лиц на срок от шести месяцев до одного года, а также административное приостановление деятельности юридических лиц на срок от десяти до шестидесяти суток; согласно ст. 19.5 КоАП РФ невыполнение в установленный срок законного предписания органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), об устранении нарушений законодательства влечет наложение административного штрафа на юридическое лицо или должностных лиц либо дисквалификацию должностного лица на срок до трех лет [10]. Приостановление деятельности юридического лица как вид административного наказания уже само по себе является вмешательством в организационно-хозяйственную деятельность, т.к. практически парализует определенный участок работ; дисквалификация должностного лица влечет отстранение его от должности и назначение иного лица, что также является вмешательством в организационно-хозяйственную деятельность. Следовательно, одним из критериев отличия административного надзора от контроля является целенаправленное воздействие на проверяемый субъект. К примеру, административный надзор инспекторской комиссии (в состав которой в обязательном порядке включаются представители вневедомственной охраны и подразделений лицензионно-разрешительной работы) за подразделениями охраны юридических лиц с особыми уставными задачами с целью охраны защищаемых интересов общества и государства. Соответственно, целенаправленным воздействием комиссии по инспектированию является недопущение (предупреждение) наступления общественно опасных последствий. Это положение не противоречит ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в которой отражено, что права и свободы могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов дру-

гих лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [11].

По мнению Д.Н. Бахраха, Б.В. Россинского и Ю.Н.Старилова, в зависимости от объема и происходит разделение на, собственно, контроль, в процессе которого осуществляется проверка не только законности, но и целесообразности деятельности подконтрольных объектов, и надзор, при котором проверяется только законность действий [12, с. 744]. Поэтому можно сделать вывод, что на первый план отличительных признаков надзора от контроля выдвигается уже целевое назначение надзора – обеспечение безопасности.

Рассматривая контроль и надзор со стороны управленческой функции, следует обратить внимание на игнорирование законодателем «условных» границ между ними [6; 7]. Вместе с тем, такое положение, во-первых, подтверждает тезис о том, что контрольная функция реализуется в форме надзора, т.е. они соотносятся как часть и целое (надзор представляет «суженный контроль») [3, с. 525–530; 13, с. 18–19], в рассматриваемом сегменте надзор выступает лишь в качестве самостоятельного направления деятельности органов исполнительной власти. Во-вторых, все это свидетельствует об изменившихся правоотношениях между субъектами, осуществляющими определенные виды управленческой деятельности, а соответственно, расширению функций надзора за счет постепенного сужения контроля. Так, в КоАП РФ правонарушения, предусмотренные ст. 19.4 (неповиновение законному распоряжению должностного лица органа, осуществляющего государственный надзор (контроль)), ст. 19.4.1 (воспрепятствование законной деятельности должностного лица органа государственного контроля (надзора)), ст. 19.5 (невыполнение в срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль)), отнесены в Особенной части кодекса к главе «Административные правонарушения против порядка управления» [10]. Таким образом, административный надзор является способом реализации контрольной функции управления, направленной на соблюдение законности и обеспечения безопасности общества. Данный вывод автора подтверждается и мнением А.В. Мартынова, который указывает, что контроль и надзор следует рассматривать как два взаимосвязанных способа реализации контрольной власти [14, с. 270].

В соответствии с п. 25 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [15] и п. 2 Правил инспектирования полицией подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны [16] на полицию возложена обязанность по проведению плановых и внеплановых проверок охранной деятельности вышеуказанных субъектов. Вместе с тем, в законе отсутствует закрепление данного вида деятельности в качестве государственного контроля (надзора) в отличие, например, от пп. 19, 24, 26 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в редакции от 4 февраля 2014 г.) «О полиции» [15], что требует внесения изменений в соответствующий нормативно-правовой акт, т.к. фактически осуществляется деятельность по контролю (надзору).

Рассматривая административную деятельность вневедомственной охраны по инспектированию подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами, автор пришел к выводу, что контроль и надзор – это взаимосвязанные, но различающиеся по своей правовой структуре элементы. Такой вид инспектирования, как инспектирование подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами, представляет собой сложную правовую конструкцию. С одной стороны, это деятельность, реализуемая в форме административного надзора в составе инспекторских комиссий (подразделений вневедомственной охраны, подразделений лицензионно-разрешительной службы) в ходе плановых (внеплановых) проверок на соответствие осуществляемой охранной деятельности обязательным нормативным требованиям, стандартам и правилам в отношении неподчиненных подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами, с правом применения мер административного принуждения. С другой стороны, это внутренняя контрольная деятельность МВД России, направленная на выявление нарушений в работе структурных подразделений полиции, ответственных за данное направление работы с правом применения к виновным лицам мер дисциплинарной ответственности. Например, если при формировании сводного плана проведения МВД России плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на следующий год выявляются факты

ненадлежащего исполнения нормативно установленных требований (например, требований постановления Правительства РФ от 30 июня 2010 г. № 489 «Об утверждении правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [17]), приведшие к отказу в согласовании соответствующих проектов ежегодных планов с территориальными органами прокуратуры, либо отсутствия информации о наличии судимости у действующих работников в ранее проверенных подразделениях охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и т.д. Если данные нарушения повлекли к признанию акта инспектирования по формальным основаниям недействительным, инспекторской комиссией может инициироваться назначение служебной проверки. По результатам данной служебной проверки виновные лица в соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные зако-

дательные акты Российской Федерации» [18], а также Дисциплинарным уставом органов внутренних дел могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности [19]. Таким образом, по мнению автора, инспектирование подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами представляет собой форму контроля и отвечает всем признакам контрольной деятельности: правом привлечения к дисциплинарной ответственности; определения эффективности осуществления инспекторской деятельности на внутриведомственном уровне и т.д.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что вопрос о соотношении в понимании контроля и надзора, об их употреблении в нормотворческой и правоприменительной деятельности остается открытым. В сложившейся ситуации необходима законодательная регламентация и унификация подходов к разграничению и определению понятий контроля и надзора для устранения проблем при осуществлении государственными органами контрольно-надзорной деятельности на федеральном уровне.

1. Распоряжение Правительства РФ от 10 июня 2011 г. № 1021-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc>, 07.04.2014.

2. Хомерики Г.В. Вопросы совершенствования организации государственного контроля за производством и реализацией алкогольной продукции в Российской Федерации: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2001.

3. Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право России: учеб. 4-е изд., пересмотр. и доп. М., 2010.

4. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc>, 03.03.2014.

5. Чиркин В.Е. Контрольная власть. М., 2008.

6. О защите юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 294-ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru>, 08.02.2014.

7. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314. URL: <http://base.consultant.ru>, 02.02.2014.

8. О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 го-

1. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 10, 2011 № 1021-p. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc>, 07.04.2014.

2. Khomeriki G.V. Questions to improve the organization of state control over the production and sale of alcoholic beverages in Russia: diss. ... Dr of Economics. Moscow, 2001.

3. Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Russian administrative law: textbook. 4th ed., rev. and add. Moscow, 2010.

4. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc>, 03.03.2014.

5. Chirkin V.E. Control power. Moscow, 2008.

6. On the protection of legal entities and individual entrepreneurs in the state control (supervision) and municipal control: fed. law of Dec. 26, 2008. № 294-FL URL: <http://base.consultant.ru>, 08.02.2014.

7. On the system and structure of federal bodies of executive power: decree of the President of the Russian Federation of March 9, 2004 № 314. URL: <http://base.consultant.ru>, 02.02.2014.

8. On the Concept of administrative reform in the Russian Federation in 2006–2010: resolution of the Government of the Russian Federation of

- дах: распоряжение Правительства РФ от 25 окт. 2005 г. № 1789-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc>, 07.04.2014.
9. Погодина Н.А., Карелин К.В. Соотношение контроля и надзора в российской правовой системе // *Рос. юстиция*. 2012. № 3.
10. URL: <http://base.consultant.ru>, 08.02.2014.
11. URL: <http://base.consultant.ru>, 12.03.2014.
12. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. *Административное право России: учеб. для вузов*. М., 2005.
13. Студеникина М.С. Государственный контроль и применение административной ответственности как формы государственного регулирования экономическими процессами / *Административно-правовое регулирование в сфере экономики (по материалам пятых «Лазаревских чтений») // Государство и право*. 2001. № 12.
14. Мартынов А.В. Административный надзор как способ осуществления контрольной власти // *Административный надзор*. 2009. № 2.
15. URL: <http://base.garant.ru>, 06.03.2014.
16. Постановление Правительства РФ от 16 апр. 2011 г. № 274. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc>, 07.04.2014.
17. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc>, 07.04.2014.
18. URL: <http://base.consultant.ru>, 02.02.2014.
19. О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 14 окт. 2012 г. № 1377. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc>, 12.04.2014.
- Oct. 25, 2005 № 1789-r. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc>, 07.04.2014.
9. Pogodina N.A., Karelin K.V. *The ratio of control and supervision in the Russian legal system // Russian justice*. 2012. № 3.
10. URL: <http://base.consultant.ru>, 08.02.2014.
11. URL: <http://base.consultant.ru>, 12.03.2014.
12. Bachrach D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. *Russian administrative law: textbook for high schools*. Moscow, 2005.
13. Studenikina M.S. *State control and the use of administrative responsibility as a form of state regulation of economic processes / Administrative and legal regulation of the economy (based on the fifth «Lazarevskye readings») // State and law*. 2001. № 12.
14. Martynov A.V. *Administrative supervision as a way to exercise control authority // Administrative supervision*. 2009. № 2.
15. URL: <http://base.garant.ru>, 06.03.2014.
16. Resolution of the Government of the Russian Federation of Apr. 16, 2011 № 274. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc>, 07.04.2014.
17. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc>, 07.04.2014.
18. URL: <http://base.consultant.ru>, 02.02.2014.
19. *On the Disciplinary code of the bodies of internal affairs of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of Oct. 14, 2012 № 1377*. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc>, 12.04.2014.



**Долгополов Александр Александрович**  
 доктор юридических наук,  
 начальник филиала ВНИИ МВД России  
 по Южному федеральному округу  
 (e-mail: vnii-kk@mail.ru)

## *О некоторых аспектах административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел*

Исследуется процесс формирования комплексных административно-правовых режимов деятельности органов внутренних дел. Обосновывается тезис о необходимости регулирования деятельности органов внутренних дел комплексными административно-правовыми режимами.

**Ключевые слова:** административно-правовой режим, деятельность органов внутренних дел, комплексные административно-правовые режимы, правовая норма.

**A.A. Dolgoplov**, Doctor of Law, Head of the branch of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia across the Southern Federal District; e-mail: vnii-kk@mail.ru

### **About some aspects of administrative and legal regulation of activity of law-enforcement bodies**

Process of formation of complex administrative and legal regimes of activity of law-enforcement bodies is investigated. The thesis about need of regulation of activity of law-enforcement bodies with complex administrative legal regimes is located.

**Key words:** administrative and legal regime, activity of law-enforcement bodies, complex administrative and legal regimes, legal standard.

**П**ри решении задачи эффективной организации деятельности органов внутренних дел государство сталкивается с достаточно большим числом правовых проблем, возникающих на различных этапах их функционирования и обусловленных сложностью организации деятельности органов внутренних дел. К одной из ключевых следует отнести проблему по выстраиванию эффективного правового регулирования, решение которой может быть достигнуто путем формирования совокупности правовых норм в юридические конструкции комплексных административно-правовых режимов, призванных образовать систему регулирующего воздействия на социально значимые аспекты деятельности органов внутренних дел.

Административно-правовые режимы имеют ярко выраженный императивный характер. К такому же мнению пришли ведущие ученые-административисты страны. Так, А.Б. Багандов пишет, что основными характеристиками административно-правового режима, как правило, являются нормативность регулирования отношений, предполагающая неприменимость к регулируемым отношениям принципа «разрешено все, что не запрещено» и проявляющаяся в

установлении дозволений, запретов и предписаний; формализация морально-нравственных норм; установление жесткого информационного режима внутри системы; широкое использование метода административного принуждения; применение особых дисциплинарных санкций; статусное регулирование отношений в управленческой среде; активное использование материальных средств обеспечения [1, с. 69–70]. Д.Н. Бахрах полагает, что в административно-правовом режиме сочетается наличие административно-правовых средств регулирования, императивных методов юридического воздействия, которые выражаются в том, что субъекты правоотношений по своему статусу занимают юридически не равные позиции. Иными словами, методом правового воздействия является управление, основанное на юридическом неравенстве сторон. Соответственно, административно-правовой режим характеризуется административно-правовыми отношениями, которые, кроме общих признаков правоотношений, имеют следующие особенности: обязанности и права сторон этих отношений связаны с исполнительно-распорядительной деятельностью государства, одной из сторон этих отношений, как правило,

является субъект исполнительной власти [2, с. 202]. В.В. Ласточкин отмечает, что административно-правовому режиму присуще такое правовое действие, которое осуществляется на властно-императивных началах и создает тем самым отношения подчинения. Понятие «административно-правовой режим» включает совокупность правовых установлений и необходимых организационных управленческих мероприятий, обеспечивающих порядок реализации отдельными гражданами своих соответствующих прав и обязанностей, а также такой порядок деятельности государственных органов и общественных объединений, который наиболее адекватно отвечает интересам обеспечения безопасности и охраны общественного порядка на данном строго ограниченном участке государственного управления [3, с. 55–56]. И.С. Розанов считает, что административно-правовой режим можно определить как установленную в законодательном порядке совокупность правил деятельности, действий или поведения граждан и юридических лиц, а также порядок реализации ими своих прав в определенных условиях (ситуациях) обеспечения и поддержания суверенитета и обороны государства, интересов безопасности и охраны общественного порядка специально созданными для этих целей службами государственного управления [4, с. 85].

По мнению ряда ученых, правовой режим определяется как официально установленный особый порядок правового регулирования, отражающий совокупность юридических и организационных средств, используемых для закрепления социально-правового состояния объектов воздействия, и направленный на обеспечение их устойчивого функционирования [5, с. 422]. С.С. Маилян отмечает, что сущность управленческих режимов – в особом организационном проявлении объективных закономерностей управления, обеспечивающих достижение его целей, поддержание устойчивого состояния системы управления и протекающих в ней управленческих процессов в условиях открытости систем социального управления и их активного взаимодействия с окружающей средой [6, с. 183].

На наш взгляд, административно-правовой режим по своей сущности представляет собой юридическую конструкцию правовых норм, согласованных по основным направлениям воздействия на регулируемые отношения, объединенных единой правовой целью, логически

связанных между собой, устанавливающих режимные правила, правовые статусы субъектов правоотношений, юридические, организационные, информационные, материально-технические гарантии функционирования правового режима [7], поэтому и комплексные административно-правовые режимы должны в полной мере отвечать этому определению. Комплексные административно-правовые режимы направлены на урегулирование наиболее сложных стадий общественно значимых отношений в определенной сфере государственной деятельности и образуются в целях обеспечения общественной безопасности и эффективного функционирования различных отраслей государственного управления. Образование комплексных административно-правовых режимов деятельности органов внутренних дел обусловлено сложностью и многогранностью предмета правового регулирования, большим количеством факторов, влияющих на содержание взаимосвязанных между собой правоотношений. Отсюда не менее многообразная система юридических средств, необходимых для достижения соответствующей правовой цели. Комплексные административно-правовые режимы объединяют в себе совокупность административно-правовых режимов, регулирующих различные уровни и стадии общественных отношений, а также административно-правовые режимы, регулирующие деятельность органов государственного управления, в том числе и деятельность органов внутренних дел.

Первичной стадией формирования комплексных административно-правовых режимов деятельности органов внутренних дел является издание базовых нормативных правовых актов, которые призваны создавать их правовую основу, а также образовывать нормативно-правовую платформу для построения всей их юридической конструкции. На основе такой правовой платформы должна выстраиваться разветвленная совокупность правовых норм, образующих как отдельные режимы, так и их структурные составляющие элементы. Для эффективного функционирования комплексных административно-правовых режимов должны быть образованы их структурные составляющие – административно-правовые режимы определенных направлений деятельности органов внутренних дел. Например, режим внешнеорганизационной деятельности органов внутренних дел, режим внутриорганизационной деятельности органов внутренних дел, режим

взаимодействия органов внутренних дел с иными субъектами исполнительной власти, режим правового воздействия органов внутренних дел на подконтрольные объекты, а также режимы, регулирующие деятельность объектов управления. В результате образования таких комплексных административно-правовых режимов, согласованных между собой по целям, предмету, способам, формам правового воздействия, создается возможность достижения правопорядка в регулируемой сфере деятельности органов внутренних дел. Соответствующим образом должны выстраиваться правовой статус, компетенция, функции органов внутренних дел и иных субъектов государственного управления, которые должны соответствовать целям, определенным комплексными административно-правовыми режимами.

Следует отметить, что административно-правовые режимы внешней деятельности органов внутренних дел могут иметь необходимую эффективность только при наличии внутриорганизационных административно-правовых режимов их деятельности. Они по своим основным параметрам (правовым статусам субъектов правоотношений, режимным правилам, режимным гарантиям) должны быть согласованы с административно-правовыми режимами внешней деятельности органов внутренних дел. В результате чего образуются соответствующие комплексные административно-правовые режимы. Следовательно, нормативные правовые акты, устанавливающие правовые нормы, которые формируют административно-правовые режимы, должны быть согласованы между собой. В теории права мы не находим такого свойства нормативных правовых актов, как их согласованность с иными нормативными правовыми актами, осуществляющими правовое регулирование однородных общественных отношений. Вместе с тем, исследование принципов построения юридических конструкций административно-правовых режимов показывает, что одним из ключевых свойств нормативных правовых актов, являющихся поставщиками правовых норм в юридические конструкции административно-правовых режимов, должна являться их способность создавать правовые условия для издания иных нормативных актов, формирующих административно-правовые режимы. Этот тезис обусловлен тем, что при отсутствии вышеуказанного свойства нормативный правовой акт, устанавливающий правовые нормы административно-правово-

го режима, не будет способен согласованно работать с другими нормативными правовыми актами, поставляющими правовые нормы в единую юридическую конструкцию. Кроме этого, будет отсутствовать способность административно-правовых режимов быть объединенными в комплексные режимы. В результате согласованности нормативных правовых актов административно-правовой режим, объединяя логически связанные между собой правовые нормы, оказывает регулирующее воздействие на совокупность отношений в определенной сфере деятельности общества точно так же, как и каждая правовая норма оказывает право-регулирующее воздействие на определенные отношения. Другими словами, правовые нормы регулируют отдельные отношения, входящие в круг интересов административно-правового режима, а сам административно-правовой режим регулирует весь спектр правоотношений, обустроив правовое регулирование таким образом, чтобы в результате была бы гарантированно достигнута поставленная правовая цель. Таким образом достигается системность правового регулирования сложных общественных отношений, а также деятельности органов внутренних дел.

Краеугольным принципом в теории режимного правового регулирования является принцип построения и формирования административно-правовых режимов, в том числе комплексных, который заключается в том, что административно-правовой режим следует формировать по принципу юридической конструкции, основными элементами которой являются правовые нормы. Характер правовых норм зависит, прежде всего, от предмета правового регулирования и юридических свойств субъектов и объектов правоотношений. Правовые нормы в юридической конструкции должны располагаться системно, группироваться по основным правовым блокам: режимные правила; правовые статусы субъектов и объектов правоотношений; юридические, организационные, информационные, материально-технические гарантии устойчивого функционирования административно-правового режима. Такой подход к решению задачи формирования административно-правовых режимов позволяет гибко реагировать на те социальные процессы, которые требуют режимного правового регулирования. Кроме этого, указанным способом решается проблема построения комплексных административно-правовых режимов. Кон-

струкционный подход в формировании административно-правовых режимов позволяет обеспечить эффективное построение нормативных правовых актов, образующих режимные правовые нормы, их взаимосвязь между собой, а также прогнозировать правовой эффект режимного правового регулирования.

Одной из основных задач комплексных административно-правовых режимов в системе правового регулирования общественных отношений является гарантированное достижение правовой цели, поставленной правотворческим органом. Для этого в структуре административно-правовых режимов, образующих комплексные режимы, должны быть предусмотрены правила поведения субъектов правоотношений (режимные правила), а также различного рода гарантии их соблюдения. Такое конструирование административно-правовых режимов требует соответствующего комплексного, многоуровневого, многоцелевого построения нормативных правовых актов, которые формируют административно-правовые режимы. В свою очередь, и административно-правовые режимы, регулирующие сложные общественные отношения, должны быть комплексными, многоуровневыми и многоцелевыми. При этом правовое регулирование отношений, обеспечивающих функционирование режимных правил, режимных гарантий, также должно осуществляться посредством административно-правовых режимов. Таким образом выстраивается системное, комплексное, многоуровневое, многоцелевое режимное административно-правовое регулирование. Многоуровневым режимное административно-правовое регулирование является потому, что в формирование правовой основы режимов включаются нормативные правовые акты различных уровней юридической силы, начиная от федеральных законов, заканчивая локальными нормативными актами. Многоцелевой характер режимное административно-правовое регулирование приобретает за счет того, что административно-правовой режим объединяет в себе множество целей правового регулирования. В отношении одного и того же субъекта режимных правоотношений могут иметь место различные цели правового регулирования. Кроме этого, юридическая конструкция административно-правового режима является многоцелевой из-за необходимости обустроить режимное правовое регулирование большинства ее элементов. Для примера рассмотрим праворегулирующее воздействие

административно-правового режима оборота оружия только на один, но обязательный субъект правоотношений – орган внутренних дел. В структуре административно-правового режима оборота оружия орган внутренних дел выступает по отношению к другим субъектам правоотношений в качестве субъекта правоотношений, наделенного властными полномочиями (контролирующими, надзирающими, лицензирующими и др.). Первой целью правового регулирования деятельности органов внутренних дел является выстраивание правовых отношений по поводу реализации задач, возложенных на органы внутренних дел как на организационную гарантию устойчивого функционирования режима. В данном случае создаются правовые условия для осуществления органами внутренних дел правоприменительной деятельности, направленной на реализацию юридических гарантий функционирования административно-правового режима оборота оружия, обеспечение исполнения установленных режимными правилами запретов и ограничений. Другой целью правового регулирования в отношении органа внутренних дел является создание внутриорганизационных правовых условий для функционирования самого органа внутренних дел, для чего следует образовать соответствующий административно-правовой режим. В таком административно-правовом режиме будут присутствовать все его структурные элементы: субъекты правоотношений, их правовые статусы, режимные правила, режимные гарантии. И этот режим будет полноценным административно-правовым режимом, а не подсистемой и не подрежимом, как отмечают некоторые авторы [см., например: 8, с. 260], поскольку только полноценно выстроенный административно-правовой режим способен неуклонно обеспечить достижение поставленной правовой цели. Таким образом, правовое регулирование сложных социальных отношений, в контексте нашего примера – оборота оружия, должно осуществляться комплексным режимом, состоящим из нескольких административно-правовых режимов, регулирующих деятельность субъектов и объектов правоотношений.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы. Комплексные административно-правовые режимы деятельности органов внутренних дел формируются совокупностью административно-правовых режимов, регулирующих различные аспекты их управленческих отношений, являются многоуровневыми и мно-

гоцелевыми. Комплексные административно-правовые режимы деятельности органов внутренних дел, как праворегулирующий инструментарий, должны вырабатываться правотворческими органами с учетом социальных условий в интересах общества. Юридические конструкции комплексных административно-правовых режимов с учетом изменения социальных условий (заключение международных договоров, возникновение государственно важной экономической целесообразности, обострение криминальной обстановки и т.п.), времени, приобретения опыта их применения могут изменяться либо

в сторону усиления, либо в сторону ослабления, а также дорабатываться. Общей целью и главным предназначением комплексных административно-правовых режимов в рассматриваемой сфере общественных отношений является создание надежных правовых основ деятельности органов внутренних дел по обеспечению общественной безопасности посредством детальной нормативно-правовой регламентации процесса их функционирования, выработки соответствующих регламентов, инструкций, установления жесткого контроля за надлежащим поведением субъектов правоотношений.

1. Багандов А.Б. Лицензионное право РФ: теория, законодательство, практика. М., 2004.

2. Бахрах Д.Н. Административное право. М., 1996.

3. Ласточкин В.В. Административно-правовые режимы и охрана Государственной границы. М., 1999.

4. Розанов И.С. Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 9.

5. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право. М., 2004.

6. Маилян С.С. Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью. М., 2002.

7. Долгополов А.А. Сущность режимного административно-правового регулирования // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 18–21.

8. Кондрашев В.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения. М., 1998.

1. Bagandov A.B. License law of the Russian Federation: theory, legislation and practice. Moscow, 2004.

2. Bahrah D.N. Administrative law. Moscow, 1996.

3. Lastochkin V.V. Legal and administrative regimes and the State Border guard. Moscow, 1999.

4. Rozanov I.S. Administrative and legal regimes according to the legislation of the Russian Federation // State and the law. 1996. № 9.

5. Bahrah D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative law. Moscow, 2004.

6. Mailyan S.S. Legal and administrative regimes in the theory of administrative law and practice of public administration of law enforcement. Moscow, 2002.

7. Dolgoplov A.A. The essence of the regime of administrative and legal regulation // Administrative law and procedure. 2012. № 2. P. 18–21.

8. Kondrashev V.P. Public safety and the administrative and legal means to ensure it. Moscow, 1998.

**Жеребцов Алексей Николаевич**

доктор юридических наук, доцент,  
профессор кафедры административной деятельности  
и организации деятельности ГИБДД  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583770)

## *Современные проблемы совершенствования системы и структуры современного административного права*

В статье рассматриваются современные проблемы системы и структуры административного права, предлагаются новые подходы к выделению критериев построения системы административного права и его структурирования, исходя из современных потребностей административно-правового регулирования отношений по осуществлению задач и функций исполнительной власти в Российской Федерации.

**Ключевые слова:** система административного права, структура административного права, право государственного управления, административно-деликтное право, административно-процессуальное право, предмет правового регулирования, институты права, подотрасли права, нормы административного права.

**A.N. Zherebtsov**, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583770.

### **Modern issues of improving the system and structure of modern administrative law**

The article deals with the modern problems of the system and structure of administrative law, offers new approaches to the selection criteria of the system of administrative law construction and its structure, based on contemporary needs administrative-legal regulation of relations for the implementation of the tasks and functions of the executive power in the Russian Federation.

**Key words:** administrative law system, administrative law structure, right of public administration, administrative and tort law, administrative procedure law, subject of legal regulation, institutions of law, law industry, administrative law norms.

**П**роблема системы и структуры административного права длительное время находится в «поле зрения» ученых [1–24], что свидетельствует об актуальности данного вопроса для дальнейшего совершенствования правового регулирования и повышения эффективности деятельности исполнительной власти. В этой связи хотелось бы высказать свое скромное мнение по указанной проблеме в свете той дискуссии, которая имела место на страницах журнала «Административное право и процесс».

Традиционно в отечественной административно-правовой науке предлагается выделять следующие элементы: норма административного права, институты и субинституты административного права, подотрасли административного права. Причем последний из приведенных элементов отдельными учеными не признается. Все эти элементы объединяются в рамках Общей и Особенной частей административного права [25, с. 49–52] (отдельные ученые пред-

лагают выделять еще и Специальную часть административного права) [17, с. 140, 432]. Нам представляется, что сложившаяся дискуссия об элементах системы административного права не имеет в настоящее время принципиального значения, т.к. мы вряд ли найдем различия между институтом и подотраслью права, а их предметный способ выделения дает возможность бесконечному «дроблению» отрасли на большие и малые нормативные комплексы. Малоперспективным является и деление административного права на Общую, Особенную и Специальную части. Следует признать, что в настоящее время данное деление не отвечает потребностям развития административно-правовых отношений. Аргументами в пользу отказа от такой дифференциации норм административного права, по нашему мнению, является, во-первых, то, что нормы так называемой Общей части административного права потому и являются таковыми, что имеют отношение к иным элементам системы административного

права. В этой связи уместно их распределять между обслуживаемыми ими институтами административного права. Во-вторых, соотношение Особенной и Специальной частей отрасли весьма условно. Непонятно, почему Специальная часть охватывает лишь так называемое «полицейское право» и не затрагивает нормы, регулирующие организацию и деятельность иных специальных служб, являющихся федеральными органами исполнительной власти (ФСБ России, СВР России и т.п.). В-третьих, Особенная часть строится по отраслевому и межотраслевому принципам организации государственного управления, что в настоящее время не вполне отвечает сферам деятельности исполнительной власти. Нам представляется, что право государственного управления, как элемент системы административного права, должно иметь отношение ко всем сферам, отраслям и иным видам организации государственного управления, включая специфику отраслевого, межотраслевого и специального государственного управления, а также федеральной и территориальной организации государственного управления. В-четвертых, вопросы административной и дисциплинарной ответственности, а также процессуальные аспекты деятельности исполнительной власти имеют специфику, обусловленную особенностями тех административных правоотношений, которые возникают в процессе функционирования исполнительной власти. Это обстоятельство свидетельствует, что нормы административного процесса, относимые всегда к Общей части, направлены на реализацию регулятивных и охранительных норм Особенной и Специальной частей. Вместе с тем, административно-процессуальное право (понимаемое в широком смысле) не является единым, а дифференцируется, прежде всего, от специфики норм материального административного права, которые оно помогает реализовывать.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости поиска новых решений по вопросу о системе современного административного права.

Представляется, что построение системы современного административного права должно основываться на следующих принципиальных положениях. Во-первых, система административного права неразрывна с его структурой. В теоретической науке отмечается, что «система права – это обусловленное состоянием общественных отношений внутреннее строение права, выражающееся в единстве и согласованности всех действующих правовых норм и их логическом распределении по

отраслям и правовым институтам» [26, с. 117; 27, с. 251]. Внутренняя организация нормативного материала в рамках системы права рассматривается как структура системы права. Т.В. Кашанина пишет: «Право – это сложная система, где каждый ее элемент обособляется в зависимости от функции, им выполняемой в процессе правового регулирования» [6, с. 11]. Приведенный автор, исследуя соотношение «системы» и «структуры», отмечает, что «понятие “структура” включает в себя понятие “система” и является более широким по объему. Это предполагает необходимым в исследовании структуры права одновременно затрагивать и вопросы, касающиеся системы права, т.е. того, какие элементы ее составляют, но, конечно, основной упор при этом делать на характер взаимоотношений между элементами» [6, с. 9]. Подобный подход к пониманию «системы» и «структуры» права представляется обоснованным и с точки зрения философского понимания этих категорий. Так, в философском словаре категория «структура» понимается как «строение и внутренняя форма организации системы, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами, а также законов данных взаимосвязей». В свою очередь, категория «система» понимается как «совокупность элементов, находящихся в отношениях связи между собой и образующих определенную целостность, единство». В Философском энциклопедическом словаре термин «система» определяется как «объединение некоторого разнообразия в единое и четко расчлененное целое, элементы которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места». В свою очередь, «структура» понимается как «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.о. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях». Основными признаками, характеризующими категорию «система», являются, во-первых, внутреннее строение определенного явления как некоего целого; во-вторых, многоэлементность системы; в-третьих, четкое определение места элементов в едином целом. Категория «структура» характеризуется следующим образом: а) совокупность устойчивых связей некоего целого; б) форма организации системы; в) обеспечение тождественности и целостности элементов системы некоему целому.

Приведенные положения позволяют признать, что «система» и «структура» отрасли административного права – тесно взаимосвязанные философские и общетеоретические

правовые категории, раскрывающие внешние и внутренние свойства исследуемого явления. Здесь уместно подчеркнуть различное значение понятий «структура» и «структурность». Последнее есть неотъемлемое свойство системы. В свою очередь, «систематика» и «структурирование» отрасли административного права есть некий процесс организационного построения данной отрасли права. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Т.В. Кашаниной о том, что структура является более широким понятием, чем система, по объему, т.к. она отражает качественно иные свойства явления, чем система. Наиболее утилитарно соотношение этих категорий можно было бы охарактеризовать как то, что система есть «каркас» явления, внутренняя его форма, в то время как структура есть содержательная характеристика явления, выражающая функциональную, практическую составляющую отрасли, отражающая связи между ее элементами.

Во-вторых, следует по-иному взглянуть на критерии систематики и структурирования отрасли российского административного права. Поскольку система и структура административного права являются различными, но, вместе с тем, принципиально взаимосвязанными явлениями, постольку в основе их построения (выделения) лежат совершенно различные критерии. В этой связи дальнейшим развитием системы административного права может выступать именно внутренняя структура данной отрасли права, которая наполняет систему конкретным нормативно-правовым содержанием.

Следует предложить следующие критерии выделения элементов системы административного права: а) статусно-субъектный критерий систематики отрасли, под которым понимается объединение норм административного права, в рамках которого формируется специальный административно-правовой статус лица и механизм его осуществления; б) инструментальный критерий характеризуется совокупностью специфических правовых средств (норм административного права), посредством которых достигается реализация задач и функций исполнительной власти; в) объектный критерий заключается в объединении норм административного права, закрепляющих особенности объекта управленческого воздействия на управляемую подсистему.

Выделенные по указанным критериям элементы системы административного права, объединяющие нормы административного права, могут между собой пересекаться, тем самым дополнять положения и повышать эф-

фективность нормативного обеспечения выделенного элемента, т.е. нормы института, выделенного по статусно-субъектному критерию, могут содержаться в институте, сформированном по объектному или инструментальному критерию. Например, нормы института административно-правового статуса федеральных органов исполнительной власти могут содержаться, кроме указанного института, в институте обеспечения законности в государственном управлении (инструментальный критерий выделения) или институте административно-правового режима чрезвычайного или военного положения (объектный критерий).

Следует отметить, что в системе административного права следует выделять только те элементы, которые могли бы обеспечить адекватное структурирование отрасли и обеспечить цели правового регулирования управленческих отношений. Решить данную задачу можно лишь посредством определения критериев такого структурирования. В этой связи структуру современного административного права, по нашему мнению, следует строить на основе иных, чем система, критериях, к числу которых следует отнести: а) цели административного права (или цель административно-правового регулирования общественных отношений); б) административно-правовую политику; в) административно-правовую теорию; г) предмет административного права как комплекс общественных отношений, возникающих при осуществлении задач и функций исполнительной власти; д) направление управленческого воздействия административно-правовых норм на объекты государственного управления в процессе осуществления административно-публичной деятельности уполномоченных органов [28, с. 51–57; 29, с. 265–271].

В российской и зарубежной административно-правовой науке отмечается, что цель отрасли права неразрывно связана с административно-правовой политикой государства, являясь элементом ее содержания [30, с. 215–217; 31; 32, с. 178]. Китайский ученый-административист Ло Хаоцай обоснованно указывает, что научная теория не может в полной мере решать все вопросы структурной организации отрасли без политического влияния государства («политического регулирования») [32, с. 180–181]. Анализ высказанных идей на цель административного права, как отрасли права [33, с. 234–236; 30, с. 14; 34, с. 46–49; 35, с. 12] позволяет признать, что все отмеченные ученые склонны полагать, что цель административного права двояка. Во-первых, целью этой отрасли



права является формирование нормативных основ эффективного функционирования государственного (административного) управления как вида деятельности государства. Во-вторых, административное право преследует цель защиты и охраны прав и свобод личности, обеспечения их реализации сообразно с общечеловеческими (международно-правовыми) ценностями.

Другим критерием построения структуры административного права является предмет правового регулирования. Данный критерий длительное время был основным признаком, лежащим в основе дифференциации именно системы любой отрасли российского права. Причем важное значение имеет объем предмета правового регулирования, который характеризуется сферой, областью, видом и разновидностью общественных отношений. Для образования структуры отрасли имеет значение содержательная, сущностная сторона общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования.

Содержательный, сущностный аспект предмета правового регулирования административного права как критерия структурирования зависит от того, какова сущность самого государственного управления как социального явления. Дискуссия о широком и узком понимании государственного управления характеризовалась зависимостью от того или иного подхода к определению содержания предмета административного-правового регулирования управленческих отношений. Нам представляется, что современное развитие управленческих отношений, их характер и значение для осуществления основных функций государства позволяют склоняться к концепции широкого понимания предмета административного права. Вполне адекватным представляется подход, в соответствии с которым государственное управление (или административно-публичная деятельность) понимается как урегулированная «нормами административного права деятельность органов исполнительной власти, иных государственных органов, в том числе органов управления, действующих внутри органов законодательной и судебной власти, государственных должностных лиц, исполнительных органов и должностных лиц местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, иных уполномоченных действовать от имени государства или муниципальных образований организаций и физических лиц (административных органов) по осуществлению на основе соответству-

ющих законов и подзаконных нормативных правовых актов в специальных административно-правовых формах и с использованием специальных административно-правовых методов властно-публичного регулирования, охраны и защиты общественных отношений» [36, с. 19]. Представляется, что указанный подход в современных условиях наиболее адекватно отражает содержание предмета административно-правового регулирования управленческих отношений (предмета административного права). Предмет административного права, как критерий построения структуры административного права, выполняет, кроме указанного, еще одно предназначение. Он предопределяет тот объем норм права, который в рамках системы административного права подлежит структурированию.

Следующим выделенным нами критерием структурирования, позволяющим формировать структуру современного административного права, является направление административного воздействия субъекта на объект управления (право, регулирующее внутриорганизационные отношения, и право, регулирующее отношения с субъектами, организационно не подчиненными). Данное обстоятельство следует учитывать не только для структурирования, но и для систематики современного административного права.

Таким образом, основываясь на предложенных критериях построения структуры современного административного права, можно формировать ее содержание, выявлять устойчивые связи элементов данной структуры и системы, которые могут быть использованы для дальнейшего исследования вопросов административного права.

Изложенные нами положения позволяют предложить следующие элементы системы и структуры современного административного права России: а) право государственного управления (администрации); б) право административной юстиции; в) административно-деликтное право и процесс. Данные элементы следует определить как «нормативно-правовую общность». Административно-правовая нормативная общность является условным объединением норм административного права по целевому критерию, т.е. имеет задачу сформировать внутри отрасли права нормативное объединение, отражающее целевое предназначение отрасли, и административно-правовую теоретическую модель последующей систематики и структурирования рассматриваемой отрасли права на институты,

которые делятся по статусно-субъектному, инструментальному и объектному критериям. К сожалению мы не можем раскрыть все элементы системы и структуры административного права, сложившиеся в настоящее время, в

связи с ограниченными возможностями данной статьи, вместе с тем, предложенная концепция наиболее адекватно, по нашему мнению, отражает механизм организации рассматриваемой нами отрасли российского права.

1. Андриевский И.Е. *Полицейское право*. Т. 1: *Полиция безопасности*. Т. 2: *Полиция благосостояния*. СПб., 1871.

2. Берендтас Э.Н. *Опыт системы административного права*. Т. 1: *Обзор истории административного права и истории его литературы*. Ярославль, 1898. Вып. 1.

3. Берцинский С.М. *Программа по курсу советского административного права*. М., 1938.

4. Бунге Н.С. *Полицейское право. Введение и государственное благосостояние*. Киев, 1873.

5. Евтихийев И.И., Власов В.А. *Административное право СССР*. М., 1946.

6. Кашанина Т.В. *Структура права* // *Ленинград. юрид. журнал*. 2011. № 2.

7. Кирилин А.В. *О реформе системы административного права* // *Журнал рос. права*. 2012. № 3.

8. Козлов Ю.М. *Предмет советского административного права*. М., 1967.

9. Кононов П.И. *О систематике российского административного права и законодательства* // *Административное право и процесс*. 2014. № 6.

10. Коренев А.П. *Административное право России: в 3 ч. 3-е изд., с изм. и доп.* М., 2000. Ч. 1.

11. Палибин М.К. *Повторительный курс полицейского права*. 2-е изд. СПб., 1900.

12. Петров Г.И. *Сущность советского административного права*. Л., 1959.

13. Петров Г.И. *О системе курса советского административного права* // *Правоведение*. 1962. № 1.

14. Манохин В.М., Адушкин Ю.С., Багишаев З.А. *Российское административное право: учеб.* М., 1996.

15. Мордухай-Болтовский И.Д. *Разъяснения по вопросам административного права, преподанные по делам Первого общего собрания Правительствующего Сената, восходившим на рассмотрение Консультации, при Министерстве Юстиции учрежденной, за время с июня 1905 г. по июнь 1908 г.* СПб., 1909.

16. Ананов И.Н., Берцинский С.М. *Советское административное право: учеб.* М., 1940.

17. Соловей Ю.П. *Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации*. Омск, 1993.

18. Стариков Ю.Н. *Курс общего административного права: в 3 т. Т. 1: История*. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М., 2002.

1. Andrievsky I.E. *Police law*. Vol. 1: *The security police*. Vol. 2: *The police welfare*. St. Petersburg, 1871.

2. Berendtas E.N. *Experience of administrative law*. Vol. 1: *Review the history of administrative law and the history of its literature*. Yaroslavl, 1898. Vol. 1.

3. Bertsinsky S.M. *The program for the course of the Soviet administrative law*. Moscow, 1938.

4. Bunge N.S. *Police law. Introduction and public welfare*. Kiev, 1873.

5. Evtikhiev I.I., Vlasov V.A. *Administrative law of the USSR*. Moscow, 1946.

6. Kashanina T.V. *The structure of law* // *Leningrad juridical magazine*. 2011. № 2.

7. Kirin A.V. *On the reform of the system of administrative law* // *Magazine of the Russian law*. 2012. № 3.

8. Kozlov Yu.M. *The subject of the Soviet administrative law*. Moscow, 1967.

9. Kononov P.I. *On the systematics of the Russian administrative law and legislation* // *Administrative law and procedure*. 2014. № 6.

10. Korenev A.P. *Administrative law of Russia: in 3 pt. 3rd ed., rev. and add.* Moscow, 2000. Pt. 1.

11. Palibin M.K. *Repeating course of the police law*. 2nd ed. St. Petersburg, 1900.

12. Petrov G.I. *The essence of the Soviet administrative law*. Leningrad, 1959.

13. Petrov G.I. *About the system of the course of the Soviet administrative law* // *Jurisprudence*. 1962. № 1.

14. Manohin V.M., Adushkin Yu.S., Bagishaev Z.A. *Russian administrative law: textbook*. Moscow, 1996.

15. Mordukhai-Boltovsky I.D. *Explanations on administrative law, taught for the first general meeting of the Governing Senate, sunrise to the Consultations established under the Ministry of Justice during June 1905 to June 1908* St. Petersburg, 1909.

16. Ananov I.N., Bertsinsky S.M. *The Soviet administrative law: textbook*. Moscow, 1940.

17. Solovey Yu.P. *Legal regulation of activity of militia in the Russian Federation*. Omsk, 1993.

18. Starilov Yu.N. *Course of general administrative law: in 3 vol. Vol. 1: History. Science. Subject. Standards. Subjects*. Moscow, 2002.

19. Studenikin S.S., Vlasov V.A., Evtikhiev I.I. *The Soviet administrative law*. Moscow, 1950.

20. Tarasov I.T. *Textbook of science of police law*. Moscow, 1891. Vol. 1.

19. Студеникин С.С., Власов В.А., Евтихи-ев И.И. Советское административное право. М., 1950.
20. Тарасов И.Т. Учебник науки полицейского права. М., 1891. Вып. 1.
21. Фатьянов А.А. К вопросу о реформировании системы административного права // Административное право и процесс. 2012. № 11.
22. Шергин А.П. Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. 1994. № 8–9.
23. Шпилевский М. Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса, 1875.
24. Ямпольская Ц.А. О месте административного права в системе советского социалистического права // Сов. государство и право. 1956. № 9.
25. Бахрах Д.Н., Манохин В.М., Павловский Р.С. Административное право и перестройка // Правоведение. 1988. № 6.
26. Чистяков Н.М. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2010.
27. Теория государства и права: учеб. / под ред. Р.А. Ромашова. СПб., 2005.
28. Жеребцов А.Н. Критерии построения системы отраслей публичного права (на примере отрасли российского административного права) // Экономико-правовые аспекты системного социально-экономического обновления России: перспективы посткризисного развития: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2013.
29. Жеребцов А.Н. К вопросу об основаниях структурирования современного российского административного права // Общество и право. 2014. № 2.
30. Чиркин В.Е. Государственное управление. Элементарный курс. М., 2002.
31. Жеребцов А.Н. Правовая политика как источник права // Источники права: II Ежегодная междунар. науч. конф., Москва, 22–25 мая 2007 г. М., 2007.
32. Ло Хаоцай. Очерки современного административного права Китая / под ред. А.А. Демина. М., 2010.
33. Юсупов В.А. Административное право. Философия и общая теория административного права. М., 2012. Т. 1.
34. Галлиган Д., Полянский В.В., Стариков Ю.Н. Административное право: история развития и основные современные концепции. М., 2002.
35. Административное право зарубежных стран: учеб. / под ред. А.Н. Козырина, М.А. Шатиной. М., 2003.
36. Машаров И.М. Административно-публичная деятельность в России. Проблемы правового регулирования. М., 2009.
21. Fatyanov A.A. On the question of reforming the system of administrative law // Administrative law and procedure. 2012. № 11.
22. Shergin A.P. Problems of administrative and tort law // State and law. 1994. № 8–9.
23. Shpilevsky M. Police law as an independent branch of law. Odessa, 1875.
24. Yampolskaya Ts.A. The place of administrative law in the system of the Soviet socialist law // Soviet state and law. 1956. № 9.
25. Bahrah D.N., Manohin V.M., Pavlovsky R.S. Administrative law and restructuring // Jurisprudence. 1988. № 6.
26. Chistyakov N.M. Theory of state and law: study aid. Moscow, 2010.
27. Theory of state and law: textbook / ed. by R.A. Romashov. St. Petersburg, 2005.
28. Zherebtsov A.N. Criteria for the construction of branches of public law (for example, the Russian branch of administrative law) // Economic and legal aspects of the system of social and economic renewal of Russia: prospects of post-crisis development: coll. of papers of the Intern. sci. and pract. conf. Krasnodar, 2013.
29. Zherebtsov A.N. To a question on the grounds of temporary co-structuring of the Russian administrative law // Society and law. 2014. № 2.
30. Chirkin V.E. Public administration. Elementary course. Moscow, 2002.
31. Zherebtsov A.N. Legal policy as a source of law // Sources of law: II Annual Intern. sci. conf., Moscow, May 22–25, 2007. Moscow, 2007.
32. Lo Haotsay. Essays on modern Chinese administrative law / ed. by A.A. Demin. Moscow, 2010.
33. Yusupov V.A. Administrative law. Philosophy and General theory of administrative law. Moscow, 2012. Vol. 1.
34. Galligan D., Polyansky V.V. Starilov Yu.N. Administrative law: history of development and the basic modern concepts. Moscow, 2002.
35. Administrative law of foreign countries: textbook / ed. by A.N. Kozyrin, M.A. Shtatina. Moscow, 2003.
36. Masharov I.M. Administrative and public activity in Russia. Problems of legal regulation. Moscow, 2009.

**Ищенко Станислав Андреевич**

доктор юридических, педагогических наук, профессор,  
профессор кафедры административной деятельности  
и организации деятельности ГИБДД  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: stanislavischenko@yandex.ru)

## *Правовые аспекты коррупции в спортивном движении*

В статье проводится анализ понятия «коррупция». Дается комментарий данного понятия в свете административного и уголовного законодательства Российской Федерации применительно к сфере спорта. Предлагаются некоторые меры борьбы с коррупцией в спортивном движении.

**Ключевые слова:** коррупция, административное право, уголовное право, спортивная коррупция, договорные матчи.

**S.A. Ishchenko**, Doctor of Law, Pedagogics, Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: stanislavischenko@yandex.ru

**Legal aspects of corruption in sports movement**

The article analyzes the concept of «corruption». It is commented according to administrative and criminal legislation of the Russian Federation in the field of sports. There are some ways of solving this problems in sports movement.

**Key words:** corruption, administrative law, criminal law, sports corruption, match-fixing.

**В** условиях реформирования органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации проблема существования коррупции стала одной из наиболее обсуждаемых как в средствах массовой информации, так и на конференциях и научных симпозиумах.

В юридической литературе встречается несколько значений понятия «коррупция». Так, например, «Большой юридический словарь» под редакцией А.Я. Сухарева и В.Е. Крутских дает следующую расшифровку этому понятию: «Коррупция (от лат. *Cozzuptio* – подкуп) – общественно опасное явление в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц. В Российской Федерации коррупция – понятие не уголовно-правовое, а собирательное, оно разделяет правонарушения самого различного вида – от дисциплинарных до уголовно-правовых. Анतिकоррупционными нормами в УК РФ являются в первую очередь нормы о должностных преступлениях: о злоупотреблениях должностными полномочиями (ст. 285), о превышении должностных полномочий (ст. 286), о получении взятки (ст. 290), о служебном подлоге (ст. 292) [1, с. 289].

«Юридическая энциклопедия» под редакцией В.А. Якушина трактует коррупцию как «использование должностными лицами своих служебных полномочий для личного обогащения путем взяточничества или протекционизма; коррупция стала распространенным явлением в странах с высоким уровнем государственного вмешательства в экономику» [2, с. 297].

По мнению отечественных криминологов, к факторам, детерминирующим преступность, в том числе и коррупцию, их содержанию или социальной жизни относятся: правовые; организационно-управленческие; воспитательные; идеологические; другие причины и условия или процессы и явления, вызывающие преступность в этих сферах [2, с. 297].

Мы склонны добавить к этим перечисленным факторам организационно-спортивные – в свете ст. 184 УК РФ, где новым является использование понятия «подкуп» вместо «дача взятки», а также расширение круга субъектов преступления за счет введения термина «спортсмен» и использование весьма широких формулировок при описании деяния [3, с. 197]. Цель данной статьи – охрана порядка проведения профессиональных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов и предупреждение фальсификации их результатов.

На наш взгляд, ст. 184 УК РФ не нашла еще должного рассмотрения учеными-правоведами и требует к себе безусловного внимания.

Согласно пп. 3 и 4 ст. 184 деяние совершается спортсменами, спортивными судьями, тренерами, руководителями команд и другими участниками или организаторами профессиональных спортивных соревнований, т.е. лицами, официально наделенными соответствующим статусом на основе трудового соглашения, гражданско-правового договора или положения о проведении соревнований и выполняющими организационно-распорядительные функции или непосредственно действующими в соревновании.

В последние двадцать лет отечественные ученые в области административного права к числу основных социально-экономических факторов, детерминирующих коррупцию, добавляют вопрос о необходимости научной разработки системы оплаты труда для государственных и муниципальных служащих различных категорий в зависимости от сложности работы, квалификации работника, эффективности его профессиональной (служебной) деятельности.

Другим социально-экономическим фактором существования и воспроизводства коррупции является необеспеченность государственных и муниципальных служащих жильем и другими социальными благами, т.е. их материальная, финансовая и иная социальная необеспеченность со стороны государства и его органов [2, с. 298].

Уголовно наказуемые деяния в спорте, как и в административно-правовом поле, касающиеся спортивных аспектов, все чаще появляются в средствах массовой информации. Это вполне предсказуемо по причине нескольких сторон спортивных организаций и учреждений, имеющих интересы.

Практически во всех странах уголовное право органично соприкасается со спортом, особенно в вопросах коррупции в спорте.

Очень часто имеют место так называемые «договорные матчи», которые по своей сути подрывают саму сущность спортивного и олимпийского движения.

Уголовные преследования, применяемые к преступлениям, связанным с коррупцией в спорте, становятся все более актуальными. Гонорары и призы в спорте с каждым годом увеличиваются, а это говорит об искушении совершать уголовно наказуемые деяния [4, с. 41–44].

Статья 184 УК РФ говорит об уголовной ответственности в спорте. Она касается подкупа участников и организаторов зрелищных коммерческих конкурсов. Согласно данной статье подкуп спортсменов, спортивных судей, трене-

ров, руководителей команд и других участников, организаторов или членов жюри зрелищных коммерческих конкурсов в целях оказания влияния на результаты этих соревнований или на результаты конкурсов наказывается обязательными работами, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев. Те же деяния, но по ч. 2, совершенные неоднократно или организованной группой, наказываются сроком до пяти лет.

Незаконное получение спортсменами денег, ценных бумаг или иного имущества, переданных им в целях оказания влияния на результаты указанных соревнований, а равно незаконное пользование спортсменами услугами имущественного характера, предоставленными им в тех же целях, наказываются штрафом в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до пяти месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев (ч. 3 ст. 184 УК РФ). Похожие санкции предусматривает и ч. 4 ст. 184 УК РФ.

По существу, ст. 184 УК РФ является относительно новой по содержанию защищаемых общественных отношений. Техничко-юридически она построена по образцу ст. 173, 174 УК РСФСР и устанавливает ответственность за специальный случай дачи взятки.

Однако необходимо заметить, что перечень статей УК РФ, которые имеют непосредственное отношение к спорту и спортивным мероприятиям, значительно шире. Так, например, ст. 239 УК РФ «Организация объединения, посягающего на личность и права граждан» имеет самое непосредственное отношение к деятельности некоторых спортивных и военно-спортивных организаций. Эта статья раскрывает сущность «боев без правил», так называемых коммерческих боев, которые часто оканчивались смертью одного из бойцов. Санкции по этой статье наказываются штрафом в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до пяти месяцев либо лишением свободы на срок до трех лет.

Спортивные скандалы, лавиной обрушившиеся в последние годы в международном спортивном движении, подтверждают необходимость применения в рассматриваемой сфере уголовной ответственности за принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения, предусмотренное ст. 179 УК РФ. «Дело в том, что сегодня спорт становится все более

коммерциализированным. Олимпийские принципы, некогда сформированные лишь с целью приобщения человека к физическому и духовному совершенству, стремительно уступают место коммерческому расчету и материальной выгоде, а все, что связано со спортом, превращается в предмет коммерческих сделок. Спортсмены становятся предметом коммерческих контрактов, которые нередко на сегодняшний день совершаются с нарушением закона» [5, с. 423–424]. Так, например, в 2013 г. испанец Гильермо Оласо был дисквалифицирован за нарушение антикоррупционных правил [6].

Для того чтобы снизить стоимость перспективного спортсмена, в процессе заключения с ним контракта прибегают к различным незаконным мерам, чаще всего оказывают давление как на судей, так и на спортсменов. Именно такими противоправными методами, как показывает практика, некоторые спортивные клубы добиваются выгодных контрактов с профессиональными спортсменами или нужных результатов путем давления на спортивных судей. Так, например, на Чемпионате Европы по художественной гимнастике в 2004 г., проходившем в Киеве, «пришлось поволноваться судьям, узнавшим за неделю до старта, что двум их коллегам – живущей в Японии россиянке Наталье Кузминой и израильтянке Эле Самофоновой – телефонные террористы угрожали расправой. Представившись “фан-клубом украинской гимнастики”, они пригрозили: или высокие оценки нашим спортсменкам – или пуля в лоб» [7]. Такие деяния, согласно российскому законодательству, могут быть квалифицированы по ст. 119 УК РФ, предусматривающей ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Несмотря на то, что и Олимпийский комитет России и Всероссийская Федерация по художественной гимнастике сделали все возможное, чтобы обезопасить своих спортсменов (к которым была представлена усиленная охрана), соревнования в такой атмосфере потребовали дополнительных сил [8].

Анализ правоприменительной практики говорит о серьезной криминализации и коррупционной направленности в спорте, особенно в футболе, не только в России, но и за рубежом. Например, «власти Сингапура арестовали 14 человек по подозрению в организации договорных футбольных матчей по всему миру...

В декабре 2013 года итальянские спортивные аналитики SportRadar обнаружили исследования о договорных матчах в европейский футбольных лигах за последние 3,5 года.

На первом месте по футбольной коррупции оказалась Албания, где эксперты

насчитали 97 подставных игр. Далее следовали Италия, Молдавия, Эстония, Греция и Россия» [9].

Необходимо заметить, что в июле 2013 г. Госдума РФ приняла закон, предусматривающей штраф до одного миллиона рублей и тюремные заключения на срок до семи лет для организаторов договорных матчей [10, пп. 1, 2 ст. 26.2].

В Национальной Ассоциации букмекеров России (НАБ) добавляют, что закон необходимо доработать, а именно ту норму закона, в которой идет речь о вызывающих подозрение спортивных соревнованиях. «Факт того, что, например, футбольный матч завершился с неожиданным счетом или выигрывает команда, которая, по мнению большинства, должна была проиграть, сам по себе не может быть свидетельством того, что матч “подозрительный” или “договорной”», говорит глава НАБ Юрий Федоров. По его мнению, для расследования “договорняков” было бы логично создать комиссию при Министерстве спорта, которая объединила бы представителей спортивных федераций, госструктур и экспертов-букмекеров. Эти объединенные силы могли бы избежать ситуаций, когда практически единственным инициатором расследования в таких случаях выступает федерация, курирующая вид спорта, по которому проводился «подозрительный» турнир [11]. И с этим мнением вполне можно согласиться.

Борьба с экономическими и коррупционными преступлениями в спортивном движении, по мнению С.В. Алексеева, «должна вестись в первую очередь на национальных уровнях» [12]. Нам представляется, что подобная борьба должна вестись не только на национальных, но и на межгосударственных уровнях.

Развивая мысль по этому вопросу, необходимо заметить, что в 2007 г. Генеральная прокуратура РФ, МВД России и РСФ (Российский футбольный союз) создали межведомственную рабочую группу по борьбе с противоправными проявлениями в футбольной среде. Данная структура будет расследовать факты применения угроз и насильственных действий в отношении спортсменов, тренеров, арбитров, распространения теневого футбольного бизнеса, подкупа игроков и спортивных судей, неправомерных действий агентов, нарушений в деятельности букмекерских фирм и тотализаторов, а также отмывания денежных средств через футбольные клубы [13].

Если говорить о санкциях, которые предусмотрены в Дисциплинарном регламенте Российского футбольного союза (РФС) в отношении организации договорного матча, то

в нем четко указано, что «организация договорного матча, подтвержденная заключением экспертного совета при президенте РФС по выявлению договорных матчей в футбольных соревнованиях, проводимых под эгидой РФС, наказывается: для физических лиц – штрафом в размере 5000000 (пять миллионов) рублей, дисквалификацией игрока от 1 (одного) года до 2 (двух) лет и/или запретом физическому лицу заниматься деятельностью, связанной с футболом, от 3 (трех) лет до пожизненного срока; для юридических лиц – штрафом в размере 50000000 (пятьдесят миллионов) рублей, снятием очков для клуба в количестве 15 (пятнадцати), и/или лишением завоеванных наград, и/или исключением из числа участников соревнований на текущий сезон, и/или переводом клуба в низший по рангу дивизион» [14, п. 2 ст. 124].

Много лет процветает коррупция в спорте, однако, какие бы меры ни принимались в борьбе с ней, она на спад не идет. Возникает вопрос: почему? Профессор Т. Хабриева, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, считает, что «никакими репрессивными методами победить коррупцию невозможно». Она полагает, что «приоритетным вектором развития государственной антикоррупционной политики должна стать превентивная стратегия борьбы с коррупцией. Устранение административных барьеров, антикоррупционная стандартизация в сфере государственной и муниципальной службы, рационализация системы государственных закупок и так далее» [15].

Поддерживая в целом профессора Т. Хабриеву и основываясь на практических и теоретических исследованиях по коррупции, отметим, что некоторые методики по рассматриваемому вопросу, как правильно было замечено ею, не вполне представляют ясность, а некоторые вызывают сомнения.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что нужна эффективная законодательная база, чтобы победить коррупцию в спорте не только с договорными матчами, но и со взятками и с необоснованными заключениями договоров со спортсменами-профессионалами и т.д.

Известная ст. 20 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., ратифицированной Россией полностью еще 8 марта 2006 г., появилась в связи с позицией делегации одного из государств Южной Америки «по причинам

внутриполитического характера» и, как следствие, «носит диспозитивный характер». По мнению Ирины Яровой, председателя Комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции, «только при условии соблюдения своей Конституции и принципов национальной правовой системы государствам-участникам предлагается определить саму возможность усмотрения в данном вопросе, так как статья 20 не допускает прямой юрисдикции» [16].

Необходимо отметить, что, хотя ст. 20 была ратифицирована Россией вместе с Конвенцией, однако ее не используют. Как показывает практика, правонарушителей и преступников-коррупционеров в России привлекают по статьям уголовного законодательства. В то же время ключевое словосочетание в ст. 20 – «незаконное обогащение» – в системе правовых аспектов может употребляться только тогда, когда преступление, именно как уголовно наказуемое деяние, выявлено и наказано.

Во всех остальных случаях можно говорить в большей части об обогащении неизвестного происхождения, т.е. сомнительных видах имущества.

Лидирующая правовая черта гл. 30 УК РФ позволяет работать почти по всем коррупционным составам: получение взятки, незаконное участие в предпринимательской деятельности, злоупотребление должностными полномочиями, нецелевое расходование бюджетных средств, превышение должностных полномочий. В равной степени это касается и ст. 184 гл. 22 УК РФ.

Учитывая особую правовую и общественную значимость деятельности по противодействию коррупции, мы полагаем целесообразным в ходе организационно-штатных преобразований территориальных учреждений физической культуры и спорта в Российской Федерации образовать в федеральных агентствах спортивной направленности подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Это позволит создать в спортивных структурах единую вертикальную систему работы по профилактике коррупционных и иных нарушений, что обеспечит своевременное выявление коррупциогенных факторов и принятие эффективных профилактических мер, направленных на предупреждение коррупционных правонарушений, и, как следствие, повысит уровень антикоррупционной защищенности деятельности спортивных органов и организаций Российской Федерации.

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
2. Хачатуров Р.Л. Юридическая энциклопедия / под ред. В.А. Якушина. Тольятти, 2004. Т. 3.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под общ. ред. Ю.Н. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996.
4. Глашев А.А., Минаев М.Ю., Чабан Н.Н. Спортивное право. М., 2002.
5. Алексеев С.В. Спортивное право России: учеб. / под ред. П.В. Крашенникова. М., 2005; 2014.
6. Гейм, сет, договорняк // Рос. газ. 2014. 6 июня.
7. Ильченко Д. Кабаева и Чащина: Триумф в Киеве // Спорт-экспресс. 2004. 7 июня.
8. Назарова Т. Золотые грации // Рос. газ. 2004. 7 июня.
9. Палюхович А. Нечестная борьба // Известия. 2013. 23 сент.
10. О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований: федер. закон от 23 июля 2013 г. № 198-ФЗ.
11. Кривошапка Ю. Игры кончились // Рос. газ. 2013. 15 авг.
12. Алексеев С.В. Международное спортивное право: учеб. М., 2008.
13. Ильин И. Генпрокуратура пошла в футбол и будет очищать его от преступности // Рос. газ. 2007. 24 мая.
14. Дисциплинарный регламент Российского футбольного союза, 2009.
15. Куликов В. Взятки на просвет // Рос. газ. 2012. 31 мая.
16. Яровая И. Незаконное обогащение надо доказать // Рос. газ. 2014. 24 дек.
1. Big legal dictionary / ed. by A. Ya. Sukharev, V.E. Krutskikh. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2002.
2. Khachaturov R.L. Legal encyclopedia / ed. by V.A. Yakushin. Togliatti, 2004. Vol. 3.
3. Commentary to the Criminal code of the Russian Federation. Special part / gen. ed. by Yu.N. Skuratov and V.M. Lebedev. Moscow, 1996.
4. Glashev A.A., Minaev M.Yu., Chaban N.N. Sports law. Moscow, 2002.
5. Alekseev S.V. Sports Law in Russia: textbook / ed. by P.V. Krashenninikov. Moscow, 2005; 2014.
6. Game, set, dogovornyak // Rus. newsp. 2014. June 6.
7. Ilchenko D. Kabaeva and Chashina: Triumph in Kyiv // Sports Express. 2004. June 7.
8. Nazarova T. Golden grace // Rus. newsp. 2004. June 7.
9. Palyuhovich A. Unfair fight // Izvestia. 2013. Sept. 23.
10. On amendments to the Federal law «On physical culture and sports in the Russian Federation» and some legislative acts of the Russian Federation in order to prevent the unlawful impact on the results of official sports competitions: fed. law of July 23, 2013 № 198-FL.
11. Krivoshapka Yu. Games ran // Rus. newsp. 2013. Aug. 15.
12. Alekseev S.V. International sports law: textbook. Moscow, 2008.
13. Ilyin I. Prosecutor General's Office went to the football and will cleanse it from crime // Rus. newsp. 2007. May 24.
14. The Disciplinary regulations of the Russian Football Union, 2009.
15. Kulikov V. Bribes clearance // Rus. newsp. 2012. May 31.
16. Yarovaya I. Illicit enrichment is necessary to prove // Rus. newsp. 2014. Dec. 24.



**Хахалева Елена Владимировна**

доктор юридических наук,  
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин  
Северо-Кавказского филиала  
Российского государственного университета правосудия  
(тел.: +78612536104)

## *Некоторые новеллы административного судопроизводства в Российской Федерации*

В статье рассматриваются новеллы административного судопроизводства, связанные с принятием Кодекса административного судопроизводства РФ. К таким новеллам отнесены концептуальные положения кодекса о введении административного искового производства, о сроках производства, о групповых административных исках и т.д.

**Ключевые слова:** административный истец, административный ответчик, административное судопроизводство.

**E.V. Hahaleva**, Doctor of Law, Professor of the Chair of State and Legal Disciplines of the North Caucasian branch of the Russian State University of Justice; tel.: +78612536104.

### **Some novels of administrative proceedings in the Russian Federation**

The article discusses the novels of administrative proceedings related to the adoption of the Administrative procedure code of the Russian Federation. Such novels related conceptual provisions of the code on the introduction of administrative action proceedings, the timing of production, group administrative claims, etc.

**Key words:** administrative plaintiff, defendant, administrative proceedings.

**В** марте 2014 г. принят Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее по тексту – Кодекс) [1]. Он вступает в силу с 15 сентября 2015 г., за исключением отдельных его положений. Безусловно, принятие Кодекса является значительным шагом в упорядочивании правового регулирования административного судопроизводства. На многие вопросы Кодекс дает ответы, созвучные суждениям ученых-теоретиков и сложившейся судебной практике. Рассмотрим некоторые новеллы кодекса.

1. Концепция Кодекса основана на исковом характере административного судопроизводства. Это значит, что законодатель воспринял позицию ученых, настаивавших на введении такой правовой категории, как административный иск.

Научный спор по поводу того, исковой или неисковой характер должно носить административное судопроизводство, сводился к трем позициям.

По мнению ученых первой группы, административное судопроизводство должно быть исковым, но средством защиты по-прежнему должна выступать жалоба, а не исковое заявление [2, с. 9; 3, с. 323]. Надо отметить, что в проекте Кодекса в качестве средства защиты

указывалась жалоба (в исключительных случаях применительно к должностным лицам органов государства и органов местного самоуправления, обращающихся в суд, использовалось заявление как средство защиты) [4].

Вторая группа ученых в принципе отрицала исковой характер спора [5, с. 145; 6, с. 14; 7, с. 188; 8, с. 23–25; 9, с. 153–155].

И наконец, представители третьей группы ученых как в начале прошлого века [10, с. 19; 11, с. 40–44; 12, с. 55], так и в настоящее время [13, с. 211; 14, с. 21–22; 15, с. 281–283; 16, с. 52] полагают, что административный иск может иметь место.

Нам представляется, что отнесение административного судопроизводства к видам исковых производств подкреплено сутью производства. Специфика всех административных дел такова, что их разбирательство требует особых организационно-правовых форм и особой квалификации судей. С учетом того, что сущность этой категории дел состоит в административно-правовом споре, то очевиден исковой характер спора.

Обратим внимание, что современное административное судопроизводство и наличие заявления (жалобы) как его процессуального средства, видимо, обусловлено суждением о

том, что в порядке судебного контроля суды осуществляют в первую очередь проверку законности управленческих действий (бездействия) органа исполнительной власти. Однако, заметим, эта проверка проводится путем разрешения административно-правового спора.

Разрешая спор в порядке искового производства, разве суды фактически не проверяют законность действий субъектов спора, даже если этими субъектами являются физические лица? Безусловно, проверка законности действий (бездействия) органа исполнительной власти или физического лица осуществляется разными способами и средствами, с разных позиций, но суть разногласий, представляемых как спор между лицами, от этого не меняется. Разрешить спор — это значит привести в соответствие с законодательством действия сторон спора, независимо от того, каков характер данного спора. Поэтому в случае рассмотрения и административно-правового (и в целом публично-правового), и частноправового споров проверяется законность действий (бездействия) сторон споров. Значит, при разрешении этих видов споров применимо такое средство защиты, как исковое заявление или административное исковое заявление (ст. 124 Кодекса).

2. Сторонами по делу являются административный истец и административный ответчик.

В качестве административного истца могут выступать те лица, которые считают, что их права и законные интересы нарушены: физические или юридические лица, прокурор, органы, осуществляющие властные полномочия, должностные лица, обратившиеся в суд для реализации возложенных на них контрольных или иных публичных функций (ст. 38 Кодекса).

К числу административных ответчиков относятся органы государства, органы местного самоуправления, их должностные лица, избирательные комиссии, комиссии референдума, иные лица, наделенные властными полномочиями. Так, в настоящее время приняты нормативные правовые акты, согласно которым органы исполнительной власти могут делегировать свои властные полномочия иным субъектам (например, государственным бюджетным учреждениям, многофункциональным центрам). Очевидно, в случае обращения гражданина в суд в порядке административного судопроизводства на действия должностных лиц многофункционального центра административным ответчиком необходимо считать этот центр.

Данный вывод соответствует и позиции Верховного Суда РФ [17].

Статус административного ответчика предполагает наличие властных полномочий у субъекта, за исключением тех случаев, когда административным истцом является должностное лицо надзорного органа, подающее иск к невластному субъекту.

3. К числу новелл и достоинств Кодекса следует отнести возможность предъявления групповых административных исков и наличия нескольких административных ответчиков одновременно (ст. 41 Кодекса). Другими словами, Кодекс допускает процессуальное соучастие.

При этом отдельно в Кодексе обращается внимание на возможность подачи гражданами коллективного административного искового заявления в случае многочисленного числа членов группы и при затруднении разрешения требования индивидуально или группой истцов (при соучастии).

4. Кодекс воспринял практически все подинституты гражданского процесса: оставление заявления без рассмотрения, без движения, возвращение заявления (ст. 129, 130 Кодекса) и др.

Так, ст. 128 Кодекса вводит правило об отказе в принятии административного иска, если, например, это заявление подлежит рассмотрению в порядке уголовного или гражданского судопроизводства или из содержания заявления не следует, что оспариваемым нормативным правовым актом нарушаются (затрагиваются) права, законные интересы административного истца и т.д. Такой отказ препятствует повторному обращению в суд с аналогичным административным иском заявлением, в связи с чем определение судьи об отказе исключает доступ к правосудию. На это определение может быть подана частная жалоба.

5. Одним из достоинств Кодекса необходимо считать возможность электронной подачи административного искового заявления путем заполнения специальной формы в сети «Интернет» (ст. 125 Кодекса), а также электронного оформления документов, являющихся приложением к иску. Аналогичные требования отнесены и к апелляционной, кассационной жалобам. Эти положения Кодекса вводятся в действие с 15 сентября 2016 г. Другими словами, через год после введения Кодекса суды общей юрисдикции перейдут отчасти на электронный документооборот. Это упростит пода-

чу административных исковых заявлений, их рассмотрение, принятие решения.

6. В Кодексе сохраняется возможность подачи административного искового заявления прокурором. И если в ст. 45 ГПК РФ указано, что оно может быть в определенных случаях подано прокурором в защиту прав и законных интересов конкретных лиц, то в ст. 125 Кодекса эта возможность очерчена четкими рамками: в заявлении прокурор должен указать причины, по которым сам гражданин не может подать иск. Это существенная новелла, не позволяющая прокурорам произвольно, без подтверждения соответствующих обстоятельств подавать иски в суд.

7. В Кодексе впервые четко прописана обязанность административного истца, обладающего властными полномочиями (например, должностное лицо надзорного органа), направлять копии иска со всеми материалами, являющимися приложениями к иску, лицам, участвующим в деле. Направление указанных документов должно сопровождаться доказательствами этого действия, которые впоследствии предъявляются суду. Если же административный истец не обладает публичными полномочиями, то направлять заявление с приложенными к нему документами он может, но не обязан. В этом случае суд направит их (документы) самостоятельно.

8. По сравнению с исковым производством в ГПК РФ Кодекс устанавливает 3-дневный срок

для принятия административного искового заявления к производству (ст. 127 Кодекса).

9. В соответствии со ст. 141 Кодекса срок рассмотрения административного дела составляет до 2 месяцев (исключения – дела, рассматриваемые и разрешаемые Верховным Судом РФ, – до 3 месяцев) со дня поступления заявления в суд. В этом правиле нет ничего нового. Новелла состоит в том, что Кодекс предоставляет право председателю суда по сложным категориям дел продлить этот срок, но не более чем на один месяц.

10. Оформление движения административного дела в первой и апелляционной инстанциях детализировано письменным протоколом судебного заседания, включая предварительное судебное заседание, и аудиопроотоколированием. Секретарь судебного заседания должен обеспечить стенографирование, аудио- (непрерывно) и видеопроотоколирование, использование систем видеоконференц-связи. Все эти носители информации приобщаются к протоколу (ст. 204, 206 Кодекса).

Перечисленные выше новеллы Кодекса не являются единственными. Безусловно, их количество велико и отличается многообразием. Подчеркнем, что эти новеллы, несомненно, имеют прогрессивный характер, введение их в действие позволит усовершенствовать административное судопроизводство, сделать его более открытым и доступным.

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 № 21-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

2. Жуйков В.М. Права человека и власть закона. М., 2006.

3. Стариков Ю.Н. Курс общего административного права: в 3 т. М., 2002. Т. 2.

4. URL: [base.consultant.ru](http://base.consultant.ru)

5. Боннер А.Т. Судебная практика по делам, возникающим из административно-правовых отношений // Государство и право. 1992. № 2.

6. Голиченко М.М. Правовая природа участия истца и ответчика в исковом производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

7. Исаenkova O.B., Демичев А.А., Соловьева Т.В., Ткачева Н.Н. Иск в гражданском судопроизводстве. М., 2009.

1. The Administrative procedure code of of the Russian Federation of March 8, 2015 № 21-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2015. № 10. Art. 1391.

2. Zhuykov V.M. Human rights and the power of law. Moscow, 2006.

3. Starilov Yu.N. Course of general administrative law: in 3 vol. Moscow, 2002. Vol. 2.

4. URL: [base.consultant.ru](http://base.consultant.ru)

5. Bonner A.T. Judicial practice in cases arising from administrative relations // State and law. 1992. № 2.

6. Golichenko M.M. Legal nature of the participation of the plaintiff and defendant in adversary proceedings: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2003.

7. Isaenkova O.V., Demichev A.A., Solovieva T.V., Tkacheva N.N. The claim in civil proceedings. Moscow, 2009.

8. Масленников М. Можно ли считать жалобу административным иском // *Рос. юстиция*. 1998. № 5.
9. Салищева Н.Г. *Административный процесс в СССР*. М., 1964.
10. Елистратов А.И. *Административное право: лекции*. М., 1913.
11. Левин Р.Б. К вопросу об административной ответственности // *Сов. государство и право*. 1947. № 6.
12. Полумордвинов Д.И. Закон от 11 апреля 1937 года // *Сов. государство и право*. 1947. № 5.
13. Панова И.В. *Административно-процессуальное право России*. 2-е изд., пересмотр. и доп. М., 2008.
14. Попова Ю.А. *Судопроизводство по делам, возникающим из публично-правовых отношений (теоретические проблемы)*. Краснодар, 2002.
15. Хазанов С.Д. *Кодекс административного судопроизводства: концепция и юридический инструментарий // Теория и практика административного права и процесса: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора В.Д. Сорокина, пос. Небуг, 13–14 окт. 2006 г. / отв. ред. В.В. Денисенко, А.Г. Эртель*. Краснодар, 2006.
16. Хаманева Н.Ю., Салищева Н.Г. *Административная юстиция и административное судопроизводство в Российской Федерации*. М., 2001.
17. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февр. 2009 г. № 2 // *Бюл. Верховного Суда РФ*. 2009. № 4.
8. Maslennikov M. *Can we consider complaint as administrative claim // Rus. justice*. 1998. № 5.
9. Salishcheva N.G. *The administrative process in the Soviet Union*. Moscow, 1964.
10. Yelistratov A.I. *Administrative law: lectures*. Moscow, 1913.
11. Levin R.B. *On the question of administrative liability // Soviet state and law*. 1947. № 6.
12. Polumordvinov D.I. *Act of April 11, 1937 // Soviet state and law*. 1947. № 5.
13. Panova I.V. *Administrative procedural law of Russia*. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2008.
14. Popova Yu.A. *Legal proceedings in cases arising from public relations (theoretical problems)*. Krasnodar, 2002.
15. Khazanov S.D. *The Code of administrative procedure: the concept and the legal instruments // Theory and practice of administrative law and procedure: proc. of all-Russian sci. and pract. conf., dedicated to the memory of Professor V.D. Sorokin, Nebug, Oct. 13–14. 2006 / ed. by V.V. Denisenko, A.G. Ertel*. Krasnodar, 2006.
16. Hamaneva N.Yu., Salishcheva N.G. *Administrative justice and administrative proceedings in the Russian Federation*. Moscow, 2001.
17. *On the practice of consideration court by cases challenging the decisions, actions (inaction) of state authorities, local self-government officials, state and municipal employees: resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of Febr. 10, 2009 № 2 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2009. № 4.

**Зиборов Олег Валентинович**

кандидат юридических наук, доцент,  
начальник кафедры административной деятельности  
и организации деятельности ГИБДД  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: mary\_rose@bk.ru)

## *Режимы «усиленной охраны» и «чрезвычайной охраны» и их соотношение с административно-правовым режимом военного положения*

В статье автор анализирует особенности использования военного положения как средства управления кризисными ситуациями по отечественному законодательству XIX в. Исследует роль и место военного положения в системе чрезвычайных мер охраны государственного порядка в рассматриваемый исторический период, определяет соотношение режима военного положения с двумя другими чрезвычайными режимами того времени – «усиленной охраной», «чрезвычайной охраной».

**Ключевые слова:** военное положение, усиленная охрана, чрезвычайная охрана, право, война, исторический анализ.

**O.V. Ziborov**, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mary\_rose@bk.ru

**The modes of «the strengthened protection» and «extraordinary protection» and their ratio with an administrative legal regime of the martial law**

In the article the author analyzes features of use of the martial law as control facilities crisis situations by the domestic legislation of the XIXth century. Investigates a role and a place of the martial law in system of emergency measures of protection of the state order during the considered historical period, and also defines a ratio of the mode of the martial law with two other extraordinary modes of that time – «the strengthened protection», «extraordinary protection».

**Key words:** martial law, strengthened protection, extraordinary protection, law, war, historical analysis.

**В**оенное положение как средство устранения кризисной ситуации в XIX в. и ранее использовалось не только по обстоятельствам внешней опасности, но и по внутригосударственным причинам. Первым наиболее последовательным нормативно-правовым актом, регламентирующим меры режима военного положения именно в связи с внутригосударственными причинами, стал закон, принятый в России в конце XIX в.

После ряда покушений на императора Александра II государство проводит реформу политической полиции – жандармерии. Были созданы жандармские округа, жандармские управления, а также железнодорожные жандармские органы. Все государственные органы, которые в конце XIX в. входили в правоохранительную систему России, наделялись чрезвычайными полномочиями, в первую очередь правом административной высылки и ссылки. В 60–70-е гг. XIX в. правом назначать

наказание в виде административной высылки наделялся не только император, но и министр внутренних дел и даже местные власти в лице губернатора.

8 февраля 1880 г., после того как в основной резиденции русских царей – Зимнем дворце был совершен террористический акт, в результате которого погибли и были ранены более ста человек, Александр II в рамках экстренного совещания поставил задачу принять меры по наведению порядка в стране, выработать эффективные меры для обеспечения безопасности государства и граждан. В первую очередь, была сформирована Верховная следственная комиссия, в задачи которой входило расследование обстоятельств взрыва в Зимнем дворце. 12 февраля с целью предупреждения террористических актов, а также покушения на высших лиц государства была учреждена «Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокой-

ствия». В качестве основной задачи комиссии обозначалась борьба с беспорядками в стране, для чего она наделялась чрезвычайными полномочиями с возможностью использовать любые методы и средства. Следует отметить, что в рассматриваемый период сама идея создания государственного органа с чрезвычайными полномочиями, учитывая сложившиеся условия политической нестабильности и социально-политического кризиса, активно поддерживалась в обществе. Газета «Московские ведомости» опубликовала статью известного журналиста М.Н. Каткова, который отметил острую необходимость создания в стране правительственного органа, «облеченного полным доверием» главы государства и наделенного «диктаторской властью для борьбы со злом» [1]. Однако последующие события показали, что создание такого государственного органа с чрезвычайными полномочиями не достигло ожидаемых результатов. Указом от 6 августа 1880 г. Верховная распорядительная комиссия и III отделение собственной царской канцелярии были упразднены, в составе Министерства внутренних дел учреждался Департамент государственной полиции [2]. 1 марта 1881 г. в результате очередного террористического акта народовольцами был убит Александр II. На престол вступил его сын Александр III.

Правительство Александра III взяло курс на укрепление самодержавия, усиление роли дворянства, укрепление репрессивного аппарата. Первым мероприятием по реализации нового курса стало принятие 14 августа 1881 г. Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [3].

Ряд ученых, занимавшихся исследованием законодательства о военном положении, высказывают мысль о том, что данный документ не вносил в «историю русского законодательства по вопросу о так называемой борьбе с крамолой ничего существенно нового» и по своему содержанию не являлся ничем иным, «как кодификацией законодательных мероприятий, разновременных изданных» [4, с. 116]. Вместе с тем, нам представляется более справедливым мнение сторонников точки зрения о том, что этот нормативно-правовой акт явился краеугольным камнем в чрезвычайном законодательстве России дореволюционного периода [5, с. 94]. Объективно Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» явилось логическим итогом правотворческого процесса всего XIX столетия, когда в России появилось активное революционное движение, а у государства – не-

обходимость правовыми мерами противодействовать ему. В целях охраны общественного порядка Положение предусматривало два административно-правовых режима: режим усиленной охраны (р. 1, п. 4), максимальный срок действия которой – один год, и режим чрезвычайной охраны (п. 6) сроком на шесть месяцев. Таким образом, российское административное законодательство рассматриваемого периода предусматривало возможность использования следующих административно-правовых режимов: военного и осадного положений, усиленной и чрезвычайной охраны.

При введении режима усиленной охраны функции охраны общественного порядка и безопасности возлагались на генерал-губернаторов, постоянных или временно назначенных, а в местностях, им не подчиненных, – на губернаторов и градоначальников [6]. Процедура введения данных режимов была достаточно четко регламентирована. Так, правом введения режима «усиленной охраны» наделялся министр внутренних дел, причем он обязан был незамедлительно доложить об этом через комитет министров Сенату и императору. Вместе с тем, в случае невозможности получения согласия на введение административно-правового режима ввиду частичной или полной остановки работы железнодорожных, телеграфных или почтовых сообщений «усиленная охрана» вводилась генерал-губернаторами, губернаторами или градоначальниками без согласования и одобрения центральных органов государственной власти. Объявленный таким образом режим «усиленной охраны» отменялся министром внутренних дел после устранения препятствий и восстановления сообщения. Как мы видим, оснований, по которым использовался режим «усиленной охраны», было достаточно много, однако закон предусматривал только одно основание для его использования – это нарушение общественного порядка путем преступных посягательств на существующий государственный строй, а также безопасность частных лиц и их имущества. В случае введения режима «усиленной охраны» органы государственной власти получали чрезвычайные полномочия, в том числе и в области ограничения прав и свобод граждан. К числу таких прав относилась возможность интернирования (изоляция) отдельных категорий граждан, которая предусмотрена и в современном административном законодательстве о военном положении, однако в XIX в. именуемая административной высылкой. Увеличивался срок административного задержания. Так, начальники полиции, жан-

дармских управлений и их помощники имели право задерживать всех лиц, подозреваемых в совершении государственных преступлений либо в принадлежности к противозаконным сообществам, на срок до двух недель, им же предоставлялось право производить обыски и выемки в любое время суток во всех без исключения помещениях. По письменному распоряжению губернатора или градоначальника срок административного задержания продлевался до месяца. Генерал-губернаторам, губернаторам или градоначальникам предоставлялось также право запрещать любые массовые мероприятия, приостанавливать работу торговых заведений и промышленных предприятий как на определенный срок, так и на весь срок действия режима «усиленной охраны».

Режим «чрезвычайной охраны», в отличие от «усиленной», вводился только постановлением Комитета министров, которое должно было быть утверждено императором по представлению министра внутренних дел. «Чрезвычайная охрана» вводилась на срок до шести месяцев, однако по истечении данного срока могла быть продлена в таком же порядке. Основанием введения режима «чрезвычайной охраны» являлось наличие массовых беспорядков, вызванных посягательствами на основы государственного строя и безопасности граждан, при необходимости принятия чрезвычайных мер для восстановления общественного порядка.

В процессе реализации режима «чрезвычайной охраны», наряду с теми полномочиями, которые предоставлялись органам государственной власти при введении режима «усиленной охраны», вводился целый ряд дополнительных полномочий. К таким дополнительным правам представителей государства можно отнести следующие:

1) в целях содействия правоохранительным органам могли учреждаться специальные военно-полицейские команды;

2) право применения такой меры принуждения, как арест движимого имущества и доходов от него;

3) впервые применялось право цензуры на разрешение или запрет очередных собраний сословных, городских и земских учреждений, причем по каждому случаю проведения подобного мероприятия определялись вопросы, подлежащие устранению из обсуждения;

4) приостановление или закрытие периодических изданий на весь период объявления режима чрезвычайной охраны;

5) закрытие учебных заведений на срок не более месяца, однако с возможностью продле-

ния министром внутренних дел с разрешения Совета министров;

6) расширялся перечень административных наказаний, либо ужесточались имеющиеся административные санкции; так, за нарушение обязательных для исполнения постановлений органов власти местного уровня вводилось наказание в виде заключения под стражу на срок до трех месяцев или денежный штраф до трех тысяч рублей, налагаемые в административном порядке.

В целях рассмотрения представлений о необходимости административной высылки в отношении отдельных категорий лиц был создан специальный орган – Особое совещание. Особое совещание образовывалось в структуре Министерства внутренних дел, под председательством одного из товарищей министра внутренних дел и состояло из четырех членов: два представителя от МВД и два – от Министерства юстиции. Все постановления Особого совещания утверждал лично министр внутренних дел.

Практически сразу после объявления Положения от 14 августа 1881 г. в промышленных губерниях, где было возможно рабочее движение, вводился режим усиленной охраны. Усиленная охрана была объявлена в Петербургской, Московской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Бессарабской губерниях; Одесском, Таганрогском и Керчь-Еникальском градоначальствах; Симферопольском, Евпаторийском, Ялтинском, Феодосийском, Перконском уездах, а также в городах Бердянск Таврической губернии, Воронеж, Ростов-на-Дону и Мариупол Екатеринославской губернии.

Таким образом, подводя итог анализу данного документа, следует отметить его принципиальные положения, касающиеся рассматриваемой проблематики:

1) положение от 14 августа 1881 г. носило явный репрессивный характер;

2) его принятие, а также все меры, предусмотренные в документе, были вызваны внутригосударственными обстоятельствами;

3) в качестве субъектов, уполномоченных к реализации соответствующих чрезвычайных мер, предусматривались представители органов гражданской администрации и правоохранительные органы.

Следует согласиться с мнением ряда специалистов [7, с. 100–119] относительно наличия принципиальных отличий между административно-правовым режимом военного положения и мерами усиленной и чрезвычайной охраны. Прежде всего, реализация мер усиленной и

чрезвычайной охраны, как мы уже отмечали выше, не была связана с активным использованием войсковых подразделений и формирований для подавления массовых беспорядков. Применение данных мер, в отличие от применения мер военного положения, не влекло значительного повышения роли органов военного управления. Эти два критерия лежат в основе отличий положений усиленной и чрезвычайной охраны от административно-правового режима военного положения.

18 июня 1892 г. в дополнение к Положению 1881 г., был принят Закон «О местностях, объявленных состоящими на военном положении» [8]. Согласно ст. 1 этого закона военное положение объявлялось в тех губерниях, областях, уездах, округах или отдельных населенных пунктах, которые входили в район театра военных действий и имели особо важное значение для государственных или военных интересов.

Рассматриваемый закон устранил имевшийся ранее пробел в административном законодательстве о военном положении, касающийся регламентации процедуры его объявления. В качестве несомненной новеллы данного закона следует отметить то, что впервые на законодательном уровне была регламентирована информационная составляющая военного положения, а именно способы оповещения органов государственной власти и граждан о введении чрезвычайных мер с разъяснением их содержания. В отличие от современного российского законодательства, где предусмотрен только один субъект введения военного положения – Президент РФ, в XIX в. возможны были две ситуации:

1. Военное положение могло быть объявлено одновременно с объявлением мобилизации – в этом случае правом объявления военного положения обладал только император.

2. Если военное положение объявлялось после объявления мобилизации, правом его введения наделялись главнокомандующий либо командующий армией в пределах подведомственного ему района. Введение военного положения оформлялось в виде распоряжения, которое немедленно сообщалось генерал-губернаторам соответствующих территорий или наделенным их властью лицам. Процедура введения военного положения главнокомандующим или командующим армией была несколько иной. В этом случае информация о введении военного положения доводилась министру внутренних дел, который, в свою очередь, представлял ее Сенату и в средства

массовой информации к всеобщему опубликованию. Представляет интерес и положение, касающееся даты вступления в законную силу решения о введении военного положения. Так, датой вступления в законную силу решения о введении военного положения в городских поселениях являлся день объявления в этих местностях о его введении; в сельской местности – следующий день после объявления о введении военного положения.

Введение военного положения прекращало действие положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г., управление переходило к главнокомандующему или командующему армией, которому предоставлялись следующие права:

1) запрещение выезда из этих территорий для лиц, которых в соответствии с их специальностью или профессией предполагается привлекать к оборонным работам;

2) назначение общих и частных реквизиций и продовольствия, транспортных средств и т.п.;

3) запрет вывоза необходимых для оборонительных работ орудий, материалов, а также продуктов питания, перевозочных средств и дров.

Отдельный раздел закона регламентировал компетентностные взаимоотношения органов государственной власти и органов военного управления. Так, в районе дислокации действующей армии генерал-губернатор переходил в подчинение соответствующему главнокомандующему или командующему армией, причем последние вправе отменять решения и распоряжения органов гражданской власти. Что касается полицейских органов, то они находились в самостоятельном подчинении с обязанностью оказания содействия военному руководству в местностях, объявленных на военном положении.

Все должностные лица, в том числе и гражданских ведомств, подлежали ответственности военному суду и по законам военного времени за отдельные категории преступлений, а именно:

1) попытки свержения действующей власти и государственную измену;

2) поджог или истребление воинского снаряжения и вооружения, водопроводов, мостов, плотин, шлюзов, водоспусков, колодцев, дорог и др., совершенные умышленно;

3) посягательство на жизнь часового или караульного либо оказание им вооруженного сопротивления.



Координация деятельности всех государственных органов в области охраны общественного порядка в местностях, объявленных на военном положении, возлагалась на генерал-губернатора. Для реализации данных полномочий ему предоставлялись следующие права:

1) в целях профилактики нарушений общественного порядка издавать обязательные для исполнения постановления;

2) самостоятельно устанавливать административные наказания, не превышающие заключения под стражу до трех месяцев или штрафа до трех тысяч рублей;

3) присутствовать при производстве следственных действий или дознания;

4) определять категории дел, подлежащих рассмотрению военного суда по законам военного времени, а также дел, рассматриваемых в закрытых заседаниях;

5) запрещать любые массовые мероприятия;

6) закрывать любые торговые заведения или промышленные предприятия как на определенный срок, так и на весь срок действия военного положения;

7) приостанавливать издание периодических средств массовой информации на срок действия военного положения;

8) запрещать работу учебных заведений на срок до одного месяца, а с разрешения командующего армией – на весь срок действия военного положения;

9) интернирование (изоляция) отдельных категорий лиц, в том числе граждан иностранных государств;

10) отстранение от должности на время объявления военного положения любых должностных лиц.

Отдельными чрезвычайными полномочиями на период военного положения наделялись и руководители полицейских и жандармских учреждений. В основном это касалось расширения перечня обстоятельств, служащих основаниями для применения тех или иных мер административного принуждения. В их числе: право предварительного задержания до двух недель в отношении всех лиц, подозреваемых в совершении государственных преступлений или нарушении интересов армии в условиях военного положения, а также производства в любое время суток обысков во всех без исключения помещениях и наложения ареста на любое имущество.

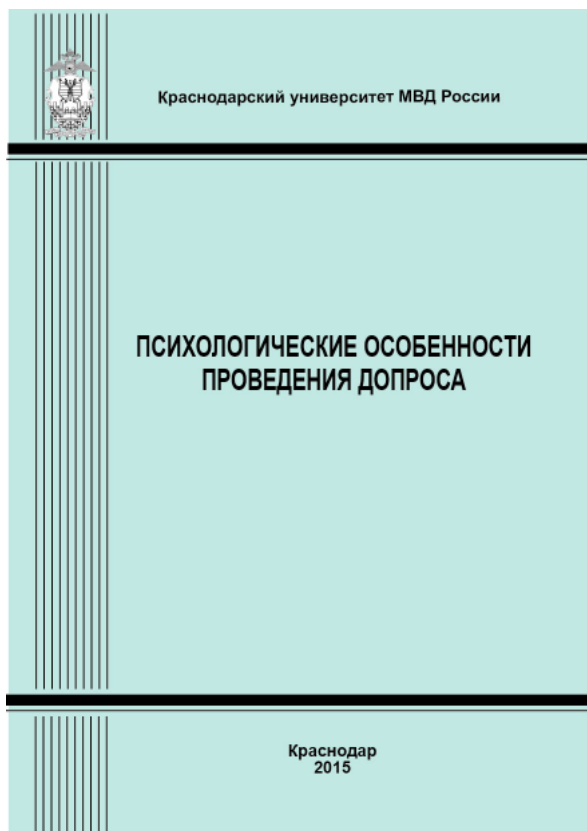
Как показывает анализ закона 1892 г., значительная часть полномочий чрезвычайного характера, предоставляемых местным органам государственной власти, содержательно совпадает с полномочиями, предусмотренными положением 1881 г. при введении мер усиленной или чрезвычайной охраны. Вместе с тем, очевидно увеличение роли органов военного управления в условиях военного положения, включая возможность непосредственного подчинения гражданских властей соответствующим военным властям.

Рассмотренные выше документы явились базой, регламентировавшей экстраординарные административно-правовые режимы дореволюционной России. Их содержательная и процессуальная характеристика была по-разному оценена русским обществом. Например, юридическая газета «Право» от 28 октября 1907 г. опубликовала статью «Политика исключительных мероприятий», автор которой высказывает мнение о том, что Положение от 14 августа 1881 года явилось «...великой хартией полицейских вольностей» [9]. Отрицательную оценку чрезвычайных мероприятий того времени можно встретить и в высших органах государственной власти. Так, Особое совещание, являющееся специальным органом по рассмотрению дел о государственных преступлениях при Сенате в 1872–1917 гг., отмечало, что «применение исключительных мероприятий не оправдало возложенных на них надежд», а чрезвычайные полномочия, предоставленные государственным органам, не смогли «предотвратить распространение самых крайних и разрушительных теорий в обширных слоях населения и оказались бессильными пресечь возникновение революционного брожения, преступной пропаганды и даже вооруженного восстания в целом ряде городов и селений» [10, с. 13]. Не давая исторической оценки значения данных административно-правовых режимов, отметим, что с административно-правовых позиций ретроспективный анализ законодательства рассматриваемого периода является несомненно, актуальным, поскольку экстраординарные административно-правовые режимы, объявленные этими документами, с незначительными изменениями действовали в России до событий октября 1917 г.

1. *Московские ведомости*. 1880. 7 февр. № 37.
2. ПСЗ. Собр. 2. Т. 55. Отд. 1. № 61279.
3. *Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате*. Ст. 616.
4. Гессен В.М. *Исключительное положение*. М., 1908.
5. Янгол Н.Г. *Чрезвычайное законодательство и исключительные правовые режимы: история и современность*. СПб., 2000.
6. *Свод законов Российской Империи*. 1903. Т. 14. Ст. 14. Прил. 1 к ст. 1 (примеч. 2).
7. Дерюжинский В.О. *Лекции по полицейскому праву*. СПб., 1899.
8. *Собрание узаконений*. СПб., 1892. № 85. Ст. 925.
9. Горбунов А.В. *Политика исключительных мероприятий // Право*. 1907. 28 окт.
10. *Журнал высочайше учрежденного особого совещания по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений*. 1905.

1. *Moscow vedomosti*. 1880. Febr. 7. № 37.
2. *Complete collection of laws. Coll. 2. Vol. 55. Pt. 1. № 61279*.
3. *The collection of statutes and orders of the government issued under the control of the governing Senate*. Art. 616.
4. Hessen V.M. *An exceptional position*. Moscow, 1908.
5. Yangol N.G. *Emergency legislation and exceptional legal regimes: history and modernity*. St. Petersburg, 2000.
6. *Code of laws of the Russian Empire*. 1903. Vol. 14. Art. 14. App.1 to art. 1 (approx. 2).
7. Deruzhinsky V.O. *Lectures on police law*. St. Petersburg, 1899.
8. *Collection of statutes*. St. Petersburg, 1892. № 85. Art. 925.
9. Gorbunov A.V. *Exceptional measures policy // Law*. 1907. Oct. 28.
10. *The journal is established by the special conference on the revision of the installed data for the protection of public order, exclusive of statutory provisions*. 1905.

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Психологические особенности проведения допроса** : учебно-методическое пособие / сост. Ж. А. Терещенко. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – 104 с.

Учебно-методическое пособие предназначено для использования в практической деятельности сотрудников территориальных органов МВД России на районном уровне Краснодарского края.

Основные задачи данного пособия: изучение личности дознавателя, его профессионально-психологических качеств; рассмотрение психологических особенностей допроса различных категорий граждан (подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, несовершеннолетних, мигрантов); формирование у сотрудника дознания навыков правильного выбора социально-психологических и тактических приемов для установления психологического контакта; анализ методов психолого-педагогического воздействия; изучение особенностей производства допроса по уголовным делам об организации незаконной миграции.

Для сотрудников органов внутренних дел. Рекомендуется для использования в системе профессиональной и служебной подготовки личного состава ГУ МВД России по Краснодарскому краю, территориальных органов МВД России на районном уровне Краснодарского края.

**Подгайный Андрей Михайлович**

кандидат юридических наук,  
преподаватель кафедры административной деятельности  
и организации деятельности ГИБДД  
Краснодарского университета МВД России

**Шиенкова Анна Сергеевна**

кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры административной деятельности  
и организации деятельности ГИБДД  
Краснодарского университета МВД России

(e-mail: k\_admin\_deyat@krdu-mvd.ru)

## *Отдельные вопросы освидетельствования водителей транспортных средств на состояние алкогольного опьянения*

В статье рассматриваются проблемы освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, медицинского освидетельствования на состояние опьянения водителей транспортного средства, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения.

**Ключевые слова:** освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, медицинское освидетельствование на состояние опьянения, безопасность дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие.

**A.M. Podgainyi**, Master of Law, Lecturer of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

**A.S. Shienkova**, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: k\_admin\_deyat@krdu-mvd.ru

### **Selected issues of examination of drivers of vehicles for alcoholic intoxication**

The article investigates the examination on the state of alcoholic intoxication, medical examination for intoxication driver of the vehicle in respect of which there are reasonable grounds to believe that they are in a state of intoxication.

**Key words:** examination of the state of alcoholic intoxication, medical examination for intoxication, traffic safety, traffic accident.

**П**редупреждение дорожно-транспортных происшествий и повышение уровня дисциплины участников дорожного движения является сейчас одним из самых обсуждаемых вопросов как в средствах массовой информации, так и на разных уровнях государственной власти.

Министерство внутренних дел проводит постоянную профилактику дорожно-транспортных происшествий, но этого, к сожалению, недостаточно в связи с тем, что ряд участников дорожного движения, пренебрегая правилами дорожного движения и здравым смыслом, позволяет себе управлять транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения.

Участник дорожного движения в состоянии алкогольного опьянения представляет опасность как для других водителей, так и для пешеходов, что не только повышает риск травматизма на дороге, но зачастую приводит к смерти. В связи с этим существует потребность в выработке универсального механизма предупреждения участия в дорожном движении лиц в состоянии алкогольного опьянения.

Одним из элементов такого механизма, на наш взгляд, является освидетельствование на состояние алкогольного опьянения. Институт освидетельствования на состояние алкогольного опьянения является объектом исследования ученых различных отраслей права. Напри-

мер, криминологические аспекты проблемы исследовали Е.В. Гвоздева, Д.В. Карелин, О.В. Мальцева, С.А. Меликян, Е.Н. Пашкова, В.П. Шадрин, М.Э. Шодонова; уголовно-процессуальный аспект анализировали такие ученые, как А.Г. Алексеев, С.С. Бахтеев, В.Н. Махов, А.Г. Потапова, Д.В. Чеснов; административно-правовой – О.А. Акулкина, В.С. Болотин, А.А. Гуничев, О.А. Иванова, А.К. Костылев, Ю.П. Кузякин, Ю.П. Луконин, П.В. Молчанов, М.Н. Ситкин, С.И. Чушкин.

Вместе с тем, комплексному исследованию проблем освидетельствования на состояние алкогольного опьянения в научной литературе должного внимания не уделялось. Кроме того, большинство имеющихся трудов были выполнены до принятия Кодекса РФ об административных правонарушениях, в который за время его действия внесено значительное количество существенных изменений, в том числе касающихся регламентации и освидетельствования на алкогольное опьянение и медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

По мнению С.А. Фокина, освидетельствование на состояние опьянения образует совокупность закрепленных в законодательстве правоприменительных действий, существенные особенности которых позволяют выделить следующие самостоятельные этапы:

- обнаружение оснований для проведения освидетельствования;
- проведение освидетельствования на состояние алкогольного опьянения,
- направление и препровождение на медицинское освидетельствование;
- медицинское освидетельствование на состояние опьянения [1].

В то же время эти меры различаются не только по основаниям и порядку проведения, уполномоченным субъектам реализации, но и по использованию при их осуществлении мер принуждения.

Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения являются мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и применяются в целях пресечения административных правонарушений и обеспечения правильного рассмотрения дела только в случае, когда есть достаточные основания полагать, что водитель транспортного средства находится в состоянии опьянения. Такими основаниями является наличие одного или нескольких признаков:

- а) запах алкоголя изо рта;
- б) неустойчивость позы;
- в) нарушение речи;
- г) резкое изменение окраски кожных покровов лица;
- д) поведение, не соответствующее обстановке [2].

В соответствии со ст. 65 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинское освидетельствование лица представляет собой совокупность методов медицинского осмотра и медицинских исследований, направленных на подтверждение такого состояния здоровья человека, которое влечет за собой наступление юридически значимых последствий. Выделяют различные виды медицинского освидетельствования:

- 1) освидетельствование на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического);
- 2) психиатрическое освидетельствование;
- 3) освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством;
- 4) освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием;
- 5) иные виды медицинского освидетельствования, установленные законодательством Российской Федерации.

Порядок медицинского освидетельствования регламентирован приказом Минздрава России от 14 июля 2003 г. № 308 (в редакции от 5 марта 2014 г.).

В настоящее время отсутствует нормативное закрепление понятия освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. В связи с этим предлагаем дополнить ст. 27.12 КоАП РФ нормой следующего содержания: «Освидетельствование лица, управляющего транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения – это действия сотрудника ГИБДД по выявлению этого состояния органолептическим методом и с помощью анализатора концентрации паров этанола в выдыхаемом воздухе».

Обратимся к новейшей истории. За последнее десятилетие несколько раз менялся так называемый «порог трезвости» водителей. До 2008 г. допускалось наличие абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,3 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха; в 2008 г. был введен

«абсолютный ноль», т.е. к административной ответственности привлекались лица, управляющие транспортными средствами, если в показаниях прибора, измеряющего наличие паров этанола в выдыхаемом воздухе, было более чем ноль; с 2013 г. Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 196-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федерального закона “О безопасности дорожного движения”» был введен новый «порог трезвости»: наличие абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха в настоящее время не влечет за собой административную ответственность.

Давайте проследим, как такие изменения российского законодательства повлияли на количество зарегистрированных дорожно-транспортных правонарушений. Всего в 2008 г. было зарегистрировано 218322 ДТП, из них ДТП, совершенные лицами в состоянии алкогольного опьянения, – 13611; в 2009 г. – всего 201618 ДТП, из них ДТП, совершенные лицами в состоянии алкогольного опьянения, – 12327; в 2010 г. – всего 199868 ДТП, из них – ДТП, совершенные лицами в состоянии алкогольного опьянения, – 12252; в 2011 г. – всего 199868 ДТП (водителями в состоянии опьянения – 12252 ДТП); в 2012 г. – всего 203597 ДТП (водителями в состоянии опьянения – 12843 ДТП); в 2013 г. – всего 173042 ДТП (водителями в состоянии опьянения – 12512 ДТП); в 2014 г. 181573 ДТП (водителями в состоянии опьянения – 14329 ДТП).

Это позволяет сделать вывод о том, что с введением нового порога суммарной погрешности измерений наличия паров этанола в выдыхаемом воздухе количество ДТП не снижается, а только выросло на 11,2% по сравнению с 2013 г. Стоит согласиться с мнением экс-президента Дмитрия Медведева, а ныне председателя Правительства РФ, который, заменяя «порог трезвости» «абсолютным нулем», предполагал, что в России даже 0,3 промилле воспринимаются как разрешение выпить перед поездкой. Хотя необходимость ненулевого порога трезвости обусловлена и погрешностями приборов, и рекомендациями Еврокомиссии, и положениями Международной конвенции о дорожном движении 1968 г.

Нельзя не учитывать тот факт, что концентрация спиртовых паров в выдыхаемом воз-

духе измеряется уже миллиграммами на литр. Новый предел в 0,16 мг/л соответствует вилке от 0,32 до 0,352 промилле: чуть больше, чем прежде. Но эта норма получена, исходя из погрешности измерений алкотестеров (обычно 0,05–0,1 промилле) с применением коэффициента 3,2, т.е. «тройного запаса». И в нее уже включены все прочие возможные погрешности, в пределах которых могут «плавать» показания применяемых при освидетельствовании алкотестеров: и погрешность оборудования, на котором была проведена калибровка (обычно 0,05 промилле), и погрешность, зависящая от температуры воздуха, при которой проводится «продувка» (еще примерно 0,2 промилле).

Кстати, упоминание порога в 0,35 промилле в законопроекте Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 196-ФЗ все же было, но исчезло перед финальным, третьим чтением. Депутаты говорят, что понятную обывателю цифру предельной концентрации алкоголя в крови убрали намеренно, чтобы не возникало соблазна рассчитать допустимую дозу опьянения.

Статья 12.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях, устанавливающая наказание для нетрезвых водителей, дополнена важным примечанием: критерием опьянения является не сам факт наличия в организме этилового спирта (вспомним об эндогенном алкоголе), а только его присутствие «в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений», – свыше 0,16 мг на один литр выдыхаемого воздуха.

Все вышеизложенное позволяет нам прийти к следующим выводам. Во-первых, необходимо законодательно закрепить понятие освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. В связи с этим предлагаем дополнить ст. 27.12 КоАП РФ нормой следующего содержания: «Освидетельствование лица, управляющего транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения – это действия сотрудника ГИБДД по выявлению этого состояния органолептическим методом и с помощью анализатора концентрации паров этанола в выдыхаемом воздухе».

Во-вторых, освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения, медицинскому освидетельствованию на состояние опьянения подлежит водитель транспортного средства, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он находится в состоянии опьянения.

В-третьих, достаточными основаниями полагать, что водитель транспортного средства находится в состоянии опьянения, является наличие одного или нескольких следующих признаков:

- а) запах алкоголя изо рта;
- б) неустойчивость позы;
- в) нарушение речи;
- г) резкое изменение окраски кожных покровов лица;

д) поведение, не соответствующее обстановке.

В-четвертых, ввести обратно «нулевой» порог трезвости и законодательно закрепить, чтобы рекомендации врача в приеме каких-либо лекарств на основе спирта можно было зафиксировать в справке установленного образца, которая имела бы законную силу для сотрудников ГИБДД.

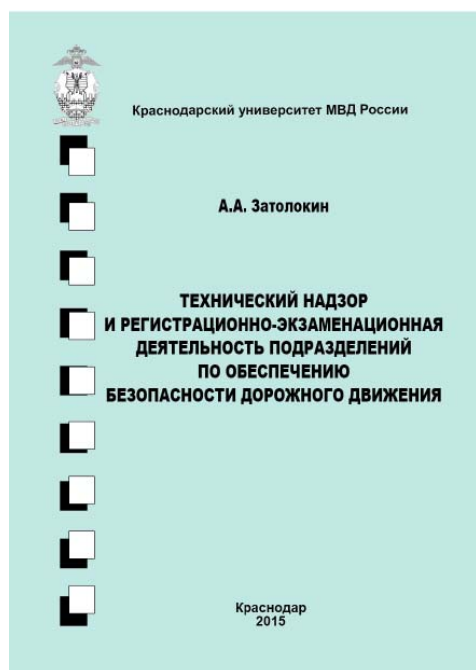
1. Фокин С.А. Освидетельствование на состояние опьянения в механизме административно-правового регулирования. СПб., 2012.

2. Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и Правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством: постановление Правительства РФ от 26 июня 2008 г. № 475.

1. Fokin S.A. Examination on the state of intoxication in the mechanism of administrative and legal regulation. St. Petersburg, 2012.

2. On approval of Rules of examination of a person who drives a vehicle in the state of alcoholic intoxication and registration of its results, the direction of the said person to a medical examination for intoxication, medical examination of the person in the state of intoxication and processing the results and determine the presence of the Rules of narcotic drugs or psychotropic substances in the human body during a medical examination for intoxication of the person who drives a vehicle: resolution of the Government of the Russian Federation of June 26, 2008 № 475.

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Технический надзор и регистрационно-экзаменационная деятельность подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения** : учебное пособие / А. А. Затолокин. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – 42 с.

Раскрываются основные вопросы организации деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения в сферах технического надзора и регистрационно-экзаменационной деятельности.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

**Анохина Наталья Владимировна**

преподаватель кафедры административной деятельности  
и организации деятельности ГИБДД  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: anohina-natasha@mail.ru)

**Елфимов Сергей Леонидович**

заместитель начальника Управления  
ГИБДД МВД по Республике Коми  
(тел.: +79222721011)

## *Вопросы привлечения специалиста в производство по делам об административных правонарушениях*

В статье рассмотрены вопросы привлечения субъекта административной юрисдикции – специалиста.

**Ключевые слова:** специалист, привлечение, правонарушения, классификация субъектов, Кодекс РФ об административных правонарушениях.

**N.V. Anokhina**, Lecturer of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: anohina-natasha@mail.ru;

**S.L. Elfimov**, Deputy Head of the Traffic Police Department in the Republic of Komi; tel.: +79222721011.

### **Issues of attracting of specialists in the proceedings on administrative offences**

The article discusses issues of attracting of the subject of administrative jurisdiction – specialist.

**Key words:** specialist, attracting, offences, classification of subjects, Code of the Russian Federation about administrative offences.

**Р**ассмотрение вопроса о привлечении специалиста к производству по делам об административных правонарушениях невозможно без понимания целей привлечения и конечного результата такового. Статьей 24.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях определены задачи производства по делам об административных правонарушениях, для которых характерны общие признаки и свойства, отвечающие задачам законодательства об административных правонарушениях. По смыслу данной статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях к задачам производства относятся: всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений.

Рассматривая такого участника административной юрисдикции, как «специалист», учитывая задачи производства по делам об

административных правонарушениях, определенные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 24.1), основными целями привлечения специалиста являются объективность и полнота выяснения обстоятельств дела об административном правонарушении, а конечным результатом, естественно, служит обеспечение принципов производства по делам об административных правонарушениях (ст. 1.4–1.6), основным из которых выступает принцип законности, т.к. главной целью производства по делам об административных правонарушениях является разрешение дела об административном правонарушении в соответствии с законом (ст. 24.1).

Как показывает анализ, действующее законодательство, в частности Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, не обеспечивает регламентацию этапа привлечения специалиста в административном процессе, равно как и не обозначает понятия «специалист», указывая лишь на то, кто может быть привлечен в этом качестве: «В качестве специалиста для участия в производстве по делу об административном правонарушении

может быть привлечено любое не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо, обладающее познаниями, необходимыми для оказания содействия в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, а также в применении технических средств» (ст. 25.8). Исходя из лингвистического значения слова «специалист», смысл данного понятия состоит в принадлежности к физическому лицу, обладающему специальными знаниями в какой-либо области техники, ремесла, искусства или профессионально владеющему какой-либо специальностью [1]. То есть в качестве специалиста как участника производства по делам об административных правонарушениях может быть привлечено именно физическое лицо.

Значение слова «привлекать» в соответствии с толковым словарем означает заставить, побудить принять участие в чем-нибудь, а также заставить отвечать за свои действия, проступки [2]. Упрощая понимание разбираемого понятия, с помощью толкового словаря Ожегова определим смысл слова «заставить». «Заставить» – значит поставить в необходимость делать что-нибудь [2].

Однако привлечение специалиста как осуществление некоторых процессуальных действий есть не только побуждение данного субъекта принять участие в производстве по делу об административном правонарушении, а еще и наделение его определенными правами и обязанностями в ходе выполнения неких функций, границы которых также должны быть четко очерченными.

Права и обязанности специалиста детализированы в ст. 25.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и составляют основу правового статуса такого участника. При этом отметим, что процесс привлечения специалиста по делам об административных правонарушениях ставит множество вопросов: каким образом привлекается такой участник, с какого момента привлечение считается законным, на каком этапе имеется возможность привлечения специалиста? Все имеющиеся вопросы на сегодняшний день не урегулированы законодательством об административных правонарушениях и подлежат глубокому исследованию.

Очевидно, что специалист занимает свое особое место в административно-юрисдикционном процессе, т.е. включается в классификацию субъектов административного права. Использование классификаций в администра-

тивном праве позволяет включить конкретные реалии, к которым оно обращается, в общую юридическую систему, отмечает М.Е. Труфанов, однако признание юридических категорий основывается на определении их критериев [3, с. 6]. А.С. Дугенец справедливо отмечает, что классификацию субъектов применения административно-правовых норм можно проводить по различным основаниям, но дело не в поиске новых критериев для ее проведения, а в отборе тех оснований, которые имеют реальное практическое значение [4, с. 15].

Также М.Е. Труфанов, учитывая дифференциацию властных возможностей субъекта на каждой стадии правоприменения, считает вполне применимой предлагаемую в литературе классификацию субъектов по объему полномочий и делает вывод о том, что любой уполномоченный орган или должностное лицо, независимо от участия в конкретном деле по применению административно-правовой нормы, может считаться потенциальным субъектом [3, с. 9]. Классификация субъектов, предложенная И.А. Галаганом и А.В. Василенко, строится на наличии заинтересованности участников правоотношений в исходе дела [5, с. 14]. Основываясь на мнении И.А. Галагана и А.В. Василенко, полагаем, что оригинальность субъектов правоприменительных отношений делится на две группы:

- 1) участники этих отношений, непосредственно заинтересованные в исходе дела;
- 2) лица, обладающие полномочиями на разрешение дел, но не имеющие личного интереса в споре или ином конкретном юридическом вопросе.

Таким образом, согласно нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а именно ст. 25.8, где закреплено, что в качестве специалиста для участия в производстве по делу об административном правонарушении может быть привлечено любое не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо, специалист как участник правоотношений относится ко второй группе классификации субъектов по наличию заинтересованности в исходе дела. То есть специалист как субъект правоотношений является лицом, облеченным полномочиями на разрешение дела, и не имеет личной заинтересованности в споре или ином конкретном юридическом вопросе.

Кроме того, во взаимодействии субъектов выделяются активная и пассивная роль субъектов правоотношений. Видовое многообразие субъ-



ектов административных правонарушений, по мнению некоторых специалистов [6, с. 17], разрешает выделить «преследуемых лиц» и «преследующих лиц». Используя понимание как познавательную процедуру, направленную на достижение ясности терминов, установление тождества смыслов и сфер употребления, М.Е. Труфанов определяет следующее [3, с. 11]:

а) безусловно, субъектом применения административно-правовой нормы является «преследующий» субъект;

б) так называемый «преследуемый» субъект, используя возможный арсенал защиты современного демократического общества, становится «защищающимся»;

в) используя метод герменевтики, т.е. соединяя знания о предмете познания и его субъективную оценку участниками правоот-

ношений, ничего не остается иного, как назвать первого «нападающим».

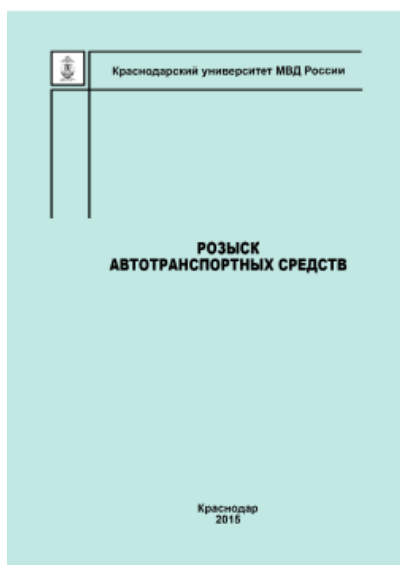
При этом М.Е. Труфанов дополняет, что такую классификацию вряд ли можно считать приемлемой в обоснование категорий субъектов применения норм административного права.

Заметим, что привлечение специалиста к участию в производстве по делу об административном правонарушении является правом преследующего субъекта, но не обязанностью. В том случае, когда лицу, ведущему производство по делу об административном правонарушении, требуются специфические знания, свойственные специальным и выходящие за пределы знаний, с целью установления истины по делу об административном правонарушении возможно пользование правом привлечения специалиста как участника административной юрисдикции.

1. URL: [poiskslov.com/word](http://poiskslov.com/word)
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: [dic.academic.ru](http://dic.academic.ru)
3. Труфанов М.Е. Проблемы категоризации субъектов и актов применения норм административного права. М., 2006.
4. Дугенец А.С. Административно-юрисдикционный процесс. М., 2003.
5. Галаган И.А., Василенко А.В. К проблемам теории правоприменительных отношений // Государство и право. 1998. № 3.
6. Денисенко В.В., Позднышев А.Н., Михайлов А.А. Административная юрисдикция органов внутренних дел: учеб. М., 2002.

1. URL: [Poiskslov.com/word](http://Poiskslov.com/word)
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Dictionary of Russian language. URL: [dic.academic.ru](http://dic.academic.ru)
3. Trufanov M.E. Problem of categorization of subjects and the use of acts of administrative law. Moscow, 2006.
4. Dugenets A.S. Administrative-jurisdictional process. Moscow, 2003.
5. Galagan I.A., Vasilenko A.V. The problems of the theory of law application relations // State and law. 1998. № 3.
6. Denisenko V.V., Pozdnyshv A.N., Mikhailov A.A. Administrative jurisdiction of the Interior: textbook. Moscow, 2002.

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Розыск автотранспортных средств**: словарь / А.А. Затолокин. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – 34 с.

Словарь содержит термины и определения, используемые в профессиональной деятельности сотрудников полиции, занимающихся розыском автотранспортных средств.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

**Карavaев Александр Александрович**

преподаватель кафедры административной деятельности ОВД  
Воронежского института МВД России  
(e-mail: ferrari49@yandex.ru)

## *О системе отнесения сведений к категории «конфиденциальных» в органах исполнительной власти*

В статье подвергается анализу система отнесения сведений к категории ограниченного распространения. Рассматриваются положения соответствующих перечней в органах исполнительной власти. Обозначается заключение об отсутствии единого системного подхода в части формирования их содержания. Формулируются нормативные предложения, имеющие цель упорядочить оборот и обеспечить защиту конфиденциальной информации.

**Ключевые слова:** конфиденциальная информация, информатизация, совершенствование административных норм, персональные данные, коммерческая тайна.

**A.A. Karavaev**, Lecturer of the Chair of Administrative Activity of the Law Enforcement Bodies of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ferrari49@yandex.ru

### **About the system classifying information as confidential in the executive branch**

In the article is analyzed the system of classifying information in the category of limited distribution. We consider the situation corresponds to the list in the executive branch. Represented by the conclusion of the lack of a unified system approach in terms of the formation of their content. Regulatory proposals formulated with the goal to streamline traffic and to protect confidential information.

**Key words:** confidential information, informatization, improvement of administrative rules, personal data, trade secrets.

**Р**ассмотрение данного комплекса вопросов целесообразно начать с анализа содержания ряда актов, касающихся организации обращения и перечней сведений, относимых в органах внутренних дел к категории сведений ограниченного распространения. Но для этих актов в целом установлена пометка «Для служебного пользования», что делает невозможным их освещение в рамках данной статьи. Работы, предпринятые при проведении настоящего исследования, позволили обнаружить в открытых источниках значительное число перечней сведений конфиденциального характера административных ведомств федерального уровня.

Автор полагает, что анализ ряда положений этих актов позволит выявить тенденции в отнесении сведений к категории конфиденциальных, что поможет более четко представить себе направления совершенствования ведомственной нормативной базы.

Бесспорный научный интерес представляет собой «Перечень сведений конфиденциального характера органов федерального казначейства Министерства финансов Российской Федерации», утвержденный

приказом Минфина России от 5 января 2004 г. № 1 [1].

Обратим внимание на то, что речь идет не о служебной информации ограниченного распространения, а именно о сведениях конфиденциального характера как о более широкой категории, что и определяет содержание данного акта.

Перечень состоит из четырех разделов:

- 1) персональные данные;
- 2) сведения, связанные с исполнением функций, возложенных на органы федерального казначейства;
- 3) сведения по мобилизационной подготовке и гражданской обороне;
- 4) сведения по информатизации, организации связи и безопасности информации.

Раздел «Персональные данные» состоит из двух пунктов. Один из них является стандартным и перенесен из текста Указа Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188, на который сделана ссылка в разделе «Применение», а второй сформулирован следующим образом:

«Сведения, содержащиеся в личных делах сотрудников или в анкетах, или в паспорте, или

в иных документах, позволяющие идентифицировать личность гражданина».

Таким образом, сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни граждан, которые могут быть представлены в любой форме отображения, юридически довольно корректно разграничены с документами, содержащими аналогичные сведения.

Еще более оригинальный подход предложен разработчиками данного акта при формулировании категорий конфиденциальной информации, объединенных во втором разделе Перечня. Например, п. 2.1 сформулирован следующим образом:

«Сведения организаций и предприятий, ставшие известными сотрудникам органов федерального казначейства при выполнении служебных обязанностей, которые этими предприятиями и организациями отнесены к конфиденциальным».

Из контекста данного положения следует, что если организация предупредила сотрудника казначейства о конфиденциальности информации, то он обязан соблюдать условия конфиденциальности. Несомненно, данное положение является актуальным для органов внутренних дел и должно быть включено в соответствующий перечень сведений конфиденциального характера.

Представляет интерес тот факт, что в качестве основания для данной нормы представлена ст. 727 ГК РФ, которая сформулирована в данном Кодексе следующим образом:

«Если сторона благодаря исполнению своего обязательства по договору подряда получила от другой стороны информацию о новых решениях и технических знаниях, в том числе не защищаемых законом, а также сведения, в отношении которых их обладателем установлен режим коммерческой тайны, сторона, получившая такую информацию, не вправе сообщать ее третьим лицам без согласия другой стороны».

По мнению автора, никаких договорных отношений между сотрудником федерального органа исполнительной власти и организацией, связанных с исполнением государственных функций, возникнуть не может, поэтому применение данного законодательного положения является вынужденным, связанным с дефицитом законодательного регулирования отношений в сфере оборота и защиты конфиденциальной информации.

В соответствии с принципом, описанным автором выше, согласно которому сведения в любой форме отображения обособляются от документированных сведений, сформулирован и п. 2.2 рассматриваемого Перечня:

«Сведения, содержащиеся в документах юридического дела бюджетополучателей и распорядителей бюджетных средств, имеющих лицевые счета в органах федерального казначейства, в “Книге регистрации лицевых счетов”, в карточке с образцами подписей и оттисками печатей распорядителей бюджетных средств».

Данная норма представляет определенный интерес и по той причине, что она в существенной мере схожа с банковской тайной, в режиме которой защищаются сведения о наличии и движении денежных средств по счетам банковской системы. Но дело здесь несколько сложнее, т.к. получателями бюджетных средств являются все без исключения органы государственной власти и организации, в том числе относящиеся к категории особо режимных, т.е. таких, сам факт существования которых легендируется. Из этого следуют дополнительные основания для признания вышеуказанной информации конфиденциальной.

Далее следует очень важная норма, которая должна быть предметом перечня сведений конфиденциального характера любого федерального органа исполнительной власти, а равно и любого другого органа публичной власти:

«Сведения, поступающие в органы федерального казначейства от сторонних организаций, отнесенные этими организациями в установленном порядке к конфиденциальным (налоговая тайна, таможенная тайна, конфиденциальные сведения Пенсионного фонда и т.п.)».

Факт признания такой информации конфиденциальной является одним из важнейших условий существования всей системы легального оборота таких сведений в органах публичной власти и, естественно, должен иметь следствием подпадание поступающих сведений под определенный защитительный режим.

Содержание следующего пункта несколько опровергает общее благоприятное впечатление от анализируемого Перечня. Пункт 2.5 относится к числу конфиденциальной информации «сведения, содержащиеся в документах с пометкой “Для служебного пользования”».

У данной нормы есть как бы два полюса – положительный и отрицательный. Первый

заключается в том, что сведения «Для служебного пользования» легально признаются конфиденциальной информацией, а не неким обособленным классом сведений, как это позиционируется, в МВД России. Второй заключается в том, что сведения «Для служебного пользования» приобщаются к некоему ряду конфиденциальной информации без акцента на то, что для этих сведений существует обособленный режим защиты, в связи с чем возникает резонный вопрос: а каковы контуры и содержание режима защиты сведений конфиденциального характера в органах федерального казначейства?

Как представляется автору, таких контуров не имеется, а имеется лишь факт признания сведений конфиденциальными.

Еще более запутанную ситуацию в части определения того, а что же, собственно, может относиться к сведениям «Для служебного пользования», создает следующий пункт рассматриваемого Перечня:

«Сведения об организации, состоянии или проводимых мероприятиях по мобилизационной подготовке или гражданской обороне в органах федерального казначейства, если такие сведения не отнесены в установленном порядке к сведениям, составляющим государственную тайну».

Сведения по мобилизационной работе являются во всех случаях сугубо служебными, и обычно в органах государственной власти, в том числе и в системе МВД России, присутствует четкая корреляция между перечнем сведений, составляющих государственную тайну (подлежащих засекречиванию), и перечнем сведений ограниченного распространения в части того, на каком уровне административного управления и какие сведения ограничиваются в доступе и распространении пометкой «Для служебного пользования», а на каком признаются сведениями, составляющими государственную тайну.

Примерно в том же ключе следует трактовать и блок защищаемых сведений, касающихся организации связи и безопасности информации. Например, сведения об организации разграничения доступа к информационным ресурсам органов федерального казначейства, паролям, закрытых ключах ЭЦП, ключах шифрования информации, которые не относятся к государственной тайне, признаются конфиденциальными. Это правильно, однако в каком режиме осуществляется оборот этих

сведений, каков административный механизм обеспечения персональной ответственности за их сохранность и исключение противоправного распространения?

Ответы на данный вопрос нормативные акты Федерального казначейства и Минфина России в целом, доступные для открытого ознакомления, не дают. Но ведь речь идет об очень важной для современных условий информации, связанной с обеспечением, в том числе, безопасного движения денежных средств в безналичной форме, предотвращения противоправных действий по отношению к ним.

Следует отметить, что для государственной финансовой системы данная ситуация является не уникальной – эту частично ошибочную логику воспринял и «Перечень сведений ограниченного доступа, не содержащих сведений, составляющих государственную тайну, (конфиденциального характера) Министерства финансов Российской Федерации», утвержденный приказом Минфина России от 17 июня 2014 г. № 162 [2]. Однако в данном акте имеются и положения, заслуживающие внимания с точки зрения ареала информации, относимой к категории конфиденциальной, в федеральных органах исполнительной власти. Например, данный акт совершенно справедливо относит к данной категории «сведения, содержащие персональные данные, обрабатываемые в Министерстве финансов Российской Федерации, в рамках реализации функций и полномочий федерального органа исполнительной власти».

Следующей нормой, которую до сего времени не восприняли ведомственные нормативные правовые акты, регулирующие отнесение сведений к категории конфиденциальной, являются «сведения о первичных статистических данных, содержащиеся в формах федерального статистического наблюдения, сбор и обработка которых осуществляется субъектами официального статистического учета в целях формирования официальной статистической информации в установленной сфере деятельности». Данное положение включено в Перечень Минфина России и имеет основанием нормы ст. 9 Федерального закона «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» [3], которая признает данный вид информации сведениями ограниченного доступа. Причем речь в указанном Законе идет не только о первичных статистических данных как

«документированной информации по формам федерального статистического наблюдения, получаемой от респондентов либо документированной непосредственно в ходе федерального статистического наблюдения», но и об административных данных, под которыми понимается «документированная информация, получаемая федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и государственными организациями в связи с осуществлением ими разрешительных, регистрационных, контрольно-надзорных и других административных функций».

Данный важный класс информации, законодательно определенный как конфиденциальный, полностью упущен из поля зрения в органах внутренних дел, где таких сведений огромное количество [4, с. 65].

Далее, в рассматриваемый Перечень Минфина России включено, но, к сожалению, полностью упущено МВД России положение о том, что к категории конфиденциальной информации относятся «сведения, содержащиеся в заявках, поданных в форме электронных документов на участие в открытом конкурсе».

Данное положение вытекает из норм ст. 51 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5]. Пункт 11 данной статьи содержит следующее положение:

«Заказчик, специализированная организация обеспечивают сохранность конвертов с заявками на участие в открытом конкурсе, защищенность, неприкосновенность и конфиденциальность поданных в форме электронных документов заявок на участие в открытом конкурсе и обеспечивают рассмотрение содержания заявок на участие в открытом конкурсе только после вскрытия конвертов с заявками на участие в открытом конкурсе или открытия доступа к поданным в форме электронных документов заявкам на участие в открытом конкурсе в соответствии с настоящим Федеральным законом. Лица, осуществляющие хранение конвертов с заявками на участие в открытом конкурсе, в том числе поданных в форме электронных документов заявок на участие в открытом конкурсе, не вправе допускать повреждение этих конвертов, осуществлять открытие доступа к таким заявкам до момента вскрытия конвертов с заявками на участие в

открытом конкурсе или открытия доступа к поданным в форме электронных документов заявкам на участие в открытом конкурсе в соответствии с настоящим Федеральным законом».

Проведенный автором небольшой анализ показывает, что упорядочение отношений в части обособления конфиденциальной информации от остального информационного массива является велением времени. В качестве зарубежного опыта рассмотрим двухуровневую систему перечней сведений конфиденциального характера Республики Беларусь в соответствии с постановлением Совета министров Республики Беларусь от 12 августа 2014 г. № 783 [6].

Первый уровень здесь – общегосударственный перечень. Второй уровень – ведомственные перечни, которые не могут противоречить общегосударственному.

Общегосударственный Перечень утвержден, наряду с Положением о порядке ведения делопроизводства по документам, содержащим такую информацию, вышеуказанным постановлением и поделен на разделы, один из которых поименован как «Правоохранительная деятельность». Анализ ряда положений данного раздела поможет нам представить круг сведений, который в Белоруссии относят к категории конфиденциальных в данной области общественных отношений.

Собственно к деятельности милиции в данном государстве относятся только четыре пункта: сведения, связанные с профессиональной деятельностью, разглашение которых может создать угрозу личной безопасности сотрудников правоохранительных органов и членов их семей, их имуществу;

сведения о силах, средствах, формах и методах ведения предварительного расследования;

сведения, содержащие результаты взаимодействия оперативных подразделений правоохранительных органов при выявлении (раскрытии) преступлений;

сведения о дислокации постов и маршрутов патрулирования нарядами ДПС ГАИ МВД.

Даже беглый взгляд на приведенные выше категории показывает тщетность попыток установления перечня сведений ограниченного распространения на общегосударственном уровне – при более детальном регулировании такой перечень получился бы слишком громоздким.

Таким образом, задача общегосударственного уровня правового регулирования заклю-

чается прежде всего в выработке научно обоснованных критериев отнесения сведений к данной категории, исключающих посягательства на права и свободы человека и гражданина, а затем в установлении общих, фундаментальных и единых рамок режима защиты такой информации с правом детализации отдельных методов и способов на уровне административных ведомств.

Первое из приведенных положений представляется автору важным для упорядочения оборота служебной информации в органах внутренних дел. Однако не все такие сведения могут быть предметом служебной тайны, существенная часть из них должна являться предметом государственной тайны, и на организационную связь между данными институтами применительно к указанным категориям сведений следовало бы сделать соответствующий акцент.

Вторая из приведенных категорий имеет в Российской Федерации собственное название – институт тайны предварительного расследования. В принципе, распространение на этот блок информации единого режима сведений ограниченного распространения, по мнению автора, носит позитивный характер, т.к. уголовно-процессуальным законодательством система реального ограничения доступа при обороте такой информации практически не устанавливается, отдавая все решения на ограничение в доступе на усмотрение лиц, осуществляющих предварительное расследование. Теперь Белоруссия вышла из этой неопределенности, а Россия в ней осталась.

Следующий из процитированных выше пунктов касается исключительно оперативной работы. В целом следует позитивно оценить стремление упорядочить оборот данной информации, но грань между служебной и государственной тайнами в данной сфере является очень тонкой, поэтому было бы правильным добавить «если эти сведения не составляют государственной тайны».

Таким образом, пометка «Для служебного пользования» будет предельно нижним уровнем для ограничения в доступе к такого рода информации.

Наконец, сведения о дислокации постов и карты маршрутов. Для инспекции безопасности дорожного движения это, конечно, важно, но не менее важным является обеспечение защиты такой информации и для патрульно-постовой службы, и для вневедомственной охраны. Во всяком случае, если данное положение распространять на российскую правовую почву, то следует поступать именно таким образом.

Проведенный анализ показывает в целом верный подход разработчиков белорусского перечня к регулированию данных отношений, однако он носит заведомо фрагментарный характер, что приводит автора настоящего исследования к убеждению в том, что необходимо разрабатывать развернутые ведомственные перечни, где по каждому направлению деятельности административного ведомства, определенному соответствующим положением о нем, устанавливать категории служебной информации, доступ к которым должен быть ограничен в режиме служебной тайны.

Завершая рассмотрение белорусского Перечня сведений ограниченного распространения в части правоохранительной деятельности, автор решил коснуться одной казусной позиции, а именно категории, согласно которой ограничивается распространение информации «об объемах отпуска хлебопродуктов спецпотребителям (исправительным учреждениям) в ассортименте». Для автора остается загадкой, почему вообще данная информация ограничивается в доступе и распространении и почему речь идет только о хлебопродуктах, но не о продуктах питания в целом. Это наглядный пример ничем не обоснованного ограничения в доступе к информации.

Проведенный небольшой сравнительный анализ показывает как несовершенство всей системы отнесения сведений к категории конфиденциальных в системе органов исполнительной власти, которой явно не хватает единой доктринальной платформы и должного законодательного регулирования, так и отсутствие какого-либо системного подхода к регулированию данных отношений, где ведомственное регулирование существенным образом отстает от развивающегося законодательного регулирования.

1. Перечень сведений конфиденциального характера органов федерального казначейства Министерства финансов Российской Федерации.

1. A list of confidential information of the federal treasury of the Ministry of Finance of the Russian Federation: order of the Ministry of Fi-

Федерации: приказ Минфина России от 5 янв. 2004 г. № 1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». 2015.

2. Перечень сведений ограниченного доступа, не содержащих сведений, составляющих государственную тайну, (конфиденциального характера) Министерства финансов Российской Федерации: приказ Минфина России от 17 июня 2014 г. № 162. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». 2015.

3. Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации: федер. закон от 29 нояб. 2007 г. № 282-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г.) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6043.

4. Рыдченко К.Д., Ильченко Л.К., Занин К.А. Административная деятельность ОВД в области обеспечения информационной безопасности: учеб. пособие. Воронеж.

5. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 31 дек. 2014 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

6. О служебной информации ограниченного распространения: постановление Совета министров Республики Беларусь от 12 авг. 2014 г. № 783 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 16.08.2014, 5/39265.

nance of Russia of Jan. 5, 2004 № 1. Access from legal reference system «ConsultantPlus». 2015.

2. The list of information with limited access, do not contain information constituting a state secret (confidential) of the Ministry of Finance of the Russian Federation: order of the Ministry of Finance of Russia of June 17, 2014 № 162. Access from legal reference system «ConsultantPlus». 2015.

3. On official statistical accounting and state statistics system in the Russian Federation: fed. law of Nov. 29, 2007 № 282-FL (in ed. of July 23, 2013) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2007. № 49. Art. 6043.

4. Rydchenko K.D., Ilchenko L.K., Zanin K.A. Administrative activities bodies of internal affairs in the field of information security: study aid. Voronezh.

5. On the contract system in the procurement of goods, works and services for state and municipal needs: fed. law of Apr. 5, 2013 № 44-FL (in ed. of Dec. 31, 2014, with rev. and ext., joined in effect from Jan. 1, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 14. Art. 1652.

6. Overhead information of limited distribution: resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of Aug. 12, 2014 № 783 // National legal Internet-portal of the Republic of Belarus, 08/16/2014, at 5/39265.

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Соблюдение прав человека в деятельности сотрудников органов внутренних дел** : материалы III Всероссийской заочной конференции, 28 ноября 2014 г. / редкол.: О. В. Зиборов, В. А. Джемелинский, М. Е. Труфанов, А. С. Шиенкова, О. В. Шкеля. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2014. – 138 с.

В сборнике опубликованы материалы III Всероссийской заочной конференции «Соблюдение прав человека в деятельности сотрудников органов внутренних дел», состоявшейся в Краснодарском университете МВД России 28 ноября 2014 г.

Для практических работников правоприменительных структур, преподавателей, докторантов, адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов.

**Панфилова Лариса Борисовна**

преподаватель кафедры административной деятельности  
и организации деятельности ГИБДД  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: panfilova77777@mail.ru)

## *Понятие и меры административного принуждения в деятельности сотрудников органов внутренних дел по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте*

В статье рассмотрены понятие административного принуждения, классификация мер административного принуждения, исследованы конкретные меры в деятельности сотрудников органов внутренних дел в сфере обеспечения общественной безопасности на водном транспорте.

**Ключевые слова:** административное принуждение, административное правонарушение, административно-предупредительные меры, мера административного принуждения, водный транспорт, общественная безопасность, сотрудник органов внутренних дел.

**L.B. Panfilova**, Lecturer of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: panfilova77777@mail.ru

**Concept and measures of administrative coercion in activity of employee of the Interior to ensure public safety on water transport**

The article discusses the concept of administrative coercion, the classification of administrative coercion measures, investigates the specific measures in the activity of employee of the Interior in the area of public safety on water transport.

**Key words:** administrative coercion, administrative offense, administrative and preventive measures, measure of administrative coercion, water transport, public safety, employee of the Interior.

**А**дминистративное принуждение как отраслевой вид государственного принуждения представляет собой метод государственного управления, состоящий в применении субъектами функциональной власти установленных нормами административного и административно-процессуального права принудительных мер воздействия, которые направлены на обеспечение неукоснительного выполнения юридических обязанностей лицами в связи с совершением ими противоправных действий или при возникновении обстоятельств, угрожающих безопасности личности, а также общественной безопасности [1].

Под мерами административного принуждения принято понимать те конкретные мероприятия, которые применяются уполномоченными должностными лицами органов государства. При этом проблема научной классификации мер административного принуждения была и остается одной из наиболее дискуссионных в отечественной доктрине. В частности, от-

дельные авторы возвращаются к двухзвенной классификации данных мер (по основаниям их применения): а) меры административного принуждения, назначаемые за совершение административного правонарушения (проступка) и точно определяемые в законе; б) иные меры административного принуждения, которые применяются при отсутствии правонарушения (например, досмотр пассажиров, обязательный осмотр транспортных средств). Основанием применения во второй группе названа государственная необходимость. В рамках этой группы предлагается следующая градация мер административного принуждения: 1) меры административного принуждения, применяемые в силу государственной необходимости; 2) контрольно-предупредительные меры; 3) меры административного пресечения правонарушений, включая меры процессуального обеспечения; 4) восстановительные меры. В общей сложности выделено пять групп мер административного принуждения [2, с. 170–173].



Другие ученые считают нецелесообразным выделять в качестве самостоятельной группы меры административно-процессуального обеспечения [3, с. 50–51]. Помимо этого нет единства мнения о необходимости существования в составе административно-правового принуждения мер административного предупреждения, а также административно-восстановительных мер.

Наиболее правильным, на наш взгляд, является выделение четырех групп мер административного принуждения, среди которых: 1) административно-предупредительные меры; 2) меры административного пресечения; 3) меры административно-процессуального обеспечения; 4) меры административной ответственности [4, с. 13]. Именно из этой позиции будем исходить, рассматривая меры административного принуждения, применяемые органами внутренних дел в сфере обеспечения общественной безопасности на водном транспорте. Следует отметить специфическую особенность этих мер: во-первых, в данной деятельности применяются все формы административного принуждения: предупреждение, пресечение, процессуальное обеспечение, административное наказание; во-вторых, они включают в себя такие меры, как применение физической силы, огнестрельного оружия, специальных средств.

Нормативно-правовая база традиционно рассматривается в качестве важнейшего фактора повышения эффективности обеспечения правопорядка [5, с. 319]. Анализ правовых норм, регламентирующих меры административного принуждения в деятельности сотрудников органов внутренних дел (полиции) по обеспечению безопасности на водном транспорте, следует начинать с Федерального закона «О полиции» [6]. Меры государственного принуждения, применяемые полицией, прежде всего, закреплены в гл. 4 «Применение полицией отдельных мер государственного принуждения». К ним относятся: задержание; входение (проникновение) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории; оцепление (блокирование) участков местности, жилых помещений, строений и других объектов; формирование и ведение банков данных о гражданах. Помимо этого возможность применения ряда мер предупреждения, пресечения и процессуального обеспечения предусмотрена ст. 13 Федерального закона «О полиции». Обратимся к данным нормам, используя приведенную

выше классификацию мер административного принуждения на четыре группы.

К наиболее типичным мерам предупреждения, которые вправе применить сотрудники полиции, относятся:

проверка документов, удостоверяющих личность граждан, если имеются данные, позволяющие подозревать их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в отношении этих граждан дела об административном правонарушении, а равно если имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных законом [6, п. 2 ст. 13];

проверка у граждан, должностных лиц, общественных объединений и организаций разрешения (лицензии) и иных документов на совершение определенных действий или на осуществление определенного вида деятельность, контроль за которыми возложен на полицию в соответствии с законодательством Российской Федерации [6, п. 2 ст. 13];

внесение представлений об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности граждан и общественной безопасности, совершению преступлений и административных правонарушений [6, п. 12 ст. 13];

участие в досмотре пассажиров, ручной клади и багажа на водном транспорте [6, п. 16 ст. 13]; аналогичные положения закреплены в п. 12.29 Типового положения о линейном отделе Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, утвержденного приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 15 июня 2011 г. № 636 (далее – Типовое положение о линейном органе) [7], где сказано, что сотрудник органа внутренних дел (полиции) принимает участие в досмотре пассажиров, их ручной клади и багажа либо осуществляет такой досмотр самостоятельно в целях изъятия вещей и предметов, запрещенных для перевозки транспортными средствами;

осмотр транспортных средств и грузов при подозрении, что они используются в противоправных целях, с составлением соответствующего акта [6, п. 20 ст. 13];

задержание лиц, предпринявших попытку самоубийства либо имеющих признаки выраженного психического расстройства и создающих своими действиями опасность для себя и окружающих, – до передачи их в лечебные учреждения либо по месту жительства [6, п. 11

ч. 2 ст. 14], а также лиц, совершивших побег из психиатрического лечебного учреждения либо скрывшихся от назначенной судом недобровольной госпитализации в такое учреждение, – до передачи их в психиатрическое лечебное учреждение [6, п. 12 ч. 2 ст. 14];

оцепление (блокирование) участков местности и других объектов при ликвидации последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера, при проведении карантинных мероприятий во время эпидемий и (или) эпизоотий [6, п. 1 ч. 2 ст. 16].

Другими мерами административного принуждения, применяемого сотрудниками органов внутренних дел на водном транспорте, являются меры пресечения. К ним можно отнести: требования, предъявляемые к гражданам и должностным лицам о прекращении противоправных действий [6, п. 1 ст. 13]; доставление граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации [6, п. 14 ст. 13]; задержание [6, ст. 14] (за исключением случаев, предусмотренных пп. 11 и 12 ч. 2 ст. 14); применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия [6, гл. 5] (за исключением случаев, предусмотренных пп. 2 и 4 ст. 23, в которых отсутствуют функции пресечения при применении огнестрельного оружия).

Деятельность сотрудников полиции по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте такова, что создает необходимые условия для функционирования других органов за счет мер процессуального обеспечения. Так, в силу положений, предусмотренных ст. 13 Федерального закона «О полиции», сотрудники органов внутренних дел в целях обеспечения общественной безопасности на водном транспорте вправе: требовать от граждан (групп граждан) покинуть место совершения преступления, административного правонарушения, места происшествия, если это необходимо для проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, документирования обстоятельств совершения преступления, административного правонарушения, обстоятельств происшествия с целью сохранения следов преступления, административного правонарушения, для обеспечения безопасности граждан; в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан не допускать их на

отдельные участки местности и объекты либо обязывать оставаться на соответствующих участках местности и объектах либо покинуть их (п. 7). Аналогичные правила предусмотрены в Типовом положении о линоргане (п. 12.2).

Ряд мер процессуального обеспечения предусмотрен ст. 27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП): доставление, административное задержание; личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства, находящихся при физическом лице; осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий, находящихся там вещей и документов; отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида; освидетельствование на состояние алкогольного опьянения; задержание транспортного средства, запрещение его эксплуатации; арест товаров, транспортных средств и иных вещей; привод; временный запрет деятельности. Применение данных мер закреплено и в п. 9 ст. 13 Федерального закона «О полиции».

Следует также отметить, что сотрудники органов внутренних дел (полиции) на водном транспорте осуществляют юрисдикционную деятельность (ст. 23.3 КоАП). Как правило, понятие «административная юрисдикция» используют для характеристики полномочий и деятельности соответствующих властных субъектов по рассмотрению дел об административных правонарушениях [8]. В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 23.3 КоАП начальники линейных отделов (управлений) полиции на транспорте, их заместители рассматривают дела об административных правонарушениях, отнесенных к их компетенции. Из всей системы административных наказаний, предусмотренных ст. 3.2 КоАП, сотрудники полиции вправе применять предупреждение (ст. 3.4 КоАП) и административный штраф (ст. 3.5). В п. 12.9 Типового положения о линейном отделе также сказано, что линорган осуществляет производство по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции органов внутренних дел; обеспечивает в пределах компетенции исполнение административных наказаний.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что рассмотренный перечень мер административного принуждения, которые применяются в деятельности сотрудников органов внутренних дел (полиции) в сфере обеспечения общественной безопасности на водном транспорте, является далеко не исчерпывающим. Под ад-

министративным принуждением в названной деятельности следует понимать метод принудительного воздействия (психологического, физического, материального и организационного характера) на граждан и должностных лиц, регламентированный нормами административного и административно-процессуаль-

ного права, направленный на неукоснительное соблюдение такими лицами юридических обязанностей при возникновении обстоятельств, угрожающих общественной безопасности или безопасности личности либо в связи с совершением административного правонарушения, уголовно наказуемого деяния.

1. *Административная деятельность органов внутренних дел. Часть Общая: учеб. / О.И. Бекетов, С.Н. Бочаров, А.И. Каплунов и др. М., 2009.*

2. *Манохин В.М., Адушкин Ю.С., Багишаев З.А. Российское административное право: учеб. М., 1996.*

3. *Жумагулов М.И. Сущность мер государственного принуждения в административном праве // Современное право. 2006. № 7.*

4. *Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.*

5. *Макарейко Н.В. Подзаконное регулирование мер государственного принуждения, применяемых полицией // Юридическая техника. 2012. № 6.*

6. *О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г. № 258-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2014. № 30, ч. 1. Ст. 4259.*

7. *Об утверждении Типового положения о линейном отделе Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте: приказ МВД России от 15 июня 2011 г. № 636 // Рос. газ. 2011. 19 авг.*

8. *Дрозд А.О. Административно-юрисдикционная деятельность, осуществляемая участковыми уполномоченными полиции (по материалам ГУ МВД России по Алтайскому краю): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012.*

1. *Administrative activity of agencies of the Interior. Part General: textbook / O.I. Beketov, S.N. Bocharov, A.I. Caplunov et al. Moscow, 2009.*

2. *Manohin V.M. Adushkin Yu.S., Bagishaev Z.A. Russian administrative law: textbook. Moscow, 1996.*

3. *Zhumagulov M.I. The essence of the measures of state coercion in administrative law // Modern law. 2006. № 7.*

4. *Kaplunov A.I. Administrative coercion applied by internal affairs bodies (system and legal analysis): auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2005.*

5. *Makareyko N.V. Subordinate regulation measures of state coercion used by police // Legal technics. 2012. № 6.*

6. *On police: fed. law of Febr. 7, 2011 № 3-FL (in ed. of July 21, 2014 № 258-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900; 2014. № 30, pt. 1. Art. 4259.*

7. *On approval of the Model regulation of the linear section of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the rail, water and air transport: order of the Ministry of the Interior of Russia of June 15, 2011 № 636 // Rus. newsp. 2011. Aug. 19.*

8. *Drozhd A.O. Administrative-jurisdictional activity, implement, pull a police precinct (on materials of the Main Directorate of the Ministry of the Interior of Russia across Altai Region): auth. abstr. ... Master of Law. St. Petersburg, 2012.*

**Руденко Анастасия Николаевна**

преподаватель кафедры специальных дисциплин  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: ms.rudenkoan@mail.ru)

**Власенко Елена Евгеньевна**

преподаватель кафедры специальных дисциплин  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: psixolog2009@rambler.ru)

## *Соблюдение прав человека при производстве по делам об административных правонарушениях, совершенных лицами в состоянии опьянения*

В статье раскрыты трудности, с которыми сталкивается сотрудник полиции при решении проблем в производстве по делам об административных правонарушениях, совершенных лицами в состоянии опьянения. Затронуты права человека при производстве по делам об административных правонарушениях, совершенных лицами в состоянии опьянения. Подчеркнута актуальность вопроса о восстановлении деятельности медицинских вытрезвителей.

**Ключевые слова:** сотрудник полиции, административное правонарушение, доставление и задержание, опьянение, права человека, медицинский вытрезвитель.

**A.N. Rudenko**, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ms.rudenkoan@mail.ru;

**E.E. Vlasenko**, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: psixolog2009@rambler.ru

### **Observance of human rights in the proceedings on cases about administrative offences committed by persons in a state of intoxication**

The article presents the difficulties and problems faced by the police officer in the proceedings on cases about administrative offences committed by persons in a state of intoxication. Human rights in the proceedings on cases about administrative offences committed by persons in a state of intoxication are considered. Emphasized the relevance of the question of the restoration of the medical sobering-up stations.

**Key words:** police officer, administrative offence, conveyance and detention, intoxication, human rights, medical detox.

**П**ринцип приоритета прав человека и гражданина в законодательстве, а особенно в административной практике, является наиболее актуальным среди других принципов. Для правового государства должно быть характерно, что права личности являются высшей ценностью, а все государственные органы, в первую очередь органы исполнительной власти, несут ответственность за несоблюдение этих прав. Права человека и гражданина должны быть реально и надежно защищены от любого злоупотребления со стороны органов государственной власти либо должностных лиц [1, с. 20].

Анализ состояния преступности свидетельствует, что одним из серьезных обстоятельств, негативно влияющих на криминогенную об-

становку, является высокий уровень алкоголизации населения и дальнейшее разрастание пьянства.

Как показывает статистика, на территории города Краснодара за 12 месяцев 2014 г. в состоянии опьянения совершено 926 преступных деяний, из которых 871 (+107 с АППГ) совершено в алкогольном опьянении [2].

В 2014 г. за появление в общественных местах города Краснодара в состоянии опьянения к административной ответственности было привлечено более 7 тысяч (7116); за распитие алкогольной продукции – более 3 тысяч человек (3703; +1587) [3].

В решении задач сокращения преступности полиция сталкивается с серьезными проблемами, одна из которых – отсутствие необходи-

мых рычагов воздействия на лиц, страдающих алкогольной зависимостью, которыми в состоянии алкогольного опьянения, как правило, и совершаются преступления, в том числе относящиеся к категории тяжких.

Следует отметить, что в советский период истории нашего государства наиболее эффективной структурой, способной в полной мере осуществлять профилактику пьянства и алкоголизма, являлись медицинские вытрезвители, которые выполняли функции специализированных учреждений по пресечению нарушений антиалкогольного законодательства, в частности появления на улицах и в других общественных местах граждан в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, и по оказанию лицам, находящимся в средней или тяжелой степени опьянения, медицинской помощи, по изоляции нетрезвых граждан на несколько часов до момента естественного их вытрезвления.

Помещение указанной категории граждан в специальные учреждения с одновременной их изоляцией из общественных мест позволяло предотвратить совершение правонарушений и преступлений более тяжких составов лицами, находящимися в состоянии опьянения, а также в отношении их.

Недостатки существовавшей системы вытрезвления были предметом широкой критики и обсуждения в средствах массовой информации, что способствовало принятию государственного решения о передаче этих функций учреждениям здравоохранения [4, с. 404].

В октябре 2011 г. был закрыт последний медвытрезвитель в стране. При этом вопрос о передаче помещений и создании специализированной службы даже не рассматривался. Работа по доставлению лиц в состоянии опьянения легла на службу скорой медицинской помощи. На муниципальных уровнях определены медицинские учреждения для доставления лиц указанной категории. Как правило, это городские больницы.

В настоящее время сотрудники полиции по-прежнему выполняют обязанности по пресечению административных правонарушений, в том числе и по выявлению фактов появления в общественных местах в состоянии опьянения. Однако доставление и оформление этой категории граждан в медицинские учреждения занимает значительный период времени. В результате сотрудники полиции, несущие службу на улицах и в других общественных местах, отсутствуют на маршруте патрулирования длительное время. Кроме того, граждане в силь-

ной степени опьянения могут доставляться в приемный покой медицинских учреждений, в то время как там находятся несовершеннолетние.

Хотелось бы отметить, что в ряде субъектов Российской Федерации в настоящее время созданы центры медицинской помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения. Финансирование деятельности центров осуществляется из средств региональных бюджетов.

В связи с упразднением медицинских вытрезвителей сотрудники полиции столкнулись с весьма серьезными трудностями при обеспечении правопорядка, поскольку некуда стало доставлять лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, которое исключает помещение в медицинские организации.

Сотрудник полиции, выполняя служебные обязанности, сталкивается с ситуациями, в которых необходимо применить такую меру административного принуждения, как доставление правонарушителя в отдел полиции. При этом сотруднику полиции необходимо определить состояние правонарушителя (степень опьянения), возможность и необходимость оказания ему медицинской помощи.

Обязательным условием при задержании является разъяснение гражданину прав и обязанностей, предусмотренных КоАП РФ. Доказательством того, что права разъяснили, является соответствующая запись в протоколе об административном задержании. Однако, если гражданин находится в состоянии опьянения, это не всегда возможно. Здесь четко прослеживается нарушение конституционных прав человека.

Сегодня приказом МВД России от 23 декабря 2011 г. № 1298 регламентирован порядок доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские учреждения.

Инструкция, утвержденная этим приказом, согласована с Министерством здравоохранения и социального развития РФ. В ней, в частности, предусмотрено, что сотрудники полиции при обнаружении лиц, находящихся в состоянии опьянения, в том числе несовершеннолетних, при необходимости оказывают им первую помощь, организуют незамедлительный вызов на место выездной бригады скорой медицинской помощи, о чем докладывают в дежурную часть территориального органа МВД России, и действуют в соответствии с указаниями де-

журного, а также обеспечивают сохранность имущества лиц, находящихся в состоянии опьянения.

В соответствии с данным приказом в медицинские учреждения помещаются только те лица, которые нуждаются в оказании им медицинской помощи. При отсутствии показаний для оказания специализированной медицинской помощи в стационарных условиях лица, находящиеся в состоянии опьянения, совершившие правонарушения, доставляются сотрудниками полиции в дежурные части территориальных органов МВД России [5].

Возникает проблема определения места и времени вытрезвления.

Исчисление срока административного задержания начинается с момента доставления, а лица, находящегося в состоянии опьянения, — со времени его вытрезвления. При этом необходимо отметить, что в КоАП РФ максимальный срок вытрезвления, а также тот, кто определяет момент вытрезвления, не установлены. КоАП РФ отдает установление момента вытрезвления на усмотрение должностных лиц, осуществляющих задержание лиц, находящихся в состоянии опьянения.

Следует отметить, что врачебная практика связывает момент вытрезвления с истечением определенного периода времени. Например, вытрезвление состояния опьянения, вызванного употреблением алкоголя, происходит в среднем в течение 6–8 часов (если состояние опьянения не поддерживать новыми дозами алкоголя). Здесь по объективным причинам сложно определить момент вытрезвления: алкоголь, наркотические вещества и другие инициаторы опьянения действуют на людей по-разному [6, с. 192].

Такая нечеткая формулировка скрывает в себе ничем не ограниченные дискреционные полномочия сотрудников полиции по определению такого периода. Тем самым создаются не только условия для злоупотреблений при определении момента вытрезвления, но и усложняется деятельность полиции по выявлению административных правонарушений. Во избежание необоснованного увеличения сроков административного задержания необходимо предложить законодательное закрепление врачебного удостоверения момента вытрезвления доставленных лиц, в отношении которых применено административное задержание [7, с. 20].

Поэтому было бы неплохо, если бы законодатели учредили норму, в соответствии с которой момент вытрезвления определял бы врач, осуществляющий освидетельствование состояния опьянения.

Анализ нормативных положений ст. 27.3–27.5 КоАП РФ, регламентирующих порядок применения административного задержания, показывает, что законодателем не установлен максимальный срок помещения на вытрезвление лица, находящегося в состоянии опьянения, как и не установлено, кто должен определять момент вытрезвления.

В целях устранения субъективного определения момента вытрезвления и недопущения злоупотреблений со стороны должностных лиц, применяющих данную меру административного принуждения, а также соблюдения прав граждан на личную свободу необходимо в ст. 27.5 КоАП РФ законодательно закрепить срок административного задержания лиц, находящихся в состоянии опьянения, определение момента вытрезвления.

Проведение медицинского освидетельствования показывает, что до настоящего времени не определен единый порядок направления на медицинское освидетельствование, проведения и оформления его результатов в рамках производства по делам об административных правонарушениях. Кроме того, правом проведения освидетельствования на состояние опьянения с помощью технических средств не наделены ни участковые уполномоченные полиции, ни должностные лица дежурных частей органов внутренних дел, ни сотрудники патрульно-постовой службы полиции.

Наибольшие затруднения у сотрудников полиции вызывает применение такой меры пресечения, как помещение на вытрезвление лиц, находящихся в состоянии опьянения. Это связано с тем, что процедура помещения лица, совершившего административное правонарушение в состоянии опьянения, не детализирована, как и не определены места содержания данных лиц до вытрезвления.

В связи с этим в целях соблюдения прав и свобод человека и гражданина, устранения опасности для жизни и здоровья людей, которые в состоянии опьянения создают реальную угрозу как для самих себя, так и для окружающих, а также эффективного обеспечения полицией охраны правопорядка в общественных местах необходимо восстановить медицинские вытрезвители и оставить их в системе МВД России. Такая мера административного принуждения, как помещение на вытрезвление, должна получить закрепление в КоАП РФ и одновременно в нормативных правовых актах МВД России.

Актуальность вопроса о восстановлении деятельности медицинских вытрезвителей также обуславливает рост в последние годы

количества зарегистрированных преступлений, совершенных на улицах, площадях, скверах, парках, а также совершенных в состоянии опьянения. Причем статистические данные о количестве административных правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, были бы еще более удручающими, если бы учитывались данные о состоянии потерпевшего в момент совершения в отношении его преступления.

Сама мера административного принуждения – помещение на вытрезвление – должна получить закрепление в КоАП РФ в качестве меры административно-процессуального обеспечения с одновременным установлением ее правового механизма в нормативных правовых актах МВД России. При этом в КоАП РФ должны быть определены порядок, основания, цели ее применения и меры воздействия (физическая сила, специальные средства), которые могут быть применены к лицу, помещаемому на вытрезвление.

В связи с этим нам видится, что на нынешнем этапе развития общества возможным

вариантом решения вопроса реорганизации медицинских вытрезвителей может стать создание в ведении Министерства здравоохранения и социального развития РФ медицинских отделений при учреждениях здравоохранения, в функции которых входило бы оказание первой медицинской помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, доставленным с улиц и иных общественных мест, выведение данных лиц из состояния алкогольной интоксикации с осуществлением курса их дальнейшей реабилитации. При этом органы внутренних дел в соответствии с законодательством Российской Федерации будут осуществлять доставку указанных лиц в эти учреждения и обеспечивать охрану общественного порядка.

Авторы убеждены, что принятие положительного решения по затронутому вопросу восстановления института медицинских вытрезвителей послужит серьезным фактором оздоровления криминогенной обстановки, а также наиболее эффективной формой борьбы с алкоголизацией населения.

1. Четвериков В.С. Административное право Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2012.

2. Аналитические данные // Сведения ИЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю.

3. Справка о состоянии работы по линии административного законодательства // Сведения Управления МВД России по городу Краснодару.

4. Мирошниченко Л.Д. Организация медицинской помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения: региональный аспект // Вопросы наркологии. 2013. № 5.

5. Об утверждении Инструкции о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации: приказ МВД России от 23 дек. 2011 г. № 1298 // Рос. газ. 2012. 29 февр.

6. Резепов И.Ш. Пособие для истца: судебный процесс от подачи иска до исполнения решения. Ростов н/Д, 2008.

7. Помогалова Ю.В. Административное задержание, доставление и привод в системе мер административного принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

1. Chetverikov V.C. Administrative law of the Russian Federation: study aid. Moscow, 2012.

2. Analytical data // Information of Information Center of Main Directorate of the Ministry of the Interior of Russia across Krasnodar region.

3. The reference on the work of the administrative law // Control Information of the MIA of Russia in the city of Krasnodar.

4. Miroshnichenko L.D. Organization of medical assistance to persons in a state of alcoholic intoxication: a regional perspective // Addiction issues. 2013. № 5.

5. On approval of the Instruction about the order of delivery of persons in public places in a state of alcoholic, narcotic or other toxic substances, and lost the ability to move independently or to navigate in the environment, in health care organizations: order of the Ministry of the Interior of Russia of Dec. 23, 2011 № 1298 // Rus. newsp. 2012. Febr. 29.

6. Rezepov I.Sh. Manual for plaintiff: the court process from filing a lawsuit to enforce the judgment. Rostov-on-Don, 2008.

7. Pomogalova Yu.V. Administrative detention, delivery, and drive in the system of administrative coercive measures: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2005.

**Смородинова Юлия Сергеевна**

старший преподаватель кафедры гражданского процесса  
Кубанского государственного аграрного университета  
(e-mail: deinekajulia@mail.ru)

## *Методы осуществления государственного контроля и административного надзора органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации*

В работе проведен анализ существующих научных подходов к определению понятия метода осуществления государственного контроля и надзора, представлено авторское видение понятия метода государственного контроля и административного надзора, под которым понимается совокупность организационных, функциональных и процедурных способов, приемов, средств волевого воздействия контролирующего (надзорного) органа на подконтрольного (поднадзорного) субъекта государственного управления. Автор выделяет критерии дифференциации и проводит классификацию указанных методов. Подводя итог работе, автор предлагает проект статей закона субъекта Российской Федерации о государственном контроле и административном надзоре в субъекте Российской Федерации, в которых предусматривает систему методов осуществления органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации государственного контроля и административного надзора.

**Ключевые слова:** метод, государственный контроль, административный надзор, контрольная деятельность, государственное управление, организационные способы контроля, функциональные способы контроля, процедурные способы контроля.

**Yu.S. Smorodinova**, Senior Lecturer of the Chair of Civil Procedure of the Kuban State Agrarian University; e-mail: deinekajulia@mail.ru

### **Methods for implementation of state control and administrative oversight by bodies of the executive power of the constituent entities of the Russian Federation**

The aim of the paper is to analyze existing scientific approaches to the definition of the implementation of supervision and control, the author's vision of the state control and administrative oversight, which is a combination of organizational, functional and procedural methods, techniques, tools, volitional action control (supervisory) authority for controlled (controlled) of the subject of governance. The author proposes a system of criteria of differentiation of methods and those classification. Summing up the work, the author of the article suggests the draft articles of the law of the Russian Federation on state control and administrative oversight in the constituent entities of the Russian Federation, where offers a system of state control and administrative oversight of executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation.

**Key words:** method, state control, administrative oversight, verification activities, public administration, organizational control techniques, functional methods of control, procedural means of control.

**М**етоды осуществления государственного контроля и административного надзора являются теми правовыми и организационными способами, приемами и средствами, с помощью которых реализуются данные виды управленческих функций органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Подобный подход в определении методов государственного контроля приводят многие ученые-административисты [1, с. 75; 2, с. 17], за исключением положений о том, что методы государственного контроля

и административного надзора представляют собой правовые и организационные способы, приемы и средства. М.И. Пискотин, исследуя методы государственного управления, отмечает, что методы государственного управления следует разделять на организационные и функциональные (деятельные) [2, с. 13]. В.М. Манохин и Ю.С. Адушкин характеризуют метод как волеизъявление одного участника управленческой деятельности по отношению к другому [3, с. 124]. Сходную позицию высказывал Б.М. Лазарев, который под методами



понимает способы воздействия на поведение, деятельность управляемых [4, с.166–167]. Для того чтобы определить, что собой представляет метод государственного контроля и административного надзора, следует выделить признаки, присущие данному явлению, что позволит выделить данное явление из единой системы методов государственного управления.

Исследуя проблемы метода государственного контроля, О.Е. Савенко к числу признаков, характеризующих метод контрольной деятельности государственных органов, относит следующие: «1) представляют собой совокупность способов, приемов, средств государственного контроля; 2) осуществляются государственными контрольными органами в процессе контрольной деятельности. Всегда сопровождаются реализацией компетенции, то есть властных полномочий по определенным предметам ведения; 3) раскрывают – как, каким образом, государство реализует общенациональные интересы, решает публичные задачи и функции; 4) всегда должны иметь правовой характер, соответствовать букве и духу закона. Применяются на основе и во исполнение закона; 5) характеризуются стадийностью – последовательным применением формализованных стадий и процедур; 6) имеют своим адресатом определенный объект контроля» [5, с. 151–152]. С.М. Зырянов отмечает среди признаков метода административного надзора «повышение качества нормативного правового регулирования; обязательную антикоррупционную экспертизу проектов законодательных и иных нормативных правовых актов, образующих институт административного надзора; государственный контроль (включая прокурорский надзор) и общественный контроль за реализацией функции административного надзора; прозрачность и публичность административно-надзорной деятельности; юридическую, прежде всего административную, ответственность должностных лиц органов исполнительной власти; административную юстицию, включая развитие досудебных процедур разрешения споров» [6, с. 16–17]. С подобным перечнем признаков метода государственного контроля необходимо согласиться. Вместе с тем, приведенный перечень признаков следует дополнить следующими положениями: во-первых, метод государственного управления и административного надзора представляет собой волевое действие (деятельность) органа государственного управления, во-вторых, рассматриваемые методы имеют организационный и функциональный характер, что позволяет отметить их предназначение и ту роль, которую он выполняет в процессе осуществления функций государственного контроля и административного

надзора. Ранее сформулированные в административно-правовой науке подходы и наши предложения позволяют определить понятие метода государственного контроля и административного надзора как совокупность организационных, функциональных и процедурных способов, приемов, средств волевого воздействия контролирующего (надзорного) органа на подконтрольного (поднадзорного) субъекта государственного управления.

Многообразие волевых способов, приемов и средств воздействия на управляющих субъектов требовало от административно-правовой науки разработки системы видов такого воздействия, что весьма активно осуществлялось отечественными учеными [7, с. 219–220; 8, с. 29; 9, с. 11–15; 3, с. 131]. Однако следует признать, что данные методы в исследованиях административистов традиционно были ориентированы на систему методов государственного управления. В этой связи методы государственного контроля и административного надзора могут быть дифференцированы в зависимости от содержания способов, приемов и средств, осуществления рассматриваемых функций государственного управления. Приведенные обстоятельства позволяют дифференцировать методы государственного контроля и административного надзора по трем основным критериям: процедурным, организационным и функциональным.

Процедурные методы характеризуются процессом их осуществления и зависят от ситуации, в которой применяются организационные и функциональные методы государственного контроля и административного надзора. В свою очередь, организационные методы обуславливаются спецификой их проведения субъектами государственного контроля и административного надзора. Функциональные методы выражаются в определенной специфике деятельности по проведению государственного контроля и административного надзора.

По процедурному критерию следует выделить следующие виды методов государственного контроля и административного надзора.

Метод оперативной деятельности контрольного органа – данный метод характеризуется тем, что он присущ исключительно органам, осуществляющим государственный контроль. Именно для органов государственного управления характерна повседневная (оперативная) деятельность по осуществлению государственного контроля на всех стадиях государственного управления. Рассматриваемый метод раскрывается в иных организационных и функциональных методах.

Метод экстренной деятельности контрольного органа применяется в чрезвычайных управленческих ситуациях и является исключительным методом, при котором функция государственного контроля осуществляется при наличии определенных в законе чрезвычайных ситуаций социального, природного и техногенного характера.

Метод плановой деятельности контрольного (надзорного) органа может быть осуществлен как органами государственного контроля, так и органами административного надзора. Осуществление плановых мероприятий по проверке подконтрольного (поднадзорного) объекта является наиболее распространенным методом деятельности исполнительно-распорядительных органов и является обычной и нормальной процедурой деятельности контрольных и надзорных органов.

Метод внеплановой деятельности контрольного (надзорного) органа также осуществляется как органами государственного контроля, так и административного надзора и обусловливается возникновением определенных в законе условий для проведения такого контроля (надзора). Внеплановые контрольные (надзорные) мероприятия проводятся при наличии обращения лиц, заинтересованных в проведении органом государственного управления контрольных (надзорных) действий, либо поступлении иной информации, свидетельствующих о необходимости проведения государственного контроля или административного надзора.

По организационному критерию методы государственного контроля и административного надзора могут быть следующими.

Комплексный метод контроля и надзора предполагает как сочетание нескольких организационных и функциональных методов, так и проведение государственного контроля и административного надзора по различным специальным направлениям деятельности подконтрольного (поднадзорного) объекта. Так, комплексный метод государственного контроля предполагает одновременную проверку состояния управленческой деятельности подконтрольного органа на всех стадиях процесса государственного управления. Комплексный метод административного надзора характеризуется тем, что проверяются различные аспекты деятельности поднадзорного органа. Например, осуществляя комплексный ветеринарный надзор, государственная ветеринарная инспекция проверяет на поднадзорном объекте эпизоотическое состояние животных, ветеринарно-санитарное состояние животноводства, проводимые меры, обеспечивающие профилактику и ликвидацию болезней животных.

Коллективный метод предполагает проведение контроля и надзора группой должностных лиц, что позволяет оперативно и всесторонне провести указанные мероприятия на подконтрольном (поднадзорном) объекте государственного управления.

Единоличный метод реализуется определенным лицом, в полномочия которого входит проведение контрольных или надзорных мероприятий. Так, должностные лица органов исполнительной власти, уполномоченные составлять протокол об административном правонарушении (ст. 28.3 КоАП РФ), являются должностными лицами надзорного органа, осуществляющими свои административно-юрисдикционные полномочия по итогам единоличного надзорного мероприятия.

Метод выездного контроля (надзора) – организационный метод контроля и надзора, который характеризуется проведением данных мероприятий по месту нахождения подконтрольного (поднадзорного) объекта. Этот организационный метод обладает высокой степенью эффективности и результативности, т.к. субъект, осуществляющий данные функции, имеет непосредственный контакт с подконтрольным и поднадзорным объектом, характеризуется непосредственным визуальным наблюдением за процессами или явлениями, которые представляют интерес для осуществления приведенных функций, и в этой связи его качественное значение является более высоким.

Документарный (камеральный) метод предполагает проведение контроля или надзора по запрошенным контролирующим (надзирающим) органам управленческих документов.

Контрольно-(надзорно-)предупредительный метод представляет собой разновидность организационных методов, направленную на предупреждение негативных последствий управленческой деятельности. Он предполагает такую организацию проведения контроля и надзора, при которой итогом является предотвращение негативных (противоправных) последствий управленческой деятельности подконтрольного (поднадзорного) субъекта.

Контрольно-(надзорно-)пресекающий метод – вид организационных методов, предполагающий проведение контроля или надзора с целью предотвратить негативные последствия уже существующего и развивающегося процесса государственного управления. Следует отметить, что рассматриваемый метод отличается от контрольно-(надзорно-)предупредительного метода тем, что предполагает частную превенцию негативных последствий управленческого процесса, а также следствием реализации

данного метода является применение мер административного принуждения и юридической ответственности надзирающим органом.

Контрольно-(надзорно-)восстановительный метод – этот вид метода предполагает осуществление контроля или надзора для целей восстановления ранее существовавшего положения дел в управленческом процессе для того, чтобы впоследствии изменить отдельные аспекты процесса государственного управления. Следствием применения данного организационного метода является отмена ранее принятого управленческого решения и дача рекомендаций по принятию законного, обоснованного и целесообразного управленческого решения.

Контрольно-(надзорно-)обеспечительный метод – метод, предполагающий в результате проведения государственного контроля и административного надзора принятие мер, обеспечивающих эффективный и правомерный процесс государственного управления, оказывающих содействие субъектам управленческих отношений.

По функциональному признаку следует выделить следующие методы государственного контроля и административного надзора.

Метод анализа – один из наиболее часто применяемых методов контроля и надзора, который выражается в изучении основных параметров, коэффициентов и иных показателей деятельности подконтрольного (поднадзорного) объекта, дающих объективную оценку его управленческой деятельности.

Метод осмотра (досмотра) предполагает, что лицо, осуществляющее контроль или надзор, обнаруживает, непосредственно воспринимает, исследует, оценивает и фиксирует состояние, свойства и признаки материальных объектов, связанных с управленческим процессом, с целью выявления данных, свидетельствующих об управленческой деятельности подконтрольного или поднадзорного объекта.

Метод проверки предполагает контроль или надзор за функционированием объекта в течение определенного временного промежутка и системный анализ процесса государственного управления, осуществляемого подконтрольным или поднадзорным субъектом.

Метод изучения заключается в уяснении смысла и содержания процесса государственного управления или деятельности по осуществлению отдельных его стадий с целью выявления как недостатков, так и положительных сторон деятельности подконтрольного (поднадзорного) субъекта и распространения передового опыта на другие субъекты управленческого процесса.

Метод лицензирования является методом, в соответствии с которым надзорный орган выдает специальное разрешение на осуществление определенного вида деятельности. Этот метод применим исключительно в процессе административного надзора, т.к. осуществляется в отношении неподчиненного субъекта, и суть его заключается в выявлении условий своевременного, качественного и правомерного осуществления определенных в лицензии видов деятельности поднадзорного субъекта.

Метод аттестации (аккредитации) выражается в осуществлении проверки на предмет соответствия требованиям законодательства по уровню знаний, умений, соответствия требованиям нормативов и иным характеристикам деятельности подконтрольного (поднадзорного) субъекта (или его служащих).

Метод экспертного исследования заключается в применении специальных методик исследования отдельных объектов и процессов в государственном управлении с целью выявления их безопасности, качественного состояния, функционального назначения и т.п. и осуществляется специальным субъектом контролирующего или надзирающего органа. Такими субъектами являются специалисты (эксперты), обладающие специальными познаниями в области науки, культуры, искусства и т.п. Приведенный метод сводится к применению в ходе контроля или надзора специальных познаний в отдельных вопросах контрольной (надзорной) деятельности субъекта. Специальные познания представляют собой научные, технические и иные профессиональные знания, полученные в результате обучения, и навыки, приобретенные в процессе работы в определенных отраслях практической деятельности, используемые совместно с научно-техническими средствами при поиске, обнаружении, изъятии и исследовании объектов с целью получения информации, необходимой для установления на предмет соответствия законодательству деятельности подконтрольного или поднадзорного объекта.

Следует обратить внимание на аспект единства и различия методов государственного контроля или административного надзора. Нам представляется, что методы осуществления государственного контроля и административного надзора едины, вместе с тем, порядок их применения контролирующими и надзирающими органами в рамках административно-надзорного и государственно-контрольного производства различен. В административно-правовой науке отмечалось, что «природа и характер способов осуществления контрольной дея-

тельности определяются непосредственно видом контрольного производства. Юридическая сущность заключается в четком законодательном закреплении этих способов, и поэтому каждый факт их применения связан с наступлением определенных юридических последствий» [10, с. 74–75]. В современной отечественной административно-правовой науке не уделялось внимание структуре метода государственного контроля и административного надзора. Структура метода есть внутренние элементы, раскрывающие сущность изучаемого явления. Традиционно структурными элементами метода являются способы, приемы и средства волевого воздействия контролирующего (надзирающего) субъекта на подконтрольный (поднадзорный) объект. Данные элементы структуры метода очевидны и раскрывают их процедурный, организационный и функциональный аспекты.

Способы осуществления государственного контроля и административного надзора представляют собой определенный набор приемов осуществления государственного контроля и административного надзора. Способы раскрывают функциональный аспект метода государственного контроля и административного надзора. Прием осуществления государственного контроля и административного надзора представляет собой первичную единицу деятельности по осуществлению рассматриваемых функций и в своей совокупности образует способ государственного контроля или административного надзора. Прием напрямую связан с функциональным аспектом методов государственного контроля и административного надзора. Средства осуществления государственного контроля и административного надзора раскрывают организационную и правовую сущность метода или процедурный и организационный аспекты метода государственного контроля и административного надзора.

Эффективное применение методов государственного контроля и административного надзора органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации возможно лишь при условии их нормативно-правового закрепления на уровне закона субъекта Федерации, разработка и принятие которого является насущной задачей современного периода развития государственно-управленческих отношений на региональном уровне. Приведенные положения позволяют нам предложить следующий проект статей закона субъекта Российской Федерации о государственном контроле и административном надзоре.

Статья. Система методов государственного контроля, административного надзора и муниципально-

ципального контроля в субъекте Российской Федерации

1. Методы осуществления государственного контроля, административного надзора и муниципального контроля устанавливаются настоящим законом. Применение методов государственного контроля, административного надзора и муниципального контроля, не предусмотренных настоящим законом, запрещается.

2. Методы осуществления административного надзора прямо предусмотрены настоящим законом.

3. Методы осуществления государственного контроля, административного надзора и муниципального контроля состоят из процедурных, организационных и функциональных их видов.

4. Процедурными методами являются методы, обусловленные процедурой их осуществления и зависящие от ситуации, в которой применяются организационные и функциональные методы государственного контроля, административного надзора и муниципального контроля.

5. Организационными методами являются методы, обусловленные спецификой проведения субъектами государственного контроля, административного надзора и муниципального контроля проверочных мероприятий.

6. Функциональными методами являются методы, обусловленные определенной деятельностью по проведению государственного контроля, административного надзора и муниципального контроля.

Статья. Методы осуществления государственного контроля, административного надзора и муниципального контроля в субъекте Российской Федерации

1. Процедурными методами государственного контроля, административного надзора и муниципального контроля являются:

- а) метод оперативной деятельности контрольного (надзорного) органа;
- б) метод экстренной деятельности контрольного (надзорного) органа;
- в) метод плановой деятельности контрольного (надзорного) органа;
- г) метод внеплановой деятельности контрольного (надзорного) органа.

2. Организационными методами государственного контроля и муниципального контроля являются:

- а) комплексный метод государственного контроля, административного надзора и муниципального контроля;
- б) коллективный метод государственного контроля, административного надзора и муниципального контроля;
- в) единоличный метод государственного контроля и муниципального контроля;

г) метод выездного государственного контроля, административного надзора и муниципального контроля;

д) документарный (камеральный) метод государственного контроля, административного надзора и муниципального контроля;

е) контрольно-предупредительный метод государственного контроля и муниципального контроля;

ж) контрольно-пресекательный метод государственного контроля и муниципального контроля;

з) контрольно-восстановительный метод государственного контроля и муниципального контроля;

и) контрольно-обеспечительный метод государственного контроля и муниципального контроля.

3. Функциональными методами государственного контроля, административного надзора и муниципального контроля являются:

а) метод анализа;

б) метод осмотра (досмотра);

в) метод проверки;

г) метод изучения;

д) метод лицензирования;

е) метод аттестации (аккредитации);

ж) метод экспертного исследования;

з) метод использования специальных знаний.

Статья. Методы осуществления административного надзора в субъекте Российской Федерации

1. Процедурными методами государственного контроля и муниципального контроля являются:

а) метод экстренной деятельности контрольного органа;

б) метод плановой деятельности контрольного органа;

в) метод внеплановой деятельности контрольного органа.

2. Виды организационных и функциональных методов административного надзора установлены предыдущей статьей настоящего закона.

1. Бахрах Д.Н. Основные понятия теории социального управления. М., 1999.

2. Советское административное право. Методы и формы государственного управления / под ред. Ю.М. Козлова, Б.М. Лазарева, А.Е. Лунева, М.И. Пискотина. М., 1977.

3. Манохин В.М., Адушкин Ю.С. Российское административное право: учеб. Саратов, 2000.

4. Лазарев Б.М. Государственное управление на этапе перестройке. М., 1988.

5. Савенко О.Е. Контрольная функция государственных органов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

6. Зырянов С.М. Административный надзор органов исполнительной власти: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

7. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учеб. М., 2001.

8. Разаренов Ф.С. Основы административной деятельности милиции: учеб. пособие. М., 1986.

9. Бельский К.С., Елисеев Б.П., Кучеров И.И. О системе полицейской деятельности // Государство и право. 2003. № 4.

10. Горшенев В.М., Шахов И.Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987.

1. Bachrach D.N. basic concepts of the theory of social control. Moscow, 1999.

2. The Soviet administrative law. Methods and forms of public administration/ ed. by Yu.M. Kozlov, B.M. Lazarev, A.E. Lunev, M.I. Piskotin. Moscow, 1977.

3. Manohin V.M., Adushkin Yu.S. Russian administrative law: textbook. Saratov, 2000.

4. Lazarev B.M. State government during the restructuring. Moscow, 1988.

5. Savenko O.E. Monitoring function of public bodies: diss. ... Master of Law. Moscow, 2004.

6. Zyryanov S.M. administrative oversight of the executive branch: auth. abstr. Dr of Law. Moscow, 2010.

7. Alekhin A.P., Karmolitsky A.A., Kozlov Yu.M. Administrative law of the Russian Federation: textbook. Moscow, 2001.

8. Razarenov F.S. Basis of administrative militia: study aid. Moscow, 1986.

9. Belsky K.S., Eliseev B.P., Kucherov I.I. Policing system // State and law. 2003. № 4.

10. Gorshenev V.M., Shachov I.B. Control as a legal form of activity. Moscow, 1987.

**Кирьянова Анна Александровна**преподаватель кафедры русского и иностранных языков  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: kiryanova.anna@inbox.ru)

## Проектная деятельность в Абботсхольмской и Бидельской школах

В статье рассматривается проектная деятельность Абботсхольмской и Бидельской школ, основанных С. Редди и Д. Бэдли на рубеже XIX–XX вв. Отмечен вклад проектов, реализуемых учащимися и преподавателями данных учебно-воспитательных учреждений, в процесс глобализации образования.

**Ключевые слова:** проектирование, «Круглый квадрат», образовательный инновационный процесс, методика «творческих дел», географические, экологические, исторические, литературные, бизнес-проекты.

**A. A. Kiryanova**, Lecturer of the Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kiryanova.anna@inbox.ru

### Project activity at Abbotsholme and Bedales schools

The article considers the project activity of Abbotsholme and Bedales schools founded by C. Reddy and D. Badly at the turn of XIX–XX centuries. The author marked the contribution of the students' and teachers' projects of these educational institutions to the process of globalization of education.

**Key words:** project activity, «Round Square», educational innovative process, technique of «creative works», geographical, ecological, historical, literary and business projects.

**Н**а протяжении ряда лет педагоги Абботсхольмской и Бидельской школ активно осуществляют процесс обучения с помощью проектирования, в ходе которого у учащихся развиваются познавательные, организаторские и креативные навыки и они учатся самостоятельности, активности и ответственности.

В современной педагогической литературе проектирование (от латинского *projectus* – брошенный вперед, выступающий, выдающийся вперед, торчащий) определяется как специфический вид деятельности, направленный на создание проекта в качестве уникального вида продукта [1, с. 274].

Посредством педагогического проектирования в рамках образовательных инновационных процессов происходит преобразование человека и межличностных отношений, изменяется социальная среда, педагогическими средствами решаются социальные проблемы.

Следует отметить, что в большинстве западно-европейских стран, в том числе и в Англии, еще в конце XIX – начале XX вв. широкое распространение получили прагматическая педагогика Д. Дьюи и разработанные его последователем У. Килпатриком проектные задания в виде совместного пошагового проектирования образовательного процесса всеми его участниками, что ведет к реформированию учебно-воспита-

тельных учреждений интернатного типа. В результате его, можно сказать, и появились рассматриваемые нами школы гуманистического типа [2, с. 168].

Руководство и профессорско-преподавательский состав изучаемых школ-интернатов не только активно внедряют в учебно-воспитательную деятельность различного рода проекты, объединяющие знания учащихся по нескольким учебным дисциплинам, но и всячески поощряют активное участие школьников в руководстве проектными работами.

Для осуществления разнообразных проектов учащиеся совместно с преподавателями проходят следующие важные этапы: предпроектный, этап реализации проекта, рефлексивный и послепроектный.

Предпроектный этап включает в себя следующие виды деятельности: диагностику социально-образовательной ситуации, проблематизацию, целеполагание, концептуализацию, выбор формата проекта, программирование и планирование хода проекта [3, с. 64].

В ходе реализации этого этапа преподаватели Абботсхольмской и Бидельской школ одной из своих задач ставят пробуждение интереса участников проекта к главной проблеме проекта, оказывают учащимся помощь в поиске необходимой информации, знакомят их с различными способами решения поставленной перед

ними проблемы и предоставляют участникам проекта возможность обмена мнениями друг с другом.

Педагоги изучаемых школ подчеркивают: для того чтобы начальный этап проектирования проходил успешно, каждый его участник должен сформировать для себя четкое представление о виде будущего проекта, способах его реализации, что послужит стимулом для ряда других составляющих проекта [3, с. 68].

По мнению педагогов Абботсхольмской и Бидельской школ, важной основополагающей частью проектирования являются четко организованное документирование всех видов деятельности, подробная отчетность по всем этапам, обобщение, анализ, презентация, разработка методических и дидактических материалов, что особенно необходимо для проектов, финансируемых из внешних органов.

В рамках изучаемых дисциплин в рассматриваемых школах осуществляются следующие типы учебных проектов: географические, экологические, исторические, бизнес-проекты и многие другие.

В ходе работы над различными проектами по географии воспитанники под руководством своих наставников изучают особенности как своего государства, так и других стран, совершая виртуальные или реальные путешествия в разные страны мира (Германия, Франция, Чехия, Норвегия, США) и континенты (Америка, Африка, Азия, Европа).

По результатам поездок учащиеся, участвовавшие в осуществлении проекта, готовят презентации, видеофильмы и репортажи.

В течение ряда лет воспитанниками успешно реализуются экологические проекты «Наша природа», «Защита животного мира», «Бережем окружающую среду», «Территория добра», «Утилизация мусора». Они являются ярким примером учебных проектов, в которых учащиеся учатся быть неравнодушными к окружающей среде.

Ярким примером исторических проектов является проект «Из истории в современность», в ходе которого учащиеся Абботсхольмской школы изучают культурное наследие своей страны. Благодаря такого рода проектам воспитанники посещают исторические достопримечательности: Биг-Бен, Тауэрский мост, Стоунхендж, Виндзорский замок, Гластонбери и многие другие. Ученики не только узнают что-то новое об истории своего государства, но и проникаются любовью к своему народу и стране.

В рамках школьной программы практикуются бизнес-проекты, во время работы над которы-

ми учащиеся используют совокупность знаний по другим предметам, таким как право, экономика, политика и культура. В частности, в изучаемых нами учебно-воспитательных учреждениях интернатного типа в течение четырех лет функционирует долгосрочный бизнес-проект «Европейская модель Объединенных Наций». Ежегодно старшеклассники Абботсхольмской и Бидельской школ выбирают определенную страну для исследования, изучают ее географическое, экономическое и политическое положение, затем переходят к таким глобальным темам, как, например, эмансипация женщин, рабство, проблемы тропических болезней, ядерного оружия, терроризма, и другим не менее важным мировым проблемам. На последнем этапе проекта проводится конференция, в процессе которой каждый участник представляет свое видение какой-то одной серьезной проблемы в жизни страны, отвечает на заданные вопросы и аргументирует свое мнение.

Проекты личностного становления и роста направлены на гармоничное развитие и совершенствование личности. Одной из основных задач исследуемых учебно-воспитательных учреждений является коррекция отрицательных качеств личности, ее совершенствование, самореализация и самоактуализация в коллективе школы и вне ее. Этапы последовательного развития личности соотносятся с качественной динамикой системы педагогических требований и функционально-ролевых межличностных отношений.

Данные школы-интернаты активно используют методику творческих дел, в которой каждое творческое дело – это своего рода проект, участие в котором становится ярким, интересным событием и дает учащимся стимул для освоения новых типов социально-педагогической деятельности [4, с. 121].

С конца XX в. Абботсхольмская и Бидельская школы активно используют самопроектирование профессионального пути личности. Данный вид педагогического проектирования направлен на выявление тех жизненных целей, которые важны для личности, и возможных путей их достижения. Их осознание позволяет гармонизировать реальную действительность и более четко проектировать свое будущее [5, с. 221].

В рамках проектирования отдыха воспитанников педагоги и школьники вместе с родителями и тьюторами Абботсхольмской и Бидельской школ реализуют досуговые проекты, основным требованием педагогов к которым является их педагогическая направленность.

Под чутким руководством наставников учащиеся разрабатывают проект, формулируют его цели и задачи. В каникулярное время программа досуговых проектов изучаемых школ включает в себя путешествия, где они знакомятся с городами разных стран, посещают выставки, галереи, театры и музеи, совместный отдых преподавателей и учащихся и другие мероприятия, направленные на удовлетворение их интересов.

Так, например, учащимися 8 класса Бидельской школы был реализован проект «Работаем, помогаем и отдыхаем», в ходе реализации которого была создана мастерская по ремонту велосипедов. В выходные дни и в вечернее время учащиеся принимают заказы на ремонт и других передвижных средств, формулируя и закрепляя умения и навыки работы с посетителями.

Следует отметить, что учебный и досуговый виды проектов тесно связаны с проектной деятельностью в системе профессиональной подготовки экспериментальных школ Англии, т.к. служат не только достижению образовательных целей, но и подготовке к будущей профессиональной деятельности.

Особая роль в Абботсхольмской и Бидельской школах отведена социально-педагогическому проектированию. Под ним педагоги понимают индивидуальную или групповую деятельность учащихся, целью которой является воздействие на социальную среду и условия жизни с целью их улучшения. Социальный проект реализуется в результате добровольного взаимодействия различных общественных и государственных структур, включающих людей разного возраста и социального положения.

На протяжении ряда лет в Абботсхольмской и Бидельской школах с помощью различных педагогических средств, масс-медиа, социальных и компьютерных сетевых связей реализуются социальные проекты, которые, как правило, имеют большое общественное значение.

Так, например, одним из последних успешно реализованных совместных проектов Абботсхольмской и Бидельской школ является социальный проект «Дети Камбоджи».

Свой вклад в процесс глобализации образования Абботсхольмская и Бидельская школы внесли участием в международных проектах, которые направлены на сотрудничество детей и педагогов разных стран мира.

Педагоги Абботсхольмской и Бидельской школ отмечают, что, несмотря на различия экономического и социокультурного развития разных стран, сотрудничество представителей

различных культур, изучение достижений национальных систем образования способствует повышению его качества в современных европейских государствах.

Школы-интернаты С. Редди и Дж. Бэдли отличаются интернациональным характером обучения и воспитания. Проживание в семьях иностранных учащихся, совместная учеба позволяют школьникам лучше узнать обычаи, традиции, язык представителей другой культуры, способствуют формированию толерантных отношений к культурным различиям друг друга, что, как отмечают педагоги исследуемых школ, вызывает у их учащихся желание учиться и дружить с детьми других стран.

Необходимо отметить, что международные проекты, реализуемые и финансируемые школами С. Редди и Д. Бэдли, позволяют им ежегодно принимать у себя в школах иностранных участников, чьей целью является изучение иностранных языков и самоопределение в будущей профессии. Таким образом, активное участие обучаемых Абботсхольмской и Бидельской школ в осуществлении проектов приводит к совершенствованию содержания образования и разработке новых билингвальных проектов в данных учебно-воспитательных учреждениях.

Педагоги Абботсхольмской и Бидельской школ используют разные формы учебно-воспитательной работы, чтобы познакомить учащихся с представителями разных культур и языков, в частности организуют такие мероприятия, как концерты, экскурсии, туры.

Абботсхольм является одним из главных школ-партнеров так называемого «Круглого квадрата» – международной ассоциации школ, расположенных на пяти континентах. Их школы-партнеры находятся в Шотландии, Франции, Германии, Австралии, Ботсване, Швейцарии, Канаде, Японии, Соединенных Штатах, Индии, Кении, Омане, Южной Африке, Новой Зеландии, Перу и Таиланде.

Каждый год членами «Круглого квадрата» выдвигается широкий спектр проектов, которые реализуются как отдельными школами, так и совместно.

Сеть школ «Круглый квадрат» участвует в организации и финансировании не только школьных, но и студенческих проектов. Молодые люди со всего мира ответственно работают в сплоченной международной команде, которая состоит из опытного взрослого лидера и в среднем 20 участников школ в возрасте от 16 до 19 лет. Таким образом, «Круглый квадрат» способствует личностному росту молодежи



благодаря участию в международной проектной деятельности.

При содействии «Круглого квадрата» проводятся международные и региональные конференции, форумы, что позволяет их участникам расширить свой кругозор, обменяться опытом, изучить другие культуры, развить международные дружеские отношения.

В 2011 г. при поддержке Ее Величества Королевы и герцога Эдинбургского одна из таких конференций прошла в колледже Веллингтона, в Англии. В ней приняли участие воспитанники 90 школ разных стран мира, что дало им возможность для обмена опытом и расширило круг их знаний о других культурах.

В период с 2012 по 2014 г. подобные конференции были проведены в учебных заведениях Кении и Южной Африки, США, Иордании и Индии.

Учащиеся Абботсхольмской и Бидельской школ имеют возможность углубленного изучения английского, немецкого, испанского, итальянского, французского, латинского языков, что способствует межкультурному общению, сотрудничеству со школами-партнерами из Англии, Германии, Швейцарии, Испании, Италии, Франции, Венгрии и Словении. Стоит отметить, что в результате успешного международного сотрудничества различных учебно-воспитательных учреждений друг с другом происходит упрочение отношений между детьми разных стран мира и более глубокое изучение особенностей национальных систем образования.

Следует отметить, что одной из моделей «межкультурного обучения» является и программа «Еврокамп», в рамках которой также проходит обмен учащихся школ-интернатов с учащимися из вышеперечисленных стран, что имеет большое значение для развития и укрепления международных контактов и престижа школы. Так, например, учащиеся выпускных классов Абботсхольмской школы ежегодно выбирают либо школы Литца, либо Оденвальдскую школу Германии.

Руководство Абботсхольмской и Бидельской школ также рассматривает обучение в зарубежных школах-интернатах как позитивное явление, укрепляющее самосознание воспитанников. Так, например, с 2012 г. Абботсхольмская школа реализует международный проект «Франция», в ходе которого учащиеся имеют возможность в течение полугода жить и обучаться в одном из интернатов Франции. Воспитанники не только учат французский язык, но и накапливают жизненный опыт. Среди особо значимых международных проектов Бидельской школы следует назвать проект «Германия». Воспитанники старших классов обучаются в одной из «новых» школ-интернатов Германии, где они не только учат немецкий язык, но и обмениваются опытом, совместно проводят досуг, организуют регулярные встречи, готовят совместные спектакли и театрализованные постановки. Руководство школы рассматривает обучение в немецких школах-интернатах как позитивное явление, способствующее укреплению самосознания ее учащихся [6, с. 26].

1. Коджаспирова Г.М. *Словарь по педагогике*. М., 2005.

2. Горшкова В.В., Митковец Е.А. *Педагогическая философия Джона Дьюи*. СПб., 2008.

3. Колесникова И.А. *Педагогическое проектирование: учеб. пособие для высших учебных заведений / под ред. В.А. Сластенина*. 2-е изд. М., 2007.

4. Ainscow M., Booth T., Dyson A. *Improving schools, developing inclusion*. London, 2006.

5. Образцова Л.В. *Гуманистическая педагогика и школа Германии конца XIX – начала XX века (1870–1933)*. Пятигорск, 2004.

6. Höflich D. «Andersrum» – *Gastspiel der Musical Company der Ecole d'Humanité // OSO 95. Odenwaldschule. Oberhambach, 2005. № 1.*

1. Kodzhaspirova G.M. *The dictionary on pedagogics*. Moscow, 2005.

2. Gorshkova V.V., Mitkovets E.A. *The pedagogic John Dewey's philosophy*. St. Petersburg, 2008.

3. Kolesnikova I.A. *Pedagogical design: study aid for higher educational institutions / ed. by V.A. Slastenin*. 2nd ed. Moscow, 2007.

4. Ainscow M., Booth T., Dyson A. *Improving schools, developing inclusion*. London, 2006.

5. Obratsova L.V. *Humanistic pedagogy and school Germany at the end of XIX – early XX century (1870–1933)*. Pyatigorsk, 2004.

6. Höflich D. «Andersrum» – *Gastspiel der Musical Company der Ecole d'Humanité // OSO 95. Odenwaldschule. Oberhambach, 2005. № 1.*

**Бондаренко Галина Ивановна**

доктор социологических наук, доцент,  
профессор кафедры социологии и культурологии  
Кубанского государственного аграрного университета  
(e-mail: glbon@mail.ru)

## *Основные аспекты взаимодействия местного самоуправления, властных структур и населения*

Статья посвящена рассмотрению местного самоуправления в качестве необходимого участника взаимодействия властных структур и населения. Автор отмечает, что на данном этапе развития современной России основными проблемами являются слабость гражданского общества, низкий уровень общественной активности, низкая правовая культура населения, дефицит знаний о сущности и возможностях самоуправления. В статье обосновывается, что серьезным препятствием является также сопротивление бюрократии всех уровней, финансовая слабость местного самоуправления, разрыв между возлагаемыми на него обязанностями и их ресурсным обеспечением.

**Ключевые слова:** региональное развитие местного самоуправления, слабость гражданского общества, сопротивление бюрократии, финансовая слабость, межбюджетные отношения, безопасность населения.

**G.I. Bondarenko**, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Professor of the Chair of Sociology and Culturology of the Kuban State Agrarian University; e-mail: glbon@mail.ru

### **Main aspects of the interaction between local government, authorities and the public**

The article is devoted to studying local self-government as an essential participant of cooperation between authorities and population. The author notes that at present stage of development in modern Russia the principal issues are weakness of civil society, a low level of public activity, low culture of rights, deficit of knowledge of essence and possibilities of self government. The article points out that a serious onstage is bureaucracy resistance at all levees, financial weakness of local self-government and gap between their responsibilities and resource provision.

**Key words:** regional development of local government, weakness of civil society, bureaucracy resistance, financial weakness, interbudget relations, population safety.

**И**зменения социально-экономических взаимодействий, политического и административного устройства государства создают возможность предоставления населению выступить в качестве активного участника процессов управления, прежде всего на местном уровне. Реализация данной возможности характерна для такого элемента гражданского общества, как институт местного самоуправления.

Цель статьи – говоря о реформировании местной власти на принципах самоуправления, определить основные направления эффективной деятельности местного самоуправления при взаимодействии с населением.

Российская практика местного самоуправления имеет, несмотря на влияние западноевропейских норм, свой собственный исторический путь. Переплетаясь с судьбами народа, местное самоуправление повторяло путь всего

российского общества: можно найти периоды застоя, периоды бурного развития, этапы эволюционного развития местной власти. Законодательное оформление данного явления как социального института и способа самоорганизации населения в современной России насчитывает всего пару десятилетий. Однако за это время сформировались представления о местном самоуправлении, оформилась практика ведения местных дел.

Введение местного самоуправления было обусловлено рядом причин.

Во-первых, его появление было связано с тем, что усиление ведомственной централизации привело экономику и социальную сферу страны к серьезным осложнениям и деформациям.

Во-вторых, министерства и ведомства, обладая, по существу, неограниченной собственностью, взяли на себя всю ответственность по

управлению страной, но в итоге не обеспечили управляемость.

В-третьих, действовавшие законы о местных Советах представляли собой совокупность декларативных прав и обязанностей, не подкрепленных необходимыми материально-финансовыми ресурсами. К тому же законы полностью дезавуировались ведомственными инструкциями.

В-четвертых, Советы и их исполнительные органы оказались под двойным прессом: с одной стороны, министерств и ведомств, с другой – партийных органов. Последние реально осуществляли руководство хозяйственным и социально-культурным строительством, навязывали Советам свои установки, сковывали их инициативу и самостоятельность, в то же время вину за просчеты относили в адрес Советов.

В-пятых, местная промышленность оказалась полностью в тисках центральных ведомств и пришла в упадок. Малые и средние предприятия были подавлены крупными объединениями – монополистами.

В результате образовался разрыв между государством и гражданами. Реформы начались с изменений в Конституции СССР. Но поскольку они проводились импульсивно, бессистемно, ничего из этого, по существу, не вышло. Переустроенная структура органов государственной власти не соответствовала действовавшим экономическим отношениям. Политическая реформа опережала изменения в экономике.

В апреле 1990 г. был принят Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», который определил стратегию местного самоуправления, установил в определенной мере соотношение между центральными и местными органами власти, внес новые элементы в формирование финансовой базы, создал предпосылки для становления и развития коммунального хозяйства. В Законе обеспечивалось сбалансированное соотношение прав и обязанностей органов местного самоуправления с их материально-финансовой базой.

Местное самоуправление в Законе СССР «Об общих началах местного самоуправления...» понималось как «самоорганизация граждан для решения непосредственно или через избираемые ими органы всех вопросов местного значения». В качестве механизма реализации самоуправления в Законе выступают местные Советы, органы территориального общественного самоуправления, а также непо-

средственные формы демократии – местные референдумы, собрания, сходы граждан.

Принимаемое союзным парламентом новое законодательство о собственности, земле, аренде, кооперации изменяло характер отношений местных органов власти с государственными предприятиями, кооперативами, гражданами. Максимально использовать территориальные ресурсы, предоставить широкую региональную самостоятельность, повысить ответственность местных Советов за положение дел на соответствующей территории, заинтересовать их в развитии местного хозяйства и использовании коммунальной (муниципальной) собственности – на это ориентировали нормативно-правовые акты, принятые в 1989–1990 гг.

Процесс формирования законодательной базы местного самоуправления в 1990–1991 гг. пошел и на уровне союзных республик, особенно интенсивно и противоречиво он проходил в Российской Федерации. Российскому законодателю понадобилось более года, чтобы 24 мая 1991 г. Съездом народных депутатов РСФСР был принят Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР в связи с реформой местного самоуправления». Вслед за этим принимается Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР», менее демократичный, чем союзный закон, но более точно отражающий реальное состояние дел в области самоуправления. К его достоинствам можно отнести большую практическую применимость и возможность использования напрямую, без дополнительных нормативных актов, что позволило более четко структурировать систему органов местного самоуправления.

В октябре 1993 г. начался новый этап реформирования местной власти, что в значительной мере было обусловлено наступившим конституционным кризисом. 9 октября 1993 г. был издан Указ Президента РФ «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации», затем 26 октября этого же года вышел Указ Президента РФ «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации», которым было утверждено Положение об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы.

С 2002 г. в России началась административная реформа, призванная повысить эффективность деятельности всех уровней публич-

ной власти, четко разграничить между ними полномочия и ответственность, привести финансовые ресурсы каждого уровня в соответствие с объемом полномочий. Существенным компонентом этой реформы стала реформа местного самоуправления. В 2003 г. был принят новый Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Одно из ключевых понятий, раскрывающих сущность местного самоуправления, – самостоятельность. Органы местного самоуправления в соответствии с Конституцией наделяются собственной компетенцией, свободой в осуществлении этой компетенции и несут за это ответственность. Самостоятельность местного самоуправления подчеркивается тем, что Конституция не включает органы местного самоуправления в систему органов государственной власти. Однако это ни в коей мере не означает, что местное самоуправление находится вне системы государственно-властных отношений и абсолютно независимо от государства, как это порой утверждают противники местного самоуправления.

Говоря о реформе местного самоуправления, а более точно – о реформировании местной власти на принципах самоуправления, необходимо отметить отсутствие какого-либо «общественного договора», нормативного документа на федеральном уровне, определяющего все перечисленные элементы осмысленного реформирования. Соответствующие статьи Конституции России в лучшем случае могут рассматриваться как некая конечная цель, декларация «о намерениях» государственной власти и «правах» населения в этой области. Программа государственной поддержки местного самоуправления, несмотря на ее большую значимость, также является скорее предварительным обязательством федерального уровня государственной власти, чем стратегией реформы. В связи с отсутствием концепции реформы деятельность время от времени возникающих на федеральном уровне структур по реформе местного самоуправления была совершенно не скоординирована, фрагментарна и часто противоречива.

Местное самоуправление в современной России, сформировавшись под влиянием как исторического опыта, так и в связи с реформированием общества, приобрело все наиболее значимые признаки социального института. Особенностью российской системы станов-

ления местного самоуправления является доминирование государственной власти при выборе форм и методов муниципальной власти, реформирование местного самоуправления «сверху», а не через участие населения.

Выступая в качестве необходимого элемента гражданского общества, местное самоуправление потенциально является основой для дальнейшего развития самостоятельности и повышения социальной активности населения. Однако реальная картина, сложившаяся в настоящее время, показывает, что наличие организационных структур местной власти и возможностей для проявления социальной зрелости населения не является гарантом вовлеченности жителей в решение и обсуждение вопросов местного значения. В данном положении проявляется основная причина слабости российской системы местного самоуправления.

При анализе местного самоуправления традиционно используется ограниченный набор методологических подходов в связи с широтой понимания места и роли данного института в обществе. Такое рассмотрение дает односторонний взгляд на функционирование местного самоуправления, в связи с чем необходимо сочетание комплекса разнообразных концепций и подходов при анализе процессов, протекающих на местном уровне, что способствует объективизации полученного результата и сведению его в систематическое знание.

Особенности регионального развития местного самоуправления зависят также от ряда объективных факторов (прежде всего, это социально-экономическая ситуация в регионе) и совокупности субъективных позиций (уровень социальной активности населения, взаимоотношение государственных структур региона и органов местного самоуправления и т.д.). В зависимости от складывающихся условий региональные особенности вызывают разнообразие организационных форм и структур местного самоуправления, проводимой органами муниципальной власти социально-экономической политики и, соответственно, приводят к различным результатам развития местного сообщества.

Несмотря на широкий спектр проблем местного самоуправления, сложившихся на данном этапе развития современной России, основными являются слабость гражданского общества, низкий уровень общественной активности, низкая правовая культура населения, дефицит

знаний о сущности и возможностях самоуправления. Серьезным препятствием является также сопротивление бюрократии всех уровней, финансовая слабость местного самоуправления, разрыв между возлагаемыми на него обязанностями и их ресурсным обеспечением.

На основе проанализированных материалов можно выделить следующие направления деятельности администрации по эффективной реализации Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»:

комплексное социально-экономическое развитие;

эффективная кадровая политика;

развитие малого бизнеса;

планомерное развитие жилищно-коммунального хозяйства;

обеспечение безопасности населения;

активное взаимодействие между органами государственной власти и местного самоуправления;

население и местное самоуправление.

В связи с этим необходимо:

сформировать эффективную систему межбюджетных отношений, стимулирующую социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечивающую равные для всех граждан Российской Федерации конституционные права независимо от места их проживания;

четко разграничить полномочия между органами государственной власти и органами местного самоуправления посредством внесения изменений и дополнений в существующие федеральные законы;

совершенствовать принципы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления;

закрепить за субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями на долгосрочной основе доходные источники для

покрытия расходных обязательств в социальной сфере;

разработать механизмы взаимодействия органов власти всех уровней по поводу развития муниципальных образований, создания новых производств, привлечения инвестиций, а также между муниципальными органами власти и хозяйствующими субъектами, действующими на территории и заинтересованными в развитии территории;

изменить ситуацию с отношением местных органов власти к малому и среднему бизнесу, создав прямую зависимость благополучия граждан муниципального образования и самого муниципального образования от развития и успехов малого бизнеса;

обеспечить участие государства в решении проблем погашения задолженности предприятий жилищно-коммунального хозяйства и модернизации системы жилищно-коммунального комплекса, в вопросах предоставления социального жилья и установления критерия нуждаемости малообеспеченных;

обеспечить единство и сплоченность, духовное, нравственное и физическое здоровье нашего общества; воспитывать человека ответственного и способного постоять за свои права;

переломить демографические тенденции через поддержку здоровья нации, социально-экономическую и моральную поддержку семьи как базовой ценности общества;

разработать целостную систему подготовки кадрового резерва из числа представителей МСУ для работы в органах государственной власти;

создать местному самоуправлению условия для обеспечения безопасности населения в широком понимании, включающем в себя предотвращение коммунальных катастроф, обеспечение безопасности детей и взрослых в зданиях школ и больниц, санитарно-эпидемиологическую, пожарную безопасность и многое другое.

**Рудь Марина Юрьевна**

доктор философских наук, профессор

**Плотников Владимир Валериевич**

кандидат философских наук,  
доцент кафедры философии и социологии  
Краснодарского университета МВД России

(e-mail: inkognito13@inbox.ru)

## *Современные подходы к исследованию экстремизма как социального явления*

В статье дается обзор современных исследований, рассматривающих феномен экстремизма в рамках социологической науки, проведен анализ современных концепций, показана авторская позиция, обосновывающая необходимость противодействия экстремизму на институциональном уровне.

**Ключевые слова:** экстремизм, экстремальная деятельность, экстремпарантность, дисфункция социальных институтов, современная социология, социальная деструкция, государство.

**M. Yu. Rud**, Doctor of Philosophy, Professor;

**V.V. Plotnikov**, Master of Philosophy, Assistant Professor of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: inkognito13@inbox.ru

### **Modern approaches to the study extremism as a social phenomenon**

The article provides an overview of current research examines the phenomenon of extremism within sociology, an analysis of modern concepts, shows the author's position, justifying the need to counter extremism at the institutional level.

**Key words:** extremism, extreme activity, extremparantnost, dysfunction of social institutions, modern sociology, social destruction, state.

**П**роблема всестороннего научного изучения феномена экстремизма является одной из приоритетных задач современной России. Необходимым является не только выявление основных специфических характеристик данного явления, но и анализ причин и детерминирующих факторов. Тем самым станет возможным противодействие не на уровне пресечения проявлений, а комплексное решение проблемы. Данный концепт лежит в основании серии публикаций Н.В. Нарыкова, в чьих работах мы видим указание как на социально-детерминирующий фактор глобальных изменений [1], так и на необходимость утверждения национальной идеи как основания российской государственности [2]. Авторская позиция такова, что противодействие негативным явлениям современного трансформирующегося общества необходимо начинать на этапе укрепления позиций государства.

Интерес представляет позиция Е.В. Сальникова, в чьих работах мы видим подробное рассмотрение феномена экстремизма через аналитику проблемы легитимизации насилия

[3]. Автор считает, что, оставаясь сущностной характеристикой политической власти, насилие не способно обеспечить реализацию претензий власти быть выразителем социального, находясь исключительно в пространстве политики. В этом случае оно остается сугубо внешним для общества и приводит только к деструкции социального организма. Это препятствие преодолевается путем легитимационной мифологии оправдания насилия как необходимой технологии реализации проекта построения социального единства. Рациональная легитимация позволяет насилию обрести социально-политическую природу, стать причастным обществу в такой мере, что оно воспринимается не как внешнее принуждение власти, а как необходимое утверждение норм социально-политической жизни самим обществом.

С позиции Е.В. Сальникова, именно такую социально-политическую природу имеет экстремистское насилие. Оно направлено на утверждение норм и принципов жизнедеятельности общества, на построение социального проекта, неотделимо от идеологической мифо-

логии, легитимирующей его, и проявляется во всей полноте форм насилия в обществе. Такая характеристика экстремистского насилия обусловила, с одной стороны, качественное отличие экстремистского насилия от общеуголовного преступного насилия, а с другой стороны, указывает на значительную близость экстремизма и противостоящего ему властного насилия. Это обстоятельство породило в научной среде концепции, отрицающие самостоятельную природу экстремизма, как тождественного властному насилию, и сводящие его к насилию политических противников в борьбе за власть.

В исследованиях А.В. Серикова мы находим интенцию к определению сущности экстремизма через молодежь как социальную группу (возрастная дифференциация) и этноконфессиональные факторы (социокультурная дифференциация) [4]. В целях гармонизации межэтнических отношений необходимо обеспечить равные возможности для самореализации и саморазвития молодежи всех национальностей.

Очевидно, что профилактика молодежного экстремизма требует системного и научного обеспечения. К сожалению, несмотря на обилие научных публикаций и диссертаций по проблемам экстремизма и терроризма, на Юге России не проводится всесторонний мониторинг молодежного экстремизма, терроризма, других форм растущей агрессивности молодежи в бытовой, политической и иных сферах публичной жизни. В большинстве публикаций речь идет о молодежной возрастной когорте вообще или профессиональных группах (студенты, безработные и т.д.). Выявлять социальный, социально-психологический портрет «среднего» экстремиста необходимо, но недостаточно для эффективной профилактики социальных девиаций. Давно назрел детализированный анализ состава экстремистских групп и сочувствующего окружения: выявление возрастных когорт в диапазоне от 15 до 30 лет, этническая, конфессиональная идентификация, политические взгляды, уровень образования и его характер, семейное положение, уровень и происхождение доходов, побудительные мотивы, психотип, механизм вовлечения в организованный или стихийный экстремизм и т.д. Проблема конфессиональности экстремистских тенденций отражена и в работах других исследователей, среди которых интерес представляет работа Д.С. Райдугина, Е.В. Рябченко, Л.В. Карнаушенко [5].

Только детализированная типология экстремизма и терроризма на Северном Кавказе, которые нельзя сводить к этноконфессиональному, позволит разработать дифференцированный подход к каждой из групп экстремистски настроенной молодежи, выявить группы риска и осуществлять соответствующие технологии по профилактике данных взглядов или подавлению профессиональных террористов и бандподполья. Без определения целевой аудитории гуманитарные технологии профилактики экстремизма будут малоэффективными, если не безрезультатными, а полицейские методы, не носящие точечного характера, будут провоцировать новые группы молодежи на насильственные ответные акции, превращая умеренных радикалов в экстремистов и террористов. В этой связи стоит отметить заслугу А.В. Серикова в постановке проблемы поиска современной методологии противодействия экстремизма и выявлении тенденций системных деструктивных процессов, проявляющихся в конкретных территориальных локациях.

Результатом многолетних трудов по противодействию экстремизму в рамках социологии стала концепция экстремпарантности Е.О. Кубякина [6]. Автор показывает социальные детерминанты молодежного экстремизма [7; 8], их определенность в информационной среде [9] и далее приходит к проблеме социальной обусловленности индивидуальной экстремальной деятельности. По мнению Е.О. Кубякина, экстремизм представляет собой экстремистскую деятельность социальной группы, принципиально отличающуюся от личностного проявления экстремальности по критерию системности характера субъекта; экстремизм не равноценен делинквентному поведению, т.к. обладает признаком межинституциональности проявления; экстремизм не является революционной деятельностью, т.к. не имеет целью ускорение прогресса общества, а лишь пытается изменить его и его авторизацию; также экстремизм не равен терроризму, т.к. обладает целевой социальной природой и необязательно является в форме террористической деятельности.

Экстремизм представляет собой социальное явление, характерное лишь для общества, стоящего на определенном уровне социальных отношений – политических, экономических, правовых. Очевидно, что проявление самой межинституциональной природы экстремизма возможно лишь в развитых социальных отно-

шениях на уровне межгосударственных связей, что означает наличие развитой на определенном уровне мировой системы отношений, а не только лишь конкретного государства. К тому же проявление экстремизма характерно лишь в ситуации доминирования на мировом уровне определенного типа социальных отношений. В настоящее время социальная ситуация полностью соответствует этим условиям.

Как одно из основных условий проявления экстремистской деятельности стоит отметить готовность к ее совершению – рассмотрение данного социального явления позволяет объяснить предпосылки возникновения экстремизма. Для определения этого социального феномена необходимо введение нового термина – экстремпарантность. Экстремпарантность представляет собой готовность к совершению экстремизма как разновидности экстремальной деятельности, включающую возможность и способность к ее совершению [6].

Концепция Е.О. Кубякина раскрывает социологические основания предпосылок экстремальной деятельности индивидуальных представителей общества. На наш взгляд, данная позиция существенным образом может быть дополнена институциональным анализом функциональной определенности основных социальных институтов. Данная позиция и ранее высказывалась нами в контексте вопроса о социальной деструкции [10] и дисфункции [11]. На настоящем этапе необходимо исследование системных процессов социальной дисфункции с выводами для государства. Также стоит учитывать, что нарушения эффективности социальных институтов могут быть вызваны как внешними, так и внутренними факторами. Однако в итоге реализуются системные нарушения протекания социальных процессов. Немаловажно, что, помимо механизмов развития социальной деструктивности, имеют место также и защитные механизмы в обществе. Функциональные нарушения в отдельных сферах зачастую компенсируются адаптацией смежных социальных институтов к сложившейся ситуации. Это определяет сопротивляемость общества к деструктивным тенденциям. Однако процессы адаптации имеют индивидуальный характер и приводят к возникновению структурно-функциональной неоднородности в обществе. Кроме того, перенос функциональной нагрузки с одного социального института на другие может быть эффективен только

при условии их оптимальной функции. Однако даже при условии их изначально оптимальной функциональности под влиянием повышенной нагрузки и недостаточной поддержки со стороны дисфункционального социального института они сами оказываются уязвимы для внутренних нарушений. Ситуация, когда в рамках общества имеют место существенные нарушения на уровне одного социального института, означает общее снижение эффективности социальных процессов. Выход из состояния функциональной адекватности сразу нескольких социальных институтов может привести к краху общественной структуры.

Итак, рассмотрим подробнее проблему дисфункции важнейших социальных институтов. Дисфункция института религии приводит к утрате единства социального мировоззрения, снижению эффективности процессов социализации, снижению уровня положительной социальной мотивации членов общества и общему повышению уровня конфликтности в обществе. В результате повышается нагрузка на институты права, семьи и образования, а государство утрачивает серьезный рычаг идеологического воздействия на население. Смещение акцентов социального мировоззрения приводит к изменению динамики развития социальных запросов. Нарушения в сфере религии приводят к повышению интенсивности развития различных вариаций социального мировоззрения, что приводит одновременно к снижению эффективности социального взаимодействия и повышению интенсивности и многообразия социальных запросов. Кроме общего снижения эффективности института религии, немаловажна и другая вариация его выхода из стабильного состояния. Речь идет о возникновении институционального конфликта, свидетельствующего о рассогласовании института религии и какого-либо из других социальных институтов. Как пример можно взять сферу экономики, прагматичная этика которой не согласуется с установками многих религий. Для государства институциональный конфликт представляет одну из наиболее острых проблем, поскольку требует глубокой реорганизации одного из вступающих в противоречие социальных институтов.

Дисфункция института семьи приводит к снижению уровня социально активного населения (из-за наркомании, алкоголизма), снижению уровня трудовых ресурсов, понижению рожда-



емости (что на долгосрочную перспективу ведет к обострению демографической проблемы), ухудшению условий социализации и социального контроля. Снижается эффективность экономической сферы, страдает преемственность религиозных ценностей, повышается нагрузка на социальные службы государства, институты образования и права. В результате активность населения и степень ее эффективности падает, как следствие – снижается общий уровень достатка, что приводит к социальным противоречиям (нищие – богатые). Немаловажно и то, что косвенно (через институт экономики) дисфункция института семьи приводит к общему снижению уровня материальных ресурсов общества и государства.

Дисфункция института образования на системном уровне приводит к ухудшению эффективности экономики за счет снижения общего уровня профессионализма и недостаточного числа квалифицированных работников. В частных случаях речь идет о практически нулевой динамике развития отдельных отраслей экономической сферы ввиду отсутствия соответствующих образовательных программ. Кроме того, недостаток экономической эффективности населения приводит к снижению общего уровня достатка, что отрицательно влияет на картину потребления. Одним из следствий дисфункции образовательной среды становится компенсация недостаточно эффективной организации образовательного процесса на уровне институтов экономики и семьи, что приводит к повышению их функциональной нагруженности. Также повышается нагрузка на институт права ввиду недостаточно эффективного социального контроля и правового информирования в образовательной среде. Для государства это означает недостаток квалифицированных работников, ухудшение социальной ситуации, снижение эффективности научных исследований (в нарушенной образовательной среде меньше условий для возникновения талантливых и достаточно образованных деятелей науки). Последнее приводит к снижению конкурентности государства на уровне внешней экономики, нехватке адекватной аналитики социальных и природных процессов и, как следствие, запаздыванию, государственных мер (устранение проблем вместо их профилактики).

Дисфункция института права влечет за собой снижение уровня контроля государства

над социальными процессами, а также нарушает внутреннюю целостность социальных институтов. Нарушения правовой структуры общества приводят к ситуации, когда проблемы, обладающие внутренним характером для определенного социального института, решаются с задействованием сторонних ресурсов и методов, что нарушает естественный ход развития социального института. Применение силовых методов в экономической деятельности или экономических ресурсов в образовательной сфере – явный пример выхода социальных отношений за рамки правовой определенности. Негативным следствием этого процесса является утрата социальным институтом внутренней целостности и идентичности, нарушение механизмов саморегуляции и постепенная деградация социального института. По этой причине нарушение эффективности правовой сферы приводит к глубоким системным нарушениям на всех уровнях организации общества. В итоге возникают структуры и организованные формы отношений, направленных на поглощение общественных ресурсов (коррупция, организованная преступность, злоупотребление властью и т.д.). Как результат – потеря ресурсов общества, снижение эффективности исполнительной сферы государства, падение эффективности стабилизирующих государственных мер и многоуровневое деструктивное воздействие на основные социальные институты.

Нарушение эффективности любого из рассмотренных социальных институтов влечет за собой двойственный процесс ослабления возможностей государства и усложнения ситуации в обществе. Однако сами по себе нарушения структуры и функции социальных институтов не являются типовыми: существует множество возможных комбинаций деструктивных тенденций в рамках одного конкретно взятого социального института. По этой причине реальная социальная ситуация требует углубленного изучения на предмет того, какой именно тип дисфункции социального института имеет место. Приводимый анализ влияния дисфункции основных социальных институтов на состояние государства дает общие теоретические и методологические основания для определения специфики конкретной социальной ситуации. При этом он позволяет рассмотреть общие тенденции развития социальной деструктивности.

1. Нарыков Н.В. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции // *Общество и право*. 2003. № 1. С. 32–35.

2. Нарыков Н.В. Социокультурный подход к национальной идее, отечеству, патриотизму // *Общество и право*. 2014. № 1(47). С. 247–251.

3. Сальников Е.В. Социально-философский анализ экстремизма. Орел, 2012.

4. Сериков А.В. Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении студентов: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2005.

5. Райдугин Д.С., Рябченко Е.В., Карнаушенко Л.В. Религиозный экстремизм и особенности противодействия ему на Северном Кавказе: учеб.-метод. пособие. Краснодар, 2007.

6. Кубякин Е.О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. Краснодар, 2014.

7. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в сети Интернет как социальная проблема // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011. № 4.

8. Кубякин Е.О. Особенности профилактики молодежного экстремизма в современной России // *Общество: политика, экономика, право*. 2011. № 1.

9. Кубякин Е.О., Сафронов А.Н. Информационный экстремизм в среде молодежи как деструктивный феномен современного российского общества // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2013. № 4(22). С. 100–104.

10. Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 4. С. 38–41.

11. Плотников В.В. Дисфункциональный кризис социальных институтов и локальная угроза национальной безопасности // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 19. URL: [http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv\\_zhurnala/2014/18/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf](http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/18/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf) (дата обращения: 25.12.2014).

1. Narykov N.V. Globalization as a source of international conflicts and increased competition // *Society and law*. 2003. № 1. P. 32–35.

2. Narykov N.V. Sociocultural approach to national idea, fatherland, patriotism // *Society and law*. 2014. № 1(47). P. 247–251.

3. Salnikov E.V. Socio-philosophical analysis of extremism. Orel, 2012.

4. Serikov A.V. Youth extremism in modern Russia: dynamics and reflected in public opinion of students: diss. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2005.

5. Raydugin D.S., Ryabchenko E.V., Kar-naushenko L.V. Religious extremism and specific character of countering it in the North Caucasus: guidance manual. Krasnodar, 2007.

6. Kubyakin E.O. Bases of sociological study of the phenomenon of extremism. *Extremparantnost*. Krasnodar, 2014.

7. Kubyakin E.O. Youth extremism in the Internet as a social problem // *Historical and socio-educational thought*. 2011. № 4.

8. Kubyakin E.O. Especially the prevention of youth extremism in modern Russia // *Society: politics, economics, law*. 2011. № 1.

9. Kubyakin E.O., Safronov A.N. Information extremism among young people as a destructive phenomenon of modern Russian society // *Bull. of the Krasnodar University of Russian MIA*. 2013. № 4(22). P. 100–104.

10. Plotnikov V.V. Destruction of social group as environment of existence of extremism // *Humanitarian, social and economic and social sciences*. 2014. № 4. P. 38–41.

11. Plotnikov V.V. Dysfunctional crisis of social institutions and local national security threat // *Theory and practice of social development*. 2014. № 19. URL: [http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv\\_zhurnala/2014/18/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf](http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/18/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf) (date of access: 25.12.2014).

**Самойлов Сергей Федорович**

доктор философских наук, доцент,  
профессор кафедры философии и социологии  
Краснодарского университета МВД России

**Савченко Михаил Юрьевич**

адъюнкт кафедры философии и социологии  
Краснодарского университета МВД России

(тел.: +78612583516)

## *К проблеме определения места полиции в структуре правовой реальности*

В статье определяется специфика правоохранительной функции правового сознания. Особое внимание уделяется анализу специфики мышления сотрудников правоохранительных органов и социальных функций, выполняемых полицией по отношению к обществу в целом.

**Ключевые слова:** правоохранительные органы, правоохранительная деятельность, правосознание, правовая реальность, социокультурные функции полиции, институциональные и неинституциональные формы правосознания, юридическое и правоохранительное мышление.

**S.F. Samoilov**, Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Professor of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

**M.Yu. Savchenko**, Adjunct of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

### **To the problem of determination of the place of policy in the structure of legal reality**

The article is devoted to the definition of the specificity of the law enforcement functions of legal consciousness. Particular attention is paid to the analysis of the specificity of mentality of staff of law enforcement agencies and social functions realized by the police in relation to society.

**Key words:** law enforcement agencies, law enforcement activity, legal consciousness, legal reality, social and cultural functions of the police, institutional and non-institutional forms of legal consciousness, legal and law enforcement mentality.

**П**од правоохранительной деятельностью понимают особый вид деятельности государства, направленный на выполнение им своей важнейшей конституционной обязанности по защите прав и свобод своих граждан. Решение данной задачи осуществляется специально уполномоченными органами, действующими в порядке, установленном законом. Главным средством поддержания государством правопорядка в обществе служат так называемые юридические меры воздействия, под которыми понимается прямое применение силы или угроза ее применения. Меры юридического воздействия применяются в отношении лиц, нарушающих действующее законодательство. Кроме того, правоохранительные органы обладают правом в целях предотвращения, пресечения и раскрытия правонарушений ограничивать права и свободы граждан. Такое ограничение также осуществляется в строгом соответствии с дей-

ствующим законодательством и снимается при устранении угрозы объектам охраны.

Субъектами правоохранительной деятельности являются правоохранительные органы, к которым в настоящее время в Российской Федерации относятся: прокуратура, следственный комитет, Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел, включающее в себя полицию и Федеральную миграционную службу, Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков, Федеральная таможенная служба. Общими для всех правоохранительных органов являются их военный характер и подчиненность в своей деятельности общим морально-правовым идеалам, ценностям, нормам и требованиям, которые формировались многими поколениями людей и позволили создать целостную правовую систему. Отсюда следует, что правоохранительные органы и осуществляемая ими правоохранительная деятельность, пред-

ставляя собой часть социальной реальности, существуют благодаря работе определенной формы коллективного, общественного сознания – правосознания.

В самом общем виде правосознание можно определить как совокупность взглядов, представлений и идей, с помощью которых индивиды, а также социальные классы и группы выражают свое отношение к реальной правовой системе и формируют идеал правового порядка. Правосознание не следует понимать в качестве пассивного отражения правовой реальности. Напротив, оно обладает творческой сущностью, которая выражается в критике и коррекции действующего законодательства. Отсюда следует, что в своей деятельности правосознание обусловлено не столько прошлым и настоящим, сколько будущим, которое присутствует в форме желания реализации конкретного социального идеала.

Сущность правосознания можно выразить с помощью теоретических положений, которые русский философ И.А. Ильин назвал аксиомами правосознания. Как очевидные постулаты, аксиомы правосознания служат основанием не только для формирования нормативной социальной жизни, но и для организации индивидом своего внутреннего мира. И.А. Ильин в работе «О сущности правосознания» выделяет три таких аксиомы: 1) существует закон духовного достоинства, служащий основанием понимания индивидом своих прав; 2) существует закон автономии, обязующий индивида принимать на себя ответственность; 3) существует закон взаимного признания, раскрывающий специфический способ существования права. С точки зрения И.А. Ильина, соблюдение аксиом правосознания служит не только делу правильной организации социальной жизни, но способствует формированию теоретической мысли, тем самым аксиомы правосознания одновременно демонстрируют условия возникновения права и пути его постижения.

Основными способами существования правосознания служат его институциональная и неинституциональная формы. Первая из них предполагает наличие регулирующего и правоохранительного уровней правосознания. Общим для этих уровней является то, что оба они представляют собой способ мышления профессиональных юристов, регулируемый с помощью правовых документов.

Вторая, неинституциональная форма правосознания выражается с помощью чувств и идей,

лишь позднее фиксируемых в письменных источниках, не имеющих юридической силы. Неинституциональная форма правосознания существует в виде обыденного и теоретического уровней. Для обыденного правосознания характерны стихийный способ образования и эмоциональное выражение своего отношения к сложившемуся правопорядку. Теоретическое правосознание представляет собой целенаправленную интеллектуальную деятельность, в результате которой формируются правовые доктрины, концепции и учения. В них осуществляются решения таких важнейших проблем, как установление происхождения права, определение целесообразности его регулирующих и контролирующих функций, оценка степени гуманности действующей правовой системы. Данные проблемы решаются не одной, а несколькими дисциплинами, важнейшими из которых являются теория права, социология права и философия права.

Институциональную и неинституциональную формы правосознания следует рассматривать как дополняющие друг друга, только их взаимодействие позволяет индивидам совершенствовать правовую систему.

Правосознание, помимо различных форм и уровней, предполагает определенное сочетание своих элементов, т.е. структуру. Важнейшими структурными элементами правосознания можно считать правовое существо, правовые категории и правовые суждения. Данные элементы раскрывают субъективный, объективный и коммуникативный полюсы правосознания соответственно. Под правовым существом понимают особый срез человеческого сознания, реагирующего на ущемление его прав. Индивид, выступая в качестве правового существа, выносит суждения о справедливости. В свою очередь, правовыми категориями, в состав которых входят правовые идеалы, ценности, нормы и правила, называются общие понятия, посредством которых индивид дает оценку различным предметам, проблемам и ситуациям. Другими словами, правовые категории – это призма, посредством которой индивид способен воспринимать действительность в свете правовой точки зрения. Наконец, правовыми суждениями называют истинные и ложные, теоретические и эмоциональные, профессиональные и обыденные оценки, даваемые людьми различным ситуациям на предмет их отношения к действующему законодательству и идее справедливости.

Таким образом, структура правосознания позволяет индивиду, с одной стороны, выражать свое отношение к действительности, заявлять о своих правах или правах своей социальной группы, а с другой стороны, сопоставлять свои правовые притязания с общечеловеческими ценностями.

Прежде чем определять место полиции как субъекта правоохранительной деятельности в структуре отношений между правовой реальностью и правосознанием, необходимо кратко раскрыть характер этих отношений. Правовая реальность и правосознание представляют собой две основных сферы бытия права в целом. Правосознание следует рассматривать в качестве силы, формирующей содержание, цели и методы реализации правовых идей, тогда как правовая реальность есть результат теоретических и творческих усилий правосознания. Несмотря на то, что правосознание играет роль субстанции права, объективные правовые отношения не следует рассматривать в качестве простой проекции правовых идей. Правовая реальность и правосознание равным образом воздействуют друг на друга. Так, правосознание указывает на достоинства и недостатки действующей правовой системы и указывает пути ее совершенствования. В свою очередь, правовая реальность также представляет собой активное начало, поскольку она может как принимать, так и отвергать правовые идеи. Таким образом, правовая сфера жизни общества существует и нормально развивается только в результате коммуникации правовой реальности и правосознания.

В структуре отношений правовой реальности и правосознания правоохранительная деятельность полиции имеет двойственное положение. С одной стороны, сознание сотрудников полиции как профессиональных юристов принадлежит к институциональной форме правосознания. Это связано с тем, что профессиональное мышление и принятие решений полицейских осуществляется в рамках действующего законодательства, а потому носит принципиально функциональный, а не творческий характер, оно применяет нормы правосознания, добившегося государственного признания. В свою очередь, профессиональная деятельность полицейских принадлежит к сфере правовой реальности и осуществляется в рамках одного из важнейших государственных институтов. Главная задача правоохранительной деятельности полиции заключается

в осуществлении конкретных оперативных и следственных мероприятий, направленных на защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств преступных и антиобщественных элементов. Решение данных задач требует от сотрудников полиции особого способа мышления, соединяющего в себе как теоретические знания, так и практические навыки, и нацеленного на поддержание законности в различных правовых ситуациях. Таким образом, профессиональная деятельность сотрудников полиции направлена преимущественно на успешное функционирование правовой реальности. В свою очередь, нормальное функционирование правовой системы является важнейшим условием нормального развития общества в целом. Отсюда следует, что полиция, как один из важнейших правоохранительных органов, выполняет целый ряд социокультурных функций.

Правоохранительная деятельность, всецело завися от правосознания, в силу своей принадлежности к действующей правовой системе обладает рядом специфических черт. Важнейшей чертой, отличающей субъекты правоохранительной деятельности от других носителей правосознания, является то, что они имеют непосредственное отношение к силовому отстаиванию права. В противоположность этому представители правосознания, даже имея адекватное представление о сущности права и действующей правовой системе, не имеют отношения к реализации правовых норм на практике, невозможной без скрытой или явной силовой поддержки.

В отличие от правосознания, не всегда имеющего отношение к реальности, сила есть способность реальных вещей, природных или социальных процессов, а также психических состояний воздействовать на окружающую среду. Отсюда следует, что, если правосознание желает стать реальностью, оно должно обладать силой, которая в данном случае исходит от определенным образом организованных и действующих по определенным правилам больших социальных групп.

Раскрывая соотношение понятий «право» и «сила», И.А. Ильин писал: «...чтобы понятие права сблизилось с понятием силы или тем более поглотилось им, необходимо, чтобы оно само переносилось в онтологический ряд, чтобы право так или иначе само становилось членом реального ряда, получало значение чего-то реального. Вне этого

понятия силы и права не могут сблизаться, и если мы видим, что эти понятия попадают в том или ином учении в такое соотношение, при котором понятие права определяется через понятие силы (т.е. сила является родовым понятием, а право видовым), или же признаки понятия права и признаки понятия силы соединяются в третьем понятии, как бы в логическом детище, то мы можем быть уверены, что право, так или иначе, получило реальное значение» [1, с. 15].

Из сказанного следует, что правосознание для того, чтобы стать реальностью, должно проявить определенное усилие. Но в отличие от правосознания правоохранительная деятельность предполагает постоянное применение силы. При этом сила в правоохранительной деятельности применяется не только для соблюдения правовых норм, но и при организации сознания сотрудников правоохранительных органов. Требуя от других людей соблюдения правовых норм, человек, находящийся на страже закона, должен сам быть образцом правового поведения. В свою очередь, подчинение мышления и поведения индивида правовым нормам требует от него определенных усилий. Отсюда следует, что сила представляет собой начало, присутствующее на всех этапах осуществления правоохранительной деятельности. На основании сказанного можно с уверенностью утверждать, что скрытое или явное применение силы составляет сущность правоохранительной деятельности.

1. Ильин И.А. *Понятие права и сила // Общее учение о праве и государстве М., 2006.*

Можно выделить два основных значения термина «функция», первое из них связано с определением направления деятельности, осуществляемой тем или иным элементом системы, второе – с ролью, которую выполняет тот или иной элемент системы по отношению к системе в целом. Согласно первому значению данного термина функции правоохранительной деятельности сводятся к основным задачам правоохранительных органов. Например, в задачу прокуратуры входит осуществление прокурорского надзора, в задачу судов – отправление правосудия, в задачу полиции – борьба с преступностью и т.д.

Во втором значении функции каждого правоохранительного органа не исчерпываются какой-либо одной задачей и связаны с поддержанием социальной и культурной жизни. По отношению к социокультурному целому правоохранительная деятельность полиции выполняет следующие функции:

1) правоприменительная функция заключается в том, что полиция в своей деятельности способствует осуществлению законности на практике;

2) стабилизационная функция проявляется в способности полиции посредством поддержания правопорядка обеспечивать нормальное социальное, экономическое и политическое развитие общества;

3) гуманистическая функция полиции состоит в защите прав и свобод личности от посягательств, преступных и антиобщественных элементов.

1. Ilyin I.A. *The concept of law and force // General doctrine about law and state. Moscow, 2006.*

**Кортиаев Тимур Юрьевич**  
кандидат экономических наук,  
старший преподаватель кафедры «Менеджмент»  
Северо-Осетинского государственного педагогического института  
(e-mail: timur-nosu@mail.ru)

## *Проектирование структуры предприятия, ориентированного на внешнеэкономическую деятельность*

В статье описываются основные направления по созданию структуры управленческой модели на промышленном предприятии, ориентированном на внешнеэкономическую деятельность. Показаны основные аспекты организации внешнеэкономической деятельности.

**Ключевые слова:** управленческая модель, внешнеэкономическая деятельность, менеджмент, предприятие, внешние рынки.

**T.Yu. Kortiaev**, Master of Economics, Senior Lecturer of the Chair «Management» of the North Ossetian State Pedagogical Institute; e-mail: timur-nosu@mail.ru

### **The structure designing of the enterprise oriented foreign economic activity**

There are described some positions, defining approaches to creation of the management model of the subject of foreign economic activity, which can be presented as industrial enterprise. There are shown basic aspects to organizations of foreign economic activity.

**Key words:** management model, foreign economic activity, management, enterprises, foreign markets.

**Д**ля российской экономики характерна проблема низкой конкурентоспособности промышленных предприятий на внешних рынках, которая обусловлена отставанием в производительности труда, низкой эффективностью менеджмента и неразвитой системой управления по сравнению с конкурентами [1].

Управление процессом создания структуры предприятия, ориентированного на внешнеэкономическую деятельность, справедливо рассматривается как один из наиболее сложных вопросов в теории и практике менеджмента.

Базисные положения, определяющие подходы к построению управленческой модели субъекта внешнеэкономической деятельности, в качестве которого рассматриваем промышленное предприятие, ориентированное на внешнеэкономическую деятельность (ППВД), можно определить на основе подхода «управления изменениями».

Управленческая модель субъекта внешнеэкономической деятельности включает: структуризацию предприятия, характер реакции на внешнеэкономическую конъюнктуру, основные полномочия и ответственность.

1. Структуризация предприятия предполагает создание в структуре ППВД специализированных подразделений внешнеэкономической деятельности в форме стратегических

бизнес-единиц (СБЕ). Кроме этого, необходимо выделение совокупности подразделений ППВД, осуществляющих и обслуживающих внешнеэкономическую деятельность, в единую стратегическую зону ответственности (СЗО). При этом необходимо соблюдение следующих условий:

определяющая роль децентрализации управленческих полномочий в СБЕ при сохранении интеграционных связей между ними и с менеджментом ППВД;

для ППВД, ориентированной на создание нововведения как внешнеэкономического товара, целесообразна моноструктура с единым ресурсным и многоаспектным управленческим потенциалом.

Создание ППВД на основе подобной структуризации может стать сегодня общепризнанным подходом к решению сложных проблем и задач, к которым с полным основанием можно отнести и управление внешнеэкономической деятельностью. Богатый арсенал структурных моделей широко используется на всех фазах и этапах жизненного цикла предприятия для решения разнообразных задач, связанных с управлением внешнеэкономическими связями.

2. Обязательным условием существования ППВД является осуществление единого процесса, направленного на маркетинговое исследование зарубежных рынков, разработку,

производство и продвижение инновационной научно-технической продукции. В ППВД исследования и разработки внешнеэкономической ситуации переходят в разряд непосредственной производственной функции, эффективное выполнение которой прямо влияет на конечный финансовый результат. Это необходимо учитывать при определении управленческой модели субъекта внешнеэкономической деятельности, которая включает ряд типов реакции предприятия на изменение внешнеэкономической конъюнктуры, что является одним из основополагающих принципов формирования организационной структуры ППВД.

В число типов реакций ППВД на основе подхода «управления изменениями» должны входить инновационная, конкурентная, производственная и стратегическая реакции.

Инновационная реакция означает необходимость заблаговременного опережения ППВД в области исследований и разработок или, как минимум, своевременность реагирования на НИОКР, осуществляемые в области деятельности предприятия.

Конкурентная реакция должна быть направлена на превышение или достижение показателей деятельности и параметров продукции предприятий-конкурентов. Для того чтобы оставаться конкурентоспособным на современном рынке, нужно постоянно реагировать на увеличивающееся давление, требующее разработки и выпуска новых продуктов, востребованных потребительским спросом. Разработка нового продукта – дорогостоящее и рискованное занятие, особенно когда внедряются значительные инновации.

Производственная реакция предполагает перестройку производства в связи с новыми условиями внешнеэкономической ситуации.

Стратегическая реакция означает использование стратегии развития ППВД в расчете на изменения внешнеэкономической ситуации.

Доминирующими в этой системе являются инновационная и стратегическая реакции как наиболее адекватно отражающие влияние факторов внешней среды на создание нововведений и учитывающие прогнозируемые тенденции их изменения на мировых рынках.

Отсюда следует, что основополагающим принципом построения управленческой модели субъекта внешнеэкономической деятельности является обеспечение инновационной и стратегической реакций на изменение внешней среды. При этом необходимо учитывать основополагающий принцип достижения успеха во внешнеэкономической деятельности – современное управление все меньше должно быть связано с традиционными исполнительными функциями, все больше – с реализацией кон-

курентоспособности на основе предвидения, своевременной модернизации с ориентацией на эффективность.

Руководители ППВД должны изыскивать новые возможности организации деятельности не только путем приспособления к происходящим изменениям, но, преимущественно, на основе подхода «управления изменениями».

3. Полномочия и ответственность подразделений. Новая структуризация предприятия требует адекватной системы полномочий и ответственности. Методология построения организационной структуры ППВД должна быть ориентирована на оптимальное сочетание полномочий и ответственности тех подразделений, где непосредственно создаются нововведения, а также обеспечивается их продвижение на внешние рынки. Это позволит реализовать доминирующую стратегию на внешнеэкономические цели и включить специальные механизмы мотивации создателей нового продукта, активизирующие инновационную реакцию. При этом надо иметь в виду и обязательное наличие в ресурсном потенциале ППВД производственной структуры со своим типом преобладающей реакции и механизмами мотивации персонала.

ППВД может быть создано в виде предприятия, осуществляющего симбиоз двух направлений деятельности: 1) производство продукции (работ, услуг) для внутреннего рынка; 2) внешнеэкономическая деятельность.

Базисная предпосылка состоит в необходимости обеспечения единства ресурсного потенциала и стратегической гибкости, основанной на реализации принципа синергии, заложенного в стратегии ППВД.

Управленческая модель субъекта внешнеэкономической деятельности должна гарантировать эффективное функционирование двух взаимодополняющих сфер деятельности – стратегической по развитию будущего внешнеэкономического потенциала и оперативной по реализации существующего потенциала в доходы и рост предприятия.

По направлению внешнеэкономической деятельности выделяются соответствующие подразделения в форме стратегических бизнес-единиц (СБЕ), которые наделяются необходимыми ресурсами, полномочиями и ответственностью и обслуживают соответствующую стратегическую зону ответственности (СЗО).

Они представляют собой самостоятельные центры прибыли по конкретной продукции (услуге), которая поставляется в стратегическую зону хозяйствования (СЗХ) или поступает из нее.

Совокупность стратегической бизнес-единицы и стратегической зоны хозяйствования



образует стратегическую зону ответственности определенного органа управления внешнеэкономической деятельности.

Проектирование управленческой модели ППВД должно включать следующие этапы:

- разработку вариантов стратегии предприятия с учетом внешнеэкономической составляющей;
- анализ факторов, влияющих на эффективность вариантов, выбор стратегии и типа организационной структуры;

- выделение стратегических зон хозяйствования (СЗХ), распределение зон ответственности;

- структуризацию ресурсов по направлениям деятельности и стратегическим зонам ответственности (СЗО);

- выделение основных структурных единиц в форме стратегических бизнес-единиц (СБЕ), установление их полномочий и уровня ответственности;

- определение необходимых функций поддержки основных структурных единиц, структурирование функциональных служб;

- распределение стратегической ответственности между управляющими различного уровня;

- формирование учетной политики и создание центра учета затрат и анализа финансовой деятельности;

- разработку проектов по реализации управленческой модели ППВД, обеспечение их поддержки акционерами и персоналом фирмы;

- реализацию структуры, анализ результатов и внесение коррективов.

В экономической теории, а также в теории управления прибыль не связывается с основной целью деятельности предприятия, что, в частности, обосновывается глубоким сравнительным анализом корпоративного менеджмента в России и США В.Н. Шейна, А.В. Жуплева, А.А. Володина. Получить прибыль предприятие может только в том случае, если оно производит продукцию или услуги, которые реализуются, т.е. удовлетворяют общественные потребности. Необходимо обеспечить соподчиненность двух важнейших условий деятельности предприятия – удовлетворение потребности и получение прибыли, которое выражается в следующем: нельзя получить прибыль, не изучив потребности и не начав производить тот продукт, который удовлетворяет потребности. Не отвергая роль и значимость высокой прибыли, необходимо отметить, что в

условиях глобализации экономики и повышения жесткости конкуренции сама мотивация предприятий меняется в сторону обеспечения оптимизации прибыли и устойчивого развития, что подтверждается развитием системы франчайзинга, аутсорсинга и других методов международного сотрудничества.

Процесс создания и продвижения нового продукта (услуги) на внешний рынок является дискретным, постоянно возобновляющимся и ориентируется на нестабильный по характеристикам рыночный спрос. Поэтому к системе управления и организационной структуре ППВД предъявляются в первую очередь требования, определяющие ее рыночный успех (способность адаптироваться к изменчивому рынку продукции без разрывов в получении прибыли). Это должно предполагать эффективное и гибкое управление по следующим направлениям:

- мониторинг за развитием ситуации «исследования – продукция – внешний рынок», позволяющий определять основные точки концентрации управленческих усилий и ресурсов предприятия;

- развитие системы управления проектами развития внешнеэкономической деятельности, координация и контроль над их портфелем в соответствии с принятой стратегией;

- активная поддержка стратегии обновления продукции и повышения конкурентоспособности предприятия, характеризующаяся, прежде всего упреждающей реакцией на запросы иностранных потребителей продукции, а также беспрестанным поиском новых научных идей и перспективными разработками;

- создание благоприятного управленческого климата, который предопределяет непрерывный поиск нововведений, культивирует инициативность в разработке амбициозных проектов;

- максимальная децентрализация управленческих полномочий при сохранении интеграционных связей и ответственности.

При проектировании организационной структуры ППВД определяющая роль должна принадлежать децентрализации в принятии управленческих решений. Наивысшей степени инновационная и стратегическая реакции достигают, когда руководитель конкретного направления внешнеэкономической деятельности наделяется достаточными полномочиями, адекватной ответственностью и ресурсами.

1. Завьялова Е.М. Экспертные методы оценки конкурентоспособности управления промышленным предприятием // *Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та*. 2010. № 1. Т. 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnye-metody-otsenki-konkurentosposobnosti-upravleniya-promyshlennym-predpriyatiem>, 2015.

1. Zavalova E.M. Expert method of assessment of competitiveness of management of industrial enterprise // *Bull. of the Saratov State Technical University*. 2010. № 1. Vol. 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnye-metody-otsenki-konkurentosposobnosti-upravleniya-promyshlennym-predpriyatiem>, 2015.

**Кравченко Олег Георгиевич**

преподаватель кафедры специальных дисциплин  
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79787953783)

**Юзьвак Сергей Анатольевич**

преподаватель кафедры специальных дисциплин  
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79788540825)

## *Особенности реализации ценностного подхода в обучении сотрудников полиции*

В статье изложено научное обоснование внедрения ценностного (аксиологического) подхода в образование, в частности в организацию учебно-воспитательного процесса сотрудников полиции, проанализированы дефиниции «ценность» и «аксиология». Исследуется определение человеческих ценностей, рассматриваются объектные и субъектные концепции ценностей.

**Ключевые слова:** ценностный подход, аксиология, ценности, объективистская концепция ценностей, субъективистская концепция.

**O.G. Kravchenko**, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79787953783;

**S.A. Yuzvak**, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79788540825.

### **Peculiarities of implementation of the axiological approach in training the police officers**

The article provides the scientific substantiation of implementation of the axiological approach in the process of the education, and directly in the organization of the teaching process and analyzes the notions of «value» and «axiology». Also investigates the definition of human values and the object and subject of the concept of values.

**Key words:** value approach, axiology, values, objectivist concept of values, subjectivist conception.

**П**остановка проблемы. Рубеж веков ознаменовался значительными изменениями в социально-экономическом развитии России, в том числе в ее образовательной сфере. Значительно активизировались международные связи государства, усилился его авторитет в мировом и европейском пространстве. Все это стало предпосылкой для весомых трансформационных процессов, происходящих в отечественной образовательной отрасли. Сегодня в обществе происходят существенные изменения, связанные с привлечением Российской Федерации к общемировым процессам общественно-культурного прогресса. На современном этапе система высшего образования находится в условиях реконструкции и поиска своего места в новом правовом обществе нашего государства и мировом образовательном пространстве.

В начале XXI в. существенно изменяются основные общечеловеческие ценности, интенсифицируется процесс формирования информа-

ционного общества, что особенно характерно для системы внутренних дел, ибо сотрудник полиции руководствуется собственной системой ценностей. По мнению Т. Аболиной, на смену ценностям, характерным для индустриального общества, приходят другие, определяемые научно-технической революцией, глобализацией окружающего мира. Таким образом, перед системой образования возникает необходимость поиска новых и модернизации существующих подходов к организации и содержанию образовательного процесса [1, с. 164]. Одним из перспективных в этом смысле, на наш взгляд, является ценностный подход. Стоит отметить, что переход образовательной системы России на гуманистические ценности происходит в достаточно сложных социально-политических условиях: интенсивная интеграция в мировое и европейское пространство, углубление процессов глобализации, развитие информационных технологий и др. Именно поэтому актуальна постановка именно такой проблемы – реализация аксиологического (ценностного) подхода в со-

временной системе образования сотрудников полиции.

Сегодня ценностный подход является одним из основных методологических принципов профессиональной подготовки будущих сотрудников полиции. Обращение к философской теории ценностей в контексте педагогики позволяет рассматривать содержание и структуру педагогического образования как сферу субъект-объектных и межсубъектных отношений, где знания, преподаватель и курсанты объединяются ценностным отношением к действительности. Сегодня целенаправленное развитие личности, эффективное профессиональное становление курсантов невозможно осуществлять без определения социокультурных ценностей. На уровне отдельной личности ценностный подход направляет педагогическое воздействие на воплощение на практике оптимальных путей трансляции актуальных социальных ценностей. Формулируя гуманистическую парадигму профессионально-педагогической подготовки, современные исследователи тем самым оказывают обоснование новой методологии педагогики, что дает возможность выделить как систему ценностей образовательного процесса, так и самообразование как общечеловеческую ценность.

Анализ исследований и публикаций. Вследствие своей актуальности аксиологический (ценностный) подход к организации обучения стал объектом исследования многих отечественных и зарубежных ученых, среди которых Б. Гершунский, Л. Клименко, В. Крыжко, В. Сергиенко, В. Слостенин, Н. Ткачева, Г. Чижакова, Г. Щедровицкий, А. Ярошенко и др. [1; 2; 3]. Анализ последних разработок дает основания утверждать, что исследование ценностей основ образовательной системы не остается вне поля зрения исследователей, которые рассматривают педагогическую аксиологию как фундамент духовной культуры будущего сотрудника полиции.

Целью статьи является определение особенностей реализации ценностного подхода в организации учебно-воспитательного процесса курсантов, а также выяснения объективистской и субъективистской концепций ценностей.

Основной материал исследования. Будущее общества воспитывается за школьной партой и на студенческой скамье, именно здесь закладываются основы крепкого государства, поэтому актуальными являются слова Г. Батищева о том, что во все времена наука и образование

руководствовались системой ценностей, которые были сформированы всем предшествующим развитием общечеловеческой культуры [4, с. 62]. В период перемен в мире науки и социальных отношений бывшие ценности подвергались значительной коррекции, некоторые из них заменялись новыми, что существенно влияло на цели, задачи и содержание образования, методы обучения и воспитания. Именно поэтому актуализируются проблемы гуманизации, гуманитаризации и демократизации образовательного процесса курсантов как ведущих принципов реализации ценностного подхода в обучении.

Безусловно, человек является высшей ценностью природы, неповторимой личностью со своим духовным миром, интересами, интеллектуальными способностями, поэтому любое учебное заведение, а прежде всего образовательная организация системы внутренних дел, должно стать духовным институтом, направленным на формирование неповторимых личностных качеств каждого обучающегося. В течение жизни во внутренней системе ценностей каждого человека происходят изменения, она постоянно обновляется и совершенствуется. Личностные ценности выполняют для человека роль стержня, который обеспечивает целостность и преемственность в его развитии, адекватную адаптацию к условиям жизнедеятельности. Подчеркнем, что ценности невозможно заложить автоматически в сознание молодого человека, они являются результатом собственной внутренней активности, но, по мнению В. Крыжко, правильно организованный образовательный процесс стимулирует эту активность, помогает приобрести опыт толерантного отношения к мыслям или позиции других [2, с. 131].

Человек, как известно, вступает в разнообразные отношения с миром. Он познает, оценивает и практически превращает его. Оценочное отношение человека к миру изучает аксиология, или теория ценностей.

Аксиология (греч. *axiō* – ценность, *logos* – учение) – философская дисциплина, изучающая сущность, типы и функции ценностей, учение о природе духовных, нравственных, эстетических и других ценностей, их связи между собой, с социальными, культурными факторами и личностью человека [5, с. 35].

Каждой сфере бытия человека соответствуют определенные ценности. К ценностям относятся прежде всего то, что природа предоставила в пользование человеку – чистый воздух, воду,

полезные ископаемые, плодородные почвы, леса, богатые рыбой реки и моря. Это природные ценности. Негативными природными ценностями являются грязный воздух, землетрясения, вулканы, смерчи и другие природные явления, которые наносят вред хозяйственной деятельности человека.

Социальными ценностями являются занятость населения, согласие в обществе, порядок, мир, демократия, им противостоят безработица, социальные катаклизмы, антагонизмы, войны.

К духовным ценностям относятся высокие идеалы человечества (добро, прекрасное, истина, свобода, справедливость, святость) и предметы культуры, в которых они объективируются (художественные произведения, религиозные, моральные и юридические системы, научные теории), их антиподами являются зло, ложь, уродливое, несправедливость, греховность и явления, в которых они воплотились. Все эти ценности направлены на благо человека, на его утверждение в жизни. Именно в этом и заключается основная особенность ценности.

Известный ученый Ю. Шрейдер акцентирует внимание на том, что ценность – это феномен, который объективно, по своей природе является благом для человека, направленным на утверждение ее в бытии, реализации ее творческих возможностей [6, с. 76].

Однако такое определение раскрывает лишь один аспект ценностей – объективистский. Он не принимает во внимание субъект, его сознание. По этому определению чистый воздух, здоровье являются ценностями, независимо от того, осознает это человек или нет.

В субъективистском аспекте ценность зависит от сознания субъекта, поскольку ею считают лишь то, что субъект ценит, чему придает значение. Действительно, можно считать, что полезные ископаемые, здоровье, соответствующие душевные состояния и феномены культуры являются ценностями, поскольку люди (субъекты) придают им такое значение, свободно их выбирают среди других, учитывая конкретные их преимущества. Поэтому с субъективистской позиции ценностью является все, что люди выбирают, что сознательно предпочитают.

Различие между обоими подходами не такое уж и существенное, поскольку полезные ископаемые, чистый воздух, душевный комфорт, мир, нравственные идеалы являются ценностями для них обоих. Однако объективистская

позиция предполагает, что ценности существуют объективно, независимо от сознания субъекта, а он может только правильно или неправильно оценивать, использовать их.

Важнейшей ценностью сегодня (особенно для сотрудников полиции) является умение ориентироваться в ситуации выбора, делать правильный выбор в условиях неопределенности и неоднозначности. Ценности направляют, организуют, ориентируют поведение на определенные цели. Человек познает мир через призму ценностей, и, как правильно говорит И. Мамаева, они регулируют социальное поведение людей [2, с. 69].

В современных условиях аксиология рассматривается как теория ценностей и характеризуется существенным перемещением внимания на общечеловеческие ценности, определяется в сознании людей современными реалиями бытия. Поэтому центральным понятием в аксиологии является понятие ценности, характеризующей социокультурное значение явлений действительности, включенных в ценностные отношения.

Отметим, что многообразие трактовки центрального для аксиологии понятия «ценность» обусловлено различиями в решении проблемы объективного – субъективного, материального – идеального, индивидуального – общественного относительно характеристики ценностной системы. Как отмечает В. Абушенко, конструктивность понятия «ценность» связана прежде всего с разработкой типологий ценностей на уровне «идеальных типов», что обеспечивает работу по созданию эмпирических типологий. В этих случаях ценности определяются как любой предмет, материальный или идеальный, в отношении которого индивиды или группы занимают позицию оценки, приписывая ему важную роль в своей жизни и стремление к обладанию которым ощущают как необходимость (Я. Щепанский), или как то, к чему стремятся как к цели или рассматривают как средство достижения цели (Н. Чавчавадзе), или как предмет любой природы, имеющий значимость для субъекта, т.е. способность удовлетворять его потребности (А. Ручка) [5, с. 1200].

Российские ученые В. Сластенин и Г. Чижаква обобщают, что в отечественной философской литературе «ценность» определяется как способность вещей, идей и т.д. выступать средством удовлетворения потребностей отдельных индивидов и социальных групп; значимость вещей, идей для жизнедеятельности

субъекта; специфическая форма выявления отношения между субъектом и объектом в целях удовлетворения потребностей субъекта; специфические образования в структуре индивидуального и общественного сознания, являются ориентирами личности и общества [3, с. 47].

Исходя из анализа научных источников, отметим, что понятие «ценности» рассматривается учеными в контексте системного анализа деятельности человека и определяется из разных подходов.

Выводы. Подытоживая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы: использование ведущих принципов организации образова-

тельного процесса сотрудников полиции – гуманизации, гуманитаризации и демократизации – наряду с классическими дидактическими и методическими принципами (доступности, наглядности, связи теории с практикой, профессиональной направленности и т.д.), является необходимым условием ценностного подхода к организации учебно-воспитательного процесса в системе внутренних дел России, который способствует обеспечению возможностей наиболее полной самореализации каждого курсанта во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в овладении выбранной профессией на уровне требований современного общества XXI в.

1. Аболина Т.Г., Ермоленко А.М., Киселева О.О., Малахов В.А. *Этические нормы и ценности: проблемы обоснования*. Киев, 1997.

2. Крыжко В.В., Мамаева И.О. *Аксиологический потенциал государственного управления образования: учеб. пособие*. Киев, 2005.

3. Слостенин В.А., Чижакова Г.И. *Введение в педагогическую аксиологию: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений*. М., 2003.

4. Батищев Г.С. *Истина и ценности // Познание в социальном контексте*. М., 1994. С. 61–78.

5. *Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов*. М., 2001.

6. Шрейдер Ю.А. *Ценности, которые мы выбираем: мифы и предпосылки ценностного выбора*. М., 1990.

1. Abolina T.G., Ermolenko A.M., Kiseleva O.O., Malahov V.A. *The ethic norms and values: problems of ground*. Kiev, 1997.

2. Kryzhko V.V., Mamaeva I.O. *Axiology potential of state administration of education: study aid*. Kiev, 2005.

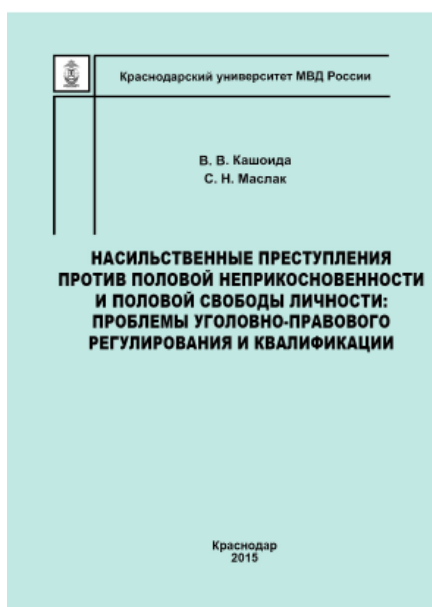
3. Slastenin V.A., Chizhakova G.I. *Introduction to the pedagogical axiology: study aid for students of higher pedagogical institutions*. Moscow, 2003.

4. Batischev G.S. *Truth and values // Cognition in a social context*. Moscow, 1994. P. 61–78.

5. *World encyclopaedia: Philosophy / chief sci. ed. and comp. by A.A. Griksanov*. Moscow, 2001.

6. Shreider Yu.A. *Values that we choose: myths and pre-conditions of the valued choice*. Moscow, 1990.

## ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ



**Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации** / В. В. Кашоида, С. Н. Маслак. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – 114 с.

В монографии раскрываются проблемные вопросы правового регулирования деяний, содержащих признаки насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, и ответственности за их совершение. Авторы анализируют юридические составы данной категории преступлений, особенности их квалификации в правоприменительной практике, соответствующие уголовно-правовые санкции. Дается также сравнительно-исторический анализ законодательства по данной теме в отечественном, международном и зарубежном уголовном законодательстве.

Для студентов юридических образовательных организаций и факультетов, а также для всех интересующихся уголовным правом России.

**Костюченко Николай Иванович**

доктор юридических наук, доцент,  
профессор кафедры деятельности ОВД в особых условиях  
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: nikiv1948@gmail.com)

## *Функция прогнозирования как общая функция управления в правоохранительной деятельности*

В статье автор рассматривает проблемы управленческой деятельности, связанные с определением понятия «прогнозирование» как общей функции – элемента социальных систем, имеющего существенное значение для совершенствования управленческой деятельности.

**Ключевые слова:** прогнозирование, управление, система управления, функции управления, общие функции управления, свойство латентности функций управления, латентные функции.

**N.I. Kostyuchenko**, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Activity of Bodies of Internal Affairs in Special Conditions of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russia; e-mail: nikiv1948@gmail.com

### **Function of forecast as common management function in the law-enforcement activity**

In the article the author highlights the management activity problems connected with the notion definition «forecast», as general function – social system element, significant for management activity enhancement.

**Key words:** forecast, management, management system, management functions, general management functions, latency notion of management functions, latent functions.

**В** последнее время в теории и практике управления все больше внимания уделяется проблемам управленческой деятельности в разных видах социальных систем (государственных, негосударственных, экономических, производственных, менеджмента и т.д.). Такое внимание со стороны ученых, прежде всего к сфере государственного управления и менеджмента, вполне закономерно.

Изменения, произошедшие в социальных системах за последние двадцать лет, «выдвинули» на повестку дня комплекс проблем, связанных с теорией и практикой управления в части: формирования понятийного аппарата систем управления; оптимизации структур социальных систем и подсистем управления; методов управления и управленческих связей, функций управления и механизмов их реализации.

С точки зрения теории управления все перечисленные проблемы в большей или меньшей степени связаны с функциями социальных систем и их подсистем управления. Такая взаимосвязь обусловлена общенаучным мнением, в соответствии с которым функции являются основой построения структур социальных систем и обеспечения их устойчивого функционирования, эволюции и достижения целей лю-

бой системы. Вместе с тем, несмотря на такое единство мнений относительно роли и места функций в системах, существует неоднозначность мнений в части определения понятия функций и их видов.

Неопределенность понятий и возникающие в этой связи научные противоречия по большей части относятся к функциям, которые участвуют в любом виде и процессе управленческой деятельности.

Данный вид функций определяется авторами по-разному: как главные, основные, универсальные, общие, специальные. Такая неопределенность терминов приводит субъектов к разночтению теоретического материала и затрудняет использование результатов научных исследований в практике управления. В связи с этим для однозначности восприятия дальнейшего изложения материала данные функции с учетом общенаучного мнения будут определяться как «общие».

Помимо неопределенности определения этого вида функций, существует разночтение научных мнений относительно их количественного состава. Это приводит к возникновению противоречия научных мнений относительно количественного состава данного вида функций и эволюционных свойств социальных си-

стем. С одной стороны, научное мнение ограничивает количественный набор этих функций. С другой стороны, объективно существующие эволюционные потребности систем предполагают возможность появления новых функций, в том числе функции прогнозирования.

Анализ этой проблемы показал, что есть исследования (более 50 из числа работ, с которыми удалось ознакомиться автору), где упоминание понятия функций вообще отсутствует. В ряде работ количество функций расширяется до 8–10 и более. Отдельные ученые полагают, что состав этих функций не должен ограничиваться вообще. Однако подавляющим большинством научных мнений состав общих функций ограничивается четырьмя функциями (планирование, организация, контроль и мотивация).

На основе «ограничения» состава общих функций большинством ученых делается вывод о том, что введение в теорию и практику управления новых общих функций не целесообразно. В результате прогнозирования рассматривается только как составная часть функции планирования. Таким образом, проблема введения понятия функции «прогнозирования» обусловлена неопределенностью существующей терминологии и наличием противоречий в теории управления, связанных с общими функциями управления. В связи с этим рассмотрим упомянутые проблемы более детально.

В Философской энциклопедии понятие «прогнозирование» определяется следующим образом: «Прогнозирование (от греч. *prognosis* – знания наперед) – определение тенденций и перспектив развития тех или иных процессов на основе анализа данных об их прошлом и нынешнем состоянии. В отличие от предвидения научного, прогнозирование решает, как правило, более узкие практические задачи. Усложнение общественных процессов требует комплексного прогнозирования, объединяющего методы и достижения специализированных прогнозов» [1, с. 378].

Как видно, понятие «прогнозирование» непосредственно не связывается с понятием функций управления. В то же время прогнозирование выделяется в системе управления как самостоятельное действие (по сути, как ее элемент), которое предшествует планированию.

Применительно к теории и практике управления понятие «прогнозирование» рассматривали многие ученые: В.Б. Аверьянов, Ю.Е. Аврутин, Ю.П. Алексеев, А.Н. Алисов, Ю.Н. Барышников, Н.В. Бугель, А.А. Бетуганов, В.И. Варфоломеев, А.Я. Васина, А.П. Веревченко, С.Н. Воробьев, Б.А. Гаевский, О.В. Голодова, В.В. Гор-

чаков, П.В. Иванов, С.Н. Князев, В.Т. Лисовец, Б.Г. Литвак, С.К. Монке, Н.П. Пищулин, Е.А. Подольская, О.М. Рой, В.П. Сальников, Л.П. Сумароков, Е.В. Троицкая и др., однако единого мнения относительно этого элемента систем не сформировалось.

Академик В.М. Глушков еще в 1969 г. обратился к этому понятию: «Проблемы формулирования целей и определения критериев оценки эффективности управления не могут быть решены без создания эффективных методов прогнозирования» [2, с. 9].

Если учесть, что практическая реализация любого метода управления основана на реализации функций социальной системы, можно говорить что уже в тот период была сделана попытка обосновать необходимость существования в них элемента «прогнозирования».

Б.А. Гаевский определял прогнозирование как самостоятельную функцию, которая «устанавливает потенциал объекта, его расчет в пространстве и времени, обеспечивает гарантии эффективности управленческих решений и относится к виду “основных функций” управления» [3, с. 18–19].

Рассматривая «анализ» как основную функцию управления, С.Н. Князев отмечал: «Суть аналитической работы сводится к одной из важнейших целей – прогнозу. Прогнозирование как система аналитических и научных исследований направлено на выявление тенденций развития обстановки в целом или ее элементов, управленческих ситуаций и поиск оптимальных путей достижения целей в новых условиях» [4, с. 71–72].

Таким образом, С.Н. Князев определял понятие «прогнозирование» как вид деятельности и как «систему аналитических и научных исследований». В то же время, исходя из содержания приводимых им понятий, можно говорить, что речь шла о функции прогнозирования, которая при реализации функции анализа была вспомогательной. Определение ее как самостоятельной функции не состоялось, поскольку общенаучное мнение ограничивало состав общих функций четырьмя, а прогнозирование рассматривалось как элемент функции планирования.

В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, Н.В. Бугель и др. определяют прогнозирование как самостоятельную функцию управления и относят ее к виду «общеуправленческих» функций органов внутренних дел [5, с. 59].

Необходимость функции прогнозирования и ее роль в управлении органами внутренних дел отмечал В.М. Плишкин: «Прогнозирование дает руководителю информацию о состоянии

системы и управляемых объектах в будущем, на основе изучения их состояния в прошлом и настоящем» [6, с. 93–94].

В.А. Василенко полагал, что прогнозирование должно быть самостоятельной функцией, и разделял понятия «прогнозирование» и «планирование»: «Прогнозирование позволяет представить, что может произойти через какое-то время, а планирование нацеливает на то, что должно произойти в оговоренное время и по воле людей» [7, с. 256].

Л.Ю. Гордиенко вел речь о прогнозировании как о «командной» функции: «Органам государственного управления часто указывают, что они не смотрят в будущее. Очень важно, чтобы госслужащие мыслили категориями будущего». Однако ее содержание как функции он не раскрывал [8, с. 120–121].

Результаты проведенного автором анализа приведенных и других мнений свидетельствуют об отсутствии в теории управления единого подхода относительно определения понятия прогнозирования, которое в большинстве своем рассматривается как действие, а не как функция. В тех случаях, когда авторы определяют понятие «прогнозирование» как функцию, их мнения расходятся относительно ее содержания и места в системе управления, относя ее к различным видам функций: командным, общеуправленческим, основным, общим, специальным, главным. Такая полифония мнений, как уже отмечалось выше, имеет негативные последствия для практического использования научных результатов. В то же время, даже в случаях рассмотрения прогнозирования как вида деятельности, большинство ученых отмечают его значимость для процессов управления.

Исследование явления прогнозирования только как действия, безусловно, способствует повышению уровня управленческой деятельности. Вместе с тем, в практике управления его реализация как действия ограничивает возможности подготовки полноценной информации для принятия управленческих решений в части планирования и организации наиболее эффективных циклов управленческой деятельности. Последнее обстоятельство объясняется неоднозначностью детерминации элементов системы: с одной стороны, «действия» прогнозирования, а с другой – «функций» планирования, организации, принятия решений и информационной. Это, безусловно, отражается на эффективности функционирования механизма управления, причем в ряде случаев весьма существенно.

Чтобы разобраться с неоднозначностью мнений относительно соотношения понятий

«действие» и «функция», рассмотрим упомянутую выше проблему определения понятия функций управления.

Большинство авторов определяют функции управления как обособленный вид деятельности, обособленное направление деятельности или относительно самостоятельную часть целенаправленной деятельности. Другими словами, как явление, реально существующее в системе управления. Если исходить из такого определения функции, напрашивается вывод, что в силу отсутствия в системе управления обособленного действия, например прогнозирования, принятия решений или анализа, в ней не может быть и одноименной функции управления.

Однако такой вывод не совсем однозначен и верен, поскольку, основываясь при определении понятия функции на свойстве «обособления» деятельности, можно прийти и к отрицанию существования общепринятых функций управления.

Если с точки зрения системы рассмотреть фирму с единственным сотрудником, который одновременно является и учредителем, и исполнителем, можно обнаружить, что «контроль» как обособленный вид или направление деятельности в данной фирме будет отсутствовать, т.к. в данном случае контролировать некого.

Отсутствие обособленного действия «контроля» предполагает и отсутствие одноименной функции, что само по себе уже абсурдно с точки зрения общепринятого мнения о существовании четырех общих функций управления, в том числе и функции контроля.

Таким образом, определение понятия функции как реально существующего действия или направления действия, по сути, приводит к ошибочным выводам относительно функций системы. Это, в свою очередь, фактически приводит к отрицанию эволюционных способностей системы, которые предполагают возможность возникновения новых функций. С учетом приведенного примера можно говорить, что в этой ситуации справедливость определения функции как действия вызывает серьезные сомнения.

Для подтверждения этого тезиса обратимся к мнениям ученых, предлагавших другие подходы к определению понятия функций социальных систем, рассмотрев ее как философскую категорию.

Так, В.Г. Вишняков предложил иной вариант определения этого элемента систем управления: «Реально функция сама по себе не существует, она наблюдается в процессе конкретной целенаправленной деятельности» [9, с. 110].



В.Д. Юсупов полагает, что функция – это «потенциальная возможность или необходимость действовать определенным образом в определенных условиях» [10, с. 73].

Е.Б. Кубко, обобщая приведенные высказывания, отмечал, что «функции социальных систем в сущности своей есть потенциальные их характеристики, являющиеся не частями деятельности, то есть материальным процессом, а лишь направлениями этой деятельности, причем эволюционно необходимыми. В процессе эволюции системы возникает ее потребность в новых функциях как внутренняя возможность действовать в определенном направлении, определенным образом и, напротив, какие-то из функций будут утрачены либо на время, либо вообще» [11, с. 32–33].

Как видно, мнения приведенных авторов сходятся в том, что понятие функции нельзя отождествлять с действием, т.е. материальным процессом. Понятие функции следует рассматривать как потенциальную характеристику системы. При этом потребности системы могут привести к появлению новых функций. Автор разделяет эти мнения, поскольку по своей сути понятие функции является философской категорией, существующей независимо от сознания человека, а результаты ее реализации (различные виды деятельности) мы наблюдаем в процессе функционирования системы. В этом нетрудно убедиться, обратившись к истории эволюции управленческой мысли. Функции управления выделялись и реализовывались на эмпирической основе на протяжении тысячелетий развития общества, а научное обоснование этого феномена началось только на рубеже XVIII–XIX вв.

В этой связи становится понятной ситуация с восприятием «отсутствия» функции контроля в приведенном выше примере. Такому восприятию способствует неоднозначность общепринятого определения понятия функции как действия: нет обособленного действия – нет и одноименной функции. В то же время отсутствие контроля как обособленного действия в малом предприятии обусловлено отсутствием потребности этой системы в обособлении такого вида деятельности, а не отсутствием функции как таковой.

С учетом этого определение понятия функции как «потенциальной возможности действовать» является более предпочтительным. Оно снимает вопросы неоднозначности мнений в части количественного состава общих функций и ограничения его четырьмя функциями. Решает проблемы снятия противоречий между научными взглядами относительно ограниче-

ния состава общих функций и эволюционными потребностями социальных систем в возникновении новых функций, например прогнозирования.

Таким образом, рассмотрение явления прогнозирования как функции социальной системы становится полностью обоснованным в случае применения научных подходов, предложенных В.Г. Вишняковым, Е.Б. Кубко и В.Д. Юсуповым.

Рассмотренные проблемы теории управления и причины их возникновения достаточно просто объясняются с точки зрения понятия латентности функций, которое, к сожалению, в теории управления не применялось.

Введение понятия латентности «вытекает» из определения функций как «объективной реальности, существующей вне нашего сознания», т.е. латентно (скрыто) от сознания субъекта управления, и как «потенциальной возможности действовать» [8; 9; 10].

По мере возникновения потребностей системы в новых функциях и осознания этих потребностей субъектами управления на научной или эмпирической основе происходит процесс формирования субъектами новых теоретических понятий, связанных с функциями управления. Если этого не произойдет, функция останется в состоянии латентности и будет реализовываться субъектом неосознанно (латентно) на эмпирической основе. Такая реализация функций напрямую связана со случаями, когда понятие «функция» подменялось понятием «действие» или «процесс».

Понятие латентности функций с точки зрения теории управления рассматривалось автором [12] как необходимое условие для разрешения проблем и противоречий, существующих в теории и практике управления, часть из которых упомянута и в настоящей статье. При этом были предложены следующие определения:

латентная (скрытая) функция – это потенциальная возможность действия в направлении ее реализации, которая не осознана и не обоснована субъектом теоретически или эмпирически;

латентная реализация функции – это реализация функции, которая происходит без осознанного воздействия субъекта управления на этот процесс [12, с. 311–320].

Исходя из определения свойства латентности функций, становится понятным, что любая функция, «переводимая» субъектом из состояния латентности в «разряд» сознательно реализуемых функций, имеет право на существование, поскольку осознанная реализация функции будет всегда более эффективной, чем латентная.

При этом своевременное выявление субъектом потребностей системы в тех или иных функциях, а также потребностей обособления реализации уже «существующих» функций становится одним из ключевых моментов совершенствования управленческой деятельности.

С учетом рассмотренного материала можно утверждать, что мнения ряда авторов относительно существования функции прогнозирования носят объективный характер. Введение в теорию и практику управления понятия «прогнозирования» как самостоятельной общей функции управления является назревшей необходимостью.

Вместе с тем, для совершенствования процессов управления целесообразно проведение отдельного исследования функции прогнозирования как самостоятельного элемента социальных систем в плане раскрытия:

содержания функции прогнозирования применительно к каждому уровню социальных систем; порядка формирования на основе функции прогнозирования структурных элементов системы (самостоятельных структурных подразделений, отдельных рабочих мест или функциональной части такого места); формирования и упорядочивания внутрисистемных связей и взаимозависимостей функции прогнозирования с другими функциями систем.

1. *Философская энциклопедия: в 5 т. М., 1960–1970. Т. 4.*

2. Глушков В.М. *Современные проблемы научного управления // Глушков В.М. Избр. тр.: в 3 т. Киев, 1990. Т. 3.*

3. Гаевский Б.А. *Основы науки управления: учеб. пособие. 2-е изд., стер. Киев, 1998.*

4. Князев С.Н. *Управление: искусство, наука, практика: учеб. пособие. Минск, 2002.*

5. *Основы управления в органах внутренних дел: учеб. / под общ. ред. В.П. Сальникова. М., 2002.*

6. Плишкин В.М. *Управление в органах внутренних дел Украины: учеб. Киев, 1998.*

7. Василенко В.А. *Менеджмент успешного развития предприятия. Киев, 2005.*

8. Гордиенко Л.Ю. *Основы теории государственного управления: конспект лекций. Харьков, 2000.*

9. Вишняков В.Г. *Структура и штаты органов советского государственного управления. М., 1972.*

10. Юсупов В.Д. *Право и советское государственное управление. Административно-правовой аспект проблемы / науч. ред. Р.И. Гарнопольский. Казань, 1976.*

11. *Введение в теорию государственно-правовой организации социальных систем / под общ. ред. Е.Б. Кубко. М., 1997.*

12. Костюченко Н.И. *Свойство латентности функций как причина существующих расхождений в формировании понятия функций управления // Науч. вестн. Днепропетров. гос. ун-та внутренних дел. 2012. № 3(62). С. 311–320.*

1. *Philosophy encyclopedia: in 5 vol. Moscow, 1960–1970. Vol.4.*

2. *Glushkov V.M. Modern problems of the scientific management // Glushkov V.M. Sel. works: in 3 vol. Kiev, 1990. Vol. 3.*

3. *Gaevsky B.A. Basics of management science: study aid. 2nd ed., ster. Kiev, 1998.*

4. *Knyazev S.N. Management: art, science, practice: study aid. Minsk, 2002.*

5. *Basics of management in the organs of internal affairs: textbook / ed. by V.P. Salnikov. Moscow, 2002.*

6. *Plishkin V.M. Management in the organs of internal affairs of Ukraine: textbook. Kiev, 1998.*

7. *Vasilenko V.A. Management of the successful development of the enterprise. Kiev, 2005.*

8. *Gordienko L.Yu. Basics of the state management theory: lectures summary. Kharkov, 2000.*

9. *Vishnyakov V.G. Structure and personnel of the organs of the Soviet state management. Moscow, 1972.*

10. *Yusupov V.D. The law and the Soviet state management. Administrative and legal aspect of the problem / sci. ed. R.I. Garnopolsky. Kazan, 1976.*

11. *Introduction to the theory of state-legal organization of social systems / gen. ed. by E.B. Kubko. Moscow, 1997.*

12. *Kostyuchenko N.I. Property of latency of functions as a reason of existing controversies in formation of the management functions concept // Sci. bull. of the Dnepropetrovsk state university of the Interior. 2012. № 3(62). P. 311–320.*

**Смоляков Евгений Викторович**  
 адъюнкт кафедры уголовного права  
 Краснодарского университета МВД России  
 (e-mail: smol1975@mail.ru)

## *Общественная опасность как основа криминализации преступлений, посягающих на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителей власти*

В статье охарактеризован признак «общественная опасность», который выступает основой криминализации преступлений, в том числе деяний, посягающих на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителей власти. Автор, проведя теоретический анализ, приходит к выводу, что применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) характеризуются достаточной для криминализации общественной опасностью, которая обусловлена обстоятельствами, рассмотренными в статье.

**Ключевые слова:** общественная опасность, криминализация, представитель власти, применение насилия, преступление, деятельность органов государственной власти, эффективность, личность, предупреждение.

**E.V. Smolyakov**, Adjunct of the Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: smol1975@mail.ru

**Public danger as the basis of criminalization crimes encroaching on health, personal integrity, honor and dignity of government representatives**

The article described a sign of «public danger», which is the basis of criminalization of crimes, including offences detrimental to the health, personal integrity, honor and dignity of the government representatives. The author theoretical analysis concludes that the use of violence against a representative of government (art. 318 of the Criminal code of the Russian Federation) and insulting of representative of the government (art. 319 of the Criminal code of the Russian Federation) are characterized by enough to criminalize public danger, which is due the circumstances discussed in the article.

**Key words:** public danger, criminalization, representative of the government, use of violence, crime, activities of public authorities, efficiency, personality, warning.

Общепризнанно, что в основе криминализации деяния лежит его общественная опасность [1, с. 58.]. Криминализация зависит от характера и степени общественной опасности деяния, которая выступает критерием для категоризации преступлений (ч. 1 ст. 15 УК РФ). Законодатель отнес преступления, предусмотренные ст. 318, 319 УК РФ, к различным категориям тяжести.

Так, применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей (ч. 1 ст. 318 УК РФ) является преступлением средней тяжести, а применение насилия, опасного для жизни

или здоровья, в отношении указанных лиц (ч. 2 ст. 318 УК РФ) представляет собой тяжкое преступление; оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) законодатель относит к преступлениям небольшой тяжести.

Как видим, отправной точкой в решении обозначенного вопроса является категория «общественная опасность», которая, по справедливому замечанию Ю.И. Ляпунова, носит в уголовном праве универсальный характер [2, с. 3–20].

Данная категория неоднократно упоминается в уголовном законе: в определении понятия преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ); в формулировке невменяемости (ч. 1 ст. 21 УК РФ); в характеристиках форм и видов вины (ст. 25, 26 УК РФ) и т.д. [3, с. 266–268].

Однако в самом уголовном законе понятие «общественная опасность» не раскрывается, в связи с чем в целях уяснения названной категории следует обратиться к соответствующим доктринальным разработкам.

По мнению А.И. Марцева, «общественную опасность можно определить как свойство каждого преступления в отдельности и всех преступлений, вместе взятых, производить в обществе существенные отрицательные социальные изменения: нарушение безопасности жизненно важных интересов человека, общества и государства» [4, с. 6].

А.В. Наумов утверждает, что «общественная опасность – это способность предусмотренного уголовным законом деяния причинять существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (интересам)» [5, с. 65].

Практически аналогично рассуждает и Б.В. Яценко, который считает, что общественная опасность – это способность человека причинять существенный вред охраняемым уголовным законом социальным ценностям [6, с. 52].

Подобной точки зрения придерживается и И.Г. Соломоненко: «Общественная опасность – это свойство деяния причинить или создать реальную угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом отношениям и интересам» [7, с. 53].

При этом общественная опасность применительно к конкретным преступлениям является не каким-то абстрактным понятием, а представляет собой объективное свойство определенного деяния, которое отражает его социально-юридическую сущность.

Характер и степень общественной опасности каждого преступления индивидуальны, не образуют исключения и преступления, регламентированные ст. 318 и 319 УК РФ.

В юридической литературе по вопросам общественной опасности применения насилия в отношении представителя власти и его оскорбления высказываются различные соображения. Так, по мнению А.Г. Брагиной, при совершении такого преступления, как оскорбление представителя власти, происходит разрушение сложившихся стереотипов и интересов в обществе, находящихся под охраной уголовного закона, а преступная деятельность наглядно демонстрирует негативную направленность виновного лица, его пренебрежение к охраняемым общественным отношениям, возникающим по поводу обеспечения и охраны поряд-

ка управления. Все это в итоге, по мнению автора, приводит к игнорированию деятельности представителей государственной власти и разрушению социально полезных связей – гаранта управленческой деятельности представителя власти и реализации своих профессиональных обязанностей в обществе [8, с. 39].

Не в меньшей мере сказанное, на наш взгляд, можно отнести и к такому преступлению, как применение насилия в отношении представителя власти. В то же время факт игнорирования деятельности представителей власти посредством совершения преступлений, предусмотренных ст. 318, 319 УК РФ, – это лишь одна из составляющих в комплексной характеристике общественной опасности применения насилия в отношении представителя власти и его оскорбления. Вместе с тем, игнорирование деятельности представителей власти, а отсюда и нарушение соответствующих социально полезных связей присущи не только исследуемым преступлениям, но и некоторым административным правонарушениям.

К таковым относится неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, уполномоченных на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы (ст. 19.3 КоАП РФ).

А.Ю. Кизилев отмечает, что рассматриваемые деяния, как и некоторые другие преступления против порядка управления, посягают на исключительно значимые для общества виды государственной деятельности, в результате чего снижается качество государственно-властной деятельности. «Это, в свою очередь, – указывает автор, – сказывается на эффективности выполнения государством своих общественных функций и, в конечном итоге, может привести к подрыву его авторитета» [9, с. 31]. Более того, противодействие представителям власти является крайне отрицательным явлением, направленным на дезорганизацию государственного управления и снижение уровня защищенности прав граждан [10, с. 4].

Однако, по нашему мнению, особой теоретической ценностью обладают тезисы М.Х. Сулайманова об общественной опасности исследу-

емых преступлений. Он верно указывает, что совершение данных преступлений препятствует нормальной деятельности органов государственной власти, может причинить ущерб их авторитету и престижу, препятствует представителям власти при принятии ими необходимых мер для пресечения правонарушений и задержания виновных, наконец, причиняет вред здоровью и достоинству этих лиц либо создает угрозу непосредственного причинения им вреда. Одновременно (и немаловажно) для этих преступлений характерно то, что они в большинстве случаев совершаются не сами по себе, а выступают как продолжение других правонарушений: хулиганства, посягательств на личность, собственность и т.д. [11, с. 26–27].

Действительно, применение насилия в отношении представителя власти и его оскорбление, как правило, связаны с фактом совершения виновным других, преимущественно общеуголовных преступлений либо административных правонарушений. По мнению В.М. Мамакиной, общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 318 и 319 УК РФ, увеличивается за счет их взаимосвязи с иными правонарушениями [12, с. 21–24].

Не менее интересной позиции придерживается Е.Л. Таможник, утверждающий, что общественная опасность рассматриваемых деяний «определяется двумя моментами. Во-первых, данные преступления посягают на законную деятельность представителей власти, что препятствует охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Связь между законной деятельностью представителей власти и состоянием общественного порядка и общественной безопасности обуславливает повышенную общественную опасность этих преступных посягательств. Рассматриваемые преступления отрицательно сказываются на пресечении правонарушений и

их предупреждении. Во-вторых, преступления против деятельности представителей власти посягают на их личность» [13, с. 21].

Идею Е.Л. Таможника о связи исследуемых преступлений с преступлениями (правонарушениями), им предшествующими, развивает И.Е. Сулейманова и, как видно, акцентирует внимание еще и на том, что повышенная общественная опасность преступлений против законной управленческой деятельности представителей власти предопределена их отрицательным влиянием на предупреждение правонарушений [14, с. 29–33].

Таким образом, применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) характеризуются достаточной для криминализации общественной опасностью, которая обусловлена, прежде всего, тем, что данные преступления:

1) подрывают авторитет государственной власти, ее статус в общественных отношениях, что снижает эффективность функционирования государственной власти, в том числе эффективность предупреждения различных правонарушений;

2) посягают на личность представителя власти (конкретного человека, выступающего носителем государственной власти), его здоровье, честь или достоинство;

3) взаимосвязаны с общеуголовными преступлениями или иными правонарушениями, которые, как правило, предшествуют фактам применения насилия в отношении представителя власти или его оскорбления.

Именно это основание является одним из составляющих социально-правовой обусловленности уголовно-правовой охраны здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителя власти.

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учеб. / под ред. А.И. Чучаева. М., 2013.

2. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права: учеб. пособие. М., 1989.

3. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1: Преступление и наказание. СПб., 2008.

4. Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000.

1. Criminal law of the Russian Federation. General and Special parts: textbook / ed. by A.I. Chuchaev. Moscow, 2013.

2. Lyapunov Yu.I. The public danger of acts as a universal category of the Soviet criminal law: study aid. Moscow, 1989.

3. Complete course of criminal law: in 5 vol. / ed. by A.I. Konobeev. Vol. 1: Crime and punishment. St. Petersburg, 2008.

4. Martsev A.I. General issues in teaching about the crime. Omsk, 2000.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.В. Наумов. М., 1996.
6. Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. для вузов / под общ. ред. М.П. Журавлёва и С.И. Никулина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
7. Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. / под ред. А.В. Наумова. М., 2007.
8. Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006.
9. Кизилев А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002.
10. Третьяков К.В. Уголовная ответственность за насилие в отношении представителя власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.
11. Сулайманов М.Х. Уголовно-правовая борьба с преступлениями, посягающими на деятельность представителей власти и общественности по охране общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1984.
12. Мамакина В.М. Уголовно-правовая регламентация ответственности за унижение чести и достоинства представителя судебной власти // Вестн. Волжск. ун-та им. В.Н. Татищева. 2010. Вып. 2(73).
13. Таможник Е.Л. Преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006.
14. Сулейманова И.Е. Особенности квалификации оскорбления представителя власти // Вестн. Уфим. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 2(64).
5. The commentary to the Criminal code of the Russian Federation / ed. by A.V. Naumov. Moscow, 1996.
6. Criminal law. General and Special parts: textbook for high schools / gen. ed. by M.P. Zhuravlev and S.I. Nikulin. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, 2007.
7. Modern criminal law. General and Special parts: textbook / ed. by V.A. Naumov. Moscow, 2007.
8. Bragina A.G. Criminal liability for insulting a representative of authorities: diss. ... Master of Law. Krasnoyarsk, 2006.
9. Kizilov A.Yu. Criminal-legal support of management activities of authorities: diss. ... Master of Law. Ulyanovsk, 2002.
10. Tretyakov K.V. Criminal liability for violence against a representative of authorities: auth. abstr. ... Master of Law. Samara, 2009.
11. Sulaymanov M.H. Criminal law to combat crimes against the activity of representatives of the authorities and the public on the protection of public order: diss. ... Master of Law. Tashkent, 1984.
12. Mamakina V.M. Criminal-legal regulation of responsibility for the indignity of honor and dignity of the representative of the judiciary // Vestnik of Volzhsky university of V.N. Tatischev. 2010. Iss. 2(73).
13. Tamozhnik E.L. Crimes against the legitimate activities of the authorities: criminal-legal and criminological aspects: diss. ... Master of Law. Tambov, 2006.
14. Suleymanova I.E. Particular qualifications insult of representative of power // Journal of Ufa law institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2014. № 2(64).

### Уважаемые коллеги!

Доводим до Вашего сведения, что отправка автором материала (статьи) в адрес редакции журнала «Общество и право» с предложением опубликовать статью в данном периодическом издании расценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала «Общество и право», который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт); публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

переделывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

Редакционной политикой редакции журнала «Общество и право», соответствующей законодательству Российской Федерации об авторских и смежных правах, предусмотрено право автора запретить редакции использовать материалы, предоставленные для публикации в данном издании, для воспроизведения их в других журналах и газетах редакции, а также в иных изданиях и справочных правовых системах.

Запрет автора на публикацию статьи в иных изданиях и справочных правовых системах должен быть выражен таким образом, из которого явно следует несогласие автора на использование материалов в иных изданиях. Во всех иных случаях направление автором статьи на опубликование в журналах редакции расценивается как согласие автора с редакционной политикой журнала «Общество и право» и вышеперечисленными условиями.

## ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

### *Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.*

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

- 1) фамилия, инициалы автора;
- 2) название источника;
- 3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;
- 4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);
- 5) год издания;
- 6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);
- 7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

### ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

#### КНИГИ

Иванов И.И. Синтаксис. М., 1990.

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

#### СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ, СБОРНИКЕ, ГАЗЕТЕ

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.



**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ  
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации  
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий  
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946  
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 29.05.2015  
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 40,1  
Тираж 1050 экз. Заказ 265  
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе  
Краснодарского университета МВД России  
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,  
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128  
тел.: +78612583249